СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

2

1968

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год

№ 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА — 1968

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский, главный редактор,
С. Н. Бибиков, *В. Д. Блаватский*, *М. К. Каргер*,
Е. И. Крупнов, *Б. Б. Пиотровский*, *Б. А. Рыбаков*,
А. П. Смирнов (зам. главного редактора)

Ответственный секретарь *С. А. Плетнева*

Адрес редакции:
Москва, В-36, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Статьи

Ю. А. КРАСНОВ

О ВОЗНИКНОВЕНИИ ПАШЕННОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ЛЕСНОЙ ПОЛОСЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Разрешение вопроса о времени появления пашенного земледелия на той или иной территории наталкивается на очень большие трудности, ибо в настоящее время известно еще крайне мало находок древних плугов[1], их изображений или следов древних пашен, и обнаруживаются они, в силу ряда специфических причин, далеко не во всех районах, где можно предполагать наличие пашенного земледелия. Вряд ли можно надеяться и на значительное увеличение таких находок в будущем. Установление же ранней даты пашенного земледелия по дате находок первых железных наконечников пахотных орудий далеко не всегда правомерно, ибо древнейшие плуги изготовлялись целиком из дерева и не имели металлических частей.

Между тем для лесной полосы европейской части СССР вопрос решается именно таким образом. Общепринятой является датировка появления пашенного земледелия здесь второй половиной I тысячелетия н. э., что обосновывается первыми находками железных наральников[2]. Только Х. А. Моора на основании главным образом лингвистических данных относил появление пашенного земледелия в Прибалтике к более раннему времени[3], а О. Н. Мельниковская делала такое же предположение относительно племен милоградской культуры[4]. Традиционная датировка распространения пашенного земледелия в лесной полосе была поколеблена работами Б. А. Шрамко о древних деревянных плугах, найденных на южных окраинах лесной полосы и в сопредельных районах лесостепи[5]. Однако эти находки не дают возможности судить ни о том, были ли плуги из Сергеевска, Жабчичей и Токарей древнейшими на этой территории, ни о том, как далеко на север и восток, в другие районы лесной полосы распространялось в раннем железном веке пашенное земледелие.

Есть ли возможность хотя бы в форме более или менее обоснованной гипотезы разрешить этот вопрос, не имея в наличии подлинных остатков древних плугов, их деталей или других прямых свидетельств употребле-

---

[1] Здесь и далее слово «плуг» употребляется в широком смысле, как всякое упряжное пахотное орудие.

[2] П. Н. Третьяков. Сельское хозяйство и промыслы. В кн.: История культуры древней Руси. I, М.-Л., 1951, стр. 56; его же. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 266; А. В. Кирьянов. История земледелия Новгородской земли X—XII вв. МИА 65, 1959, стр. 315; В. П. Левашова. Сельское хозяйство. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.» Тр. ГИМ, XXXII, 1956, стр. 21; В. І. Довженок. Землеробство древньої Русі. Київ, 1961 и др.

[3] Х. А. Моора. Возникновение классового общества в Прибалтике. СА, XVII, 1953; его же. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых других народов в свете данных археологии. ВЭИЭН, Таллин, 1955.

[4] О. Н. Мельниковская. Милоградская культура. КСИА АН СССР, 94, 1963, стр. 13, 14.

[5] Б. А. Шрамко. К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе. СА, 1961. 1; его же. Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника. СА, 1964, 4.

ния упряжных пахотных орудий? Нам кажется, что такая возможность имеется, и искать ее надо на пути выделения по этнографическим и археологическим данным таких культурных явлений, которые, с одной стороны, бесспорно сопутствуют пашенному земледелию и не встречаются у племен, не знающих такового, а с другой стороны — в значительном количестве представлены в археологическом материале. Речь идет, таким образом, о выделении некоторых черт культурно-хозяйственного типа древних племен, знакомых с пашенным земледелием. Для нашей темы наибольший интерес представляют такие культурные явления, как эволюция орудий уборки урожая и употребление колесных повозок. Это заставляет сделать отступление от основной темы и обратиться к этнографическим материалам и археологическим данным, относящимся к другим территориям, где следы употребления упряжных пахотных орудий в древности относительно многочисленны.

I

Обратимся сначала к некоторым этнографическим данным.

Тесная связь эволюции уборочных орудий с развитием земледелия очевидна. Этнографии известны четыре основных типа ручных орудий, применяемых для уборки урожая хлебных злаков: обычные неспециализированные ножи, жатвенные ножи, как правило, с прямым лезвием, серпы, отличающиеся от жатвенных ножей значительной изогнутостью лезвия и определенным положением рукоятки, и, наконец, различных типов косы. Известны и многочисленные примеры уборки урожая без применения каких-либо орудий, когда колосья срывались руками или выдергивались с корнем. Все эти способы можно рассматривать как определенные исторические ступени развития техники уборки урожая, находящиеся в прямой зависимости от уровня развития земледелия, размеров засеваемых площадей, от того значения, которое имело земледелие в том или ином обществе. При этом по этнографическим данным наблюдается, что уборка урожая без применения орудий, при помощи неспециализированных или жатвенных ножей применяется как народами, не знающими употребления плуга[6], так и народами, знакомыми с ним, но у которых земледелие не играет ведущей роли в хозяйстве[7]. В то же время настоящие серпы, как и косы (последние в данном случае нас интересовать не будут, ибо они стали применяться для уборки урожая хлебных злаков относительно поздно), не встречаются у народов с бесплужным земледелием, даже стоящем на весьма высоком уровне развития[8], но характерны для народов с пашенным земледелием. Единственным известным нам исключением является употребление бронзовых серпов древними мексиканцами (по данным XVI в.)[9]. Однако при этом следует учитывать высокий уровень их земледельческой культуры и тот факт, что до прихода европейцев в Америке не было пригодных для употребления в качестве тягловой силы

[6] Например, у народов северного Алтая (Л. П. Потапов. Разложение родового строя у племен Северного Алтая. ИГАИМК, 128, 1935, стр. 72, 76), иртышских хантов (Народы Сибири. М.— Л., 1956, стр. 334), айнов (I. Batchelor. The Ainu of Japan. London, 1892, стр. 40), ряда народов Африки (W. G. Beck. Beiträge zur Geschichte der afrikanischer Feldarbeit. Studien zur Kulturkunde, 8, Stuttgart, 1943, карта 10; H. Baumann. Zur Morphologie des afrikanischer Ackergeräte. Wiener Beitgräge zur Kulturgeschichte und Linguistik, 6, 1944, стр. 292 сл.) и юго-восточной Азии (H. Kothe. Die Völkerkundliche Agrarforschung im Rahmen der Ethnohistorie, EAF, IV, 1958, стр. 61) и др.

[7] Например, у киргизов Урянхайского края в VIII в. (по данным Иакинфа Бичурина), некоторых групп алтайцев (Л. П. Потапов. Ук. соч., стр. 76; Народы Сибири, стр. 334), тувинцев (Народы Сибири, стр. 432), многих племен Аравии, Сирии, Йемена, Иордании (Народы Передней Азии. М., 1957, стр. 389, 421, 455, 500). Уборка урожая без применения орудий иногда применялась даже русскими крестьянами (D. Zelenin. Russische (Ostslavische) Volkskunde. Berlin — Leipzig, 1927, стр. 32).

[8] H. Kothe. Ук. соч., стр. 60, 61.

[9] Народы Америки. II, М., 1959, стр. 282.

животных, так что это исключение скорее подтверждает правило. Не может быть принято во внимание и применение железных серпов при подсечном земледелии у ряда народов Европы, ибо этнографические данные об этом относятся лишь к тому периоду, когда пашенное земледелие господствовало у всех этих народов, а подсека была лишь дополнением к нему. Этнографический материал, таким образом, определенно указывает на то, что серпы в качестве уборочных орудий (в этнографическом материале — металлические) характерны лишь для земледелия с применением упряжных пахотных орудий. Это и естественно. Пашенное земледелие даже в своей примитивной форме должно было привести к значительному расширению посевных площадей, что не могло не сказаться на изменении техники уборки урожая. И если народы с бесплужным земледелием знают самые разнообразные, в том числе и весьма совершенные, типы жатвенных ножей, то с появлением плуга мы можем предполагать и появление более совершенного орудия уборки урожая — серпа.

По-видимому, таким же сопутствующим пашенному земледелию культурным явлением следует считать и употребление колесных повозок. Древнейшими известными археологии повозками являются двух- и четырехколесные повозки с колесами без спиц, какие и сейчас применяются некоторыми народами для транспортировки сельскохозяйственных продуктов [10]. По этнографическим данным, ареал распространения колесных повозок почти точно совпадает с ареалом распространения плужного земледелия [11]. Исключение составляет знакомство с колесными повозками кочевников евразийских степей, которые могли познакомиться с ними еще до перехода к кочевой форме хозяйства. Колесным повозкам предшествовали иные упряжные транспортные средства — различного вида волокуши и сани, в которых запрягали быков. Их появление Х. Коте, на основании убедительных этнографических и археологических данных, относит ко времени наиболее интенсивного бесплужного земледелия, а появление колесных повозок связывает со временем распространения плуга [12]. На связь между распространением колесных повозок и появлением пашенного земледелия указывали многие авторы. Так, Э. Хан, а за ним К. Ваале отмечали, что колесные повозки составляют неотъемлемую часть культуры знакомых с плужным земледелием народов [13]. Б. А. Латынин, анализируя в одной из своих работ находки повозок эпохи бронзы на юге нашей страны, приходит к выводу, что «и возникнуть, и столь долго сохраняться эти повозки могли только в условиях земледельческого хозяйства», причем настолько развитого, что в этой связи «нельзя, видимо,... не поставить вопроса о применении в эту эпоху (ранней бронзы.— *Ю. К.*) тягловой силы быков в ярме для пахоты каким-то бороздящим землю деревянным пахотным орудием» [14].

Совпадение по времени (в рамках одного исторического периода) появления первых плугов, серпов и колесных повозок можно проследить и по археологическим материалам для тех районов, где имеются прямые свидетельства об употреблении плугов в древности. Действительно, если древнейшее изображение плуга мы находим среди знаков урукского пиктографического письма [15], то среди тех же пиктограмм имеются знаки, истолковываемые как изображения изогнутого серпа, по-видимому, металлического [16], и первых колесных повозок, применявшихся еще наряду

[10] E. Werth. Grabstock, Hacke und Pflug. Ludwigsburg, 1954.
[11] E. Werth. Ук. соч., карты XV и XIX.
[12] H. Kothe. Verbreitung und Alter der Stangenschliefe. EAF, I, 1953, стр. 74—96; его же. Die völkerkundliche Agrarforschung..., стр. 102—105.
[13] RL, XI, стр. 9, XIV, стр. 233.
[14] Б. А. Латынин. К вопросу об уровне развития производительных сил в эпоху ранней бронзы. КСИИМК, 70, 1957, стр. 12, 13.
[15] Г. Чайльд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 201, рис. 64, 1.
[16] Г. Чайльд. Ук. соч., рис. 64, 7.

с санями-волокушами[17]. На это же указывает и европейский археологический материал. Древнейшим свидетельством знакомства населения южной части Восточной Европы плугом является стела из кургана Бахчи-Эли близ Симферополя, среди рисунков которой имеется изображение двух прямогрядильных рал. Стела была обнаружена Н. А. Эрнстом[18], впервые опубликована М. А. Тальгреном[19], давшим правильное истолкование ее изображений. Впоследствии рисунки стелы не раз являлись предметом исследования, но об изображении рал на ней не упоминалось[20]. Сомнения в том, что среди изображений стелы имеются изображения пахотных орудий, высказанное Б. Брентьесом[21], нельзя считать обоснованными, и ответ на них уже дан в литературе Х. Коте[22] и Б. А. Шрамко[23], Б. А. Шрамко, вновь опубликовав более качественные изображения стелы и ее рисунков, высказал предположение, что здесь изображена целая сцена, связанная с земледельческим культом[24]. Все исследователи стелы единодушно относят ее ко времени катакомбной культуры, которая обычно датируется первой половиной II тысячелетия до н. э. Однако при этом нельзя не учитывать, что нижняя дата ее еще недостаточно обоснована. В смысле необходимости удревнения даты начала катакомбной культуры высказался А. Я. Брюсов[25], опираясь на изменение, по В. Милойчичу[26], даты булавок с молоточкообразным навершием. Едва ли будет ошибкой поэтому датировать симферопольскую стелу концом III — началом II тысячелетия до н. э. К этому же времени относятся и древнейшие в Восточной Европе находки колесных повозок в курганах Сторожевая могила[27], у с. Аккермень близ Мелитополя[28], «Три брата» у г. Элисты[29], в Ульском кургане № 8[30], и ряд других еще не опубликованных находок. Изображения колесных повозок имеются и среди рисунков Каменной могилы в Приазовье, которые могут быть датированы первой половиной II тысячелетия до н. э.[31].

Древнейшие данные об употреблении плуга в Южной Европе относятся также к концу III — началу II тысячелетий до н. э. Наиболее ранними являются значки на критских глиняных табличках из Кносса[32]. К несколько более позднему времени относятся наскальные изображения в Приморских Альпах (Вал-Фонтанальба и Вал-делла-Меровигле), относя-

---

[17] V. G. Childe. The Diffusion of Wheeled Vehiceles. EAF, II, 1954, стр. 3, рис. 1.

[18] Н. А. Эрнст. Летопись археологических разведок и раскопок в Крыму за 10 лет (1921—1930). ИТОИАЭ, IV, 1930, стр. 76, 79.

[19] A. M. Tallgren. La Pontide prescythique apres l'introduction des metaux. ESA, II, 1926, рис. 36 B, *6*.

[20] А. А. Формозов. Материалы к изучению искусства эпохи бронзы на юге СССР. СА, 1958, 2; А. А. Щепинский. Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму. СА, 1963, 3.

[21] B. Brentjes. Untersuchungen zur Geschichte des Pfluges. WZ, 1953—1954, III, 2, стр. 395, 396.

[22] H. Kothe. Die völkerkundliche Agrarforschung..., стр. 84, 85.

[23] Б. А. Шрамко. Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника, стр. 98, 99.

[24] Там же, стр. 99.

[25] А. Я. Брюсов. Об экспансии культур с боевыми топорами в конце III тысячелетия до н. э. СА, 1961, 3, стр. 24, 25.

[26] V. Milojčič. Zur Zeitstellung der Hammerkopfnadel. «Germania», 33, 1955, стр. 242.

[27] А. И. Тереножкин. Скифская Днепровская правобережная экспедиция. КСИИМК, XXXVIII, 1951.

[28] А. И. Тереножкин. Раскопки курганов в долине р. Молочной. КСИИМК, 63, 1956.

[29] И. В. Синицын. Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья. СА, X, 1948; Б. А. Латынин, Ук. соч., стр. 7—9.

[30] ОАК за 1909—1910 гг., стр. 154, рис. 228.

[31] В. М. Гладилин. До питання про вік наскельних рисунків Камъяной могили. Археологія, XVI, 1964, рис. 2.

[32] A. Y. Evans. Scripta Minoa, 1, Oxford, 1909, стр. 190; B. Brentjes. Ук. соч., WZ, 1952—1953, II, 10, стр. 461.

щиеся к эпохе ранней бронзы [33] и еще более поздние наскальные рисунки из Вал Камоника в Северной Италии, которые П. Глоб датирует от 1000 до 500 г. до н. э.[34]. По-видимому, к эпохе бронзы относится и плуг, найденный на свайном поселении Лаго ди Ледро в Северной Италии [35]. Тем же, во всяком случае не более ранним, временем датируются и древнейшие данные о появлении в этих районах колесных повозок: модель повозки из Палиакастро (Крит) относится, по Чайльду, к 2200—1800 гг. до н. э., по Ханчару, к 1900 ± 100 лет до н. э.; находки в свайных поселениях Кастионе и Меркурадо в Северной Италии Чайльд датирует 1750—1250 гг. до н. э., Ханчар — 1100 ± 200 лет до н. э.[36]. Ко II тысячелетию до н. э. относятся и изображения колесных повозок в Лигурийских Альпах [37]. Древнейшая находка такого рода в материковой Греции (Микены) Ханчаром датируется временем около 1500 г. до н. э. [38].

Значительным количеством данных об употреблении плугов и колесных повозок в древности мы располагаем относительно северо-запада и севера Европы. Древнейшим свидетельством об употреблении плуга здесь следует считать следы пашни под насыпью кургана культуры одиночных погребений в Алдрупе (Северная Ютландия) [39]. Курган обычно датируется XVIII—XVII вв. до н. э., хотя он может быть и древнее, учитывая, что дата появления здесь культуры боевых топоров, полученная радиокарбонным методом, указывает на конец III тысячелетия до н. э. (2485 ± 320 и 2245 ± 120) [40]. Возможно, что к этому же времени относятся следы пашен под курганами в Гастерне (Голландия) [41] и Севеле (Ютландия) [42]. К несколько более позднему времени ранней бронзы относятся следы пашен в Вестерлунде [43], Скридструпе [44], Слотс-Бьерби [45] (Ютландия), на о. Амрум [46] и в Хунне [47] (Норвегия). К эпохе ранней бронзы в этих районах относятся и некоторые находки древних плугов: (Сварварбо, Валле), к концу бронзового века — наскальные изображения плугов в Южной Швеции и находка фрагмента плуга в Лооне (Голландия) [48]. И в этом районе Европы колесные повозки появляются одновременно с плугом. Наиболее древние остатки деревянных колес, найденных в Голландии, радиокарбонным методом датированы 2160 ± 55 и 2010 ± 80 гг. до н. э. [49], причем они интерпретируются здесь как принадлежащие к одному из вариантов культуры шнуровой керамики, что особенно интересно, учитывая следы плуга

[33] C. Bicknell. Le figure incies sulle rocce die Van Fontanalbe. Atti della Societa Linguistica di scienze naturale geografiche, VIII, 1897.

[34] P. V. Glob. Plovbilder i Val Camonica. Kuml, 1954, стр. 7—17.

[35] H. Kothe. Volkerkundliches zur Frage der neolithischer Anbauformen in Europa, EAF, I, 1953, рис. 7.

[36] V. G. Childe. Ук. соч., стр. 10; F. Hancar. Das Pferd in prähistorischer und früher historischer Zeit. Wien — München, 1956, стр. 412, табл. 56.

[37] P. V. Glob. Plovbilder i Val Camonica, рис. 3; F. Hancar. Ук. соч., стр. 412, табл. 56.

[38] F. Hancar. Там же.

[39] P. Kjaerum. Striber på Krids og tvaers. Om plovfurer under en jysk stenalderhoj. Kuml., 1954, стр. 18—29.

[40] R. Pittioni. Die Bedeutung der Radiokarbonaten für die Urgeschichte. Anzeiger der philosophisch — historische Klasse der Österreichischen Akademie der Wissenschaften., 1957, 16. Wien, стр. 246, 247.

[41] A. F. van Giffen. Ouedheidkundige aanteekeningen over Drentsche fonsted. «Niewe Drenschte Volksalmanak», VIII, 1941, стр. 29 сл.

[42] M. Orsnes — Christiensen. En grovhoj i Sevel sogn. Kuml., 1952, стр. 9—31.

[43] G. Hatt. Forhistoriske Plovfurer i Julland. Aarböger for nordisk Oldkyndighed og Historie. 1941, стр. 161 сл.

[44] C. I. Becker. Bronzealderhöje ved Skridstrup. Fra Nationalumssets Arbeidsmark. Kobenhavn, 1946, стр. 30—38.

[45] P. V. Glob. Slots Bjergby Höje. Fra Nationalmuseets Arbeidsmark. Kobenhavn, 1947, стр. 75 сл.

[46] Offa, 13, 1954, стр. 17 сл.

[47] P. Kjaerum. Ук. соч., примечание 11.

[48] P. V. Glob. Ard og Plov i Nordens Oldtid. «Aarus», 1951, стр. 22 сл.

[49] По сообщению проф. Ван-дер-Валса. Благодарю Н. Я. Мерперта, любезно предоставившего мне соответствующий материал.

под курганом культуры одиночных погребений в Алдрупе. Находка культовой модели повозки из Трундхольма (Дания), изображения повозок из Кивика, Богуслена, Финнторпа Ханчаром датируются 1100 ± 200 лет до н. э.[50], причем первая может быть отнесена и к середине II тысячелетия до н. э.[51]. Древними по форме и, очевидно, относящимися к эпохе бронзы являются находки колес из Диепхольца в Нижней Саксонии[52] и некоторые другие, основания для датировок которых еще незначительны. В эпоху поздней бронзы плуг, очевидно, был известен и в Англии[53], а первые свидетельства о появлении здесь колесных повозок Ханчар датирует 500 ± ± 100 лет до н. э.[54].

Древнейшие находки плугов в Центральной Европе восходят лишь к эпохе раннего железа (Даберготц, Виеворки, Папово, Бискупин и др.)[55]. Однако вряд ли можно сомневаться в значительно более раннем появлении здесь пашенного земледелия. Косвенным указанием на это могут служить находки фигурок, запряженных в ярмо быков из Кречницы-Яры близ Люблина[56] и Битина (Польша)[57]. Первая связывается с культурой воронковидных кубков, вторая относится примерно к тому же времени.

Ряд авторов видят в этих фигурках изображения быков, запряженных в ярмо для молотьбы. Но молотьба при помощи животных, с применением молотильной доски или без нее, характерна, по этнографическим данным, только для плужного земледелия[58]. Не ранее этого времени и древнейшие следы употребления колесных повозок в этой части Европы. Находка модели повозки из Будакалачского могильника (Венгрия), по Ханчару, датируется 1900 ± 100 гг. до н. э., по Чайльду — 2200—1800 гг. до н. э.[59]. Чайльд называет ряд находок глиняных моделей колес из Моравии и Словакии, которые он датирует временем около 1500 г. до н. э.[60]. Подобные находки часты и в ряде других районов Центральной Европы, хотя и не датируются достаточно точно[61].

Указанные археологические данные в сочетании с этнографическими материалами, на наш взгляд, достаточно убедительно свидетельствуют о том, что колесные повозки появляются одновременно с плугом, что незнакомые с плужным земледелием племена Европы не знали и употребления колесных повозок. Очевидно, оба этих культурных достижения возникли одновременно в одном центре и одновременно распространялись отсюда в другие области, чем и объясняется их совместное появление в Европе.

Уже в начале эпохи бронзы или даже при переходе к ней, когда пашенное земледелие распространилось в ряде обществ Европы от Эгейского моря до Скандинавии и от причерноморских степей до берегов Северного моря, происходят и значительные изменения в характере европейских жатвенных орудий, которые следует связывать с какими-то изменениями в технике сельского хозяйства, приведшими к значительному расширению

[50] F. Hancar. Ук. соч., стр. 412, табл. 56.
[51] RL, XIII, табл. 76.
[52] H. Kothe. Die völkerkundliche Agrarforschung, стр. 103.
[53] V. G. Childe. Prehistorie Communites of the British Isels. Edinburg, 1949, стр. 190 сл.
[54] F. Hancar. Ук. соч., стр. 412. табл. 56.
[55] P. V. Glob. Ard og Plov i Nordens Oldtic.
[56] H. Kothe. Die völkerkundliche Agrarforschung..., стр. 106, рис. 12.
[57] RL, IX, стр. 217.
[58] W. Stichler. Studien zur Landwirtschaft und Siedlungsgeographie Aphiopiens. «Erdkunde», 1948, 2 стр. 257—289; S. Lagerkranz. Contributions to the Ethnographie of Afrika. Studia Ethnographica Upsalensia. 1, Lund, 1950, стр. 19 сл.; H. Kothe Volkerkundliches zur Frage..., стр. 43.
[59] F. Hancar. Ук. соч., стр. 412, табл. 56; W. G. Chielde. The Diffusion of Wheeled Vehickles, стр. 10, 14.
[60] W. G. Chielde. Там же, стр. 4.
[61] RL, XIV, стр. 233.

посевных площадей. Если для неолита и энеолита Европы были характерны безрукояточные и рукояточные жатвенные ножи с прямым, иногда лишь слегка изогнутым лезвием, образованным одной или рядом заходящих друг за друга пластин [62], и только в некоторых районах юго-восточной Европы начинается переход к употреблению более изогнутых жатвенных вкладышевых орудий с лезвием из мелких односторонне обработанных пластин [63], то орудия, которые с полным основанием можно назвать настоящими серпами, распространяются в Европе лишь при переходе к эпохе бронзы [64], т. е. не ранее того времени, когда появляются и упряжные пахотные орудия. В этот период происходит замена пластинчатых вкладышей крупными, двухсторонне обработанными, причем лезвие, судя по форме вкладышей, получает значительный изгиб, появляются и получают широкое распространение, вытесняя вкладышевые, серпы полулунной и клювовидной формы, сделанные из цельного куска кремня, лезвие орудий тщательно обрабатывается, часто со специальным насечением ретушью зубцов [65]. Несмотря на значительное разнообразие серпов этого типа, определенную типологическую близость их можно отметить для всей территории Европы. Такие орудия были намного производительнее, чем самые совершенные жатвенные ножи, что доказывается и экспериментальными данными А. Стинсберга [66]. Для цельнокаменных изогнутых серпов этого типа можно применить разработанную В. П. Левашовой методику изучения механических свойств серпов посредством измерения углов резания [67]. Графики углов резания этих серпов близки к графикам углов резания ранних железных серпов. Полулунные и клювовидные цельнокаменные серпы появляются в Европе по крайней мере с XVIII в. до н. э., причем часто в комплексах культур шнуровой керамики [68], и доживают, наряду с бронзовыми, до конца эпохи бронзы, а кое-где — до начала железного века.

Распространение такого нового, более совершенного и производительного жатвенного орудия имеет место во всех тех районах, где известны и относящиеся к эпохе бронзы следы пашенного земледелия, что дает повод связывать их появление именно с распространением последнего. Они известны в южной части Польши [69], Германии [70], Дании [71], на юге Швеции

---

[62] A. Steensberg. Ancient Harvesting Implements. Kobenhavn, 1943, стр. 126 сл.; R. Ströbel. Die Feuersteingeräte der Pfahlbaukultur. Mannus — Bücherei, 66, Leipzig, 1939, стр. 39, 40, 52, 54, табл. 2, 4, 6, 31 и др.; V. von Ganzenbach. Die Kortallodkultur in der Schweiz. Basel, 1948, стр. 48, табл. 10, *3*, *7*; Г. Кларк. Ук. соч., стр. 369—387, рис. 1—3; F. Prošek., Srpi z mladsi dobi kamienne. Obzor prehistoricky, менов, Древнейшие каменные серпы. СА, XXI, 1957 и др.

[63] См., например, Г. Ил. Георгиев. За някой оръдия производства от неолита и енеолита в България. Изследования в чест на акад. Димитр Дечев. София, 1958, стр. 369—387, рис. 1—3; F. Prošek. Srpi z mladsi dobi kamienne. Obzor prehistoricky, XIII, Praha, 1946. Эти орудия явно продолжают традиции более ранних жатвенных ножей.

[64] Г. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953, стр. 117; A. Steensberg. Ук. соч., стр. 27.

[65] С. Н. Бибиков. Из истории каменных серпов в юго-восточной Европе. СА, 1962, 3, стр. 13, 24.

[66] A. Steensberg. Ук. соч.

[67] В. П. Левашова. Ук. соч.,

[68] С. Н. Бибиков. Ук. соч., стр. 22; H. Schroller. Die Stein und Kupferzeit Siebenbürgens. Berlin, 1933, стр. 65, 69; P. Reineke. Der spätikolithische Altheimer Kulturkreis. Der bayerische Vorgeschichtsfreund, 4, стр. 15, табл. V; Van Giffen. Grofheuvels te Zwaagdijk. West Frieselands Ond en Nieuw, XVII, 1944, стр. 175; A. Steensberg. Ук. соч., стр. 3—7 сл.; A. Oldenberg. Some Contubutions to the Earliest Historie of the Sickle. AAKв, III, 1932, стр. 221 и др.

[69] L. Koslowski. Mladsza epoka kamienna w Polsze. Lwow, 1924, стр. 86, 87, рис. 4; T. Sulimirski. Polska przedhistoryczna II, London, 1959, стр. 240—242.

[70] R. Beltz. Steinzeitliche Funde in Meklenburg. Jahrbücher der Vereins für meklenburgische Geschichte und Altertumskunde, 63, Swerin, 1848, стр. 55 сл.

[71] A. Steensberg. Ук. соч., табл. 1.

и Норвегии[72], в Голландии[73], Англии[74], Северной Швейцарии[75]. В Северной Италии в начале эпохи бронзы распространяются серпы типа Сольферино, оснащенные крупными двухстороннеобработанными вкладышами[76]. Такие серпы встречены и в Испании, где нет данных об употреблении в эпоху бронзы плугов, но имеются данные об использовании колесных повозок. Ранние жатвенные орудия из Северного Причерноморья и Северного Кавказа изучены пока крайне слабо, однако можно предполагать, что и здесь уже в конце энеолита — начале эпохи бронзы появились типы изогнутых серпов, оснащенных крупными двухстороннеобработанными вкладышами и цельнокаменные с изгибом лезвия[77].

Наиболее ранние бронзовые серпы в Европе появляются также в начале эпохи бронзы и встречаются прежде всего в тех районах, для которых имеются прямые или косвенные указания на употребление в эту эпоху упряжных пахотных орудий: в Греции[78], Северной Италии, Средней и Северной Европе[79]. Имеются данные о происхождении по крайней мере некоторых из типов бронзовых серпов от каменных полулунной и клювовидной формы[80], ареал распространения которых в значительной мере совпадает с распространением ранних бронзовых серпов. Все это позволяет считать, что уже самые ранние бронзовые серпы в Европе возникли в условиях существования пашенного земледелия.

Появление металлических серпов не ранее (а обычно несколько позднее) распространения упряжных пахотных орудий можно проследить и для ряда других районов, например для Кавказа и Закавказья. Первые бронзовые серпы встречаются здесь в конце эпохи бронзы[81]. В этот же период известны находки молотильных досок[82], употребление которых, как уже указывалось, связывается с пашенным земледелием.

Железные серпы в Средней и Западной Европе появляются в то время, когда пашенное земледелие имело здесь уже длительную историю и было распространено, по-видимому, повсеместно. Первые железные серпы в Восточной Европе появляются на юге лесной полосы и в прилегающих районах лесостепи в скифское время, т. е. именно в то время, к которому относятся и древнейшие в этом районе находки плугов. Железные серпы в Среднем Поволжье и Прикамье появляются одновременно с находками железных ральников, бесспорно свидетельствующих о наличии пашенного земледелия[83].

Нельзя признать случайным совпадение приведенных выше данных этнографии и археологии о том, что употребление определенных типов каменных, а также бронзовых и железных серпов и колесных повозок свой-

---

[72] A. Oldenberg. Ук. соч., рис. 8, 9; A. Steensberg. Ук. соч., табл. 1.

[73] A. E. van Giffen. Grafheuvels te Zwangdijk, рис. 37, 38.

[74] G. Clark. The Curved Sickle Blodes of Britain. Procicedens of the Prehistoric Society of Eost Anglia, VIII; E. Curven. Plogh and Pasture. London, 1946, рис. 14, 3.

[75] R. Ströbel. Ук. соч., карта 6.

[76] Г. Кларк. Ук. соч., стр. 117.

[77] А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика. МИА. 3. 1941, стр. 178—179; Н. В. Сибилев. Древности Изюмщины. Изюм, 1926, табл. XVI; Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. Тр. ГИМ, 24, 1955, стр. 155.

[78] O. Monteelius. La Grece preclassique, I, Stokholm, 1924, рис. 49; G. Childe. The Balanced Sickle. Aspects of archeology in Britain, London, 1951, стр. 43.

[79] RL, II, табл. 41, табл. 74 *c*; IX, табл. 194 *4*; XI, табл. 129, *12*, табл. 84, *V*; XII, стр. 72 и др.

[80] В. Данилевич. Цікавий серп. Антропологія, Київ, 1928; A. M. Tallgren. Ук. соч., стр. 189, 193; H. N. Savory. The Atlantic Bronre Age in South — West Europe. Prehistoric Society, XV, 1949, стр. 128 сл., рис. 6, *5—6*, карта, рис. 2, 3.

[81] А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки конца медно-бронзового века. МИА. 23, 1951, стр. 90—92, 108—118; Т. А. Бунятов. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку, 1957, стр. 42, 43.

[82] Т. А. Бунятов. Ук. соч., стр. 83 сл.

[83] Ю. А. Краснов. Из истории железных серпов в лесной полосе Европейской части СССР. КСИА АН СССР, 107, 1965.

ственно лишь народам, знакомым с применением упряжных пахотных орудий. Очевидно, мы имеем дело здесь с определенной исторической закономерностью. Но отсюда мы вправе сделать вывод, что показателем знакомства тех или иных племен с пашенным земледелием в археологическом материале могут быть массовые находки серпов и следы употребления колесных повозок даже и в тех случаях, когда в распоряжении археолога нет находок древних плугов, их изображений или следов древних пашен. Однако этнографические данные показывают, как уже отмечалось выше, что обратной связи здесь нет: отсутствие серпов или колесных повозок у тех или иных племен не обязательно должно свидетельствовать о незнакомстве с пашенным земледелием, что делает весьма условными те границы распространения пашенного земледелия, которые даются на прилагаемых картах.

Исходя из этой точки зрения, обратимся собственно к предмету нашего исследования — к возникновению пашенного земледелия в лесной полосе Восточной Европы.

II

Как уже говорилось выше, наличие пашенного земледелия отмечается для территории Северного Причерноморья уже в конце энеолита — начале эпохи бронзы. Если это так, то тем более оно было знакомо и срубным племенам, достигшим наиболее высокого уровня развития оседлоземледельческого хозяйства в эпоху бронзы, на основании чего ими были освоены обширные территории с различными природными условиями, от степей до южных окраин леса [84]. Все перечисленные культурные явления, которые мы связываем с пашенным земледелием, имелись и в срубной культуре. Срубники создали свой очень совершенный тип бронзового серпа, распространенный на всей занимаемой ими территории, причем эти серпы применялись весьма широко [85]. Только в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье их найдено более 50 экземпляров (рис. 1). Здесь они являются едва ли не самым распространенным видом металлических изделий этого времени, что указывает на их большую роль в хозяйстве. Это следует объяснять не только наличием здесь меднорудной базы, но и природными условиями лесостепи и южной окраины лесов, благоприятствующими развитию земледелия. Срубные бронзовые серпы появляются уже на раннем этапе развития этой культуры [86]. По своим механическим качествам срубные серпы не уступают бронзовым серпам из тех районов Западной и Средней Европы, где наличие пашенного земледелия в эпоху бронзы документируется находками плугов.

Трудно предположить, что срубные племена не знали употребления колесных повозок, которые были известны на занимаемой ими территории как в более раннее, так и в более позднее время. На знакомство срубников с этим видом транспорта могут указывать находки глиняных моделей колес, во всех деталях повторяющих форму сделанных из цельного куска дерева колес со втулкой, известных в археологическом материале и по этнографическим данным. Я уже отмечал, что подобные находки часты на территории Средней Европы, где известны и находки самих повозок эпохи бронзы. Одна находка фрагментированной модели колеса была сделана на поселении срубной культуры Монастырщина на Среднем Дону [87].

---

[84] Б. А. Латынин. О южных границах ойкумены степных культур эпохи бронзы. СА, 1958, 3, стр. 46, 47.

[85] Последние сводки находок серпов этого типа имеются в работах: О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, 1955, стр. 62 сл., 147 сл.; А. В. Збруева. Культуры поздней бронзы в Прикамье в связи с вопросом о сложении ананьинской культуры. СА, 1957, 2, стр. 46, табл. 1, 4, 5; Б. Г. Тихонов. Металлические изделия эпохи бронзы на среднем Урале и в Приуралье. МИА, 90, 1960, стр. 68 сл., приложение 1.

[86] О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., стр. 62.

[87] Г. В. Подгаецкий. Археологические раскопки в г. Воронеже. Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. М., 1941, стр. 159.

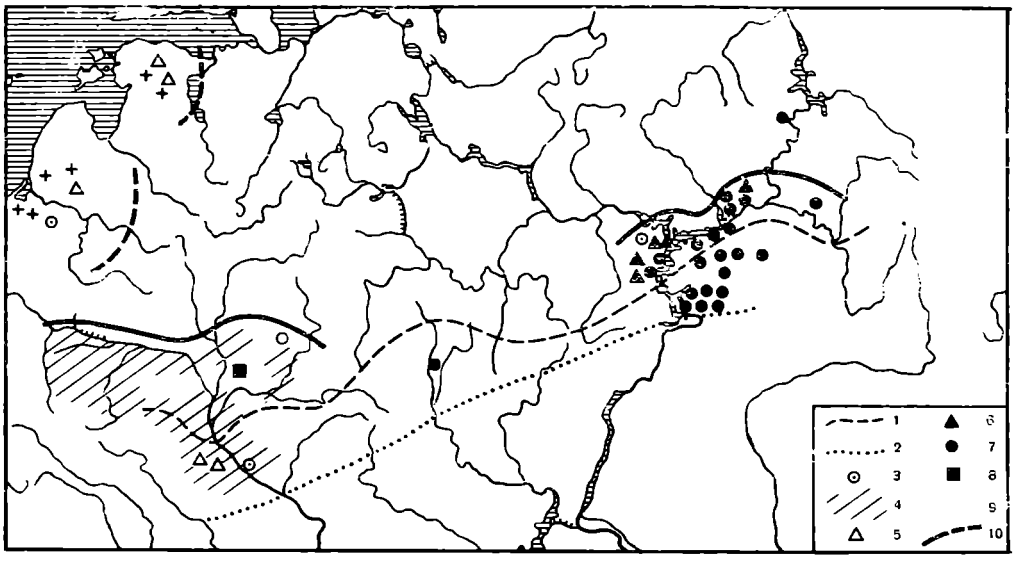


Рис. 1. Распространение пашенного земледелия в лесной полосе Восточной Европы к концу бронзового века

1 — современная южная граница леса; *2* — южная граница леса в среднем голоцене (по Нейштадту); *3* — находки колес от повозок и их моделей; *4* — район распространения вкладышевых серпов из двустороннеобработанных пластин и цельнокаменных полулунной и клювовидной формы; *5* — находки бронзовых серпов среднеевропейских типов; *6* — находки абашевских серпов; *7* — находки бронзовых серпов срубного типа; *8* — воспроизведение в бронзе серпа полулунной формы; *9* — находки «колодковидных топоров» со сверлиной; *10* — предполагаемая граница распространения пашенного земледелия

Такие же находки сделаны на Почепском селище эпохи бронзы[88] и в Балановском могильнике[89] (оба памятника — в лесной зоне). Почепское селище принадлежит к своеобразной группе памятников поздней бронзы, сложившихся на базе слияния местной неолитической культуры со срубной[90]. Территориальная близость Балановского могильника к ареалу распространения срубных племен, некоторые, хотя и слабые связи фатьяновцев этого района со срубными племенами[91], относительно высокий уровень развития общества, оставившего Балановский могильник[92], делают вполне вероятным знакомство какой-то части позднефатьяновских (балановских) племен с колесными повозками, причем именно от срубников. Срубным племенам было хорошо известно применение в качестве рабочей силы как крупного рогатого скота, о чем говорят находки костей волов среди остеологического материала на всей территории распространения срубной культуры[93], так и лошади, что документируется находками псалиев[94]. Парные погребения лошадей в некоторых поволжских курганах также наводят на мысль об использовании населением срубной культуры коней в парной упряжке[95]. Весь облик культуры срубных племен с их прочной оседлостью, развитой металлургией, домостроительством, обширными долговременными поселениями, развитым скотоводством и земледе-

---

[88] Ф. М. Заверняев. Памятники эпохи бронзы в бассейне верхней Десны. СА, 1964, 1, рис. 5, 5, стр. 153.

[89] О. Н. Бадер. Балановский могильник. М., 1963, рис. 144, стр. 209, 260.

[90] Ф. М. Заверняев. Ук. соч., стр. 156, 157.

[91] О. Н. Бадер. Ук. соч., стр. 264, 270, 271, 318 и др.

[92] О. Н. Бадер. Ук. соч., стр. 315.

[93] В. И. Цалкин. Некоторые итоги изучения костных остатков животных из раскопок археологических памятников позднего бронзового века. КСИА АН СССР, 101, 1964, стр. 26.

[94] Краткая сводка находок псалиев, относящихся к территории срубной культуры, дана в работе: К. Ф. Смирнов. Археологические данные о древних всадниках поволжско-уральских степей. СА, 1961, 1.

[95] К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 46.

лием, прошедшим уже длительный путь развития [96], не противоречит предположению о знакомстве их с пашенным земледелием. Срубников можно считать, таким образом, первыми племенами, принесшими пашенное земледелие на южные окраины лесной полосы в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье и в ряде более западных районов.

Вполне вероятно, что некоторые племена, с которыми срубники в Среднем Поволжье вступили в контакт, могли заимствовать у них технику обработки земли при помощи упряжных пахотных орудий. Не исключена возможность, что это были уже некоторые группы позднефатьяновских (балановских) племен, о чем говорилось выше. Есть данные об этом и в отношении абашевских племен. Абашевцы создали свой, характерный для этой культуры тип бронзового серпа [97], знали кастрацию быков с целью получения транспортных или рабочих животных, близок и состав стада у срубных и абашевских племен [98]. На тесные культурные связи абашевцев Среднего Поволжья со срубниками и усвоение ими отдельных элементов культуры срубных племен указывает О. Н. Евтюхова [99]. Такое заимствование могло произойти, очевидно, только у тех племен, которые были знакомы со скотоводческо-земледельческим хозяйством и раньше, до контакта со срубниками, каковы фатьяновские и абашевские племена. Для тех же обществ, которые перешли к производящим видам хозяйства только под влиянием срубников, как приказанские или поздняковские племена, никаких данных об использовании пахотных орудий мы не имеем. Состав стада у этих племен также резко отличается от состава стада у срубников.

Пашенное земледелие в эпоху бронзы было известно, вероятно, и на юго-западных окраинах лесной полосы, где первое знакомство с земледелием и скотоводством происходит в значительно более раннее время [100]. В этот период здесь распространяются типы каменных серпов, характерные, как мы пытались доказать выше, для районов с пашенным земледелием: серпы так называемых белогрудовского (вкладышевые) и волынского (цельнокаменные) типов, северный ареал распространения которых доходит до Припяти и Украинского Полесья в районе Чернигова [101]. Серпы волынского типа определенно связываются с культурами шнуровой керамики [102], знакомство которых с колесными повозками устанавливается по западным материалам. Для белогрудовской культуры также есть данные о применении колесных повозок: это находка глиняной модели колеса со втулкой на поселении близ с. Собковка Уманского района Черкасской области [103]. На Черниговщине известна находка медного серпа, воспроизводящего форму полулунного каменного серпа волынского типа [104]. Весьма развитое земледелие рисуется на юго-западных окраинах лесной полосы и по палеоботаническим данным. На Волыни около середины II тысячелетия до н. э. возделывались пшеница, ячмень, просо, бобы, горох [105]. Прямым указанием на знакомство населения юго-западных окраин лесной полосы

---

[96] Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА, 61, 1959, стр. 155, 156.

[97] К. В. Сальников. Абашевская культура на Южном Урале. СА, XXI, 1954, стр. 65—67; сводка находок серпов этого типа дана Б. Г. Тихоновым (Б. Г. Тихонов. Ук. соч., стр. 70, табл. XXII).

[98] В. И. Цалкин. Ук. соч., стр. 26, 28, 29.

[99] О. Н. Евтюхова. Керамика абашевской культуры в Среднем Поволжье. Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1964, стр. 120; ее же. Племена абашевской культуры в Среднем Поволжье. Автореф. канд. дис., М., 1964, стр. 16.

[100] Ю. А. Краснов. К истории раннего земледелия в лесной полосе европейской части СССР. СА, 1965, 2.

[101] С. Н. Бибиков. Ук. соч., стр. 13, 14, 22.

[102] С. Н. Бибиков. Ук. соч., стр. 22.

[103] С. С. Березанская. Кераміка білогрудовської культури (за матеріалами розкопок біля с. Собківка). Археологія, XVI, Київ, 1964, рис. 14.

[104] В. Даниленко. Ук. соч., рис. 1.

[105] Нарисі стародавней Украіні. Київ, 1955, стр. 81.

в конце эпохи бронзы — начале раннего железа с пашенным земледелием может являться находка деревянного плуга в торфянике у д. Полесье (Жабчичи) в Черниговской области, который Б. А. Шрамко считает возможным стратиграфически датировать этим временем [106]. Распространение серпов в этом районе указывает на более раннее появление пашенного земледелия у племен шнуровой керамики Волыни (очевидно, с начала эпохи бронзы), и лишь позднее, в эпоху поздней бронзы,— в более восточных районах. Это может указывать на путь, по которому распространялось пашенное земледелие на юго-западных окраинах лесов.

Трудно сказать, можно ли рассматривать единичные находки бронзовых серпов в Прибалтике (каменные серпы здесь неизвестны) как указание на распространение в эпоху бронзы пашенного земледелия. Бронзовые серпы известны в Прибалтике из могильника Кивисаари (Эстония), относящегося к концу II тысячелетия до н. э. [107], и из случайных находок в Раасику (Эстония) [108] и Гембучай (Литва) [109]. Все они относятся к типам, широко распространенным в эпоху бронзы и раннего железа в Средней Европе, в частности на территории Польши, Германии, юга Скандинавского полуострова. О местном производстве подобных орудий в Прибалтике у нас нет никаких сведений. На территории Калининградской области известны находки деревянных колес в торфяниках. Датировка их затруднительна, но вероятнее всего их отнесение к эпохе поздней бронзы или самого начала железного века [110]. Учитывая тесные связи Прибалтики со Средней Европой и Скандинавией, где пашенное земледелие в эпоху поздней бронзы, несомненно, существовало, мы не можем отбрасывать возможности его проникновения и в Прибалтику. Из этого района нам известен еще один вид источников, который может свидетельствовать о весьма раннем возникновении здесь пашенного земледелия. Имеются в виду единичные находки так называемых «колодковидных» топоров из Калининградской области, Латвии и Эстонии [111]. П. Глоб [112] и ряд других исследователей, приводя убедительные археологические, этнографические и технологические данные, считают их плужными лемехами. Это положение встречает резкие возражения со стороны ряда других исследователей [113], так что интерпретация этих предметов пока должна считаться спорной. Есть мнение, что колодковидные топоры могли быть рабочими частями ручных орудий для проведения борозд [114]. Возможно, первоначально они применялись таким образом, а затем — в качестве плужных лемехов. Такие орудия, появляясь еще в неолите, в эпоху бронзы встречаются в Средней Германии, Дании, Польше и даже на юге Финляндии [115], сопровождая, очевидно, как и в Прибалтике, памятники культуры шнуровой керамики.

III

Распространение пашенного земледелия в лесной полосе в эпоху раннего железа, до того периода, когда оно документируется находками железных наральников, также может быть прослежено на основании рас-

---

[106] Б. А. Шрамко. Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника, стр. 92.

[107] H. Moora. Die Vorzeit Estlands. Tartu, 1932, рис. 146.

[108] Х. А. Моора. Памятники позднего неолита и раннего металла в Прибалтике. КСИИМК, 48, 1952, рис. 2. 5.

[109] P. Kulikauskas, R. Kulikauskiene, A. Tautavicius. Lietuvos archeologijos bruozai. Vilnius, 1961, рис. 64.

[110] A. Oldenberg. Ук. соч., рис. 9.

[111] RL. XI, стр. 367; XIII, стр. 3. 4.

[112] P. V. Glob. Ard og Plov i Nordens Oltid. стр. 82 сл.

[113] Обзор мнений по этому вопросу см.: H. Kothe. Völkerkundliches zur Frage..., стр. 34 сл.

[114] L. Franz. Jäger, Bauern, Händler. Brünn — Leipzig. 1939, стр. 51.

[115] P. V. Glob. Der Einfluß der Bandkeramikhen Kultur in Dänemark. AAKb. X, 1939, стр. 139 сл.; RL, XI, стр. 367

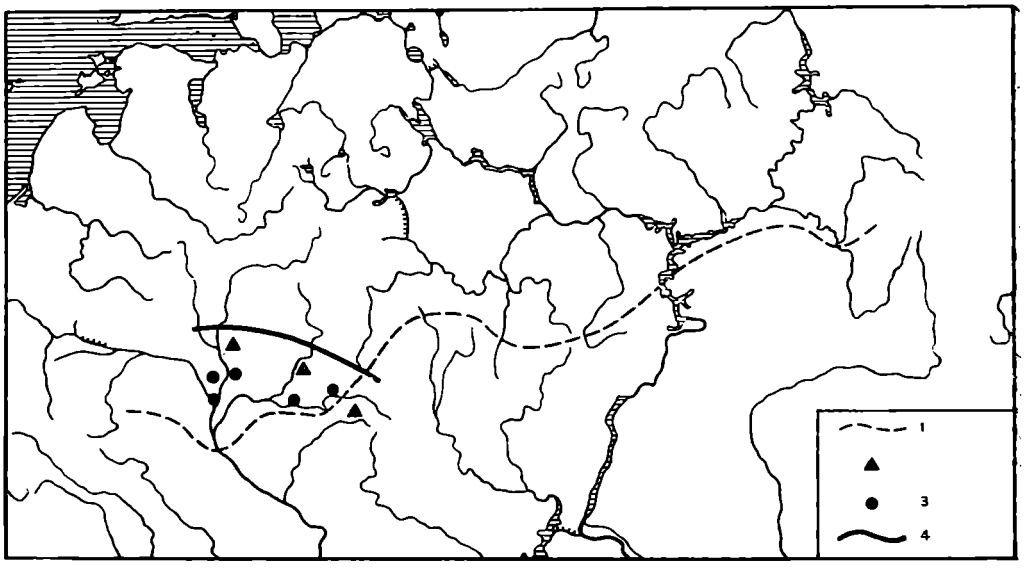


Рис. 2. Распространение пашенного земледелия в лесной полосе Восточной Европы в начале железного века

1 — современная южная граница леса; *2* — находки деревянных пахотных орудий в торфяниках; *3* — находки железных серпов; *4* — предполагаемая граница распространения пашенного земледелия

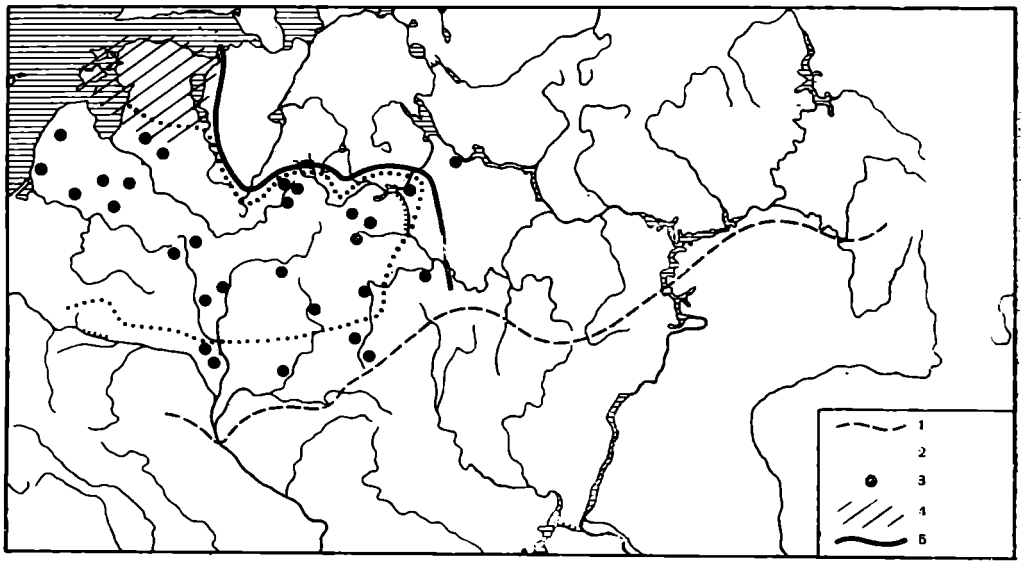


Рис. 3. Распространение пашенного земледелия в лесной полосе Восточной Европы в первой половине I тысячелетия

1 — современная южная граница леса; *2* — ареал распространения балтийской гидронимики (по Буга и Фасмеру); *3* — находки железных серпов; *4* — лингвистические данные о распространении пашенного земледелия; *5* — предполагаемая граница распространения пашенного земледелия

пространения весьма многочисленных железных серпов[116] (рис. 2, 3). Данных об употреблении колесных повозок для этого периода мы не имеем.

Обращает на себя внимание прежде всего исчезновение специализированных уборочных орудий в районах лесного Среднего Поволжья и Прикамья. До начала I тысячелетия до н. э. находки бронзовых серпов в этих

[116] Ю. А. Краснов. Из истории железных серпов... В дальнейшем все данные о распространении железных серпов в лесной полосе Восточной Европы и их типологии даются по этой работе.

районах, как уже указывалось, весьма часты. Затем они исчезают и появляются вновь не ранее середины I тысячелетия н. э. Ананьинская, пьяноборская и городецкая культуры употребления серпов, по-видимому, не знали. Правомерно связывать это явление с определенным регрессом в сельском хозяйстве, по нашему мнению,— с исчезновением пашенного земледелия. Объяснение этого явления следует искать в тех исторических процессах, которые протекали в этих районах на рубеже бронзового и железного веков — в растворении проникших в лесные районы срубных, абашевских и позднефатьяновских племен в среде более многочисленного местного населения, что было связано, очевидно, и с перестройкой хозяйства в соответствии с уровнем развития аборигенного населения лесной полосы, с приспособлением заимствованного ими производящего хозяйства к возможностям местных племен. Определенную роль сыграло здесь и ухудшение климата в начале субатлантического периода. В более южных районах лесостепи пашенное земледелие, по-видимому, сохраняется; сохраняются и типы серпов эпохи бронзы, которые воспроизводятся теперь в железе [117]. Если признать наличие пашенного земледелия в Прибалтике в эпоху поздней бронзы, то и в этом районе происходит аналогичный процесс исчезновения пашенного земледелия, обусловленный теми же причинами (кроме, может быть, крайнего юга). Железные орудия, которые условно мы можем считать специализированными жатвенными ножами, появляются в Прибалтике только в конце I тысячелетия до н. э., а настоящих серпов здесь мы не знаем вплоть до начала I тысячелетия н. э. На значительные изменения в хозяйстве племен боевых топоров, пришедших в Среднюю и Северную Прибалтику, указывал Х. А. Моора [118]. Для Финляндии аналогичное явление прослежено К. Ф. Мейнандером [119]. Многочисленные примеры такого рода знает и этнография. Таким образом, зона распространения пашенного земледелия в эпоху раннего железа по сравнению с эпохой бронзы сокращается (ср. рис. 1 и 2). То же прослеживается на рубеже эпохи бронзы и раннего железа и в Северной Европе [120], что следует объяснять не только климатическими явлениями, как это делает Г. Кларк, но и взаимоотношениями местных и пришлых племен.

По-иному сложилась судьба пашенного земледелия на юго-западных окраинах лесной полосы. Здесь оно появилось в среде племен, уже давно знакомых с земледелием и скотоводством. Хотя и здесь можно предполагать значительные передвижения племен, но столкновений племен с резко различными хозяйственными укладами в этот период, по-видимому, не было. В меньшей степени сказалось здесь и ухудшение климата в субатлантическую фазу. Поэтому никакого перерыва в развитии пашенного земледелия в этом районе мы не наблюдаем. Каменные серпы указанных выше типов доживают здесь до начала железного века [121]; уже в середине и второй половине I тысячелетия до н. э. на южных окраинах лесной полосы в Посеймье и южной части Верхнего Поднепровья появляются первые железные серпы (типы I и II по предложенной нами классификации). Процесс появления железных серпов происходит здесь одновременно с аналогичным процессом в лесостепной и степной зонах, причем и типы серпов здесь сходные. В то же время появляются железные серпы и в бо-

---

[117] Ср. бронзовые срубные серпы с крючком и кольцом (например, О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., рис. 14, *10*; 32, *2*, *5*) и железные серпы аналогичного типа из лесостепных районов (например, П. Д. Либеров. Памятники скифского времени бассейна Сев. Донца. МИА, 113, 1962, рис. 9, *1—2*; Б. А. Шрамко. Памятники Северского Донца. Харьков, 1962, Рис. 74, *4*, *5*).

[118] Х. А. Моора. Вопросы сложения эстонского народа..., стр. 73.

[119] С. F. Meinander. Die Kiukaiskultur. SMYA, 53. Helsinki, 1954, стр. 172 сл.

[120] Г. Кларк. Ук. соч., стр. 98.

[121] С. Н. Бибиков. Ук. соч.,; Ю. В. Кухаренко. Памятники железного века на территории Полесья. САИ, Д1—29, М., 1961, табл. 19, рис. 12.

лее западных районах, например в Польше [22]. Как в Польше (Бискупин), так и на юге лесной полосы и в прилегающем районе лесостепи на территории нашей страны к этому времени относятся и находки деревянных пахотных орудий [123].

В первой половине и середине I тысячелетия знакомство с пашенным земледелием, судя по распространению железных серпов, продвигается дальше к северу, в глубь лесов, охватывая территорию от Балтийского моря до верховьев Москвы-реки, Волги и Оки. Трудно определить точно, в в какое время появляются здесь эти орудия, поскольку большинство находок происходит из городищ с мощным культурным слоем и чаще всего стратиграфическое положение их недостаточно ясно. Во всяком случае, к III—IV в. они становятся обычными находками в поселениях и могильниках Литвы и Латвии, городищах штрихованной керамики Белоруссии, в верховьях Западной Двины и прилегающих районах, на Смоленщине, в Подесенье, на верхнеокских и, может быть, несколько позднее — на москворецких «дьяковских» городищах. Здесь складываются свои, местные типы серпов (типы IV, VI и VII по предложенной нами классификации), не имеющие аналогий вне пределов лесной полосы. Появившись в начале I тысячелетия, эти типы, совершенствуясь по форме, бытуют вплоть до начала II тысячелетия. Характерно, что если в середине и второй половине I тысячелетия до н. э. первые в лесной полосе железные серпы появляются в районах, которые можно связывать с территорией славянского этногенеза (здесь же появляется, вероятно, и V тип серпа, получивший дальнейшее развитие позднее в более северных районах), то в первой половине I тысячелетия н. э. железные серпы появляются на территории распространения балтийской гидронимики или у ее границ [124], на памятниках, оставленных балтийским населением или населением, носящим сильные следы балтийского влияния (рис. 3). Это позволяет предполагать, что в это время пашенное земледелие появилось только у балтийских и под их влиянием у некоторых балтизированных племен. Прямым указанием на наличие пашенного земледелия в этих районах может служить изображение рала на грузике с Троицкого городища. Вне этих границ в лесной полосе Восточной Европы, на территории, занятой финно-угорскими племенами, находок железных серпов первой половины I тысячелетия нет, за исключением одного серпа на городище Березняки в Ярославском Поволжье. Единственная находка серпа на полностью раскопанном городище, при отсутствии других данных, еще не может говорить о существовании здесь пашенного земледелия. На финно-угорских землях железные серпы получают распространение только с середины I тысячелетия, появляются одновременно с железными наральниками и проникают сюда, по-видимому, с юга, о чем можно судить по их типам.

Следует отметить, что в Прибалтике, как уже указывалось, еще во второй половине I тысячелетия до н. э., до появления настоящих железных серпов, бытовали орудия, которые можно трактовать как специализированные жатвенные ножи [125], хотя это и не единственная возможная их интерпретация. По этнографическим данным, такие орудия еще в недавнем прошлом употреблялись здесь при уборке урожая. Некоторые данные

[122] Z. Podwinska. Technika uprawy roli w Polsze sredniowiežney. Wrozlaw — Warszawa — Krakow, 1961.

[123] Z. Podwinska. Ук. соч.; Б. А. Шрамко. К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени Восточной Европы; его же. Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника.

[124] K. Buga. Die vorgeschichte der aistischen (baltischen) Stämme im Lichte der Ortsnamenforschung. Leipzig, 1924. M. Vasmer. Beiträge zur Völkerkunde Osteuropas. Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. XIV, Berlin, 1932, XVIII, Berlin, 1934.

[125] См., например, А. К. Вассар. Укрепленное поселение Асва на о. Саарема. Древние поселения и городища. Археологический сборник, 1, Таллин, 1955, табл. XXIII, рис. 5; P. Tarasenka. Lietuvos piliakalniai. Vilnius, 1956, рис. 7; М. Х. Шмидехельм. Памятники эпохи разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955, рис. 8, 2; 10, 9; 12, 8; 31, 20.

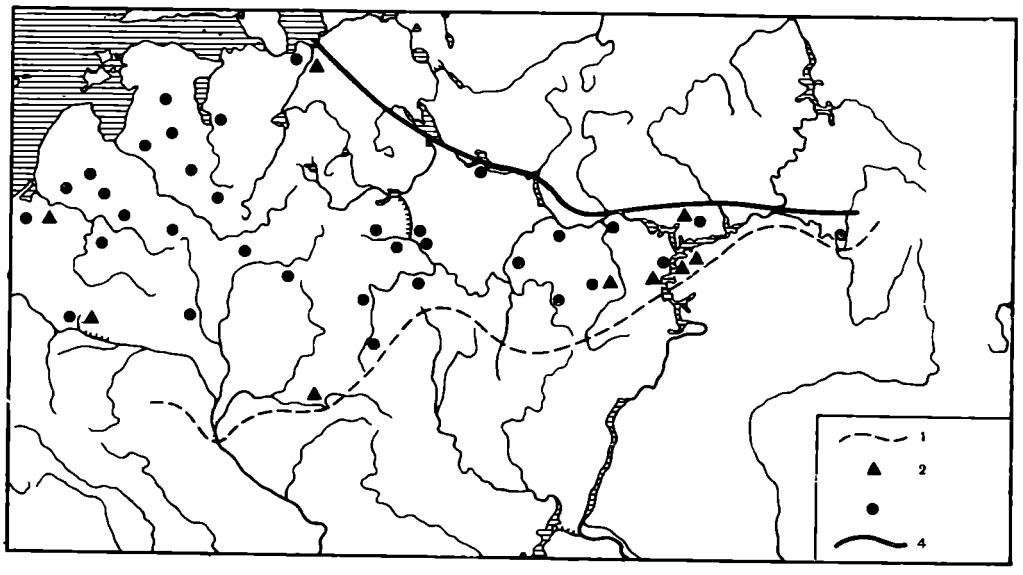


Рис. 4. Распространение пашенного земледелия в лесной полосе Восточной Европы во второй половине I тысячелетия

1 — современная южная граница леса; *2* — находки железных частей пахотных орудий; *3* — находки железных серпов; *4* — предполагаемая граница распространения пашенного земледелия.

для разрешения вопроса о времени появления пашенного земледелия в Прибалтике дает финно-угорская лингвистика. В прибалтийско-финских языках для обозначения рала, являвшегося здесь древнейшим типом пахотного орудия, существует германский термин «ader». Слово «поле» («pold») также заимствовано из германских языков. Это дает возможность предполагать, что прибалтийские финны заимствовали пашенное земледелие в какой-то период от германских племен. В. Томсен датировал германские заимствования в прибалтийско-финских языках первыми веками нашей эры [126]. Кастрен, Виклунд и некоторые другие исследователи — серединой и второй половиной I тысячелетия до н. э. [127]. П. А. Аристе, соглашаясь с мнением Кастрена и Виклунда, считает, однако, что такие заимствования продолжались и в первые века нашей эры [128]. Таким образом, лингвистические данные указывают в общем на ту же дату, которую дает и исследование эволюции уборочных орудий.

Использование в качестве рабочей силы крупного рогатого скота и лошади племенами западной части лесной полосы Восточной Европы документируется присутствием костей волов среди остеологического материала этой территории [129], находками псалиев на ряде памятников (городища Асва, Троицкое и др.), части узды на Милоградском городище и рядом других данных. В пользу наличия на указанной территории относительно высокоразвитого земледелия уже в первой половине I тысячелетия говорят и палеоботанические данные, свидетельствующие о значительном разнообразии возделывавшихся в это время полевых культур, а также присутствие среди зерен культурных злаков некоторых видов сорняков, типичных для старопахотных, окультуренных почв [130].

[126] W. Tomsen. Über den Einfluß der germanischen Sprachen auf die finnisch — lappischen. Halle, 1870.

[127] RL, III, стр. 370; K. B. Wiklund. Den svenske befolkningens älder. Finnland. Fornvännen 1933. Stokholm, 1933, стр. 95 сл.

[128] П. А. Аристе. Формирование прибалтийско-финских языков в древнейший период их развития. ВЭИЭН, стр. 19.

[129] В. И. Цалкин. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе. МИА, 107, 1962, стр. 20, 22.

[130] Ю. А. Краснов. К истории раннего земледелия в лесной полосе Европейской части СССР. СА, 1965, 2.

Во второй половине I тысячелетия происходит не только территориальное расширение пашенного земледелия в лесной полосе Восточной Европы, но и качественное его изменение. Именно с этого времени здесь появляются и широко распространяются пахотные орудия с железными рабочими частями [131]. С этого периода они становятся основным источником для изучения истории пашенного земледелия на рассматриваемой территории. Это выходит за хронологические рамки нашей работы, однако следует отметить, что и для этого периода ареал распространения пашенного земледелия, очерчиваемый находками железных серпов, точно совпадает с тем же ареалом, рисующимся по находкам железных частей пахотных орудий (рис. 4).

IV

Что же представляли собой древнейшие пахотные орудия, употреблявшиеся в лесной полосе Восточной Европы? Несмотря на крайнюю скудность имеющегося материала, попытка в общих чертах ответить на этот вопрос возможна. Принципы классификации пахотных орудий разработаны еще далеко не достаточно, и на практике такая классификация осуществляется по самым различным признакам. Д. В. Найдич-Москаленко [132] предложила классифицировать пахотные орудия «по характеру работы», причем в основу классификации кладется «место прикрепления тяговой силы, определяющее специфику работы». С этой точки зрения найденные на территории лесной полосы Восточной Европы и в сопредельных областях пахотные орудия, как и орудия, изображенные на симферопольской стеле, относятся к орудиям с низким прикреплением тяговой силы, плотно сидящим в земле, приспособленным к разрезанию, вернее — разрыванию, плотной дернины. Такие орудия, не имеющие отвального приспособления и предварительно разрезающего дернину резака, называются ралами. Все имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют утверждать, что рало было первым упряжным пахотным орудием в лесной полосе и просуществовало в качестве единственного орудия такого рода весьма длительное время,— очевидно, до конца второй половины I тысячелетия. Об этом свидетельствует уже тот факт, что все железные наконечники рабочих частей пахотных орудий второй половины I тысячелетия, найденные в лесной полосе, кроме лемеха из городища Грачевка и, может быть, такого же лемеха с городища Хотомель, единодушно трактуются как принадлежности рал — наральники. Этнографический материал также указывает, что на всей той территории лесной полосы, где можно предполагать наличие пашенного земледелия уже к середине I тысячелетия или в более ранний период, рала были в употреблении до недавнего времени. Данные о применении рал в недавнем прошлом имеются для Прибалтики, Белоруссии,

[131] Во второй половине I тысячелетия такие орудия известны из следующих пунктов лесной полосы: Старая Ладога (В. И. Равдоникас. Старая Ладога. СА, XII, 1950, рис. 35; С. Н. Орлов. Остатки сельскохозяйственного инвентаря VII—X вв. из Старой Ладоги. СА, XXXI, 1954), Ош-Пандо (П. Д. Степанов. Итоги раскопок древнемордовских памятников. КСИИМК, XXXVIII, 1951, рис. 56, 24; его же. К истории земледелия у древней мордвы. СЭ, 1950, 3), Ташикерменское и Яльтиковское городища (Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Итоги археологических работ за 1945—1952 гг Тр. КФАН АН СССР, 1954, рис. 16, 27, стр. 53), Азелинский могильник (В. Ф. Генинг. Азелинская культура III—V вв., 5. Ижевск, 1963, табл. XXIV, рис. 5; О датировке могильника см. А. П. Смирнов. Рец.: В. Ф. Генинг. Азелинская культура..., СА, 1964, 4, стр. 240 сл.), селище у с. Волынцево (В. И. Довженок. Земледелие у восточных славян в I тысячелетии и в эпоху Киевской Руси. МИЗ, 1, 1952, стр. 138), курган близ святилища Шолом (А. В. Кирьянов. К вопросу о раннеболгарском земледелии. МИА, 61, 1958, рис. 4, стр. 289), Хотомель (Ю. В. Кухаренко. Раскопки на городище и селище Хотомель. КСИИМК, 68, 1957, рис. 35, *4, 5*), городище Грачевка (Ф. Д. Гуревич. К истории древних пруссов в I тысячелетии. КСИИМК, 70, 1957, рис. 13). Несколько ральников известны с памятников именьковского типа (П. Н. Старостин. Памятники именьковской культуры. САИ, вып. Д1-32, М., 1967).

[132] Д. В. Найдич-Москаленко. О принципах классификации русских пахотных орудий. СЭ, 1951, № 1, стр. 40 сл.

Украинского Полесья, Волыни, Черниговщины, Подесенья. Близки функционально к ралу и, вероятно, генетически с ним связаны распространенные на более широкой территории однозубые сохи-черкуши [133].

С точки зрения формально-морфологической известные в Восточной Европе находки и изображения древнейших плугов могут быть разделены на два типа: прямоградильные и кривогрядильные рала. К первому типу относятся пахотные орудия, изображенные на симферопольской стеле. Они состоят из двух частей: одна из них составляет рукоять и ральник, другая — грядиль. По мнению П. Лезера [134] и Х. Коте [135], этот тип пахотных орудий весьма древний и ведет свое происхождение от ручных орудий для проведения борозд. Изображения таких орудий, кроме Северного Причерноморья, обнаружены в Приморских Альпах и Северной Италии (бронзовый век), в Северо-Восточной Англии (бронзовое изображение римского времени из Дурхэма [136]), в Индии (изображение на медальоне из Буд-Гоя, около 250 г. до н. э.) [137]. Этнографически такие пахотные орудия зафиксированы на очень широкой территории Евразии и Африки: в Индии, Средней Азии, Индонезии [138], Передней Азии [139] у алтайцев и тувинцев [140], в Северной Африке [141] и ряде других районов. Подобные рала употреблялись и в средневековой Европе [142]. Усложненные орудия этого типа употреблялись на юге лесной полосы Восточной Европы в недавнем прошлом [143]. Несмотря на то, что прямогрядильные рала известны и в Европе, наиболее широко они распространены в Азии. Из этнографии известно, что прямогрядильные рала бывали как с полозом, так и бесполозными. Изображения на симферопольской стеле позволяют говорить о прямогрядильном рале с полозом. Нам представляется возможным привлечь изображения рал симферопольской стелы и их этнографических параллелей для воссоздания облика пахотного орудия срубных племен, принесших земледелие на южные окраины лесной полосы. Следует отметить, что Х. Коте предполагает проникновение этого типа пахотных орудий в Европу с востока через причерноморские степи [144].

Второй тип — кривогрядильное рало в его разновидности рала с полозом — представлен находками в торфяниках у селений Жабчичи, Сергеевск и Токари, из которых два первых относятся к лесной полосе. Рало того же типа изображено на грузике из Троицкого городища. Эти орудия изготовлены из рассохи таким образом, что часть ствола дерева использована в качестве горизонтального ползуна-ральника, а дугообразно отходящий вверх и несколько в сторону сук образовывал грядиль. Такие рала имеют только одну приставную часть — рукоятку, вставлявшуюся в гнездо пятки ползуна. Кривогрядильные рала с горизонтальным ползуном также очень древни. Их изображения имеются среди критских пиктографических знаков конца III — начала II тысячелетий до н. э.[145] Ряд подлинных остатков плугов и их изображений указывают на существование кривогрядильных рал с полозом в Европе еще в эпоху бронзы (Финнторп I,

[133] Д. Зеленин. Русская соха, ее история и виды. Вятка, 1907.

[134] P. Leser. Entstehung und Verbreitung des Pfluges. Münster, 1931, стр. 532, 545.

[135] H. Kothe. Völkerkundliches zur Frage...; его же. Die Völkenkundliche Agrarforschung..., стр. 82 сл.

[136] A. S. F. Gow. The Ancient Plough. GHS. 34.

[137] P. Leser. Ук. соч., табл. 17.

[138] E. Werth. Ук. соч., карта XIV, стр. 102, рис. 10, 11, 12, 61, 63, 64, 65; С. А. Токарев. Этнография народов СССР. М., 1958, стр. 321.

[139] E. Werth. Ук. соч., рис. 198; Народы Передней Азии, стр. 137, 454.

[140] С. А. Токарев. Ук. соч., стр. 431.

[141] P. Leser. Ук. соч., рис. 186.

[142] Z. Podwinska. Ук. соч., рис. 73; Народы зарубежной Европы, 1, М., 1954, стр. 772.

[143] В. С. Мамонов. Старинные орудия обработки почвы из с. Староселье. СЭ, 1952, 4, рис. 7.

[144] H. Kothe. Die völkerkundliche Agrarforschung..., стр. 99, 100.

[145] A. Y. Ewans. Ук. соч.

Литслеби, Валле, Хворслев и др.). Широкое распространение плуги этого типа получили в раннем железном веке, применяясь как первобытными племенами, так и в рабовладельческом обществе. В различных вариантах такие орудия существовали в средневековой Европе [146] и дожили до недавнего времени на территории лесной полосы Восточной Европы [147] В отличие от прямогрядильных рал, кривогрядильные по археологическим и этнографическим данным были более широко распространены в Европе, чем в Азии.

Перечисленными типами, по-видимому, не исчерпывались все те пахотные орудия, которые могли применяться в эпоху бронзы и раннего железа в лесной полосе Восточной Европы. Бесспорно лишь, что все они относились к типу рал как простейшей и древнейшей форме пахотных орудий.

По устройству рабочей части пахотные орудия делятся на орудия с полозом, более устойчивые, но менее поворотливые, и орудия без полоза, с рабочей частью, поставленной под углом к почве, неустойчивые, но более поворотливые. На рассматриваемой территории Восточной Европы по этнографическим материалам употреблялись оба вида орудий, причем вторые преобладали. Древнейшие же изображения и подлинные находки пахотных орудий эпохи бронзы и раннего железа дают обратную картину: нам известны только орудия с полозом. Недостаточное количество данных не позволяет сделать вывода, были ли рала с полозом единственными пахотными орудиями в лесной полосе в рассматриваемое время. Однако, может быть, это и не случайность. Как уже указывалось, пахотные орудия с горизонтальным полозом в Европе и за ее пределами существовали в глубокой древности. Горизонтальное положение рабочей части характерно и для ручных орудий для проведения борозд, с которыми ряд исследователей связывают происхождение плуга. В то же время, если исходить из не бесспорной, но принятой в нашей литературе точки зрения, что узкопластные железные наральники принадлежали ралу без полоза, а широколопастные — ралу с полозом [148], то преобладающей формой пахотного орудия в лесной полосе во второй половине I тысячелетия были бесполозные орудия или переходные по форме к таковым. Это наводит на мысль, что эволюция пахотных орудий в лесной полосе Восточной Европы шла в направлении превращения рала с полозом, более приспособленного для работы в лесостепных и степных районах [149], в бесполозное орудие, более приспособленное для работы на относительно маломощных, часто каменистых, почвах лесной полосы. Но такой вывод находится в противоречии со сложившимся в нашей литературе мнением о развитии в Восточной Европе пахотных орудий от бесполозных рал к более совершенным ралам с полозом, которые появляются здесь якобы только во второй половине I тысячелетия [150]. Такой вывод делается только на основании изучения известных по археологическим материалам железных наральников, что явно недостаточно. Очевидно, дело обстояло не так просто, ибо о глубокой древности рал с полозом в Европе и за ее пределами, в том числе и на рассматриваемой нами территории, свидетельствует много веских данных, о которых речь шла выше.

Учитывая характер древнейших пахотных орудий, употреблявшихся в лесной полосе, мы должны сделать вывод, что в эпоху бронзы и раннего железа распахивались прежде всего открытые пространства долины рек, лесные поляны, а также окультуренные первоначально при помощи ручных орудий лесные земли. Недостаток пригодных для обработки целиком деревянными ралами земель в лесной полосе сдерживал развитие пашен-

---

[146] Z. Podwinska. Ук. соч.

[147] См. П. Парфенов. Письма о сельском хозяйстве в юго-западной России. «Русский вестник», 1873, VIII, стр. 640; Х. А. Моора. Об историко-этнографических областях Эстонии. ВЭИ ЭН, стр. 282 сл.

[148] В. И. Довженок. Земледелие у восточных славян..., стр. 118 сл.

[149] В. И. Найдич-Москаленко. Ук. соч.

[150] В. І. Довженок. Землеробство древньої Русі.

ного земледелия, был тормозом на пути окончательного превращения земледелия в основу хозяйства.

Благодаря этому на первых порах знакомство с упряжными пахотными орудиями не привело, вероятно, к полному вытеснению ручных форм обработки земли, которые первоначально сосуществовали с пашенным земледелием. По-видимому, это произошло лишь с появлением такого приспособленного для работы на лесных землях пахотного орудия, как соха.

О системе, по которой велось земледелие с применением упряжных пахотных орудий в лесной полосе рассматриваемого времени, судить трудно. Очевидно, это была, как и в предшествующее время на открытых пространствах [151], система краткосрочных перелогов. Однако экстенсивность земледелия с введением упряжных пахотных орудий, очевидно, увеличилась.

* * *

Итак, если предложенная выше гипотеза правильна, мы можем сделать следующие краткие выводы.

1. Наличие пашенного земледелия можно установить по археологическому материалу и в тех случаях, когда в распоряжении исследователя нет подлинных находок древних плугов или других бесспорных следов их употребления. В этом случае показателем знакомства тех или иных племен с пашенным земледелием могут служить массовые находки серпов и следов употребления колесных повозок.

2. Наличие пашенного земледелия на южных окраинах лесной полосы можно предполагать уже в эпоху бронзы. На юго-востоке оно было занесено сюда срубными племенами и заимствовано у них абашевскими и, может быть, некоторыми группами позднефатьяновских племен. На юго-западных окраинах лесной полосы оно возникло самостоятельно или было заимствовано у более южных и западных соседей. Не исключена возможность знакомства с пашенным земледелием в эпоху поздней бронзы и населения Прибалтики, куда оно могло проникнуть под влиянием племен Северной и Средней Европы.

3. В начале раннего железа пашенное земледелие исчезает в силу ряда исторических причин и климатических изменений на юго-востоке лесной полосы и (если оно было там известно ранее) в Прибалтике, но продолжает свое развитие на юго-западе, на территории, которую можно включать в территорию славянского этногенеза.

4. В первой половине I тысячелетия пашенное земледелие возникает, возможно не без влияния соседних племен, на землях балтов и их ближайших соседей, от Балтийского моря до верховьев Волги, Москвы-реки и Оки. Для территории Прибалтики возможна и несколько более ранняя дата, причем для северной ее части имеются определенные указания на заимствование пахотных орудий местными племенами от германских племен, вероятно Скандинавии.

5. Есть основания предполагать, что древнейшими пахотными орудиями в лесной полосе были прямо- и кривогрядильные рала с полозом, эволюционировавшие затем в более приспособленные для условий лесной полосы бесполозные орудия.

---

[151] Ю. А. Краснов. О системах и технике раннего земледелия в лесной полосе Восточной Европы. СА, 1967, 1.

А. Х. ХАЛИКОВ

ПРИКАЗАНСКАЯ КУЛЬТУРА

Среди культур эпохи бронзы лесостепной полосы Восточной Европы до недавнего времени наименее изученными оставались те культурные образования, происхождение и развитие которых теснейшим образом было связано с местными племенами. В последние годы благодаря работам ряда археологов получили достаточно подробное освещение особенности таких культурных групп, как балановская, фатьяновская, абашевская, срубная, пришлый характер носителей которых в Поволжье и Прикамье не вызывает сомнения. В то же время вопросы происхождения, развития и дальнейших судеб местных культур эпохи бронзы — поздняковской [1], приказанской [2], чирковско-сейминской [3] и др.— далеко еще не разрешены, а в некоторых случаях даже не поставлены. Между тем их изучение имеет первостепенное значение для истории местных, и в первую очередь финно-угорских, народов Восточной Европы. В данной статье предпринята попытка систематизации материалов одной из названных культурных групп — приказанской, развитие которой привело к образованию ананьинской культурной общности эпохи раннего железа.

Изучение приказанских памятников началось еще в 70-х годах XIX столетия трудами таких казанских археологов, как А. Ф. Лихачев, А. А. Штукенберг, Н. Ф. Высоцкий [4] и др., а затем продолжалось в советское время А. П. Смирновым, А. В. Збруевой, Н. Ф. Калининым, П. Н. Третьяковым и др. [5]. Однако свое название культура получила лишь в 1954 г. в сводной работе Н. Ф. Калинина и А. Х. Халикова [6], где были также подведены предварительные итоги ее изучения. В настоящее время к приказанской культуре, существовавшей с середины II тысячелетия до первых веков I тысячелетия до н. э., относится около 500 памятников — поселений, могильников и местонахождений. Большинство из них открыто в последнее десятилетие благодаря работам Куйбышевской, Татарской, Камской, Марийской, Чувашской и других экспедиций.

Ограниченность рамками небольшой статьи не позволяет осветить все стороны интересующей нас культуры, поэтому здесь рассматриваются в основном лишь вопросы периодизации и частично затрагиваются проблемы происхождения и дальнейших судеб культуры. В основу периодизации, иллюстрированной хронологической таблицей (рис. 1), схемой развития керамики и картами, положено изучение основных признаков археологической культуры: типы поселений и жилищ, могильники и погребаль-

[1] Т. Б. Попова. Происхождение поздняковской культуры. Тр. ГИМ, 37, 1960.
[2] Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье. МИА, 42, 1954.
[3] А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Тр. МАЭ, 1, Йошкар-Ола, 1960.
[4] А. А. Штукенберг и Н. Ф. Высоцкий. Материалы для изучения каменного века в Казанской губернии. Тр. ОЕКУ, XIV, 5, Казань, 1885.
5 Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Ук. соч., стр. 158—165.
[6] Там же.

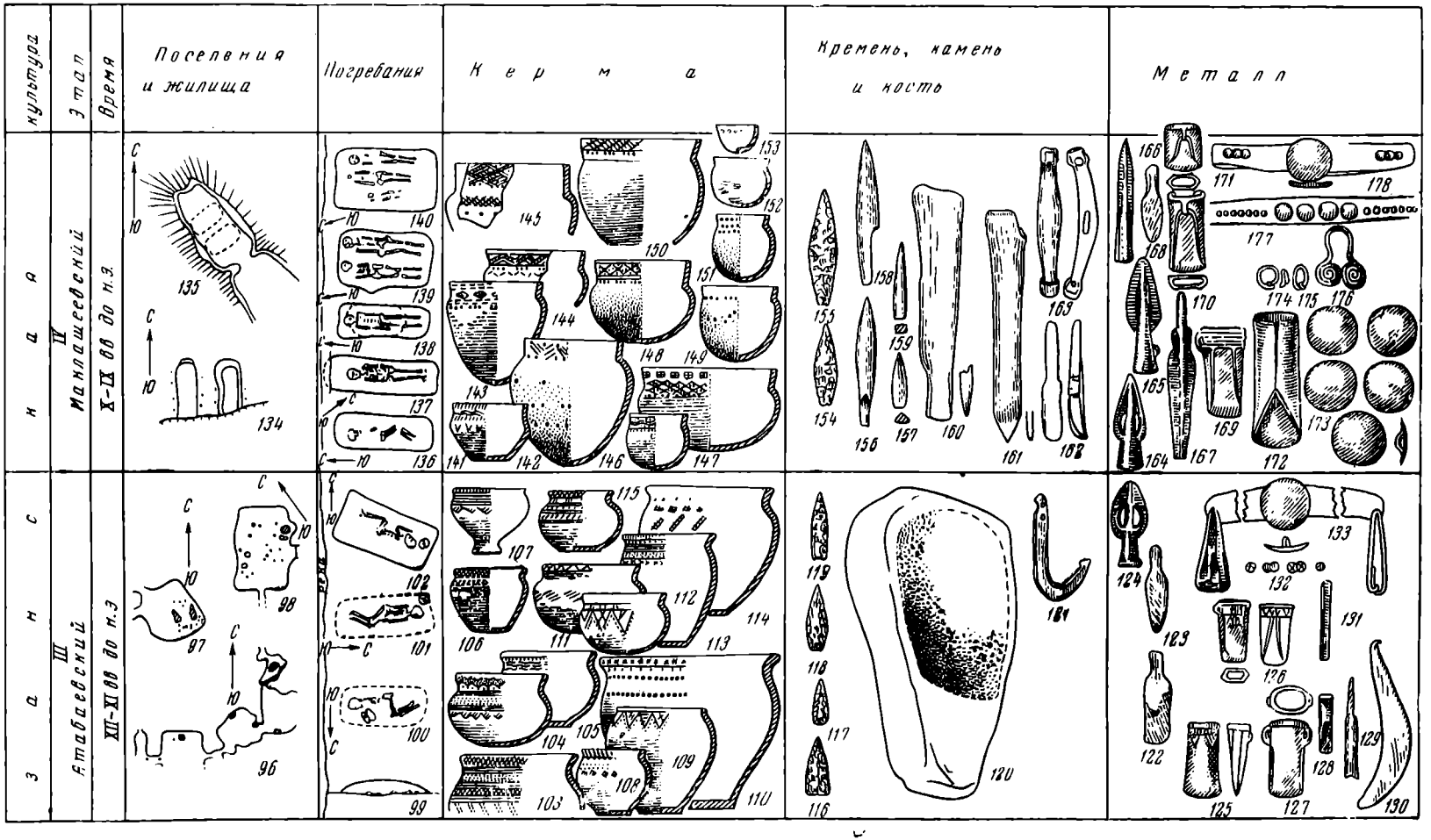
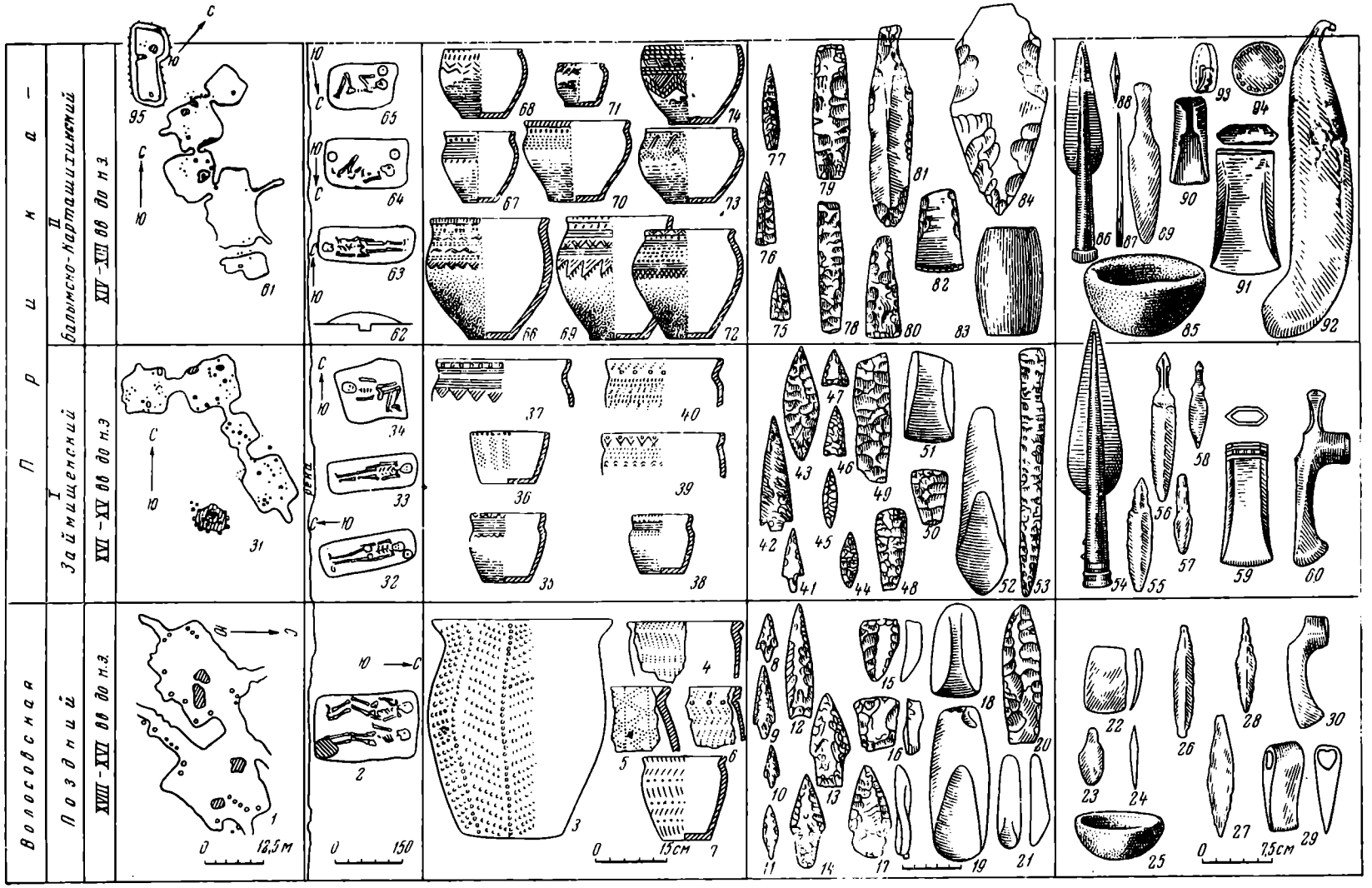


Рис. 1. Хронологическое развитие основных черт приказанской культуры

1 — Майданская стоянка; *2* — Володары; *3—5, 22, 24* — Панфиловская стоянка; *6, 62, 64, 65, 66, 67, 69, 73, 80, 81, 87, 89, 93, 94, 102, 104, 122, 129, 132, 133, 140* — Балымское поселение и могильник; *7, 9, 13* — III Матюшинская стоянка; *8, 10, 11, 15, 18, 20, 21* — I Сумская стоянка; *12, 14, 16, 17, 19* — Волосовский клад; *23* — V Удельно-Шумецкая стоянка; *25* — Рутникинская стоянка; *26, 27* — Курбаши; *28, 30* — Кильдуразы; *29* — Курмашево; *31, 37, 39, 40, 41—46, 48—52* — III Займищенская стоянка; *32, 33, 36, 47* — VI Новомордовский могильник; *34, 35, 38, 56* — III Новомордовский могильник; *53, 57, 59* — III Баяковский могильник; *54, 169* — Грязнуха; *55, 58, 60* — Малиновский могильник; *61, 68, 72, 75, 76, 79, 82, 83, 85, 88, 148* — I Картащихинская стоянка; *63, 71* — Малоотарский могильник; *70, 78, 95* — I Матюшинская стоянка; *74, 77* — I Луговская стоянка; *84* — I Займищенская стоянка; *86* — Паново; *90, 91, 92* — Омарский починок; *96, 107, 113, 118* — II Луговская стоян-



ка; *97, 119* — II Займищенская стоянка; *98, 105, 120, 121, 131* — Мало-Кокуаинская стоянка; *99* — Маклашеевские курганы на взвозе; *100, 111, 112* — Рождественский могильник; *101, 108, 109, 145, 153* — Луговские курганы; *103, 152* — Кумысское поселение и могильник; *106, 116, 117, 123*— I Атабаевская стоянка; *110* — поселение Забойное I; *114, 162, 168* — Гулькинская стоянка; *115* — Ерзовка; *124* — Болгары; *125* — Криуши; *126, 130* — Дербедень; *127* — Бакалда; *128, 167* — Ананьинская дюна; *134* — поселение «Курган»; *135* — городище «Казанка» II; *136, 138, 140, 176* — V Новомордовский могильник; *137, 139, 141, 142, 163, 173, 174, 175, 178* — II Полянский могильник; *145* — Богородское городище; *143, 146, 151, 154, 156, 157, 158, 159, 160, 171*—II Маклашеевский могильник; *143* — селище «Отарка»; *147* — Малмыжская стоянка; *150* — Свиногорское поселение; *155* — Ахмыловское поселение; *164, 171* — Турминское; *165* — Татарское Бурнашево; *166* — Ташкермень; *170* — Сюкеево; *172* — Бозяково

ный обряд, керамика, каменные и металлические изделия. Параллельно акцентируется внимание и на вопросах, связанных со временем существования, территорией расселения и взаимоотношениями приказанских племен с соседями. В развитии приказанской культуры нами выделяются четыре этапа вместо трех, как предлагалось ранее [7]. Названия этапов — Займищенский, Карташихинско-Балымский, Атабаевский и Маклашеевский — связаны с наиболее изученными памятниками, относящимися к определенному этапу и содержащими к тому же четко выраженные и относительно чистые комплексы.

Начало формирования культурных особенностей приказанских племен относится ко второй четверти II тысячелетия до н. э. и тесно связано с распадом единой волосовской общности на ряд локальных групп в силу ряда причин, среди которых не последнее место занимало все усиливавшееся воздействие на культуру местных племен населения балановско-фатьяновского и полтавкинско-срубного мира.

Займищенский этап

На первом этапе развития в культуре приказанского населения еще очень сильными были местные волосовские традиции. Однако к концу этапа в связи с дальнейшим продвижением на север ранних срубных племен их влияние на приказанскую культуру возросло и стало более отчетливо проявляться в различных областях материальной и духовной культуры.

Территория распространения приказанских племен на раннем этапе была ограничена в основном Средним Поволжьем от устья р. Цивиля на западе до низовий р. Камы на востоке и р. Утки на юге (рис. 2). Здесь известно 7 поселений, 5 могильников и около 20 местонахождений. Все поселения располагаются по краям надлуговых террас. На стоянке Займище III (рис. 1, *31*) изучены жертвенное место и остатки четырех соединенных переходами полуземлянок подчетырехугольной формы [8]. По краям земляных котлованов прослежены следы бревенчатых обкладок, прижатых к стенкам вертикальными столбами. По форме, конструкции и системе расположения раннеприказанские жилища мало чем отличаются от известных жилищ волосовской культуры, изученных на Володарской [9], Панфиловской [10], Майданской (рис. 1, *1*) и других стоянках. Определенную близость они обнаруживают и к жилым постройкам таких родственных племен, как чирковско-сейминские [11] и турбинские [12]. В последние годы обнаружено несколько ранних приказанских могильников — III, IV, VI Новомордовские, II Малиновский и III Базяковский. Четыре из них были грунтовыми, а один — III Новомордовский, наиболее поздний в этой серии, имел невысокие курганные насыпи [13]. В могильниках погребенные, помещенные в неглубоких ямах, обычно лежали вытянуто на спине и имели устойчивую речную ориентацию — ногами к реке (рис. 1, *32, 33*). Такое положение, между прочим, характерно и почти для всех известных волосовских захоронений (см., например, Володарские погребения, рис. 1, *2*) [14]. В III Новомордовском могильнике погребенные сохраняли ту же речную ориентацию, но были помещены в скорченном положении. Очевидно, в

---

[7] А. Х. Халиков. Материалы..., стр. 155 сл.; Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА, 61, 1958.

[8] Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Ук. соч., стр. 224 сл.

[9] И. К. Цветкова. Неолитические жилища стоянки Володары. СА, 1958, 2.

[10] В. А. Городцов. Панфиловская палеометаллическая стоянка. Тр. Владимирского гос. обл. музея. II, 1926.

[11] А. Х. Халиков. Материалы..., стр. 82 сл.

[12] О. Н. Бадер. Поселения Турбинского типа в Среднем Прикамье. МИА, 99, 1961.

[13] А. Х. Халиков. Ново-Мордовские курганы. МИА, 130, 1965, стр. 143.

[14] И. К. Цветкова. Стоянка Володары. КСИИМК, XX, 1948.

этом сказалось усилившееся воздействие на приказанские племена населения срубной культурной общности, племенные группы которой в середине II тысячелетия до н. э. вплотную подошли к берегам Нижней Камы и вступили в активный контакт с приказанцами [15].

Для займищенской керамики характерны горшковидные плоскодонные сосуды с цилиндрическим или расширенным раструбом горлом (рис. 1, *35, 40*). В основном они изготовлены из глины с обильной ракушечной примесью, а их поверхность обработана штриховой зачисткой. Три четверти

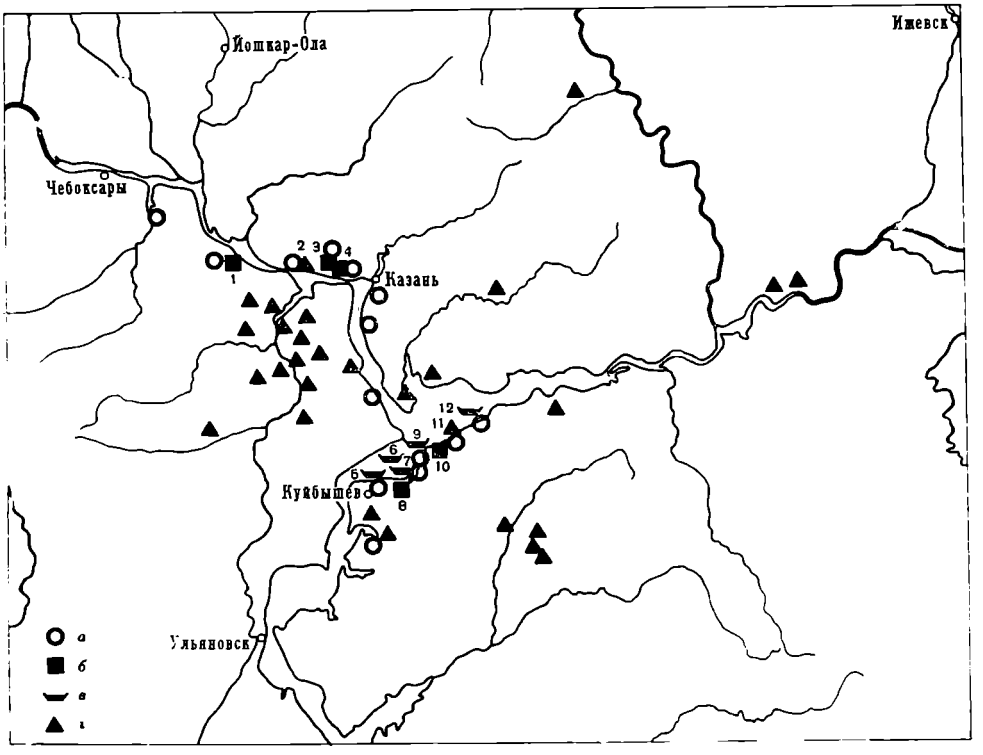


Рис. 2. Карта распространения раннеприказанских памятников в середине II тысячелетия до н. э.

а — предшествующие волосовские памятники; приказанские памятники; *б* — поселение; *в* — могильник; *г* — местонахождение.
1 — Криуши; *2* — Обсерватория III (верхний горизонт); *3* — Займище III (средний горизонт); *4* — Займище II (нижний горизонт); *5* — III Новомордовский; *6* — IV Новомордовский; *7* — VI Новомордовский; *8* — IV Новомордовское; *9* — II Малиновский; *10* — II Коминтерновское; *11* — IV Марьянское; *12* — III Базяковский

поверхности сосудов занимает орнаментация, иногда распространяющаяся и до днища. Она выполнена оттисками гребенчато-зубчатого штампа, прочерченными и реже шнуровыми линиями и почти всегда сочетается с рядом ямок-выпуклин по горлу (рис. 1, *37—40*). Система расположения узоров горизонтальна. Узоры состоят из рядов коротких отрезков, зигзагов, косой крупной сетки, треугольников и т. п. (рис. 1, *35—40*). Сопоставление этой керамики с поздней волосовской (рис. 1, *3—7*), особенно хорошо представленной в материалах Панфиловской стоянки, наглядно показывает преемственность первой от последней (табл.). Вместе с тем нельзя отрицать прослеживаемое в ранней приказанской керамике определенное срубное воздействие, выразившееся в распространении горшковидных и баночных форм сосудов.

Орудия из кремня и других пород камня в ранних приказанских памятниках многочисленны. Они по форме и способу изготовления близки к волосовским. Здесь бытуют и получают еще более широкое распростране

[15] А. Х. Халиков. Ук. соч.

Развитие приказанской керамики (данные в %)

Культура	Этап	Памятник	Всего сосудов	Форма			Дно		Горло						Край горла					Примесь		Обработка поверхности		
				горшковидная	баночно-чатевидная	остроребериая	круглое	плоское	цилиндрическое	вогнуто-цилиндрическое	раструб	плавное	закрытое	открытое	плоский	«бортик»	«валик»	«воротничок»	валик по горлу	песок, дресва, гламот	толченая раковина	гладкая	штриховая	текстильная
Волосовская	III поздний	Панфиловская	200	90	10		30	60	26	22	42		3	7	60	40				1	99	80	20	
Приказанская	I Займищенский	III Займищенская (средний горизонт)	72	97	3		5	95	28	10	59		1	2	96	4				2	98	27	73	
	II Балымско-Карташихинский	I Карташихинская	560	78	18,5	3,5	0,3	99,7	3			72	13	12	36	48	16		4	90	10	82	18	
		Балымская	400	75	21,5	3,5	2,5	97,5	4			80	9	17	48	40	9		3	93	7	80	20	
		Криущинская	44	89	11		2	98	10			80	7	3	30	68	2		1	66	34	62	38	
	III Атабаевский	I Атабаевская	207	97	3		5	95	18			79	1	2	9	12	73	7	1	90	10	60	40	
		М. Кокузинская	200	98	2		1	99	15			85		2	57	26	27			94	6	80	20	
		Гулькинская	207	93	7		5	95	17			78	2	5	22	20	50	8	1	80	20	64	36	
		II Займищенская	80	97	6		4	96	10			84	3	3	9	10	78	5		84	16	62	38	
	IV Маклашеевский	Богородское (I сл.)	248	79	21		90		44,4	18,2	21,4	5	13	8	86,6		8	30		78,6	21,4	41,9	19,8	38,3
		Ахмыловское	50	65	35		92	8	34	10	12	20	16	6	72		6	22		79	21	42	16	42
		III Займищенская (верхний горизонт)	50	95	5		90	10	68	4	4	22		2	80			20		82	18	40	20	40
		«Курган» (нижний слой)	339	93,7	6	0,3	100		62,8	3,5	16,2	11,5	4,7	15	92,6	0,6	0,9	5,9		20,3	79,7	79,5	13,2	7,3
		«Курман Тау»	50	98	2		92	8	50	2	20	26	2		22		6	72		6	94	10	90	
		II Бойцовская	59	96	4		80		67			33			71,2			28,8		80	20	70	30	
Ананьинская	I ранний	Богородское (2 сл.)	40	95	5		100		22,5			70	3	2	78			12		5	95	85	12,5	
		Ахмыловский могильник	15	53,4	46,6		100					47,6	26,6	26,6	93,4			6,6		66,6	93,4	86,7	13,3	
		«Копани»	65	92,2	7,7		100					90	2,3	4	88,9			11,1		6,4	93,6	80,6	11,1	8,3
		«Курган» (верхний слой)	341	90,3	9,7		100		22,3	1,2	20,5	26,1	20,2	9,7	99,7			0,3		4,4	95,6	94,3	3,2	2,3
		Ройский Шихан	122	82	18		100		17	12	27	26	2	16	93			7		1	99			
		Луговской могильник	25	50	50		100														100			

Продолжение

Культура	Этап	Памятник	Степень орнаментированности					Техника орнамента						Элементы орнамента									
			орнаментированная	неорнаментированная	только горло	горло и плечики	горло, плечики и тулово	ямки круглые в один ряд	жемчужины в один ряд	кликовидная в один ряд	резная и прочерченная	гребенчато-зубчатая	шнуровая	ряды горизонтальных линий	ряды горизонтальных зигзагов	ряды вертикальных зигзагов	ряды вертикальных линий	ряды скошенных линий	перекрещенные линии	заштрихованные треугольники	треугольники с бахромкой	заштрихованные ромбы	«фланки»
Волосовская	III поздний	Панфиловская	95			5	90	2		13	15	38	20	22	8	18	28	1	3	4			
Приказанская	I Займищенский	III Займищенская (средний горизонт)	89	11	1	27	72		61		42	72	4		45	15	25	37	30	18			
	II Балымско-Карташихинский	I Карташихинская	90	10	38	55,5	6,5	40,5	2	34	76	19	2	52	21	17	3	30	25	14	5	1	2
		Балымская	86	14	26	71	3	30	0,5	30	44	25	2	44	20	19	2	17	13	4	3,5	2,5	1
		Криушинская	90	9	18	80	2	60	2	11	58	40	2	48	40	10	10	50	15	5	7	2	2
	III Атабаевский	I Атабаевская	96	4	10	36	54	24	0,5	60	75	15	10	43	25	11	2,5	25	38	2	6		
		М. Кокуаинская	85	15				15		50	56	19											
		Гулькинская	91	9	12	38	50	28	2	52	60	30	30	42	33	8	2	26	26	3	4		
		II Займищенская	95	5	35	25	40	60	1	21	62	20		42	41	4	13	25	11	2	2	1	
	IV Маклашеевский	Богородское (I сл.)	96,2	3,8	70	20	10	62,2			12	18	8										
		Ахмыловское	97	3	70	18	12	90	2	18	28	22		16	26		2	4	5	2			
		III Займищенская (верхний горизонт)	98	2	80	16	4	80		28	42	35		25	35		5	40	5				
		«Курган» (нижний слой)	94,4	5,6	82,3	17,7		65,5	0,6	97	29,5	18,8		11	13,1	2	0,6	7	6,8			2,2	6,3
		«Курман Тау»	98	2	94	6		92		4	96	2	2	46	34		14	74	12			14	26
		II Бойцовская	92,5	7,5	7	1,6	29,4	81		12	50	18											
Ананьинская	I ранний	Богородское (2 сл.)	100					31,5				9	5										
		Ахмыловский могильник	60	40	93,4	6,6		46,6		13,3		20	53,3										
		«Копани»	100		88,9	11,1		69,5	2,6	22,2	5,5	44,4	39,1										
		«Курган» (верхний слой)	90	9,9	52,2	30,2	7,6	66,7		21,5	11,4	26,7	17,2	22,4	19,5	0,9	0,9	13,6	0,9	0,6		1,3	
		Ройский Шихан	100					93		5		79	48	52	10	3		44	0,5			2	
		Луговской могильник	72	38				90					66										

ние желобчатые долота с высокой спинкой (рис. 1, *52*), короткие тесла с таким же желобчатым выемом (рис. 1, *51*); треугольно-усеченные (рис. 1, *46*, *47*), треугольно-черешковые (рис. 1, *41*, *42*) и листовидные (рис. 1, *43—45*) наконечники стрел и дротиков; сплошь отретушированные плоской ретушью ножи со скошенным лезвием и усеченным основанием (рис. 1, *49*); концевые скребки подтреугольной формы (рис. 1, *48*, *50*), обнаруженные на III Займищенской стоянке в количестве более 230 экземпляров. Уникален большой кремневый кинжал из III Базяковского могильника (рис. 1, *53*), ближайшие аналогии которому имеются среди металлических кинжалов Сейминского и Турбинского могильников [16].

Интересны металлические изделия из могильных комплексов и случайных находок. Часть из них несомненно изготовлялась на месте, о чем свидетельствуют находки литейных тиглей. Из орудий следует отметить крупный шестигранный в сечении кельт сейминского типа (рис. 1, *59*), уникальный проушной топор с широким вислым обухом, к середине которого прикреплено второе короткое лезвие (рис. 1, *60*). Из районов Волго-Камья известно около 25 таких топоров [17], но без второго лезвия. Разнообразны и ножи-кинжалы: с узкой рукояткой и листовидным клинком (рис. 1, *56*), с длинной рукояткой и намеченным перекрестием (рис. 1, *57*), с короткой подтреугольной ручкой и намеченными боковыми выемами, обозначающими перекрестие (рис. 1, *55*). Раннеприказанские племена, очевидно, знали и характерные сейминско-турбинские втульчатые наконечники копий с ромбическим стержнем. На территории распространения приказанских племен известны находки 5 подобных наконечников (рис. 1, *54*).

Материальная культура приказанских племен на займищенском этапе имеет много общих черт с культурой таких хорошо датированных памятников, как Сеймпнский (XV в. до н. э.) [18], Турбпнский [19] и Покровский (XV в. до н. э.) [20] могильники. Таким образом, займищенский этап совпадает с сейминско-турбинским временем Волго-Камья, атликасинским этапом балановской культуры, покровским этапом срубных памятников, т. е. датируется XVI—XV вв. до н. э.

Хронологически ранние приказанские памятники оказываются наследниками таких поздневолосовских памятников, как Панфиловская и Подборица-Щербининская стоянки на Нижней Оке, Карташихинская и II Атабаевская на Волге, поселения «Курган» и Малиновское на Нижней Каме. Начальный этап приказанской культуры в этом отношении близок началу формирования таких преемственных с волосовской общностью культур, как поздняковская на Оке и Чирково-сейминская на Волге. Наиболее ранние поздняковские памятники — Алекановская [21], Логиновская Приозерная у г. Рязани, Ибердус 3 (раскопки Т. Б. Поповой) у г. Касимова — содержат очень близкий к раннему приказанскому керамический и кремневый инвентарь. Многие черты ранних чирковско-сейминских памятников («Галанкина Гора», Кубашевское) также близки приказанским [22].

Балымско-карташихинский этап

Развитие культуры приказанских племен на этом этапе протекало в условиях сильного воздействия степных племен срубной культурной общности, а также их соседей с востока — андроновских племен, предпринявших на

[16] О. Н. Бадер. Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964, стр. 83.
[17] Б. Г. Тихонов. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. МИА, 90, 1960, приложение 3.
[18] О. Н. Бадер. Древнейшие металлурги..., стр. 148.
[19] Там же.
[20] А. Е. Алихова. Памятники срубной культуры Самарской Луки. МИА, 80, 1960, стр. 21.
[21] А. Я. Брюсов. Очерки по истории неолитических племен Восточной Европы. М., 1952, стр. 66.
[22] А. Х. Халиков. Материалы..., стр. 134.

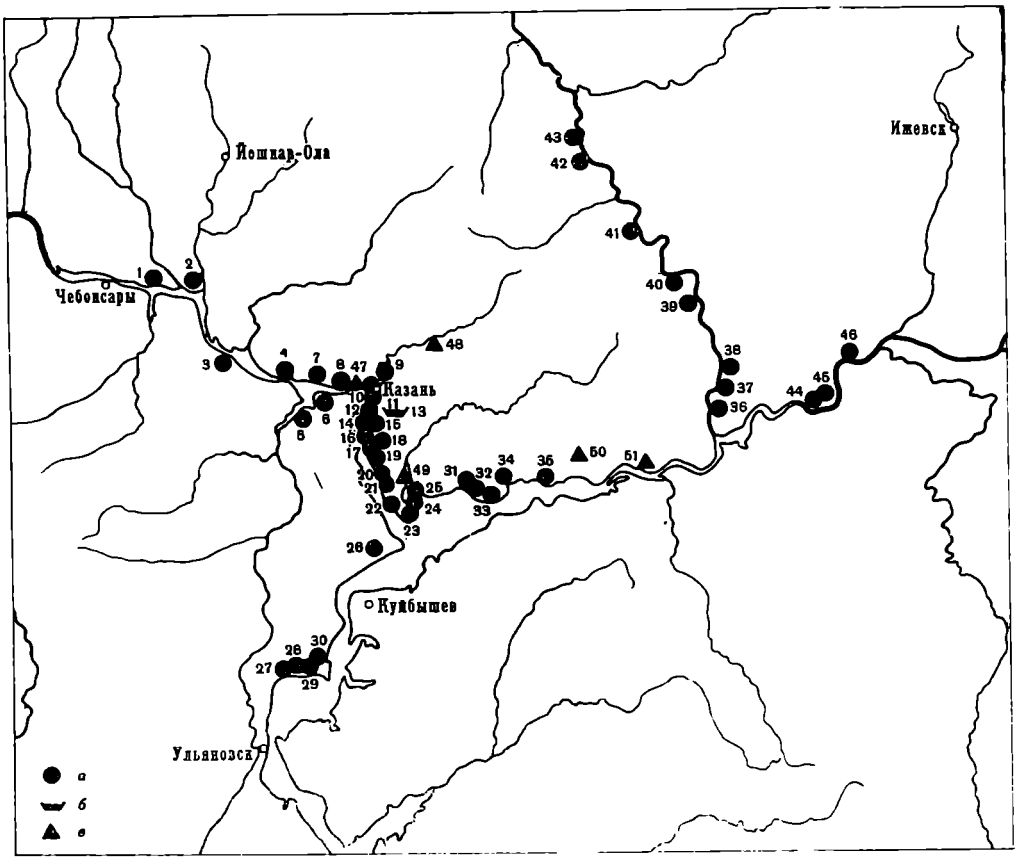


Рис. 3. Территория приказанских племен карташихинско-балымского этапа (третья четверть II тысячелетия до н. э.)

а — поселение; *б* — могильник; *в* — находки; *1* — Уржумское; *2* — Кокшайское; *3* — Криуши; *4* — Атлашкинское; *5* — Медведковское; *6* — Пустые Моркваши; *7* — I Займищенская; *8* — II Куземетьевское; *9* — II Савиновское; *10* — «Ичка»; *11* — II Бакалдинское; *12* — II Мало-Отарский; *13* — Мало-Отарский; *14* — I Старо-Победиловское; *15* — II Старо-Победиловское; *16* — IV Старо-Победиловское; *17* — Балымское; *18* — II Больше-Отарское; *19* — Матюшинское; *20* — I Карташихинское; *21* — II Карташихинское; *22* — «Биостанция»; *23* — I Епанчинское; *24* — I Макаровское; *25* — II Макаровское; *26* — Каратаевское; *27* — I Мантовское; *28* — II Мантовское; *29* — IV Мантовское; *30* — V Мантовское; *31* — V Именьковское; *32* — I Именьковское; *33* — IV Именьковское; *34* — I Полянское; *35* — Шуранское; *36* — Мамалаевское; *37* — Ново-Анзирское; *38* — Старо-Анзирское; *39* — Нижне-Шуньское; *40* — Кулигинское; *41* — Старо-Бурецкое; *42* — Хлюпинское; *43* — II Тюм-Тюмское; *44* — IV Луговское; *45* — I Луговское; *46* — Кумысское; *47* — Бакалдинская; *48* — Князь-Камаевские; *49* — Ташкирменское; *50* — Анатышские; *51* — Омары

алакульском этапе попытку проникновения в лесостепную зону Восточной Европы [23]. Приказанские племена, вытесненные с камского левобережья и фактически с волжского правобережья, сосредоточились по левому берегу Волги от устья р. Кокшаги на западе и по правому берегу р. Камы с распространением почти до устья р. Белой на востоке. На рассматриваемом этапе ими было освоено нижнее течение р. Вятки. Небольшие группы приказанского населения сохранялись по правому берегу р. Волги — в районе Криушей, в устье р. Свияги (рис. 3).

К рассматриваемому этапу относится около 50 поселений и могильников, среди которых выделяются такие выразительные памятники, как Балымская и I Карташихинская стоянки, подвергнутые исчерпывающим раскопкам [24]. В расположении поселений наблюдается их тяготение к низким дюнам пойм и краям надлуговых террас. Каждый поселок состоял из нескольких прямоугольной формы жилищ полуземляночного типа — от 4—5 (Балымское поселение) до 10—12 (Матюшинская стоянка). По-прежне-

[23] Н. Я. Мерперт. Ук. соч.
[24] Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Ук. соч.

му характерны соединенные переходами полуземлянки с древесной обкладкой стен (рис. 1, *61*), но появляются также и изолированные дома, обычно разделенные на две половины (рис. 1, *95*). Известно пока лишь два могильника этого периода — Мало-Отарский и на Балымской стоянке [25], что затрудняет выяснение погребального обряда. Часть погребений совершалась в обычных грунтовых ямах без внешних насыпей с положением умерших вытянуто на спине, головой (Мало-Отарские захоронения) или ногами (№ 3 и 6 Балымского могильника) к реке (рис. 1, *63*). Наряду с этим распространяется обряд скорченного положения умерших под невысокими курганными насыпями (погребения 2, 4, 5 Балымской стоянки). Костяки здесь лежат на правом боку, а не на левом, как у срубных племен, и ориентированы ногами к реке (рис. 1, *64*, *65*). На ряде поселений (Балымское и др.) обнаружены остатки родовых жертвенников, во многом продолжающих традиции жертвенников предшествующего времени.

Почти вся посуда плоскодонная и изготовлена из глины с преимущественной примесью песка, шамота и дресвы (рис. 1, *66—74*; табл. 1). Изредка встречается и примесь толченой раковины, особенно в керамике периферийных районов (Криушинская стоянка). Преобладают сосуды горшковидных форм с плавно изогнутым горлом, умеренно расширенным туловом и небольшим плоским днищем (рис. 1, *66*, *67*, *69*, *72*). Встречаются, особенно в могильных комплексах, баночные формы (рис. 1, *68, 71, 74*). Весьма характерно наличие по краю сосудов своеобразного скошенного «бортика», обычно орнаментированного насечками. Около 90% сосудов в верхней части имеет ту или иную орнаментацию. Переходная зона от горла к тулову почти всегда украшена рядом ямок или клиновидных углублений. Традиционны многие элементы орнамента (зигзаг, елочка, сетка, треугольники и т. п.), так же как и строго горизонтальное их расположение. Появляются новые мотивы — заштрихованные ромбы, «флажки», «лесенка», окантовка клиновидной бахромкой треугольников, зигзагов и т. п.

В изготовлении и употреблении каменных орудий намечается определенный упадок. Большинство металлических изделий рассматриваемого этапа — ножи с намеченным перекрестием, кельты позднесейминского типа, подвески с золотой фольгой и др.— датируются третьей четвертью II тысячелетия до н. э. Этим же временем датируется и большинство северных памятников срубной культуры, население которых заняло южные районы приказанской территории в балымско-карташихинский период. XIV—XIII вв. до н. э. определяется и время существования андроновской посуды алакульского типа [26], обнаруженной на I Луговской [27] и Балымской приказанских стоянках. На последней найдены также и фрагменты единичных абашевских сосудов [28], а на Карташихинской стоянке — фрагменты балановской посуды ош-пандинского типа. Как известно, абашевские [29] и ош-пандинские балановские [30] памятники в Среднем Поволжье также в основном датируются третьей четвертью II тысячелетия до н. э. Исходя из изложенного выше, есть основания определять хронологические рамки балымско-карташихинского этапа этим же временем, но с частичным заходом в последнюю четверть, так как среди керамических комплексов этапа наблюдаются и некоторые поздние явления, типа сосудов с поддоном и с валиками по горлу. Поэтому наиболее вероятным будет время, ограниченное XIV—XIII вв. до н. э.

---

[25] Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Ук. соч.

[26] Н. Я. Мерперт. Ук. соч.

[27] А. В. Збруева. Памятники эпохи поздней бронзы в приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье, МИА, 80, 1960.

[28] Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Ук. соч., рис. 37—10.

[29] А. Х. Халиков. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР. МИА, 97, 1961.

[30] А. Х. Халиков и Е. А. Безухова. Материалы к древней истории Поветлужья. Горький, 1960.

В балымско-карташихинский период приказанское население, несмотря на сильное срубно-андроновское воздействие, продолжало сохранять и развивать свою самобытную культуру. Взаимодействие его с более развитыми скотоводческими племенами способствовало усилению местной экономики, что выразилось в превращении в это время скотоводства у приказанцев в одну из ведущих отраслей хозяйства.

Атабаевский этап

В последней четверти II тысячелетия до н. э. срубные и андроновские племена постепенно покидают лесостепную зону Евразии. В этих условиях возрастает значение местного населения, которое начинает занимать господствующее положение в крае. Особенно это сказалось на судьбе приказанских племен, заселявших исключительно выгодные в природном отношении области слияния Камы с Волгой. Широкие пойменные долины, благоприятные для скотоводства; плодородные и относительно легко обрабатываемые земли; леса, богатые зверем и дичью; обильные рыбой воды; насыщенные медью нижнекамские песчаники — все это способствовало усиленному развитию культуры и экономики приказанского населения и его распространению на значительную территорию. Действительно, на атабаевском этапе приказанские племена осваивают широкие пространства Среднего Поволжья и Прикамья (рис. 4). На западе они достигают Устья р. Ветлуги (Ахмыловское поселение), на юге занимают все правобережье р. Волги от р. Суры до среднего течения р. Свияги (Козловское и Мантовское поселения) и левый берег Камы. Наиболее южное поселение отмечено у устья р. Черемшана (Кайбельское поселение). Завершается освоение бассейна р. Вятки, и приказанские памятники появляются на Средней Каме (ерзовская группа), где они выявлены до устья р. Чусовой (Заюрчимское поселение). Вероятно, в конце этапа приказанские племена прорываются и в бассейн р. Белой. Обнаруженная выше г. Уфы А. В. Збруевой Касьяновская стоянка[31] содержала типичную приказанскую керамику с поздними атабаевскими чертами. В этих условиях начинают складываться локальные варианты приказанской культуры: средневолжский, нижнекамский, вятский, среднекамский и бельский. В сложении их немаловажное значение имели местные условия и особенно культура предшествующих приказанцам племен. Так, на Средней Каме отчетливы традиции поздней турбинской культуры[32], на Белой — так называемой черкаскульской культуры[33], на Вятке — чирковско-сейминских племен[34].

К атабаевскому этапу относится уже более 100 поселений и могильников, среди которых наиболее изученными являются: I Атабаевская, II Займищенская, Гулькинская, II Луговская, Ерзовская и другие стоянки. Поселения располагаются по краям надлуговых террас и очень редко занимают пойменные дюны. Они, как правило, состоят из нескольких изолированных жилищ, лишь в редких случаях сохраняющих переходы (II Луговская стоянка[35]). Жилища имеют прямоугольную форму, неглубокие земляные котлованы и следы столбовых укреплений стен (рис. 1, *96—98*). Некоторые дома сохраняют внутреннее разделение на две половины. Немногочисленные могильники подразделяются на грунтовые (I Балымский и Рождественский) и курганные («Маклашеевский взвоз» и Лу-

---

[31] А. В. Збруева. Стоянка имени М. Н. Касьянова. Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959.

[32] В. П. Денисов. К истории населения Среднего Прикамья в эпоху поздней бронзы. Из древней истории Урала. Свердловск, 1960.

[33] К. В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 375.

[34] А. Х. Халиков. Материалы..., стр. 166.

[35] А. В. Збруева. Памятники поздней бронзы в Прикамье. КСИИМК. XXXII, 1950, стр. 70 сл.

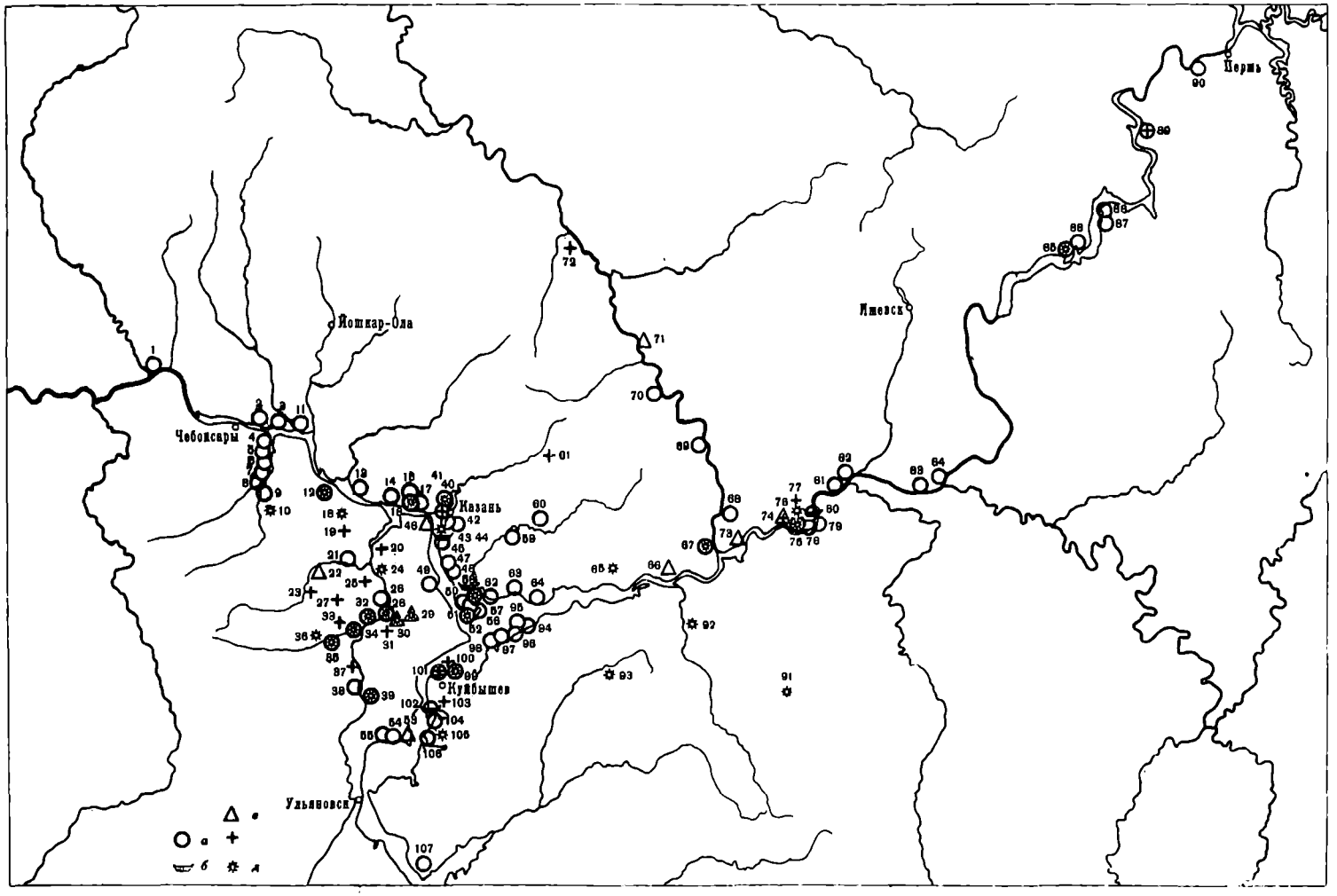


Рис. 4. Территория приказанских племен атабаевского этапа (последняя четверть II тысячелетия до н. э.)

а — поселение; *б* — могильник; *в* — местонахождение; *г* — находка металла; *д* — группа находок металлических изделий: *1* — Ахмыловское; *2* — I Уржумкинское; *3* — Сидельниковское; *4* — I Яндашевское; *5* — II Яндашевское; *6* — Ердовское; *7* — Вороновское; *8* — Тувси; *9* — Шелом; *10* — бывш. Цивильский уезд; *11* — Кокшайское; *12* — Криушинское; *13* — Волжское; *14* — II Сумское; *15* — III Займище; *16* — II Займище; *17* — I Займище; *18* — Альменевские; *19* — Курбашинская; *20* — Карамышевская; *21* — Татарско-Азилейская; *22* — Хозесановское; *23* — Турминская; *24* — Ивановские; *25* — Билбашская; *26* — III Кабы-Копрынская; *27* — Эбалаковская; *28* — Мало-Кокузинская; *29* — Булгаярские; *30* — Байрашевские; *31* — Апастовская; *32* — Девликеевская; *33* — Мало-Буяновские; *34* — Деушевское; *35* — Тутаевское; *36* — Больше-Яльчикская; *37* — Ломжинская; *38* — Козловское; *39* — Фроловское; *40* — Сухая река; *41* — III Бакалдинское; *42* — III Кокушкино; *43* — II Мало-Отарское; *44* — Балымское погребение № 1; *45* — I Матюшинское; *46* — Услонское; *47* — I Тетеевское; *49* — Лабышкинскос; *50* — Надлуговое (Кордон); *51* — II Усть-Камское; *52* — I Атабаевское; *53* — Зольное; *54* — II Мантово; *55* — III Мантово; *56* — II Атабаевское; *57* — Ташкирменские; *58* — Рождественский; *59* — Кулаевское; *60* — Нурминское; *61* — Горталовское; *62* — III Макаровское; *63* — V Именьковское; *64* — II Полянское; *65* — Омарские; *66* — Отаркинское; *67* — Гроханьское; *68* — Татарско-Дюм-Дюмское; *69* — Н. Кумызанское; *70* — Ново-Бурецкое; *71* — Аргыжское; *72* — Уржумское; *73* — Котловское; *74* — Танайская; *75* — Ананьинская дюна; *76* — Елабужские; *77* — Пустобаевская; *78* — III Луговское; *79* — II Луговское; *80* — Луговские курганы; *81* — Кумысское; *82* — Икское; *83* — Ныргиндинское; *84* — Ныргиндинское; *85* — Еловское; *86* — Ерзовка; *87* — Старушка; *88* — III Старушка; *89* — I Забойное; *90* — Заюрчим; *91* — Дербеденьский клад; *92* — Городищенские; *93* — Билярские; *94* — VII Н. Марьянское; *97* — Н. Марьянское; *98* — II Измерское; *99* — Новомордовское; *100* — Болгарская; *101* — I Степное; *102* — Маклашеевские курганы на взвозе; *103* — Маклашеевская; *104* — Гулькинские; *105* — Волостниковско-Грязнухинские; *106* — Майнское; *107* — Кайбелы

говской). Последние состоят из невысоких насыпей, сооруженных над одиночными захоронениями, с костяками, положенными обычно на правом боку с подогнутыми ногами (рис. 1, *99—102*). Ориентация погребенных по странам света неустойчивая, так как хоронили обычно головой (рис. 1, *100*) или ногами (рис. 1, *101, 102*) к реке.

Основная масса керамики плоскодонная с преобладанием горшковидных форм (табл.). Но к концу этапа увеличивается число круглодонных сосудов, в тесте которых превалирует примесь толченых раковин (рис. 1, *104, 111, 112*). В оформлении горла особенно характерен налепной валик со скошенным верхом (до 78% сосудов на некоторых стоянках — табл.). Абсолютное большинство сосудов (90—95%) орнаментировано различными узорами из прочерченных, зубчатых и ямочных оттисков. Более половины из них по линии перехода от горла к тулову украшено рядом клиновидных углублений, у остальных сосудов этот ряд выполнен оттисками правильных ямок. В системе орнаментации по-прежнему господствует строгая горизонтальная зональность и выполнение узоров прочерченными линиями, реже — гребенчато-зубчатыми оттисками (табл.). Новыми среди узоров являются треугольники из клинышков (рис. 1, *112*), зигзаги с бахромкой (рис. 1, *109*) и другие (табл.). В целом керамика становится более изящной и постепенно теряет грубость, характерную для керамики предшествующего времени.

Каменные орудия постепенно выходят из употребления. Нет уже долот, тесел и других крупных орудий. Сохраняются лишь наконечники стрел вытянуто-подтреугольной формы с усеченным основанием (рис. 1, *116—119*), бесформенные скребки и клинковидные ножи, продолжающие развитие турбинско-сейминских типов. Почти на каждом изученном поселении найдены массивные зернотерочные плиты (рис. 1, *120*) или их обломки, а также песты-куранты.

На основе освоения местных медистых песчаников широкое развитие получает медно-бронзовая металлургия. На поселениях обнаружены многочисленные обломки тиглей, шлаки и отдельные металлические предметы. На стоянках «Сухая река» [36] и «Маркиз» у г. Казани и Еловская на Каме [37] встречены каменные литейные формы. Для атабаевского этапа характерны: черешковые ножи с двулезвийным вытянуто-подтреугольным клинком (рис. 1, *122, 123*); втульчатые кельты трех типов с двумя ушками и валиком по краю (рис. 1, *127*), с одним боковым ушком дербеденевского типа (рис. 1, *126*) и с лобным ушком (рис. 1, *125*); втульчатые (рис. 1, *128*) и черешковые долота (рис. 1, *131*); наконечники копий с прорезными крыльями (рис. 1, *124*); височные подвески (рис. 1, *133*) и пронизи (рис. 1, *132*). Начинают оформляться женские головные венчики с центральной бляхой (рис. 1, *133*).

Памятники атабаевского этапа в основном датируются последней четвертью II тысячелетия до н. э. В пользу этой даты свидетельствует большинство металлических изделий, обнаруженных на памятниках рассматриваемого периода. Приказанские кельты этого времени отличаются от позднесейминских и приближаются к типу степных — киммерийских, начало распространения которых, по мнению ряда исследователей [38], относится к концу II тысячелетия до н. э. Этим же временем датируется и начало изготовления кельтов с лобным ушком [39]. Последней четвертью II тысячелетия до н. э. датируется также Дербеденевский клад [40], многие предметы которого (серпы, одноушковый кельт, долото) наиболее характерны для

[36] A. M. Tallgren. Collection Zaoussaïlov an musee Historique de Finnlande a Helsingfors. 1. Helsingfors, 1916, табл. II, 7.

[37] В. П. Денисов. Итоги изучения памятников эпохи поздней бронзы в Прикамье. ВАУ, 1. Свердловск. 1961, рис. 5—12.

[38] Б. Г. Тихонов. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. МИА, 90, 1960.

[39] Б. Г. Тихонов. Там же.

[40] Б. Г. Тихонов. Там же, стр. 60.

атабаевского времени. Височные подвески из I Балымского могильника (рис. 1, *133*) фактически продолжают развитие срубно-андроновских подвесок в полтора оборота и близки к типу подвесок могильника Кокча 3, датированного XIII—XI вв. до н. э.[41]

В последней четверти II тысячелетия до н. э. приказанские племена не только значительно расширяют свою территорию, но и вступают в активные контакты с окружающими и иногда весьма отдаленными племенами. Устанавливаются контакты с поздняковскими племенами, которые, судя по таким памятникам, как Акозинская, Шавская и другие стоянки[42], в это время вплотную продвинулись по Волге к приказанской территории. Приказанское воздействие ощущается и на поздних поселениях срубной культуры в районе Самарской луки[43]. Приказанская керамика атабаевского типа обнаружена и на некоторых позднеандроновских поселениях, в частности на Алексеевском на р. Тоболе[44], и, наконец, близкая к приказанской керамика обнаруживается на так называемых лебяжских памятниках Вычегды и Печоры[45].

Маклашеевский этап

Приказанские племена на заключительном этапе своего развития завершают освоение будущей основной территории ананьинской культурной общности от бассейна р. Ветлуги на западе и до бассейна р. Белой и Верхней Камы на востоке (рис. 5). Наиболее северо-западными памятниками в этой серии являются Пановская стоянка, нижний слой Богородского городища на р. Ветлуге и Ахмыловское поселение на Волге. На юге в устье р. Черемшан известно Кайбельское поселение, на севере — Буйская стоянка в среднем течении р. Вятки[46] и поселение Заюрчим близ устья р. Чусовой[47]. Юго-восточный куст образуют памятники курмантаусского типа в среднем течении р. Белой[48]. К маклашеевскому этапу относится более 130 поселений и могильников (рис. 5). Большинство поселений продолжает занимать края надлуговых террас, но уже около четверти их переносится на высокие естественно укрепленные мысы рек. Появляются и первые укрепленные поселения — городища. К числу их следует отнести городища «Красный Исток» на р. Каме и «Казанка II» на р. Казанке (рис. 1, *135*). Многие из позднеприказанских поселков продолжают существовать и в раннеананьинское время. Немногочисленные жилища, остатки которых известны на поселениях «Курган», Заюрчим и Ерзовка, имеют вид наземных домов прямоугольной формы, стены которых сооружались из вертикально поставленных столбов, обшитых горизонтальными плахами (рис. 1, *134*).

В настоящее время исследовано 9 позднеприказанских могильников — I, II, III Маклашеевские (26 погребений под невысокими насыпями или впускных в срубные курганы), I Полянский (4 погребения, впущенные в срубные курганы), II Полянский (20 погребений в грунтовых ямах), V Новомордовский (19 погребений в грунтовых ямах), Луговской курганный (5 впускных в более ранние курганы), Кумысский (11 погребений в грунтовых ямах или под невысокими насыпями); возможен могильник на Криушинской дюне. Для позднеприказанских могильников характерно

[41] М. А. Итина. Раскопки могильника тазабагъябской культуры Кокча 3. МХЭ. 5, М., 1961, стр. 80.

[42] А. Х. Халиков. Материалы..., стр. 167 сл.

[43] Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории...; А. Е. Алихова. Памятники срубной культуры Самарской Луки.

[44] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, XVII, М., 1948, рис. 60, *7, 8*.

[45] Г. М. Буров. Археологические памятники Вычегодской долины. Сыктывкар, 1967, стр. 87.

[46] В. П. Денисов. Новые археологические памятники на р. Вятке. СА, 1958, 3.

[47] В. П. Денисов. К истории населения...

[48] К. В. Сальников. Ук. соч.

преобладание захоронений в глубоких грунтовых ямах, в отдельных случаях сохранение невысоких насыпей и расположение могильных ям рядами. Как в грунтовых могильниках, так и под насыпями повсеместно наблюдается переход к вытянутому трупоположению с устойчивой ориентацией умерших головой к реке (рис. 1, *136—140*). Иногда в ямах сохраняются следы ритуальных костров, что в некоторых случаях приводило к частичному трупосожжению (рис. 1, *138*). Появляются парные (рис. 1, *139*) и коллективные погребения (рис. 1, *140*) при абсолютном преобладании одиночных. Интересны остатки поминальных чаш над могилами. Встречается сопровождение умерших жертвенной пищей (лопатки и бедренные кости животных). Многие явления позднеприказанского погребального обряда становятся впоследствии характерными для раннеананьинских могильников. Интересно, что некоторые из позднеприказанских могильников (II Полянский, Новомордовский) продолжали функционировать и в раннеананьинское время.

Значительные керамические комплексы, выявленные почти для всех локальных районов приказанской культуры (табл. 1), характеризуют дальнейшее развитие форм и орнаментации посуды. Почти 90% сосудов уже имело округлое и иногда даже приостренное дно (рис. 1, *142—153*), хотя сохранились и плоскодонные сосуды (рис. 1, *141*). Преобладали горшковидные формы с цилиндрическим горлом, но среди могильных комплексов более часты чашевидные формы (рис. 1, *153*), обычные также в западных (ветлужских и средневолжских) поселениях (21—35%). Примерно до одной трети сосудов по горлу имели припухлый воротничок, развивающийся из атабаевского валика. На бельских поселениях таких сосудов до 70%. Примеси в тесте различны по локальным районам. Если в западных поселениях преобладают сосуды с примесью песка и шамота (79—82%), то в восточных районах господствуют сосуды с ракушечной примесью (80—94%). На волжских, ветлужских и реже нижнекамских памятниках появляется посуда с «текстильной» обработкой поверхности (рис. 1, *142, 148*) — результат активных приказанско-поздняковских связей. Орнамент традиционен и располагается лишь по горлу и очень редко заходит на верхнюю половину тулова сосуда. Обычны ряды ямок, реже клинышков, завершающие орнаментальную зону (рис. 1, *142—153*). Прочерченными, зубчато-гребенчатыми и редко шнуровыми оттисками выполнялись узоры из горизонтальных линий, зигзагов, рядов коротких отрезков, косой крупной сетки, уплощенных треугольников, ромбов, «городков», «флажков», часто окаймленных «бахромкой» (рис. 1, *141—153*).

Из каменных орудий сохраняются лишь наконечники стрел с усеченным основанием вытянуто-листовидной формы (рис. 1, *154, 155*) и растиральные плиты. Встречаются также аморфные скребки. В могильниках и иногда на поселениях нередки костяные поделки: наконечники стрел — трехгранные и линзовидные в сечении (рис. 1, *156—159*); долота и резцы (рис. 1, *160, 161*); тесло с цапфами (рис. 1, *162*); трехдырчатые псалии (рис. 1, *163*); пронизи, амулеты, подвески и т. п.

Приказанские племена на маклашеевском этапе наряду с интенсивным развитием медно-бронзовой металлургии предпринимают освоение железа. На полу жилища 1 Займищенской стоянки III вместе с позднеприказанской керамикой найдены обломки железного предмета[49]. Но это были лишь первые шаги на пути освоения железа. Определяющими остаются медно-бронзовые изделия, многие из которых специфичны для приказанской культуры. В их числе кельты двух типов — с боковым ушком (рис. 1, *169*) и с лобным ушком (рис. 1, *170, 171*). На основе развития первых постепенно вырабатывается тип одноушковых кельтов меларского или акозинского[50] облика, а развитие второго типа, обнаруженного на при-

[49] Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Ук. соч., стр. 255.

[50] А. Х. Халиков. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа. Тр. МАЭ, II, Йошкар-Ола. 1962.

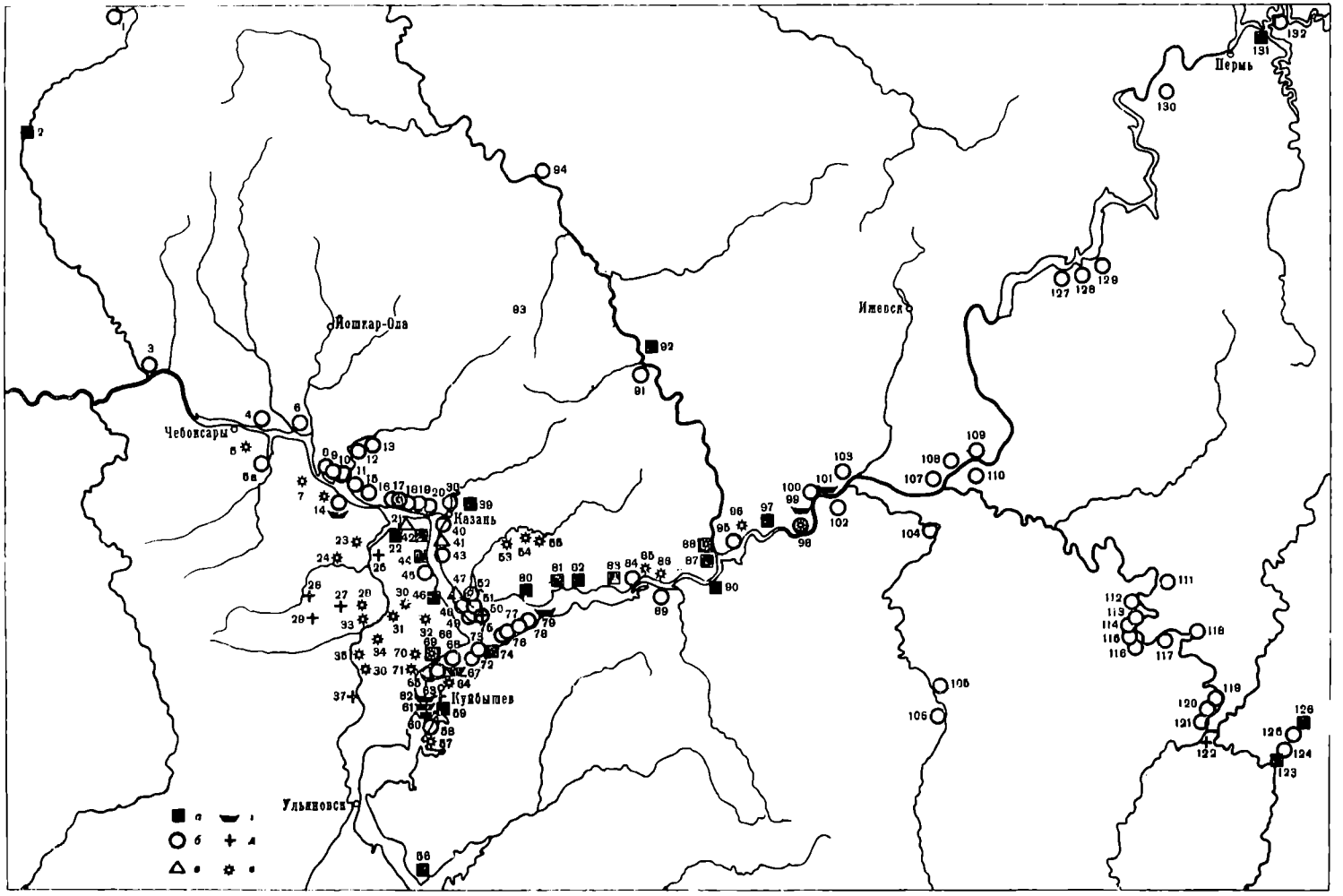

Чебоксары
Йошкар-Ола
Казань
Ижевск
Пермь
Куйбышев
Ульяновск

Рис 5

казанской территории более чем в 25 экз. приводит, в конечном итоге, к формированию раннеананьинских кельтов. Интересны тесла с боковыми цапфами, мотыги с раскованной, но сомкнутой втулкой (7 экз., рис. 1, *172*). Продолжают широко употребляться двулезвийные ножи с прямоугольной рукояткой и более прямым, чем в предыдущее время, клинком (10 экз., рис. 1, *168*). Встречено четыре типа так называемых «киммерийских» кинжалов (9 экз., рис. 1, *167*). Разнообразны и наконечники копий. Все они втульчатые и отличаются друг от друга лишь формой пера: с прорезями в нижней части (9 экз. рис. 1, *164*), без прорезей (10 экз. рис. 1, *165*) и с узкими лопастями (4 экз., рис. 1, *166*). Первые два типа находят прямое продолжение в раннеананьинских материалах. Более разнообразными становятся налобные составные венчики, приобретающие, кроме центральных блях, еще дополнительные украшения в виде мелких бляшек и пластин с выпуклинами (рис. 1, *177, 178*). В результате развития височных подвесок в полтора оборота вырабатываются мужские (проволочные) в полтора — два с половиной оборота и женские (пластинчатые) кольца (рис. 1, *174, 175*). Оригинальны очковидные подвески с завернутыми внутрь кольцами (рис. 1, *176*), имеющие аналогии в памятниках поздней бронзы Северного Кавказа. Известны также нагрудные бляхи (рис. 1, *173*) и пронизи из медных листков.

Большинство этих предметов по имеющимся аналогиям датируется в основном в пределах X—IX вв. до н. э. Характерно, что в позднеприказанских памятниках не встречено вещей VIII—VII вв. до н. э., достаточно выразительно представленных в раннеананьинских могильниках[51]. Поэтому есть основания полагать, что конечный этап приказанской культуры падает на X—IX вв. до н. э., а с VIII в. начинается раннеананьинская эпоха Волго-Камья. Поздний период приказанской культуры характеризуется еще большим усилением связей местных племен с далекими территориями.

Особенно активными становятся взаимоотношения с южными районами Восточной Европы — Причерноморьем, Приднепровьем и Северным Кав-

[51] А. Х. Халиков. Ук. соч.; А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, 30, 1952.

Рис. 5. Распространение позднеприказанских (маклашеевских) памятников в первой четверти I тысячелетия до н. э.

а — поселение на высоком мысу, *б* — поселение на краю террасы или на дюне; *в* — местонахождение; *г* — могильник; *д* — отдельная находка металлического изделия; *е* — группа металлических находок. *1* — Пановское; *2* — Богородское; *3* — Ахмыловское; *4* — I Уржумкинское; *5* — бывш. Чебоксарский уезд; *5а* — II Яндашевское; *6* — Кокшайское; *7* — Качеевская; *8* — Чувашско-Отарское; *9* — II Мари-Луговское; *10* — I Мари-Луговское; *11* — «Городище»; *12* — Алексеевское; *13* — Чедрояльское; *14* — Криушинский комплекс; *15* — Атлашкинское; *16* — I Сумское; *17* — IV Обсерваторское; *18* — IV Займищенское; *19* — III Займищенское; *20* — I Кузметьевское; *21* — Свияжское; *22* — Состринское; *23* — Ковали; *24* — Курбаши; *25* — Карамышево; *26* — Турминское; *27* — Эбалаково; *28* — Новобуяново; *29* — Малая Тояба; *30* — Татарское Бурнашево; *31* — Барышево; *32* — Булгояры; *33* — Бишево; *34* — Апастово; *35* — Чирки; *36* — Фролово; *37* — Карсабак; *38* — Казанское; *39* — II «Казанка»; *40* — I Кокушкинское; *41* — Балымское; *42* — Нижне-Услонское; *43* — I Матюшинское; *44* — Наримановское; *45* — I Лабышкинское; *46* — Антоновское; *47* — I Карташихинское; *48* — I «Кордон»; *49* — II «Кордон»; *50* — II Япанчинское; *51* — I Макаровское; *52* — Ташкирменское; *53*—Ковали; *54*—Нырсы; *55*—Янсувар; *56* — Кайбельское; *57* — Грязнуха; *58* — Гулькинское; *59* — Маклашеевское; *60* — I, II, III Маклашеевские; *61* — II Полянский; *62* — I Полянский; *63* — Три озера; *64* — Болгары; *65* — I Степное; *66* — II Степное; *67* — V Новомордовский; *68* — III Новомордовское; *69* — Сюкеевское; *70* — бывш. Тетюшский уезд; *71* — Монастырское; *72* — I Семеновское; *73* — II Семеновское; *74* — «Курган»; *75* — III Н. Марьянское; *76* — Базяковское; *77* — II Березогривское; *78* — IV Березогривское, *79* — II Березогривский; *80* — Именьковское; *81* — Сорочьегорское городище; *82* — I Сорочьегорское селище; *83* — II Троицко-Урайское; *84* — I Вандовское; *85* — Омарский починок; *86* — Березовая Грива; *87* — «Красный исток»; *88* — Гроханьское; *89* — Каратаевское; *90* — Светлоключинское; *91* — Малмыжское; *92* — Аргыжское; *93* — Марушино; *94* — I Буйское; *95* — II Свиногорское; *96* — Котловка; *97* — III Танаевское; *98* — Ананьинское; *99* — Луговские курганы; *100* — «Отарка»; *101* — Кумысский; 102 — Дубовогривское; *103* — Икское; *104* — Калмуразинское; *105* — Куштеряковское; *106* — Тумутукское; *107* — Ныргиндинское; *108* — Ныргиндинское; *109* — Каракулинское; *110* — II Саузовское; *111* — Бирское; *112* — Кармасанское; *113* — II Ахметовское; *114* — I Ахметовское; *115* — Матвеевское; *116* — Кушнаренковское; *117* — Кереневское; *118* — Дуванейское; *119* — Кумлекуль; *120* — II Романовкинское; *121* — VIII Романовкинское; *122* — Миловка; *123* — Куштаусское; *124* — Касьяновское; *125* — Курмантаусское; *126* — Курмантаусское городище; *127* — Ерзовское; *128* — II Бойцовское; *129* — III Бойцовское; *130* — Заюрчимское; *131* — Галкинское; *132* — I Борское

казом. Проушные топоры колхидского типа[52], трехдырчатые костяные псалии субботовского типа, киммерийские кинжалы и прорезные наконечники копий и многие другие предметы свидетельствуют об этом. На поселениях Чусовского Прикамья, особенно на Заюрчимской стоянке, ощущается воздействие зауральских племен. О связях с сибирскими племенами свидетельствуют находки ножей с полукольцевым навершием карасукского типа, полушаровидных бляшек — обоймочек, а также сходное развитие кельтов с лобным ушком. Вместе с тем у нас нет никаких оснований для предположений о каких-либо новых этнических включениях со стороны в приказанскую среду. В результате окончательного сближения районов распространения приказанских и поздняковских племен между ними устанавливаются очень тесные связи, что выразилось в распространении на приказанской территории, особенно в ее западных пределах, керамики с «текстильной» обработкой поверхности, а в поздняковской культуре — приказанских форм металлических орудий и украшений. Не исключено и воздействие приказанского погребального обряда. По крайней мере обряд и вещевые комплексы Младшего Волосовского могильника[53], относящегося к переходному от эпохи бронзы к раннему железу периоду, мало чем отличаются от аналогичных явлений позднеприказанских и раннеананьинских могильников.

На основе приказанской культуры формируются все культурные особенности раннеананьинской общности[54], финно-угорская принадлежность которой неоспорима[55]. Изучение в этом отношении приказанской культуры представляет значительный интерес, ибо, прослеживая непосредственную преемственность ананьинской культуры от приказанской, а приказанской от волосовской, мы имеем реальную возможность удревнения конкретной истории финно-угорских народов.

---

[52] А. Х. Халиков. Ук. соч., стр. 100.

[53] В. А. Городцов. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома. «Древности», XXIV, 1914.

[54] А. Х. Халиков. Материалы.., стр. 166, 167; А. В. Збруева. Памятники эпохи поздней бронзы.

[55] А. В. Збруева. История населения Прикамья...

М. Б. ЩУКИН

ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ И НАХОДКИ АМФОР

Хорошо известно, насколько сложной и дискуссионной является проблема черняховской культуры, в первую очередь ее этнической принадлежности. А поскольку вопросы этнической интерпретации не могут быть решены без установления точных хронологических рамок черняховской культуры, то эта задача выдвигается сейчас на первый план.

Среди датирующих элементов немаловажное место принадлежит амфорной таре, но недостаточная разработанность ее датировок создает почву для споров и возможности для расширения хронологических рамок существования черняховской культуры. Ранняя дата — II в. н. э.— устанавливается по находкам монет и узкогорлых светлоглиняных амфор. На основании поздней датировки ягнятинской амфоры делается попытка отодвинуть конец черняховской культуры до VII в.

Наиболее многочисленны на памятниках черняховской культуры сравнительно небольшие узкогорлые светлоглиняные амфоры. Их фрагменты встречаются почти на каждом поселении, и обычно их датировали I—III или II—III вв. н. э. По форме они довольно четко подразделяются на два типа, хотя по отдельным черепкам стенок, ручек или венчиков их почти невозможно различить.

Среди целых экземпляров больше всего амфор с узким, вытянутым корпусом, заканчивающимся слегка расширяющимся дном в виде «рюмочки», с узким трубчатым горлом и большими ребристыми ручками (рис. 1, *в*). Эти амфоры назовем «инкерманским типом». Они распространены по всей территории черняховской культуры, известно их 15 целых экземпляров, что намного превосходит число находок целых амфор других типов. Амфоры эти известны в римских слоях причерноморских центров, часто встречаются в замкнутых комплексах и могут быть датированы достаточно точно.

А. Т. Смиленко по аналогии с амфорой из склепа № 242 в Херсонесе, где была найдена монета Гордиана III (238—244 гг.), датирует этот тип амфор первой половиной III в. [1] Однако в этом склепе было 14 костяков, лежащих очень тесно и перекрывавших друг друга [2]. Трудно определить, с каким костяком положена монета. Если признать, что монета положена у ног костяка № 1, у головы которого стояла амфора, то это произошло не ранее второй половины III в. На шее костяка № 1 лежала провинциально-римская бронзовая фибула [3], датировка которой концом III—IV в. не вызывает сомнений [4]. В склепе № 242 найдено 11 определяемых монет, из

[1] А. Т. Смиленко. Про деякі датуючі речі в культурі полів поховань. Археологія, VI, 1952, стр. 53.

[2] Р. Х. Лепер. Дневник раскопок Херсонесского некрополя. ХС, II, Севастополь, 1927, стр. 252.

[3] Там же, стр. 252, рис. 18.

[4] O. Almgren. Studien über nordeuropäische Fibelformen. Mannus — Bibliothek, 32, 1923, Табл. VII, *162*; E. Meyer. Die Bügelknopffibeln. Arbeits- und Forschungsbericht zur Sächsischen Bodendenkmalpflege, 8, 1960, стр. 241.

них монеты Каракаллы (211—217) и Гордиана III (238—244) — самые ранние, остальные поздние: Константина I (306—337), Юлиана (361—363) [5].

В погр. № 12 в Городке Николаевке подобная амфора сочетается с ьедеркообразной привеской и фибулой с обернутой ножкой. Такое сочетание весьма типично для III—IV вв., а фибула с трехгранной спинкой — один из более поздних ее вариантов (не ранее второй половины III в.) [6]. Достаточно точно датируется амфора и в сарматском погребении у ст. Воронежской — последняя четверть III в. [7]. В доме IV в. на городище у хут. Батарейка обнаружена такая же амфора. Здесь же скопление дисковидных грузил, краснолаковое блюдо с высокими краями, а на полу под золой (дом погиб от пожара) медная монета Рискупорида VI (324 г.), т. е. весь комплекс не может быть ранее 324 г. [8]. В Фанагории и Пантикапее встречались фрагменты высокогорлых амфор этого типа. По условиям стратиграфии они могут быть отнесены к IV в. (они обнаружены в слое, покрывавшем винодельни II—III вв.) [9]. Хорошо датируется и амфора в погр. № 8 черняховского могильника Извоар в Румынии. Здесь она сочетается с костяным гребнем, серебряной провинциально-римской фибулой, стеклянным кубком и другими вещами IV в. [10]. Из всего изложенного следует, что амфоры инкерманского типа, самые многочисленные в черняховской культуре, не встречаются в комплексах II — первой половины III в. и должны датироваться второй половиной III—IV в.

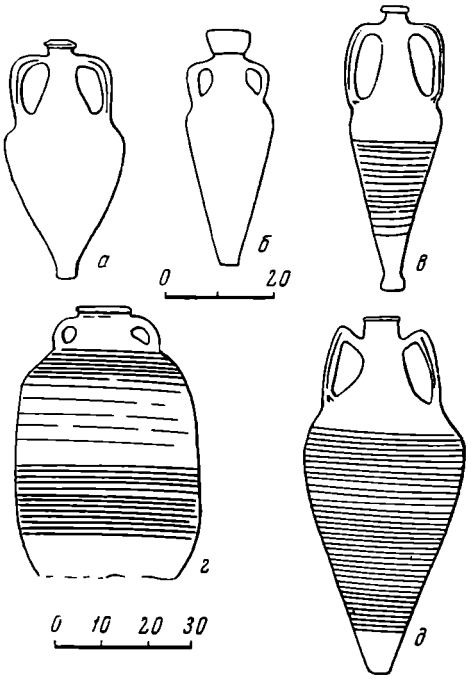


Рис. 1. Некоторые амфоры черняховской культуры

а — амфора «танаисского типа»; *б* — Малаешты; *в* — амфора «инкерманского» типа; *в* — Ягнятин; *д* — Негин

Гораздо реже встречаются амфоры, называемые иногда танаисскими. Они имеют более широкое тулово и коническое расширение в нижней части горла (рис. 1, *а*). В области распространения черняховской культуры найдено пять таких амфор. Из них одна — случайная находка в Олонештах, три происходят с памятников, культурная принадлежность которых не ясна (Беседовка [11], Дубны и хут. Савинский [12]). Эти амфоры в причерноморских античных городах датируются обычно в рамках II—III [13] или даже I в. [14] Однако все закрытые комплексы указывают на более позднее

---

[5] Р. Х. Лепер. Ук. соч., стр. 252. 253.

[6] M. Ebert. Ausgrabungen bei dem «Gorodok Nikolajewka». «Prähistorische Zeitschrift», V, 1—2, 1913, рис. 101, 105; O. Almgren. Ук. ссч., табл. VII, 162, стр. 79—85; T. Kolník. Honosné spony mladšej doby rimskej vo svetle nálezov z juhozápadného Slovenska. SA, XII—2. 1964, стр. 421.

[7] Н. Б. Анфимов. Позднесарматское погребение из Прикубанья. «Археология и история Боспора», Симферополь, 1952. рис. 14.

[8] Н. И. Сокольский. Крепость на городище у хутора Батарейка I. СА, 1963. 1, рис. 6, *6*.

[9] И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, 83, 1960, стр. 122.

[10] R. Vulpe. Izvoare. Bucureşt, 1957, рис. 315.

[11] Е. В. Махно. Розкопки на поселеннях першої половини I тисячоліття н. е. в верхній течії Сули. АН, V, 1955, рис. 5, *9*.

[12] Полтавский музей, № А883 и А561.

[13] И. Б. Зеест. Ук. соч., стр. 117.

[14] Т. Н. Книпович. Танаис, М.— Л., 1949, стр. 142.

время. Так, в могильнике Бельбек II две такие амфоры сочетались с монетами Гордиана III [15]. Они постоянно встречаются в развалинах зданий, погибших в середине III в. в Танаисе [16], в Илурате [17], на городище у с. Козырка [18] и неизвестны в более поздних комплексах. Самые ранние комплексы с этими амфорами дают ямы-зернохранилища II—III вв. в Ольвии, но и здесь они не могут быть раньше второй половины или конца II в., когда возникло зернохранилище [19]. Скорее всего, они более позднего происхождения и тоже относятся к III в., так как постоянно сочетаются с фрагментами больших красноглиняных широкогорлых амфор с рифлением, характерных для III в. [20] Такая же амфора найдена в Ольвии и в яме № 57, дата которой по совокупности находок (амфор, кувшинов и светильника) устанавливается достаточно точно — середина III в. Таким образом, мы имеем интересующие нас амфоры в достоверных комплексах только середины III, а о более раннем времени (вторая половина II — начало III в.) свидетельствуют только отдельные находки из фрагментов в слоях II—III вв. [21] Последнее не исключает возможности существования их в это время, но и не доказывает этого, если учесть неизбежную перемешанность слоев и трудность их расчленения на II и III в.

Каждый, кому приходилось сталкиваться с вопросом датировки черняховской культуры, знает, что широкогорлая амфора с маленькими ручками и яйцевидным, расширяющимся внизу рифленым туловом из Ягнятина (рис. 1, *г*) является основой, на которой некоторые из сторонников поздней датировки этой культуры строят свои выводы, хотя они и не приводят ей аналогий, не пытаются найти ей определенное место в типологическом ряду, ссылаясь просто на ее поздний облик и сводя всю аргументацию к утверждению, что «кажется, ее можно датировать VI—VII вв.» [22]. Не приводят убедительных аналогий и их противники [23]. Все попытки в этом направлении, предпринятые А. Л. Якобсоном [24] (рис. 2, *г, д, е*), А. Т. Смиленко [25] (рис. 2, *и*), Л. С. Клейном [26] (рис. 2, *з*), не были достаточно успешными. Хотя мы действительно не имеем абсолютно идентичных сосудов, ягнятинская амфора не так уж одинока. Имеются близкие формы и на черняховских могильниках в Альдени [27] и во Фрунзовке [28], на поселениях Комрат [29] и Рашев II [30].

---

[15] Г. М. Мосберг. К изучению могильников римского времени юго-западного Крыма. СА, VIII, 1946, рис. 4, *1*.

[16] Т. М. Арсеньева, Б. Д. Шелов. Раскопки центральной части Танаиса, (1955—1957 гг.). Сб. «Древности Нижнего Дона». МИА, 127, 1965, рис. 6; Б. Д. Шелов. Раскопки северо-восточного участка Танаиса (1955—1957 гг.). Там же, рис. 9; М. А. Наливкина. Раскопки юго-восточного участка Танаиса (1960—1961 гг.). Там же, рис. 14.

[17] В. Ф. Гайдукевич. Илурат. МИА, 85, 1958, рис. 20, *1, 2*.

[18] А. В. Бураков. Городище біля с. Козирки поблизу Ольвії. АП, XI, 1962, табл. 1, *4*, стр. 63.

[19] В. И. Леви. Итоги раскопок Ольвийского теменоса и агоры (1951—1960). «Ольвия», М.— Л.. 1964, стр. 17—23.

[20] Фонды ЛОИА АН СССР.

[21] И. С. Каменецкий. Светлоглиняные амфоры с Нижне-Гниловского городища. КСИА АН СССР, 94, 1963.

[22] Е. В. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північно-західному Правобережі. АП, I, 1949, табл. II, *7*.

[23] Д. Т. Березовец. О датировке черняховской культуры. СА, 1963, 3, стр. 98, 99.

[24] А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры северного Причерноморья. СА, XV, 1951, стр. 330.

[25] А. Т. Сміленко. Ук. соч., стр. 56.

[26] Л. С. Клейн. Вопросы происхождения славян в сборнике докладов VI научной конференции Института археологии Академии наук УССР. СА, XXII, 1955, стр. 260.

[27] Ch. Stefan. Une tombe de l'époque des migrations á Aldeni. «Dacia», VII—VIII, 1937—1940, рис. 6.

[28] А. А. Кравченко. Могильник Черняховской культуры в селе Фрунзовка. МИА, 139, 1967, стр. 161, рис. 1, *3*.

[29] История Молдавской ССР. т. I, 1965, стр. 50, рис. 2.

[30] В. Д. Баран. Памятники черняховской культуры бассейна Западного Буга (раскопки 1957—1960 гг.). МИА, 116, 1964, стр. 230, 244, рис. 10, *15*.

Очень близка ягнятинской амфора из погр. № 46 позднеантичного могильника «Совхоз № 10» в Инкерманской долине [31] (рис. 3, *а*). Их сближают размеры и пропорции (высота 68 *см* у инкерманской, 60 *см* — у ягнятинской, у которой дно не сохранилось; 8,5 *см* высота горла одной и 9 *см* — у другой; диаметры венчиков соответственно 13 и 12 *см* и т. д.). Сближает их и такая деталь, как неглубокая горизонтальная линия-желобок под венчиком. В могильнике «Совхоз № 10», датировка которого не выходит за рамки III—IV вв., амфора эта служила урной и была закрыта краснолаковой конической чашечкой с вертикальным бортиком (рис. 3, *б*). Бортик отбит. «Глина ее светло-оранжевая, лак внутри того же цвета, что и глина, снаружи с подтеками более темного цвета, дно и придонная часть без лака» [32]. По всей вероятности, чашечка относится ко времени не позже III в. [33]. Об этом свидетельствуют ее пропорции и бесцветный лак, который делал поверхность ярче, но сохранял тон глины [34].

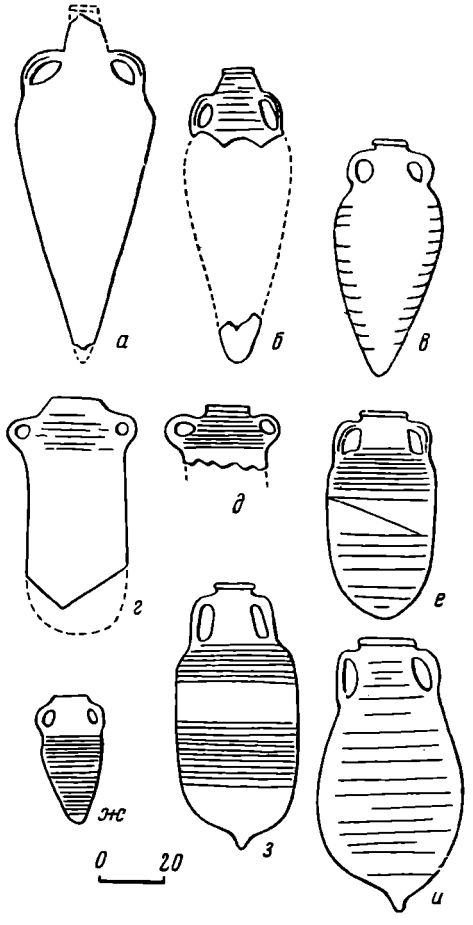


Рис. 2. Амфоры, по аналогии с которыми устанавливалась датировка черняховских амфор

а, б — для амфоры из Каменки (по М. Ю. Смишко); *в* — для амфоры из Коровинцев (по А. Т. Смиленко); *г, д, е* — для ягнятинской амфоры (по А. Л. Якобсону); *ж* — для амфоры из Малаешт (по Г. Б. Федорову); *з, и* — для ягнятинской амфоры (по А. Т. Смиленко и Л. С. Клейну)

Ягнятинская амфора может быть поставлена в типологический ряд развития афинских амфор. Эти амфоры из раскопок Афинской агоры имеют округлое яйцевидное тулово и маленькие ручки. В конце I — начале II в. они еще не имеют рифления, и горло их сравнительно узкое [35] (рис. 4, *а*). На амфорах из хорошо датированного комплекса середины III в. (группа К) [36] появляется рифление, причем рифление у них более четкое в верхней и нижней частях, как на ягнятинской амфоре, и горло их несколько расширяется [37] (рис. 4, *б*). Амфоры конца IV в. имеют еще более широкое горло и расширяющееся в нижней части тулово [38] (рис. 4, *г*). Пропорции, размеры (58—60 *см*), характер оформления

---

[31] С. Ф. Стржелецкий. Отчет о раскопках позднеантичного могильника (III—IV вв. н. э.) в Инкерманской долине, 1961, рис. 128, 129, стр. 19, 31. Архив ИА УССР. Фотография амфоры была любезно прислана мне С. Ф. Стржелецким, за что приношу ему глубокую благодарность.

[32] С. Ф. Стржелецкий. Ук. соч., стр. 19, 31.

[33] Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 70, рис. 26, *1*.

[34] Л. Ф. Силантьева. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата. МИА, 85, стр. 296.

[35] H. Robinson. Pottery of the Roman Period. «The Athenian Agora», 5, New Jersey, 1959, табл. 8, *G197*.

[36] Там же, стр. 59.

[37] Там же, табл. 15, *K112*.

[38] Там же, табл. 29, *M273*.

венчика и ручек, а также цвет («both the red and the buff clay» [39]),— все это очень близко к ягнятинской амфоре. В этом типологическом ряду последняя должна стоять где-то между амфорами середины III в. и амфорами конца IV в. (рис. 4, *в*). В. Грейс предполагает афинское производство амфор этого типа, ссылаясь на то, что подобная глина есть около Афин и ее используют и в наше время [40].

Амфоры таких же пропорций известны в западной литературе как тип 26 по Дресселю [41], а один из их вариантов — как тип Обераден 83, который найден в римском лагере Обераден [42] (рис. 5, *г*). Датировка этих амфор в Оберадене, в Монте-Тестаччо и в Риме в рамках 150—250 гг. [43], а амфор типа Дрессель 26 в Ампурии концом II в. [44] свидетельствует о довольно раннем появлении этой формы. Исходя из датировки погр. № 46 на могильнике «Совхоз № 10» и из типологического развития афинских амфор, считаю, что нет оснований для поздней даты ягнятинской амфоры (VI—VII вв.), а всего вероятней, ее следует отнести к середине III — первой половине IV в., может быть, к концу IV в. Такая дата подтверждается и другими находками с Ягнятинского поселения: монета Марка Аврелия (153 г.) [45], фибула с подвязанной ножкой, железный гребень и обломки костяного трехчастного гребня [46]. Все эти вещи хорошо датируются и не дают указаний на время позже конца III в. Более того, наличие исковидных ручек и меандрового орнамента на некоторых фрагментах [47] может свидетельствовать и о более раннем времени.

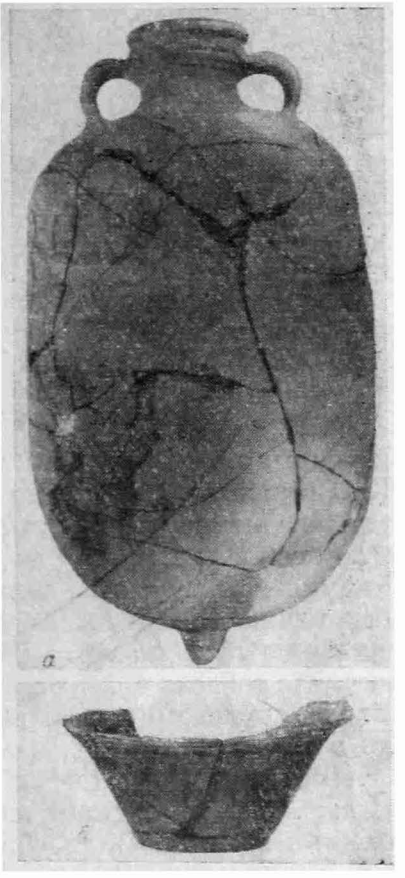


Рис. 3. Комплекс погр. № 46 могильника «Совхоз № 10» в Инкерманской долине

В 1964 г. у с. Негин на Днестре найдена грушевидная амфора с острореломанными ручками, цилиндрическим горлом и узким коническим дном [48] (рис. 1, *д*). Она могла бы послужить еще одним аргументом для сторонников поздней датировки, так как подобную амфору из Каменки М. Ю. Смишко датировал серединой I тысячелетия на основании сопостав-

---

[39] V. Grace. Stamped Wine Jar Fragments. «Hesperia», Suppl. X, 1956, стр. 170.

[40] Там же, стр. 170. табл. 73, *11481*.

[41] H. Dressel. Sigilla impressa in amphoris in Monte Testaccio et in Emporio repertis. «Corpus Inscriptionum Latinarum», XV, 1899, табл. II, *26*.

[42] B. Haukemes. Daticion de alquanas marces de anforas españolas. «Archivo Español de Arqueologia», XXXI, 1958, № 97, 98, стр. 197—198; Ch. Albrecht. Das Römerlager in Oberaden und das Uferkastell in Beckinghausen an der Lippe. «Veröff. aus d. städtischen Museum f. Vor- und Frühgeschichte», 2, Dortmund, 1942, стр. 101.

[43] B. Haukemes. Ук. соч., стр. 198; H. Dressel. Ricerche sul Monte Testaccio. «Ann. dell Inst.», 50, 1878.

[44] M. Almagro. El recinto sepulcral romano tardis de El Castellat de Ampurias. Archivo Espanol de Arqueologia, XXIV, 1951, fig. 18, *1*.

[45] В. В. Кропоткин. Клады римских монет на территории СССР. САИ, Г-4-4. М., 1961. № 394.

[46] Е. В. Махно. Поселення культури..., табл. II, *12*, *13*; ее же. Ягнятинська археологічна експедиція. АП, III, 1952, табл. I, *1*, *4*.

[47] Е. В. Махно. Поселення культури, табл., II, *2*, *3*, *а*.

[48] Хранится в Каменец-Подольском музее.

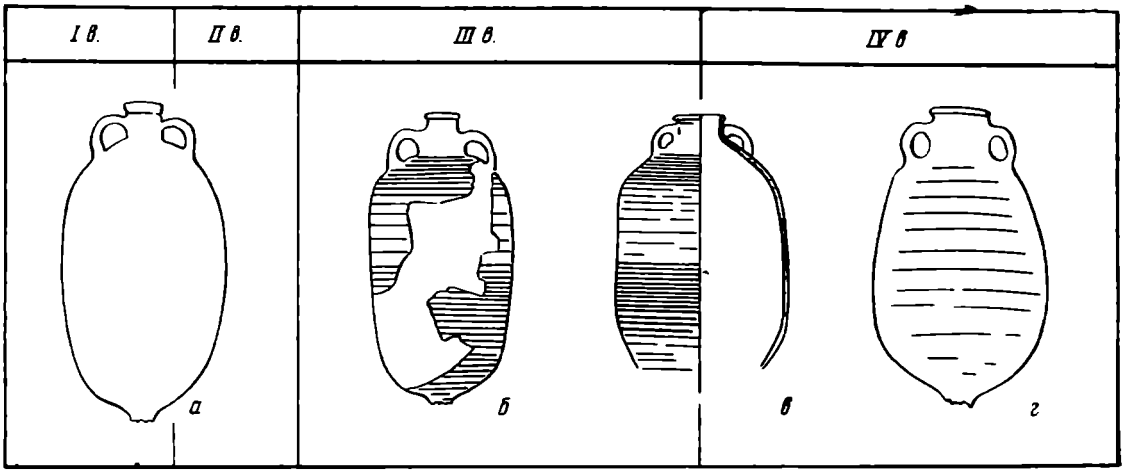


Рис. 4. Ягнятинская амфора в типологическом ряду амфор из раскопок Афинской агоры

а — конец I — начало II в.; *б* — середина III в.; *в* — Ягнятин; *г* — конец IV в.

ления ее с амфорами V—VI вв. из Херсонеса [49] (рис. 2, *а*, *б*). Аналогии М. Ю. Смишко, как нетрудно убедиться, в высшей степени неосновательны. Определить датировку этих амфор позволяют открытия 1964 г. в Ольвии [50]. Здесь в яме № 57 (зернохранилище римского времени) найден целый комплекс сосудов. Не вызывает сомнения, что сосуды брошены в яму одновременно. Среди них имеется и амфора, близкая по пропорциям и оформлению негинской, хотя и несколько меньшая по размерам. Эта красноглиняная амфора с остроизогнутыми и поднятыми выше горла ручками, вытянутым туловом на довольно высоком поддоне имеет убедительные аналогии в слоях III—IV вв. на афинской агоре [51], в могилах III в. в Герасах [52]. Горла подобных амфор в Пантикапее и Фанагории тоже относятся к III в. [53]. Хорошо датируются и два тонкостенных кувшина для воды, имеющие маленькую петлеобразную ручку и узкую ножку, как у амфор. Они также известны в Афинах [54]. Такой же кувшин служил урной в одном из погребений могильника «Совхоз № 10», где он найден вместе с монетой Лициния-сына (326 г.) [55]. Уточняют дату ольвийского комплекса маленький светильник с орнаментом в виде черточек по краю [56] и амфора танаисского типа. По совокупности находок этот комплекс может быть датирован, вероятно, серединой III в.

Эту датировку амфор из Негина и Каменки может подтвердить и одна амфора из Афин (рис. 5, *а*). Размеры, пропорции и особенно оформление ручек и горла у афинской амфоры чрезвычайно близки амфорам из Негина и Каменки [57]. У афинской амфоры более широкая ножка, но оформлена она одинаково с нашими. Найдена она в бассейне юго-западной части афинской агоры (группа К, по Г. Робинсону), и terminus post quem для этого комплекса дает находка 40 монет первой четверти III в., лежавших ниже дна

---

[49] М. Ю. Смішко. Карпатські курганы. Київ, 1960, стр. 130, табл. IV, *3*; А. Л. Якобсон. Ук. соч., рис. 1, *1*; 2. *3—5*, стр. 236.

[50] Не опубликовано. Доклад Г. М. Надва на группе античности ЛОИА 24 июня 1965 г.

[51] H. Robinson. Ук. соч., табл. 15, *K113*; табл. 28, *M237*.

[52] C. H. Kraeling. Gerasa. New Haven, 1938, рис. 43, *1*; 45; 50.

[53] И. Б. Зеест. Ук. соч., табл. XXXIII, *79*.

[54] H. Robinson. Ук. соч., табл. 20, *146*, *M45*; табл. 23, *M125*, *126*; табл. 29, *M281*.

[55] С. Ф. Стржелецкий. Отчет о раскопках позднеантичного могильника «Совхоз. № 10» в 1961 г., рис. 71, стр. 11. Архив ИА АН УССР.

[56] Г. Д. Белов, С. Ф. Стржелецкий, А. Л. Якобсон. Квартал XVIII. МИА. 34, 1953, рис. 21, стр. 176, 197; рис. 41, стр. 196; M. L. Bernard. Lampki starożytne. Warszawa, 1955, табл. XCIII, *332*.

[57] H. Robinson. Ук. соч., табл. 15, *K114*.

бассейна, а terminus ante quem — обломок мраморной головы, другая часть которой была использована при строительстве стены, возведенной после нашествия герулов (267 г.) [58]. К этому комплексу относится и одна из афинских амфор с высокоподнятыми ручками [59].

Амфоры из Каменки и Негина очень напоминают и амфору из колодца № 1 в Алькуде (рис. 5, *в*), где она найдена с монетами Ал. Севера (222—235) и Гордиана III [60]. Все изложенное выше позволяет отнести амфоры из Негина и Каменки к середине III в.

Дата красноглиняной амфоры с воронковидным горлом из Малаешт (рис. 1, *б*) не имеет такого принципиального значения для решения рассматриваемого здесь вопроса, подобно ягнятинской и негинской амфорам, однако я не мог согласиться с ее датировкой у Г. Б. Федорова. Он считает, что амфора из Мелаешт «позднего типа, относящаяся к средневековым позднеримским амфорам» и датируется якобы не ранее IV—V в. [61]. Мне не удалось разыскать амфору № 3064/11 из некрополя Херсонеса (раскопки 1934 г.), на которую ссылается Г. Б. Федорова, но его ссылка на амфоры Истрии (рис. 2, *ж*) очень неубедительна. Там амфоры или меньших размеров, с округлым дном и без характерного воронковидного горла [62], или с воронковидным горлом, но тогда совсем других пропорций — с сильно раздутым округлым туловом. Датировки их не точны, спорны, даны приблизительно, а не на основании находок в замкнутых комплексах. Амфоры, сочетающие вытянутые пропорции и воронковидное горло, сравнительно редки. Однако их известно несколько экземпляров и как раз в первые века нашей эры, а не позднее. Они имеются в Аугсте, Виндише, Нионе и Майнце (рис. 5, *б*). К сожалению, точнее они не датируются [63]. Хронологическим указателем может служить комплекс погр. № 4 в Мелаештах, где амфора сочетается с овальной бронзовой поясной пряжкой и бронзовой двухчастной арбалетовидной фибулой с подвязанной ножкой, украшенной крестообразно пересекающимися линиями при переходе спинки в ножку [64]. Очевидно, что фибула типа Альмгрен 172. Все свидетельствует скорее о III, чем о IV в. [65].

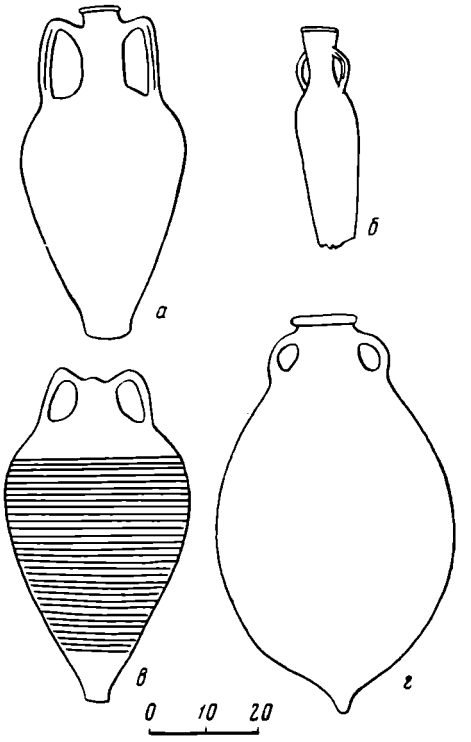


Рис 5. Амфоры, служащие обоснованием для датировки некоторых амфор черняховской культуры

а, в — для амфоры из Негина (*а* — Афины, по Г. Робинсону, *в* — Алькуде, по Р. Фольквесу); *б* — для амфоры из Малаешт (Виндиш, по О. Бону); *г* — для ягнятинской амфоры (тип 26 по Дресселю)

---

[58] H. Robinson. Ук. соч., стр. 59.
[59] Там же, табл. 15. *K113.*
[60] A. Ramos. Folgues. Unos pozos manatia les de Epoca Romana en la Alcudia de Elche. «Archivo Español de Arqueologia», XXVI, 107, 108, рис. 12, стр. 237.
[61] Г. Б. Федоров. Малаештский могильник. МИА, 82, 1960, стр. 260.
[62] Histria. I. Bucureşti, 1954, рис. 379, 380, 384.
[63] O. Bohn. Pinselschriften auf Amphoren aus Augst und Windisch. Anzeiger für schweizerische Altertumskunde, XXVIII, *4*, 1926, табл. XI, *321*, стр. 201.
[64] Г. Б. Федоров. Ук. соч., стр. 259.
[65] O. Almgren. Ук. соч., табл. VII, *162*, стр. 84, 85; T. Kolnik. Ук. соч., стр. 428.

С амфорой из Коровинцев, схематический рисунок которой недавно опубликовал Э. А. Сымонович[66] (рис. 6, *б*), было немало путаницы. В 1922 г. при устройстве колодца на глубине около 2 *м* был найден своеобразный «клад», состоявший из глиняных сосудов черняховской культуры и нескольких железных предметов. Через 25 лет это место обследовал И. И. Ляпушкин. При разговоре с владельцем колодца И. П. Гречаником и его женой последние упомянули в числе находок железное чересло и сосуд «с двумя ручками и округлым дном». На этом основании к «кладу» были отнесены чересло и круглодонная амфора салтовского типа, хранившиеся в Роменском музее, где находились и другие вещи из «клада»[57]. Но оказалось, что амфора эта в действительности происходит из Ермолинцев[68]. Принадлежность чересла к «кладу» тоже вызывает сомнения[69]. В 1949 г. здесь провела небольшие раскопки Е. В. Махно[70]. Обнаружив в Роменском музее другую амфору, происходящую из Коровинцев, она ее связала с «кладом». По словам Е. В. Махно, И. Б. Зеест датирует амфору временем не ранее V в.[71].

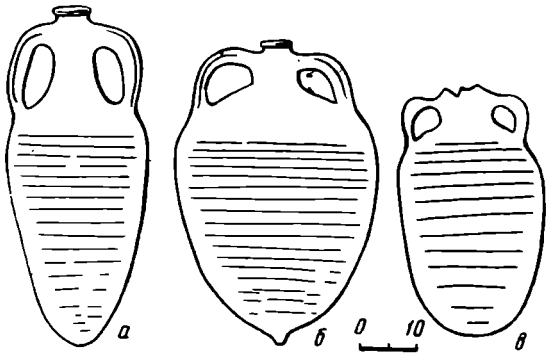


Рис. 6. Амфоры, принадлежность которых к черняховской культуре сомнительна

а — Басовка; *б* — Коровинцы; *в* — Ермолинцы

Во всяком случае, вызывает сомнение связь амфоры с комплексом «клада» из с. Коровинцы. На воспоминания о сосуде «с двумя ручками» спустя 25 лет после находки особенно полагаться не приходится. Амфора в Роменском музее может происходить и из другого места села, где обнаружены три поселения, культурный слой которых «нарушен более поздними напластованиями»[72]. В частности, на поселении вдоль улицы Рябковой найдены обломки гончарных и лепных сосудов, украшенных по краю венчика оттисками пальцев и косыми насечками, а также обломок с гусеничным орнаментом[73],— вероятно, керамика роменско-борщевской культуры.

А. Т. Смиленко сопоставляет амфору из Коровинцев с амфорами из Херсонеса (IV—VI вв.) и из Агойского аула (VII—VIII вв.)[74] и указывает, что острый выступ на дне приближает ее к амфорам IV в. Но горло амфоры из Херсонеса, найденной действительно в слое с монетами IV—VI вв.[75], и амфора из Агойского аула (рис. 2, *в*), которую А. Л. Якобсон датирует VI—VII вв.[76], имеют вытянутые пропорции и более длинное горло, чем амфора из Коровинцев, и больше напоминают амфору из Басовки,

[66] Э. А. Сымонович. Северная граница памятников черняховской культуры. МИА, 116, 1964, рис. 3, *6*.

[67] И. И. Ляпушкин. Памятники культуры «полей погребения» первой половины I тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XIII, 1950, стр. 16—21.

[68] Е. В. Махно. Памятники черняховской культуры на территории УССР. МИА, 82, стр. 45, № 11.

[69] Э. А. Сымонович. Ук. соч., стр. 30.

[70] Е. В. Махно. Розкопки на поселеннях першої половини I тисячоліття..., стр. 78, 79.

[71] Е. В. Махно. Памятники черняховской культуры..., стр. 45, рис. 7—9.

[72] Е. В. Махно. Там же, стр. 45; И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. МИА, 104, 1961, стр. 165.

[73] Е. В. Махно. Памятники черняховской культуры..., стр. 45.

[74] А. Т. Сміленко. Ук. соч., стр. 57.

[75] А. Л. Якобсон. Раскопки средневекового Херсонеса. КСИИМК, XXV, 1950, рис. 36, *1*, стр. 112—114.

[76] А. А. Миллер. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. ИАК, 33, СПб., 1909, стр. 87, рис. 19, *8*; А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. СА, XV, 1951, рис. 2, *6*.

о которой речь пойдет ниже (рис. 6, *а*). Датировать амфору из Коровинцев трудно. Я не знаю ни одного закрытого комплекса с такими амфорами. В пользу поздней даты могла бы говорить находка горла амфоры в одном из подвалов в Новах, но там тоже материал смешанный, и вместе с монетой Юстиниана I (540 г.) и обломком костяного двухстороннего гребня IV—V вв. найден светильник более раннего времени и кирпичи с клеймами «LEGIITAL» [77]. О III в. могут свидетельствовать находки фрагментов в Сучидаве, где верхняя часть подобной амфоры найдена в слое, датирующемся «до эпохи Константина Великого» (306—337) [78] и в Нидербибере [79]. Таким образом, аналогии амфоре из Коровинцев мало убедительны, поскольку это в основном фрагменты, а не целые сосуды. Датировка ее оказывается чрезвычайно растянутой (III—V вв.) и не точной, так как опирается не на закрытые комплексы, а на отложения со смешанным материалом. Кроме того, и это чрезвычайно важно, сомнительна ее принадлежность к черняховской культуре.

Еще более сомнительна принадлежность к черняховской культуре амфоры из Ермолинцев. Это случайная находка круглодонной «корчажки» салтовского типа (рис. 6, *в*), а в районе Ермолинцев неизвестны черняховские памятники. Амфоры эти довольно широко распространены во второй половине I тысячелетия. Особенно характерны они для салтовских памятников на Дону [80]. Много их в Крыму [81], Румынии [82], Болгарии [83] и даже в Египте [84]. Основная масса этих круглодонных амфор относится к V—VI вв., хотя они существуют до IX в. В Сучидаве они найдены в слоях эпохи Юстиниана I [85]. В Херсонесе вместе с монетами Зенона (471—491) и Юстиниана I (527—565) [86], в Египте они тоже относятся к периоду 400—550 гг. [87]. Эти амфоры появляются еще в IV в. в Тиритаке подобная амфора найдена в помещении V, где найден клад, содержащий монеты от 276 г. (Тейран) до 332 г. (Рискупорид VI) [88]. Многочисленные обломки таких амфор обнаружены и в слоях Пантикапея, где жизнь прекратилась в IV в. [89].

Не имеет никакого отношения к черняховской культуре и амфора из Басовки (рис. 6, *а*). По сообщению Е. В. Махно, эта амфора с «ребристой поверхностью», удлиненным корпусом, оканчивающимся внизу шишечкой была найдена во время раскопок 1937 г. на Басовском городище и хранилась в Роменском музее под № 1038 [90]. Как указывает Э. А. Сымонович, под этим номером в Роменском музее хранится другая амфора, с узким горлом, яйцевидным туловом и без шишечек на дне [91]. Амфоры, аналогич-

---

[77] K. Majewski. Novae 1962. «Archeologia», XIV, 1963, Wroclaw — Warszawa — Krakow, 1964, рис. 59, 60, стр. 180, 183.

[78] D. Tudor. Sucidava I. Dacia, V—VI, 1935—1936, рис. 11, *7*.

[79] F. Oelmann. Die Keramik des Kastelles Niederbieber. «Materialen zur römisch-germanischen Keramik», I, 1914, рис. 45. Кастел существовал со 190 по 260 г. н. э.

[80] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на нижнем Дону. ИГАИМК, 131, 1935, рис. 34, 35.

[81] А. Л. Якобсон. Раскопки средневекового Херсонеса. КСИИМК, XXXV, 1950, рис. 34, *1*; его же. Средневековый Херсонес. МИА, 1950, рис. 60.

[82] D. Tudor. Sucidava II. «Dacia», VII—VIII, 1937—1940, рис. 15, *d, e*.

[83] Й. Чангова. Средневековни амфоры в България. ИБАИ, XXII, 1959, стр. 249.

[84] W. Adams. An Introductory Classification of Christian Nubian Pottery. «Kush», X, 1962, рис. 7, *3*.

[85] D. Tudor. Ук. соч., стр. 383.

[86] Г. Д. Белов. Античный дом в Херсонесе. ВДИ, 1950, 2, рис. 15.

[87] W. Adams. Ук. соч., стр. 279, 287, рис. 22, 26.

[88] В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1950 гг. МИА, 25, 1952, рис. 150, стр. 122.

[89] И. Б. Зеест. Ук. соч., стр. 120; В. Д. Блаватский. Материалы по истории Пантикапея. МИА, 19, 1951, стр. 54—59.

[90] Е. В. Махно. Памятники черняховской культуры..., стр. 45, № 12.

[91] Э. А. Сымонович. Ук. соч., стр. 12, 32, рис. 3, 8.

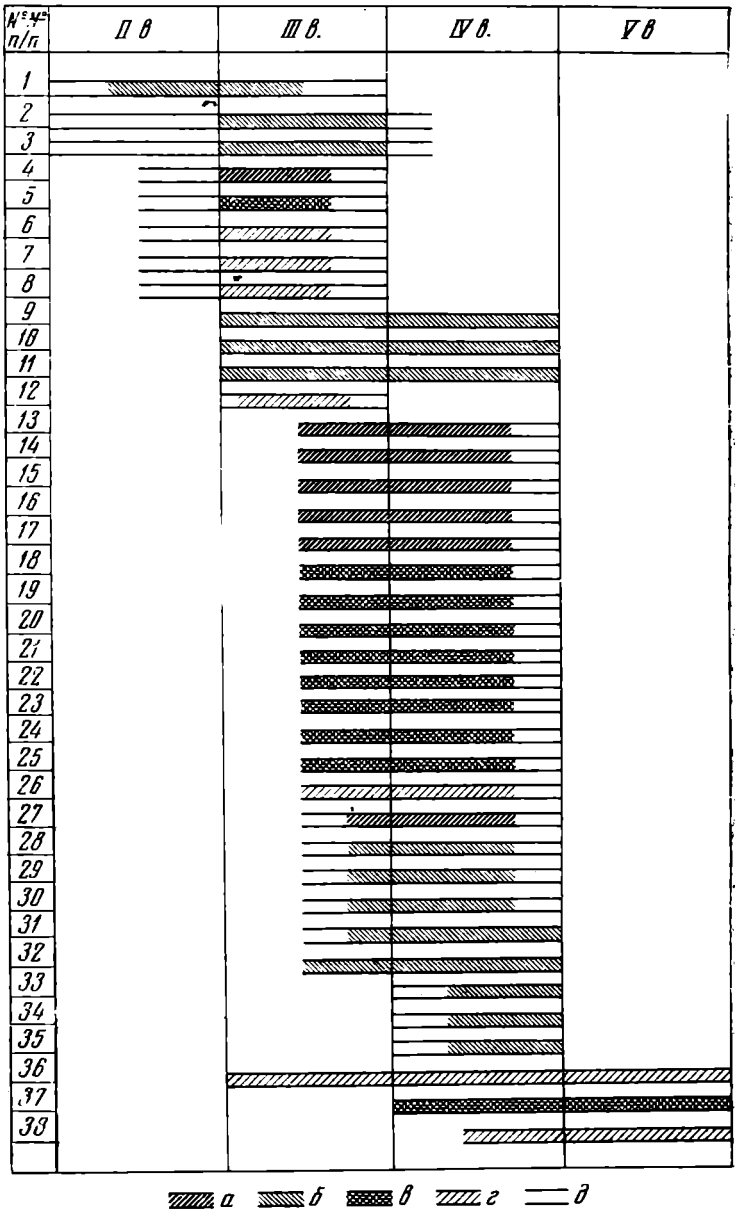


Рис. 7. Хронология амфор черняховской культуры:

а — датировка амфор в достоверных черняховских комплексах, обоснованная многочисленными закрытыми комплексами; *б* — датировка, нуждающаяся в уточнении; *в* — случайные находки; *г* — находки на памятниках, принадлежность которых к черняховской культуре сомнительна; *д* — возможное расширение датировок. Местонахождения: *1* — Альдени; *2* — Комрат; *3* — Малаешты; *4* — Лопатна; *5* — Олюнешты; *6* — Дубны; *7* — хут. Савинский; *8* — Беседовка; *9* — Делакеу; *10* — Комаров; *11* — Турия; *12* — Негин; *13* — Ерковцы; *14* — Извоар; *15* — Индепенденца; *16* — Тыргшор; *17* — Ломоватое; *18* — Дебеславцы; *19* — Дебеславцы; *20* — Владимир-Вол.; *21* — Максимовка; *22* — Гурбинцы; *23* — Головятино (Орловец); *24* — Фрунзовка; *25* — хут. Холодный; *26* — хут. Савинский; *27* — Ягнятин; *28* — Комрат; *29* — Рипнев II; *30* — Фрунзовка; *31* — Комаров; *32* — Елизаветовка; *33* — Извоар; *34* — Эрбичени; *35* — Эрбичени; *36* — Коровинцы; *37* — Ермолинцы; *38* — Басовка

ные опубликованной Э. А. Сымоновичем, датируются V—VI вв. в Херсонесе [92] и IV в. в Танаисе [93]. Но связывать басовскую амфору с черняховской культурой нет достаточных оснований, поскольку на Басовском горо-

[92] Г. Д. Белов, С. Ф. Стржелецкий, А. Л. Якобсон. Ук. соч., стр. 213, 214, рис. 53.

[93] А. К. Коровина, Д. Б. Шелов. Раскопки юго-западного участка Танаиса (1956—1957 гг.) Сб. «Древности Нижнего Дона», стр. 51—55, рис. 29.

дище имеются только отложения зольничной и роменско-борщевской культур [94].

Что касается остальных амфор черняховской культуры, то их датировки не вызывают особых споров, и на них можно специально не останавливаться.

Как видно из рис. 7, время бытования всех амфор черняховской культуры укладывается в довольно узкий промежуток времени — середина III — третья четверть IV в. Конечно, по одному амфорному материалу нельзя судить о времени существования всей культуры. Амфоры свидетельствуют только о периоде интенсивных торговых связей с причерноморскими и средиземноморскими центрами. Дату черняховской культуры можно установить по совокупности всех находок, опираясь на достоверные, твердо датированные, хорошо фиксированные закрытые комплексы. Датировки многих типов инвентаря черняховской культуры еще нуждаются в уточнении. Однако если взять те вещи, хронология которых в достаточной степени разработана в европейской литературе (фибулы, гребни, стекло), они будут свидетельствовать о том же времени.

---

[94] И. И. Ляпушкин. Ук. соч., стр. 49.

И. П. ЗАСЕЦКАЯ

О ХРОНОЛОГИИ ПОГРЕБЕНИЙ «ЭПОХИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ» НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

«Эпоха великого переселения народов» характеризуется массовыми передвижениями различных кочевых племен. Главную роль в этом движении варваров играли гунны. Около 370 г., как отмечают письменные источники, гунны разгромили алан, а в 371 г. уже вместе с частью алан напали на остготов в Северном Причерноморье. Проходя по завоеванным территориям, гунны разоряли и истребляли население этих областей, а частью увлекали их за собой. В борьбе с варварами решались исторические судьбы многих племен и народов, и некоторые из них потеряли свою политическую самостоятельность. Археологические данные свидетельствуют, что после нашествия гуннов большинство поселений Дона, Кубани, многие греческие города Северного Причерноморья прекращают свое существование. Замирает жизнь на поселениях черняховской культуры, распространенной в лесостепной полосе Восточной Европы.

Ту же опустошительную картину можно наблюдать и в степях Нижнего Повольжья. С VII в. до н.э. по IV в. н. э. здесь складывалась и развивалась единая культура сарматских племен, которая в течение этого длительного времени претерпела ряд изменений. На ее развитие оказали влияние тесные связи с земледельческим населением Кубани, городов Северного Причерноморья и Средней Азии, способствовавшие появлению новых элементов в материальной культуре сарматов Нижнего Поволжья (гончарная посуда, предметы туалета, украшения одежды и др.). Распространившиеся же во II в. необычные для сарматского погребального обряда черты (замена южной ориентации погребенных северной), а также обычай деформации головы свидетельствуют о переселении в нижневолжские степи каких-то новых племенных групп. Однако эти явления существенно не отразились на культурной и общественной жизни сарматов.

Со II в. до н. э. произошло массовое расселение сарматов Нижнего Поволжья по всему Северному Причерноморью, и на долгие годы они стали одной из господствующих групп племен на обширной территории от Волги до Дуная. К моменту нашествия гуннов в Юго-Восточной Европе существовало два крупных племенных объединения — готский и сармато-аланский. Вторжение варварских полчищ с востока в корне меняет историческую обстановку как в Нижнем Поволжье, так и в Северном Причерноморье. Часть сармато-аланских племен, вероятно, была уничтожена гуннами и вытеснена со своей коренной теорритории, некоторые же племена включились в состав гуннского союза. Из письменных сообщений древних авторов известно, что аланы вместе с гуннами направились в Западную Европу, а позднее, уже отделившись от гуннов, в союзе с вандалами, проникли даже в Северную Африку [1].

[1] В. А. Кузнецов и В. К. Пудовин. Аланы в Западной Европе в эпоху «великого переселения народов». СА, 1961, 2, стр. 85.

Сохранившиеся от этого времени немногочисленные погребения с различным погребальным обрядом не раз привлекали внимание исследователей. И прежде всего поднимался вопрос об их этнической принадлежности. Большинство авторов — Б. Н. Граков [2], К. Ф. Смирнов [3], Т. М. Минаева [4], И. В. Синицын [5], Е. К. Максимов [6] связывают их с сарматами. Другие же авторы отождествляли погребения «эпохи переселения народов» с гуннами: В. В. Гольмстен [7], И. Вернер [8], А. Альфольди [9], А. Н. Бернштам [10].

А. П. Смирнов высказал даже предположение о славянском происхождении «погребений с сожжением» [11]. В одной из последних своих работ Т. М. Минаева связала «погребения с сожжением» с закаснийскими аланами [12]. К. Ф. Смирнов предположил, что «погребения со шкурой лошади» тюркские [13].

Прежде чем решать вопрос этнической принадлежности погребений «эпохи переселения народов», необходимо в первую очередь определить их хронологические рамки и тем самым увязать эти памятники с конкретными историческими событиями. Между тем и по этому вопросу в археологической литературе нет единого мнения. Б. Н. Граков, предложивший хронологическую классификацию сарматских погребений Нижнего Поволжья, отнес рассматриваемые захоронения к четвертой (последней) ступени развития сарматской культуры (II—IV вв.) [14]. Т. М. Минаева определила время погребений с сожжением IV—VII вв. («конец IV—V вв. н. э. более точная дата их») [15]. И. В. Синицын выделил захоронения «эпохи переселения народов» в отдельную группу позднесарматских погребений V—VIII вв. [16]. Этой же точки зрения придерживается К. Ф. Смирнов [17] и Е. К. Максимов [18]. Такие широкие рамки в определении времени бытования небольшой группы погребений не позволяют отождествить их с конкретной исторической эпохой, тем более что указанный хронологический период включает различные этапы в развитии исторического прошлого Нижнего Поволжья, связанные с именами разных кочевых племен как местных, так и пришлых (сарматов, гуннов, аваров, хазар).

Для определения хронологии погребений «эпохи переселения народов» Северного Причерноморья и Нижнего Поволжья огромное значение имеет

---

[2] Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, 3, стр. 100—121.

[3] К. Ф. Смирнов. Итоги и очередные задачи изучения сарматских племен и их культуры. СА, XVII, 1953, стр. 138.

[4] Т. М. Минаева. Погребения с сожжением близ г. Покровска. Уч. зап. СГУ, VI, 3, Саратов, 1927, стр. 91—123, табл. I—VI.

[5] И. В. Синицын. Позднесарматские погребения Нижнего Поволжья. ИСНВИК, VII, Саратов, 1936, стр. 71—85.

[6] Е. К. Максимов. Позднейшие сармато-аланские погребения V—VIII вв. на территории Нижнего Поволжья. Тр. СОМК, Археологический сборник, 1, Саратов, 1956, стр. 65—85.

[7] В. В. Гольмстен. Археологические памятники Самарской губ. ТрСА РАНИОН, IV, 1928, стр. 125—137.

[8] J. Werner. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956.

[9] A. Alföldi. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung. «Archaeologia Hungarica», IX, Budapest, 1932.

[10] А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов. Л., 1951.

[11] А. П. Смирнов. Древнеславянские памятники Нижнего и Среднего Поволжья. СЭ, 2, 1948, стр. 74—85.

[12] Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Галяч в верховьях Кубани. МИА, 23, 1951, стр. 273—301.

[13] К. Ф. Смирнов. Археологические статьи в трудах Саратовского областного музея краеведения. СА, 1962, 4, стр. 270.

[14] Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 105, 106.

[15] Т. М. Минаева. Погребения с сожжением..., стр. 123.

[16] И. В. Синицын. Археологические памятники в низовьях р. Иловли. Уч. зап. СГУ, XXXIX. Саратов, 1954, стр. 218—253.

[17] К. Ф. Смирнов. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. ВССА, стр. 204, 205.

[18] Е. К. Максимов. Ук. соч., стр. 66.

материал керченских склепов. Инвентарь склепов позволяет выделить две последовательные хронологические группы: 1-я группа — последняя четверть IV — первая половина V в. и 2-я группа — вторая половина V—VII вв. Хронологические рамки 2-й группы широки: наряду с вещами, бытовавшими в пределах V—VII вв., сюда включен и материал, появление и распространение которого относится либо только к V в., либо к VI—VII вв., но более дробное деление 2-й группы керченских склепов не является необходимым для данной работы.

К первой группе относится ряд склепов, открытых в 1904 г. на Госпитальной улице, в которых были найдены монеты и индикации монет второй половины и конца IV в.: склеп 145 — индикация монеты императора Валентиниана II (375—392 гг.) [19]; склеп 154 — индикация монеты императора Валентиниана I (364—375) [20]; два склепа 24/VI—1904 г.— монета последней трети царствования Констанция Галла (351—354 гг.) индикации монет императоров Валентиниана I и II (364—392 гг.) [21]. Все эти склепы характеризуются тождеством погребального инвентаря, что и позволило выделить их в единую группу. А наличие в них монет и индикаций монет конца IV в. предполагает, что датировка их укладывается в рамки последней четверти IV — первой половины V в. К ним примыкает целый ряд погребений с аналогичным материалом (склепы 146, 147, 165, 176, 177, 178 [22], гробница в имении Гордиковых [23], склеп на Тарханской дороге [24] и др.).

Погребальный инвентарь первой хронологической группы представлен предметами вооружения, конской сбруи, украшениями, серебряной и стеклянной посудой (рисунок, *1—61*) [25]. Из оружия встречены длинные двулезвийные мечи, короткие двулезвийные кинжалы, костяные обкладки от сложносоставного лука, крупные трехлопастные ромбовидные наконечники стрел, которые получили широкое распространение в Северном Причерноморье в гуннское время. Из оборонительных доспехов найдены отдельные части щитов — металлические умбоны, рукоятки, серебряные и бронзовые обкладки краев щита. От конского снаряжения сохранились удила, украшения узды, сбруи и седла. Удила имели специфическую форму. Средняя часть их железная, концы бронзовые или серебряные, заканчивающиеся граненым колечком. Сквозь колечко продевалось большое металлическое кольцо, к которому прикреплялись металлические же зажимы. Последние делались из согнутой серебряной или золотой пластины, нижняя и верхняя части которой соединялись штифтами. Часто поверхность зажима украшалась цветными вставками. К украшениям уздечки относятся фигурные серебряные накладки и золотые инкрустированные пластинки. От сбруи сохранились крупные многогранные колокольчики. Золотые обкладки с чешуйчатым штампованным орнаментом, вероятно, являлись украшением луки седла.

Значительную часть погребального инвентаря составляют предметы туалета: мелкие серебряные и золотые пряжки с хоботовидным язычком, поясные наконечники ремней удлиненной формы, пластинчатые серебряные фибулы и мелкие фибулы с ромбовидной ножкой, фибулы-мухи, серьги в виде калачика и с четырнадцатигранником на конце, проволочные браслеты с расширяющимися концами, золотые проволочные гривны, золотые нашивные бляшки от одежды различных геометрических форм и зеркала с петелькой на обороте. Многие из этих изделий, так же как и

[19] В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г. ИАК, 25, СПб., 1907, стр. 32—36.
[20] Там же, стр. 41—44.
[21] ОАК за 1904 г., стр. 78—83.
[22] В. В. Шкорпил. Ук. соч., стр. 36—38, 47—50, 52—54.
[23] Л. А. Мацулевич. Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926.
[24] ОАК за 1913—1915 г., стр. 101.
[25] В таблице учтены только основные категории вещей, открытые в керченских склепах и хранящиеся в Государственном Эрмитаже.

богатое оружие и украшения конской сбруи, исполнены в развитом полихромном стиле, который характеризуется тем, что вся поверхность вещи покрывалась цветными вставками. Вставки помещались в напаянных гнездах или выполнены в технике перегородчатой инкрустации. Такой стиль в ювелирном искусстве Боспора господствовал в III—IV вв. и в начале V в.

В склепах 1-й группы найдено большое количество стеклянной посуды разнообразной формы: кувшины, двуручные сосуды цилиндрической формы, тарелки, чаши, стаканы, колбовидные сосуды. Большое значение для датировки склепов имеет наличие в них стаканов и чаш с отогнутыми краями, округлым вогнутым во внутрь дном и с синими напаями на поверхности. Подобные стаканы и чаши были распространены в III—IV вв. и начале V в.[26]; тем самым они также подтверждают правильность даты выделенной нами 1-й хронологической группы керченских склепов. Не противоречит этому и найденная в склепах серебряная посуда: кувшины, чаши с изображением императора Констанция II (337—361), чаши-тазики с широкими полями и горощатым ободком по краю, серебряные ложки[27].

Во второй группе склепов (вторая половина V—VII вв.) наблюдается значительное уменьшение количества погребального инвентаря (рисунок, *62—88*). Некоторые категории вещей, типичные для предыдущего периода, встречаются реже либо исчезают совсем. Значительно сокращается ассортимент стеклянной посуды: преобладающей формой и почти единственной остаются колбообразные сосуды. Меняется и самый тип вещей. На смену пластинчатым фибулам с полукруглой головкой появляются фибулы с пятилучевой головкой и ромбовидной ножкой, поверхность которых украшалась рельефным орнаментом и иногда несколькими вставками альмандина в гнездах, расположенных на выступах головки и в углах ножки. К этому же времени относится появление массивных прямоугольных пряжек с выступом в виде соколиной головы, овальным кольцом со скошенными краями и массивным двугранным язычком, оканчивающимся звериной мордой. Поверхность пряжки, так же как и у фибул, покрывалась рельефным орнаментом и отдельными вставками. На некоторых пряжках на местах вставок помещались округлые литые выступы, имитирующие гнезда со вставками. Это указывает на то, что развитый полихромный стиль предшествующего времени постепенно вырождается. Очень характерны для материала склепов 2-й группы поясные наборы (появление которых относится к VI в.). Они представлены мелкими серебряными фигурными накладками на ремень и небольшими литыми пряжками с неподвижным кольцом. Аналогичные накладки и пряжки встречены в погребениях VI—VII вв. в могильнике Суук-Су с монетами императоров Юстина (518—527), Юстиниана Великого (527—565) и Маврикия (597—602)[28]. Не противоречит датировке склепов 2-й группы и наличие в них краснолаковых чаш с клеймами в виде рыбы и креста с кружочками в углах, расположенных на дне чаши с внутренней стороны и плоских тарелок. По Ф. Вааге, такие чаши относятся ко 2-й половине V в., а плоские тарелки — к VI в.[29] Краснолаковая тарелка из склепа 180 была найдена вместе с поясным набором, пятилучевыми фибулами позднего типа[30] и стеклянными колбообразными сосудами. Среди вещей этого склепа встречена также бронзовая пряжка с геральдическим щитком, имеющим на конце небольшую бород-

---

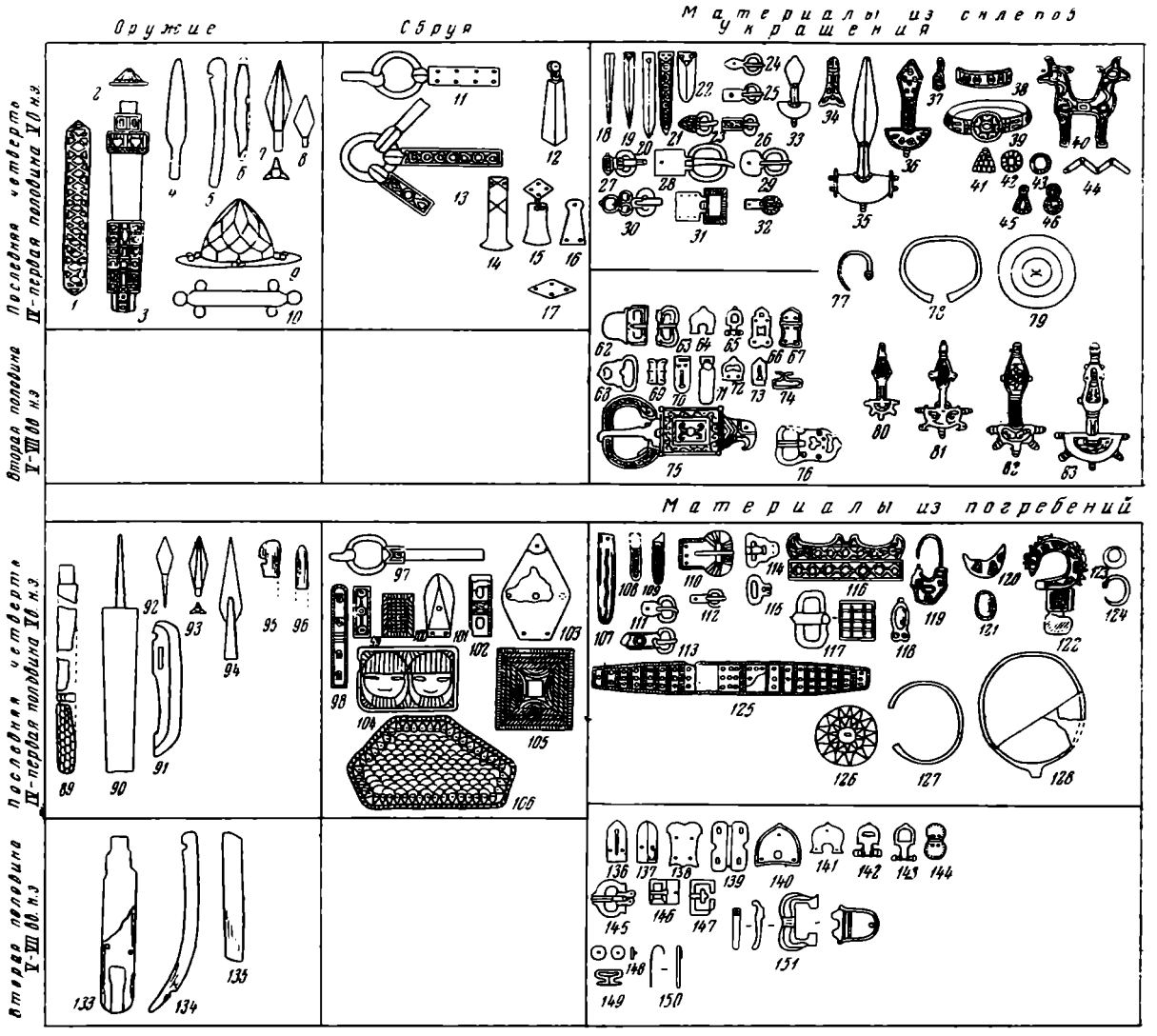
[26] Н. П. Сорокина. Стекло из раскопок Пантикапея 1945—1959 гг. МИА, 103, 1962, стр. 223—226.

[27] Л. А. Мацулевич. Ук. соч.

[28] И. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов. ИАК, 19, СПб., 1906, стр. 1—29; ИАК, 30, СПб., 1909, стр. 105, 108; его же, ЗООИД, XXVII, Одесса, 1907, стр. 101—148.

[29] F. O. Waage. Hellenistic and Roman Tableware of North Syria. Antioch-on-the Orontes, IV, 1, 1948, стр. 53—57, рис. 34, табл. VIII, XI.

[30] В. К. Пудовин. Три боспорские лучевые фибулы. СА, 1962, 2, стр. 142—148, рис. 2, *6*.



Сравнительная таблица материалов из керченских

Керчь: *1, 27, 30* — из склепов Новикова 1890 г.; *2—6, 12, 13, 15—17, 21—23, 26, 33, 34, 36—46, 176*; *9—11, 14, 18—20, 49, 57, 59, 78* — из склепа 145; *24, 28, 29, 31, 47, 50, 54—56, 77, 79* — из *74—76, 83—86, 88* — из склепа 180; *68, 72, 73* — из склепа на горе Митридат 1867 г.; *77, 78,* це; *81* — из земляной гробницы 3, 1869 г.

Поволжье: *89, 93, 105, 106, 108, 110, 118, 127, 128* — Шипово, кург. 3; *111, 123* — Шипово, кург. *95, 96* — Покровск. кург. 18; *109, 113, 119, 130* — Покровск. кург. 36, погр. 2; *97—99, 103, 107* — *120—122, 131* — Ленинск., кург. 3, погр. 12; *124* — Ленинск., кург. 26; *126* — Березовка; *139,* Новиковка близ Уфы; *136, 145, 148, 152* — Бережновка, кург. 111, погр. 1; *137, 138, 141,*

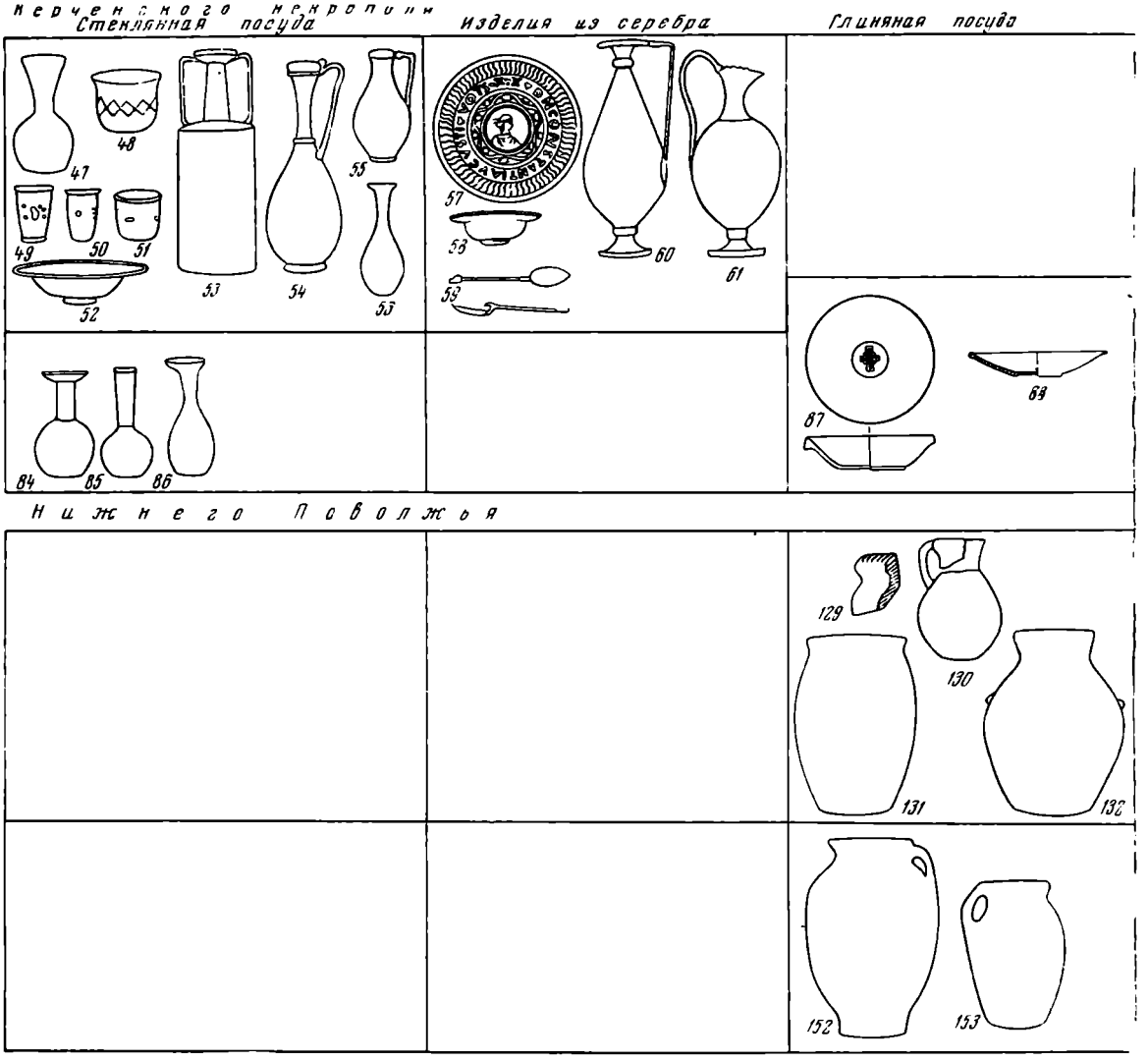
ку. По определению Д. Чалланя, такие пряжки византийского происхождения бытовали в VI—VII вв.[31] Ряд предметов — браслеты, серьги с четырнадцатигранником на конце, зеркала с петелькой на оборотной стороне — характерны, для комплексов и 1-й и 2-й хронологических групп.

Соответственно этим двум хронологическим группам керченских склепов можно разделить и погребения «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья, погребальный инвентарь которых большей частью представлен теми же категориями вещей (рисунок, *89—153*).

Среди захоронений 1-й группы выделяются три типа погребений, отличных по характеру погребального обряда: 1) погребения с сожжением. 2) погребения с трупоположением, 3) погребения, сопровождаемые шкурой лошади.

---

[31] Д. Чалланъ. Памятники византийского металлообрабатывающего искусства. I, «Acta Antiqua», II, 3—4, Budapest, 1954, стр. 326—330.



склепов и погребений Поволжья

58, 60, 61 — из склепа 24 июня 1904 г.; *7, 25, 32, 35, 48, 51, 52* — из склепа 154; *8* — из склепа склепа 165; *53* — из склепа на Тарханской улице; *62—66, 69, 71* — из гробницы 64; *67, 70, 82, 87* — из склепа 19; *79* — из склепа 78; *80* — из земляной гробницы 13 на Эспланадной ули-

2; *90, 91, 94, 104, 112, 116, 117* — погр. у колхоза «Восход»; *92, 100* — Покровск. кург. 17; Нижняя Добринка; *101, 102* — Марксштадт; *114, 115, 125* — Верхне-Погромное, кург. 4, погр. 3; *132* — Ровное, кург. 42; *133, 139, 140, 147, 150, 151* — Иловатка, кург. 3, погр. 2; *134, 135, 143* — *142, 153* — Бережновка, кург. 1, погр. 7; *144, 146* — Зиновьевка

К первому типу относятся погребения, раскопанные в Саратовской области: курганы 17, 18 из юго-восточной группы[32] и курганы 2, 3, 11 из южной группы у г. Покровска[33], курганы 42, 47 из могильника у с. Ровное[34], погребение, случайно обнаруженное у с. Нижняя Добринка[35], курган Е-7 у с. Высокое[36], курган Е-13 у с. Усть-Караман[37], курганы Д-18 у

[32] Т. М. Минаева. Ук. соч., стр. 91—123.
[33] И. В. Синицын. Позднесарматские погребения..., стр. 82, 83.
[34] P. Rau. Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des Deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926. Pokrowsk, 1927, стр. 72—76, рис. 67—70.
[35] Т. М. Минаева. Ук. соч., стр. 103—104, табл. VI.
[36] П. Д. Рау. Курганы с кострищами и кострища в курганах Нижнего Поволжья. Тр. СА РАНИОН, IV, стр. 432.
[37] П. Д. Рау. Ук. соч., стр. 432.

с. Отроговка[38] и у с. Бородаевка курган 5[39]. Отсутствие в погребениях с сожжением костей человека дало возможность Т. М. Минаевой предположить, что сожжение совершалось на стороне, а затем пепел, золу, угли, куски обгоревших плах, обожженные вещи, которые, вероятно, бросали в затухающий костер, переносили на другое место и здесь над ними насыпали курган. Такой обряд погребения вполне вероятен, так как остатки кострища всегда находят на горизонте и частично в насыпи кургана. Кроме вещей во всех курганах с сожжением встречены кости животных — барана и лошади, некоторые из них несут на себе следы пребывания в огне. В двух случаях были найдены только кострища без каких-либо признаков погребения (курган 11 близ г. Покровска и курган 5 у с. Бородаевка).

Ко второму типу относятся погребения, обнаруженные в Саратовской области: курган Д-14 у с. Старая Иванцовка[40], четыре погребения у колхоза «Восход» близ г. Покровска[41], у г. Марксштадт[42], у с. Березовка[43] и у с. Курнаевка[44]. Два погребения раскопаны в могильнике у г. Ленинска Волгоградской области — курган 3, погребение 12 и курган 26, погребение 1[45], два погребения у ст. Шипово Западно-Казахстанской области, курганы 2 и 3[46]. К этой же группе погребений относится и ряд захоронений Оренбургской и Куйбышевской областей: случайно обнаруженные два погребения у с. Ново-Успеновка Ак-Булакского района[47] и Верхне-Погромное Тоцкого района[48] и случайная находка у с. Федоровка[49]. Пять погребений были совершены в прямоугольных ямах («Восход», Ленинск и Шипово), одно в подбое (Старая Иванцовка). В остальных погребениях могильные ямы не прослежены. Во всех могилах костяки лежали на спине в вытянутом положении головой на север или северо-восток. У четырех погребенных черепа оказались деформированы (курганы 2 и 3 у ст. Шипово, разрушенная могила у колхоза «Восход», курган Д-14 у с. Старая Иванцовка). В большинстве погребений найдены кости животных: коровы, лошади, овцы.

Третий тип погребений представлен только двумя захоронениями — из могильника у с. Верхне-Погромное Волгоградской области — курган 4, погребение 3[50] и из юго-восточной группы курганов у г. Покровска Саратовской области — курган 36, погребение 2[51]. Погребение у с. Верхне-

[38] P. Rau. Prähistorische Ausgrabungen..., стр. 47—50.

[39] И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, стр. 35, 36.

[40] P. Rau. Prähistorische Ausgrabunge..., стр. 31—33, рис. 24, 25.

[41] И. В. Синицын. Поздне-сарматские погребения... стр. 73—80.

[42] Там же, стр. 83, рис. 11.

[43] T. M. Minaewa. Zwei Kurgane aus der Völkerwanderungseit bei der Station Sipovo. ESA, IV, Helsinki, 1929, стр. 206, 207, рис. 32, 33.

[44] Случайная находка, обнаруженная в 1911 г. при рытье колодца, состоящая из двулезвийного меча, бронзовой поясной пряжки и обрывка золотой обкладки с чешуйчатым орнаментом. Материал не опубликован и хранится в Саратовском краеведческом музее.

[45] Вещи хранятся в Волгоградском краеведческом музее.

[46] Т. М. Минаева. Ук. соч., стр. 194—209, рис. 1—31.

[47] Материал не опубликован и хранится в Оренбургском областном музее. Вещи: железный двулезвийный меч, трехлопастные ромбевидные железные наконечники стрел, медный кованый котел, обломки серебряных пластин и обрывки кожи — были случайно обнаружены при выемке песка воспитанниками Ак-Булакского детского дома для колхоза с. Ново-Успеновки.

[48] Материал не опубликован и хранится в Оренбургском областном музее. Вещи: железный двулезвийный меч, золотые прямоугольные пластины от конской упряжки, аналогичные пластинам из кургана 17—18 близ г. Покровска, обрывки золотой фольги и золотые на бронзовой основе фалары с изображением морды льва, а также кости лошади — были обнаружены в 1955 г. случайно при добыче песка.

[49] В. В. Гольмстен. Археологические памятники Самарской губ. Тр. СА РАНИОН, IV, стр. 134, 135, рис. 54—63.

[50] И. П. Засецкая. Электровая диадема из погребения у с. Верхне-Погромное в Нижнем Поволжье. СГЭ, XXVII, Л., 1966, стр. 54—59.

[51] И. В. Синицын. Ук. соч., стр. 81, 82, рис. 9, 10.

Погромное было впускным и находилось на горизонте, в ногах костяка помещались череп и кости ног лошади. Покровское погребение совершено в подбойной могиле и также являлось впускным в более древний курган. Череп и ноги коня лежали во входной яме на уровне бедер погребенной. Оба погребения оказались женскими. Костяки лежали на спине в вытянутом положении, ориентированные головой на север и северо-восток. В покровском захоронении кроме костей лошади найдены еще и кости овцы.

Погребальный инвентарь вышеуказанных нижневолжских захоронений представлен вещами близкими, а иногда даже просто тождественными материалу керченских склепов соответствующей группы. Из оружия встречены длинные мечи, короткие однолезвийные кинжалы, трехлопастные ромбовидные наконечники стрел, костяные обкладки от лука (ср. рисунок, *3*, *5—8* и *90*, *92—96*); предметы конского снаряжения характеризуются удилами керченского типа, накладками на уздечные ремни, золотыми пластинками с чешуйчатым орнаментом от седла, обломками деревянных седел (ср. рисунок, *11*, *14—16* и *97*, *101*, *106*, пластины с чешуйчатым орнаментом, аналогичные изображенным на рисунке *106*, в Керчи найдены в катакомбе № 6 и в христианской катакомбе по Госпитальной улице, материал не опубликован); из украшений и предметов туалета типичны диадемы, серьги, кулоны, исполненные в полихромном стиле, а также серьги с четырнадцатигранной бусиной, проволочные гривны, браслеты, мелкие поясные пряжки, зеркала с петелькой на оборотной стороне (ср. рисунок, *19—27*, *29*, *31*, *32*, *37*, *77—79* и *107—118*, *124*, *126—127*). Часть вещей полихромного стиля, так же как и керченские подобные изделия, украшены цветными вставками в напаянных гнездах (ср. рисунок, *23*, *34*, *36*, *38* и *113*, *119*, *120*, *122*, *125*) или исполнены в технике перегородчатой инкрустации (ср. рисунок, *1—3*, *13*, *21*, *26*, *39*, *40* и *116*, *117*).

Погребения 2-й хронологической группы очень немногочисленны. Нам известно пока только четыре захоронения из Нижнего Поволжья и одно из Оренбургской области: погребение 7 из кургана 1 юго-западной группы Бережновского могильника [52], погребение 1 кургана 111 Бережновского II могильника [53] и погребение у с. Зиновьевки Саратовской области [54], погребение 2 из кургана 3 южной группы у с. Иловатки Волгоградской области [55] и случайная находка у с. Новиковка близ Уфы [56]. В двух случаях погребения были совершены в подбойных ямах (иловаткинское и бережновское 111/1), в одном случае в прямоугольной узкой яме (зиновьевское). В бережновском же погребении из кургана 1 яма не прослеживалась. Во всех могилах костяки лежали на спине в вытянутом положении головой на северо-восток. Погребальный инвентарь представлен поясными наборами, глиняными сосудами и оружием. Особо выделяется иловаткинское погребение. Здесь был похоронен мужчина с ярко выраженными монголоидными чертами и деформированным черепом. Лучевая и локтевая кости левой руки носили следы болезненных изменений. Погребенный лежал на досках и сверху также был прикрыт досками. В западной половине кургана были обнаружены остатки тризны — кострище с углями, рядом лежали обломки от трех крупных глиняных сосудов. Кроме поясного набора и керамики с умершим был положен короткий железный кинжал в деревянных ножнах. Наконечник ножен был оправлен в узкую

[52] И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда. МИА, 60, 1959, стр. 110.

[53] И. В. Синицын. Древние памятники в низовьях Еруслана. МИА, 78, 1960, стр. 106, 107.

[54] П. С. Рыков. Позднесарматское погребение в кургане близ с. Зиновьевки Саратовской губ. Саратов, 1929, Оттиск.

[55] К. Ф. Смирнов. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское МИА. 60, 1959, стр. 218—220, рис. 7.

[56] J. Werner. Beiträge zur Archäologie der Attila-Reiches. München, 1956, табл. 25.

обойму из серебряных полос с мелкими зубчиками по краю, прикрепленных к ножнам двумя гвоздиками с круглыми шляпками. По наличию во всех пяти погребениях 2-й группы поясных наборов они должны быть датированы VI—VII вв.

Таким образом, на основании сопоставления нижневолжских материалов с керченскими среди погребений Нижнего Поволжья удалось выделить 27 погребений последней четверти IV в.— первой половины V в. и только пять погребений VI—VII вв. У Е. К. Максимова приводится 17 погребений этого периода, которые он рассматривает как единую группу памятников V—VIII вв., считая их позднейшими сармато-аланскими захоронениями [57]. Из них нами не учтены три погребения, не связанные исторически с «эпохой переселения народов». Это погребения, обнаруженные у хутора Авиловского Волгоградской области (курган 1) [58], у с. Бородаевка Саратовской области (курган 9, погребение 5) [59] и у станции Сайхин, Западный Казахстан (курган 4) [60]. Среди погребального инвентаря авиловского и бородаевского захоронений встречены вещи, характеризующие культуру поздних кочевников VIII—IX вв.: берестяной колчан, крупные плоские и трехлопастные со срезанными лопастями наконечники стрел, костяные фигурные пряжки от конской сбруи, деревянное седло прекрасной сохранности с дугообразной передней лукой. Погребение у станицы Сайхин, напротив, относится к более раннему периоду (II—IV вв.). Обнаруженные в нем вещи: железный ножичек с костяной рукояткой, бронзовые круглые бляшки, глиняный сосуд с высокими плечиками и широким низким горлом с прямыми вертикальными краями, а также бронзовые пряжки — находят себе массовые аналогии в позднесарматских погребениях догуннского времени.

Выделенные нами две хронологические группы погребальных памятников, различающихся по материальной культуре, принадлежат к определенному историческому этапу, получившему в археологической науке название «эпохи великого переселения народов». Этот период, характеризующийся массовым перемещением кочевых племен Востока и Запада, ознаменовал новую ступень в развитии древнейшего прошлого юга нашей страны. Начало его совпало с вторжением в северопричерноморские степи гуннских орд, всколыхнувших весь варварский мир. Для Нижнего Поволжья, как уже отмечалось выше, это время связано с падением крупного сарматского племенного объединения, господствовавшего здесь в течение нескольких столетий. Проходя через нижневолжские степи, гунны разгромили сарматские племена, уничтожив веками складывавшуюся культуру сарматов.

Сарматская культура Нижнего Поволжья предшествующего времени представлена огромным количеством погребений, каждый этап в развитии сарматских племен характеризуется сотнями погребальных памятников. Большие могильники, содержащие от 60 до 200 курганов, в которых преобладали захоронения сармат, встречены по всему Поволжью [61].

Существование постоянных кладбищ показывает, что сарматы, будучи кочевниками-скотоводами, отличались малоподвижным образом жизни. Они кочевали в пределах определенной территории, из года в год выпасая здесь свои стада. Это предположение подтверждается и наличием в погребальном инвентаре значительного количества глиняной посуды — в одной

---

[57] Е. К. Максимов. Ук. соч., стр. 65—85.

[58] И. В. Синицын. Археологические памятники в низовьях реки Иловли. Уч. зап. СГУ, XXXIX, стр. 230—232, рис. 1—4.

[59] И. В. Синицын. Археологические раскопки..., стр. 130, 131, рис. 86, 5, 88.

[60] И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда. МИА, 60, стр. 145, рис. 49.

[61] Калиновский могильник в Волгоградской области — 62 кургана. Бережновские I и II могильники — более 200 курганов, Сусловский могильник — 70 курганов, могильник у г. Ленинска Волгоградской области — около 60 курганов. Могильник у станции Старица Астраханской области — 62 кургана и др.

могиле часто находят 5—7 сосудов. Поэтому же, вероятно, так редки и находки предметов конского снаряжения. Совершенно иную картину можно наблюдать в степях Нижнего Поволжья во время нашествия гуннов. Археологический материал «эпохи переселения народов» — почти полное отсутствие глиняной посуды, неудобной при постоянном перемещении, и наличие в каждом погребении предметов конской упряжи или костей лошади, связанное с возросшей ролью коня,— свидетельствует, что племена, обитавшие в это время в нижневолжских степях, вели более подвижный образ жизни по сравнению с сарматами.

Однако изменения произошли не только в кочевом образе жизни населения Нижнего Поволжья, но также в численности и составе его. Резкое сокращение погребальных памятников в период гуннского нашествия и в последующее время, вплоть до массового переселения сюда поздних кочевников (печенегов, торков, половцев), сязано со значительным уменьшением населения в степях Нижнего Поволжья. А появление неизвестных ранее погребальных памятников с необычным для сарматов погребальным обрядом — погребения с сожжением и погребения, сопровождаемые шкурой лошади,— указывают на переселение в нижневолжские степи новых племенных групп. Предположение Е. К. Максимова о том, что погребения с сожжением можно рассматривать как дальнейшее развитие сарматского ритуала, связанного с культом огня, кажется маловероятным[62]. Культ огня как очистительной силы был распространен у сарматов на раннем этапе развития сарматской культуры и сводился к разведению погребального костра над перекрытием или на краю могилы, остатки которого вместе с землей сбрасывали затем в могилу. С течением времени этот обряд постепенно исчезает и встречается крайне редко, как исключение. Трупосожжение же в Нижнем Поволжье было известно в эпоху бронзы и вновь появилось только в период гуннского завоевания. Однако трудно предположить, что эти два явления генетически связаны между собой. Еще меньше оснований считать сарматскими могилы, сопровождаемые шкурой лошади. Появившись в Нижнем Поволжье в период движения гуннских орд с востока, обычай помещать в могилу шкуру коня получил широкое распространение в VIII—X вв. в связи с массовым проникновением в степи Нижнего Поволжья печенегов и торков[63]. Появление этого обычая в погребениях «эпохи переселения народов», вероятно, связано с ранним проникновением в Нижнее Поволжье тюркских племен, которые входили в состав гуннского племенного союза.

Вместе с тем нельзя полностью отрицать существования сармато-аланского компонента в составе населения Нижнего Поволжья. Некоторые черты погребального обряда — северная ориентация и положение погребенных, формы могильных сооружений (прямоугольные могилы и подбои) — уходят своими корнями в предшествующее время. Частично связь с позднесарматскими захоронениями можно проследить и по материальной культуре. В погребальном инвентаре по-прежнему встречаются двулезвийные всадничекие мечи, костяные обкладки от сложносоставного лука, мелкие пряжки с подвижным языком, небольшие зеркала из белого сплава. Продолжает бытовать среди населения Нижнего Поволжья и обычай деформации головы, встреченный в четырех случаях в захоронениях гуннского времени. Возможно, что погребения в прямоугольных ямах и подбоях, выделенные нами во 2-й тип памятников, оставлены теми сарматами, которые, включившись в общее движение варваров, в значительной степени изменили свой прежний образ жизни.

В задачу данной работы не входит решение вопроса этнической принадлежности рассматриваемых погребений. Этническая атрибуция этих памятников может быть решена только на широком историческом фоне

---

[62] Е. К. Максимов. Ук. соч., стр. 84.
[63] Н. Д. Мец. К вопросу о торках. КСИИМК, XXIII, 1948, стр. 45—49.

при учете всех аналогичных погребений, встреченных как в Нижнем Поволжье, так и в Северном Причерноморье, в Предкавказье, на территории Западной Европы и на Востоке. Однако сочетание новых черт в культуре Нижнего Поволжья «эпохи переселения народов» с элементами предшествующей сармато-аланской культуры указывает на смешанный характер состава населения, в котором сарматы уже не играли ведущей роли. Отсюда возникает вопрос, можно ли называть памятники этого времени попрежнему «позднесарматскими» и не будет ли это мешать правильному определению их культурной и этнической принадлежности. Погребения 1-й хронологической группы (последняя четверть IV — первая половина V в.) являются порождением конкретных исторических событий и отражают культуру и образ жизни того общества, которое создалось в Нижнем Поволжье в результате нашествия гуннов и их господства в Европе. Они связаны не с позднесарматскими погребениями, а входят в круг памятников гуннского времени, распространенных на обширной территории Евразии. Таким образом, было бы правильнее называть погребения 1-й группы не «позднесарматскими», а «погребениями гуннского времени». Б. Н. Граков в своей классификации сарматской культуры Нижнего Поволжья выделил четыре последовательных хронологических этапа. В последний, позднесарматский период он включил погребения более позднего гуннского времени, куда вошли и два богатых захоронения, обнаруженных у ст. Шипово. Это позволило Б. Н. Гракову назвать позднесарматский период «шиповским», по наименованию наиболее яркого памятника. Если же согласиться с высказанным в данной работе предложением о выделении погребений гуннского времени в самостоятельную группу памятников, то необходимо перенести название «шиповские» с позднесарматского периода на захоронения следующего этапа в развитии исторического прошлого Нижнего Поволжья, т. е. гуннского времени.

Погребения же 2-й хронологической группы (вторая половина V—VI вв.) относятся ко времени распада гуннского племенного союза и появления в Европе новых тюркских племен — аваров. Количество этих погребений на территории Нижнего Поволжья крайне незначительно. Сказать что-либо конкретное об их этнической принадлежности еще труднее, чем о погребениях 1-й группы, хотя, бесспорно, и в это время население Нижнего Поволжья отличалось малочисленностью и смешанным составом (наличие монголоидной расы — иловатское погребение). Погребальный инвентарь этой группы захоронений близок материалу раннесредневековых могильников Крыма, типа Суук-Су. Может быть, погребения 2-й хронологической группы Нижнего Поволжья можно назвать «памятниками кочевников раннего средневековья».

А. П. СМИРНОВ

ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУРАХ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

В последние годы стали уделять большое внимание выделению археологических культур и определению этнической принадлежности их носителей. Это теснейшим образом связано с размахом археологических исследований, получением нового, неизвестного ранее материала и стремлением привести его в систему. В ряде работ можно встретить методические соображения, направленные на уточнение данного вопроса. Почти все авторы считают, что выделение культур должно быть основано на большом фактическом материале, позволяющем наметить комплекс вещей, отметить своеобразие жилищ, поселений, обряда погребения и т. д., которые были бы характерны для определенной территории и определенного отрезка времени. Большинство исследователей полагает, что одиночные памятники не могут являться основой для проведения такой работы. Недостаточно прочная база таит в себе опасности случайности в выводах.

За последние десятилетия удачно выделены культуры, занимающие большие территории, соответствующие крупным этническим общностям, и культуры, охватывающие сравнительно небольшие площади, по-видимому принадлежащие племенным объединениям. Нельзя не заметить, что трудность этих исследований возрастает в отношении памятников более позднего времени, с усложнением этнических передвижений и социальных отношений. Точно так же можно отметить большую сложность решения этих вопросов в пограничных зонах, в частности в полосе лесостепи, где проходила граница между степняками-кочевниками и оседлым населением лесной зоны. Широкие связи, передвижения племен, взаимная инфильтрация приводили к сложению смешанных культурных комплексов, из которых исследователю предстоит отделить вещи, широко распространенные в данную эпоху и не характерные для какой-либо отдельной культуры. Нужно отделить также вещевые комплексы, характеризующие внедрение отдельных групп иноземцев с соседних территорий, и тогда, наконец, останется комплекс, специфический для данной культуры. Выделение его в некоторых случаях представляет большие трудности. Тем не менее пренебрежение к этому вопросу приводит к неправильному решению. Важнейшим методическим приемом является картографирование всех элементов, составляющих данный культурный комплекс. Это облегчит выделение вещей, характерных для замкнутой территории и определенного времени. Кроме картографирования, необходимо использовать и метод математической статистики.

Довольно сложный этнический процесс в течение долгого времени происходил в Западном Приуралье и Поволжье. Проникновение племен с востока, из-за Урала и с юга наложило отпечаток эклектизма на все культуры эпохи бронзы и железа и затруднило характеристику отдельных культур. Следует отметить, что работы в Среднем Прикамье, в районе Перми, проведенные коллективом археологов под руководством О. Н. Бадера, привели к созданию классификации, заслуживающей самого положительного отношения. Выделенные им культуры в большинстве своем имеют характерные признаки, не позволяющие смешать их с соседними. Убедительно выделена ерзовская культура, имеющая свои специфические черты. Точно так же и на Южном Урале с большой долей уверенности

можно говорить о правильном выделении культур эпохи бронзы и раннего железа. Здесь положительной оценки заслуживают многолетние работы покойного исследователя Южного Урала К. В. Сальникова, которым хорошо прослежена граница срубной и андроновской культур, выделен район контакта, давший смешанные срубно-андроновские памятники.

За последние годы большое внимание уделяется приказанской культуре, памятники которой сравнительно хорошо изучены Куйбышевской экспедицией Института археологии АН СССР и Казанским филиалом АН СССР. К сожалению, характеристики этой культуры пока еще нет, и остается неясным ее специфический вещевой комплекс, хотя ее периодизация и разработана. Трудность ее определения зависит от внедрения на эту территорию срубных племен с юга и абашевских племен с запада. Тем не менее трудно согласиться с П. Н. Третьяковым, который считает приказанскую культуру эклектической, в которой нельзя выделить ее специфические черты и четко ограничить ее ареал [1]. Приказанская культура — не единственная имеющая эклектический облик, к таким «смешанным» культурам несомненно относится и поздняковская. Однако Т. Б. Попова сумела выделить те черты, которые могут характеризовать этот культурный комплекс [2]. В приказанской культуре есть элементы, идущие от предшествующего времени, в ней несомненно присутствуют компоненты, заимствованные от племен, проникших на эту территорию,— абашевцев, андроновцев и срубников, и имеются элементы, распространенные на широкой территории. Срубные племена и в меньшей мере андроновские оказали огромное влияние на формирование культур племен, обитавших в области лесостепи и южной окраины леса. Они и создали тот общий компонент, который присущ и племенам среднего течения Оки, правобережья Волги и Нижнего и Среднего Прикамья. Этот общий элемент привел А. Х. Халикова к ошибочному утверждению о широком распространении приказанской культуры от среднего течения Камы до Правобережья Волги [3]. Однако если пересмотреть весь материал, отбросить срубные и андроновские элементы, то останутся те, которые охватывают только сравнительно небольшую территорию Средней Волги, преимущественно левобережья. П. Н. Третьяков, отметивший трудность выделения элементов, характеризующих приказанскую культуру, довольно правильно отметил их в керамике, особенно в ее орнаментации, в которой, как он пишет, есть геометрические узоры, нанесенные коротким гребенчатым штампом, характерным и для предшествующего времени [4]. Думается, что при большом количестве материала, при его тщательном анализе можно выявить основные элементы, характеризующие отдельные культуры.

Особенно неблагополучно обстоит дело с выделением культур эпохи раннего железа в Западном Приуралье и Поволжье. Интересный очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа [5], опубликованный В. Ф. Генингом, может быть в настоящее время принят только в качестве рабочей гипотезы. В этой работе имеются нарушения методических требований и не учтен уровень общественного развития, достигнутый населением до начала пьяноборской эпохи. Автор обошел вопрос о предшествующей эпохе, о местных вариантах ананьинской культуры, на что обращало внимание большинство исследователей, что имеет значение для определения специфики культур пьяноборского времени. Для методических приемов этого автора характерна вышедшая недавно статья «Этногенез удмуртов

[1] П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.— Л., 1966, стр. 128, 129.

[2] Т. Б. Попова. Датировка и культурная принадлежность Старшего и Младшего Волосовских могильников. Археологический сборник. Тр. ГИМ, 40, М., 1966, стр. 42.

[3] А. Х. Халиков. Среднее Поволжье в эпоху камня и бронзы. Автореф. канд. дис. Казань, 1966, стр. 26 сл.

[4] П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 129.

[5] В. Ф. Генинг. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа. Тр. Казанского ФАН СССР, 2, 1959, стр. 157.

по данным археологии»[6], в которой он определяет без всяких оснований, прединаньинскую этническую общность в весьма широких границах: на западе по р. Онеге, озерам Лача и Вожа, по верховьям рек Сухоны и Юга, на востоке включает бассейн Ветлуги, районы Волги, прилегающие к устью Камы, весь бассейн Камы, за исключением степных районов р. Белой, верховья Печоры и Вычегды. Он отмечает проникновение на рубеже II—I тысячелетий до н. э. позднеандроновских племен, которые близки прединаньинским[7]. Определяя столь широко прединаньинскую этническую общность, он считает, что сибирские пришлые племена явились цементирующим компонентом «в образовании данной этнической общности, которая, по-видимому, и представляет собой общность племен, говоривших на различных диалектах пермского языка»[8]. Трудно согласиться со столь широко намеченными границами пермской языковой общности. Во всяком случае, она не имеет подтверждения в археологических материалах. На этой территории встречаются только общие элементы, характерные для данной эпохи, которые не могут определять культурную принадлежность. Намеченные границы выходят даже из границ приказанской культуры, чрезмерно широко намеченной А. Х. Халиковым. В этой же статье автор повторяет положения, изложенные им в более ранних работах[9]. В одном он несомненно прав — в утверждении о значительной роли сибирских племен в истории населения области р. Белой и Прикамья. Однако считать этот сибирский элемент цементирующим на столь большой территории нельзя. Работа В. Ф. Генинга, написанная с привлечением случайных, единичных фактов, не разрешает данную проблему.

Нельзя согласиться с установлением этим автором границ пьяноборской культуры. Это невозможно сделать без материала Башкирии, а последний еще не обработан надлежащим образом. Предложенная В. Ф. Генингом схема[10] может быть принята только как рабочая гипотеза. В этой статье предельно просто решены труднейшие вопросы об этнической принадлежности культур. По-видимому, автор забыл, что археолог лишь тогда может решать этот вопрос, когда, применив ретроспективный метод, сможет проследить ход исторического развития до времени, когда на данной территории исторические источники помещают определенный народ. Прослеживая ретроспективным методом исторический процесс, археолог должен внимательно отнестись к выявлению посторонних элементов, которые могли привести к ассимиляции и изменить состав населения. Археолог может установить этнический состав археологической культуры только при отсутствии внедрения посторонних элементов. Этой работой пренебрегают многие исследователи, что приводит к необоснованности некоторых этнических построений. Трудно, например, согласиться с характерным признаком этнической принадлежности, который предлагает В. Ф. Генинг, считая круглодонную посуду финно-угорской, а плоскодонную тюркской. «В свете имеющихся в настоящее время археологических материалов,— писал В. Ф. Генинг,— достаточно четко выступает двухкомпонентность этнического состава населения бассейна р. Белой в I тысячелетии н. э. Наиболее четко это отражено в керамике. Различные вариации круглодонных форм сосудов находят аналогии среди памятников, угорская принадлежность которых не вызывает существенных возражений. Но круглодонной керамике повсюду сопутствует плоскодонная, горшковидная, которую мы склонны приписывать населению тюркского происхождения, хотя прямых аналогий в археологическом материале пока

---

[6] Сб. «Вопросы финно-угорского языкознания», IV, Ижевск, 1967, стр. 271.
[7] Там же, стр. 272.
[8] Там же, стр. 272.
[9] В. Ф. Генинг. К вопросу продвижения сибирского населения в Западное Приуралье в I тысячелетии н. э. ВИСДВ, Новосибирск, 1962, стр. 329.
[10] В. Ф. Генинг. К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тысячелетии н. э. АЭБ, II, 1964, стр. 111.

найти не удалось. Существует ряд косвенных доказательств проникновения тюркских элементов в Прикамье именно в эту эпоху, начиная с III в.» [11].

Если бы автор применил метод картографирования, то он нашел бы аналогии круглодонной посуде и у финно-угорских народов Прикамья, у угорского населения Западной Сибири и у сармат, а плоскодонная посуда оказалась бы бытовавшей на больших пространствах, и наиболее близкие формы ей можно указать в мордовских памятниках, которые не могут быть причислены к тюркским. Едва ли такой признак, как форма дна, может служить основанием для определения этнического состава населения. Этническая интерпретация археологического материала требует строгого выполнения методики, сопоставления с данными языка, в частности топонимики, с данными исторических документов и этнографии. Едва ли допустимо привлечение недостоверных материалов с плохим паспортом. Поэтому без достаточных оснований к числу тюркоязычных племен отнесены племена именьковской культуры [12]. Эта точка зрения получила широкое распространение среди археологов Среднего Поволжья и Приуралья. В. Ф. Генинг отмечает, что именьковские памятники принадлежат добулгарскому населению на территории Татарии, которое на основании ряда данных можно считать тюркским, в частности связанным этнически с чувашами. Основанием считают исследование А. П. Ковалевского [13], не имеющее никакого отношения к затронутому вопросу, и высказывание самого В. Ф. Генинга, касающееся лингвистического материала.

Следует положительно отнестись к критическим замечаниям Н. А. Мажитова, который правильно критиковал выделение мазунинской культуры [14], основанное на таких отличиях от бахмутинской культуры, как наличие железных плоских браслетов. В рецензии С. М. Васюткина [15] дан обстоятельный разбор концепции В. Ф. Генинга по этническим построениям и правильно отмечены слабые стороны, обусловленные несовершенством методики. Критические замечания Н. А. Мажитова и С. М. Васюткина несомненно будут содействовать правильному разрешению этнической истории Прикамья.

Одним из спорных вопросов этнической истории края продолжает оставаться проблема азелинской культуры [16]. Отстаивая правильность выделения азелинской культуры, В. Ф. Генинг в своем ответе на рецензию [17] остановился на трех спорных положениях: на расхождении в правильности выделения культуры, на оценке уровня развития производительных сил и на вопросе о заселении Вятки в III в. после периода запустения со II в. до н. э. до III в. н. э.

Все исследователи согласны с тем, что так называемые азелинские племена по этническому составу являются пьяноборцами В. Ф. Генинг доказал это весьма убедительно, отметив общность азалинцев с пьяноборцами в украшениях [18], в керамике [19], в обряде погребения. Что же заставило В. Ф. Генинга выделить культуру населения III—V вв. на р. Вятке в особую азелинскую? «Если в пьяноборское время, — отмечает он,— до-

---

[11] В. Ф. Генинг. К вопросу о продвижении сибирского населения в Западное Приуралье в I тысячелетии н. э. ВИСДВ, стр. 334.

[12] В. Ф. Генинг. К вопросу об этническом составе... АЭБ, II, стр. 125.

[13] А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 49.

[14] Н. А. Мажитов. К изучению археологии Башкирии I тысячелетия н. э. АЭБ, II, стр. 102.

[15] С. М. Васюткин. Археология и этнография Башкирии. СА, 1966, 4, стр. 220.

[16] А. П. Смирнов. Рец. В. Ф. Генинг. Азелинская культура III—V вв. СА, 1964, 4, стр. 248.

[17] В. Ф. Генинг. По поводу рецензии А. П. Смирнова. СА. 1966, 3, стр. 283.

[18] В. Ф. Генинг. Азелинская культура III—V вв. Ижевск, 1963, стр. 18.

[19] Там же, стр. 20, 21.

быча железа была еще чрезвычайно трудоемким процессом и орудий труда из железа тогда встречалось еще немного, то совершенно другая картина предстает перед нами в памятниках азелинской культуры. Здесь железо получило массовое распространение, что связано с крупными достижениями в технике его производства. Это в свою очередь вызвало многие коренные изменения других сторон жизни и быта» [20]. Следует заметить, что никаких резких изменений в производстве железа в эту эпоху не наблюдалось. Автор приводит в подтверждение своего тезиса домницы из Верхнего Прикамья, которые никакого отношения к азелинской культуре не имеют, а также обломок сопла с Буйского городища и основания совершенно разрушенных горнов [21], что явно недостаточно. В. Ф. Генинг отметил для этого времени также выделение кузнеца из родовой общины [22], но у нас нет никаких данных относить это событие к III—V вв. Выделение металлурга, первоначально занимавшегося приготовлением бронзовых орудий и украшений, относится ко времени не позднее конца II тысячелетия до н. э., к эпохе бронзы. Такие памятники, как Сосново-Мазинский клад и ряд находок бронзовых орудий на Средней Волге, показывают на существование мастеров, работавших не только на свою общину, но также и на соседей [23]. Можно напомнить, что в Чурачинском кургане в Чувашии (II тысячелетие до н. э.) была найдена форма для отливки топора [24]. Весь материал свидетельствует о довольно раннем выделении мастера-литейщика. Этот процесс усугубился с раннего железного века, в ананьинскую эпоху, когда встречаются погребения мастеров. Наиболее ярким примером этого является погребение кузнеца с его инвентарем, открытое А. Х. Халиковым в Новомордовском могильнике. Из старых раскопок можно напомнить могилы № 1, 12 16 Котловского могильника, относящегося к ананьинской культуре. Все это свидетельствует о значительно более раннем выделении мастеров металлургов. Ошибка В. Ф. Генинга заключается в том, что, выделив материал пьяноборской культуры, он не учел состояния общества ко времени сложения пьяноборской культуры. Если бы он строил свои заключения с учетом материала более раннего времени, то никогда не пришел бы к неправильному выводу о том, что середина I тысячелетия является началом процесса отделения ремесла. Мы не можем согласиться и с тем, что слова Энгельса о втором великом разделении труда можно толковать так расширительно, включая сюда первые этапы выделения мастеров. Это явление связано с временем становления классового общества, с отделением города от деревни. Если автор имеет в виду только выделение кузнецов, то это явление никакого отношения ко второму великому разделению труда не имеет, да и произошло оно на много столетий раньше.

Вопрос об удельном весе скотоводства и охоты в хозяйстве населения Прикамья неоднократно поднимался в литературе. Превалирование охоты, в частности пушной, над скотоводством еще не говорит о культурной отсталости населения. Полемизируя с нами, автор не привлек фактического материала и новых работ, а сослался на старую работу Н. А. Прокошева, написанную до 1940 г. По непонятным причинам ее опубликовали в «Записках» Удмуртского научно-исследовательского института, вып. 11, в 1949 г. За этот срок был накоплен большой материал, опубликованы сводные работы по ананьинской культуре, сводные работы по истории охоты и скотоводства в Восточной Европе, которые свидетельствуют о не-

[20] Там же, стр. 18.
[21] Там же, стр. 31.
[22] Там же, стр. 66.
[23] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, 1955, стр. 132; Ю. С. Гришин и Б. Г. Тихонов. Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа. МИА, 90, 1960; Н. Я. Мерперт. Сабанчеевский клад. Сб. «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 149.
[24] Б. Ф. Каховский. Чурачинский курган в Чувашии. СА, 1963, 3, стр. 163.

котором отставании скотоводства. Уже Л. Вараксина ставила на первое место охоту и рыболовство [25]. Особенно важна монография В. И. Цалкина «К истории животноводства и охоты в Восточной Европе» [26]. Можно думать, что в отдельных районах Прикамья охота отошла на второй план еще в раннее время, в некоторых местах она оставалась ведущей.

Вопрос о запустении Вятки в эпоху II в. до н. э.— III в. н. э. построен очень искусственно и не согласован с фактами. Прежде всего следует заметить, что отличить раннепьяноборскую керамику от посуды III—V вв. в Прикамье очень трудно [27] — она однотипна. Ее датировка устанавливается по сопутствующим вещам. Если ознакомиться с отчетами и коллекциями экспедиций [28], то с заключением В. Ф. Генинга о запустении Вятки согласиться нельзя. В 1955 г. В. Ф. Генинг производил работы в Кировской области, в районах Малмыжском, Шурминском, Рожковском, Уржумском, обследовал ряд памятников и вынес впечатление, что на Вятке нет памятников II в. до н. э.— III — IV вв. н. э.[29] Однако заметим, что на большинстве памятников найдена керамика, которую с такой же уверенностью можно датировать пьяноборским временем, как и временем III — V вв. Да и мнения самих исследователей расходятся. Просматривая материалы, можно убедиться лишь в том, что никакого периода запустения на Вятке не было. Исторический процесс шел непрерывно. Отдельные вещи, приведенные в нашей рецензии [30], хорошо согласуются с керамикой пьяноборского времени. Да и исходя из общей исторической обстановки, учитывая постоянные военные столкновения с савроматами, что нашло отражение в таких памятниках, как Котловский могильник, и позднее с сарматами, которые доходили до Камы, ясно, что не было причин анань-

---

[25] Л. Вараксина. Костеносные городища Камско-Вятского края. ИОАИЭКУ, XXXIV, 3, 4, Казань, 1929, стр. 103.

[26] МИА, 107, 1962, стр. 63.

[27] В. Ф. Генинг в своей книге «Азелинская культура» обращает на это внимание: «Очень близки также форма и орнаментация глиняной посуды...» (стр. 20). «Пьяноборские сосуды представляли собой низкие открытые чаши с округлым дном, украшенные по шейке пояском ямочных отпечатков. Точно такую же форму и орнаментацию имеет большинство сосудов азелинской культуры» (стр. 21).

[28] В старых собраниях ГИМ имеется пьяноборская керамика с Буйского городища с орнаментом в виде двух рядов ямок (инв. № 44721, м. хр. 77/9б), с Ижевского городища —один ряд ямок (м. хр. 77/10б); гладкая керамика с примесью раковины имеется в коллекции с Пижемского городища (инв. № 49476, м. хр. 59/24а); с Лебяжьего городища — посуда с орнаментом в виде ряда ямок (инв. № 42070, м. хр. 59/22а).

[29] См. Архив ИА, д. № 1105, стр. 35. Исследуя Буйское городище, В. Ф. Генинг отметил перемещенность слоя и указал, что материал можно разделить на две группы — ананьинскую и вторую, очень немногочисленную, датирующуюся серединой I тысячелетия. В качестве датирующих вещей он отмечает цилиндрическую медную трубочку не более 1,5 *см* длиной и медную пластину такого же размера. Указав им аналогии в харинских материалах и вещах Суворовского могильника, исследователь датировал второй слой III—V вв. Нельзя не заметить порочности такого метода датировок. Если учесть, что на большинстве городищ производились небольшие раскопки разведочного характера, то будет ясна необоснованность заключения об уходе населения в послеананьинское время. В том же 1955 г. на Вятке работал А. Х. Халиков (архив ИА, д. № 1106 «Отчет о работе Археологической экспедиции НЯЛИ КФАН»). На Мамалыжском городище был заложен шурф 1 × 1 *м*. На городище «Красный Исток» отмечена керамика круглодонная, украшенная ямочным орнаментом, напоминающая пьяноборскую. На I Сикенесском городище было заложено три шурфа. Встречена керамика круглодонная с ямочным узором и с примесью дресвы, типа именьковской. Дата городища близка ананьинской и первой половине I тысячелетия. На II Сикенесском городище вскрыт шурф 1 × 1 *м*. Найдено 12 обломков керамики. На городище Троицкий Урал в Рыбно-Слободском районе два слоя. Встречена керамика позднеананьинская и первой четверти I тысячелетия. В 1956 г. А. Х. Халиков раскопал Мельковское городище, давшее керамику «с воротничком» и «без воротничка», гладкую и с ямочным орнаментом, вероятно, пьяноборскую. Каракулинское городище по правому берегу Вятки А. Х. Халиков датировал по керамике: «...городище, скорее всего, следует отнести к ананьинско-пьяноборскому времени и датировать концом I тысячелетия до н. э.— началом I тысячелетия н. э.».

[30] А. П. Смирнов. Рец. В. Ф. Генинг. Азелинская культура III—V вв. стр. 244.

инским племенам переходить с лесной Вятки на открытые пространства Камы, против устья Белой. По-видимому, население этого района у устья Белой и по ее нижнему течению не было выходцами с Вятки, а переселилось с рек Белой и Камы. На Вятке же жизнь протекала непрерывно, и никаких оснований соглашаться с В. Ф. Генингом у нас нет. Кроме поселений, которые с большой долей вероятности относятся к первым векам нашей эры, есть и могильники — Воробьевский и Атамановы Кости, существовавшие в то же время. Во всяком случае эта дата не была еще поколеблена [31].

Одним из важных является вопрос о дате тех погребений, которые знаменуют новый этап в жизни местного общества, когда, как утверждает автор, «железо получило массовое распространение, что связано с крупными достижениями в технике его производства» [32]. Методика установления дат в археологии сравнительно хорошо разработана. Время захоронения определяется обычно по наиболее поздней вещи, так же как и время зарытия клада. Встает вопрос: правомерно ли привлечение аналогии из далеких областей? По-видимому, да. Широкие межплеменные связи хорошо документируются уже для эпохи бронзы, когда складываются крупные этнические общности. Для эпохи раннего железа можно указать проникновение скифских вещей далеко на запад. Находки египетских вещей известны на Северном Урале и на Алтае, вещи урартского типа известны на Украине. Хорошо известны далекие походы скифов и сармат. Позднее были далекие походы готов и гуннов — факт, широко известный в науке. Шли не только люди, проникали и вещи. Украшения так называемого готского стиля, как признают многие исследователи, сложились на основе сарматских прототипов. На нашем севере известны украшения, возникшие на основе античных прототипов. Поэтому вполне закономерно привлекать аналогии из погребений Венгрии, Крыма и даже испанских вестготов, что вызывает почему-то непонятное удивление В. Ф. Генинга [33]. Сравнение пряжек некоторых азелинских погребений, совершенно не похожих на пьяноборские, с пряжками времени великого переселения народов V — VII вв. заставляет часть погребений датировать более поздним временем. Именно эти погребения характеризуются большим количеством железных вещей. Это дает право говорить, что новое явление, на которое указывает В. Ф. Генинг,— широкое распространение железа — появилось не в эпоху III — V вв., а позднее, после V в. Все остальные погребения несут в себе черты пьяноборской культуры, на что справедливо указал в своей публикации В. Ф. Генинг. Пряжки указанных нами типов [34] появляются в V в.

Погребения с новыми типами вещей содержат и старые типы вещей, в частности ножные пряжки, на что указал В. Ф. Генинг. В этом странного также ничего нет. Наша культура содержит элементы и быстро меняющиеся, и сохраняющиеся в течение длительного времени. В Прикамье нам известны многие вещи архаического типа. К их числу принадлежит, например, керамика, представленная различными вариантами чаш, бытующими с ананьинского времени до XIII—XIV вв. Как же датировать погребения, в которых вещи, типичные для первой половины I тысячелетия, встречены с пряжками, хорошо датируемыми после V — VI вв.? Эти погребения датируются, как и монетные клады, по наиболее поздней вещи.

---

[31] А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. М., 1952, стр. 76, 81.

[32] В. Ф. Генинг. Азелинская культура..., стр. 18.

[33] В. Ф. Генинг. По поводу рецензии А. П. Смирнова, стр. 284. Сам В. Ф. Генинг в ряде своих интересных исследований не пренебрегает далекими аналогиями. Так, при анализе могильника Качка он использовал материал полей погребальных урн и клад из Турии Киевской области. Он указал находку римских монет в могильниках Средней Камы. См. В. Ф. Генинг. Могильник Качка. Отчеты Камской (Воткинской) экспедиции Ин-та археологии АН СССР, 1, 1959, стр. 206.

[34] А. П. Смирнов. Рец. В. Ф. Генинг. Азелинская культура III—V вв.

Характерные примеры дают мордовские, марийские, чувашские погребения. Там в числе украшений встречаются монеты XVI — XVII вв., составляющие иногда основу украшений костюма, а наряду с ними встречаются монеты XVIII — XIX вв. Мне пришлось вскрывать могилу, среди монет которой, наряду с русскими копейками XVI — XVII вв., был найден рубль Александра III и монета 1931 г. Время этого захоронения датируется не ранее 1931 г. Для даты этого захоронения не надо никаких корреляционных таблиц, никакого анализа, никаких средних дат. Корреляционная таблица, предложенная В. Ф. Генингом, вызывает недоумение. Ведь корреляционные таблицы дают относительную хронологию, а для абсолютной хронологии нужны или монеты, или вещи, хорошо датированные по другим данным.

Совершенно необоснованно утверждение В. Ф. Генинга, что для времени VI — VII вв. характерны цельнолитые пряжки. Не надо забывать, что наряду с ними обычно встречаются и пряжки с подвижным кольцом. Так дело обстоит и в Крыму, и на Кавказе, и в Прикамье, и в Центральной Европе. Нельзя согласиться с оценкой времени шлема, который В. Ф. Генинг сравнивает с тураевским. Пропорции этих шлемов различны и, несмотря на большую близость, несколько отличаются и по форме. Если останавливаться на некоторых других вещах, то следует заметить, что меч из могилы № 1 Суворовского могильника с длинной ручкой необычной для первой половины I тысячелетия, хорошо сопоставляется с мечом на сасанидском блюде с изображением царя Хосрова I Ануширвана (531—579) среди военачальников и сцены охоты [35]. Следует отметить полное совпадение пропорций сасанидского и суворовских мечей. Длинные рукояти встречаются сравнительно редко у сармат, и они значительно меньше средневековых [36].

Сравнение могильных инвентарей ананьинской и пьяноборской культур или культурных общностей показывает, что для ананьинских погребений характерно присутствие большого числа вещей: орудий труда, оружия, а для женщин украшений. Кроме того, характерно и присутствие керамики. Для пьяноборских и так называемых азелинских, наоборот, характерно значительно меньшее число вещей и отсутствие керамики [37]. Большое число вещей появляется в конце «азелинского» времени, около V в. и позднее. Тогда в могилу стали класть оружие, орудия труда и, по-видимому, большое число украшений.

После середины I тысячелетия получает развитие плужное земледелие. В этом отношении Прикамье не отстает от других областей и не идет впереди. Всюду после V — VI вв.— и в Правобережье Волги, и на Верхней Волге, и в областях к западу и югу — появляются сошники, что свидетельствует о коренном изменении в обработке почвы. Приготовление таких крупных орудий, как правильно отметил В. Ф. Генинг, связано с раз-

---

[35] И. А. Орбели, К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.— Л., 1935, табл. 13; Р. В. Кинжалов, В. Г. Луконин. Памятники культуры сасанидского Ирана. Л., 1960, табл. 9.

[36] К числу длинных мечей с большими рукоятками можно отнести меч, найденный в Кепах в могильнике I—II вв. (раскопки 1963 г., склеп 245), рукоять которого составляет $^1/_4$ длины меча. Рукоять же меча Суворовского могильника составляет $^1/_3$ всей длины. В. Ф. Генинг. Азелинская культура III—V вв., стр. 110, рис. 56.

[37] Создав корреляционную таблицу, В. Ф. Генинг утверждает: «Не случайно поэтому, что в поздние погребения у А. П. Смирнова попали исключительно мужские захоронения. Не странно ли, что в III—V вв. хоронили почти одних женщин, а в VI—VII — исключительно мужчин». В. Ф. Генинг. По поводу рецензии А. П. Смирнова. Позволю себе напомнить, что мною выделены в Азелинском могильнике: погребения 1 — мужское, 2 — мужское, 6 — женское, 19—20 — детское + мужское; в Суворовском могильнике погребения: 1 — мужское 10 — подростка, 23 — неизвестное, 27 — мужское, 30 — мужское. Из ранних погребений, по мнению М. С. Акимовой, к мужским относятся в Азелинском могильнике № 5, 13 и в Суворовском № 20, 29. Таким образом, выясняется, что и в раннюю пору, и в V—VII вв. хоронили и мужчин, и женщин, и подростков.

витием металлургии, с увеличением варки железа. Вот это время и является рубежом двух культур [38].

Выделение культур требует точной методики, применения картографирования, точной систематики, что даст возможность выделить новый культурный комплекс, характеризующий новую культуру. В настоящее время классификация культур, предложенная В. Ф. Генингом основана на случайных признаках и не может быть принята. Основанием для выделения культур не могут служить одиночные памятники, как, например, Осинское городище. Не могут для этого служить и памятники, исследование которых ограничено шурфовкой.

---

[38] Автор настоящей статьи нигде не говорил, что археологическая культура характеризует только этнос. Он согласен с тем, что археологическая культура отражает не только этнос, но и определенную ступень развития общества. В своей статье «К вопросу об археологической культуре», СА, 1964, 4 он отмечал, что «понятие археологическая культура тесно связано с изучением этнической истории» (стр. 4), «...она помогает разрешить многие вопросы истории доклассового общества, и в первую очередь этнической истории» (стр. 10). Были отмечены также трудности разделения культур, отражающих различные этапы развития одного и того же народа (стр. 9, 10). В этом отношении наши точки зрения не расходятся.

С. И. КОЧКУРКИНА

ОЯТСКИЕ МОГИЛЬНИКИ X—XI ВВ.

Проблема этнической принадлежности народа, оставившего курганы Юго-Восточного Приладожья, сложна и дискуссионна. Одни ученые (и их большинство) полагали, что многочисленные памятники принадлежали одному из финских народов; другие признавали существование в Приладожье разноэтничных групп населения. Сторонники первой точки зрения идут далее, называя исконных обитателей этой территории — весь.

Материальная культура курганов, представленная вещами западноевропейского, восточного и славянского производства, настолько богата и разнообразна, что выделить в ней именно те вещи, которые с полным правом можно было бы назвать местными,— задача не из легких. Выделение местного комплекса усложняется тем обстоятельством, что взаимовлияние племен было достаточно интенсивным, а торгово-культурные связи высоко развиты, и, естественно, местные элементы легко уживались с «инородными».

Совсем недавно была предпринята попытка определить специфические предметы приладожской веси, вопрос сам по себе очень интересный, но на наш взгляд, неправильно решенный, поскольку перечислены вещи либо западного происхождения, либо вообще нехарактерные для культуры Приладожья, либо те, ареал которых невозможно очертить, а следовательно, нельзя приписать тому или иному народу [1].

В настоящей статье делается попытка выделить группу вещей, характерную для местного населения Юго-Восточного Приладожья [2].

Женские украшения представлены набором привесок-амулетов, изображающих птиц, животных, гребнями, копоушками, ключами, пряжками и пр. Одно из излюбленных украшений — бронзовая прорезная подвеска, представляющая собой уточку в спокойном состоянии со сложенными крыльями (рис. 1, *1*). На спине имеется отверстие для подвешивания [3]. В приладожских курганах найдены 34 уточки из 18 погребений. Этот вид украшений удивительно стандартен. Различие наблюдается только в раз-

---

[1] В. В. Пименов. Весь. М.— Л., 1965, стр. 86, рис. 9, *4*, *5*.

[2] В статье использованы материалы А. М. Линевского. Пользуемся случаем поблагодарить автора раскопок за любезно предоставленную возможность ознакомиться с ними.

[3] Второй вид прорезных подвесок-уточек представляет собой стилизованное изображение водоплавающих птиц — гусей и уток. Фигурка птицы ажурная, с сильно выпуклой грудью, хвост слегка загнут. Завиток по середине фигуры изображает крыло. В работе Н. П. Журжалиной оба типа рассматриваются суммарно. Плоские подвески и стилизованные имеют не только различный внешний облик, но и разное происхождение. В приладожских курганах есть только две стилизованные подвески (одна на р. Ояти, другая — на Паше), датирующиеся XI в. Напротив, стилизованные подвески обильно представлены в новгородских, костромских, верхневолжских курганах, памятниках Латвии и других местах. См. Н. П. Журжалина. Древнерусские привески-амулеты и их датировка. СА, 1961, 2, стр. 135.

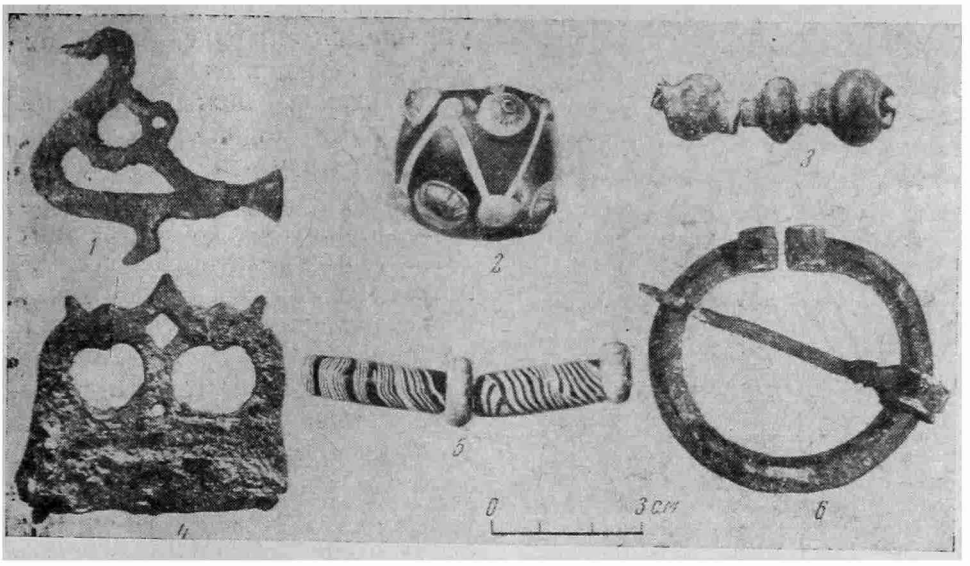


Рис. 1. Характерные предметы оятского населения X—XI вв.

1 — прорезная подвеска-уточка; *2* — глазчатая бусина; *3* — бронзовые бусы; *4* — кресало с силуэтом ромба; *5* — бусы с волнистой инкрустацией; *6* — пряжка

мерах и орнаменте, который имеется у некоторых подвесок. Его основные элементы — кружки с точкой, насечки, подчеркивающие хвост и грудь птицы. Подвески использовались для украшения женской одежды, преимущественно верхней ее части, и совсем редко встречены у пояса. Наиболее ранние экземпляры их найдены в женских сожжениях, остальные в трупоположениях, с ориентировкой погребенной головой на юг.

Анализ всех комплексов, содержащих «утиные» подвески, позволяет утверждать, что данное украшение раньше всего появилось из курганов Валданица, где они обнаружены вместе со скорлупообразными фибулами второй половины X в., из кург. № 6 у дер. Карлуха (сопровождались подвеской-«всадницей»), в кург. № 7 у дер. Никольское подвески встречены с монетами X в. Затем они известны в комплексах оятских могильников, где датируются, судя по сопровождающему инвентарю и монетам, первой половиной XI в. В это же время подвески-уточки появляются в могильниках на р. Паше, где большинство экземпляров относится к XI в.[4], лишь изредка заходя в XII в. В кург. № 1 у дер. Новая[5] вместе с подвеской-уточкой найдены витой браслет с завязанными концами; гривна, сплетенная из нескольких тонких проволочек, и горшок, сделанный на круге, с орнаментом из волнистых и параллельных линий. Перечисленные вещи известны не только в XI, но и в XII в. Подвески бытуют длительное время — с конца X до начала XII в., но основная масса их датируется XI в.

Такие подвески найдены в Новгороде[6] в слоях X и рубежа XI — XII вв., в костромских курганах XII в.[7]. Прорезные подвески обнаружены в Финляндии, но формы их иные. Э. Кивикоски[8] датирует их XI — XII вв. Аналогичная финским подвескам есть и в могиле 759 в Бирке[9].

У нас нет оснований утверждать, что прорезные подвески-уточки раньше появились в Приладожье, чем на других территориях, но жители

---

[4] В пяти случаях подвески сопровождались западноевропейскими монетами XI в.

[5] Раскопки автора в 1965 г.

[6] М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода. МИА, 65, 1959, стр. 230.

[7] П. Н. Третьяков. Костромские курганы. ИГАИМК, X, 6, 7, 1931, стр. 17.

[8] E. Kivi Koski. Die Eisenzeit im Auraflussgebiet. SMYA, XLIII, 1939, стр. 162, табл. XXXV, *2*.

[9] H. Arbman. Birka. Die Gräber. I. Stockholm, 1943, табл. 100, *1*.

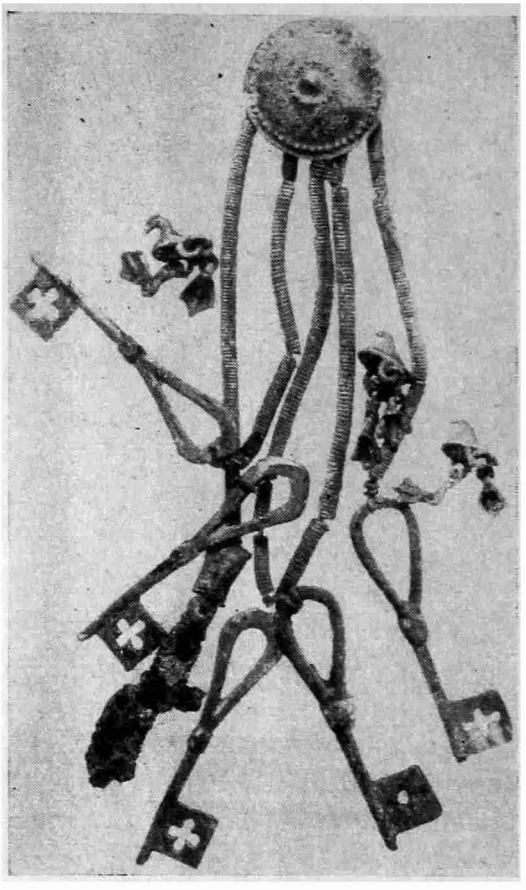


Рис. 2. Женское украшение. Гайгово, кург. № 3 (150)

р. Ояти познакомились с этим видом украшения прежде, чем остальные жители Приладожья.

Бронзовые полые подвески-уточки с двумя подвижными лапками — распространенный вид украшения приладожского населения (рис. 2) [10]. Эти привески были свойственны только женским погребениям. Женщины носили их по две-три штуки в составе сложного украшения, прикрепленного на груди. 23 экземпляра полых подвесок стандартны по исполнению и не имеют вариантов. 11 штук происходили из 7 трупосожжений. Остальные найдены в трупоположениях с южной ориентировкой и один, более поздний экземпляр,— с западной. Полые подвески-уточки из кург. № 125 у дер. Городище, Нюбиничи, кург. № 2(162), Шангеничи-лес, кург. № 8(65) и др. сопровождались фибулами, гривнами и монетами второй половины X в., что позволяет ранние экземпляры датировать этим временем. Бытование подвесок в XI в. также подтверждается находками монет. Некоторые полые подвески продолжали существовать до начала XII в., что подтверждается совместными находками с височными кольцами с завитками, прорезными ажурными игольниками и другими предметами, датирующимися XI—XII вв.

За пределами территории Приладожья полые подвески с подвижными лапками встречаются в памятниках Прикамья. Близкий тип найден у дер. Грудята Пермской области [11] и в поздних прикамских могильниках [12]. А. А. Спицын [13] датирует этот вид украшений VIII—IX вв. В костромских курганах [14] подвески-уточки присутствуют во второй группе памятников. Несколько иной характер эти вещи имеют в коллекциях Теплоуховых [15]. Надо сказать, что символические фигурки водоплавающих птиц, лишенные шумящих привесок, найдены в памятниках III—IV вв. [16]. Одновременно с существованием фигурок в Нижнем Приобье, на верхней

---

[10] Сложное женское украшение из кургана 2 (149) у дер. Гайгово. См. отчет А. М. Линевского о раскопках курганов XI в. на р. Ояти Ленинградской области в 1949 г., Архив ИА АН СССР, Р-1, д. 400, стр. 125.

[11] А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 28, 1952, табл. XLII, *4*.

[12] Ф. Д. Нефедов. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье. МАВГР, III, М., 1899, табл. 12 — погребение № 8 и № 13 Котловского могильника.

[13] А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, 25, СПб., 1901, табл. XXI, *10*.

[14] П. Н. Третьяков. Костромские курганы, табл. III, *22*.

[15] А. А. Спицын. Древности Камской Чуди по коллекции Теплоуховых. МАР, 26, СПб., 1902, табл. X, *4*.

[16] Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, 94, 1961, стр. 143, рис. 65, *1*.

и средней Каме [17] украшения появляются в Троице-Пеленицком городище [18] и в Дубровичском могильнике на Оке [19].

Е. И. Горюнова предполагает, что одним из центров производства полых подвесок-уточек являются южные приволжские районы Костромской области, откуда они могли распространиться в Новгород, прибалтийские страны и Южное Приладожье [20]. С этим положением трудно согласиться по следующим соображениям. Во-первых, ранние экземпляры в костромских курганах появляются в конце XI в., а основная масса приходится на XII в. Как выше уже отмечалось, приладожские подвески появились в конце X в. и бытовали весь следующий век, и только лишь незначительная часть — в начале XII в. Таким образом, полые уточки не могли попасть в Приладожье из района более поздних костромских курганов. Во-вторых, шумящие подвески-уточки, несмотря на общие черты, вполне объяснимые, поскольку изображается один и тот же вид птицы, имеют свои характерные особенности. Конечно, не так легко установить «генеалогический» путь подвесок, и мы не беремся утверждать что они возникли в Приладожье. Образцом для них могли послужить урало-камские экземпляры, что, вероятно, не вызовет особых возражений, но производились они в Приладожье соответственно со вкусами местного населения.

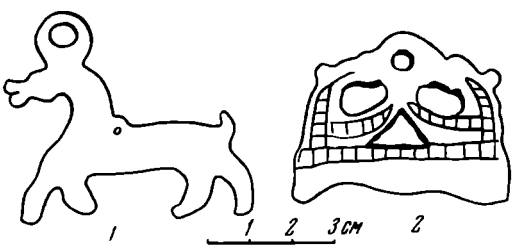


Рис. 3. Предметы оятского населения X—XI вв.

1 — подвеска-«собачка»; *2* — кресало с изображением фигур медведей

К местным же относятся подвески, представляющие собой силуэт животного с четырьмя ногами и коротким хвостом (рис. 3, *1*). Стилизованные уши на некоторых экземплярах образуют кольцо. Большинство подвесок украшено очковидным орнаментом. Они характерны для женских сожжений [21], и всего лишь один экземпляр найден в мужском — в кургане у дер. Горка на р. Олонке, раскопанном Д. Европеусом. Подвески-«собачки» сопровождались хорошо датированными вещами (скорлупообразными типа 51, по Петерсену, и трилистными фибулами) и монетами X в. Экземпляры из других комплексов датируются началом XI в. Данный вид украшений бытовал небольшой промежуток времени (конец X — начало XI в.) и встречен в оятских комплексах. Ни курганы р. Паши, ни памятники р. Сяси не знают таких подвесок. Это дает право утверждать, что мы имеем дело со специфическим женским украшением, характерным в пределах Приладожья только для населения р. Ояти.

В качестве амулетов жители Приладожья использовали миниатюрные бронзовые ключи. Они имеют прямоугольную бородку (рис. 4) с крестообразной прорезью и петлеобразную головку. В средней части ключа — утолщение. Украшение ключей орнаментом из кружков, нередко заплывшие прорези [22], а также весь облик и их легкость не оставляют сомнения в том, что эти вещи служили амулетами и не были предназначены для бытовых целей.

[17] Н. Н. Новокрещенных. Гляденовское костище Пермской губернии на р. Каме. Тр. Пермской УАК, XI, Пермь, 1914, табл. V, *14*.

[18] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований Троице-Пеленицкого городища-холмища в 1926 г. «Исследования и материалы Рязанского областного среднеокского музея», V, Рязань, 1930.

[19] В. А. Городцов. Дубровичский финский могильник. Тр. Общества исследователей Рязанского края, V, Рязань, 1925.

[20] Е. И. Горюнова. Ук. соч., стр. 231.

[21] Одна подвеска найдена в кург. № 2 (162) у дер. Нюбинчи в женском трупоположении с южной ориентировкой. Отчет А. М. Линевского о раскопках курганов XI в. на р. Ояти Ленинградской области в 1949. Архив ИА АН СССР, Р-1, д. 400. стр. 192.

[22] Сложное женское украшение из кург. № 3 (150) у дер. Гайгово. См. Отчет А. М. Линевского, д. 400, стр. 133.

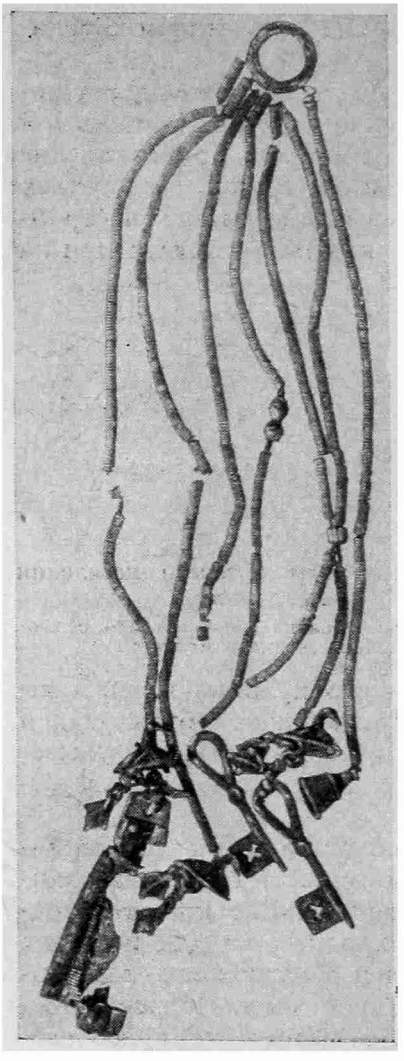


Рис. 4. Женское украшение. Гайгово, кург. № 2 (149)

21 экземпляр ключей-амулетов найден в 12 женских погребениях, в основном с южной (с некоторыми отклонениями) ориентировкой [23]. Женщины носили их в составе сложного украшения, подвешенного на груди или на поясе, иногда по 3—5 экземпляров. Основная масса украшений (16 экз.) найдена в женских погребениях в могильниках на Оятп и в районах севернее ее: Олонецкий перешеек и берег Онежского озера. Остальные 5 экземпляров приходятся на три погребения: при дер. Щуковщина на р. Сязниге, Вина Гора на Капше и хут. Новосельск на Тихвинке, но в этих комплексах они датируются XII в. Именно оятские могильники дали сложные украшения с несколькими бронзовыми ключами. Четыре раза они обнаружены с западноевропейскими монетами второй половины XI в., но встречаются и в погребениях XII в. [24].

Бусы из тонкого бронзового листа с двумя сужающимися шейками делались на глиняной основе. Иногда их называют «флакончиками» (рис. 1, *3*) [25]. Данный тип интересен тем, что концентрируется на определенной территории: из 250 экземпляров одинарных и двойных бус [26] 240 приходится на оятские курганы. Этот факт нельзя объяснить лучшей изученностью памятников Ояти или их хронологическим отличием. И на Паше, и на Ояти — достаточное число курганов времени бытования дутых бус, но в курганах р. Паши бронзовые бусы встречаются в единичных экземплярах, а в оятскпх могильниках — целые ожерелья. Например, Нюбиничи, кург. № 2 (163) [27] содержал низку бус из 77 «флакончиков»; Шангеничи-лес, кург. № 7 (64) (фибула тип 51, по Петерсену) — 43 экземпляра; Гайгово, кург. № 1 (148) — ожерелье из 49 двойных бус [28]; Яровщина, кург. № 4-2 — 21 экземпляр [29]. X в.— время наибольшего употребления бронзовых бус. Встречаются они и в XI в., но в незначительном количестве. В комплексе XI в. у дер. Гайгово — одна буса. Хорошо датированные комплексы определяют время бытования бус X—XI вв.

Естественно поставить вопрос о происхождении бус. В трех могильниках Ярославского Поволжья этот вид бус в трупосожжениях X в. обнару-

[23] Два экземпляра из кург. № 56 при дер. Щуковщина найдены в погребении с восточной ориентировкой. Данные ключи несколько иного облика.

[24] Второй половиной XI в. датируются ключи из могильников у дер. Челмужи, Гайгово, Шангеничи-лес и село. К началу XI в. относится комплекс VII из кургана № 14 у хут. Новосельск. В комплексе 2 кург. № 2 (149) у дер. Гайгово ключи найдены с монетами без отверстий: Эмден, Генрих, (1086); Фрисланд, Доккум, Эгберт II (1068—1090) и Гронинген, Гаррельсверс, Эгберт II (1068—1090). Кроме того, в комплексе были костяные гребенки с орнаментированными накладками, сердоликовые призматические и бипирамидальноусеченные бусы, черные бусы с белой волнистой инкрустацией, полые подвески-уточки и другие предметы XI в.

[25] Термин введен А. М. Лиевским в его отчетах о раскопках.

[26] Двойные бусы считаются за один экземпляр.

[27] Датируются X в. по монете этого времени и инвентарю.

[28] Датируется монетами первой половины XI в.

[29] Датируется X в. по фибуле тип 51 с, по Петерсену.

жен в незначительном количестве [30]. Иные аналогии нам неизвестны. На курганном материале невозможно решить вопрос о месте производства бус, но все данные свидетельствуют о том, что бронзовые дутые бусы были продуктом производства местных ремесленников.

Среди предметов бытового инвентаря приладожских курганов встречено около 10 типов огнив, из них два локализуются в районе р. Ояти [31]. Кресала с бронзовыми рукоятями имеют вид стилизованных изображений повернутых друг к другу звериных голов, разинутые пасти которых образуют ромб (рис. 1, *4*). В Приладожье известно 5 экземпляров, из которых 4 происходят из оятских могильников. Все кресала найдены в трупосожжениях с характерным для X в. инвентарем [32]. Кресала с ромбом известны в погребениях Финляндии и Швеции [33], где этот тип единодушно признан «восточным». Памятники, в которых встречены огнива с ромбом (в Прикамье 2 экз.; на Белоозере 1 экз.; «Черемисское кладбище» 1 экз.[34]) немногочисленны, и определить район их первоначального возникновения трудно. В данном случае это не так уж важно. Характерные для местного населения предметы могут быть заимствованы, отличаясь лишь незначительными деталями от исходного образца.

Второй тип кресал имеет бронзовую рукоять в виде фигур медведей, ставших на дыбы и обхвативших друг друга лапами (рис. 3, *2*). Известно четыре экземпляра. В кургане у Валданиц кресало найдено вместе с огнивом предыдущего типа, бляшками, подвеской-«собачкой» и датируется X — началом XI в.

Выделенная из обширного приладожского материала группа предметов была в употреблении в X—XI вв. и раньше всего появилась в оятских могильниках, а затем распространилась на остальные районы Приладожья (рис. 5). Можно предположить, что на Ояти жила какая-то группа финского населения, имевшая свои характерные особенности. Комплекс вещей свидетельствует о самобытной и оригинальной культуре, не имеющей аналогий среди культур окружающих территорий. Насколько данная локализация не случайна, а закономерна, можно судить на основе погребальных обрядов.

Для курганов X в., в которых были найдены упомянутые предметы, характерно трупосожжение, совершенное следующим образом. Кальцинированные человеческие кости вместе с золой и вещами, принадлежавшими погребенному, заворачивались в бересту, после чего сверток укладывался на заготовленную площадку для кургана. Если же погребение совершалось по обряду ингумации, то труп заворачивался в бересту, а сверху посыпался кальцинированными костями (кург. № 1 (161), дер. Нюбиничи). В кург. № 2 (162) той же курганной группы женское погребение расположено в западной половине кургана, покрыто берестой и обсыпано кальцинированными костями [35]. Для всех курганов характерны очаги, расположенные, как правило, в центре насыпи на линии горизонта на подсыпке из гравия. Обычно на очаге располагались горшки, сделанные от руки. В более богатых курганах на очаге находился различный инвентарь:

---

[30] В. А. Мальм. Изделия ювелирно-литейного производства. Сб. «Ярославское Поволжье X—XI вв.», М., 1963, стр. 38. Эти погребения В. А. Мальм относит к финским.

[31] Эта тема неоднократно рассматривалась Л. А. Голубевой. Мы ограничиваемся лишь некоторыми замечаниями. См. Л. А. Голубева. Белозерская весь и ее западные соседи в X—XI вв. «Скандинавский сборник», VIII, Таллин, 1964; ее же. Археологические памятники веси на Белом озере. СА, 1962, 3.

[32] Комплекс из кург. № 116 у дер. Вахрушево, помимо огнива, содержал меч (тип V, по А. Н. Кирпичникову), кнутовище (тип Д, по классификации Хакмана, распространен в Швеции, Финляндии в памятниках IX—X вв.), замки, весовые гирьки — характерный инвентарь X в.

[33] E. Kivi Koski. Die Eisenzeit Finnland. Helsinki, 1947, рис. 944; H. Arbman. Birka, табл. 144, *2*.

[34] Л. А. Голубева. Археологические памятники веси..., рис. 5.

[35] Принадлежность кальцинированных костей не определена.

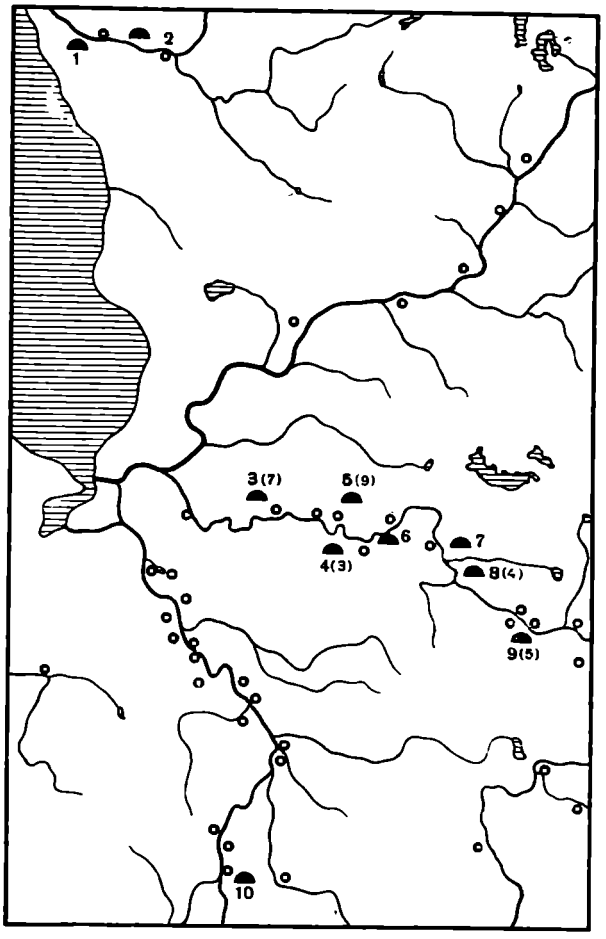


Рис. 5. Археологические памятники оятского населения X—XI вв.

1 — Горка (один курган); *2* — Гиттола (один курган); *3* — Карлуха (семь курганов); *4* — Мергино (три кургана); *5* — Шангеничи (девять курганов); *6* — Яровщина (четыре кургана); *7* — Валданица; *8* — Гайгово (четыре кургана); *9* — Нюбиничи (пять курганов); *10* — Вахрушево (курган 116)

котлы с подвесной цепью, сковороды и лопатки. Из курганов, содержащих вышеописанные вещи, только один, у Валданиц (раскопки Д. Европеуса), имел разнообразный очажный инвентарь.

Заворачивание покойника в бересту и посыпание кальцинированными костями продолжало существовать на Ояти и в XI в. Так, в кург. № 2(149) у Гайгово находилась грунтовая яма с мужским погребением (ориентировано на юго-запад). По краям могилы оборудован сруб в один венец, сколоченный восемью гвоздями (по два на каждый угол). Дно могилы покрывал мех. Данный обряд характерен для XI — начала XII в. Рядом с описанным погребением — женское захоронение, завернутое в бересту.

Трупосожжения и трупоположения со следами бересты, обсыпанные кальцинированными костями, с очагами в виде скопления углей на подсыпке из гравия отмечены в курганных группах у дер. Яровщина, Карлуха, Мергино, Шангеничи-село, Валданица и Гайгово, расположенные на р. Ояти и Гиттола — на р. Олонке [36]. Таким образом, общность украшений и погребального обряда, их оригинальность, позволяют, на наш взгляд, говорить о существовании особой этнической группы населения на Ояти, которая хронологически фиксируется как более ранняя, нежели население на других реках Приладожья. Данное положение подкрепляется тем фактом, что вещи западноевропейского происхождения — скорлупообразные фибулы, литые массивные браслеты с ажурными накладками, подковообразные пряжки с многогранными головками и шипами и другие предметы, встречающиеся в курганных группах X в. у дер. Городище (р. Сясь), Усть-Рыбижна (низовья р. Паши), Залющик (верховья) и Костино (среднее течение Паши), только на Ояти найдены в одних комплексах с типично финскими вещами.

Определение памятников X—XI вв. на Ояти как локального варианта приладожской культуры свидетельствует об этнической неоднородности населения. Данная группа не была чуждой остальным приладожцам. Напротив, обнаруживается много общих черт в материальной культуре, свидетельствующих об общности их происхождения. Во всех могильниках найдены общие типы топоров, наконечников копий и стрел.

[36] Следует отметить некоторое сходство погребальных обрядов на реках Ояти и Паше: наличие на сожженных костях следов бересты — Подъелье, кург. № 103; прорезные уточки, «флакончики», кресало с силуэтом ромба — Вахрушево, кург. № 116 и 117.

Среди инвентаря приладожских курганов в составе сложных украшений часто присутствуют копоушки. Они сделаны из бронзы или кости, украшены треугольниками, горизонтальными черточками, зигзагообразными плетеными и прочерченными параллельными линиями. Копоушки появились в Приладожье еще во второй половине X в. Дата их хорошо устанавливается по совместному нахождению со скорлупообразными фибулами [37]. Наибольшее распространение они получают в XI в. [38]. Наши экземпляры имеют много общего с костяными копоушками из Ярославского Поволжья, Сарского городища, Приуралья и вообще территории, населенной в основном финно-угорскими племенами.

Все население Приладожья, как мужчины, так и женщины пользовалось гребнями (рис. 4). Гребни односторонние, костяные, с накладками, прикрепляющимися бронзовыми штифтиками. Для предохранения зубьев использовались съемные или откидные футляры. Футляр не был сплошным, а состоял из двух полукруглых в сечении накладок, таких же, что и на гребне. Гребни носили подвешенными к поясу, но были случаи нахождения на левой части груди погребенного [39]. Костяные накладки орнаментировались прямыми, наклонными и перекрещивающимися линиями и пр. Эти основные элементы и составляли рисунок гребней. 7 экземпляров найдены при трупосожжениях (из них 6 принадлежали мужчинам), остальные — в женских и мужских трупоположениях с южной и северной ориентировкой. Гребни из трупосожжений встречены с характерным для X в. инвентарем (фибулы 51с, по Петерсену, меч — тип V, по А. Н. Кирпичникову, гривны глазовского типа). Гребни встречаются и в погребениях XI в. [40]

Описанные гребни относятся ко второй группе классификации О. И. Давидан [41], которая датировала их IX—XI вв. Гребни приладожских курганов идентичны тем, которые найдены в памятниках X—XI вв. на всей территории Руси. Точка зрения о том, что гребни Руси, тождественные западноевропейским, ввозились из стран Скандинавии, считается недостаточно обоснованной, поскольку имеются доказательства местного призводства их в материалах Сарского городища и Старой Ладоги [42]. Сходство формы, орнамента и техники скорее всего говорит об оживленных культурных связях в те времена между Восточной и Западной Европой[43]. Однако не исключается возможность проникновения некоторых западноевропейских экземпляров в памятники Восточной Европы.

В женских погребениях Юго-Восточного Приладожья широко представлены трубчатые игольники. Среди них наблюдается несколько разновидностей. Наиболее ранним типом (X в.) являются игольники в виде цилиндрической трубочки, сделанной из птичьей кости, с проволочной петлей для подвешивания [44]. Игольники, согнутые из пластины, с тремя перехватами бытовали в X—XI вв. [45].

[37] Костино (Паша), кург. № 102-2: скорлупообразные фибулы (тип 51, по Петерсену), топор и копье (тип V и тип I, по А. Н. Кирпичникову), сердоликовые плитчатые бусы.

[38] Неоднократно сопровождались монетами XI в. Например, Гайгово, кург. № 3 (150). На шее погребенной было ожерелье из девяти западноевропейских монет второй половины XI в. См. Отчет А. М. Линевского, д. 400, стр. 137. Видлицы, кург. № 3—1: четыре западноевропейских монеты XI в.

[39] Красная Заря, кург. № 16-III — раскопки В. И. Равдоникаса.

[40] Датировка устанавливается по западноевропейским монетам (семь случаев).

[41] О. И. Давидан. Гребни Старой Ладоги. Археологический сборник ГЭ, 4, Л., 1962, стр. 100.

[42] М. В. Фехнер. Изделия костерезного производства. Сб. «Ярославское Поволжье X—XI вв.», стр. 39—42.

[43] Там же, стр. 39.

[44] Экземпляр из кург. № 4 у дер. Яровщина (р. Оять) украшен двойной зигзагообразной линией. Сопровождался скорлупообразной фибулой (тип 51 с), бусами-«флакончиками», подвеской-«собачкой».

[45] Вахрушево, кург. № 116-8 — мужское погребение: кресало с силуэтом ромба, меч (тип Т-2, по А. Н. Кирпичникову); дата — X в. Курган у дер. Алеховщина:

Из всех типов пряжек самыми распространенными являются экземпляры со спирально закрученными концами (рис. 1, *6*). Встречено два вида: с треугольным сечением и овальным. Пряжки первой разновидности найдены в 28 погребениях (восемь сожжений, из них пять женских) в количестве 30 экземпляров. Они характерны для погребений с различным погребальным ритуалом и разнообразной ориентировкой покойных. Четыре пряжки сделаны из серебра, остальные — из бронзы. Пять экземпляров четкой правильной формы, с орнаментом на завитках, расширении иглы и иногда на кольце. Этот вид пряжек появился во второй половине X в. и был длительное время в употреблении. В погребениях они сопровождались скорлупообразными и щитовидными фибулами, встречались с мечом X в., подковообразными пряжками. В XI—XII вв. они найдены в могильниках по рекам Сяси, Ояти, Тихвинки и Тулоксы. Пряжки этого времени небольшие, небрежны по исполнению, длина спиральных головок уменьшилась. Второй вид пряжек с округлым сечением встречен в 37 погребениях в количестве 47 штук. Шесть экземпляров обнаружено в женских и мужских сожжениях и датируются X в. Остальная часть относится к XI—XII вв. Отличие между двумя видами пряжек со спиральными головками наблюдается только в сечении кольца. Они датируются тем же временем с той лишь разницей, что вторая разновидность находилась в более длительном пользовании.

Пряжки имеют чрезвычайно широкий ареал[46]. В Финляндии этот тип являлся прямым продолжением таких же пряжек, сделанных из железа. На первых порах два типа пряжек отличались материалом. На следующих фазах развития различие проявляется и в форме. Первые пряжки появляются в Финляндии в конце меровингского времени (VIII в.) и продолжают существовать в XI в.[47].

Общими украшениями для женской половины приладожского населения служили грушевидные бубенчики с нарезками в нижней части и крестообразной прорезью, внутрь которых были вложены кусочки металла; различного рода бронзовые спирали, цепочки из тройных колечек, костыльков, бутылкообразные подвески. Последние (рис. 4), были в употреблении, начиная с X и кончая XII в. Подвешенные к бронзовым спиралькам, они входили в состав нагрудного украшения, но иногда использовались и самостоятельно. Особенно часто подвески встречались в могильниках на р. Ояти, несколько реже — на Паше, но и в тех и других памятниках они появляются уже в X в[48]. В XI в. этот тип украшений становится особенно многочисленным. В это время бутылкообразные подвески найдены в женских погребениях с южной ориентировкой.

Бусы приладожских курганов представлены большим числом типов, многообразием вариантов, размеров и расцветки. Для могильников X—XI вв. характерны сердоликовые бусы (призматические, плитчатые, бипирамидальные, шарообразные), хрустальные, повторяющие формы сердоликовых; бусы с рельефным и гладким узором, стеклянные круглые (зонные,

в комплексе западноевропейские монеты XI в. (3 пфеннига — гальберштадский Еп. Бурхарда (1036—1039), фрисландский Эгберта II (1068—1090) и вестфальский XI в.).

[46] На территории Советского Союза пряжки обоих видов известны в целом ряде памятников: в курганах Л. К. Ивановского они составляют 7% всех видов находок (А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии. МАР, 20, СПб., 1896, стр. 24); в Новгороде в слоях X—XI вв. (М. В. Седова. Ук. соч., стр. 241); во Владимирских курганах (А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, 15, СПб., 1905, рис. 252); в памятниках Белоруссии; в районах Оки и Камы; в Новогрудке, преимущественно в слоях X—XI вв. (Ф. Д. Гуревич. Прибалтийский импорт в Понеманье в X—XIII вв. Pronksiajast varase Feodalismini. Tallinn, 1966, стр. 54). Этот вид украшений в большом количестве встречается в могильниках Литвы и Латвии. Только в Нукшинском могильнике найдено 187 пряжек (см. Э. Д. Шноре, Т. Я. Зейд. Нукшинский могильник. МИА Латв. ССР, 1, Рига, 1957, стр. 35).

[47] H. Salmo. Finnische Hufeisenfibeln. SMYA, 56, Helsinki, 1956. стр. 26.

[48] Карлуха, кург. № 17. Женское трупосожжение — круглая скандинавская фибула (тип 131, по Петерсену) X в. Р. Паша — Подъелье, кург. № 103 — датируется скорлупообразной фибулой (тип 51).

«лимонки», полосатые), разноцветный бисер и пр. Трудно найти хотя бы одно женское погребение, в котором бы не присутствовали бусы. В одних погребениях это единичные находки, в других — целые ожерелья, сочетавшие в себе экземпляры различных типов, отличающиеся и по форме, и по цвету. В данном случае мы вновь обращаемся к оятским могильникам X—XI вв. В кург. № 7 (64) у сел. Шангеничи-село найдено ожерелье из 19 крупных бус с выпуклыми красными глазками и ресничками (рис. 1, *2*) — явление исключительное для Приладожья. Аналогии этим бусам, хотя и не совсем точные, можно найти в памятниках Кавказа. В кург. № 8(65) у этого же селения найдено ожерелье из 89 глазчатых бус черного цвета. На все Приладожье приходится 400 экземпляров глазчатых бус, из них $^2/_3$ — на оятские могильники. Черные бусы с волнистой инкрустацией (рис. 1, *5*) в женском погребении у сел. Нюбиничи составляли целое ожерелье — 27 штук цилиндрической формы и 13 — округло-уплощенной [49]. На все прочие могильники приходится несколько штук бус этого типа.

Население Ояти, как можно предположить, имело больше возможности приобретать роскошные ожерелья. В качестве доказательства сошлемся на Устав Святослава Ольговича 1137 г., по которому селения, расположенные на территории, начиная с Алеховщины и заканчивающейся Соцким погостом, объединенные общим названием «Тервиничи», платили церковную десятину в размере трех гривен; Винницы на р. Ояти и ряд административных центров на Паше облагались одной гривной [50].

Таким образом, специфическими предметами оятского населения следует считать подвески-«собачки», «утиные» прорезные и полые подвески, бронзовые бусы, кресала с бронзовыми рукоятями с силуэтом ромба и фигурами медведей; ключи с прямоугольной бородкой и петлеобразной головкой.

Остальные вещи (гребни, копоушки, пряжки, игольники, бусы различных типов) были общими для всего населения Приладожья.

Оценивая значение установленных фактов, следует думать, что локальные различия в курганной культуре Приладожья генетически восходят к отдельным древним племенам, в то время как наличие многих общих черт объясняется их родственной близостью.

---

[49] Трилистная фибула, браслет пластинчатый с двумя парами колец и украшенный городками, бусы-«флакончики», дирхем 918—919 гг. датируют комплекс X в.

[50] Памятники русского права. 2. М., 1953, рис. 118.

В. В. СЕДОВ

ЗАСЕЛЯЛИ ЛИ ЯТВЯГИ ЮЖНУЮ ЛИТВУ?

Формирование литовской народности и языка происходило в эпоху средневековья на основе различных балтских племен. Среди современных литовских говоров выделяются жемайтский и аукштайтский диалекты. В основе первого диалекта находятся говоры куршей, которые по своей лексике сближаются с прусскими, т. е. западнобалтскими диалектами. Своеобразный облик куршских древностей вполне очевиден. Древним ядром аукштайтского диалекта, по-видимому, были говоры населения, оставившего культуру штрихованной керамики и принадлежащего к восточным балтам. В настоящее время можно говорить о третьем этническом компоненте, принимавшем участие в формировании главным образом, юго-восточной части литовцев,— ятвягах.

В статье «Курганы ятвягов» мною сделана попытка очертить территорию-максимум, которую когда-то занимали ятвяжские племена [1]. Картография речных названий с формантом -da (Ясельда, Сокольда, Гривда и т. п.), специфически западнобалтийский (ятвяжский) характер которых был отмечен К. Бугой [2] и признан последующими исследователями, позволила обрисовать ятвяжский гидронимический ареал. Как раз на этой территории выявляется большая группа каменных курганов — памятников, которые по своему устройству не имеют ничего общего ни со славянскими, ни с летто-литовскими древностями. Ятвяжская атрибуция каменных курганов Сувалкии — области, принадлежащей ятвягам в историческое время, вне всякого сомнения. В этой связи, аналогичные памятники внутри всего ятвяжского гидронимического ареала закономерно отнести к ятвягам. Таким образом, на основе археологических и топонимических материалов было установлено, что ятвяги в древности заселяли не только западнобелорусские земли, но и области литовского Занеманья, а также часть междуречья Вилии и Немана.

Недавно тезис о северо-восточной границе древней ятвяжской территории встретил возражение со стороны литовского археолога А. З. Таутавичюса [3]. Последний считает, что территория современной Литвы в I и начале II тысячелетий принадлежала исключительно литовским племенам и поэтому северо-восточную границу ятвяжского ареала необходимо отодвинуть к линии озер Виштитис — Жувинтас — г. Алитус.

Свои возражения А. З. Таутавичюс открывает топонимическими замечаниями. Он утверждает, что речные названия с гидронимическим формантом -da, отнесенные К. Бугой к числу специфически ятвяжских, в действительности не могут считаться таковыми. Единственным основанием для такого вывода явилось наличие нескольких десятков водных названий, по мнению А. З. Таутавичюса, того же типа, рассредоточенных по всей терри-

[1] CA, 1964, 4, стр. 36—51.

[2] K. Būga. Jotvingų žemės upių galūnė-da. Tauta ir žodis. I, Kaunas, 1923, стр. 100.

[3] A. Tautavičius. Lietuvių ir jotvingių genčiu gyventų plotų ribų klausimu. Lietuvos TSR mokslu Akademijos darbai, сер. A, 2 (21), 1966 стр. 161—182.

торий Литовской ССР и будто бы не попавших в поле зрения К. Буги и автора статьи «Курганы ятвягов». А. З. Таутавичюс составил «карту гидронимов с суффиксом -da, которая, по его мнению, дискредитирует идею ятвяжской атрибуции этого форманта и противоречит той северной границе расселения ятвягов, которая изображена на моих картах.

Однако картографированные А. З. Таутавичюсом гидронимы не имеют никакого отношения к водным названиям ятвяжского типа. В упомянутой выше статье К. Буги и в работе «Курганы ятвягов» речь идет о названиях с суффиксальным -d-, а в гидронимах, «обнаруженных» А. З. Таутавичюсом, -d- входит в состав корневых частей. Гидронимическим суффиксом последних является -a, а не ятвяжское -da. В этом легко убедиться даже не будучи специалистом.

А. З. Таутавичюс картографирует два названия Рауда (северо-западная Литва). В том каталоге, которым он пользовался, имеется целый ряд водных названий с той же основой. Вот они: Raud-a, Raud-upis, Raud-upalis, Raud-alis, Raud-esa, Raud-enyčia, Raud-enis, Raud-inis, Raud-iniukas, Raud-is, Raud-ys и т. д.[4] Все они имеют одинаковую основу. Балтская этимология их весьма прозрачна: лит. raud‖a, 'плач', raud‖as 'красноватый, бурый', латыш. raud‖a 'плотва', raud‖as 'плач, рыдание'.

Три раза А. З. Таутавичюс наносит на карту название Вада. Но здесь также бесспорна принадлежность -d- к апеллятиву. См. литовские водные названия: Vad-a, Vad-aga, Vad-aksta, Vad-aktis, Vad-as, Vad-ave, Vad-e, Vad-inêlis, Vad-inis, Vad-uva и другие[5]. Сюда же Вадоса (Смоленщина)[6]. Этимология: латыш. vad‖s 'проток', лит. vad‖aksnis 'речной залив, пойма'

В северной части Литвы известны три реки с названиями Пагранда. Они тоже вошли на карту А. З. Таутавичюса. Основа этих гидронимов выявляется при сопоставлении: Pagrand-a, Pagrand-ele, Pagrand-ôs upêlis[7]. В основе литов. pagrand‖os, pagrand‖yti 'поскребки, поскребти'.

Такие же ряды выявляют отсутствие суффикса -da в картографируемых А. З. Таутавичюсом названиях Леда (Led-a, Led-upis, Led-akine,, Led-aune)[8], Лиеда (Lied-a, Lied-aitis, Lied-as, Lied-êle, Lied-ėlis, Lied-is)[9], Седа (Sed-a, Sed-ôs ežeras, Sed-ula, Sed-yuas)[10], Бленда (Blend-a, Blend-yne, Blend-upis)[11], Блинда (Blind-a, Blind-ajus, Blind-ija, Blind-yne, Blind-upis)[12], Блаузда (Blauzd-a, (Blauzd-ele)[13], Жаугеда (Žaugėd-a, Žaugėd-u ežeras)[14], Ужвигада (топонимы Wigand-, Wigand-us; гидроним Ужвигада, видимо, вторичен, образован с литов. už 'за')[15] и т. п. Впрочем, большинство названий имеют прозрачные этимологии, позволяющие и без построения рядов определить отсутствие в них суффиксального -da.

Некоторые водные названия, картографированные А. З. Таутавичюсом, не имеют параллелей в литовской гидронимике. Однако определение суффикса в них обязательно должно было предшествовать картографии. Название литовской р. Склода сопоставимо с древнепрусскими гидронимами Skladen (Scolden), Sclodien. Сюда же принадлежат озеро Сколодино и р. Сколодинка в бассейне Припяти и литовский топоним Skoldainiai[16]. Гидроним Скирда по-видимому, имеет в своей основе балтский апеллятив

[4] Lietuvos TSR upių ir ežerų vardynas. Vilnius, 1963, стр. 133.
[5] Там же, стр. 182.
[6] В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, стр. 178.
[7] Lietuvos TSR upių ir ežerų vardynas, стр. 114.
[8] Там же, стр. 89.
[9] Там же, стр. 91.
[10] Там же, стр. 143.
[11] Там же, стр. 20.
[12] Там же, стр. 20.
[13] Там же, стр. 19.
[14] Там же, стр. 203.
[15] Наличие здесь приставки за- не вызывает сомнений ввиду присутствия в Литве гидронима Вигада (северо-западная часть).
[16] В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Ук. соч., стр. 208.

skard-. Название Бразда восходит, скорей всего, к литов. brazd‖a (brazd‖ai, brazd‖ėti), Склинда к литов. sklind‖is (от лит. sklid‖us 'разлившийся') [17].

Из водных названий, нанесенных А. З. Таутавичюсом на карту, к ятвяжскому типу можно отнести в предварительном плане Савиду. Присутствие здесь суффиксального -da очевидно (Sav-yda, Sav-ine, Sav-ênė, Sav-ėlis, Sav-istas)[18] при отчетливой этимологии (лит. sav‖as 'свой собственный'). Но этот гидроним располагается в пределах той территории, которая очерчена в статье «Курганы ятвягов» как ятвяжская, и, таким образом, не ослабляют, а усиливают аргументацию статьи.

Так обстоит дело с первым возражением А. З. Таутавичюса, основанном на простом недоразумении. Напрасно А. З. Таутавичюс, пытаясь отрицать ятвяжскую принадлежность гидронимического форманта -da, пишет, что «до настоящего времени лингвисты еще не выделили специфических ятвяжских гидронимов». Обратимся к специальной лингвистической литературе. Вот что пишут исследователи верхнеднепровской гидронимии по поводу гидронимов с суффиксом -da: «Пожалуй, на нашей территории нет другого столь четко ограниченного ареала балтийских названий, в диалектной принадлежности которого не приходится сомневаться» [19].

Далее А. З. Таутавичюс предлагает для реконструкции древней границы между литовскими и ятвяжскими племенами использовать речные названия со вторым элементом upe (литов. 'река', латыш. 'то же'). Однако этот бесспорный летто-литовский апеллатив совершенно не пригоден для этих целей. Дело в том, что этот апеллатив является весьма продуктивным и продуктивен до настоящего времени. Поэтому на той территории, где ныне распространены литовский и латышский языки, речные названия с элементом -upe не могут быть использованы для изучения древних этнических ареалов. В связи с этим неудивительно, что только в Литовском Занеманье, которое всеми исследователями относится к области ятвяжского расселения, насчитывается свыше 300 названий подобного типа. Не является неожиданным и то, что в междуречье Вилии и Немана, там, где прежде жили ятвяги, имеется около 80 гидронимов с элементом -upe. Ведь на всех этих землях в течение нескольких последних столетий население говорит на литовском языке. Этому населению и принадлежит оформление гидронимов со вторым элементом -upe. Сравнивать ареалы подобных названий на территории Литвы и Латвии с археологическими культурами раннего железа и пытаться восстановить древнюю границу между литовскими и западнобалтскими племенами так же невозможно, как, например, невозможно сопоставлять область распространения географических названий с элементом «река» (Поречье, Заречье, Речка и т. п.) с археологическими территориями и строить предположения на этом основании о расселении славянских племен в I тысячелетии.

Можно согласиться с А. З. Таутавичюсом в том, что «для определения этническо-племенной территории не следует ограничиваться только гидронимами, необходимо использовать и этнонимические топонимы». Работа по сбору и картографии географических названий, производных от этнонимов ятвяги, судовы, дейнова, уже проделана польским исследователем А. Каминским, монография которого упоминается в статье «Курганы ятвягов» [20]. Однако ни на карте А. Каминского, ни на карте А. З. Таутавичюса (рис. 2) невозможно найти каких-либо элементов, противоречащих выводам, предполагаемым в статье «Курганы ятвягов». А. З. Таутавичюс думает, что этнотопонимы «Дейнова» известны только на иноплеменной тер-

[17] А. З. Таутавичюс не совершил бы ошибку, если бы познакомился с работами К. Буги, хотя бы по трехтомнику его избранных сочинений (K. Būga. Rinktiniai raštai, I—III, Vilnius, 1958—1961), где нашел бы анализ многих из картографированных ошибочно водных названий.

[18] Lietuvos TSR upių ir ežerų vardynas, стр. 143.

[19] В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Ук. соч., стр. 239.

[20] A. Kamiński. Jaćwież. Terytorium, ludność, stosunki gospodarcze i społeczne. Łódź, 1953.

ритории, вне территории расселения ятвяжских племен. Однако это ошибочное мнение. А. З. Таутавичюс нанес на карту только 10 названий этого типа, а их известно не менее 50. Из них 80% находятся в пределах ятвяжского гидронимического ареала, в том числе известны они и в Сувалкии, т. е. там, где ятвяги зафиксированы письменными документами XIII в. Такое распределение топонимов типа «Дейнова» оправдано историческими условиями. А. З. Таутавичюс утверждает, что топонимы, содержащие названия того или иного племени, не могут появляться в области сплошного расселения своей этнической общности. С этим нельзя не согласиться. Однако это положение не имеет никакого отношения к ятвяжским землям. Ведь ятвяжская территория в средневековье была колонизована литовскими, восточно- и западнославянскими племенами, а само население подверглось ассимиляции. В процессе ассимиляции длительное время сохранялись островки и отдельные поселения ятвягов, следами последних и являются топонимические названия типа «Ятвяги», «Судовы», «Дейнова». Сравнительно небольшое число подобных названий известно и за пределами собственно ятвяжской земли, свидетельствуя, нужно полагать, о более широком расселении раннесредневековых ятвяжских беженцев.

В отличие от лингвистической части статьи А. З. Таутавичюса, где, как нам кажется, нет материала для дискуссии, археологический раздел дает некоторую почву для научного спора по ряду вопросов. Темой, которой целиком посвящена статья «Курганы ятвягов», является выявление в областях Понеманья и Побужья, среди прочих археологических памятников, курганных насыпей, оставленных, очевидно, ятвяжским населением. Таким образом, статья посвящена аргументации ятвяжской принадлежности каменных курганов на этой территории, их картографии и хронологии. Между тем, с археологией ятвягов связаны десятки других важных вопросов, которые по вполне понятным причинам не могли быть затронуты в небольшой статье, озаглавленной к тому же не «Ятвяги», а «Курганы ятвягов». Среди вопросов, связанных с историей ятвягов, особенно существенной представляется проблема взаимоотношения ятвяжских племен со славянами и литовцами, результатом чего были полная ассимиляция ятвягов и исчезновение этого племени. Дискуссия, поднятая А. З. Таутавичюсом относительно северо-восточной границы древнего расселения ятвяжских племен, в основном и обусловлена тем, что литовско-ятвяжские взаимоотношения не получили освещения в статье «Курганы ятвягов». А. З. Таутавичюс думает, что на территории расселения ятвягов не должно быть иных памятников, кроме ятвяжских. Отсюда и недоумение автора, высказанное им на последних страницах его статьи: «Если согласиться с мнением В. В. Седова, что до XIII в. ятвяги жили на значительной территории восточнее Немана, то неясно, куда они исчезли». Ответ на последний вопрос дают материалы различных наук — диалектологии, этнографии, антропологии и археологии. На территории Белоруссии ятвяги были ассимилированы восточнославянскими племенами, в Сувалкии — западными славянами, а на территории Литвы слились с литовцами и вошли в состав литовской народности.

В Белорусском Понеманье наряду с каменными курганами ятвягов хорошо известны и славянские курганы, насыпанные из песка или глины и не имеющие никаких каменных конструкций. В северо-восточной части ятвяжского ареала вместе с каменными курганами имеются погребальные памятники литовских племен, существенно отличающиеся от ятвяжских как по своей конструкции, так и по погребальному инвентарю. Напрасно А. З. Таутавичюс полагает, что автор статьи «Курганы ятвягов» забыл о существовании таковых.

Какими же путями А. З. Таутавичюс отрицает наличие ятвяжских погребальных памятников на территории современной Литвы? А. З. Таутавичюс утверждает, что каменные курганы на территории Литовской ССР содержат инвентарь, отличный от ятвяжских курганов Польши и однородный

с восточнолитовскими древностями. Отсюда делается вывод, что под каменными насыпями Литовской ССР погребены восточные литовцы. Но что же найдено в этих курганах? Единственной находкой восточнолитовского типа являются проволочные височные кольца с заходящими концами, происходящие из каменных курганов, раскопанных Э. А. Вольтером в Слабаделе. В восточнолитовских курганах часто встречаются шейные гривны с седловидными концами, гривны с плоскими заходящими друг за друга концами, витые шейные гривны с конусовидными завершениями. Ни в одном каменном кургане такие украшения не встречены. А. З. Таутавичюс, говоря об этих предметах, оперирует ареалами их распространения, а не анализом погребальных инвентарей. Однако нахождение некоторых украшений восточнолитовского типа в южной Литве, где известны каменные курганы, не является аргументом в пользу восточнолитовской принадлежности погребальных насыпей с каменными конструкциями. Если нанести на карту славянские украшения, то они тоже покроют всю территорию Белорусского Понеманья и Берестейской волости. Города бассейна Немана — Гродно, Новогрудок, Волковыйск, Турийск имеют в своей основе древнерусскую, а не ятвяжскую культуру. Однако это нисколько не мешает видеть в каменных курганах Верхнего Понеманья и Побужья ятвяжские древности. Задачей статьи «Курганы ятвягов» было выделить среди прочих археологических памятников ятвяжские курганы, а не написать историю Дзукии и Черной Руси.

Что касается находок узколезвийных топоров и серпа с отогнутым кверху концом, происходящих из трех могильников, содержащих каменные насыпи (Багота, Версекеле, Вилконис) [21], то здесь также вряд ли можно видеть признак неятвяжской принадлежности курганов с каменными конструкциями. Аналогичные узколезвийные топоры иногда встречаются в латгальских памятниках [22]. На территории латгалов также найдены узколезвийные топоры с профилированным обухом, характерные для восточнолитовских древностей VIII—X вв. [23]. Между тем эти находки не дают никаких оснований для отнесения латгальских памятников к числу восточнолитовских. Исследователи латгальских древностей справедливо усматривают здесь импорт из Восточной Литвы [24]. Находки однотипных топоров не являются этнографическим признаком для всех памятников. Для определения племенной принадлежности необходимо принимать во внимание характер погребального памятника и детали погребальной обрядности. В том, что часть ятвяжского населения, которая жила по соседству и отчасти чересполосно с восточнолитовскими племенами, пользовалась узколезвийными топорами литовского типа, нет ничего удивительного. Поэтому не вижу никаких оснований для отнесения каменных курганов с находками узколезвийных топоров к восточнолитовским памятникам. Для определения этнической принадлежности каменных курганов более важным является конструкция насыпи, не имеющая ничего общего с курганами восточнолитовских племен.

Сравнение же погребальных инвентарей каменных курганов Неманo-Вилийского междуречья с материалами каменных курганов Сувалкии не всегда оправдано. Это были памятники различных ятвяжских племен (в Сувалкии жили собственно ятвяги, судовы и, как полагает Е. Налепа, по-

[21] А. З. Таутавичюс, видимо, для того чтобы подчеркнуть отличие этих курганов от сувалкских, называет их полукаменными. Однако большая часть курганов, рассмотренных в статье «Курганы ятвягов» сложены из земли и камней, что видно по профилям, помещенным на рис. 3, и оговорено на стр. 40. Таковы и многие курганы Сувалкии. Разделение погребальных насыпей на каменные и полукаменные не имеет смысла

[22] Latviešu vēsture, I, Rīga, 1938, стр. 135.

[23] А. З. Таутавичюс. Восточнолитовские курганы. ВЭИНП. М., 1959, стр. 140, рис. 9.

[24] M. Atgāzis. Latgalu 9.— 12. gs. cirvji. Сб. «Arheologija un etnogrāfija», VI, Riga, 1964. стр. 111, 112; Э. С. Мугуревич. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965, стр. 44.

лексяне[25], а в междуречьи Вилии и Немана — дейнова) и их древности могли различаться так же, как например, дифференцируются материалы древних литовских или латышских племен. Поэтому отмеченным в статье «Курганы ятвягов» небольшим отличиям в погребальном ритуале различных районов ятвяжской земли (в каменных курганах Судовии урновые захоронения составляют больший процент, чем в каменных курганах междуречья Вилии и Немана) не стоит придавать большого значения. Такие различия вполне допустимы для погребальных памятников разных ятвяжских племен. Ведь различия между синхронными памятниками древних литовских племен более разительны.

А. З. Таутавичюс думает, что частичное налегание ареала каменных курганов на территорию распространения культуры штрихованной керамики мешает ятвяжской атрибуции погребальных памятников с каменными конструкциями. Но такая мысль была бы справедлива только в том случае, если бы древние этнические границы никогда не подвергались изменениям и оставались стабильными на протяжении столетий и тысячелетий. Однако данные лингвистики, топонимики и археологии свидетельствуют о довольно частых изменениях древних этнических территорий. Такое изменение племенных границ имело место где-то около IV в. н. э. и в южной Литве, когда часть ятвяжского населения расселилась на окраине ареала культуры штрихованной керамики. В пользу этого свидетельствуют и данные гидронимии[26]. Более того, имеются основания предполагать, что образование отдельного ятвяжского племени Дейновы обусловлено субстратом, ассимиляцией ятвягами носителей культуры штрихованной керамики.

Нельзя признать удачным и объявление А. З. Таутавичюсом части каменных курганов Дзукии не археологическими памятниками, а порубежными знаками или кучами камней, собранными крестьянами с пахотных полей. К числу последних А. З. Таутавичюс относит курганы у населенных пунктов Памарноки, Конявеле, Ношкунай, Правда, Белюнцы, Мицконис, Нача, Пузеле, Поставки, Сенканцы, Версока. Следует заметить, что автор статьи «Курганы ятвягов» не первый рассматривает перечисленные могильники с каменными насыпями в качестве погребальных памятников. Так они рассматриваются во всех археологических исследованиях[27], в том числе и в работах А. З. Таутавичюса[28]. Однако стоило только сказать, что эти курганы по своему строению отличны от восточнолитовских и имеют аналогии в ятвяжских древностях, как А. З. Таутавичюс объявил их межевыми знаками. Нам кажется, что для этого нет оснований.

Так, курганы, исследованные близ Мицкониса, Версока и Начи, попали в список межевых знаков просто по недоразумению. А. З. Таутавичюс пишет, что в Мицконисе в 1910 г. вскрыто два кургана без погребений. Но в 1909 г. В. А. Шукевич раскопал именно в этом пункте в урочище «Котловые Межи» бесспорный каменный курган с прослойкой белого песка в основании и остатками трупосожжения в небольшом углублении[29]. Курганы в Версоке копались В. А. Щукевичем в 1908 и 1909 гг. В 1908 г. был исследован один курган, находящийся в небольшой группе. Под каменным покровом насыпи в небольшой ямке были открыты кальцинированные ко-

---

[25] J. Nalepa. Jaćwięgowie. Bialystok, 1964, стр. 47—49.

[26] В. В. Седов. Гидронимика и археология средней полосы Восточной Европы. Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1962 г. М., 1963, стр. 29.

[27] W. Holubowicz. Grodziska i kurhany ziemi Lidzkiej. Ziemia Lidzka, 1, Lida, 1939, стр. 27—35; M. Alseikaite—Gimbutiene. Die Bestattung in Litauen in der Vorgeschichtlichen Zeit. Tübingen, 1946, стр. 75, 76 и приложение.

[28] А. З. Таутавичюс. Восточнолитовские курганы, стр. 150, 151 (Версока, Конявеле, Ношкунай, Мицконис); P. Kulikauskas, R. Kulikauskienė, A. Tautavičius. Lietuvos archeologijos bruožai. Vilnius, 1961, рис. 185 и стр. 544—546.

[29] Архив ЛОИА, д. АК № 1906/27, л. 62, 67, 68. В деле имеется план и разрез этого кургана.

сточки и слитки бронзовых и стеклянных предметов. В том же кургане в специальной камере обнаружены два горшка: больший был поставлен вверх дном и прикрывал меньший сосуд [30]. Принадлежность этого кургана к погребальным памятникам вне всякого сомнения. В 1909 г. В. А. Щукевич раскопал в окрестностях той же деревни еще два кургана, не давших погребений. Тем не менее их конструкция не дает оснований для сомнений в принадлежности насыпей к археологическим памятникам. Под дерном кургана № 2 находился каменный покров (сложен из камней в два яруса), а ниже насыпь состояла из земли. Именно так устроено большинство ятвяжских курганов. В обоих курганах были найдены обломки керамики того типа, что характерен для древнерусских курганов XI—XIII вв.[31]. Из 11 каменных курганов, раскопанных в 1909 г. В. А. Щукевичем в могильнике близ Начи, не все, как это уверяет А. З. Таутавичюс, оказались пустыми. В кургане № 4 в нижних горизонтах насыпи, состоящей из темной земли с угольками, был открыт очаг площадью около 1 $м^2$, содержавший уголь, золу и кальцинированные косточки. В основании кургана № 11 прослежена зольно-угольная прослойка. В. А. Щукевич утверждает, что косточки были встречены в курганах № 5 и 11 [32].

Каменные курганы, исследованные при населенных пунктах Конявеле, Ношкунай, Правда, Белюнцы, Пузели, Поставки, Сенканцы, входили в состав более или менее крупных могильников. Межевые же знаки, как известно, никогда не образуют скученных групп. Бессмысленно было бы крестьянам собирать с полей камни и сооружать из них несколько правильных кучек. Они заняли бы значительную площадь пахотного поля. Ведь исследованные В. А. Щукевичем могильники насчитывали часто по несколько десятков насыпей. Поэтому предположение А. З. Таутавичюса представляется мне неприемлемым. Тем более, что есть некоторые данные в пользу отнесения раскопанных курганов без погребений к погребальным насыпям. В 1909 г. В. А. Щукевич раскопал только один курган в могильнике при дер. Конявеле. Погребения в нем не было обнаружено, но зато местные жители сообщили исследователю, что при случайных раскопках здесь было открыто скелетное захоронение [33]. Относительно курганов, раскопанных при деревнях Белюнцы, Сенканцы, Пузели, Поставки, исследователь отмечает, что они были аккуратно сложены при правильной окружности [34]. В курганах около дер. Пузеле найдены угли. Курганы в дер. Нашкунай и Правде, как замечает В. А. Щукевич [35], имели устройство, аналогичное версоцким, в принадлежности которых к погребальным памятникам не приходится сомневаться. Остается под сомнением принадлежность к погребальным насыпям лишь одного кургана (№ 8), исследованного И. С. Абрамовым в Памарноках. Этот курган стоял в стороне от могильника, и никаких следов погребения в нем не было обнаружено.

Тот факт, что в ряде каменных насыпей, расположенных в составе могильников, не было обнаружено погребений, не дает оснований для утверждения, что такие курганы не являются археологическими памятниками. В последних десятилетиях XIX и в начале XX в., когда Э. А. Вольтер и В. А. Щукевич производили раскопки каменных курганов, в местностях, где естественные условия не способствовали сохранению костных остатков, так называемые «пустые» курганы встречались довольно часто. Курганы, в которых исследователям не удалось обнаружить остатков захоронений, встречаются повсеместно. Насыпи, сложенные из камня, как правило, со-

[30] Архив ЛОИА, д. АК № 1906/27, л. 21 (план кургана на л. 43).

[31] Там же, л. 40 и 62. Что касается черепка с зеленой глазурью, найденного при раскопках первого кургана, то он несомненно принадлежит ко времени раскопок версокских курганов (начало XX в.) и не имеет никакого отношения к периоду их сооружения.

[32] Там же, л. 61, 69, 70.

[33] Там же, л. 62,

[34] Там же, л. 36.

[35] Там же, л. 41 и 62.

держат остатки трупоположений значительно худшей сохранности, чем песчаные или глиняные курганы. Что касается захоронений по обряду трупосожжения, то они могли быть просто не замечены рабочими при разборке каменных насыпей. Процент пустых каменных курганов в южной Литве не больший, чем, например, в Брестском Побужье. Курганы с полностью перегнившими погребениями встречаются и поныне [36].

Невозможно согласиться с А. З. Таутавичюсом и относительно трактовки каменных курганов в Вилконисе. Действительно, эти курганы имеют не сплошной покров из камней, а только на высоту около 70 *см* [37]. Но ведь вилконисские каменные курганы, заключавшие основные погребения по обряду кремации умерших, имели еще и более поздние впускные трупоположения, что подчеркивает и сам А. З. Таутавичюс. Как же после этого мог сохраниться каменный покров на вершине насыпи? При поздних захоронениях вершины этих курганов были повреждены, о чем говорят и беспорядочно положенные камни на поверхности этих насыпей. Но даже если отвлечься от этого логического рассуждения, то сравнение вилконисских курганов с каменными конструкциями с восточнолитовскими курганами свидетельствует не в пользу их принадлежности восточнолитовским племенам. При всем желании невозможно указать им аналогии среди восточнолитовских древностей. Находки узколезвийных топоров литовского типа в курганах без каких-либо каменных конструкций того же могильника не могут быть основанием для отнесения каменных курганов южной Литвы к памятникам восточнолитовских племен.

И все же, несмотря на рассмотренные возражения, А. З. Таутавичюс не имеет возможности отрицать присутствие каменных курганов в южной Литве и вынужден признать, что такие курганы здесь есть и в них нужно видеть ятвяжские погребальные памятники (стр. 19). К числу последних А. З. Таутавичюс относит могильники с каменными насыпями в Версоке, Версекеле, Баготе, Зубишках и Маргяй. Бесспорными каменными курганами, по признанию А. З. Таутавичюса, являются и насыпи, исследованные в могильниках Венжовщизна, Карначиха, Опановцы, Пузеле, Козляны, Шлавенце, Таболиче, Раки, Клюцы, Ганелки, Угольники, Сырни, Таневичи, Пугачи, Зеняниши, Рудня, Чепелуны. Все эти могильники состояли из сложенных из камней и земли насыпей, в которых были открыты захоронения. Объявить их не погребальными памятниками и вычеркнуть из археологической карты просто невозможно. Поэтому А. З. Таутавичюс предлагает датировать каменные курганы Венжовщизны, Карначихи и другие XIII—XVI вв., и таким образом вычеркнуть их из карты ятвяжских курганов, помещенной в статье «Курганы ятвягов», поскольку хронологические рамки этой статьи ограничены XIII в. включительно.

Мне не кажется этот прием удачным. Тем не менее, поскольку А. З. Таутавичюс поднимает вопрос о хронологии каменных курганов междуречья Вилии и Немана, то на нем стоит остановиться. Наиболее ранним из числа исследованных является один из каменных курганов при дер. Версеке, заключавший два захоронения по обряду трупосожжения [38]. Остатки одного из сожжений находились в глиняном сосуде, накрытом остроребериым горшком. Аналогичная керамика известна на городище Ми-

[36] Например, из трех раскопанных Ф. Д. Гуревич курганов близ дер. Сулятичи в одном погребения не оказалось (Ф. Д. Гуревич. Древности Белорусского Понеманья. М.— Л., 1962, стр. 204). Из 14 курганов, исследованных И. В. Бирулей при дер. Зеленые Гурки в Каменецком районе Брестской области, захоронения не обнаружены в восьми насыпях. Только в одном кургане из семи раскопанных каменных насыпей при дер. Кустичи в том же районе прослежены остатки трупоположения (И. В. Бируля. Материалы раскопок каменных курганов в Каменецком и Брестском районах Брестской области в 1959—1962 гг. Рукопись хранится в Институте истории АН БССР). Могильники с «пустыми» курганами есть и в Восточной Литве (см. сноску 54).

[37] Архив ЛОИА, д. АК № 1890/103 и 1894/90.

[38] W. Szukiewicz. Kurhany cialopalne przy wsi Versoce w pow lidzkim, gub. wilenskiej. МКААЕ, XI, 1910, стр. 63—69.

гонис, а также в польских древностях, на что обратил внимание А. З. Таутавичюс и правильно датировал версекский курган IV в.[39]. Эта дата была подтверждена Ф. Д. Гуревич[40] и принята мною. А. З. Таутавичюс не отказывается от предложенной датировки версекского кургана и не отрицает его ятвяжской принадлежности. Следовательно, тезис статьи «Курганы ятвягов» о том, что ятвяжские каменные курганы появляются в междуречьи Немана и Вилии в середине I тысячелетия н. э. остается в силе.

Значительное число безынвентарных погребений в каменных курганах Вилийско-Неманского междуречья не представляет возможности для определения их хронологии. Однако есть основание утверждать, что каменные курганы здесь насыпались во второй половине I тысячелетия и в первых веках II тысячелетия н. э. V—VIII вв. датируются каменные курганы в могильниках при деревнях Баготе, Версекеле, Вилконис и Мицконис[41]. А. З. Таутавичюс не оспаривает даты вилконисского и мицконисского могильников. Что касается версекельского могильника, то он, признавая ятвяжскую принадлежность каменных насыпей этого кладбища, предлагает датировать VI—VII вв. только курганы, разрушенные до приезда В. А. Щукевича. Каменные же насыпи, раскопанные этим исследователем, А. З. Таутавичюс советует отнести к началу II тысячелетия, поскольку в одной из 11 изученных насыпей были найдены три обломка сосуда, названного В. А. Щукевичем гончарным. Нам не пришлось увидеть эти черепки. Однако можно согласиться расширить хронологические рамки версекельского могильника и датировать его от VI—VII до XI—XIII столетий.

Этим же временем датируются и баготские курганы[42]. А. З. Таутавичюс отмечает, что один из курганов, раскопанный в 1907 г., относится, судя по керамике, к XII—XIII вв. Но в той же насыпи среди обожженных костей оказались узколезвийный топор и втульчатый листовидный наконечник копья, дающие основания считать временем сооружения кургана вторую половину I тысячелетия[43]. В том же пункте в 1893 г. В. А. Щукевич раскопал каменный (точнее каменно-земляной) курган с двумя трупосожжениями, сопровождающимися вещами VI—VII вв.[44]. Здесь же была исследована каменная насыпь с лепной урной[45].

Вряд ли кто будет отрицать датировку XI—XIII вв. каменных курганов с трупосожжениями, сопровождавшимися гончарными сосудами древнерусского курганного типа. Такие курганы исследовались в Зубишкесе и Маргяе[46]. К числу датированных каменных насыпей междуречья Немана и Вилии в статье «Курганы ятвягов» отнесены курганы, исследованные в Слабаделе (середина I тысячелетия) и Мигонисе (IV—V вв.). Таким образом, каменные курганы в южной Литве сооружались продолжительное время, начиная примерно с IV и кончая XIII в. К этому периоду нужно относить все каменные курганы с трупосожжениями без сопровождающего погребального инвентаря, так как после XIII в. у населения, сооружавшего каменные курганы, получил распространение обряд трупоположения. Все это нашло отражение в моей статье, где прямо говорится, что обряд

---

[39] А. З. Таутавичюс. Восточнолитовские курганы, стр. 135.

[40] Ф. Д. Гуревич. Древности Белорусского Понеманья, стр. 39, 40.

[41] M. Alseikaite-Gimbutiene. Ук. соч., приложение 134—136 (средний железный век); А. З. Таутавичюс. Восточнолитовские курганы, стр. 147, 148; P. Kulikauskas, R. Kulikauskiene, A. Tautavičius. Ук. соч., стр. 543—546; Ф. Д. Гуревич. Ук. соч., стр. 57, 58, 156, 158, 159.

[42] W. Szukiewicz. Kurhany cialopalne w Bogatej, Mickańcach i Wersoczke. МКААЕ, XIII, 1914, стр. 58—62.

[43] Ф. Д. Гуревич. Ук. соч., стр. 156, 158.

[44] На стр. 172, показывая что в каменных курганах изредка встречаются топоры восточнолитовского типа, будто бы противоречащие ятвяжской атрибуции их, А. З. Таутавичюс называет баготские курганы полукаменными, на стр. 178 они становятся земляными.

[45] Ф. Д. Гуревич. Ук. соч., стр. 158.

[46] А. А. Спицын. Раскопки В. А. Щукевича. ИАК, 29, СПб., 1909, стр. 96.

трупосожжения удержался в междуречьи Немана и Вилии до начала XIII в. (стр. 49).

Напрасно А. З. Таутавичюс утверждает, что автор статьи «Курганы ятвягов» «недостаточно внимательно пересмотрел статьи и отчеты В. Щукевича, работы А. А. Спицына и других авторов, а также сохранившиеся материалы этих памятников». При разъяснении этой фразы он пишет, что в междуречьи Вилии и Немана, кроме круглых курганов, известны овальные каменные сооружения (в том числе с каменными крестами) и некоторые из них датируются XIV—XV вв., что не упомянуто в моей статье. Однако все дело заключается в том, что исследователи всегда различали каменные курганы и каменные могилы. Отличие между теми и другими такое же, как между новгородскими курганами и жальниками. Объединять их в одну группу памятников никак нельзя. Уже в отчете о полевых работах за 1890 г. В. А. Щукевич подчеркивает присутствие в Верхнем Понеманье двух типов погребальных памятников[47]. Одни из них имеют круглую куполообразную форму, другие были плоскими (круглыми, овальными или четырехугольными) с торчащими в одном или двух концах большими валунами. В последующих отчетах В. А. Щукевич обычно дифференцирует памятники на курганы и каменные могилы[48]. В работах А. А. Спицына каменные курганы и каменные могилы всегда разграничены[49]. В статье «Курганы ятвягов» анализируются только каменные курганы. На карту ятвяжских курганов нанесены только могильники, имеющие в своем составе курганообразные сооружения. Могильники, состоящие исключительно из каменных могил (например, Дворчаны, Дунич-Могилицы, Чернишки и др.) не картографировались. Статья заканчивается так: «С ятвяжскими каменными курганами непосредственно связаны так называемые «каменные могилы». Однако в связи с особым ареалом их распространения и некоторыми специфическими особенностями этих памятников их рассмотрение лучше выделить в отдельную тему» (стр. 51).

А. З. Таутавичюс не приводит подобного разграничения. Для него и курганообразные насыпи, и грунтовые могилы с каменными кладками являются каменными курганами. Верхненеманские каменные могилы содержат значительный вещевой материал, позволяющий датировать их XIII—началом XVI в.[50]. Называя эти могилы курганами, А. З. Таутавичюс предлагает и подлинные каменные курганы отнести к позднему времени. Кстати, неверно и то, что А. А. Спицын в статье «Литовские древности» датировал каменные курганы XIV—XV вв. На страницах 158—160, на которые ссылается А. З. Таутавичюс, речь идет о каменных могилах (раздел озаглавлен «Виленские каменные могилы XIV—XV вв.»)[51].

Высказываемая некоторыми исследователями, в том числе и А. З. Таутавичюсом, догадка, что каменные могилы Верхнего Понеманья принадлежат ятвяжским беженцам из Судовии (после разорения Тевтонским орденом в 80-х годах XIII в.), ничем не оправдана. В ятвяжской Сувалкии вовсе нет памятников XI—XIII вв., с которыми можно было бы генетически увязать понеманские каменные могилы.

Таким образом, мне представляется, что выводы статьи «Курганы ятвягов» остаются в силе. Памятниками ятвягов в междуречьи Вилии и Нема-

[47] Архив ЛОИА, д. АК № 1890/103, л. 40.

[48] Поскольку эти памятники эволюционно связаны между собой, то четкой грани между курганами и круглыми в плане могилами иногда провести невозможно. В польских изданиях В. А. Щукевич иногда называет курганами такие сооружения, которые, судя по отчетным данным, являются каменными могилами.

[49] А. А. Спицын. Предполагаемые древности Черной Руси. ЗРАО, XI, 1—2, СПб., 1899, стр. 303—310; его же. Литовские древности, стр. 131, 157, 158; Так же расчленяет курганы и могилы и В. Голубович (W. Hołubowicz. Ук. соч., стр. 29—35).

[50] Последний разбор инвентарей этих памятников принадлежит Ф. Д. Гуревич (см. Ф. Д. Гуревич. Ук. соч., стр. 121—130). С этой датой согласен и А. З. Таутавичюс.

[51] А. А. Спицын. Литовские древности, стр. 158—160. О каменных курганах Верхнего Понеманья А. А. Спицын пишет на стр. 131.

на являются каменные курганы, датируемые от IV до XII—XIII вв.[52]. Автор настоящей статьи никогда не отрицал очевидного факта, что в южной Литве имеются также памятники восточнолитовского типа (и отчасти грунтовые могильники литовского типа). Иначе была бы не объяснима ассимиляция ятвягов. Ведь в XIV—XV вв., судя по письменным источникам, Дзукия была уже населена литовцами.

В последнее время собраны новые материалы о пребывании ятвяжского населения в литовском Занеманье и в междуречьи Вилии и Немана. Специально топонимическим реликтам ятвяжского субстрата в юго-западной Литве посвящена статья Б. Савукинаса[53]. Ятвяжские названия выявляются здесь как при помощи фонетического анализа, так и по словообразовательным типам. По мнению Б. Савукинаса, литовские антропонимы с суффиксом -yn(a)-принадлежат также к продуктам западнобалтского (ятвяжского) субстрата. Территория, очерчиваемая на основе этих ятвяжских реликтов, в общих чертах совпадает с ареалом каменных курганов в Литве.

Недавно В. Н. Топоров отметил, что половина литовских гидронимов с элементом -ng- в суффиксе (западнобалтское происхождение их бесспорно) приурочена к южным районам Литвы (Варенский, Лаздняйский, Пренайский, Алитусский, Вильнюсский)[54], что свидетельствует о вхождении этих районов в древности в ятвяжский ареал[55].

Ятвяжские субстратные элементы обнаруживаются и в материалах по южнолитовским говорам[56]. Так, на территории юго-западных дзукских говоров (Варенский район Литвы и смежные районы Белоруссии) наблюдается смешение согласных s и š, z и ž, возникшее, по мнению Я. Отрембского, под влиянием ассимиляции литовским языком ятвяжского[57]. В юго-западных говорах дзукского диалекта, а также в части среднеаукштайтских говоров, примыкавших к дзукским, отсутствуют африкаты из tj, dj, что тоже вызвано взаимодействием литовского языка с ятвяжским. По мнению В. Гринавецкиса, фонетические особенности юго-западных дзукских говоров, общие с белорусским языком (дзуканье, отвердение r, s, š, ž), также отражают особенности ассимилированных балтов.

Таким образом, археология, топонимика и диалектология выявляют надежные материалы, свидетельствующие об участии ятвягов в этно- и глоттогенезе литовцев.

---

[52] Предлагаемая А. З. Таутавичюсом карта погребальных памятников южной Литвы (рис. 9) нуждается в коррективах. Если А. З. Таутавичюс убрал с карты могильники с каменными курганами, не давшими при раскопках погребений, закономерно изъять и могильники с земляными насыпями без погребений (обозначены значком «восточнолитовские курганы»). Таковы могильники Немунайтие (в 1888 г. Э. А. Вольтер раскопал здесь две насыпи без следов захоронений. См. «Виленский вестник», 1888, 134 и 188), Неуен Мацеляй (тот же исследователь в 1889 г. вскрыл здесь пять курганов, в которых погребений не найдено. См. «Виленский вестник», 1889, 168), Падваришкяй (в 1952 г. здесь раскопано три кургана без погребений. См. P. Kulikauskas, R. Kulikauskienė, A. Tautavičius. Ук. соч., стр. 545). Видимо, нужно снять с карты и могильники с погребениями коней. На карте они отнесены к памятникам восточнолитовского населения (Швейцарай, № 19). Конские захоронения не являются исключительной принадлежностью восточнолитовских земель.

[53] Б. Савукинас. К проблеме западнобалтийского субстрата в юго-западной Литве. «Baltistica», 1 (2), 1966, стр. 165—176.

[54] Другая половина этих названий находится в западных районах Литвы и связана, по-видимому, с куршским субстратом.

[55] В. Н. Топоров. Из наблюдений над ареальной дифференциацией балтийской гидронимии. Конференция по топонимике северо-западной зоны СССР. Тезисы докладов и сообщений. Рига, 1966, стр. 81, 82.

[56] В. Гринавецкис. Новое в литовской диалектологии. «Acta Baltico-slavica», II. Bialystok, 1965, стр. 196—201.

[57] I. Otrębski. Gramatyka jezyka litewskiego. 1, Warszawa, 1958, стр. 354.

Т. Б. БАРЦЕВА, Е. Н. ЧЕРНЫХ

О СПЕКТРОАНАЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ЦВЕТНОГО МЕТАЛЛА ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(Предварительные результаты и перспективы)

В период 1964—1965 гг. лабораторией спектрального анализа ИА АН СССР исследовался цветной металл из памятников черняховской культуры. Изучение химического состава металлических сплавов столь позднего времени в весьма широких масштабах явилось для нас совершенно новым делом, так как ни в нашей лаборатории, ни в других, если судить по литературным данным, подобной работы не проводилось. Собственно говоря, само выяснение химического состава металла I тысячелетия не влечет за собой каких-либо дополнительных трудностей по сравнению с металлом, например, медного века, если не считать значительного усложнения сплавов. Однако это сулит их исследователю лишь дополнительные технические осложнения, которые устраняются сравнительно просто. В некоторых случаях дополнительной ошибкой спектрального определения, вызванной влиянием «третьих» составляющих в сплаве [1], можно пренебречь.

Сложнее трудности другого рода. Напомним, что исследования древней металлургии и металлообработки с использованием спектрального анализа ставят перед собой чаще всего две задачи: 1) характер употребляемых в данное время и в данном месте сплавов (искусственных или естественных) и динамика их развития, 2) рудные источники исследуемого металла или исходные районы его производства. Последний вопрос наиболее сложен, и даже его предварительное разрешение влечет за собой обычно прояснение картины торговых связей населения той или иной культуры, ее хронологического соотношения с соседними или отдаленными культурами и т. п.

На наш взгляд, первый вопрос — о характере употреблявшихся сплавов — разрешается достаточно легко с помощью сравнительно несложных приемов математической статистики [2]. Априорные сомнения возникли у нас по поводу возможности решения второго вопроса.

Задачи выяснения исходных рудных источников или же районов производства металла начинаются обычно с выделения химически однородных групп. Их однородность обуславливается геохимическим своеобразием рудного источника и его отличием от всех прочих. Если исследованный металл той или иной культуры, памятники которой находятся в безрудной зоне, химически полностью тождествен металлу иных культур, население которых обитает в меднорудных зонах и разрабатывает эти месторожде-

---

[1] Л. С. Ломоносова, О. Б. Фалькова. Спектральный анализ. М., 1956, стр. 367—372.

[2] Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, стр. 20.

ния, то мы можем сделать вывод, что интересующая нас медь происходит из этого района. В случае же соответствия химизма меди геохимической характеристике некоторых месторождений района ответ на последний вопрос можно сделать более конкретным.

Однако по мере хронологического удаления от эпохи раннего металла — для раннего железного века (особенно в конце его) и для раннего средневековья — отвечать на эти вопросы становится все более затруднительно. В связи с возникновением в это время на южных окраинах Европы государств довольно резко меняется характер металлургических связей между населением отдельных культур. Окончательное отделение ремесла от скотоводства и земледелия, организация крупных производственных центров, их работа почти исключительно на экспорт, активизация дальних торговых связей и т. д. должны были существенно изменить наш подход к металлу этого времени. По сравнению с эпохой меди металл становится как бы более интернациональным. Тот или иной производящий металлообрабатывающий центр, нуждаясь в сырье, мог получать металл не только из различных меднорудных источников одного региона, но и даже из совершенно различных районов. В руках мастера полученное сырье смешивалось в произвольных пропорциях. Химическая разница между металлом различных рудных источников нарушалась, и всякие различия в таком случае могли нивелироваться в большей или меньшей степени.

Другой не менее существенной причиной трудностей при обработке данных спектрального анализа и выявления исходных групп меди I тысячелетия следует считать применение в это время комплексных лигатур. Последние употреблялись и в бронзовую эпоху. Однако здесь это явление носит значительно более сложный характер. Если в бронзовое время комплексность лигатур проявлялась в основном в употреблении древними мастерами смешанных оловянно-свинцовистых и мышьяково-сурьмянистых примесей к меди, то в ряде культур I тысячелетия в сплавах на медной основе часто присутствует сразу от трех до пяти примесей одновременно, введенных в медь намеренно. Такое явление носит массовый характер, что, безусловно, в немалой степени способствует сильной маскировке исходной картины набора примесей, перешедших в медь из руды.

Все это, на наш взгляд, создавало такие препятствия при разрешении вопросов происхождения металла, которые либо могли быть устранены с помощью лишь новых, более сложных методов обработки данных анализов, либо, в худшем случае, от ответа на этот вопрос следовало бы отказаться вовсе. Окончательный же или предварительный ответ на эти сомнения могло дать, естественно, только исследование самого материала. Из практики работ над древнейшим металлом нам было ясно, что эти проблемы невозможно даже ставить без широкого привлечения смежного материала. Поэтому, исследуя металл черняховской культуры, нам пришлось организовать большие сборы проб металла с самых разнообразных территорий из памятников различных культур. По нашей мысли, должен быть исследован материал с пространств Восточной и Центральной Европы, представленный как временем самой черняховской культуры, так до и после ее существования. Выполняя эту обширную программу, авторы настоящей статьи провели сборы материалов ряда восточноевропейских культур I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э., а также некоторых городов Северного Причерноморья.

Всего на 1966 год было собрано более 1100 проб металла, происходящего как из регулярных раскопок различных лет, так и из случайных находок и коллекций. В последнем случае принимался во внимание тип предмета. Исследованные материалы хранятся в ГИМ, музеях Киева, Одессы, Днепропетровска, Полтавы, Переяслав-Хмельницкого, ИА АН УССР, ИА АН СССР. На долю черняховской культуры приходится более 400 проб металла изделий, происходящих с 19 памятников (рис. 1). Обработано статистически в настоящее время несколько меньше. Кроме того,

собран материал позднесарматской [3], позднескифской [4], зарубинецкой [5], дьяковской [6] и других культур, металл, происходящий из Ольвии, изделия мощинского типа [7], прибалтийских могильников [8], некоторых могильников и кладов, например Колосково, Подболотье, Пастерское городище и ряд других.

Несмотря на сравнительно широкий охват материалов и внушительные цифры проведенных анализов, нам совершенно ясно, что их пока очень мало, чтобы судить окончательно о месте черняховского металла среди других. Так, пока еще полностью отсутствуют материалы волыно-подольских и молдавских памятников черняховского типа. Очень досадным пробелом будет являться отсутствие необычайно важных для нас анализов металла пшеворской культуры, а также материалов I тысячелетия с территории польской Прибалтики. Следует также значительно пополнить наш архив анализами металла из раскопок северопричерноморских городов и т. п.

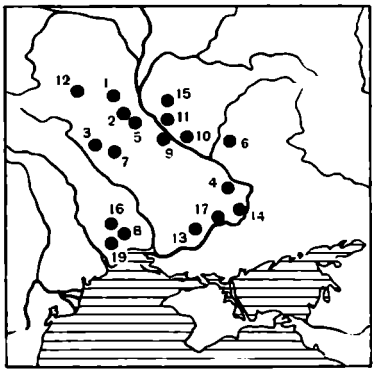


Рис. 1. Памятники черняховской культуры, металл из которых был подвергнут изучению

1 — Черняхово, *2* — Журавка, *3* — Косаново, *4* — с. Федоровка (сб. Бодянского); *5* — Завадовка, *6* — Компанийцы, *7* — Рыжевка, *8* — Ранжевое, *9* — Лески, *10* — Максимовка, *11* — Ново-Липовское, *12* — Ягнятин, *13* — Берислявль, *14* — Привольное, *15* — Переяславский могильник, *16* — Коблево, *17* — Овчарня, *18* — Каменка, *19* — Викторовка

Настоящая статья представляет собой промежуточный отчет об исследованиях черняховского цветного металла. Он необходим для того, чтобы подвести некоторые итоги наших работ, определить перспективы, наметить дальнейшие направления. Публикация здесь анализов ввиду ограниченности объема статьи фактически невозможна. Авторы рассчитывают издать их полностью в отдельной монографии.

Обработке методами математической статистики были подвергнуты 366 анализов металла, происходящего в основном из раскопок таких памятников, как Косаново [9], Журавка [10], Кампанийцы [11], Рыжевка [12], Коблево [13], могильника у овчарни совхоза Приднепровский (в дальнейшем именуется «Овчарня») [14] и т. д.

Первой и обычной операцией при такой обработке было выяснение характера распределения концентраций всех важнейших (диагностиче-

---

[3] Исследован материал памятников Ново-Филипповка, Аккермень II, Золотая Балка, Калантаево и ряд других.

[4] Исследованы материалы Неаполя Скифского из раскопок Н. И. Веселовского 1889 г. (хранятся в ГИМ).

[5] Исследованы материалы из памятников Воронино, Чаплино, Н. Быхов, Велемичи, Кистени, Суботов, Таценки, Басовка (раскопки Е. В. Максимова 1962—1964 гг.), Зарубинцы (раскопки В. В. Хвойки 1899 г. и Е. В. Максимова 1962—1964 гг.) и ряда других.

[6] Исследован материал Троицкого городища, раскопки А. Ф. Дубынина 1956—1960 гг. (хранится в ИА АН СССР).

[7] Исследована фактически вся коллекция Мощинского клада, а также ряд случайных находок мощинского типа (хранится в ГИМ и Историческом музее УССР).

[8] Исследованы материалы могильников Малла и Тюрсямяэ.

[9] Раскопки Н. Кравченко. Отчет и материалы хранятся в ИА АН УССР (архив № 1961/7).

[10] Э. А. Сымонович. Отчет о работах Среднеднепровской экспедиции в Причерноморье — разведки и раскопки в Черняхове Киевской обл. и Журавке Черкасской обл. 1962 г. Архив ИА АН СССР № 2630; его же. Отчет о работах Среднеднепровской экспедиции в с. Журавка Черкасской обл. 1963 г. Архив ИА АН СССР № 2823.

[11] Раскопки Е. В. Махно. Материал хранится в ИА АН УССР.

[12] Раскопки В. В. Кропоткина 1964—1965 гг. Материал хранится в ИА АН СССР.

[13] Раскопки Э. А. Сымоновича. 1964—1965 гг. Материал хранится в ИА АН СССР.

[14] Э. А. Сымонович. Раскопки могильника у овчарни совхоза Приднепровского на Нижнем Днепре. МИА, 82, 1960.

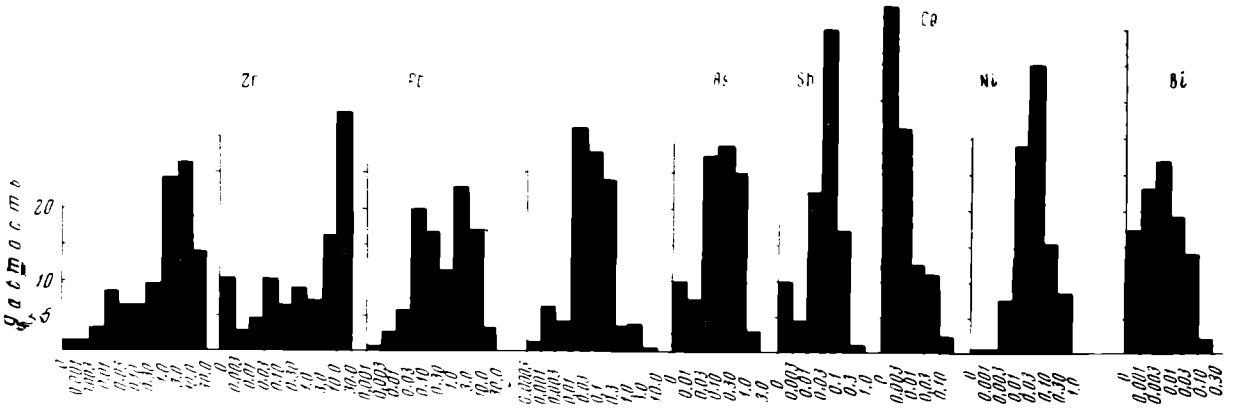


Рис. 2. Гистограмма распределения концентраций важнейших примесей в меди черняховской культуры (220 анализов)

ских) для нас примесей в черняховском металле. Помимо общей характеристики химизма черняховских сплавов она поможет нам осветить вопрос о химических и металлургических группах. Под металлургической группой мы понимаем искусственные сплавы определенного типа (оловянистые бронзы, латуни и т. п.) или же естественные сплавы. Под химической группой нами подразумевается совокупность родственных по своему рудному источнику образцов металла (изделий), набор примесей в котором обусловлен их переходом из руд.

Даже беглый анализ частотных гистограмм дает нам возможность считать, что исследованная медь весьма неоднородна как с металлургической, так, по-видимому, и с химической точки зрения (рис. 2). На это указывает двух- или многовершинность фигур распределения концентраций олова, цинка, свинца, серебра, мышьяка и сурьмы.

Однако причины, обусловившие эти аномалии в распределении, были различны. Если для олова, цинка, свинца и отчасти серебра мы вправе предполагать, что указанная многовершинность фигур распределения вызвана в основном искусственными добавками этих примесей в металл, то вряд ли то же самое мы можем предполагать в отношении мышьяка и сурьмы. Последние, как показывают анализы, не играли в сплаве ведущей роли. Это, а также незначительные их абсолютные концентрации дают нам веские основания считать мышьяк и сурьму естественными примесями, а аномалии в распределении их концентраций следствием того, что черняховский металл выплавлен из руд различных источников. Предпочтение нами последнего объяснения не снимает, однако, возможности частичного попадания мышьяка и сурьмы в сплав вместе со сложным приплавом. Многовершинность фигуры распределения серебра обусловлена, по-видимому, двумя причинами: во-первых, введением в медь ряда изделий серебра в качестве искусственной примеси и, во-вторых, разницей в исходных источниках меди (это касается изделий, где концентрации серебра зафиксированы в пределах 0,0003—0,003%).

Наши предварительные заключения, основанные на анализе частотных гистограмм, подтвердились данными корреляционных графиков, являющихся обычно более тонким инструментом при подразделении металла на группы (рис. 3). Этот вид статистической обработки прояснил многие вопросы подразделения металла черняховской культуры на химические и металлургические группы.

По-видимому, перемешанность металла различных источников действительно имела место и играла существенную роль, как это и предполагалось нами ранее. На корреляционных таблицах видно, что в большинстве случаев рассеивание точек весьма аморфно и, как правило, не

образует четких центров. Лишь график As — Sb (рис. 3, *б*) демонстрирует наличие определенной связи между концентрациями этих элементов. Некоторая часть анализов, где мышьяк и сурьма отсутствуют или находятся вблизи границы чувствительность метода спектрального анализа, группируется в определенный центр и отделяется от основной массы анализов.

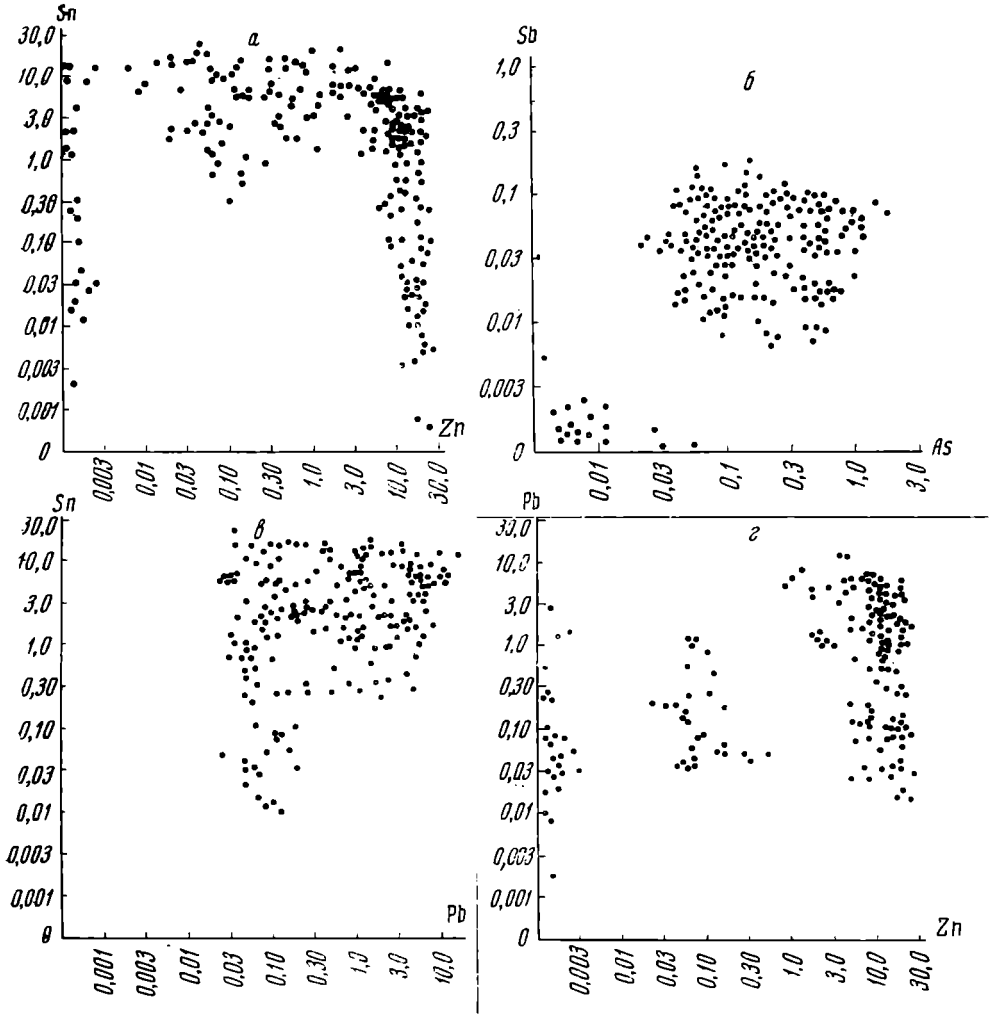


Рис. 3. Корреляционные графики (220 анализов).

а — график олово — цинк; *б* — график сурьма — мышьяк; *в* — график олово — свинец; *г* — график свинец — цинк

Таким образом, как будто намечается возможность выделить две химические группы меди в исследованной коллекции черняховского металла. Однако мы не рассчитываем в настоящей статье уделять слишком много места этому вопросу. Мы просто отметим это наблюдение. Оно будет важно для нас в будущем, когда наряду с черняховским металлом будет исследована в сопоставимых количествах и медь других культур. Сейчас же мы будем ориентироваться на более перспективный, на наш взгляд, метод выделения металлургических групп, дающих для характеристики металла I тысячелетия больше, чем малоопределенные пока химические группы.

Сами анализы и графики корреляционной зависимости показывают, что в огромном большинстве случаев медь черняховской культуры содержала от одной до четырех примесей, которые мы вправе считать искусственными. Замечено также, что подмешивание к меди различных приме-

сей, их количество и пропорциональное соотношение в сплавах, по-видимому, носило характер какой-то закономерности. Последнюю не всегда можно объяснить достаточно удовлетворительно, но наметить некоторые ее черты возможно.

Корреляционный график Sn — Zn (рис. 3, *а*) показывает, что, ориентируясь на соотношения между количествами того и другого элемента в сплаве, можно будет выделить некоторые группы сплавов, которые отмечены на графике очевидными сгущениями точек. Так, намечается металлургическая группа сплавов, где в меди присутствует только цинк в концентрации от 1 до приблизительно 30%, а олово — меньше 0,2—0,3%. Далее, наиболее многочисленной группой являются комбинированные сплавы, где встречается олово от 0,3% до нескольких процентов в сочетании с цинком выше 1%, причем в одной части сплавов имеет место преобладание цинка над оловом, а в другой, наоборот,— олова над цинком. Есть группа чисто оловянистых бронз, где содержания цинка всегда меньше 0,3—1%. Границы между этими типами сплавов довольно-таки расплывчаты и поэтому условны. Но несмотря на это, указанные группы без сомнения реальны, так как прослеживаются на металле фактически всех охваченных нашими анализами культур.

Кроме того, очень часто к сплавам меди с цинком или оловом примешивался свинец, т. е. черняховцы употребляли тройные сплавы. До настоящего времени при подразделении исследованного металла на группы мы не принимали во внимание свинец. Этому препятствовало сравнительно небольшое количество изученного нами материала. Деление его на большее количество групп сделало бы характеристики распределения недостаточно надежными. Поэтому мы ограничились на сегодняшний день более грубой группировкой, хотя в дальнейшем усложнение характеристик сплавов за счет свинца будет обязательным.

Металлургический смысл нашего подразделения состоит в том, что древний мастер, сплавляя медь с оловом или с цинком, преследовал фактически одну цель — изменить и улучшить литейные и механические свойства сплава: способность его хорошо заполнять мелкие полости литейных форм, улучшение упругости, ковкости и т. п. Цель была одна, но достигалась она с помощью разнообразных средств.

Рассматривая аналитический материал всех имеющихся в нашем распоряжении культур, мы можем отметить одно очень важное для нас обстоятельство. Сплавы каждой культуры или памятника отличаются значительным своеобразием. Преобладают либо латуни, либо оловянистые бронзы, либо очень сложные многокомпонентные сплавы и т. д. Попытаемся выяснить характер соотношения в каждой культуре сплавов различного типа и, опираясь таким образом на общую металлургическую характеристику культуры или памятника, сравним их между собой.

Исходя из соотношения между концентрациями олова и цинка (см. выше), разделим все сплавы на медной основе на четыре группы. Их формулы будут таковы:

I — томпак, полутомпак, латунь (по современной металлургической номенклатуре). Cu + Zn. Обязательные условия: $Zn > 1\%$, $Sn < 0{,}3\%$.

II — многокомпонентный сплав. Cu + Zn + Sn + (Pb). Обязательные условия: $Zn > 1\%$, $Sn > 0{,}3\%$, $Zn > Sn$.

III — многокомпонентный сплав. Cu + Sn + Zn + (Pb). Обязательные условия $Sn > 1\%$, $Zn > 1\%$, $Sn > Zn$.

IV — оловянистые бронзы. Cu+Sn. Обязательные условия: $Sn > 0{,}3\%$, $Zn < 1\%$, $Sn > Zn$.

Содержания свинца в сплавах при такой группировке безразличны.

Кроме того, можно наметить еще две металлургические группы:

V — «чистая» медь. Содержание каждой примеси — менее 1%, а $Sn < 0{,}3\%$.

VI — билоновый сплав. Сплав серебра с медью, где Ag > Cu.

Этими типами пока что можно в основном исчерпать характеристику металла исследованных культур.

Употребление сплавов различных типов обусловливалось, по нашему мнению, в основном двумя причинами: во-первых, металлургической традицией или традицией металлообработки у населения, связанной с его культурными и историческими корнями; во-вторых, возможностью получения населением той или иной культуры или районов металлургического сырья для легирования меди или даже привоза самих сплавов. Кроме того, безусловно играла определенную роль и техническая целесообразность применения того или иного вида лигатуры для отдельных категорий вещей.

Соотношения между отдельными типами сплавов, представленные как в относительных, так и абсолютных цифрах, удобнее всего выразить графически в виде частотных полигонов. На сводном графике мы демонстрируем положение металла черняховской культуры на фоне отдельных культур и памятников, материал которых был обработан нами (рис. 4). В этом сравнении участвуют металлические коллекции, наиболее важные для нашей работы. Поэтому приведены данные также и для немногочисленных собраний.

Очевидно, что характер распределения металла по металлургическим группам (типам сплавов) в различных культурах или памятниках заставляет нас объединить их в три различные группы. Отчетливо сходны фигуры распределения прибалтийского металла из могильников Малла, Тюрсямяэ, а также разнохарактерный металл из памятников и случайных находок Восточной Пруссии, проанализированный в основном А. Бецценбергером [15]. Здесь ведущим типом сплавов является II группа. Прочие не играют заметной роли. Фактически отсутствуют оловянистые бронзы. Абсолютно сходную картину дает металл мощинских типов.

Другая группа образована позднесарматскими материалами, металлом Неаполя Скифского и Ольвии, где представлены почти все шесть типов сплава, но с более или менее заметным преобладанием IV типа (оловянистые бронзы). Металл черняховской культуры примыкает, как мы видим, к этой группе.

И, наконец, от всех предыдущих заметно отличается металл зарубинецкой культуры, а некоторая часть сплавов I и II типов представлена в нем фактически импортными северопричерноморскими и прибалтийскими типами вещей. К зарубинецкому металлу примыкают сплавы Пастерского городища. Однако сейчас мы затрудняемся объяснить скрытый смысл этого совпадения.

Таков принципиальный вывод о месте металла черняховской культуры среди проанализированных нами металлических коллекций других культур или памятников.

Представим, однако, наши сравнения сплавов черняховской культуры с прочими в несколько ином виде. Возьмем, с одной стороны, обобщенную характеристику прибалтийского металла (Малла, Тюрсямяэ, восточнопрусские находки), а с другой — северопричерноморский металл (Неаполь Скифский, Ольвия, поздние сарматы). В этом случае наряду с большим общим сходством черняховского и причерноморского металла выявится и определенная разница. Она видна в том, что в причерноморском металле ведущую роль играют, во-первых, оловянистые бронзы и, во-вторых, латуни, в то время как черняховцы вслед за оловянистыми бронзами чаще всего используют уже не латуни, а многокомпонентные сплавы II типа. Не указывает ли это различие, пусть даже не очень большое, на наличие у черняховцев определенного количества металла, изготовленного по

---

[15] A. Bezzenberger. Analysen vorgeschichtlicher Bronzen Ostpreussens. Königsberg, 1904.

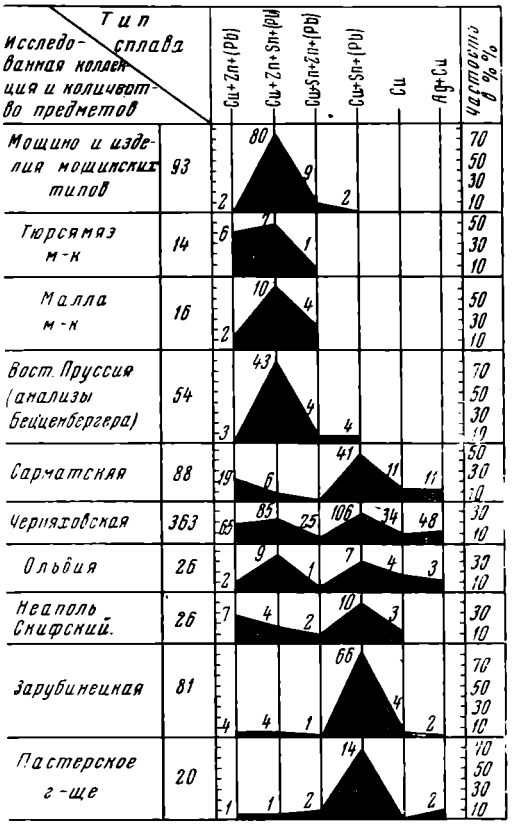


Рис. 4. Сравнительные характеристики сплавов меди для ряда культур и памятников Восточной Европы

иным рецептам, чуждым отчасти причерноморским и сходным, возможно, с прибалтийскими?

С этой целью мы попытались, разлагая черняховский металл на составляющие его категории вещей, их типы, варианты типов, установить возможную разницу в рецептуре сплавов каждой составляющей. Если предыдущие сравнения демонстрировали нам статическое положение металла черняховской культуры среди сравниваемых, то предстоящая операция покажет нам динамику сложения последнего.

Наибольший интерес представляют для нас, конечно, фибулы. Во-первых, это наиболее многочисленная категория украшений в черняховской коллекции, во-вторых, они подвергались ранее весьма дробному типологическому членению, в-третьих, они достаточно подробно хронологизированы [16]. А. К. Амброзом было установлено, что фибулы так называемого черняховского типа (подвязные, прогнутые, двучленные) имеют свою довольно четкую линию развития: от фибул с узкой и массивной спинкой, не имеющих большей частью никакого декора, к фибулам с широкой и плоской спинкой, к тому же часто орнаментированной. Хронологический диапазон их невелик: от второй половины II в. до IV в. В нашем распоряжении имелись в достаточном количестве лишь фибулы I—III вариантов (по А. К. Амброзу) [17]. Кроме того, мы изучили распределение по типам сплава металла пряжек из черняховских памятников и так называемых воинских фибул.

	Тип сплава						Всего
	I	II	III	IV	V	VI	
Прибалтика	11	60	9	4	—	—	84
Черняховская культура	65	85	25	106	34	48	363
Причерноморье	28	19	3	58	18	14	140

Сравнение между собой характера распределения изделий по типам сплавов металла фибул пряжек и «воинских» фибул показывает, что металл фибул черняховского типа заметно отличается от последних, как, впрочем, и от общей характеристики металла черняховской культуры (рис. 5). Ведущую роль у фибул черняховского типа играют сплавы второго типа, т. е. те, которыми в основном представлен прибалтийский материал. Еще более

[16] А. К. Амброз. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н. э.— IV в. н. э. САИ, М., 1966, стр. 62—64, табл. 11.

[17] Приносим глубокую благодарность А. К. Амброзу, проявившему живой интерес к нашей работе. Им же были распределены по вариантам фибулы черняховского типа, имевшиеся в нашем распоряжении.

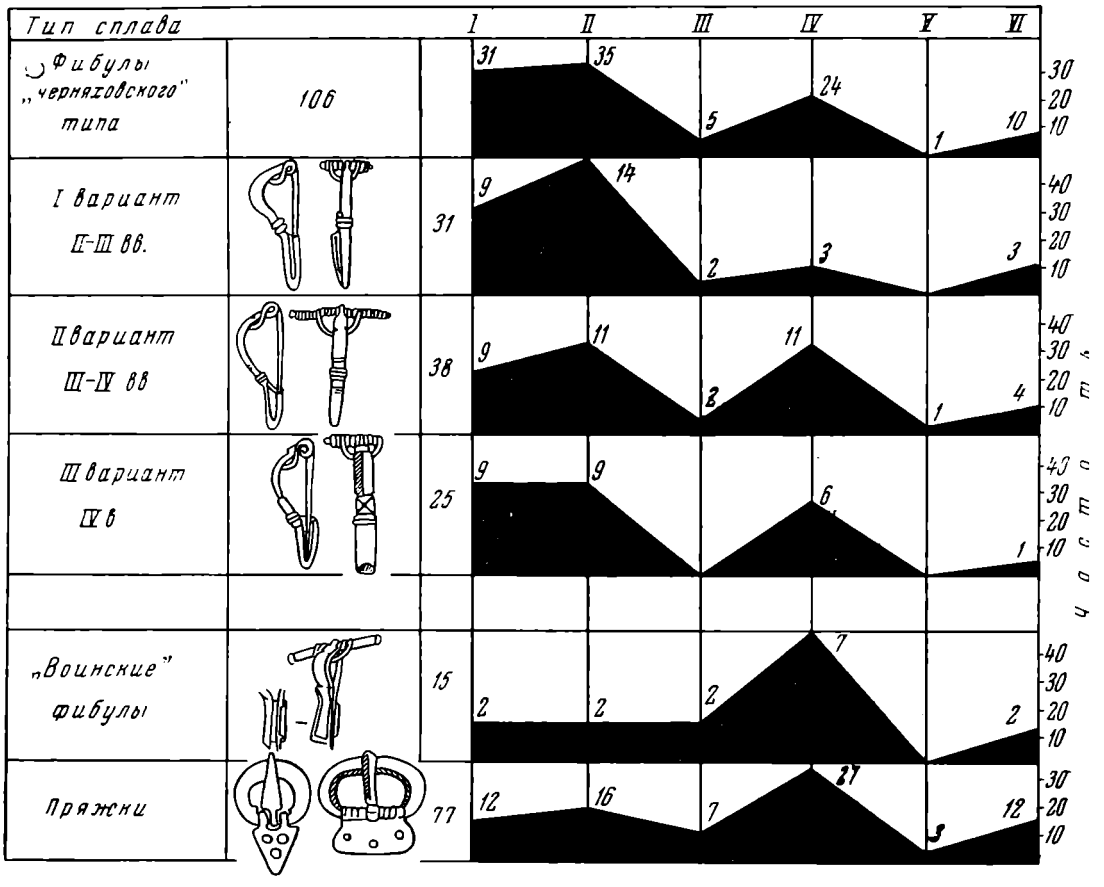


Рис. 5. Сравнительная таблица характеристик металла пряжек, «воинских» фибул и фибул черняховского типа. Из 106 фибул последнего типа ввиду неопределенности формы и фрагментарности не удалось распределить по типам 12 экземпляров

интересна картина, выявленная при распределении металла изделий по типам сплава в каждом из трех вариантов фибул черняховского типа. Здесь самые ранние (по А. К. Амброзу) фибулы I варианта обнаруживают картину металла, уже существенно отличающуюся от общей характеристики черняховского металла. Эти фибулы едва ли не в половине случаев изготовлены из сплавов II типа. Четвертый тип (оловянистые бронзы) здесь крайне малочислен, но начинает резко увеличиваться во II и III вариантах. Таким образом, картина распределения металла изделий по типам сплавов в последних вариантах приближается к общей.

Итак, наши исследования динамики развития сплавов показывают, что определенная категория, тип или вариант типа изделий, характерных для черняховской культуры, обнаруживает несомненную связь с этим или иным типом сплава. Ее невозможно удовлетворительно объяснить ни металлургическими соображениями, ни, тем более, случайностью.

Следовательно, мы должны принять, в качестве предварительного и перспективного, тезис о том, что характер металла и навыки металлообработки у черняховцев складывались не путем простого заимствования или наследования их у предшествовавшего им местного северопричерноморского населения, а имел место довольно сложный процесс. Этот процесс включал в себя как заимствование или даже продолжение традиций металлообработки причерноморского населения, так и использование ими, по-видимому, на ранних этапах (II—III вв.) сплавов, изготовленных по рецептам, чуждым для местных причерноморских племен. Один из возможных районов проникновения сюда этого металла — Прибалтика.

Вывод этот носит, безусловно, предварительный характер. Его правомочность будет ясна лишь после более полного анализа металла как самой черняховской культуры, так и смежных, типа пшеворской. Мы же пока ограничимся сказанным. Во всяком случае, как будто можно принять в качестве одного из возможных тот путь исследования, который был проделан нами и базировался на сравнениях распределения изделий по типам сплавов в каждой культуре, путь, который шел от определения общего места металла культуры среди территориально и хронологически смежных и установления степени близости и различия между ними, путь расчленения исследуемого металла на ряд составляющих, что позволило нам выделять отдельные металлургические слагаемые последнего.

Более монотонной оказалась картина при сравнении характеристик металла из некоторых отдельных памятников черняховской культуры. Для сравнения были привлечены памятники, откуда нам удалось исследовать наиболее многочисленные коллекции предметов. При принципиальном единстве картины распределения металла по типам сплава укажем, однако, на Компанийцы, где IV тип (оловянистые бронзы) резко преобладает. Обращает на себя внимание очень большое количество билоновых предметов в Овчарне и чисто медных изделий в Коблеве.

Итак, наши предварительные выводы.

1. Химический состав металла черняховской культуры весьма сложен: это обусловлено искусственным введением в него таких примесей, как олово, цинк, свинец и серебро. Кроме того, имелось безусловное перемешивание металла различных рудных источников, что нивелировало картину примесей.

2. На сегодняшний день вопрос установления исходных рудных источников черняховского металла остается открытым. Наиболее перспективным является путь выяснения исходных традиций металлургических сплавов.

3. Сравнение характеристик металлургических групп черняховской культуры показывает, что населением этой культуры была заимствована и продолжалась местная северопричерноморская (позднесарматская и, по-видимому, позднескифская) традиция металлургических схем.

4. Однако достаточно сильно прослеживается здесь, особенно во II—III вв., чуждая для этих культур традиция употребления сложных сплавов на медной основе, где ведущей примесью является цинк в сочетании с подчиненными количествами олова и свинца.

Из исследованных нами на сегодня коллекций эта схема сплава тождественна прибалтийской, где последняя, по-видимому, господствовала все I тысячелетие. Это определяет один из возможных районов проникновения этих сплавов в памятники черняховской культуры.

Сборы материалов и их анализ продолжаются.

А. А. ФОРМОЗОВ

О НАСКАЛЬНОМ РЕЛЬЕФЕ БЛИЗ с. БУША В ПОДНЕСТРОВЬЕ

В 1883 г. профессор В. Б. Антонович и его ученица Е. Н. Мельник провели археологические разведки на Днестре в пределах бывшей Подольской губернии. Результаты этой поездки освещены в докладе В. Б. Антоновича на VI археологическом съезде [1] и в популярном очерке Е. Н. Мельник в «Киевской старине» [2].

Наиболее интересной находкой, сделанной во время разведок, был рельеф на скале близ с. Буша. На рельефе изображены: слева — дерево с сидящим на нем петухом, в центре — коленопреклоненный человек с поднятыми руками и справа — олень (рисунок). Сверху — плохо сохранившаяся надпись, окруженная рамкой. Подробно описав и рельеф, и скальное убежище, в котором он находится, и более поздние надписи на соседних участках скалы, В. Б. Антонович высказал мнение, что это памятник дохристианского славянского культа. Фигура человека напоминает каменную бабу, он поднимает к дереву такую же чашу, какие сжимают в руках изваяния на южно-русских степных курганах. О жертвоприношении петухов у славян упоминает византийский писатель Лев Дьякон. Что же касается надписи, то, по словам В. Б. Антоновича, она высечена в «гораздо более позднее время» [3]. В статье Е. Н. Мельник говорится примерно то же, но сверх того приводится заключение Н. П. Кондакова, датировавшего рельеф концом IX — началом X в., т. е. временем, непосредственно предшествовавшим принятию христианства на Руси [4].

В дальнейшем рельеф из с. Буша неоднократно упоминался в краеведческой литературе [5] и трижды был воспроизведен по фотографии В. Б. Антоновича в сводных работах. Н. Н. Врангель назвал барельеф памятником византийской эпохи [6]. А. А. Спицын писал, что он «видимо, средневековый» и отметил, что это единственный наскальный барельеф на территории СССР, хотя такие же произведения искусства должны быть и в Закавказье [7]. Иначе оценил рельеф Д. В. Айналов, который увидел в нем отголоски «античных традиций» и, в частности, обратил внимание на «рамочку с неразборчивой надписью, подражающую античному титулу» [8].

---

[1] В. Б. Антонович. О скальных пещерах на берегу Днестра в Подольской губернии. Тр. VI АС, т. I. Одесса. 1886. стр. 86—102.

[2] К. Мельник. Путевые очерки Подолии. «Киевская старина». 1884, октябрь, стр. 254—275; 1885, март, стр. 465—489; 1885, декабрь, стр. 650—683.

[3] В. Б. Антонович. Ук. соч., стр. 99—100, табл. XII.

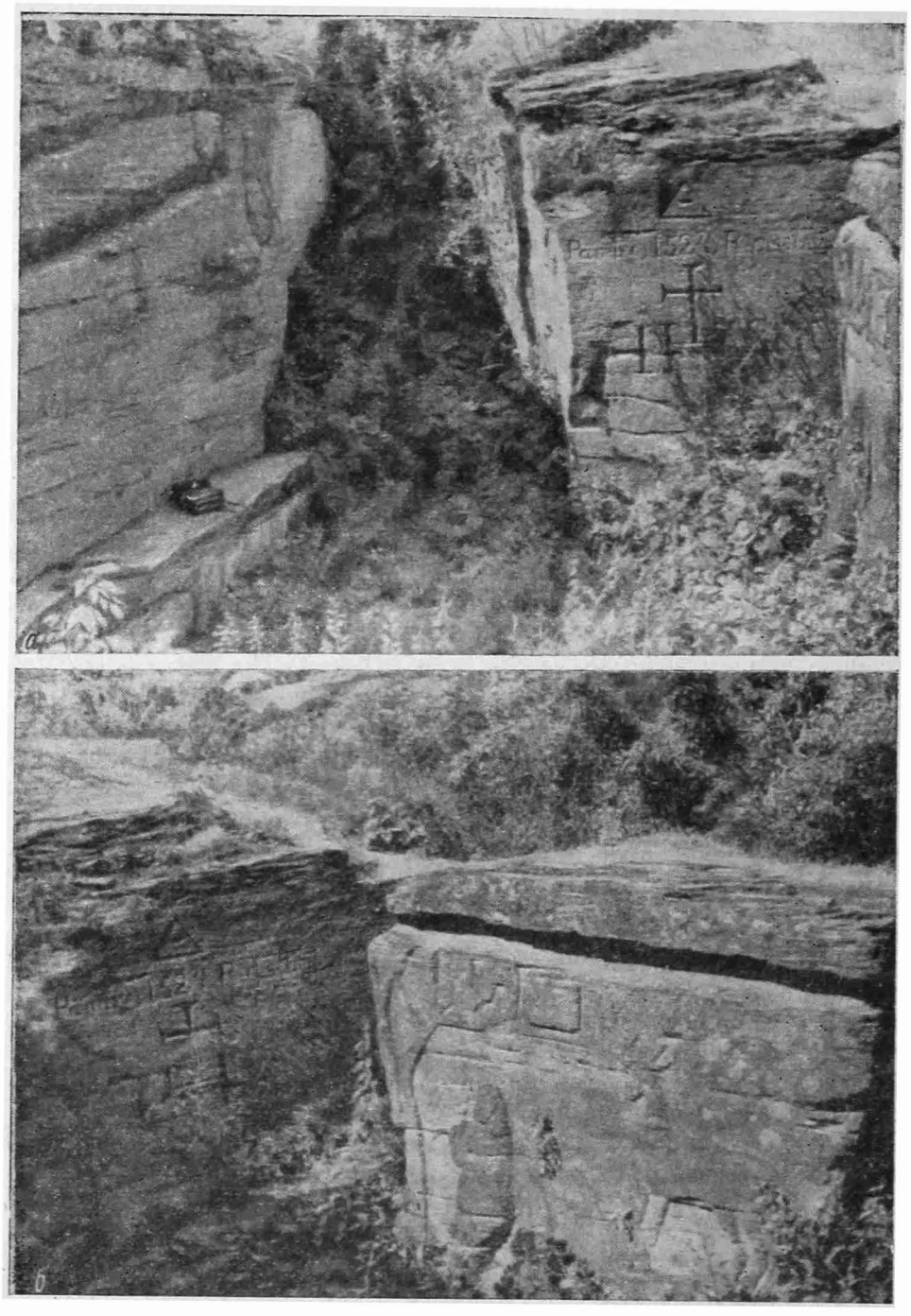
[4] К. Мельник. Ук. соч., 1885, декабрь, стр. 678—680.

[5] В. К. Гульдман. Памятники старины в Подолии. Каменец-Подольский, 1901, стр. 51—55; Е. Сецинский. Археологическая карта Подольской губернии. Тр. XI АС, I, М., 1901, стр. 277—278.

[6] Н. Н. Врангель. История скульптуры. В кн.: Н. Грабарь. История русского искусства. V. М., б. г., стр. 13.

[7] А. А. Спицын. Разведки памятников материальной культуры. Л., 1927, стр. 119, рис. 157.

[8] Д. В. Айналов. Искусство Киевского периода. В кн.: История русской литературы. I, М.—Л., 1941, стр. 27, табл. после стр. 32.



Скальное убежище с барельефом близ с. Буша. Видны скамья с нишей на ней (*а*), польская надпись на северной стене и канавки для перекрытия, вырубленные в скале над нишей (*а*) и барельефом (*б*)

Как очень ранний памятник трактует рельеф из Буши и Б. А. Рыбаков, приводя, правда, без всякой аргументации, и точную дату — I—III вв. н. э. На рельефе Б. А. Рыбаков усматривает столб, «увенчанный ромбом», аналогичный фигуре на русских вышивках. Перед этим столбом и совершается моление [9]. Раннеславянским считает барельеф из Буши М. Ю. Брайчевский полагая, что барельеф был высечен на стене языческого скального храма [10].

Таким образом, о рельефе из Буши высказался ряд авторитетных искусствоведов и археологов, но полного единогласия они не достигли. Датировка колеблется в пределах целого тысячелетия, неясно одновременна ли надпись рельефу или нет, по-разному интерпретируется и само изображение. Все эти расхождения вызваны, несомненно, тем, что никто из писавших о рельефе после В. Б. Антоновича в Буше не был и судил о памятнике только по публикации, относящейся к периоду зарождения русской археологической науки. Между тем наскальный рельеф из Буши, безусловно, представляет большой интерес. До сих пор он остается единственным на территории СССР памятником этого рода [11]. А если это действительно сцена языческого культа древних славян, значение изображения увеличивается во много раз. Очевидно, памятник заслуживает специального и детального анализа.

В 1966 г. автор побывал в с. Буша и познакомился с барельефом на месте. Итогом этой поездки и является данная заметка.

Село Буша Ямпольского района Винницкой области УССР расположено при слиянии левого притока Днестра — р. Мурахвы (или Мурафы) и речки Бушанки (или Бушки). По правому берегу Бушанки на высоте 20—25 *м* над уровнем реки тянется полоса скал. Примерно в 1 *км* от слияния рек эта скальная стенка изгибается и образует то, что во французской литературе принято называть «убежищем под скалами». Это не пещера, ибо здесь нет скального потолка или хотя бы небольшого навеса, но все же место удобное для жилья — что-то вроде маленькой комнаты со скальными стенами [12]. Стены этого естественного убежища были подтесаны человеком, так что тут образовались три помещения, расходящиеся радиально от одной площадки. План помещений снят и опубликован В. Б. Антоновичем. В настоящее время часть из них закрыта осыпями с поверхности плато, и план читается не столь четко.

В наибольшем, правом от входа на площадку помещении и находится интересующий нас рельеф. Помещение вытянуто с юга на север примерно на 14 *м*. Ширина его у входа, обращенного к югу,— 4,5 *м*. Далее скальные стены сближаются и сходятся на угол. Сейчас самый угол засыпан землей. Высота скал по западной стене — до 5 *м*, по восточной — 2,2 *м*. Западная стена представляет собой монолит, восточная — состоит из трех блоков — первого, у входа, длиной 5,5 *м*; центрального с барельефом, длиной 3,5 *м*, и углового, длиной 5 *м*. Блоки расположены уступами. Пол убежища сложен продуктами разрушения скалы — глиной и щебенкой. Культурного слоя нет. Изредка встречаются фрагменты керамики, но скорее всего они смыты сверху, с плато.

---

[9] Б. А. Рыбаков. Искусство древних славян. В кн.: История русского искусства, I. М., 1953, стр. 51, 66.

[10] М. Ю. Брайчевський. Мистецтво стародавніх східних слов'ян. В кн.: Історія Українського Мистецтва, I, Київ, 1966, стр. 119, 120, 402, рис. 82.

[11] Прогноз А. А. Спицына об открытии наскальных барельефов в Закавказье сбылся лишь частично. В 1965 г. Г. М. Асланов обнаружил на Апшеронском п-ве рельефы на камне, датирующиеся началом железного века. Но это изображения на отдельных плитах, а не собственно наскальные барельефы. К числу последних можно отнести из памятников на территории СССР, пожалуй, только фигуру Будды, заключенную в нише, вырубленной в скале, у пос. Чаа-холь в Туве (см. Л. Р. Кызласов. Средневековые города Тувы. СА, 1959, 3, рис. 10).

[12] Таким образом, нередкие в литературе указания, что рельеф из Буши сделан «в пещере на берегу Днестра» (Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 66) неточны в двух отношениях — это не пещера и не берег Днестра.

Барельеф хорошо вписан в очертания центрального блока восточной стены. Размеры изображения: 2,9 *м* в длину и 1,7 *м* в высоту. Оно мало изменилось по сравнению с тем состоянием, которое запечатлено на фото В. Б. Антоновича. Несколько повреждена только фигура человека — рука выше кисти и ноги ниже колен.

Три фигуры барельефа — дерево, человек и олень расположены на двух специально высеченных в скале площадках, типа кронштейнов, дерево и человек — на одной, олень — на другой, значительно более высокой. Высота первой площадки над современным уровнем пола — 12 *см*, второй — 42 *см*. Ширина и той и другой — около 20 *см*. Таким образом, олень как бы стоит на скале над деревом и молящимся. В наскальных изображениях с эпохи палеолита и до позднего, близкого к нам времени никогда не обозначалась поверхность земли. Все фигуры словно парят в воздухе. Специальные площадки — кронштейны под фигурами барельефа из Буши — свидетельствуют о каких-то иных традициях. Д. В. Айналов вспомнил в этой связи античную скульптуру, но с тем же правом мы могли бы указать на романские и готические статуи.

И три фигуры, и надпись в рамке возвышаются над единым плоским фоном. Это говорит о том, что все они сделаны одновременно. Если согласиться с В. Б. Антоновичем и предположить более молодой возраст рамки с надписью, пришлось бы допустить, что в середине рельефа был оставлен нестесанным большой участок скалы, который позднее использовали для надписи. Это мало вероятно. Примыкающие к рамке, но не срезанные ею ветвь дерева и рога оленя на барельефе также свидетельствуют об одновременности всех его частей. Поскольку скала была менее выпуклой в центре, чем по краям, при изготовлении барельефа с единым плоским фоном объемность его частей получилась различной. Дерево с левой стороны только отделено от окружающей поверхности углубленной линией, т. е. представляет собой что-то вроде гравюры. Справа от дерева скала выбрана уже на глубину 3 *см*. Фигура молящегося самая рельефная. Она приближается к круглой скульптуре — высота рельефа достигает 15 *см*. Фигура оленя выступает над фоном на 6 *см*, рамка вокруг надписи — на 4 *см*.

Сейчас все фигуры выглядят очень грубыми, формы их предельно обобщены. Надо учесть, однако, что со времени создания рельефа камень подвергся выветриванию и ряд деталей при этом мог быть просто стерт. В 1883 г. надпись в рамке сохранилась не настолько, чтобы ее можно было прочесть, но все же настолько, что определить число строк нетрудно даже по фотографии — их четыре. Теперь внутри рамки линии строк уже не заметны, чувствуется лишь несколько мелких западин. Выветривание стерло и такие тонкие линии, как клюв и ноги птицы, сидящей на дереве. Уцелели только общие очертания головы, шеи, туловища и хвоста. Две углубленные линии — полукружия, проведенные резцом на хвосте, очевидно, обозначают перья. Это подтверждает наше предположение, что раньше рельеф был более расчленен и фигуры не столь схематичны. Две стершиеся черты заметны и на фигуре человека: одна — оконтуривает руку выше локтя, другая, вероятно, передает складки одежды. Черты лица коленопреклоненного человека намечены очень грубо — глаза высверлены, нос и рот — вырублены, но, возможно, это подновление и некогда они выглядели иначе. На морде оленя нет каких-либо углублений, обозначающих глаза и рот. В то же время у него изображены раздвоенные копыта. Видимо, ноги оленя, закрытые сейчас травою, а в прошлом, может быть, и землей, были меньше подвержены процессу выветривания, чем открытая верхняя часть барельефа.

Осмотр рельефа показал, что молящийся человек не держит никакой чаши, изображены просто сложенные руки. В. Б. Антонович и Е. Н. Мельник, писавшие о чаше, слишком увлеклись сопоставлением этой фигуры с каменными бабами, и увидели на рельефе то, чего на нем нет. Сравнение с каменными бабами, датировка которых в 1880-х годах была еще

неясна, служило одним из основных аргументов в пользу глубокой дохристианской древности барельефа из Буши. Теперь мы знаем, что половецкие каменные бабы Южной России доживают до XII—XIV вв. Сопоставление (неудачное и потому, что на Подолии нет половецких каменных баб), следовательно, ни в коей мере не свидетельствует в пользу даты I—III или IX—X вв. Конечно, не подкрепляет эту дату и ссылка на Льва Дьякона. Петухов приносили в жертву и много позже X в.

Нет на барельефе и «столба, увенчанного ромбом». Изображено дерево с ветвями без листьев. На правой ветви над молящимся сидит птица. Переплетение ветвей создает что-то вроде ромба, но вряд ли это было сделано умышленно [13].

Наиболее важное наблюдение при осмотре барельефа, бесспорно, заключается в том, что надпись одновременна изображениям. Приходится пожалеть, что В. Б. Антонович не снял с нее эстампаж. Если бы удалось разобрать хоть несколько букв, рельеф был бы датирован точнее. Сейчас это невозможно. Необходимо указать, однако, на сохранившуюся на Подолии до очень позднего времени традицию окружать надписи на камне рельефной рамкой. В 45 *км* ниже Буши на том же берегу Днестра расположен известный Лядавский пещерный монастырь XI—XIX вв. Один из камней-монолитов при входе в монастырь испещрен десятками русских и польских надписей, оставленных посетителями монастыря. Среди надписей — датированные 1777, 1786, 1819, 1834, 1841, 1849 гг. и т. д. Большинство надписей обрамлено иногда фигурным рельефом, иногда точно так же, как и в Буше. В пещерах у с. Нагоряны около Лядавы имеются надписи в рамках уже XX столетия. Этот факт заставляет усомниться в глубокой древности барельефа из Буши. Впрочем, как уже говорилось, Д. В. Айналов готов был признать надпись в рамке подражанием античному титулу.

На западной стене убежища, напротив рельефа, и на торце углового блока восточной стены, расположенном перпендикулярно барельефу, высечены польские надписи. Они точно воспроизведены в статье В. Б. Антоновича, но он не обратил внимания на некоторые особенности убежища и на то, что эти поздние надписи имеют к барельефу самое непосредственное отношение.

Западная стена убежища тщательно отесана, а в основании ее, в 60 *см* над современным полом, в скале вырублена скамья, длиною 5,2 *м* и шириной 50 *см*. Эта скамья расположена прямо против барельефа. Создается впечатление, что она сделана специально для того, чтобы было удобнее его рассматривать. В 1,2 *м* над скамьей тянется строчка надписи с крупными, старательно вырезанными в камне печатными буквами: Ta jaskina odkryta przez W. Romualda Ostoja Owsianego r. 1824 (т. е. эта пещера открыта Ромуальдом Остоя — Овсяным в 1824 г.). Чуть выше надписи сделано прямоугольное углубление в скале, длиной 50 *см* и высотой 35 *см*. Внутри его В. Б. Антонович видел вензель R и O (т. е. Ромуальд Овсяный). Сейчас тут заметна лишь небольшая вогнутость поверхности с очень нечеткими очертаниями. Это указывает на интенсивность выветривания, стершего монограмму за 140 лет. Углубление над надписью приходится точно напротив рамки на барельефе и повторяет ее размеры (50 × 37 *см* по внешнему контуру, 30 × 22 *см* — по внутреннему).

На торцевой стороне углового блока выгравировано схематическое изображение всевидящего ока — треугольник с точкой посередине, а ниже написано в две строки: Pamięć 1524 R d 3 Junii (т. е. в память о 3 июня 1524 г.). Еще ниже крест с монограммой Христа по сторонам.

---

[13] Ошибка Б. А. Рыбакова объясняется, видимо, тем, что он обратился не к первоисточнику — Тр. VI АС, а к воспроизведению части фотографии В. Б. Антоновича в «Истории русской литературы» (см. «История русского искусства», т. I, стр. 560).

Уже В. Б. Антонович заметил, что обе надписи не различаются по степени сохранности. Не отличаются они и по размерам шрифта. Надпись с датой 1524 г. по палеографическим особенностям не может относиться к XVI в. Шрифт на ней типичен для начала XIX столетия. Очевидно, обе надписи высечены одновременно к трехсотлетнему юбилею некоего события.

И на западной, и на восточной стене убежища над надписями и барельефом пробиты канавки шириной и глубиной до 20 *см*, служившие, несомненно, для упора деревянного перекрытия. Эти пазы были выбиты позже создания барельефа. В одном месте паз слегка срезает рамку барельефа и чуть-чуть задевает края двух веток дерева. Крестьяне с. Буша рассказывали в 1883 г. В. Б. Антоновичу о шляхтиче Ромуальде Овсяном, который в 1820-х годах построил крышу над скалами и якобы жил в этом убежище. Времени с 1824 г. прошло тогда не так уж много, и старики вполне могли помнить эти годы. Поэтому мы с достаточной уверенностью можем говорить об одновременности надписей 1824 г. и пазов в скальных стенах убежища. Поскольку барельеф существовал до того, как сделаны пазы, определяется его верхняя дата. Неизмеримо худшая сохранность надписи на барельефе по сравнению с надписями 1824 г. показывает, что хронологический разрыв между ними сравнительно велик.

Сложнее решить, были отесаны стены в том же 1824 г. или это результат приспособления скальной ниши под жилье или святилище в эпоху создания барельефа (как думал М. Ю. Брайчевский). Первое представляется нам более правдоподобным, но если мы примем второе решение, то оно будет не безразличным для датировки рельефа. Возникновение искусственных пещерных жилищ и святилищ в Крыму и на Кавказе связано с эпохой христианства (Грузия — VI—XIII вв., Крым — не ранее VI в.). Пещерные города Подолии изучены очень плохо, но у нас нет никаких оснований думать, что здесь дело обстояло иначе. Пещерные монастыри Лядавы и Бакоты не старше XI в. Поэтому предположение о том, что создание барельефа и искусственного убежища под скалами одновременно, заставляет датировать рельеф временем не древнее XI в. Все же вероятнее, что и скамью для созерцания барельефа вырубил и стены обтесал тот же Ромуальд Овсяный в 1824 г.

Но из надписей Овсяного можно извлечь и больше. Поскольку скамья находится напротив барельефа, а углубление в западной стене с вензелем RO высечено напротив рамки на барельефе, складывается впечатление, что Ромуальд Овсяный не просто расписался на скале около древнего изображения и вовсе не жил в скальном убежище, а создал здесь что-то вроде музея. Как понять слова об «открытии» пещеры? Вряд ли речь идет об открытии в смысле первой находки. Село Буша существовало много веков, и барельеф был, очевидно, известен. Скорее под «открытием» следует понимать расчистку западины между скалами от земли, сползавшей с плато. В пользу такой версии говорит лучшая сохранность нижней части барельефа (копыта оленя). Вероятно, низ барельефа был засыпан землей, и Ромуальд Овсяный его расчистил. Потом он велел вырубить скамью напротив барельефа и перекрыть убежище среди скал деревянной крышей и увековечил это событие в двух надписях.

Все это представляет бесспорный интерес для истории археологии. В 1820-х годах романтическое увлечение памятниками старины коснулось и Подолии. Никому неведомый шляхтич Овсяный позаботился о сохранности древнего рельефа и возвел над ним настоящий павильон. Правда, после смерти Овсяного все пришло в упадок: стропила сгнили и были разобраны, земля снова начала заполнять нишу между скал. Но так или иначе доброе намерение Овсяного не должно быть забыто.

Но какой же юбилей был им отмечен? Что такое 3 июня 1524 г.? Просматривая хронологические таблицы по истории Подолии, Украины, Польши, мы такой даты не находим. Разумеется, не исключено, что это какое-

то событие, памятное лишь для рода Овсяных. Но есть и более простое решение вопроса: дата имеет прямое отношение к барельефу, она была на надписи в рельефной рамке. Действительно: первая надпись Овсяного посвящена данной «пещере», вероятно, и вторая как-то с ней связана. Надпись в рамке, почти невидимая в 1966 г. и еще не совсем стершаяся в 1883 г., вполне могла быть прочтена в 1824 г., а окруженные рамками надписи Лядавы и Нагорян всегда содержат даты.

Но вправе ли мы датировать рельеф из Буши столь поздним временем? В пользу этого можно привести ряд дополнительных аргументов. Во-первых, рельеф находится на территории средневекового города, не раз упоминавшегося в письменных источниках [14]. Здесь в 1617 г. была штаб-квартира Жолкевского и был заключен договор с турками. Известно, что в 1620 г. Бушу разоряли татары. В 1653—1654 гг. произошла знаменитая осада Буши (описанная в повести классика украинской литературы М. П. Старицкого «Облога Буши» [15]). По сведениям источников, в городе тогда было 7 церквей и 16 тысяч жителей. После падения крепости город потерял свое значение и превратился в небольшое село [16]. Следы города видны и сейчас на мысу при впадении Бушанки в Мурахву. Близ сельской церкви в обрыве берега обнажились участки каменной кладки — вероятно, от городской стены. Городище Буша вкратце описано в археологической литературе [17]. Непосредственно над скальным убежищем с барельефом на огородах встречается большое число фрагментов керамики, сделанной на ножном кругу, частью покрытой зеленой поливой. По заключению М. Г. Рабиновича и Р. Л. Розенфельдта, собранные нами черепки относятся к XVI—XVII вв. Фрагменты такой посуды найдены и в самом убежище, но скорее всего они попали сюда сверху, с плато. Учитывая все это, трудно поверить, что древний языческий памятник уцелел на территории христианского города и даже не был поврежден. Более вероятно, что этот рельеф прямо связан с историей города.

Второе: появление такого сложного памятника требует каких-то предшествующих опытов в области скульптуры. Отстаивая дату — I—III вв. и даже — IX—X вв., мы не сможем назвать ни одного предшественника барельефа из Буши не только в пределах Подолии, но и Украины в целом. Если же мы примем дату — XVI в., то все станет на свое место. Романские и готические статуи католической Подолии — вот та традиция, без которой создание барельефа было бы невозможным. Очень показательны в этом отношении кронштейны под фигурами барельефа.

В-третьих, сюжет рельефа вполне может быть понят и из христианской символики. И олень, и петух входят в число христианских символов [18]. В болгарской псалтыри XIV в. мы найдем миниатюру с чрезвычайно близкой к рельефу из Буши композицией: слева — дерево, в центре — фигура молящегося с воздетыми к небу руками, справа — олень. Это рисунок на тему псалма: «Им же образомь желает елень на источники водныя, аще желает душа моа к тебе Боже» [19]. Очевидно, как христианский воспринимался рельеф и в XIX в. Павильон над барельефом был построен как часовня. Входивший видел перед собою крест, всевидящее око и моногram-

[14] См., например, «Акты, относящиеся к истории южной и юго-западной России, собранные и изданные археографической комиссией», кн. X, СПб., 1878, стр. 326 (Письмо писаря Ивана Выговского к царю Алексею Михайловичу от 25 февраля 1654 г.).

[15] М. Старицький. Облога Буши. «Твори у восьми томах», 5, Київ, 1965, стр. 641—725.

[16] Справки об истории Буши см.: К. М[ельник]. Ук. соч., 1885, декабрь, стр. 681—683; W. Baliński i T. Lipiński. Starozytna Polsca pod względem historyznym, jeograficznym i statystycznym. III. Warszawa, 1887, стр. 474—475.

[17] А. С[пицын]. Сведения 1873 г. о городищах и курганах. Зап. РАО, VIII, 1—2, СПб., 1896, стр. 266; Е. Сецинский. Ук. соч., стр. 277—278; К. М[ельник]. Ук. соч., стр. 678; В. К. Гульдман. Ук. соч., стр. 92.

[18] L. Reau. Iconographie de l'art chrétien. III. Paris, 1959, стр. 1504.

[19] М. В. Щепкина. Болгарская миниатюра XIV века. М., 1963, табл. IX, стр. 64—65. Текст Псалтыря — 41,2.

му Христа. В четырехугольном углублении на западной стене скорее всего помещалась икона. Именно такое назначение имели подобные углубления в Лядавском монастыре. Рельеф же был расположен на восточной — алтарной стене убежища [20].

Наконец, в-четвертых, наблюдения над быстрым разрушением надписей под влиянием выветривания указывают на то, что рельеф не может быть очень ранним. Если за 80 лет время стерло монограмму RO, вырезанную в 1824 г., мало вероятно, чтобы столь хорошо сохранился рельеф I—III вв.

Изложенные соображения позволяют утверждать, что рельеф на скале у с. Буша не является памятником дохристианского славянского культа, не датируется I—III или IX—X вв., а относится к XVI в. и связан со средневековым городом Бушей.

---

[20] Е. Н. Мельник писала, что коленопреклоненный человек на барельефе смотрит на восток (К. М[е л ь н и к]. Ук. соч., 1885, декабрь. стр. 679). Это неверно — человек смотрит на север.

К ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЮ Б. А. РЫБАКОВА

В наш век узкой специализации, когда разветвившиеся науки требуют крайней углубленности и предельной отдачи себя конкретным вопросам, специалисты широкого профиля стали необычайно редки. Академик Борис Александрович Рыбаков представляет это редкое исключение. Кто из ученых, преподавателей истории и просто интересующихся прошлым, не пользовался его трудами по истории древней Руси, славянской и русской археологии и истории древнерусской культуры? Кому неизвестны его исследования по этнографии, фольклору, религиозным верованиям от энеолита до развитого средневековья? Кто не знает его работ по древнерусской палеографии, метрологии, истории древнерусской архитектуры?

Б. А. Рыбаков родился 3 июня 1908 г. в семье учителей, связанной в предыдущих поколениях со старообрядчеством. Его отец А. С. Рыбаков, историк, ученик Д. М. Петрушевского и составитель хрестоматии по истории старообрядчества (М., 1914), работал в Московском учительском институте, мать — учительницей. Старообрядческие традиции не пользовались в семье особым уважением, тем не менее они сыграли большую роль в формировании интересов будущего ученого, в его любви к древнерусской истории. Обстоятельства сложились так, что в десятилетнем возрасте Б. А. Рыбаков лишился домашнего воспитания. Детский дом «Трудовая семья» на улице Володарского в Москве занял последующие пять лет, а затем в 1924 г. шестнадцатилетний подросток вступил в самостоятельную трудовую жизнь. Однажды сложившиеся интересы не ослабевали: в 1926 г. Б. А. Рыбаков поступил на историко-этнологический факультет 1-го МГУ.

20-е годы были сложной порой в жизни историков Московского университета. Старые концепции оказывались негодными, вырабатывались новые и, естественно, вызывали бесконечные оживленные споры и идеологические дискуссии. Б. А. Рыбаков слушал лекции лучшей профессуры того времени старого и нового направления: С. В. Бахрушина, Ю. В. Готье,

М. К. Любавского и др. Особенно большое значение для формирования его научных взглядов имели лекции по истории развития общественных форм проф. П. Ф. Преображенского, курс акад. Ю. В. Готье, учившего молодых археологов историческому подходу к археологическим древностям, а также археологическая полевая практика виднейшего русского археолога, основателя московской археологической школы В. А. Городцова. Большую пользу будущему ученому принесли лекции начинающего тогда преподавателя, аспиранта МГУ А. В. Арциховского по древнерусской археологии и своеобразный по яркости изложения курс древнерусской палеографии проф. А. С. Орлова. Студент Б. А. Рыбаков с увлечением отдается науке: в семинаре проф. С. В. Бахрушина он работает над историей нестяжателей и иосифлян в XVI в., в семинаре акад. Ю. В. Готье изучает древности славянского племени северян, а у проф. В. А. Городцова — радимичей. Все эти работы в расширенном виде позднее были опубликованы и не потеряли значения до наших дней. Академика Ю. В. Готье Б. А. Рыбаков считает своим основным учителем и всю жизнь вспоминает его занятия с благодарностью. Б. А. Рыбаков активно участвует в студенческой жизни: редактирует студенческий научный сборник, в 1928 г. помещает в нем и свою первую работу о вятических курганах у д. Мякинино на Оке. По окончании МГУ (1930 г.) и кратковременной службы в армии мы видим Б. А. Рыбакова уже научным сотрудником отдела раннего феодализма ГИМ (1931 г.).

Начало 30-х годов, как известно, не было благоприятным для исторических дисциплин. Социологизация истории и археологии М. Н. Покровским, полезная на первых этапах обновления науки, теперь не без помощи его эпигонов выродилась и завела науку в тупик. Основные вопросы археологии, без которых наука не могла существовать (вопросы хронологии, типологии вещественных источников и т. д.), клеймились «вещеведением», «ползучим эмпиризмом», и занятия ими почти высмеивались. По словам самого Б. А. Рыбакова, главное археологическое учреждение «Государственная академия истории материальной культуры имени Н. Я. Марра перестала в это время играть свою положительную роль: тематика ее безбрежно расплылась, археология потонула во множестве посторонних вопросов и тем» [1]. В этих условиях ГИМ стал фактически главным археологическим учреждением Москвы, в стенах которого велась теперь основная работа по созданию науки археологии — самостоятельной исторической дисциплины, основывающейся на вещественных исторических источниках. Исследования возглавлял В. А. Городцов, окруженный плеядой своих талантливых учеников.

Работа в ГИМ, среди бесчисленных археологических коллекций, в напряженно интеллектуальной обстановке творческого энтузиазма В. А. Городцова и группирующейся вокруг него молодежи имела безусловно колоссальное значение для начинающего ученого. В течение нескольких месяцев Б. А. Рыбаков раскладывает на столах сотни вятических височных колец, сравнивая их между собой и выискивая среди них кольца, отлитые в одной литейной форме. После 93000 (!) сопоставлений «сумасбродная», как казалось тогда, идея полностью себя оправдала. Ему удалось достигнуть интереснейших результатов — нанести на карту ареалы распространения колец из одной литейной формы, которые впервые в истории науки характеризовали микрорынок древнерусского деревенского ремесленника. Оказалось, что район сбыта одного такого ремесленника был весьма невелик и не превышал 20 *км*. Выводы подтвердились и при аналогичном карто-

[1] Б. А. Рыбаков. Место славяно-русской археологии в советской исторической науке. СА, 1957, 4, стр. 58. До чего дошел бюрократизм в ГАИМК в это время, можно судить по следующему анекдотическому происшествию. Работавший по совместительству в МОГАИМК Б. А. Рыбаков в 1932 г. был уволен за невыполнение плана. Дело в том, что, перенеся все свои выводы на географическую карту, он представил текст не в полтора запланированных листа, а всего лишь... в 0,5 листа «недовыполнив», таким образом, плана на один печатный лист (!).

графировании тождественных отливок других украшений. Близкие результаты получились также и при сравнении древнерусских деревенских гончарных клейм. Напрашивалось сравнение с городом. Новые сотни сопоставлений продукции городских ремесленников (крестов-энколпионов) дали результаты иные: эта продукция расходилась по всей Руси. Таковы были оригинальные методы, впервые примененные Б. А. Рыбаковым и давшие науке новые нити исследования. Б. А. Рыбаков стоял у истоков своего капитального труда о древнерусском ремесле, принесшем ему впоследствии мировую известность. Дальнейшая работа ученого над этими вопросами вскоре привела его к новым важным открытиям. В 1936 г. Б. А. Рыбаковым была высказана мысль о «Кузьмодемьянских кузнечных братствах» на Руси[2]. Таким образом, в отличие от установившейся традиции, вопрос о древнерусских ремесленных корпорациях впервые был поставлен Б. А. Рыбаковым еще в 30-х годах. Он был развит им в докторской диссертации о древнерусском ремесле (1942 г.), опубликованной в 1948 г.[3] В стенах ГИМ получила дальнейшее развитие склонность Б. А. Рыбакова к исторической географии, которой он уделяет внимание и по сей день. Его работа по картографированию отразилась в экспозиции ГИМ, где экспонировалось около 40 составленных им карт, а также в ряде изданий школьной учебной серии и в первом издании БСЭ. Всего за время работы в ГИМ Б. А. Рыбаковым было подготовлено к печати около 50 карт, касающихся IX—XVI вв.

В период полевых сезонов в 30-е годы Б. А. Рыбаков руководит раскопками на Гочевском городище (Курская обл.), в древнерусском городе Вщиже (Брянская обл.), работает в Новгороде (под руководством А. В. Арциховского) и др.

Конец 30-х годов ознаменовался в его научном творчестве выходом из печати ряда работ, характеризующих основные направления творческой мысли ученого в это время. Они касались историко-географических вопросов («Деление Новгородской Земли на сотни в XIII в.», М., 1938), палеографии («К библиографии русских надписей», М., 1938), древностей антов (М., 1939), вопросов собственности княжеского хозяйства Киевской Руси (М., 1940).

Война 1941—1945 гг., естественно, мало способствовала научным исследованиям. Эвакуация в Ашхабад, а затем в Свердловск, связанные с этим бытовые трудности, а также и другие привходящие обстоятельства — все это тормозило работу. Однако и в этих условиях Б. А. Рыбаков не прекращал исследований. В самый тяжелый военный год (1942) им была написана и блестяще защищена в Ашхабаде докторская диссертация — плод многолетних исследований — «Ремесло древней Руси», увидевшая свет лишь 6 лет спустя, в 1948 г. Задачу этого капитального труда (51 печ. лист) автор видел в «изучении важнейшей части хозяйственного фундамента, на котором строилась блестящая культура Киевской Руси, а впоследствии создавалось русское национальное государство — изучении промышленности, ее техники организации и ее удельного веса в общей системе русского исторического процесса». Поражая новизной мысли, оригинальностью методов и широтой эрудиции, книга охватила весь ход развития древнерусского ремесла, которое к тому же рассматривалось на широком фоне экономической и общественной жизни древних славян, Киевской Руси и затем Северо-Восточной Руси XIII—XV вв. Скрупулезно были изучены истоки русского ремесла, уровень ремесленной техники на различных ступенях его развития, связь с рынком, гибельная роль татарского нашествия, а также социальная организация городского ремесла, его роль в развитии городского строя, роль цеховых организаций и т. д. Значение этой книги для исторической науки неоценимо. Впервые здесь поднимались, ставились на

[2] Б. А. Рыбаков. Металлические вещи, найденные на Метрострое. Сб. «По трассе первой очереди Московского метрополитена», М., 1936, стр. 154, 155.

[3] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948.

принципиальную высоту и разрешались вопросы развития производства древней Руси в самом широком плане. Книга получила признание как в Советском Союзе, так и за рубежом, быстро стала библиографической редкостью и, к сожалению, так и не была переиздана. Она всколыхнула научную мысль и дала направление ряду новых исследований в области древнерусского ремесла (Б. А. Колчин, Ю. Л. Щапова, А. А. Бобринский, Т. И. Макарова, Н. В. Рындина и др.). На труде Б. А. Рыбакова учились и учатся все последующие поколения археологов. Книга была по достоинству оценена Комитетом по Государственным премиям, и в 1949 г. Б. А. Рыбаков был награжден высшей наградой — Государственной премией I степени.

Выходом из печати «Ремесла древней Руси» завершился первый этап научного творчества Б. А. Рыбакова; начался новый период, не менее яркий, продолжающийся и по сей день. Многочисленные работы послевоенного времени характеризуют новый круг проблем, занимающих теперь мысль ученого. Древнерусская летопись и русский фольклор, язычество земледельцев энеолита и дохристианские верования славян, древнерусская метрология и «архитектурная математика древнерусских зодчих», славяне и хазары, образование Киевской Руси и образование и развитие древнерусского города, вопросы русской исторической географии и русской эпиграфики — вот основные из них. Как видим, в целом это все тот же круг вопросов древнерусской истории и культуры, с которым Б. А. Рыбаков начинал свою научную деятельность.

Еще в 1938 г., в период работы над ремеслом, Б. А. Рыбаков обращался к истории антского союза племен и искал путей определения его древностей. В 40-х и 50-х годах ученый выясняет вопрос о «русах», «русском племенном союзе» и термине «Русь» (1947, 1952, 1954 гг.), намечает границы племенных союзов полян и северян (1947 г.), ставит вопрос о древностях уличей (1950 г.), изучает взаимоотношение Руси и хазар (1952 г.), исследует вопрос о древних славянах в Приморье (1954 г.) и, наконец, обращается непосредственно к теме «Образование древнерусского государства» (1955 г.), которую решает в совершенно новом и оригинальном аспекте. По завершении изучения археологического цикла источников исследователь переходит к письменным источникам по истории древней Руси. Из статей Б. А. Рыбакова мы узнаем о существовании новгородского посадничьего летописания (1956 г., «Остромирова летопись» XI в.), о южнорусском боярском летописании XII в. (1959 г., «Летописец» боярина Петра Бориславьича). Русские былины рассматриваются им как «источник представлений о взглядах народа на родную историю», а сопоставление их с летописями позволяет сделать вывод о времени сложения тех или иных циклов былин, установить, какие исторические события и почему удерживались в народной памяти и поэтизировались (1961 г.). Все эти исследования по истории древней Руси получили завершение в 1963—1964 гг. в обширной монографии «Древняя Русь. Сказания, былины, летописи» (М., 1963 г.), в Истории СССР (I, М., 1966 г., все главы по Киевской Руси написаны Б. А. Рыбаковым) и в популярном издании «Первые века русской истории» (М., 1964 г.).

Одновременно с общими вопросами истории Киевской Руси Б. А. Рыбаков уделяет внимание и проблеме возникновения и развития древнерусского города. Еще в 30-е годы им раскапывался небольшой удельный центр древней Руси — город Вщиж (раскопки были продолжены в 1948 и 1949 гг.). Большие работы проводились в Чернигове и Любече, раскопки велись также в Тмутаракани, Переяславле Русском, Витичеве и в других городах. Послевоенный период творчества ученого открывается монографией о древностях Чернигова (М., 1949 г.), одного из древнейших русских городов — центра крупного княжества. В ней собран весь богатейший материал о древностях этого города. Центральное место в исследовании занимает изложение результатов раскопок автора на черниговском детинце,

где найдены руины крайне интересного храма, план которого, несмотря на неполную сохранность кладок, автору убедительно удалось восстановить и определить место нового памятника в общерусской и, в частности в черниговской, архитектуре. Работа заканчивается блестящим «опытом исторической характеристики» знаменитого черниговского Ольговича — князя Святослава Всеволодича (около 1125—1194 гг.), известного кроме летописи по «Слову о полку Игореве». Крупными вехами в работе Б. А. Рыбакова над древнерусскими городами были работы в Тмутаракани (современная Тамань), во Вщиже и Любече. Если бы не известный Тмутараканский камень с надписью 1068 г. (подлинность которого, правда, оспаривалась), мы вообще не знали бы, где находится летописная Тмутаракань, начисто исчезающая со страниц летописи в XII в. Обширные раскопки Б. А. Рыбакова (еще не опубликованные полностью) позволили изучить историю этого многослойного городища — города со сложной судьбой. В раскопках были открыты средневековые саманные стены укреплений, каменные фундаменты домов и, наконец, фундаменты двух храмов (X и XI в.), один из которых был выстроен, судя по летописи, в XI в. Мстиславом Тмутараканским. Вщижские раскопки также нарисовали картину истории небольшого княжеского удельного городка XII в. с крайне интересным храмом, обстроенном галереями и остатками более раннего языческого святилища на соседней, так называемой Благовещенской горе. Древнерусский Любеч дал особенно интересные результаты. Этот небольшой княжеский центр, известный по летописи с 882 г., упоминаемый Константином Багрянородным (X в.), был крупным укрепленным форпостом Киева на севере. Любеч знаменит своим съездом князей в 1097 г., на котором официально была признана феодальная раздробленность. Крупным княжеским замком он оставался и в литовскую пору XIV—XVI вв. Впервые в науке древнерусский замок был раскопан полностью. Сложный лабиринт бесчисленных слоев и прослоек культурного слоя древнего Любеча (необгоревшее дерево там не сохраняется) был блестяще расшифрован исследователем. В результате перед нами впервые предстала интереснейшая по целостности картина жизни древнерусского средневекового княжеского замка. Вот что писал об этом сам автор раскопок (1964 г.): «Любечский комплекс впервые в истории русской и славянской археологии позволил нам представить себе облик богатого феодального замка XI в. с его планировкой и размещением военных и хозяйственных объектов... Мы знаем теперь сложную и глубоко продуманную систему организации замка с его дворцом, теремами и идущими вдоль стен жилищами челяди...». Несмотря на очевидную необходимость, в нашей науке не уделяется должного внимания теоретическому вопросу об образовании культурного слоя. Мы еще недостаточно знаем пути его возникновения, законов, по которым он отлагается и т. д. В этой связи приобретает особую важность открытие Б. А. Рыбаковым в заполнении полуземляночных помещений Любеча потолочных подсыпок, что позволило впервые в науке поставить вопрос об этажности древних зданий. По мнению ученого, «потолочные засыпки состоят из чередования слоев дерева (бревенчатый накат), земли над деревом, и на самом верху, глины, являвшейся полом следующего этажа» (1964 г.). Это наблюдение Б. А. Рыбакова, как всегда, ново и оригинально. Таким образом, значение работ Б. А. Рыбакова для изучения истории древнерусского города переоценить невозможно. Широта кругозора, острый «археологический глаз», логика и смелость в обобщении накопанного делают его исследования и здесь крайне интересными.

Третьим аспектом интересов Б. А. Рыбакова являются идеологические представления древних народов — язычество. Языческим верованиям ученый уделял внимание, начиная со студенческой скамьи. Вопросами языческой символики пронизаны почти все прошлые работы Б. А. Рыбакова. Однако только в последние годы эта работа начинает у него приобретать формы обобщения. В его руках неожиданно заиграли орнаменты на сосу-

дах древних трипольцев. Он вполне убедительно доказал, что весь орнамент трипольской посуды является своеобразной, но простой криптограммой, расшифровка которой позволяет получить весьма целостное представление о мироздании трипольцев. Интереснейшие наблюдения сделаны Б. А. Рыбаковым над орнаментами черняховских сосудов IV в. На них ему также удалось прочесть пиктограммы. Это оказался языческий календарь земледельцев, разделенный на 12 месяцев с изображением времен года и славянских языческих праздников. По мнению Б. А. Рыбакова, сосуды эти были священными, их использовали в торжественных молениях об урожае. И здесь впервые в науке выяснились некоторые черты земледельческого культа языческого земледельческого населения Украины IV в. Особенно интересны и многообещающи работы Б. А. Рыбакова над проблемами славянского язычества, которыми он занимается и по сей день. В наших современных представлениях «создалась,— пишет он (1967 г.),— очень пустая бессодержательная формула: «славяне обожествляли силы природы и верили в леших, русалок, водяных и домовых»... Магический заклинательный характер обрядов, молений и жертвоприношений, доживших до рубежа нашего столетия (например, Ильин день), не был раскрыт...» наукой. Более того, все вопросы славянской языческой идеологии, добавим мы, еще только начинают изучаться. Свое исследование вопроса Б. А. Рыбаков основывает на изучении сюжетов русского средневекового прикладного искусства, для этих целей обычно не используемого. Как показывают его исследования, все изображения, украшающие древнерусские художественные изделия, включая и орнаменты, уходят корнями в многовековую толщу славянской магической символики, и их расшифровка впервые обогащает нас многочисленными сведениями о дохристианских идеологических представлениях древних славян. Изображение и орнаменты на древнерусских предметах в руках Б. А. Рыбакова начинают блестеть новым «магическим» светом. Здесь и иранский крылатый пес, охраняющий древо жизни,— Сенмурв, именуемый на Руси Симаргл, и языческие «русалии», символы солнца, воды, «русального» месяца, бога растительности — Переплута и др. Так скрупулезные исследования сюжетов прикладного искусства Руси, наименее подконтрольного тогда христианской церкви, знакомят нас с восточнославянским языческим пантеоном, с магическими представлениями наших далеких предков. Повторяем, работы ученого еще далеко не закончены, и нам предстоит познакомиться еще со многими его открытиями в этом направлении.

Особый раздел в творчестве Б. А. Рыбакова занимает древнерусская эпиграфика. Всю жизнь Б. А. Рыбаков собирал древнерусские надписи: фотографировал, копировал, снимал слепки. Он первый обнаружил и прочел на расчищенной древнейшей штукатурке Киевской Софии подчас весьма мелкие записи киевлян XI—XII вв. В 1947 г. появилась его первая заметка о них, а теперь этих надписей насчитывается уже 98. Надписи были им не только прочтены, но и прекрасно атрибутированы. Со стен древнейшего русского собора зазвучали известные из летописи имена — Мартирия, новгородского архиепископа конца XII в., Василия и рядом Никифора, как считает исследователь,— Владимира-Василия Мономаха и известного в его времена митрополита грека Никифора (надпись с этим именем действительно написана по гречески), наконец, как доказал Б. А. Рыбаков, запись о смерти Ярослава Мудрого, позволившая с точностью выяснить дискутируемый в науке вопрос о точной дате кончины этого знаменитого князя. Многолетние работы по сбору русских датированных надписей в 1964 г. получили логическое завершение в изданном им «Своде», куда вошло и интереснейшее их исследование. Многие известные ранее надписи (например, на знаменитых Борисовых камнях XII в.) получили совершенно новое и крайне, на наш взгляд, любопытное толкование. Как и большинство работ Б. А. Рыбакова, эта новая его книга сопровождается часто оригинальными графиками и схемами, значительно обогащающими и укрепляющими его выводы.

Стоит ли удивляться, что доклады и сообщения Б. А. Рыбакова на разнообразные и даже узко специальные темы его исследований неизбежно привлекают к себе необычайный наплыв посетителей различных, иногда даже далеких, специальностей. Присутствуя на заседаниях в качестве председателя или просто слушателя, Б. А. Рыбаков активно участвует в диспутах, и многие докладчики часто переносят доклад, узнав что в заседании этого ученого не будет.

Большую роль в жизни Б. А. Рыбакова занимает его педагогическая деятельность, начавшаяся в 1933 г. в Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской лекциями по истории СССР и продолжавшаяся затем в МГУ на историческом факультете и в других учебных заведениях. Читая лекции по славянской, древнерусской археологии, по позднему железному веку и исторической географии, по древнерусской палеографии, по истории древней Руси и истории русской культуры в целом, Б. А. Рыбаков воспитал любовь к этим темам не у одной сотни студентов, многие из которых избрали историю древней Руси своей специальностью. Для педагогической деятельности Б. А. Рыбакова не характерно повседневное пестование и «натаскивание» ученика. Давая направления его интересам, если они не сложились сами, разработав с ним (как правило, очень широкий, разносторонний и вместе с тем достаточно подробный) первоначальный план работы, ученый потом следит за развитием интересов ученика, бережно направляя его научную индивидуальность и осторожно подталкивая его мысль. Консультируя, Б. А. Рыбаков никогда не скупится на собственные идеи, которые окрыляют мысль ученика, заставляют ее работать дальше. И сколько таких идей рассеяно по работам всех (не только учеников) ищущих у Б. А. Рыбакова совета! В тех случаях, когда мысль ученика уходит от первоначального замысла и его работа постепенно приобретает иной аспект, Б. А. Рыбаков не требует возвращения к задуманному, не подавляет ученика и стремится лишь максимально развивать наметившуюся склонность. Все ученики Б. А. Рыбакова встречались с этими ценными особенностями его педагогики.

Отметим в заключение, что талант ученого оценивается по достоинству не только в нашей стране (он дважды лауреат Государственных премий, профессор МГУ, действительный член Академии наук СССР и т. д.), но и за границей, где Б. А. Рыбаков постоянно представляет нашу науку на международных конгрессах, симпозиумах и т. д. Б. А. Рыбаков является первым президентом Первого Международного конгресса славянских археологов в Варшаве (1965), членом Исполнительного комитета Международного Конгресса доисториков и протоисториков и пр. Заинтересованный его работами Сорбоннский университет в 1958 г. приглашал его для чтения лекций о средневековой культуре. В 1960 г. его избрали действительным членом Чехословацкой Академии наук, а в 1963 г.— почетным доктором Ягеллонского университета.

Сейчас ученый продолжает работать над двумя обширными и многогранными темами: «Язычество древних славян» и «Древнерусская летопись и «Слово о полку Игореве». Выход этих работ в свет будет новым вкладом в нашу науку. Таким образом, интерес и любовь к древней Руси Б. А. Рыбаков несет через всю свою жизнь. Интерес этот определился еще в детстве, окончательно сложился в конце 20-х — начале 30-х годов, когда занятия русской историей не только не были «модными», но считались одиозными. Этой неисчерпаемой теме он остается верным и поныне.

Ученики Бориса Александровича, как и все археологи, историки и специалисты смежных дисциплин, горячо поздравляют его со славным юбилеем и желают ему дальнейших творческих успехов.

Л. В. Алексеев

Публикации

Н. К. АНИСЮТКИН

ДВА КОМПЛЕКСА ИЛЬСКОЙ СТОЯНКИ

Ильская палеолитическая стоянка, известная по раскопкам С. Н. Замятнина (1926, 1928 гг.) и В. А. Городцова (1936—1937 гг.), вошла в археологическую литературу как однослойный памятник. Сейчас это общепринятая точка зрения[1]. В процессе работы над коллекциями нами были обнаружены различия между комплексами из раскопок С. Н. Замятнина и В. А. Городцова. Это наблюдение заставило поставить вопрос о наличии разновременных комплексов на Ильской стоянке.

Если обратиться к опубликованным статьям и отчетам исследователей стоянки, то обнаружим, что С. Н. Замятнин действительно отмечал только один культурный слой, который был связан с нижней погребенной почвой[2]. В. А. Городцов же указывал на существование нескольких горизонтов находок. Правда, в отчете, посвященном раскопкам 1936 г., этот исследователь, отмечая горизонты находок из делювиальных суглинков, перекрывающих нижнюю погребенную почву, связывал их с результатом разрушения основного культурного слоя где-то выше по склону[3]. Но уже в статье, посвященной раскопкам 1937 г., В. А. Городцов совершенно определенно указывал на наличие верхнего «мадленского» слоя, где вместе с культурными остатками был обнаружен очаг[4]. К сожалению, в своей очень краткой статье исследователь слишком мало уделил внимания этому интересному факту. В результате, это наблюдение не было замечено позднейшими исследователями или, скорее всего, ему не было придано значения. Позднее о существовании верхнего слоя вообще было забыто.

Рассмотрение вещественного материала было начато нами с комплексов из раскопок С. Н. Замятнина, связанных едиными условиями залегания и сходством инвентаря.

Материал из раскопок С. Н. Замятнина состоит из двух коллекций: первая 1926 г. и вторая 1928 г. Обе коллекции, связанные едиными стратиграфическими условиями, очень близки между собой не только наличием тех или иных типов орудий, но и их количественным соотношением.

Материалы из раскопок В. А. Городцова, происходящие из двух различных слоев, были разделены, согласно данным описи и дневников, на предметы из нижнего слоя, стратиграфически тождественные комплексу С. Н. Замятнина, и на предметы из верхнего слоя.

---

[1] Н. А. Береговая. Палеолитические месторождения СССР. МИА, 81, 1960, стр. 33.

[2] С. Н. Замятнин. Итоги последних исследований Ильского палеолитического местонахождения. Тр. II Междунар. конфер. АИЧПЕ, V, 1934, стр. 208.

[3] В. А. Городцов. Результаты исследований Ильской палеолитической стоянки. МИА, 2, 1941, стр. 13.

[4] В. А. Городцов. Ильская палеолитическая стоянка по раскопкам 1937 года. БКИЧП, 6—7, 1940, стр. 92.

При анализе комплексов нами был использован статистический метод. Всего в комплексах 1071 орудие, из них в коллекции 1926 г. — 274, 1928 г. — 512, в нижнем слое из раскопок В. А. Городцова — 180, в верхнем слое — 105 орудий.

Процентное соотношение заготовок и типов орудий Ильской стоянки

Год раскопок (слои)		Леваллуа техника[1]	Леваллуа типолог	Пластины	Скребла	Верхний палеолит[2]	Двусторонне обработанные формы	Примечание
Раскопки Замятнина	Комплекс 1926	14%	8,4%	16%	63,1%	5,1%	10,2%	Обилие массивных скребел. Изделия из мелкой гальки преобладают, доломит реже, кремень почти отсутствует[3]
	Комплекс 1928	20,4	12,1	17	63,7	3,7	9	
Раскопки Городцова	Нижний слой	11,5%	12%	15,4%	56,6%	4,4%	11%	Изделия из доломита преобладают, кремень обычен; орудия из мелкой гальки реже
	Верхний слой	37,5	35,1	25	30	14,2	1,9	

[1] Для комплекса нижнего слоя этот показатель следует считать максимальным (преобладают атипичные леваллуазские отщепы и пластины).
[2] Резцы скребки, проколки, ножи с затупленным ретушью краем.
[3] Имеется в виду кремень хорошего качества.

На таблице предлагаются следующие показатели: 1) техника леваллуа: доля отщепов и пластин техники леваллуа по отношению ко всем сколам; 2) орудия леваллуа: процент леваллуазских орудий[5] ко всем изделиям со вторичной обработкой; 3) пластины: процент пластин ко всем сколам; 4) скребла[6]: процент скребел ко всем орудиям; 5) верхнепалеолитические формы; 6) двусторонние формы[7].

Из анализа таблицы видно, что две коллекции из раскопок С. Н. Замятнина очень близки, как происходящие из одного слоя. Несколько более низкий процент скребел в нижнем слое из раскопок В. А. Городцова свидетельствует, вероятно, о включении в этот комплекс части предметов из верхнего слоя, что связано с находками в шурфах, где очень часто не был указан слой, и к нижнему слою приходилось относить те предметы, которые имели самые нижние глубинные отметки. Здесь нами, разумеется, учитывались данные дневников. Однако эта примесь так незначительна, что почти не оказывает влияния на показатели сравниваемых комплексов.

Иную картину мы получили для верхнего слоя. Здесь, в отличие от нижнего слоя, процент леваллуазских сколов очень высок, почти в два раза выше процент пластин и единичны обильные в нижнем слое двусторонние формы. В верхнем слое очень обильны леваллуазские орудия; сравнительно малочисленны скребла; в нижнем слое они массивнее, часто с двусторонней обработкой, в верхнем же преобладают тонкие, двусторонних нет совсем. Многочисленные в верхнем слое верхнепалеолитические формы, более примитивные, чем подобные орудия верхнего палеолита, значительно совершеннее орудий нижнего слоя. Из двусторонних орудий в

[5] Об орудиях леваллуа см. F. Bordes. Levalloisien et Moustérien. BSPF, L, 4, 1953, стр. 232; М. З. Паничкина. Палеолитические нуклеусы. «Археологический сборник ГЭ», 1. Л., 1959, стр. 47, 48.
[6] Скребла учитывались по типологии Борда. F. Bordes. Typologie du paleolithique ancien et moyen, 1. Bordeaux, 1961, стр. 25—30.
[7] Все предметы с двусторонней обработкой, исключая диски.

верхнем слое обнаружены два листовидных острия (одно целое и один обломок, рис. 1, *14*), близкие верхнепалеолитическим; в нижнем слое они грубее и массивнее, а главное по характеру обработки и размерам почти не отличаются от остальных бифасов. Характерной особенностью большинства этих орудий является то, что «нижняя сторона орудия обработана крупными фасетками, уплощена и не имеет вторичной мелкой подправки

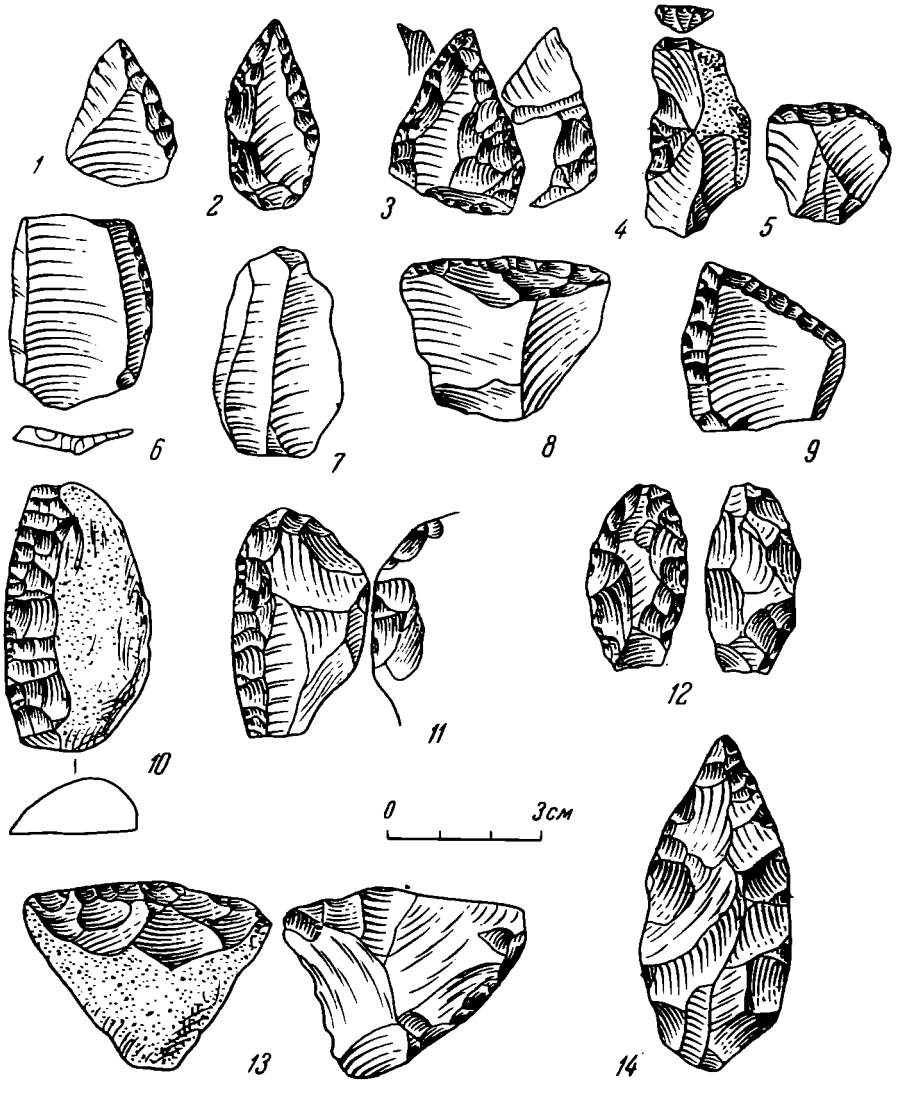


Рис. 1. Каменные орудия Ильской стоянки

1, 2, 3 — остроконечники; *4, 5* — скребки (5-й верхний слой); *6, 7* — пластины леваллуа (6-й верхний слой); *8—13* — различные скребла (*8* — поперечное, *9* — угловатое, *10, 11* — простые выпуклые, *12—13* — двустороннеобработанные); *14* — двустороннеобработанное листовидное острие

по краям; верхняя, более выпуклая сторона, наоборот, обычно несет по краям ретушь, окончательно формующую контур орудия»[8]. В поперечном сечении эти орудия, как правило, асимметричны. Интересно, что верхний слой и по характеру сырья значительно отличается от нижнего. В верхнем слое было особенно много изделий из доломита, достаточно часто употреблялся высококачественный кремень, который редок в коллекциях С. Н. Замятнина.

Таким образом, анализ каменных орудий и техники расщепления камня дает право с уверенностью говорить о двух культурных слоях Ильской стоянки, свидетельствовавших о двух периодах обитания этого памятника.

[8] П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 205.

Однако встает вопрос: почему в раскопе С. Н. Замятнина 1928 г., вплотную примыкавшем к траншеям В. А. Городцова, не было верхнего слоя?[9] Чтобы ответить на этот вопрос, нами был проведен анализ распределения находок по слоям: верхний слой в траншеях, примыкавших к раскопу С. Н. Замятнина, очень беден, в то же время наиболее удаленные траншеи, расположенные выше по склону, дали богатый верхний и сравнительно бедный находками нижний слой. Последний, в отличие от верхнего слоя, становится более мощным и насыщенным в траншеях, непосредственно примыкающих к раскопу С. Н. Замятнина, в котором он наиболее богат[10].

Все это, видимо, говорит о том, что верхний слой был наиболее мощным там, где были заложены раскопы В. А. Городцовым. Правда, как это видно из таблицы, более высокий показатель техники леваллуа и пластин в коллекции из раскопок 1928 г. свидетельствует о незначительной примеси верхнего слоя в раскопе С. Н. Замятнина. Очевидно, на участках, непосредственно примыкающих к раскопу В. А. Городцова, проходит крайняя граница распространения верхнего слоя. Необходимо отметить немаловажную роль того обстоятельства, что плащ из делювиальных суглинков, перекрывающий нижнюю погребенную почву, становится менее мощным ниже по склону, выклиниваясь у самого края террасы, где ископаемый почвенный горизонт выходит на поверхность[11]. Раскопы С. Н. Замятнина, как это явствует из плана стоянки, составленного В. А. Городцовым, в большей своей части приурочены к краю террасы.

Таким образом, анализ каменного инвентаря стоянки, хорошо согласуясь с данными дневников и статей исследователей, свидетельствует о наличии двух слоев[12]. Нижний слой характеризуется обилием скребел (рис. 1, *8—13*), часто массивных, среди которых преобладали простые с выпуклым лезвием и поперечные, большим числом двустороннеобработанных орудий, главным образом скребел и остроконечников, в том числе и листовидных острий, и небольшим числом маловыразительных орудий верхнепалеолитического облика. Для верхнего слоя характерно почти полное отсутствие двусторонних орудий и, в отличие от нижнего, господство техники леваллуа.

Является ли верхний слой результатом дальнейшего развития нижнего, или он не связан с ним?

Как уже было показано выше, комплекс верхнего слоя значительно отличается от комплекса нижнего не только техникой обработки и формами орудий, но и сырьем.

Вероятно, мелкая галька как исходный материал не способствовала применению леваллуазской техники, предполагающей специальную подготовку нуклеуса[13]. В самом деле, исключая дефект материала, с мелкой гальки можно было сколоть два-три, редко больше, отщепов. Об этом го-

---

[9] См. копию плана раскопов, составленного В. А. Городцовым. План хранится в архиве ЛОИА.

[10] Траншеи II и IV, раскопки В. А. Городцова, вплотную примыкающие к раскопу С. Н. Замятнина 1928 г., дали очень мало находок верхнего слоя: в траншее II верхний слой — 8 предметов, нижний — 51; в траншее IV верхний — 34 предмета, нижний — 105. Наиболее удаленные траншеи V и I дали иную картину (траншея V — раскопки В. А. Городцова в 1936 г., I — 1937 г.): в траншее V верхний слой — 45 предметов, нижний — 14; в траншее I верхний — 15, нижний — 10 предметов.

[11] S. N. Zamiatnine. Station moustérienne à Ilskaia, prov. Kouban. «Revue anthropologique», 7, 8, 1929, стр. 3.

[12] После того как автор этой статьи в начале 1963 г. пришел к выводу о существовании двух комплексов на Ильской стоянке, им был прочитан доклад на IX студенческой археологической конференции в Москве.

[13] См. H. Kelley. Contribution à l'étude de la technique de la taille levalloisienne. BSPF, LI, 3—4, 1954, стр. 150. Как отмечал Борд, получение одного отщепа леваллуа влечет за собой появление десятка отщепов не леваллуа. F. Bordes et M. Bourgou. Le complexe moustérien: Moustérien, Levalloisien et Tayacien. «L'Anthropologie», 55, 1—2, Paris, 1951, стр. 5.

ворит обилие краевых сколов, спинка которых почти целиком покрыта коркой. Следовательно, сравнительно низкий процент леваллуазских сколов в комплексе нижнего слоя зависел от характера сырья (большинство леваллуазских отщепов и пластин изготовлены из доломита и кремня. Леваллуазские сколы из галек исключительно редки). Подобную точку зрения для территории Франции развивал Ф. Борд, отмечавший, что в Северной Франции с обилием крупных и плоских желваков кремня господствовала техника леваллуа, а на юго-западе — в некоторых районах Дордони, где преобладала мелкая кремневая галька, она была менее характерна [14].

Небольшое количество двусторонних орудий в комплексе верхнего слоя объясняется, во-первых, тем, что коллекция этого слоя сравнительно немногочисленна (105 орудий), и, во-вторых, уменьшение числа этих орудий может быть хронологическим показателем. Последнее подтверждается раскопками Ахштырской пещеры, где С. Н. Замятнину и М. З. Паничкиной удалось заметить, что в нижних слоях присутствуют двусторонние формы, тогда как в верхнем слое их нет совсем [15]. Это также подтверждается и раннемустьерским комплексом Арзни, где эти орудия обычны [16].

Для сравнения мы используем только орудия: скребла, остроконечники, позднепалеолитические формы, изделия с выемчатой и зубчатой ретушью, двустороннеобработанные формы.

Оказалось, что в верхнем слое половину орудий составляют скребла, среди которых преобладают типы, особенно характерные для нижнего слоя: простые с выпуклым рабочим краем и поперечные. Как в одном комплексе, так и в другом очень велик процент остроконечников, включая скребла конвергентные: в нижнем слое их более 20%, в верхнем — 21%. В обоих комплексах почти нет орудий с зубчатой ретушью. Эти орудия очень характерны для целого ряда стоянок: их очень много в Ахштырской пещере [17], обычны они и в крымских стоянках — в Бахчисарайской — 9,7% [18], в Шайтан-Кобе — более 10%, имеются они и в Староселье [19].

Очень близки эти комплексы по характеру вторичной обработки. Правда, в верхнем слое имеются скребла, близкие скребловидным орудиям из нижних слоев. Костенок I и XII, но в этом нет ничего необычного, учитывая более поздний возраст этого комплекса. В отличие от нижнего слоя, в верхнем имеются многочисленные орудия позднепалеолитического облика: скребки, проколки, ножи, с затупленным ретушью краем, грубные резцы. В нижнем слое, как отмечалось, обильны двусторонние формы.

Как нам представляется, эти отличия несущественны: верхнепалеолитические формы указывают на сравнительно поздний возраст комплекса верхнего слоя, а обилие двусторонних орудий могло зависеть не только от возраста памятника, но и от сырья. Большие куски доломита давали возможность получать крупные отщепы и правильные пластины, часто типа леваллуа, тогда как мелкая яшмовая галька препятствовала этому. Отщепы, полученные с подобных галек, массивные, имевшие вид краевых сколов, требовали очень тщательной обработки, что без применения двусторонней ретуши трудно. В этой связи интересно отметить целую серию нуклеусов, превращенных в обычные скребла, что подтверждает наши наблюдения.

---

[14] F. Bordes. L'evolution buissonnante des industries en Europe occidentale. «L'Anthropologie», 54, 5—6, Paris, 1951, стр. 411.

[15] С. Н. Замятнин. Очерки по палеолиту. М.—Л., 1961, стр. 11, 114; М. З. Паничкина и Е. А. Векилова. Исследование Ахштырской пещеры в 1961 г. КСИА АН СССР, 92, 1962, стр. 42.

[16] М. З. Паничкина. Палеолит Армении. Л., 1950, стр. 80—82.

[17] М. З. Паничкина и Е. А. Векилова. Ук. соч., стр. 41, 42.

[18] Коллекции Гос. Исторического музея (Москва).

[19] А. А. Формозов. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите. МИА, 71, 1958, стр. 91.

Относительно датировки стоянки существовало несколько мнений: первое принадлежало С. Н. Замятнину, относившему материал из своих раскопок к развитому мустье; второе — В. А. Городцову, считавшему Ильскую стоянку верхнепалеолитической. Согласно современной датировке (скорее компромиссной, чем обоснованной), комплекс этой стоянки считается образцовым поздним мустье [20].

Последняя датировка, не считая спорного положения о позднем палеолитическом возрасте стоянки, покоится на таких довольно шатких критериях, как наличие в ее комплексе элементов позднего палеолита. Сейчас, когда накопился сравнительно большой фактический материал по памятникам мустьерской эпохи как на нашей территории, так и за рубежом, можно видеть, что подобные элементы в небольшом количестве обычны для стоянок этой эпохи.

В каждой значительной коллекции встречаются редкие резцы, скребки, проколки и иногда нуклеусы, близкие к призматическим [21].

С выделением двух разновременных комплексов Ильской палеолитической стоянки выяснилось, что почти все поздние признаки оказались характерными для верхнего слоя, который и должен быть датирован поздним мустье.

Для нижнего слоя, и в первую очередь для материалов из раскопок С. Н. Замятнина, наиболее приемлемой остается датировка этого исследователя — развитое мустье.

Наличие же двустороннеобработанных листовидных острий в этом комплексе ни в коей мере не противоречит датировке С. Н. Замятнина. В мустье Центральной Европы, особенно Германии, подобные орудия обычны. Так, листовидные острия, появляясь в Эрингсдорфе [22], часто встречаются в целом ряде мустьерских стоянок: пещеры Мауэрна, Раниса, Кестена и др. [23]

Следует отметить, что в позднемустьерских комплексах Мауэрна и Кестена эти орудия очень многочисленны: в Кестене их 24%, в Мауэрне — 22% [24], тогда как в Эрингсдорфе и других более ранних стоянках этой поры они единичны [25].

Листовидные острия Ильской стоянки малочисленны и обработаны в типично мустьерской технике. Они достаточно примитивны и не дают твердо установившейся формы, что, вероятно, свидетельствует о невыработанности этого типа орудий (например, листовидные острия пещер Южной Германии имеют, как правило, одну и ту же форму) [26].

Высокий процент пластин в нижнем слое Ильской стоянки объясняется тем, что среди них много удлиненных сколов. Пластиной принято считать всякий скол, длина которого более чем в два раза превосходит ширину. Возможно, что высокий процент пластин Ильской стоянки зависит от исходного материала. Ясно, что наиболее удачные сколы могли быть получены только по длинной оси удлиненной гальки-нуклеуса.

Таким образом, выделение двух разновременных комплексов подтвердило датировку С. Н. Замятниным нижнего слоя, и только инвентарь верхнего культурного слоя может быть датирован поздним мустье.

---

[20] Н. А. Береговая. Ук. соч., стр. 33. А. А. Формозов. Ук. соч., стр. 107 сл.

[21] Об этом см. Н. К. Анисюткин. О датировке грота Шайтан-Коба. Тр. VIII Всесоюзной студенческой конференции, «Археологический сборник», Л., 1964.

[22] G. Behm-Blancke. Altsteinzeitliche Rastplatze im Travertingebiet von Taubach, Weimar, Ehringsdorf, Alt-Thuringen, IV, 1959—1960. Weimar, 1960, стр. 196, 197.

[23] A. Bohmers. Die Höhlen von Mauern. «Palaeohistoria», I, 1951, стр. 74.

[24] G. Freund. Ein neuer Hohlenfundplatz mit mittelpaläolithischen Blattspitzen aus Süddeutschland. «Arheološki vestnik. Acta archeologica», XIII—XIV. Ljubljana, 1962—1963, p. 82.

[25] G. Behm-Blancke. Ук. соч., стр. 194—196.

[26] Форма листа бука или ивы. Острий с закругленным основанием, столь типичных для венгерского селета, здесь почти нет совсем. A. Bohmers. Ук. соч., стр. 70, 71.

В заключение необходимо отметить, что выделение двух разновременных комплексов на Ильской мустьерской стоянке показало правоту полевых наблюдений В. А. Городцова[27]. Сейчас нельзя считать комплекс стоянки целиком единым. Как об этом свидетельствует процентное соотношение различных типов орудий (см. таблицу) и размещение находок по траншеям (рис. 2), перед нами два разновременных стойбища.

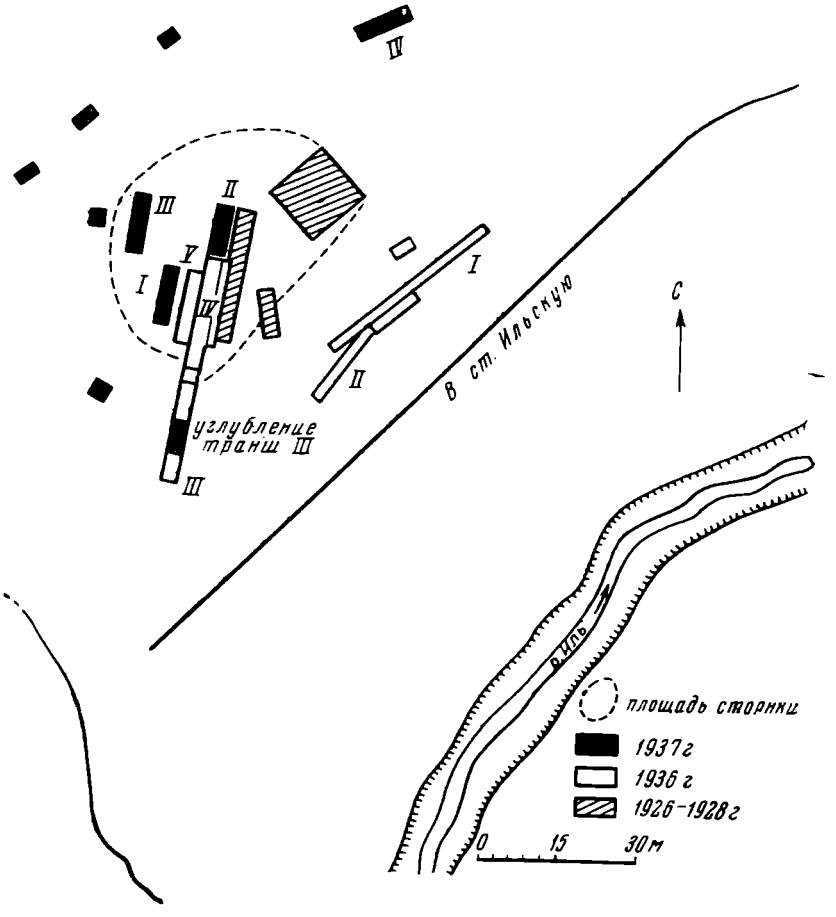


Рис. 2. План Ильской стоянки

Если оба комплекса генетически связаны, а правомерность этого мы доказывали выше, то между первым заселением стоянки и последующим должен был существовать значительный промежуток времени. Этот промежуток мог исчисляться тысячелетиями, о чем свидетельствуют значительные изменения в каменном инвентаре: если в нижнем слое многочисленны двусторонние формы, то в верхнем их почти нет, в нижнем слое листовидные острия грубее, массивнее и в поперечном сечении односторонне выпуклы. Листовидные острия верхнего слоя имеют двояковыпуклые линзовидные сечения, в этом же слое орудия позднепалеолитического типа не только более многочисленны, но и более совершенны, так как здесь имеются очень развитые скребки на отщепах (рис. 1, *5*), которых нет в нижнем слое. Да и сами орудия мустьерского типа (верхнего слоя) изготовлены на более совершенных и тонких заготовках, чем подобные им предметы нижнего слоя.

[27] Летом 1964 г. на Ильской стоянке раскопки были возобновлены Н. Д. Прасловым, которому удалось обнаружить два разновременных комплекса, целиком подтвердившие наши наблюдения.

Учитывая эти обстоятельства [28] и различия стратиграфические, мы можем видеть здесь постепенную трансформацию более примитивного мустьерского инвентаря нижнего слоя в более совершенный верхнего слоя. Правда, несмотря на то, что В. А. Городцов датировал все слои стоянки поздним палеолитом, инвентарь даже верхнего слоя еще очень примитивен: почти полностью отсутствуют резцы, скребки, за иключением единичных экземпляров, также очень грубы, проколки же, встреченные здесь, обычные для мустье. Целиком мустьерская и техника расщепления камня.

Дальнейшее исследование Ильской стоянки даст много интересного, оно позволит более полно представить эволюцию листовидных острий и всего каменного инвентаря, позволит выявить некоторые стороны быта мустьерского общества, которое после открытия мустьерских жилищ на Среднем Приднестровье предстает перед нами в новом свете [29].

---

[28] Не следует забывать, что для эпохи мустье характерно очень медленное развитие.

[29] А. П. Ч е р н ы ш. К вопросу о мустьерских жилищах. КСИА, 10, 1960, стр. 3—10.

П. П. ЕФИМЕНКО, П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

ЯНДАШЕВСКАЯ СТОЯНКА

В 1926—1927 гг., во время работ Средневолжской археологической экспедиции, были произведены обследования поречья р. Цивиль в Чувашской АССР. По берегам этой реки — правого волжского притока — обнаружены многочисленные археологические памятники, относящиеся к различным периодам. Наиболее древним среди них оказалась стоянка каменного века около с. Яндашева, на левой берегу реки, недалеко от ее устья. На стоянке были произведены небольшие раскопки, давшие многочисленные находки.

В предварительном отчете о работах экспедиции, опубликованном в 1929 г., стоянка у с. Яндашева была охарактеризована как ранненеолитическая [1]. На это указывало наличие среди кремневого инвентаря стоянки большого числа ножевидных пластин и ряда орудий мезолитического облика, а также отсутствие керамики и шлифованных орудий, за исключением одного маловыразительного обломка небольшого клиновидного топорика (?) со следами подшлифовки.

Во время работ Средневолжской экспедиции в конце 20-х годов мезолит и ранний неолит центральных областей европейской части СССР оставались еще совсем не исследованными, и материалы Яндашевской стоянки не привлекли к себе должного внимания. В настоящее время положение заметно изменилось. Мезолитическая и ранненеолитическая культуры в Поволжье уже не составляют загадки. Она представлена материалами нескольких десятков поселений, начало изучению которых было положено в 30-х годах работами М. В. Воеводского. Мезолитические памятники обнаружены и в бассейне р. Камы. Они оказались очень похожими на поволжские. Большое внимание привлекает сейчас мысль о сложении неолитических культур в лесной и лесостепной полосе европейской части СССР на основе местного мезолита. В этой связи материалы Яндашевской стоянки представляют значительный интерес. Их особая ценность заключается в том, что в отличие от большинства памятников подобного типа (позднемезолитических), являющихся обычно дюнными стоянками, нередко с сомнительной стратиграфией, культурный слой Яндашевской стоянки, очень незначительный по мощности, лежит в плотном оподзоленном песке, никогда не подвергавшемся перевеванию. Стоянка является однослойным памятником, если не считать обнаруженного на ее площади разрушенного позднесредневекового погребения, вокруг которого в верхнем горизонте культурного слоя были найдены обломок железного ножа, медная бляшка и несколько кусочков керамики, такой же как обломки сосуда, стоявшего в головах погребения.

Вопрос о местной мезолитической основе неолитических культур лесной и лесостепной полосы ставился в последние годы неоднократно. А. Я. Брюсов высказался за то, что начало всех выделенных им окских

[1] П. П. Ефименко. Средне-Волжская экспедиция 1926—1927 гг. СГАИМК, II, 1929, стр. 160.

неолитических культур восходит к местному «докерамическому неолиту». Так А. Я. Брюсов называл волго-окский мезолит, который характеризуется орудиями, приготовленными преимущественно из ножевидных пластин[2]. Подобные же соображения были высказаны О. Н. Бадером и другими исследователями относительно неолитической культуры Прикамья и Приуралья[3]. В более широком плане вопрос о местной мезолитической основе восточноевропейского неолита рассмотрел А. А. Формозов[4]. Было прослежено возникновение ранненеолитических форм орудий в позднемезолитических комплексах Верхнего Поволжья[5]. Мы называем здесь лишь некоторые работы на данную тему. В 1964 г. в Ленинграде состоялось специальное совещание, посвященное проблемам мезолита. Вопрос о генетических связях неолитических культур лесной и лесостепной полосы европейской части СССР с местным мезолитом в докладах большинства участников совещания также был освещен в положительном смысле, хотя, конечно, лишь гипотетически[6].

Нельзя сказать, что материалы Яндашевской стоянки остались совсем не известными. Несколько лет назад на них обратил внимание А. Х. Халиков. В работе, посвященной археологии Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья, он охарактеризовал материалы Яндашевской стоянки как позднемезолитические, примыкающие к волго-окским, опубликовал рисунки нескольких орудий[7]. Однако характеристика яндашевских материалов, данная А. Х. Халиковым, далеко не полна и не вполне точна. Охарактеризованные им несколько орудий отнюдь не отражают всего богатого и разнообразного ассортимента многочисленных находок, сделанных при раскопках и хранящихся сейчас в Государственном Эрмитаже[8]. Коллекция эта была обработана в 1927—1929 гг. Н. Н. Чернягиным и Е. Ф. Лагодовской. Их материалы и полевая документация хранятся в архиве Ленинградского отделения Института археологии АН СССР[9]. Это обстоятельство позволило нам дать всестороннюю характеристику публикуемого ниже материала и условий его залегания.

Место, где находится Яндашевская стоянка, представляет собой оконечность широкого выступа невысокой надпойменной террасы левого берега р. Цивиль. Современное русло реки вплотную подходит к концу выступа и размывает его, обнажая культурный слой. Высота террасы над летним уровнем реки достигает 10—11, а над поймой — 4—5 *м*. Размеры стоянки невелики: ее протяженность вдоль берега и в глубину его не превышает 50—60 *м* (рис. 1). Возможно, что какая-то часть площади стоянки разрушена рекой. Но она не могла быть особенно большой, так как ширина поймы на противоположном, правом берегу реки очень незначительна. Почти к самой реке здесь подходит изрезанная оврагами высокая коренная терраса, и следовательно, русло реки не могло в этом месте значительно передвинуться.

До 30-х годов через стоянку проходила дорога, идущая из с. Яндашева в Мариинский Посад. В нескольких десятках метров от стоянки, ниже ее, находился перевоз через р. Цивиль. Позднее несколько выше этого места через р. Цивиль был сооружен мост. Большое старинное с. Яндаше-

---

[2] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 51—53, 58, 69. 72, 85, 87 и др.

[3] О. Н. Бадер. Древнейшая история Прикамья. М., 1963, стр. 21.

[4] А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории СССР в каменном веке. М., 1959, стр. 94—107.

[5] П. Н. Третьяков. Позднемезолитические местонахождения Костромского и Ярославского Поволжья. МИА, 110, 1963, стр. 9—24; Л. В. Кольцов. Некоторые итоги изучения мезолита Волго-Окского междуречья. СА, 1965, 4, стр. 17—26.

[6] Сб. «У истоков древних культур», МИА, 126, 1966.

[7] А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Тр. МАЭ, I, Йошкар-Ола, 1960, стр. 21.

[8] Отдел истории первобытной культуры. Коллекция № 1137.

[9] Архив ЛОИА, В/406 и В/409.

во (на старых картах — Никольское) находится в глубине левого берега р. Цивиль, в 2 *км* от стоянки в западном направлении. От реки село отделено широкой полосой пашни. Остается еще добавить, что место стоянки находится в 6—7 *км* от впадения р. Цивиль в Волгу.

Впервые стоянка была обнаружена в 1926 г. В. Ф. Смолиным, собравшим на обрыве несколько кремневых орудий и ножевидных пластин.

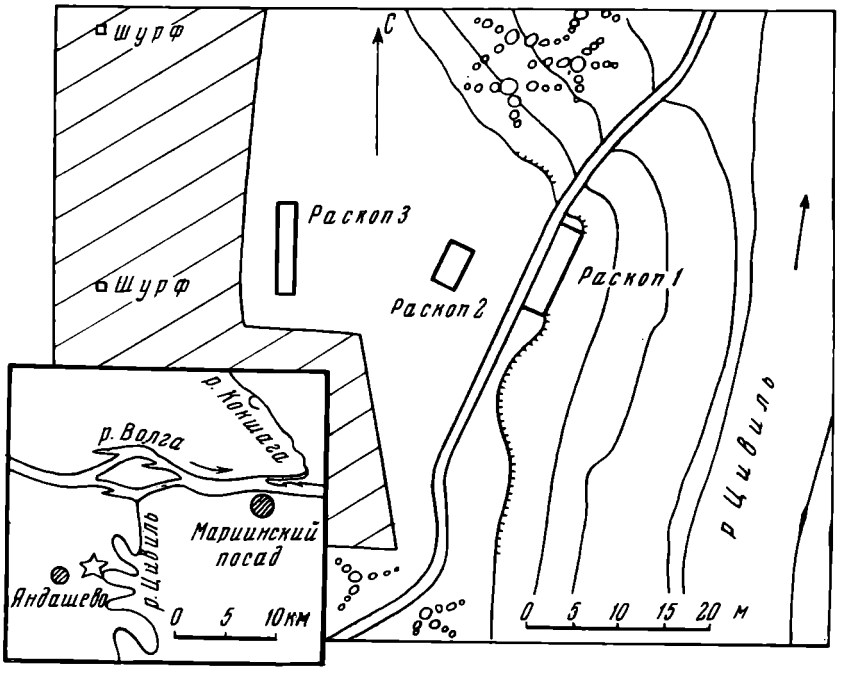


Рис. 1. Яндашевская стоянка. План

В следующем 1927 г. на стоянке было заложено несколько небольших раскопов с целью изучения ее стратиграфии, выявления площади распространения культурных остатков и определения их состава и характера. Первый, самый большой раскоп, площадью несколько более 30 $м^2$, располагался непосредственно у края террасы, над обрывом. Два другие — в глубине берега (рис. 1). Их размеры — 15 и 20 $м^2$. Еще дальше от края террасы, в 45 *м* от берега, на пахотном поле, было заложено два шурфа. Один из них совсем не дал культурных остатков, в другом обнаружились признаки культурного слоя. Можно думать, что наши шурфы попали на край площади стоянки.

Во всех раскопах стратиграфическая картина оказалась одинаковой, что обусловлено горизонтальной поверхностью местности. До глубины 0,15—0,20 *м* сверху лежит гумусный почвенный слой, песчаный мелкозернистый. Ниже, до глубины 0,30—0,35 *м*, залегает также темный и песчаный, но сравнительно крупнозернистый и «ореховатый» слой со следами оподзоливания. Его подстилает суглинок, сверху темно-бурый, ниже желтый. Главный горизонт находок находится на глубине 0,20—0,30 *м*, в темном крупнозернистом песке, который и следует считать культурным слоем. Но отдельные кремни встречались и в верхнем почвенном слое, в его нижних горизонтах. Несколько кремней найдено в верхней части слоя глины, куда они попали, как и в верхний слой, вероятно, в результате деятельности грызунов, следы нор которых имеются в пределах стоянки. Данная стратиграфия не дает каких-либо указаний по поводу возраста культурного слоя. Почвенный горизонт, перекрывающий слой с находками кремневых изделий, образовался, скорее всего, за последние столетия, после того как соседние участки стали распахиваться. При этом надо иметь в виду, что совсем недалеко от стоянки в направлении с. Ян-

дашева местность начинает полого повышаться. Весенние и дождевые воды приносили на место стоянки тот материал, из которого сложился верхний почвенный слой.

Кремневые изделия и отщепы были рассеяны в культурном слое в пределах площади раскопов более или менее равномерно, обычно от 50 до 100 на каждом квадратном метре. Каких-либо явных скоплений находок отмечено не было. Не обнаружено также никаких остатков древних сооружений: жилищ, очагов, ям и др. Кремневые изделия являются единственным материалом, полученным в результате раскопок. Их состав и характер, однако, очень интересны. Яндашевская стоянка — это поселение, относящееся к рубежу, отделяющему мезолит от неолита. Наряду с призматическими нуклеусами, массой ножевидных пластин, изготовленных из них орудий, здесь представлены в большом числе орудия неолитического облика, сделанные из отщепов. Но ассортимент их сравнительно невелик, формы однообразны. Главным образом это скребки. В коллекции имеется несколько резцов мезолитического и ранненеолитического типа. Вместе с тем здесь совершенно отсутствуют обычные для неолита наконечники стрел и копий. Общее число находок, сделанных на Яндашевской стоянке, как уже указано, очень большое. Коллекция каменных изделий состоит из 472 орудий, их обломков, нуклеусов, краевых сколов, ножевидных пластин со следами ретуши, более чем из 500 ножевидных пластин без ретуши и их обломков и из нескольких тысяч отщепов, которые можно охарактеризовать как отбросы. Около половины всех орудий сделано из ножевидных пластин, что придает коллекции мезолитический облик. Среди частей пластин большой процент составляют ровные прямоугольные обломки, скорее всего изготовленные специально для наборных лезвий вкладышевых орудий. Отщепы — большие и малые — имеют обычный неолитический характер. На месте стоянки и в ее окрестностях местонахождений кремня не было. Он приносился, вероятно, откуда-то с берегов Волги. Кремень должен быть охарактеризован как пестрый. Имеется несколько орудий, сделанных из темного мелового кремня.

Нуклеусов и их обломков найдено на стоянке более 40. Все они сильно сработаны, выброшены за ненадобностью. Лишь один нуклеус — «молодой», только лишь поступивший в работу; диаметр его площадки 6—7, высота 5,5 *см*. От него отделялись ножевидные пластины шириной до 1,5 *см* (рис. 2, *1*). Высота сработанных нуклеусов составляет 2,5—4 и диаметр — от 1 до 2—2,5 *см*. Многие из них имеют ровные параллельные фасетки. В целом характер нуклеусов мезолитический (рис. 2, *2—4*). То же самое следует сказать о ножевидных пластинах. Их средние размеры соответствуют величине нуклеусов. Цельные пластинки имеют в длину от 2—3 до 5—6 *см*, а в ширину 0,5—1,5 *см* (рис. 2, *5*, *6*). Пластинки больших размеров составляют исключение. Имеется большое число маленьких, тонких и узких пластинок (рис. 2, *9—10*). Многие из пластинок служили вкладышами в костяные или роговые орудия. Для этого у них отламывались верхняя часть с ударным бугорком и противоположный конец, в результате чего пластинка приобретала форму прямоугольника (рис. 2, *7*, *8*). Свыше 40 пластинок имеют с одной стороны ретушь, большей частью — притупляющую, уравнивавшую пластинки по ширине при наборе кремневых лезвий вкладышевых орудий (рис. 2, *11—12*, *14—17*).

Орудия, сделанные из ножевидных пластинок,— это прежде всего концевые скребки, наконечники стрел и различные острия. Несколько сломанных пластинок имеют на углах сколы и, возможно, были угловыми резцами. Имеются, наконец, несколько обработанных пластинок, назначение которых мы затрудняемся определить.

Скребков на пластинках найдено десять. Три из них могут быть названы концевыми: они изготовлены из удлиненных массивных пластин. Их лезвие полукруглое. Длина орудий около 4, ширина — 2—2,5 *см* (рис. 2, *18—20*). Один концевой скребочек изготовлен из маленькой пластинки

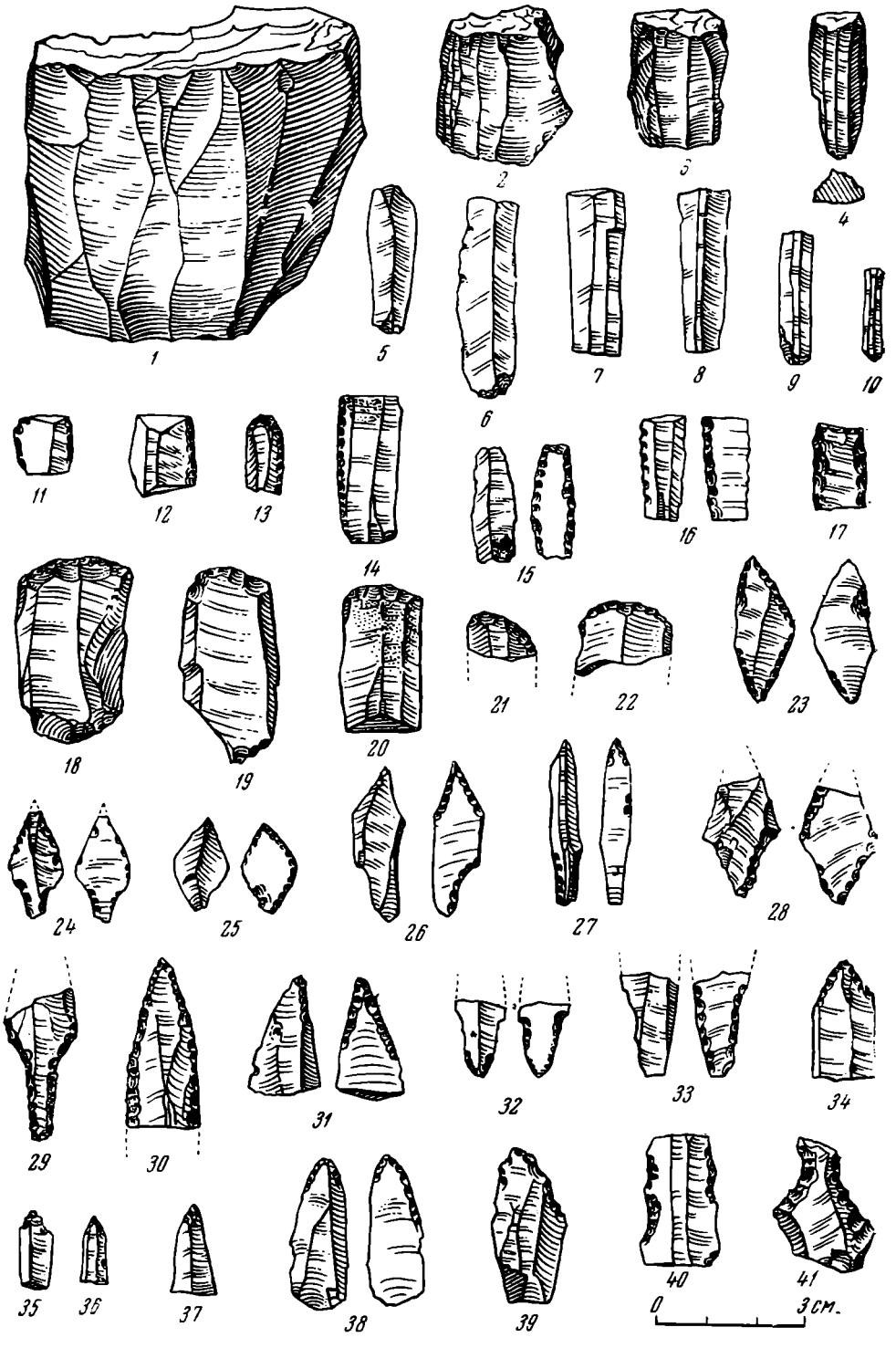


Рис. 2. Кремневый инвентарь Яндашевской стоянки

(рис. 2, *13*). Остальные — из коротких обломков ножевидных пластин. Но возможно, что это сломанные орудия (рис. 2, *21—22*).

Наконечники стрел, найденные на стоянке главным образом в обломках, отличаются разнообразием форм и размеров. Один наконечник с симметричным черешком сделан из узкой ножевидной пластинки длиной 3,5 *см*, другой — из короткой, но относительно широкой (длиной 2,3, шириной 1,2 *см*), третий, длиной 3,3 *см*, имеет асимметричный черешок (рис. 2, *24—27*). Имеются обломки и более крупных наконечников, сде-

ланных из ножевидных пластин. Их длина составляла, по-видимому, 5—6 *см*. В коллекции имеются обломок острия такого наконечника и симметричные тыльные части трех наконечников (рис. 2, *28—33*). Кремневое орудие, изображенное на рис. 2, *23*, представляло собой либо наконечник, либо вкладыш. Это единственное в нашей коллекции кремневое изделие, которое можно отнести к геометрическим формам. Найдено до десяти обломков острий из ножевидных пластин, которые являются или остриями наконечников стрел, или проколками (рис. 2, *34—37*).

Некоторые из других орудий, сделанных из ножевидных пластинок, цельные и найденные в обломках, изображены на рис. 2, *38—41*. Это острия и скребки с вогнутым лезвием. Возможно, что орудие, изображенное на рис. 2, *41*, следует отнести к «фигурным кремням». Имеется несколько ножевидных пластин с резцовыми сколами (рис. 3, *1*, *2*, *4*, *5*, *10*).

Если бы коллекция состояла лишь из охарактеризованных выше изделий, ее возраст не вызывал бы никаких сомнений. Здесь представлены кремневые изделия, характерные для волгоокского и камского мезолита. Подобный же ассортимент изделий характерен для таких стоянок, как Елин Бор на р. Оке около г. Мурома, Соболево и Скнятино на Верхней Волге и многих других [10]. На всех этих стоянках, кроме орудий, сделанных из ножевидных пластин, имеются кремневые изделия и другого облика: скребки и резцы на отщепах, массивные острия, грубые орудия с двусторонней отёской, свидетельствующие о позднемезолитическом возрасте этих поселений. Но в Елином Бору, на Соболевской, Скнятинской и других волго-окских стоянках такие изделия составляют лишь незначительный процент находок. На Яндашевской стоянке, напротив, они найдены в большем числе. Более половины от общего числа орудий составляют здесь изделия, изготовленные из отщепов. Это многочисленные скребки, различные острия, резцы и обломки отдельных грубых орудий с двусторонней отёской.

Больше всего найдено скребков, сделанных из небольших округлых отщепов кремня. В нашей коллекции их около 40. Их диаметр колеблется в пределах от 1 до 3,5 *см*, причем маленькие численно преобладают. Их рабочий край обычно полукруглый; он составляет третью часть или половину окружности; ретушь — крутая (рис. 4, *1—10*). Несколько скребков из этой серии со стороны, противоположной рабочему краю, имеют заостренный угол (рис. 4, *5—6*). Скребки на округлых отщепах малохарактерны. Их можно встретить на поселениях различного возраста. Но в данном случае они представлены большой серией и имеют преимущественно маленькие размеры. То и другое свойственно раннему времени, близкому к мезолиту. До десятка скребков могут быть названы концевыми: они изготовлены из продолговатых отщепов (рис. 4, *7*, *10*). Особо должна быть отмечена серия массивных скребков, сделанных из расколотых пополам кремневых желваков или кусков кремня. Их рабочий край сформован крутыми сколами и ретушью (рис. 4, *11*, *12*, *14*). Особенно характерен первый из приведенных здесь массивных скребков. Его длина — 4,5, ширина рабочей части — 2,5, толщина — около 2,5 *см*; форма трапециевидная. Такие скребки обычны для неолитических памятников лесной полосы. Близкие аналогии можно указать в Балахнинской стоянке, на Борани, в Льялове, на стоянках Подесенья и Посожья и во многих других пунктах [11]. Обычно эти орудия рассматривают как деревообрабатывающие. Но

[10] М. В. Воеводский и П. И. Борисковский. Стоянка Елин Бор. СА, III, 1937; О. Н. Бадер и М. В. Воеводский. Работы на строительстве Ярославской гидроэлектростанции. Участок Скнятино — Молога. ИГАИМК, 109, 1935, стр. 146—149; П. Н. Третьяков. Эпипалеолитические поселения Скнятинских дюн. МИА, 13. 1950.

[11] А. А. Спицын и В. И. Каменский. Стоянка каменного века близ г. Балахны. ЗОРСА, VII, 1, 1905, табл. XVII, 2, 4; Н. Н. Гурина. Неолитическое поселение Борань. МИА, 79, 1960, рис. 28, *2*, *4*, *6*, *9*, *12* и др.; рис. 29, *13*; Б. С. Жуков. Неолитическая стоянка близ с. Льялова. Тр. Антропологического института, 1, приложение к РАЖ, XIV, 1—2, М., 1925, рис. 10, *4*.

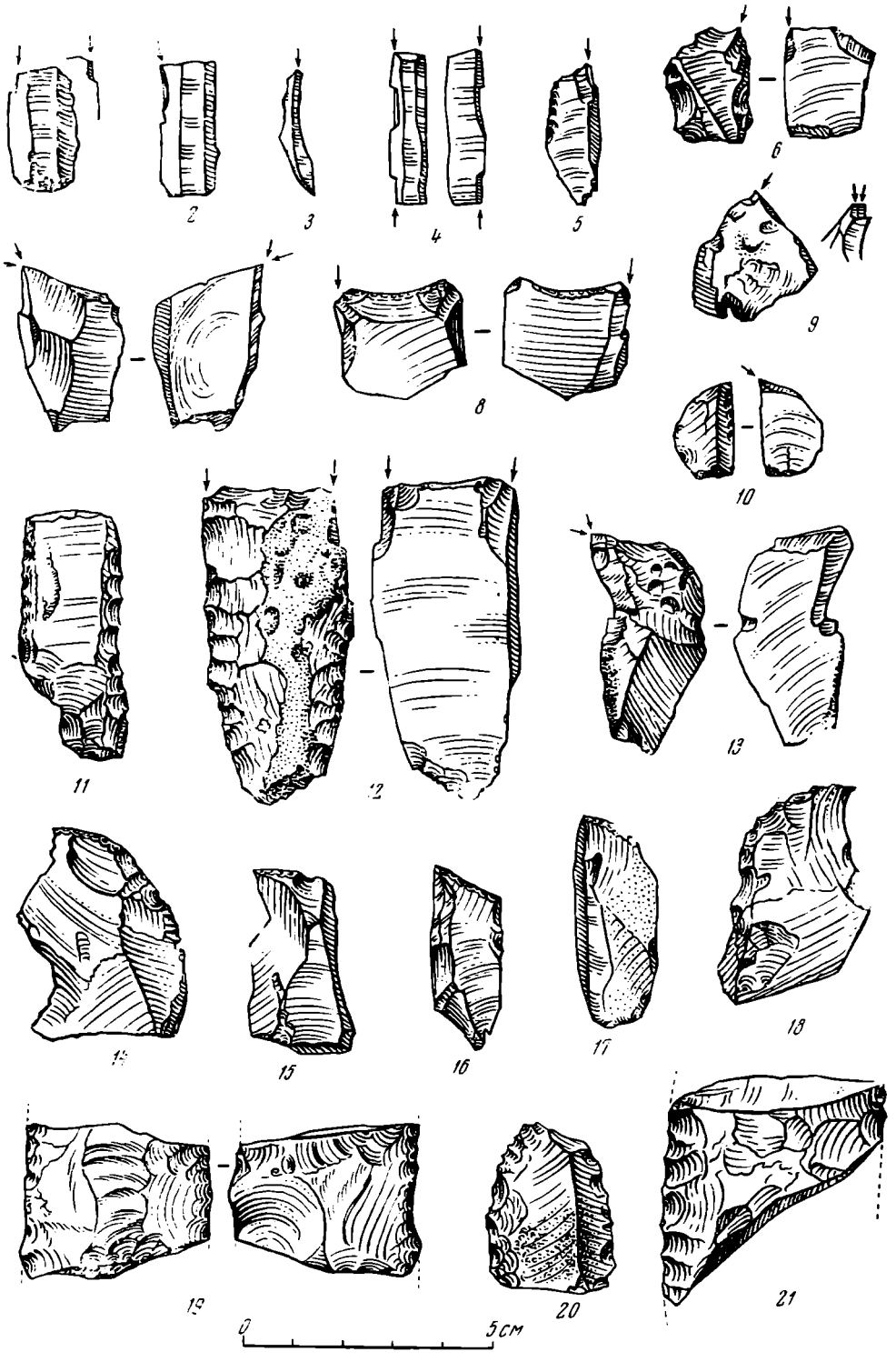


Рис. 3. Кремневый инвентарь Яндашевской стоянки

неолитические скребки, как правило, отличаются от яндашевских значительно лучшей выделкой. Рабочий край у них прямой или полукруглый. Наши скребки очень грубы; их рабочий край неровен.

Резцы, изготовленные из массивных отщепов, можно разделить на две группы. Первую составляют угловые резцы с затупленным ретушью концом и резцовыми сколами по углам. Таких резцов найдено два (рис. 3, *8*, *12*). Второй из них представляет собой прекрасное орудие из массивной

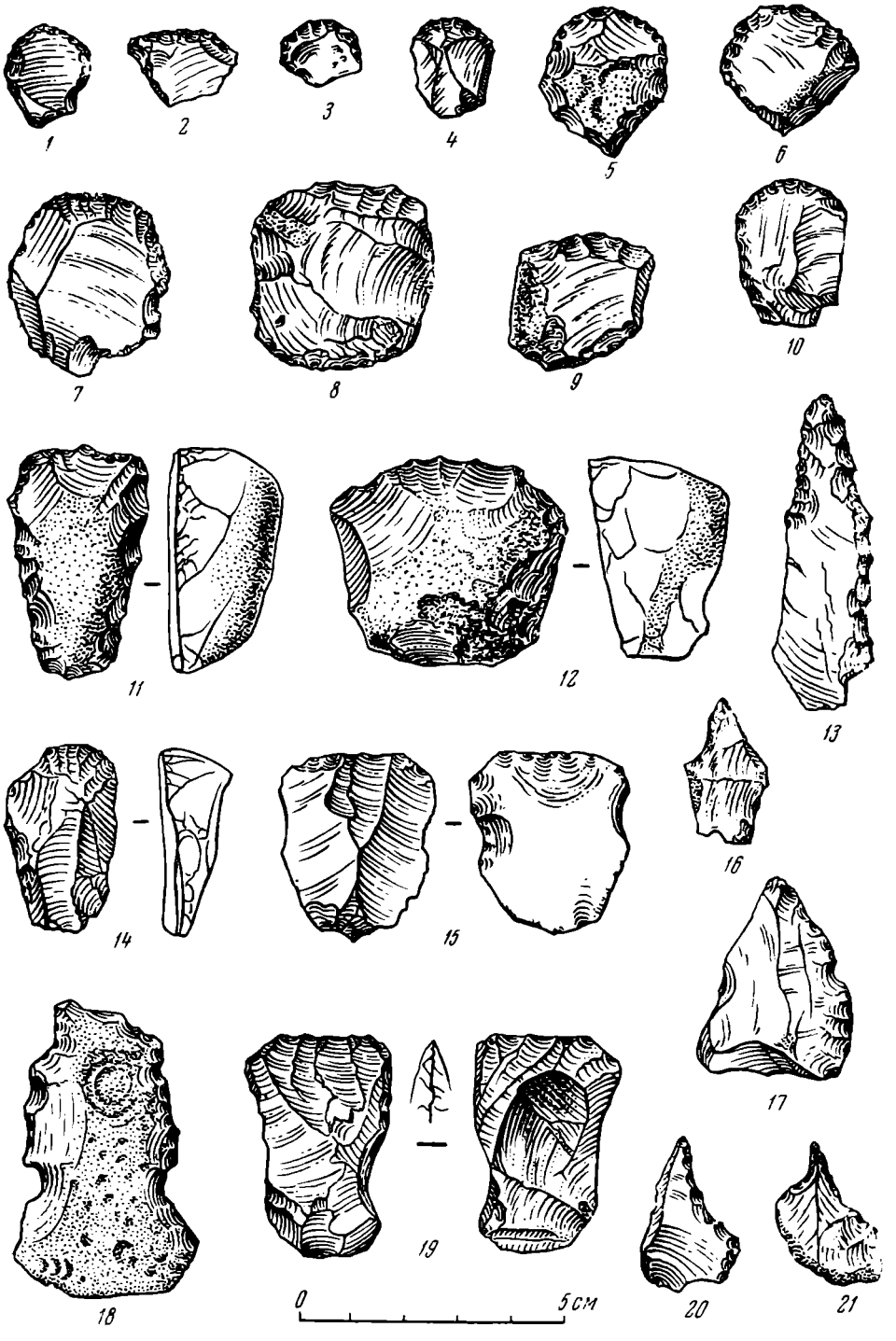


Рис. 4. Кремневый инвентарь Яндашевской стоянки

пластины кремня, обработанной со всех сторон. Орудие, изображенное на рис. 3, *11*, является, возможно, заготовкой для такого же резца. Другой резец сделан из короткого отщепа. Такие резцы нам известны на мезолитических стоянках Посожья, на Бологовской стоянке (нижний слой) и в других местах [12]. Большим числом экземпляров представлены резцы,

[12] К. М. Палікарповіч. Дагістарычный стаянкі Сярэдняга Сажа. Працы, II, Менск, 1930, табл. 7, *21*; табл. 25, *23* и др.; К. М. Поликарпович. Стоянки Среднего Посожья. Материалы по археологии БССР. I, Минск, 1957, стр. 62, рис. 3; стр. 69; рис. 22, 23; стр. 90, рис. 51 и др.; П. Н. Третьяков. К вопросу об эпипалеолитических памятниках Верхнего Поволжья. СА, V, 1940, стр. 104—105, рис. 3, *9—10*.

рабочая часть которых образована двумя сколами (рис. 3, *6*, *7*, *9*, *13*). Эта форма характерна для ранненеолитических поселений лесной полосы европейской части СССР. Несколько таких резцов происходит из Льяловской стоянки; их большая серия обнаружена в Долговской стоянке [13]. Встречаются такие резцы и на мезолитических стоянках на Десне, на Соже, в Прикамье и в других местах [14]. В мезолите они изготовлялись обычно не на отщепах, а на массивных пластинках, сохраняя облик верхнепалеолитических срединных резцов.

О том, что резцы были значительно распространены на Яндашевской стоянке, свидетельствуют краевые отщепы, найденные в числе 7 экз. (рис. 3, *3*).

Функционально близки к резцам косые острия, найденные на Яндашевской стоянке в 10 экз. Они изготовлены на массивных удлиненных отщепах (или широких пластинах) с острым краем, которому ретушью придавалась форма изогнутого клюва (рис. 3, *14—18*). В коллекции имеется несколько проколок или острий обычного неолитического облика (рис. 4, *16*, *17*, *20*, *21*). На рис. 4, *18* изображен массивный отщеп, служивший, вероятно, скребком для изготовления древков для стрел.

Последней группой изделий из кремня, представленных на Яндашевской стоянке, являются орудия с двусторонней отеской ранненеолитического облика. Их найдено лишь несколько. Во-первых, сюда относится массивное острие, обработанное грубыми сколами, изображенное на рис. 4, *13*. Его длина 6,5 *см*. Далее имеются обломки (средние части) двух более крупных орудий, по-видимому, топоровидных, ширина которых достигала 3,7 и 5,5 *см* (рис. *3*, *19*, *21*). Обломок средней части одного такого небольшого орудия имеет, как указано выше, следы подшлифовки на одной из сторон. У двух других небольших орудий, также, вероятно, топоровидных или долотовидных, лезвие было образовано двусторонними сколами, наподобие того, как изготовлялись верхнепалеолитические «pièces ecaillées» (рис. 4, *15*, *19*). Ширина рабочих частей этих орудий составляет 3 *см*, длина орудий 3,7 и 4,3 *см*.

В настоящее время было бы затруднительно назвать в пределах лесной полосы Восточной Европы памятник каменного века, аналогичный по времени Яндашевской стоянке, имеющий такой же состав кремневого инвентаря. Судя по краткой публикации А. Х. Халикова, в Среднем Поволжье вслед за Яндашевской стоянкой должны быть поставлены такие памятники докерамического неолита, как Вторая Русско-Луговская стоянка (верхний слой) и стоянка у устья р. Черная Маза. Состав находок, сделанных на этих стоянках, близок яндашевскому, но содержит уже совсем мало мезолитических элементов [15]. Материалы Яндашевской стоянки содержат немало общих черт со стоянками Посожья, среди которых имеются как мезолитические, так и ранненеолитические. Но находки из Посожья, известные главным образом по работам К. М. Поликарповича, представлены почти исключительно подъемным материалом; за некоторым исключением там нет бесспорных комплексов. То же самое можно сказать о большинстве позднемезолитических стоянок Верхнего Поволжья, на которых, кроме орудий из ножевидных пластин, находили и отдельные «макролиты». Много общего, как уже отмечалось выше, имеют кремневые изделия Янда-

---

[13] Б. С. Жуков. Ук. соч., рис. 9, *4—6*; его же. К вопросу о стратиграфии и культуре неолитической стоянки близ с. Льялова. РАЖ, 1927, 16. 1—2, рис. 8, *3—4*; В. П. Левенок. Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону. МИА, 131, 1965, стр. 234, 235.

[14] В. П. Левенок. Работы Деснинского отряда 1956 г. КСИИМК, 74, 1959, стр. 28, рис. 10, *31*; К. М. Паліkарповіч. Ук. соч., табл. 7, *10*; табл. 25, *24* и др.; О. Н. Бадер. Мезолит лесного Приуралья и некоторые общие вопросы изучения мезолита. МИА, 126, 1966, рис. 1, *10*.

[15] А. Х. Халиков. Ук. соч., стр. 22—24.

шевской стоянки с инвентарем наиболее древних среднерусских неолитических стоянок с керамикой таких, как Льяловская, Долговская и особенно Сущевская. В информации В. М. Раушенбах, посвященной Сущевской стоянке, опубликованы далеко не все сделанные там находки. Кроме орудий мезолитического облика, там найдены орудия неолитического типа: массивные скребки и грубые орудия с двусторонней отеской, а также (опубликованный) молот или овальная булава с выдолбленным отверстием (или сделанным коническим сверлом). В отношении синхронности находок из Сущева у нас имеется некоторое сомнение. Оно отпадет лишь тогда, когда будут найдены другие памятники с таким же составом находок. Однако, может быть, эти сомнения и напрасны. Ассортимент сущевских орудий вполне закономерен. Если исходить из морфологии и состава инвентаря, то Сущевская стоянка по времени должна занять место, последующее за Яндашевской и Второй Русско-Луговской стоянками, стоящими на рубеже мезолита и неолита. Следующую ступень за Сущевской стоянкой должна занять Льяловская стоянка, в инвентаре которой мезолитические черты уже отсутствуют, хотя, насколько нам известно, там имеется две-три ножевидные пластинки.

Мы рассматриваем Яндашевскую стоянку в сравнении преимущественно с волго-окскими материалами потому, что ее инвентарь мезолитического облика в основных чертах с ними совпадает. Камские материалы отличаются от волго-окских отсутствием таких характерных изделий, как черешковые наконечники стрел, изготовленные из ножевидных пластин [16]. Впрочем, на р. Белой черешковые наконечники уже найдены [17]. И, возможно, те признаки, по которым в настоящее время различаются волго-окские и еще крайне незначительные камские мезолитические древности, не являются вполне объективными.

---

[16] О. Н. Бадер. Древнейшая история Прикамья, стр. 15.

[17] Г. Н. Матюшин. К изучению мезолита и неолита в Башкирии. АЭБ, II, 1964, стр. 35.

М. П. ЗИМИНА

СТОЯНКИ ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА И БРОНЗЫ В НОВГОРОДСКОЙ И КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТЯХ

Территория восточной части Новгородской и западной части Калининской области — бассейн р. Мсты и Валдайское приозерье — издавна привлекала к себе внимание исследователей. Н. К. Рерих [1], в 1901—1905 гг. производивший сборы и раскопки курганов и неолитических стоянок по берегам озер Шерегодро, Люто, Пирос и др., отметил своеобразие каменного инвентаря валдайских стоянок. В 1911 г. П. П. Ефименко [2] обследовал озера Валдай, Бологое, Кафтино, Тубос, Лабынец. Собранные материалы он отнес к раннему неолиту, обратил особое внимание на крупные рубящие орудия и сопоставил их с орудиями «пик» в Северной Германии и Скандинавии.

Л. Я. Крижевская [3], копавшая стоянку Прикол на оз. Пирос, также отмечает своеобразие каменного инвентаря и приемов орнаментации посуды этой группы поселений.

В 1940—1956 гг. Н. В. Гурина [4] производила разведки и раскопки по среднему течению р. Мсты и ее притокам Увери, Съежи, озерам Болонье, Шабодро, Тимоново, Пирос, Валдай, р. Валдайке. Большой вклад в изучение археологических памятников Новгородской области внесли краеведы В. В. Гарновский, Г. И. Ивановский, М. М. Аксенов, С. Н. Поршняков.

Край этот, несмотря на значительный интерес, проявленный к нему многими исследователями, в археологическом отношении еще мало изучен. По-видимому, именно этим следует объяснить отсутствие здесь мезолитических и ранненеолитических памятников. Известные поселения относятся к эпохе развитого неолита и раннего металла. Материалы представлены в основном сборами, лишь на некоторых стоянках производились небольшие раскопки, результаты их недостаточно опубликованы.

Боровичский отряд Новгородской и Бологовский отряд Верхне-Волжской экспедиций под руководством автора этой статьи продолжили изучение памятников эпохи неолита и бронзы в этих местах. С 1963 по 1966 г. по берегам рек Мста, Уверь, Съежа, Валдайка, озер Пирос, Хвошня, Шерегодро, Люто, Кафтино и др. нами обследовано более 50 стоянок (рис. 1). К сожалению, некоторые из них разрушены и могут быть раскопаны лишь частично.

[1] Н. К. Рерих. Каменный век на озере Пирос. ЗОРСА, VII, 1. СПб., 1905; его же. Некоторые древности пятин Деревской и Бежицкой. ЗОРСА, V, 1, СПб., 1903; его же. Некоторые древности Шелонской пятины и Бежицкого конца. ЗРАО, XI, 1 и 2, нов. сер., 1899.

[2] П. П. Ефименко. Некоторые находки каменных орудий в Тверской и Новгородской губ. и их место в системе европейской палеоэтнологии. РАЖ, 1 и 2. М., 1916.

[3] Л. Я. Крижевская. Неолитическая стоянка «Прикол» на озере Пирос. КСИИМК, 75. 1959.

[4] Н. Н. Гурина. Результаты археологического обследования среднего течения реки Мсты. СА, XIII, 1950; ее же. Валдайская неолитическая культура. СА, 1958, 3; ее же. Неолитическая стоянка Щепочник (к вопросу о происхождении валдайской культуры). КСИА АН СССР, 82, 1961.

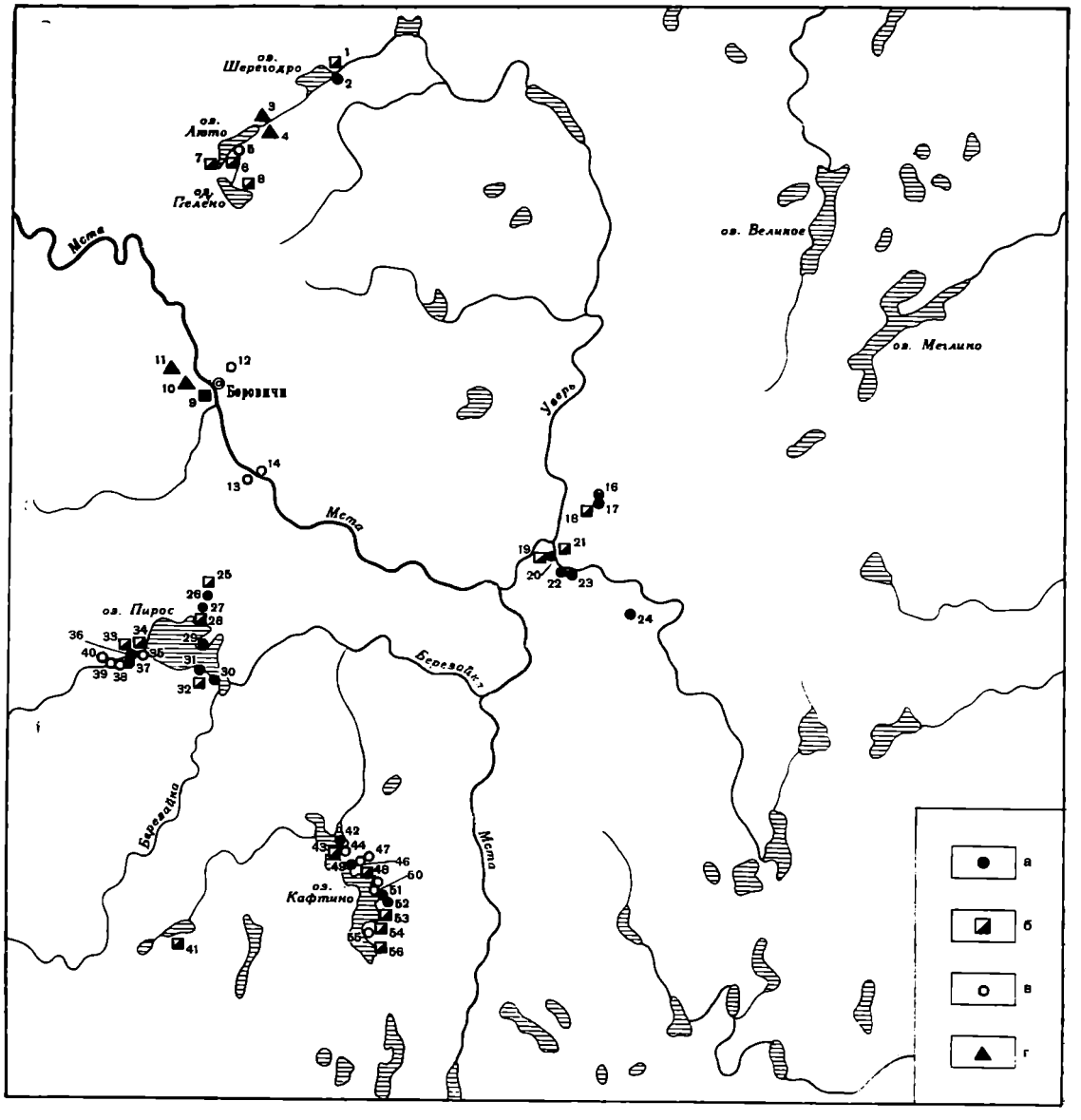


Рис. 1

1 — Кончанское I; *2* — Кончанское II; *3* — Девярек; *4* — Длинный холм; *5* — Березовский рядок; *6* — Размытый полуостров; *7* — Южная пристань; *8* — Белавинская; *9* — Катино I; *10* — Сомино I; *11* — Крюково I; *12* — Быстрицкая; *13* — Ануфриевская; *14* — Егольская; *15* — Лимандровская; *16* — Владыкинская; *17* — Ржище; *18* — Юдиха; *19* — Болоньинская; *20* — Дубьевская; *21* — Репище; *22* — Паневская; *23* — Уверьско-Мстинская; *24* — Шабодро I; *25* — Островская пристань; *26* — Шадомицкая пристань; *27* — Сухоедовская пристань; *28* — Узмень; *29* — Прикол; *30* — Рютино; *31* — Велье I; *32* — Велье II; *33* — Усть-Валдайка I; *34* — Усть-Валдайка II; *35* — Усть-Валдайка III; *36* — Усть-Валдайка IV; *37* — Усть-Валдайка V; *38* — Усть-Валдайка VI; *39* — Усть-Валдайка VII; *40* — Усть-Валдайка VIII; *41* — Бологовская; *42* — Бычий мыс III; *43* — Бычий мыс II; *44* — Бычий мыс I; *45* — Черная речка IV; *46* — Черная речка II; *47* — Черная речка I; *48* — Песенка VII; *49* — Песенка VI; *50* — Песенка V; *51* — Песенка IV; *52* — Песенка III; *53* — Песенка II; *54* — Песенка I; *55* — Липна II; *56* — Липна I

а — стоянки с ямочно-гребенчатой керамикой, *б* — стоянки с ямочно-гребенчатой и волосовской керамикой; *в* — стоянки без керамики; *г* — стоянки с керамикой раннежелезного века

Большинство поселений группируется вокруг озер, соединенных друг с другом и с главной водной артерией этого края — р. Мстой. Основные группы находятся на озерах Пирос, Кафтино, Болонье, Шерегодро (рис. 1). В каждой такой группе имеется одно-два крупных поселения с культурным слоем мощностью 30—40 *см* (только на одной стоянке он достигает 70 *см*) и несколько мелких стоянок с тонким (10—15 *см*) и бедным культурным слоем.

Располагаются поселения по берегам зарастающих озер на высоте 1—2 *м* над уровнем воды или на останцах первой надпойменной террасы по берегам рек, на высоте 3—4 *м* над уровнем воды.

Обследованные памятники близки между собой по материалу и времени и относятся к одной культуре.

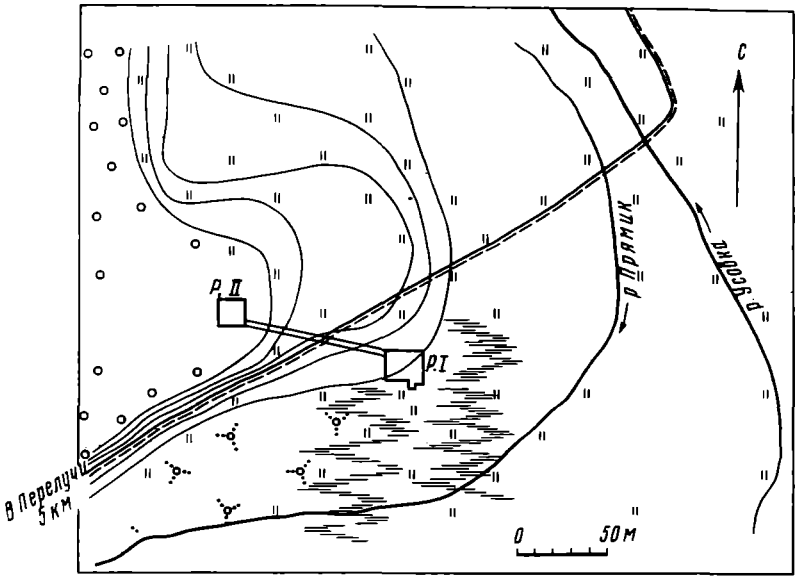


Рис. 2. План стоянки Репище

В настоящей статье мы публикуем материалы некоторых наиболее полно раскопанных нами стоянок: Репище, Усть-Валдайка I, Усть-Валдайка II.

Стоянка Репище[5] находится на берегу бывшего оз. Болонье, в 0,5 *км* от слияния р. Условки с р. Съежей в Боровичском районе Новгородской области (рис. 2).

Берег плавно понижается к востоку и на расстоянии 80 *м* переходит в пойму р. Съежи, по которой на расстоянии 110 *м* от древнего берега течет слегка заболоченный приток Прямик. Предполагаемая площадь стоянки, определенная по распространению находок на поверхности и шурфовкой,— 5000—6000 *м*^{2}. На территории стоянки заложено два раскопа (196 и 356 *м*^{2}, соединенных траншеей в 72 *м*). Перепад высоты между двумя раскопами 2,5 *м* (рис. 2).

Культурный слой плавно и непрерывно спускается по склону, мощность его в нижней части стоянки (раскоп I) — 0,6—0,8 *м*, в верхней части стоянки (раскоп II) — 0,3—0,4 *м*. Толщина слоя, так же как и характер напластований, изменяются постепенно от раскопа I к раскопу II.

В торфе находок нет, в болотной почве их мало. Основной горизонт находок — супесь, темно- и светло-серый песок. В шурфе находки содержатся лишь в слое песка под торфом.

Исходя из стратиграфических наблюдений, можно сделать предположение о том, что стоянка располагалась на древнем берегу речки или озера, граница поселения проходила южнее заложенного раскопа. Вследствие подъема уровня воды в эпоху повышенной влажности население было вынуждено поселиться несколько выше. Полученный в результате раскопок материал характеризует поселение в более поздний период его существования.

Насыщенность культурного слоя находками более или менее равномерна на каждом из раскопов, но их значительно больше в раскопе I.

[5] В 1963 г. раскопки на стоянке Репище производил А. Я. Брюсов.

Решище. Стратиграфия

Раскоп II

№	Слой	Мощность слоя, *м*	Примечание
1	Дерн	0,10	Находки содержатся в коричневато-сером песке. Большая часть их сосредоточена на глубине 0.20—0,40 *м*
2	Коричневато-серый песок, книзу переходящий в черный	0,25—0,40	
3	Желтый песок		

Раскоп I

№	Северная стенка		Южная стенка		Шурф в 10 *м* к югу от раскопа	
	слой	мощность слоя, *м*	слой	мощность слоя, *м*	слой	мощность слоя, *м*
1	Дерн	0,05	Дерн (кочки)	0,15—0,30	Дерн	0,10
2	Болотная почва	0,15—0,20	Болотная почва	0,10—0.20	Болотная почва	0,30
3	Плотная зеленовато-серая супесь	0,10—0,15	Торф	0,20—0,40	Торф	0,70
4	Темно-серый песок	0,40—0,60	Темно-серый песок	0,15—0,30		
5	Светло-серый песок	0,10—0,20	Светло-серый песок	0,10—0,20	Голубовато-серый песок	0,20
6	Белый озерный песок		Белый озерный песок		Белый озерный песок	

На некоторых квадратах отмечалась концентрация фрагментов керамики или кремневых орудий и отщепов. Иногда встречались развалы горшков. В раскопе I в центре траншеи прослежены остатки трех размытых очагов. Следов жилищ не обнаружено.

Вторая исследованная нами стоянка — Усть-Валдайка I — находится на левом берегу р. Валдайки, в 0,5 *км* от впадения ее в оз. Пирос (рис. 1). Расположена она на первой надпойменной террасе, на высоте 4 *м* над уровнем реки. Площадь стоянки равна 2500—3000 $м^2$. Значительная часть стоянки размыта рекой. Поверхность хранит следы частичной вспашки и многочисленных перекопов. Таким образом, целостность культурного слоя на значительной части стоянки нарушена. На территории стоянки вскрыто 500 $м^2$. Мощность культурного слоя невелика.

Усть-Валдайка I. Стратиграфия

№	Слой	Мощность слоя, *м*	Примечание
1	Дерн, темно-серый песок с корнями растений	0,15—0.20	В нижней части встречаются находки
2	Культурный слой — коричневато-серый песок, в углублениях и западинах переходящий в черный, на территории жилищ — красновато-коричневый, местами углисто-черный	0,20—0,45	На большей части раскопа толщина слоя 20—25 *см*, в жилищах она достигает 35—45 *см*
3	Светло-желтый песок		

Распределение находок по вертикали более или менее равномерно. Наибольшее количество находок — на территории жилищ, между ними находок мало. Мы можем с уверенностью говорить о трех жилищах, очертания

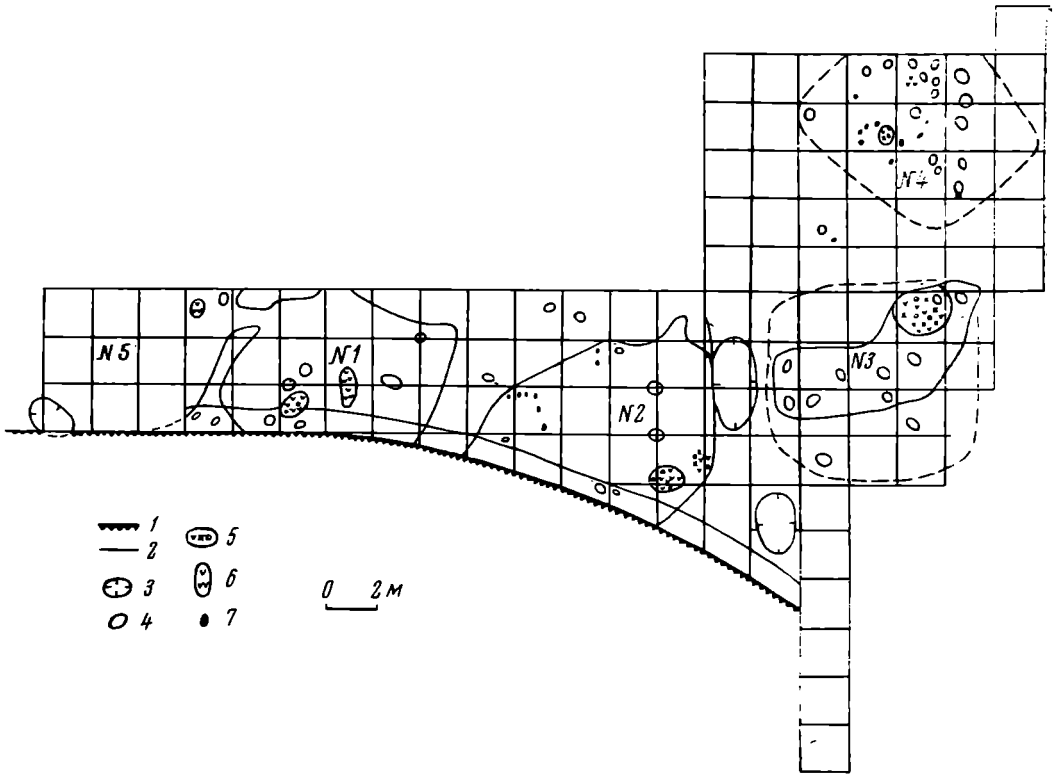


Рис. 3. План раскопа Усть-Валдайки I

1 — обрыв; *2* — жилища; *3* — яма; *4* — скопление керамики; *5* — кострище; *6* — углистые пятна; *7* — камни

которых, или часть их, нами прослежены (рис. 3). Наличие остальных жилищ может быть лишь предположено по концентрации находок, очертания их не выявлены из-за нарушенности культурного слоя.

Слегка углубленные в землю жилища имеют подчетырехугольную форму, два из них соединены переходом. Прослежен также переход между жилищами 1 и 5 (рис. 3). На месте предполагаемого перехода, между жилищами 2 и 3 расположена современная яма. Очертания жилищ несколько расплывчаты, их размеры 7—8 *м*. Очаги в жилищах расположены ближе к одной из сторон.

Размеры их: 1,4 × 1 *м* гл. 0,7 *м* — в жилище № 1,
1.3 × 1 *м* гл. 0,9 *м* — в жилище № 2,
2.1 × 1,8 *м* гл. 0,5 *м* — в жилище № 3.

На территории предполагаемого жилища № 4 прослежены остатки очага, выложенного камнями. Очажные ямы заполнены мелкими обломками сосудов, кремневыми отщепами и обломками орудий.

В жилищах обнаружены крупные скопления керамики и раздавленные сосуды, некоторые из них реконструированы.

Усть-Валдайка II. Стратиграфия

№	Слой	Мощность слоя, *м*	Примечание
1	Дерн	0.10—0.15	
2	Плотный коричневато-серый песок с галькой, местами рыхлый с угольками, в карманах и западинах переходящий в черный	0,10—0,40	Основная часть находок залегает на глубине 15—25 *см*
3	Желтый песок	0,20—0,60	

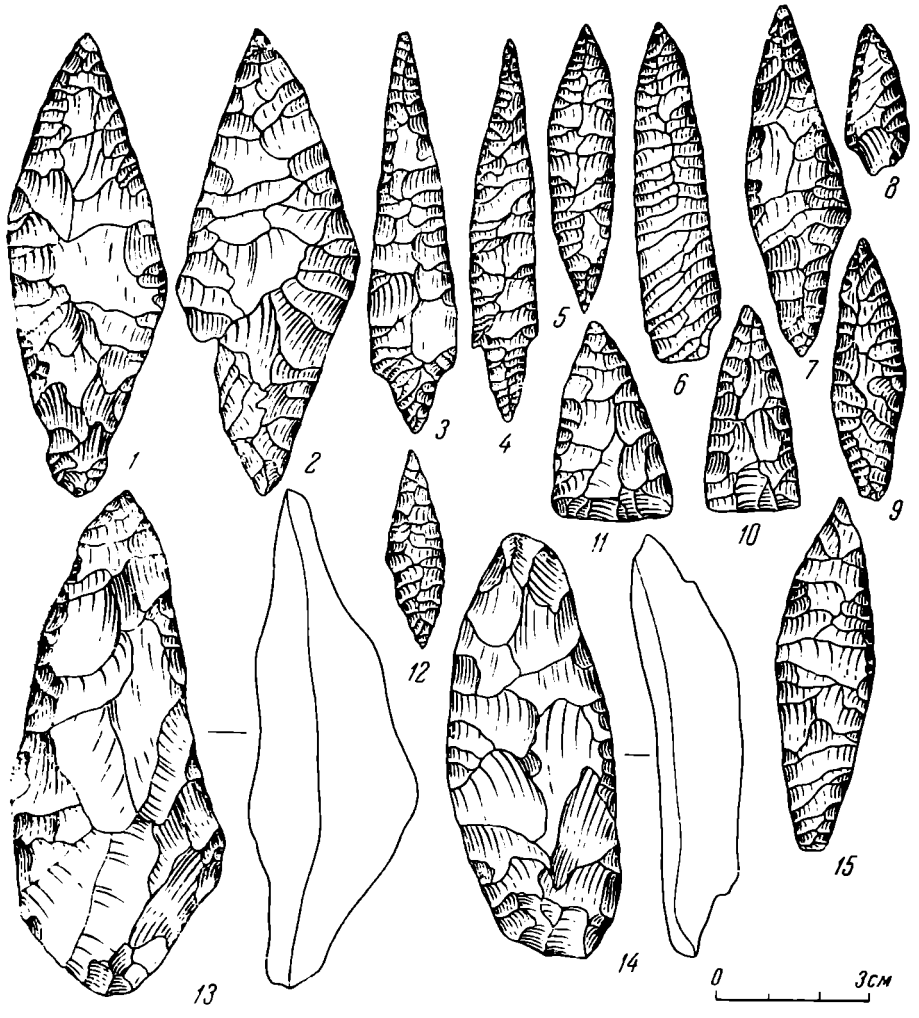


Рис. 4.

1—2 — наконечники копий; *3—12, 15* — наконечники стрел; *13, 14* — орудия типа «пик»

Третья стоянка — Усть-Валдайка II — находится на левом берегу р. Валдайки (рис. 1), в 300 *м* от стоянки Усть-Валдайки I, ближе к устью реки, расположена она на высокой пойме, на 2,5 *м* возвышающейся над уровнем воды. Площадь стоянки определена приблизительно по распространению находок на поверхности (большей частью в ямках из-под костров нынешних рыболовов) и шурфовкой. Она, вероятно, не превышает 1500—2000 $м^2$. На территории стоянки вскрыто 192 $м^2$.

На большей части раскопа мощность культурного слоя не превышает 10—15 *см*. В северо-западной части раскопа были вскрыты, по-видимому, остатки жилища. Здесь под коричневато-серым слоем выступило пятно более темного, коричневато-черного цвета, доходящего до глубины 0,70 *м* от современной поверхности. Пятно подчетырехугольной формы, не имело четких очертаний, его размеры 4 × 2,5 *см*. Слой насыщен крупными скоплениями керамики.

У западной стенки раскопа прослежены остатки очага, обложенного камнями полукругом. Часть камней плотно прилегала друг к другу, остальные несколько разбросаны. Слой внутри этого сооружения коричневато-черный, рыхлый с угольками и обломками сосудов. Кремневых отщепов мало.

Поскольку материал перечисленных выше стоянок идентичен, описание инвентаря дается по категориям без разделения по памятникам, имеющиеся различия будут оговорены. Коллекции состоят из обломков сосудов,

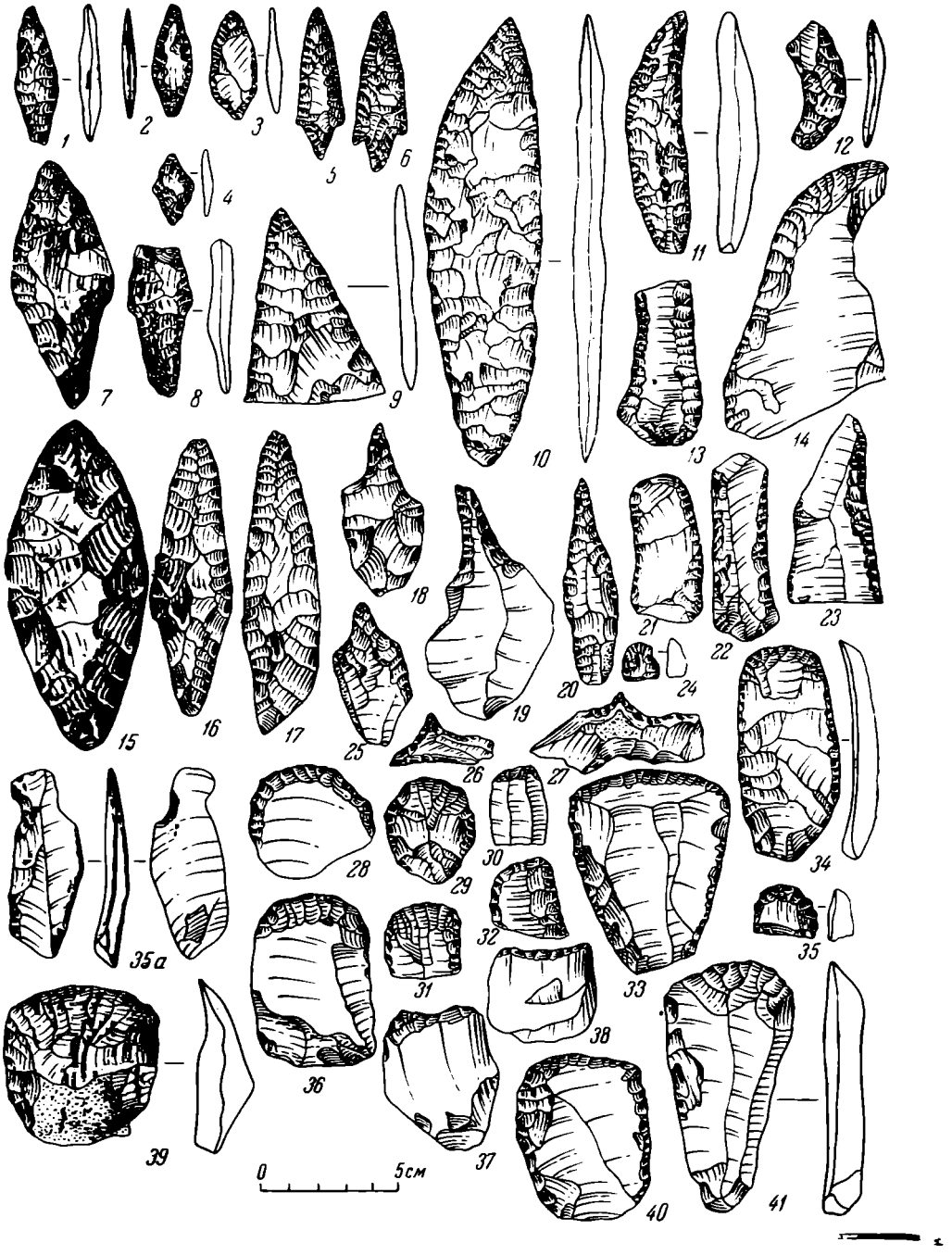


Рис. 5
1—6, 8, 16—17 — наконечники стрел; *7, 15* — наконечники копий; *18—20* — сверла; *26—27* — проколки; *24, 28—36, 39—41* — скребки; *35а, 37, 38* — скребла

кремневых и сланцевых орудий, многочисленных кремневых отщепов и осколков, незначительных костных остатков. На стоянке Репище имеется несколько янтарных украшений, на стоянке Усть-Валдайка I — глиняные поделки.

Сырьем для орудий служил пестрый валунный кремень. Орудия изготовлялись на стоянках, о чем свидетельствует большое количество нуклеусов и нуклевидных осколков, отщепов и заготовок, орудий как целых, так и в значительном количестве обломков. Основная масса кремневых орудий оформлена на массивных, широких отщепах, и незначительная часть — на пластинах. Нуклеусы в основном аморфны и многоплощадочны, для отжимания пластин была пригодна незначительная их часть.

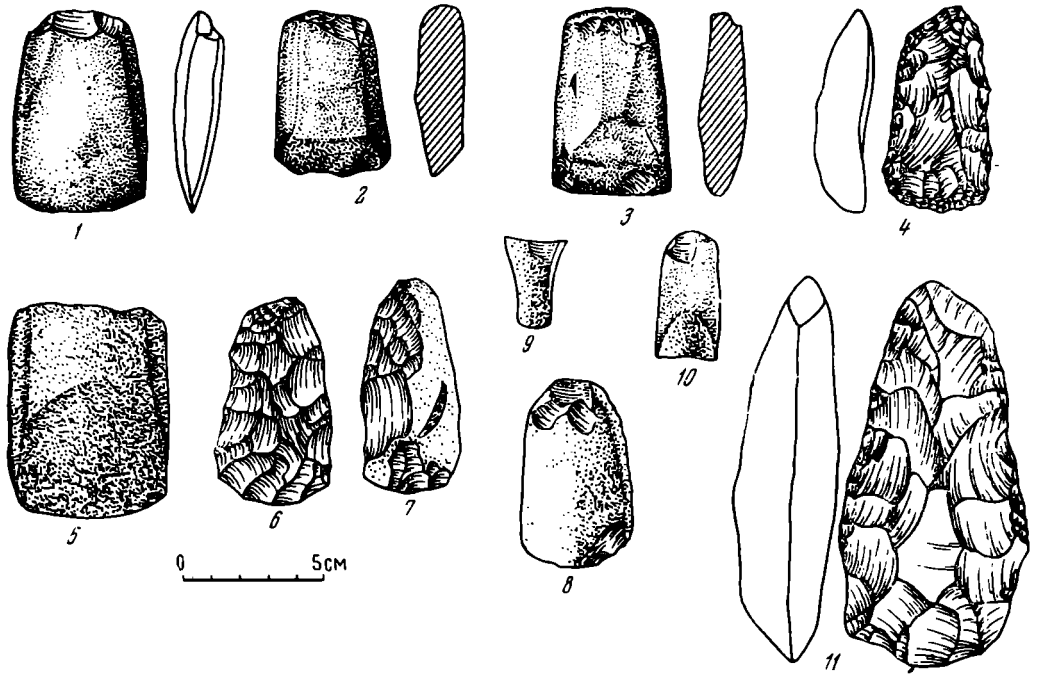


Рис. 6

1, 6—8, 11 — топоры; *2, 3, 5* — тесла; *4, 9, 10* — долота

Наконечники стрел листовидные, ланцетовидные, ромбические, черешковые, треугольные, треугольно-черешковые сейминского типа (рис. 4, *3, 4*; рис. 5, *5, 6*). Размеры наконечников колеблются от 2 × 1,5 *см* (рис. 5, *4*) до 8 × 2 *см* (рис. 4, *3*). Основная масса наконечников стрел обработана двусторонней плоской ретушью, незначительная часть оформлена на ножевидных пластинах с подретушовкой острия и черешка (рис. 5, *2, 3*). Наконечники стрел сейминского типа встречаются лишь в коллекциях со стоянок Репище и Кончанское I.

Наконечники копий и дротиков имеют листовидную, ромбическую или близкую к ромбу форму. Большая часть этих орудий изготовлена из длинных плоских галек, обработанных двусторонней плоской ретушью. Размеры их колеблются от 15 × 4,5 до 8 × 2,5 *см* (рис. 4, *1, 2*; рис. 5, *7, 9, 15*).

Некоторые наконечники стрел и копий имеют аналогии на стоянках волосовской культуры (рис. 4, *6*; рис. *5, 7, 15*).

Скребки разнообразной формы и размеров. Значительная часть их невыразительна (рис. 5, *28, 36, 40*).

Некоторые из них изготовлены из крупных удлиненных отщепов подтреугольной, реже овальной формы с прямым или округлым рабочим краем, оформленным крупной крутой ретушью. Подобные скребки встречаются часто на стоянках озер Пено, Охват, Селигер (рис. 5, *33, 41*). Другая часть скребков с округлым или относительно прямым рабочим краем оформлена на массивных, широких отщепах (рис. 5, *39*). Эта форма скребков имеет аналогии на стоянках волосовской культуры.

Небольшая часть скребков оформлена на ножевидных пластинах (рис. 5, *31*), некоторые из них имеют слегка скошенный рабочий край (рис. 5, *30, 32*). Немногочисленны мелкие скребочки, изготовленные из отщепов или обломков пластин (рис. 5, *24, 35*). Единичны округлые скребки (рис. 5, *29*).

Обычно у скребков ретушью обработан только рабочий край; некоторая часть скребков имеет ретушь и на боковых сторонах. Единичны скребки со сплошь ретушированной спинкой (рис. 5, *34, 29*). Размеры скребков колеблются от 0,5 × 1,2 (рис. 5, *24*) до 5 × 9 *см* (рис. 5, *41*).

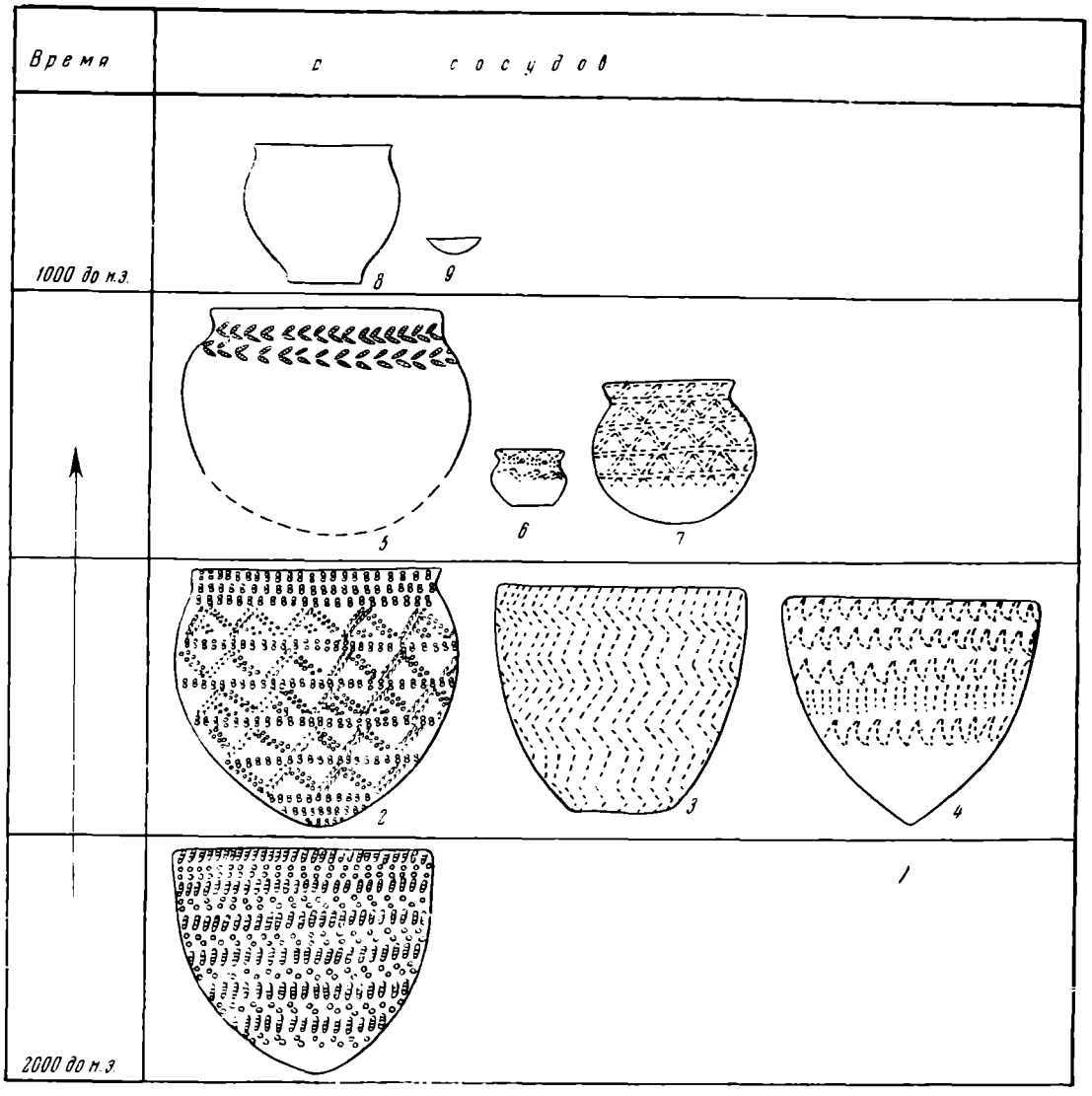


Рис. 7. Хронологическая схема развития керамики на территории бассейна р. Мсты
1—2 — сосуды I типа; *3* — сосуды II типа; *4* — сосуды III типа; *5—7* — сосуды IV типа; *8—9* — сосуды V типа

Ножи. Основная часть ножей изготовлена на пластинах, часто аморфных, или пластинчатых отщепах. У большинства из них притуплен крутой ретушью один край и укреплен плоской ретушью другой (с брюшка, со спинки или с обеих сторон, рис. 5, *13, 21—23*). Часть ножей оформлена на длинных широких отщепах, иногда изогнутых (рис. 5, *14*). У некоторых ножей ретушью обработана одна (рис. 5, *11*) или обе поверхности целиком (рис. 5, *10, 12*). Размеры их колеблются от 3 × 1 до 14 × 5 *см*. Такие формы ножей характерны для волосовских стоянок.

Скобели обычно оформлены на отщепах, иногда на обломках ножевидных пластин (рис. 5, *37, 38*), изредка фигурные (рис. 5, *35а*).

Проколки сделаны на отщепах или ножевидных пластинах, ретушью обработано острие, иногда прилегающие части отщепа, реже вся поверхность. Размеры их различны: 6 × 2, 1,5 × 2,5, 1,5 × 4 *см* (рис. 5, *26, 27*).

Сверла сделаны из отщепов или небольших плоских галек. Ретушировано рабочая часть с брюшка и спинки. Несколько сверл обработаны ретушью с двух сторон по всей поверхности (рис. 5, *18—20, 25*).

Резцы срединные, угловые или на углу сломанной пластины.

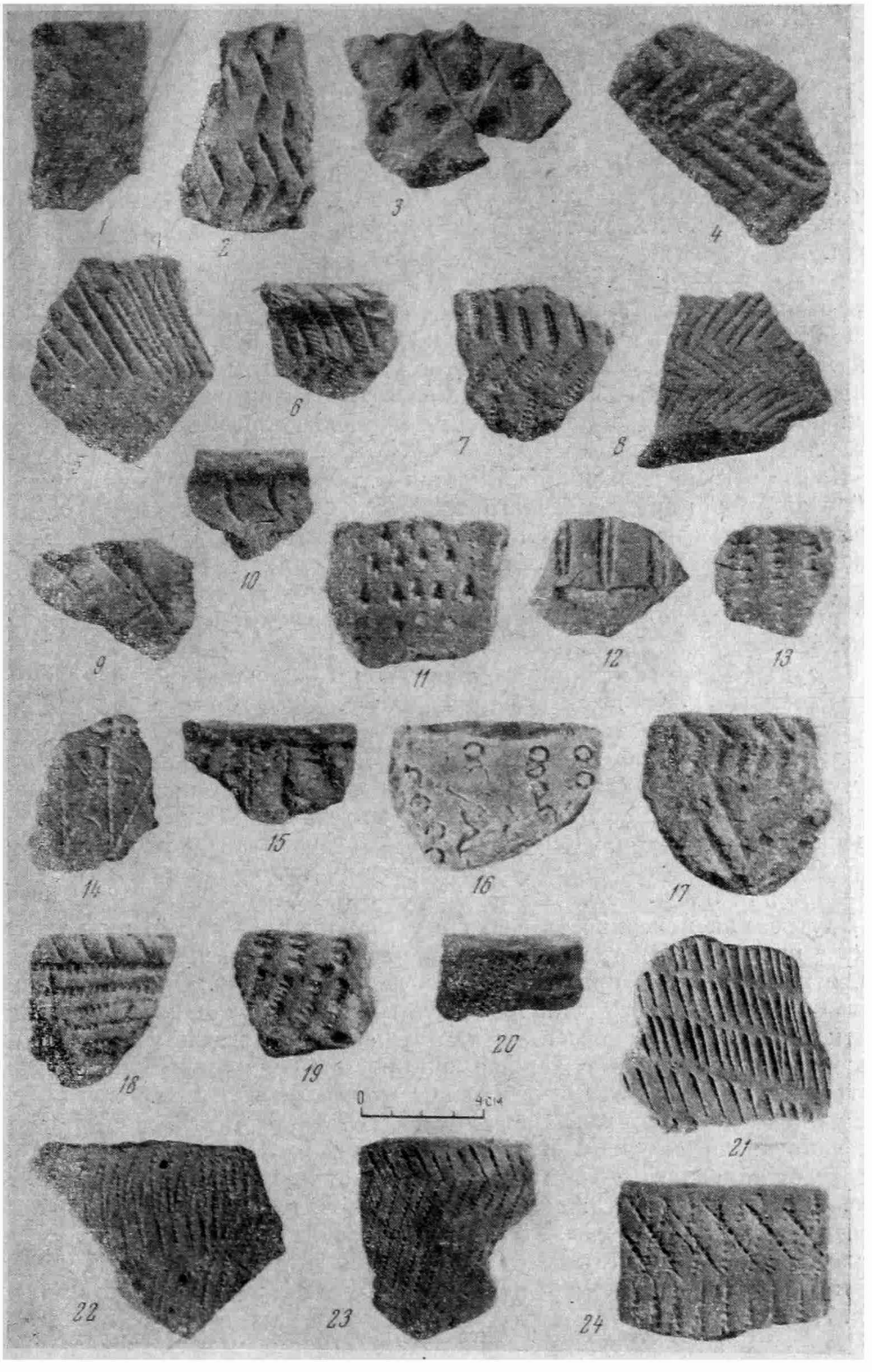


Рис. 8

1—5, 7—9 — II тип керамики, 2-я группа; *6, 10—19* — II тип керамики, 1-я группа; *20—25* — III тип керамики

Сравнительно много крупных и средних топоровидных орудий, обработанных по всей поверхности с обеих сторон крупными сколами (рис. 6, *4, 6, 11*).

Найдены также пикообразные орудия типа волжских макролитов (рис. 4, *13, 14*).

По сравнению с кремневыми орудиями, невелико количество шлифованных орудий из сланца, среди них тесла, топоры, долота, с прямым и вогнутым рабочим краем (рис. 6, *1—3, 5*), обычно небольшого размера. Очень мало кремневых тесловидных орудий с подшлифовкой рабочего края.

В коллекции с усть-Валдайка I есть одно тесло несколько необычной Т-образной формы (рис. 6, *9*; верхняя часть его сломана). Подобные орудия встречаются на поздненеолитических стоянках Швеции и Северной Финляндии и являются подражанием вкладышевым костяным орудиям. Много шлифовальных плиток. Иногда встречаются комбинированные орудия: нож-скребок, двойной скребок, проколка-скребок, проколка-лощило и т. д.

Кроме того, в коллекциях имеется большое количество обломков орудий и заготовок орудий разного размера. В кремневом инвентаре описываемых стоянок наблюдаются две особенности: с одной стороны, макролитоидность некоторых форм, свойственная стоянкам Верхнего Поволжья (рис. 4, *13, 14*; рис. 5, *33, 41*; рис. 6, *11*), с другой стороны, сходство некоторых форм орудий с аналогичными формами волосовских стоянок (рис. 4, *6*; рис. 5, *7, 10—12, 14, 18—19, 25, 39*).

Посуда по составу глиняного теста, обработке поверхности и форме сосудов довольно четко делится на пять типов.

I тип. Глиняное тесто сосудов, выделенных нами в I тип, содержит в большом количестве примесь крупной дресвы. Черепки плотные, тяжелые, неравномерно обожженные, цвет их колеблется от коричневато-красных оттенков до серого. Сосуды изготовлялись способом ленточного налепа (кольцевым или спиральным — установить не удалось); ленты шириной 5—7 *см* прикладывались друг к другу. Толщина стенок сосудов колеблется от 0,7 до 1 *см*.

Внутренняя поверхность сосудов заглаживалась рукой, пучком травы и реже штампом. Иногда на внутренней поверхности видны оттиски пальцев, отпечатавшихся при скреплении глиняных лент. Наружная поверхность большинства сосудов шероховата из-за выступающих зерен примеси. У некоторых сосудов она сглажена лучше, кое-где видны следы лощения. Чаще всего у сосудов с хорошо заглаженной наружной поверхностью внутренняя поверхность заштрихована зубчатым штампом. Иногда слегка заштрихована наружная поверхность. К I типу относятся 456 сосудов, выделенных по венчикам. Несколько сосудов реконструированы. Один из них имеет яйцевидную форму, слабо выраженную шейку и выпуклые бока (рис. 7, *2*). Размеры его: диаметр горла — 36, наибольший диаметр — 44, высота — 40, диаметр дна — 3 *см*. Три сосуда полуяйцевидной формы со слегка выпуклыми стенками и округлым дном имеют следующие размеры: диаметр горла — 40, наибольший диаметр — 44, высота — 42 *см* (рис. 7, *1*).

Остальные сосуды, судя по венчикам и днищам, имели такую же форму и близкие размеры, диаметры венчиков колеблются от 35 до 40 *см*.

Венчики у сосудов этого типа бывают трех видов: утолщенные, ровные (и те и другие прямые или скошенные изнутри, реже с двух сторон) и слегка отогнутые наружу; изредка встречаются венчики с налепом снаружи. Обычно по обрезу сверху, изнутри и снаружи или с какой-нибудь одной стороны венчик украшен нарезками, насечками, короткими косыми оттисками зубчатого штампа, реже ямками. Обычно орнаментом покрыта вся поверхность сосуда. У части сосудов, имеющих слегка выраженную шейку, орнамент несколько разрежен.

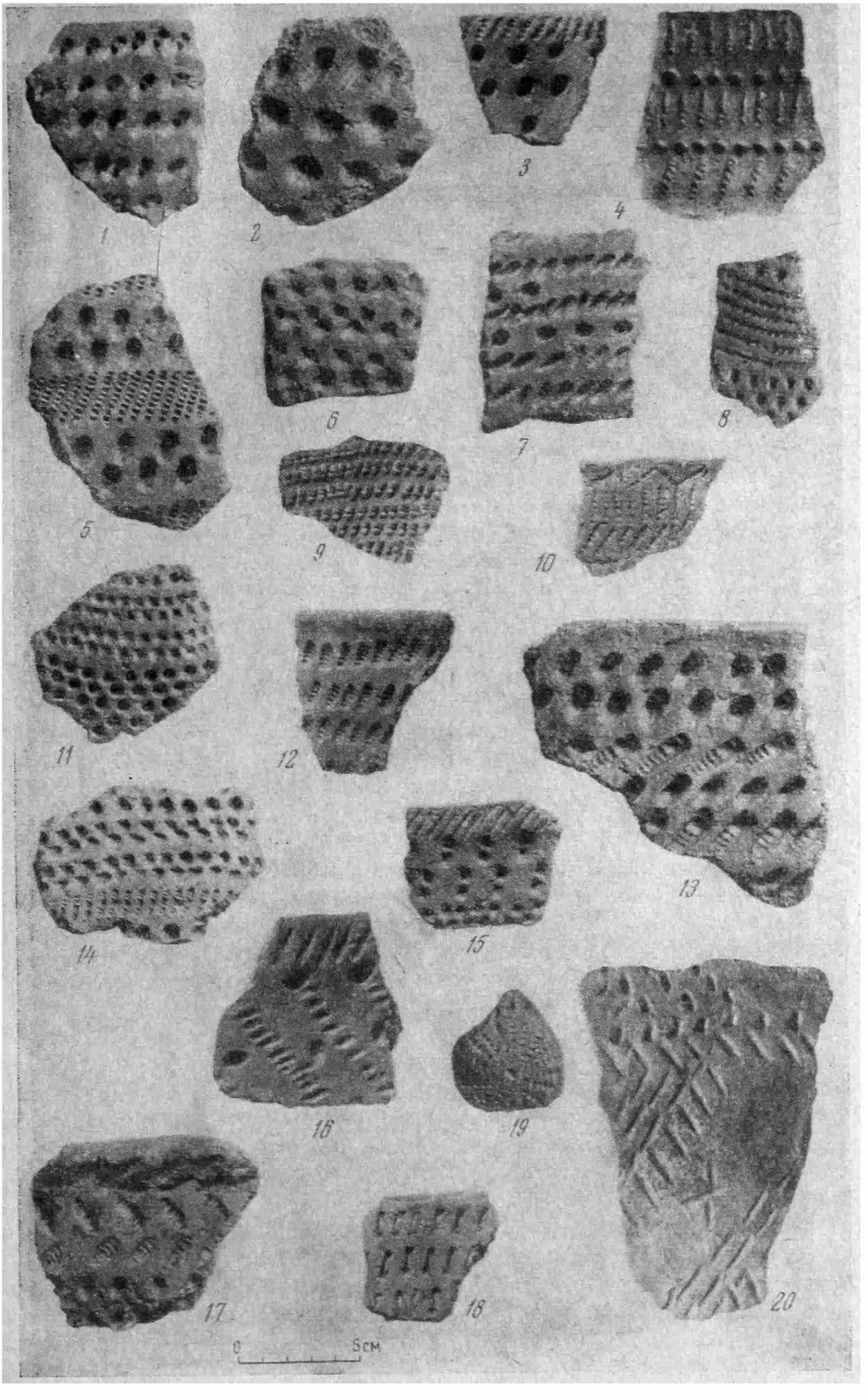


Рис. 9. Первый тип керамики

Элементами орнамента являлись: 1) ямки круглые, овальные, нанесенные глиняным коническим штампом, зубчатым, рамчатым, или углом штампа и пр.; 2) парноямчатые вдавления, выполненные различными штампами; 3) короткие или длинные оттиски зубчатого или гладкого штампа; 4) реже встречаются оттиски веревочки, намотанной на палочку (рис. 8, *19*); 5) нарезки, насечки; 6) ногтевые вдавления.

Орнаментальные узоры состоят из горизонтальных полос ямочных или парноямочных вдавлений, косых или горизонтальных оттисков зубчатого или гладкого штампа, косых насечек или оттисков веревочки и их сочетаний. Чаще всего узор составлен из двух элементов, изредка из трех (рис. 9, *13, 14*).

Характерно украшение сосудов только ямочным (20,2%; рис. 10, *1*) или парноямочным орнаментом (15,2%; рис. 9, *6, 9*), чередование обычных ямок с полосами парных ямок (рис. 9, *11*); сочетание ямчатых, ямочных и парноямочных вдавлений с поясами косых или горизонтальных оттисков гребенчатого (21%) или гладкого штампа (рис. 9, *5, 7, 8, 13, 14, 17*). Не менее характерно украшение сосудов только гребенчатым штампом (20%): горизонтальные ряды косых оттисков гребенки, чередование косых оттисков с зигзагом, вертикальная елочка (рис. 9, *10, 12*; рис. 11, *13*); сочетание гребенчатых оттисков и нарезок и пр., реже сосуды украшены только гладким штампом (рис. 9, *18*).

Узоры из горизонтальных полос тех или иных элементов чаще встречаются на сосудах слегка закрытой формы с прямым или скошенным внутрь венчиком.

Более сложные узоры, выполненные теми же элементами — зигзаги (рис. 11, *2, 3, 14*), углы, треугольники (рис. 11, *1, 17, 18*), ромбы, иногда заштрихованные гребенчатыми оттисками (рис. 11, *9, 10, 15, 16*), диагональные полосы (рис. 11, *4—7, 14*), сочетающиеся с некоторой разреженностью орнамента, большей частью встречаются на сосудах со слегка отогнутым наружу венчиком, намечающейся шейкой. К числу оригинальных узоров могут быть отнесены оттиски рыболовной сети (рис. 11, *12*), узор из перекрещивающихся прочерченных линий в сочетании с перекрещивающимися же линиями из вдавлений треугольной формы (углом штампа) (рис. 11, *20*). Необычен и узор из косых полос оттисков гладкого штампа и ямчатых вдавлений, поставленных под углом друг к другу и разделенных горизонтальным поясом тех и других вдавлений. Под углом к косым полосам поставлен ряд оттисков гладкого штампа, между ними — крест из отпечатков гладкого штампа (рис. 9, *20*).

II тип. К нему относятся сосуды, в тесте которых содержится растительная примесь; они, в свою очередь, делятся на две группы. В тесте сосудов, отнесенных к 1-й группе, растительная примесь присутствует в очень незначительном количестве. Черепок плотный, легкий, обжиг равномерный. Поверхность хорошо сглажена, часто залощена. Цвет черепка коричневато-серый. Сосуды имеют баночную форму, иногда слегка закрытую, с плоским дном (рис. 10, II; рис. 7, *3*).

Их венчики бывают трех видов: 1) прямые, ровные, иногда чуть скошенные наружу; 2) утолщенные, слегка нависающие внутрь; 3) резко отогнутые наружу. По обрезу венчика бывают нанесены насечки, оттиски гребенки, иногда защипы. Толщина стенок сосудов 0,5—0,8 *см*.

Сосуды довольно крупные: диаметр горла — 36—40, диаметр дна — 10—13, высота, вероятно, достигала 30—40 *см*.

Вся поверхность сосуда, включая дно, украшена косыми оттисками гребенчатого (51,2%) или гладкого штампа (22,5%), иногда насечками или ногтевыми вдавлениями (рис. 8, *1, 10*), реже — неправильными неглубокими ямками (7,7%; рис. 8, *3*) или оттисками веревочки (6,9%; рис. 8. *13*). Весьма распространен елочный узор, выполненный оттисками гребенчатого, гладкого, реже рамчатого штампа (рис. 8, *2, 4—9*). Оттиски гребенчатого штампа длинные, узкие (изредка широкие).

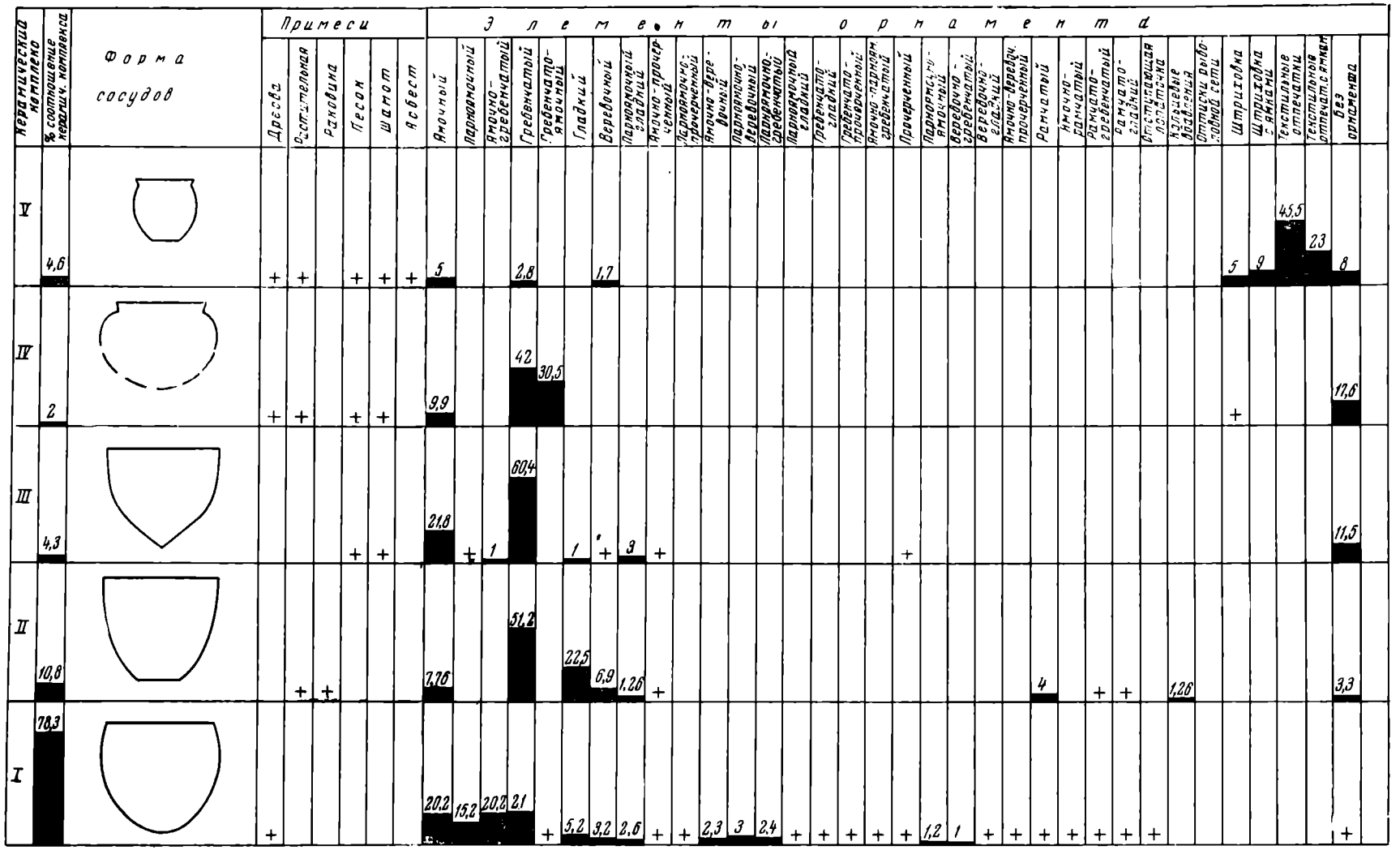


Рис. 10. Сравнительная таблица типов керамики стоянки Ренище

Встречается узор, выполненный длинными оттисками гребенчатого штампа, разделенного горизонтальными полосами неглубоких продолговатых ямочных вдавлений.

Ко 2-й группе относятся сосуды ярко выраженного волосовского типа: их стенки толстые, рыхлые, с большим количеством растительной примеси, очень редко с примесью раковины. Форма сосудов баночная, дно уплощенное, толщина стенок 0,5—1,5 *см*. Размеры сосудов также велики: диаметр горла — 38—41, диаметр дна — 12—15 *см*. Внутренняя поверхность сосудов, а иногда и наружная, хранят следы штриховки. Цвет черепков колеблется от красновато-желтого до серого. Венчики прямые, утолщенные, округлые или плоские, отогнутые наружу или загнутые внутрь. Для орнаментации сосудов использовались гребенчатый или рамчатый штамп, оттиски веревочки, нечеткие ямки или кольцевые вдавления (рис. 8, *10—12, 14, 16—19*).

Из указанных элементов орнамента часто складывались композиции, не имеющие геометрически правильного узора; встречаются елочные узоры (рис. 8, *12, 19*), сочетания горизонтальных и вертикальных зигзагов (рис. 8, *17, 18*), шагающая гребенка (рис. 8, *14, 15*).

III тип. К нему относятся остродонные сосуды с прямыми стенками и широким горлом, диаметр которых равняется 35—40 *см* (рис. 7, *4*). Венчики бывают трех типов: 1) прямые, ровные; 2) прямые суженные кверху; 3) прямые суженные и чуть скошенные наружу. Дно коническое, острое, толстое. Толщина стенок сосудов колеблется от 0,5 до 1,3 *см*. К глиняному тесту добавлены в качестве примеси песок и шамот, тесто комковатое, обжиг хороший. Наружная поверхность очень хорошо сглажена, часто лощеная, внутренняя поверхность иногда небрежно оформлена, часто заштрихована.

Для украшения сосудов применялся мелкозубчатый штамп (60,4%) или неглубокие ямки, выполненные часто палочкой, поставленной под углом (21,8%; рис. 10, III). Наиболее характерным узором является шагающая гребенка (рис. 8, *22*), сочетающаяся иногда с косой сеткой из той же гребенки (рис. 8, *24*) или вертикальными оттисками последней. Встречаются елочные узоры (рис. 8, *23*) и горизонтальные полосы косопоставленной короткой или длинной узкой гребенки (рис. 8, *20, 21*). Ямчатые вдавления, встречающиеся на сосудах этой группы, обычно расположены в верхней части сосуда.

IV тип. К этому типу относятся широкогорлые сосуды с хорошо выраженной шейкой, округлым туловом и круглым или уплощенным дном (рис. 7, *5—7*).

В качестве примеси употреблялись дресва, песок, шамот, в незначительных количествах примесь растительная. Толщина сосудов 0,5—0,8 *см*. Обычно у сосудов этого типа украшена верхняя часть — шейка и плечики, иногда лишь плечики. Изредка узор спускается на тулово, очень редко встречается на днищах (уплощенных). Элементами узора являются мелкая короткая гребенка (рис. 12, *3, 4*) и реже аморфные неглубокие ямки, редко расставленные; в единичных случаях узор состоит только из ямок (рис. 12, *5. 2*).

Узоры большей частью состоят из сочетаний горизонтальных оттисков и зигзагов, выполненных гребенчатым штампом (рис. 13, *1—4*), иногда в сочетании с редко расставленными ямчатыми вдавлениями (70,6%; рис. 10, IV).

Узоры, выполненные короткой гребенкой, встречаются на сосудах со следами текстильных отпечатков или заштрихованных (рис. 13, *5*).

Размеры сосудов различны, диаметр горла — от 10 до 37 *см*.

V тип. К этому типу относятся грубые лепные сосуды баночной или горшковидной формы с плоским дном, прямым скошенным внутрь или отогнутым наружу венчиком на прямой или загнутой внутрь шейке (рис. 7, *8*; рис. 10, V).

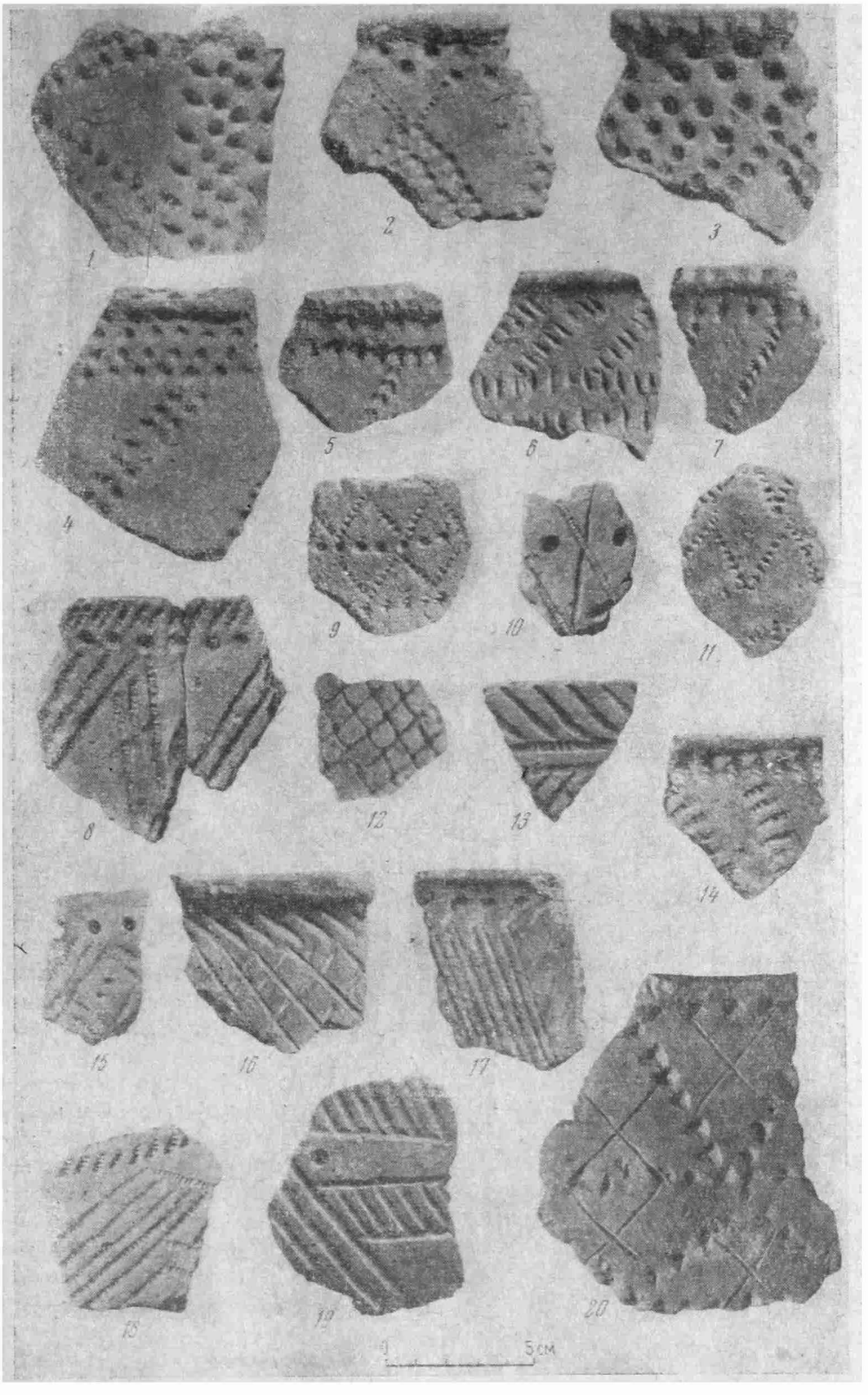


Рис. 11. I тип керамики

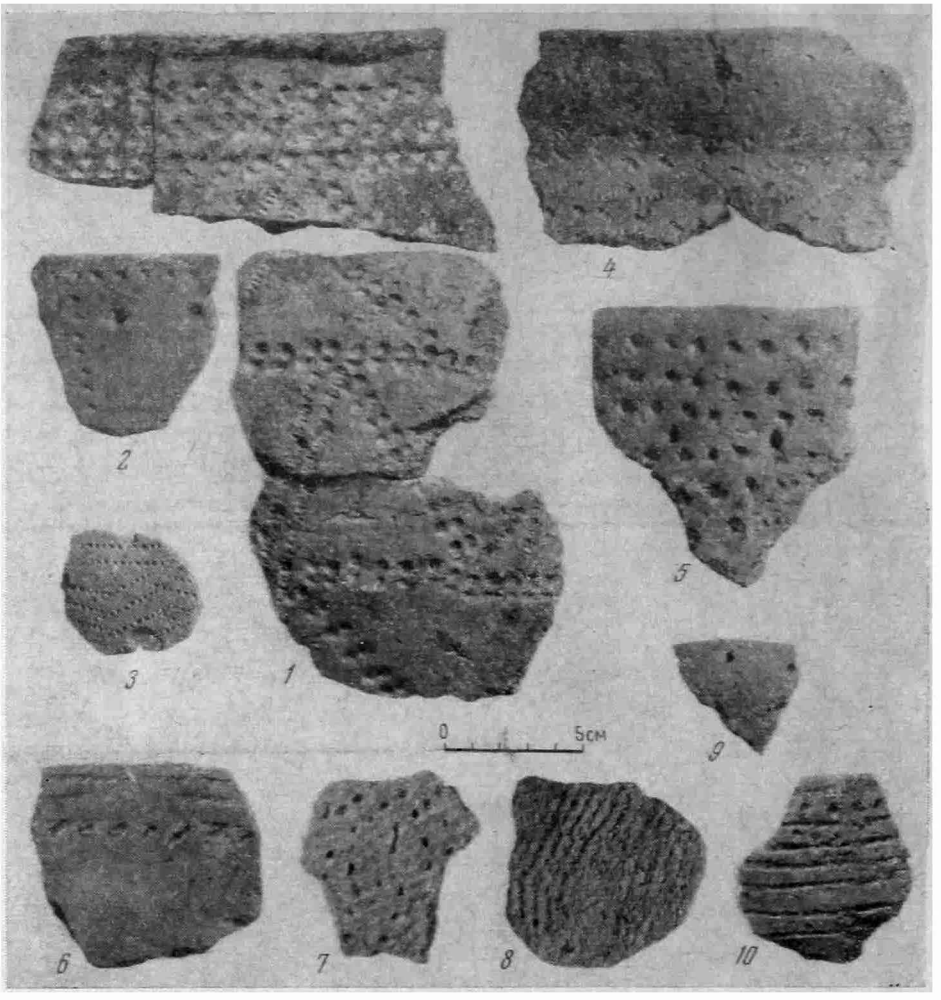


Рис. 12

1 — I тип керамики; *2—5* — IV тип керамики; *6—10* — V тип керамики

Размеры и форма сосудов весьма различны. Диаметр горла колеблется от 36 до 15 *см*. Сюда же относятся маленькие мисочки и сосудики диаметром 5—7 *см* (рис. 7, *9*). Примеси к тесту — дресва, шамот, песок, асбест, растительные примеси (рис. 12, *6—10*).

На всех стоянках в культурном слое керамика всех типов перемешана. Но обломки сосудов I типа залегают по преимуществу в средней и нижней части слоя, в верхней — редки. Большая часть сосудов II и III типа находится в средней, реже — верхней части слоя. Керамика IV и V типов залегает в верхней части культурного слоя, небольшая часть их — в среднем слое, единичны фрагменты керамики этих типов в нижнем слое.

На стоянке Репище керамика I типа (ямочно-гребенчатая с примесью дресвы в тесте) и типологически и стратиграфически подразделяется на раннюю и позднюю. В чистом виде ранняя ямочно-гребенчатая керамика

Процентное соотношение типов керамики

Стоянка	I тип	II тип	III тип	IV тип	V тип
Репище	78,8	10,8	4,3	1,7	4,6
Усть-Валдайка I	90	2	8	—	—
Усть-Валдайка II	93	6	1	—	—

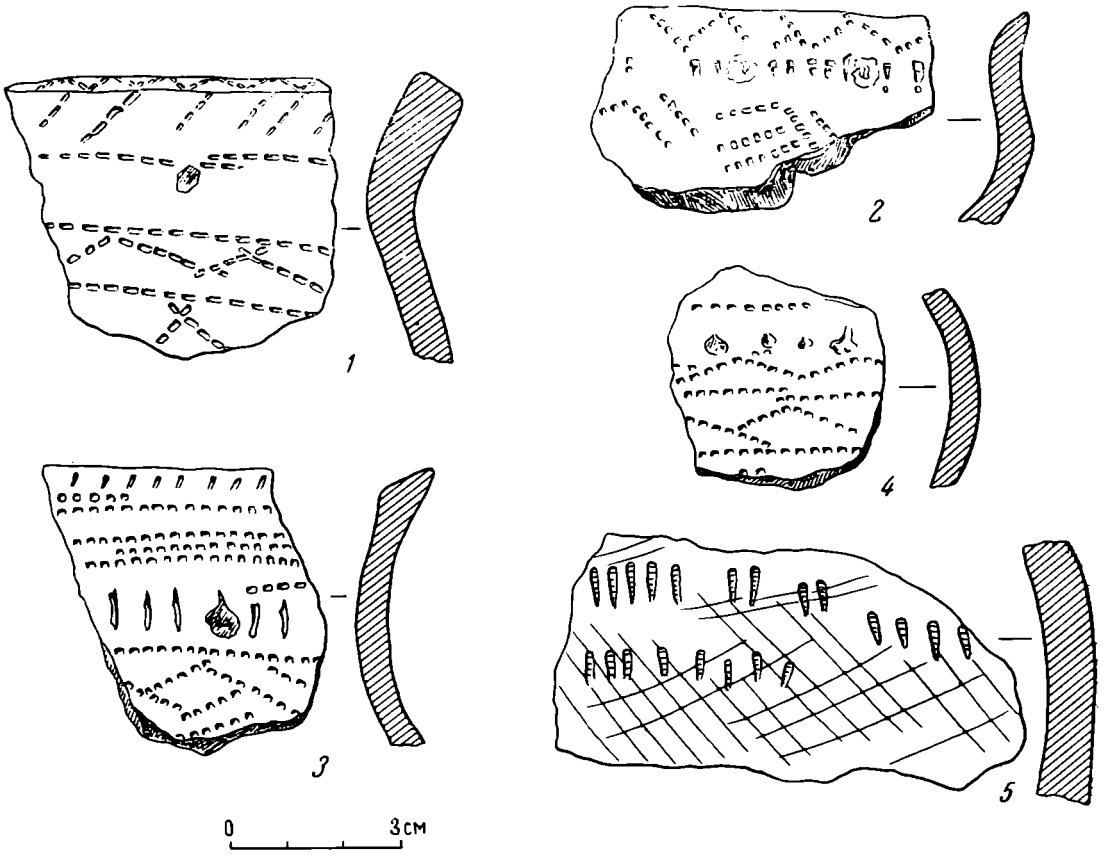


Рис. 13. IV тип керамики (керамика с орнаментом поздн яковского типа)

встречается под слоем торфа в южной части раскопа I и в шурфе, заложенном южнее раскопа I (на болоте); на большей части вскрытой нами территории (раскоп I, траншея) она смешана с другими типами керамики, на территории раскопа II (северо-западная часть стоянки) встречается редко.

Для более ранней ямочно-гребенчатой посуды характерны крупные сосуды полуяйцевидной формы с острым или округлым дном. Венчик прямой, утолщенный или ровный, часто скошенный изнутри, украшенный по обрезу оттисками гребенки. Для орнаментации сосудов применялись правильные ямки, оттиски гребенчатого штампа или сочетания тех и других элементов.

Орнаментом густо покрыта вся поверхность. Преобладают простые узоры из горизонтальных полос ямок, оттисков гребенчатого штампа и их сочетаний (рис. 9, *11—13*).

У сосудов позднего типа ямочно-гребенчатой керамики появляются прямо срезанные, часто отогнутые наружу венчики, обрез последних украшается редко. Часть сосудов имеет слабовыраженную шейку. В орнаментации сосудов преобладают сложные узоры — зигзаги, углы, треугольники, ромбы, диагональные полосы (рис. 9, *10, 16*; рис. 11, *2, 4—19*). На некоторых сосудах сочетаются сложные и простые узоры (рис. 11, *1, 3*).

Аналогии керамике I типа мы находим на позднеолитических стоянках Волго-Окского междуречья — Петровская, Гвилистенка[6], Языковская[7], Николо-Перевоз[8], Лопачи[9].

[6] О. Н. Бадер. Неолитические поселения Петровских озер. МИА, 13, 1950, стр. 28—30, 38—42.

[7] Исторический музей. колл. «Я».

[8] Колл. хранится в ГИМе, № 96201, 98861, 82699.

[9] Раскопки автора, колл. хранится в Музее истории и реконструкции г. Москвы.

Орнамент некоторой части сосудов напоминает узоры на сосудах балахнинских стоянок — чередование горизонтально и вертикально расположенных вытянутых ямок, узор из ямок, соединенных попарно оттисками гребенчатого или гладкого штампа (стоянки Больше-Козинская [10], Гавриловская, Пенфиловская [11]).

Часть керамики орнаментирована сложными геометрическими узорами — широкий зигзаг, ромбы, треугольники, заполненные оттисками гребенчатого штампа (рис. 1, *10*, *15*, *18*, *19*). Этим сосудам имеются аналогии на стоянках Восточной Латвии (Sulka) [12], Эстонии (Акали, Куламяги) [13] и в Ленинградской области (Усть-Рыбежна I) [14].

Своеобразие орнаментации сосудов описываемого поселения заключается в применении парноямчатых вдавлений, выполненных различными штампами, ямок неправильной, по преимуществу вытянутой, формы, выполненных часто гребенчатым штампом или палочкой, поставленной под углом, и в расположении узора по диагонали, вернее, в соединении узоров, расположенных горизонтально, косыми полосами.

Аналогии керамике II типа (растительная примесь в тесте и преобладание в орнаментации узоров, выполненных гребенчатым или гладким штампом) (рис. 8, *1—19*) мы находим на поселениях волосовской культуры [15]: Волосовская [16], Владычинская [17], Володары [18], Холомониха [19], Подборице-Щербинская [20], Языковская.

Аналогии некоторым сосудам с волнообразным венчиком (рис. 8, *1, 2, 9*), имеются на ряде памятников чирковско-сейминской культуры [21] и гаринского этапа турбинской культуры средней Камы: Бойцовская VII, Тюремка III [22].

Керамика III комплекса стоянки Репище (примесь шамота и песка в тесте, преобладание узоров в виде шагающей гребенки) (рис. 8, *22, 24*) имеет аналогии также на неолитических и энеолитических памятниках Прикамья [23].

Ряд черт отличает описываемую керамику от сходной неолитической керамики Прикамья: открытая форма сосудов, суженный венчик, штриховка внутренней, иногда наружной, поверхности.

Посуда IV типа (сосуды или баночной формы, или с четкой профилировкой. Орнаментирована верхняя часть сосуда, в орнаменте преобладают узоры из горизонтальных и зигзагообразных полос мелкой гребенки) (рис. 10, *4*; рис. 13, *1—5*) аналогична керамике стоянок поздняковской культуры: Поздняковской [24], Подборновской [25], Ефановской [26], Лопачи [27].

[10] Эрмитаж, колл. 305.

[11] И. К. Цветкова. Стоянки балахнинской культуры в области нижнего течения. Оки. МИА. 110. 1963, стр. 71.

[12] Раскопки И. Лозе.

[13] Л. Ю. Янитс. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги. (Эстонская ССР). Таллин, 1959, табл. XII—XIV.

[14] Н. Н. Гурина. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. МИА. 87. 1961, рис. 146, 147.

[15] И. К. Цветкова. Волосовские неолитические племена. Тр. ГИМ. XXII, М., 1953, стр. 26—29.

[16] ГИМ. колл. 76694, 78537, 55428.

[17] Эрмитаж, колл. 73, 301. Рязанский музей, колл. 488, 233.

[18] Раскопки И. К. Цветковой. ГИМ, колл. 83042.

[19] Эрмитаж, колл. 70.

[20] Раскопки И. К. Цветковой. ГИМ, колл. 95248.

[21] А. Х. Халиков. Среднее Поволжье в эпоху камня и бронзы. Архив ИА АН СССР, р—2, 1953—1954, стр. 436.

[22] О. Н. Бадер. Поселения у Бойцова и вопросы периодизации среднекамской бронзы. Отчеты камской (воткинской) археологической экспедиции, 2, М., 1961, рис. 58, 64.

[23] О. Н. Бадер. Астраханцевское поселение в устье Чусовой. Отчеты камской (воткинской) археологической экспедиции, 1, М., 1959, стр. 87—112, рис. 9.

[24] Эрмитаж, колл. 80.

[25] Рязанский музей, колл. 487.

[26] Эрмитаж, колл. 303, 57.

[27] Раскопки автора, колл. хранится в Музее истории и реконструкции г. Москвы.

Керамика с орнаментом поздняковского типа встречается на некоторых стоянках Костромского Поволжья: Федоровская, Галичская, Умиление[28], Дикариха[29].

Текстильная керамика (рис. 12, *7, 8*), аналогичная обнаруженной нами на стоянке Репище и Кончанское I, встречается на многих стоянках Поволжья в начале I тысячелетия до н. э.[30]

Небольшое количество обломков сосудов с дресвой в тесте, орнаментированных отступающей лопаточкой, и несколько черепков с примесью ас-

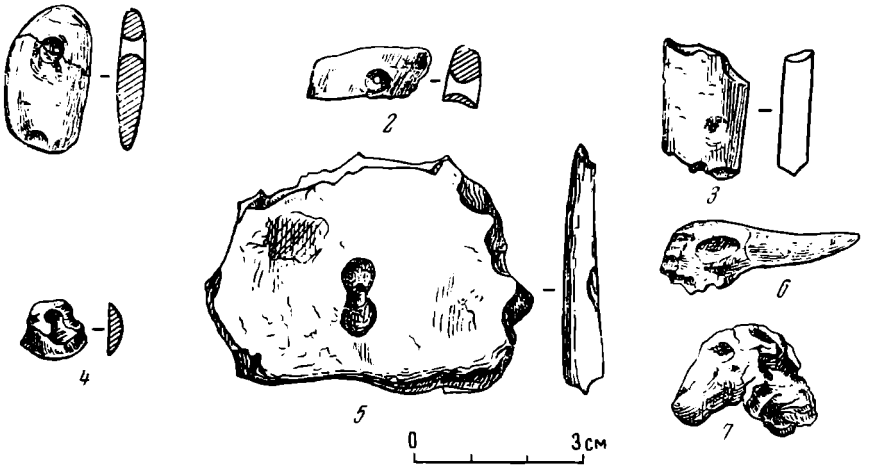


Рис. 14

1—3 — янтарные подвески; *4—5* — янтарные пуговицы; *6—7* — глиняные фигурки

беста и гребенчатым или шнуровым орнаментом (рис. 12, *6*) сходны с такой же посудой с поселений в северной части Ленинградской области и Карелии[31].

Кроме керамики и кремневого инвентаря, в коллекции со стоянки Репище имеется несколько невыразительных обломков костяных орудий, по которым невозможно определить их форму и назначение.

Найдены также украшения из янтаря: одна целая подвеска и два обломка от них (рис. 14, *1—3*); обломки двух пуговиц (рис. 14, *4, 5*) округлой формы и с V-образным сверлением. Обе пуговицы, кроме основной, имеют еще по одной сверлине у самого края. Вероятно, после того как сломалась перемычка, их использовали в качестве подвесок. Линия излома у них проходит через сверлину. Возможно, они были сломаны при сверлении или в процессе ношения. Крупная пуговица с обеих сторон покрыта коркой.

Подвески сверлились с двух сторон, сверлины на них не совсем совпадают. Сверлины на пуговицах имеют широкое отверстие на вогнутой стороне предмета.

Обрабатывался янтарь каменными орудиями и тем же способом, что и кремень,— сколами с последующей полировкой. По бокам подвесок сохранились слегка заполированные сколы. Обработка янтарных изделий каменными орудиями и V-образное сверление свидетельствуют об их раннем возрасте, не позднее первой половины II тысячелетия до н. э., а способ обработки янтаря сколами говорит о его латвийском происхождении[32].

---

[28] М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. МИА, 29, 1952, рис. 84, 99. ГИМ, колл. 57668, 81932, 81931, 82203.

[29] А. Л. Никитин. Дикариха. МИА, 110, рис. 7, 8.

[30] Н. Н. Гурина. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье. МИА, 110, рис. 12—16, 46, 52.

[31] Н. Н. Гурина. Древняя история Северо-Запада, рис. 108.

[32] А. Я. Брюсов. Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чароозерском районе Вологодской области. МИА, 20, 1951, стр. 30—33.

Подвески, подобные нашим, и мелкие пуговицы с V-образными сверлинами подобны найденным на стоянках: Sulka[33] (Восточная Латвия), Акали[34], Кончанское, Модлона[35]. Аналогии крупной овальной пуговицы нам неизвестны.

В классификации Р. Клебса фигурирует крупная пуговица с V-образной сверлиной, но она сама имеет ромбовидную форму, а сверлина с выпуклой стороны[36].

В коллекции стоянки Усть-Валдайка I имеется несколько обломков глиняных фигурок, сделанных из того же теста, что и сосуды I типа, т. е. с примесью дресвы. Одна фигурка напоминает голову утки (рис. 14, *6*), по бокам у нее продолговатые вдавления (глаза), у основания носа, сбоку — носовые отверстия; к туловищу головка, вероятно, присоединялась палочкой, о чем свидетельствует отверстие в месте соединения ее с шеей. Вторая фигурка также напоминает головку, но определить, какому виду животного она принадлежала, затруднительно (рис. 14, *7*) (овца?). Эта головка соединялась с туловищем также палочкой.

Есть обломки еще трех фигурок и глиняная заготовка — шарик с вмятиной посредине и со следами обработки.

Аналогии этим фигуркам нам пока неизвестны, но во II тысячелетии до н. э. находки фигурок не такое редкое явление для стоянок Карелии, Центральной Эстонии, Восточной Латвии (Валма[37], Sulka[38], Кубенино, устье Кинемы, Модлона[39]). На некоторых стоянках (Репище, Усть-Валдайка, Кончанское) обнаружены глиняные рыболовные грузила от 3 до 6 *см* диаметром при высоте 3—4 *см*.

Датировать описанные выше памятники можно на следующих основаниях. Поселение Репище существовало длительный период, о чем свидетельствует мощность культурного слоя. Типологическое сравнение материала, данные стратиграфии и спорово-пыльцевого анализа позволяют отнести дату возникновения поселения к началу II тысячелетия до н. э. Образцы, взятые на пыльцу из торфа и одновременных, залегающих на одном с ним уровне, других слоев, дали спектры, которые «...без всяких сомнений могут быть отнесены к лесному спектру, к фазе «верхнего максимума ели»[40], т. е. ко II тысячелетию до н. э. Поэтому слой с ранней ямочной гребенчатой керамикой, залегающей под торфом, должен относиться к несколько более раннему времени. Второй период существования стоянки по общему облику кремневого инвентаря и керамического комплекса, а также на основании аналогий с другими памятниками датируется серединой II тысячелетия до н. э.

Стоянки Усть-Валдайка I и II относятся к этому же времени. С этих памятников были проанализированы семь образцов. «Полученные спектры относятся к лесному типу и, судя по стратиграфическому положению, должны характеризовать фазу «верхнего максимума ели». Однако во всех образцах с Усть-Валдайки I абсолютно преобладает пыльца березы, при участии сосны и ольхи, ель и широколиственные породы (липа и дуб) имеются в незначительных количествах. По-видимому, полученные спектры сильно искажены за счет специфики местной (узколокальной) растительности и не типичны для ранней фазы. Их следует рассматривать только в комплексе с другими палеоботаническими данными»[41].

---

[33] Раскопки И. Лозе.

[34] Л. Ю. Янитс. Поселение эпохи неолита и раннего металла..., рис. 60, 61.

[35] А. Я. Брюсов. Свайное поселение..., рис. 9.

[36] R. Klebs. Die Bernsteinschmuc der Steinzeit von der Baggerei., Königsberg, 1882.

[37] Л. Ю. Янитс. Неолитическое поселение Валма. ВЭИНП, М., 1959, стр. 65, табл. II.

[38] Раскопки И. Лозе.

[39] М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР, стр. 214.

[40] Заключение Г. Н. Лисицыной.

[41] Заключение Г. Н. Лисицыной.

Разрыв во времени между стоянками Усть-Валдайка I и II невелик — возможно, население Усть-Валдайки II переселилось на территорию Усть-Валдайки I, расположенной повыше, из-за подъема уровня в реке и подтопления стоянки.

В инвентаре поселений этого времени, особенно в керамике, выделяются три различных, но, по-видимому, сосуществовавших комплекса, принадлежавших, вероятно, различным группам населения. Один из них свойствен местному населению, два других — пришлому: выходцам с нижней Оки (волосовский комплекс) и Прикамья (комплекс сосудов с шагающей гребенкой).

При этом появляется смешанная керамика, т. е. на посуде с примесью дресвы в тесте появляются волосовские узоры, выполненные характерной широкой гребенкой и рамчатым штампом, и, наоборот, на посуде с растительной примесью встречаются иногда элементы, свойственные I типу керамики. В кремневом инвентаре отражается лишь волосовское влияние.

В середине II тысячелетия до н. э. в Волго-Окском междуречье и Костромском Поволжье появляются поселения, в которых сочетаются два различных комплекса — ямочно-гребенчатый и волосовский, причем первый преобладает; мы имеем в виду поселения Ронское, Сахтыш[42], Борань[43], Гвилистенка, Петровская[44], Федоровская[45], Бологовская[46].

Материалы с остальных памятников, отмеченных на карте, аналогичны вышеописанным, поэтому мы попытаемся лишь установить их хронологическую последовательность.

Часть стоянок с чистым ямочно-гребенчатым комплексом посуды и более архаичной орнаментацией на сосудах, одновременных с начальным периодом заселения стоянки Репище, могут быть отнесены к началу II тысячелетия до н. э. Среди них стоянки Кончанская, Ржище, Юдиха, Дубьевская, Усть-Валдайка V и др. (рис. 1). Некоторые стоянки со смешанным керамическим комплексом — Усть-Валдайка I, II, Узмень, Островкая пристань и др. (рис. 1) — могут быть отнесены ко второму периоду бытования стоянки Репище, т. е. к середине II тысячелетия до н. э. При этом не на всех стоянках со смешанным комплексом присутствуют все три типа керамики, на некоторых керамики III типа нет.

Стоянки Кончанское I, Размытый полуостров, Белавинская, Южная пристань, Болоньинская, Велье II и стоянки, расположенные на оз. Кафтино (рис. 1), керамики III типа не имеют. Нам еще не ясна закономерность появления или отсутствия керамики камского облика и ее соотношение с волосовской, но следует отметить, что она встречается только вместе с волосовской.

Только на двух долговременных поселениях — Репище и Кончанское I — встречается текстильная керамика. Есть несколько стоянок только с керамикой раннежелезного века — Сомино, Крюково, Девярек, Длинный холм (рис. 1).

Известны и стоянки с очень тонким (10—15 *см*) и бедным находками культурным слоем, в котором керамика не обнаружена. Быть может, это временные стоянки (рис. 1).

Кратко суммируя вышесказанное, мы можем сделать следующие выводы. Описанные и перечисленные нами памятники относятся к сравнительно небольшому периоду — II тысячелетию до н. э. Ранних памятников — мезолитических и ранненеолитических — на изучаемой нами

---

[42] Раскопки Д. А. Крайнова.

[43] Н. Н. Гурина. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье. стр. 85—108.

[44] О. Н. Бадер. Неолитические поселения Петровских озер. МИА, 13, 1950, стр. 28—30, 38—42.

[45] Колл. хранится в ГИМе, № 57668.

[46] Эрмитаж, колл. 119.

территории (бассейн р. Мсты) нет. Вероятно, это результат недостаточной изученности края.

История племен этого края во II тысячелетии до н. э. на основании анализа материалов с поселений (керамических в особенности) (рис. 7) нам представляется следующей.

В начале II тысячелетия до н. э. здесь обитали племена с ямочно-гребенчатой керамикой, аналогичной керамике стоянок Волго-Окского междуречья. Основными занятиями этих племен были охота (на стоянках найдены кости медведя, лося, лисицы, бобра и птиц[47]) и рыболовство (найдены раболовные грузила, отпечатки рыболовной сети на сосудах и чешуя осетровых рыб).

К середине II тысячелетия в керамическом материале здешних стоянок появляются особенности, позволившие М. Е. Фосс территорию Валдайской возвышенности и верхней Волги присоединить к западной области распространения ямочно-гребенчатой керамики, с преобладанием в орнаментации гребенки[48]. Мы считаем возможным выделить на данной территории локальный вариант культуры с ямочно-гребенчатой керамикой, отличительными чертами которой является широкое применение парноямочных вдавлений, ямочных вдавлений удлиненной формы и расположение различных элементов орнамента по диагонали.

Эта территория интересна тем, что являлась контактной зоной между севером и югом, западом и востоком. В материале здешних стоянок мы обнаруживаем элементы, указывающие на связи местных племен с Прибалтикой (наличие янтаря и геометрических узоров в керамике, свойственных стоянкам Эстонии, Восточной Латвии, Финляндии); наличие некоторого количества керамики с примесью асбеста говорит о связях с Карелией. В середине II тысячелетия до н. э. здесь появляется керамика волосовского и камского типов. Керамика бронзового времени складывалась на местной основе под влиянием племен волосовской культуры на раннем этапе и, по-видимому, поздняковской на позднем этапе, о чем свидетельствует посуда с орнаментом поздняковского типа. Вероятно, какую-то роль в сложении культуры бронзового века на изучаемой нами территории сыграли и фатьяновские племена, так как она входила в зону распространения фатьяновской культуры, а на некоторых стоянках встречаются обломки сверленых боевых топоров и заготовки для них с незаконченным сверлением (стоянки Дубьевская, Болоньинская; рис. 1). В орнаментации некоторых сосудов наблюдается сходство с фатьяновскими орнаментами.

---

[47] М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР.
[48] Фауна определена В. И. Цалкиным.

И. К. СВЕШНИКОВ

БОГАТЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ КОМАРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ У С. ИВАНЬЯ РОВЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

В изучении истории племен бронзового века юго-запада Восточной Европы особое место принадлежит комаровской культуре — наиболее яркому проявлению этой эпохи на указанной территории. Однако в этой проблематике до сих пор еще остается целый ряд недостаточно освещенных вопросов. К ним относятся вопросы о северо-восточной границе территории распространения комаровской культуры, абсолютной хронологии ее памятников, связях ее племен с их соседями, существовавших у них обычаях и общественно-семейных отношениях. Естественно поэтому, что каждая находка, проливающая новый свет на комаровскую культуру, вызывает интерес исследователей. К таким памятникам принадлежит курган у с. Иванья Дубновского района Ровенской области, исследованный в 1966 г. Волынской археологической экспедицией Института общественных наук Львовского университета, а также случайно открытые там же погребения.

В 1938 г. при постройке дороги возле кладбища с. Иванья было обнаружено погребение с трупоположением. На левой стороне груди погребенного лежала бронзовая булавка длиной 47 *см*. Верхний край ее головки, расклепанной в треугольную пластинку, загнут в поперечную трубочку (рис. 1, *11*). Находка была передана в Дубновский музей, но во время войны утеряна; сохранились только ее рисунок и фотография. Подобные булавки с загнутым в трубочку верхним концом треугольной расклепанной головки известны в культуре Ноа на территории Румынии[1]. Все они, однако, значительно меньших размеров, а некоторые из них отличаются от нашего экземпляра также витой верхней частью стержня[2]. Из второго погребения возле с. Иванья, разрушенного в довоенные годы, происходил также утерянный в настоящее время бронзовый браслет с концами, завитыми в спиральные щитки.

В 1964 г. земляными работами был поврежден один из двух находившихся возле с. Иванья курганов, причем было разрушено погребение с бронзовыми вещами, из которых только один боевой топор был передан в Дубновский краеведческий музей. Обследованием места находки, проведенным Волынской археологической экспедицией в 1965 г., установлено, что курган был расположен в урочище «Могилки» на правом берегу р. Иквы возле кладбища. Его насыпь, диаметром 45—50 *м* и высотой 1,5 *м*, перерезана двумя силосными ямами шириной 6 и 9 *м*. Погребение находилось в юго-западном секторе кургана. Судя по выброшенным бульдозером

---

[1] М. Петреску-Дымбовица. К вопросу о гальштатской культуре в Молдове. «Материалы и исследования по археологии юго-запада СССР и Румынской Народной Республики». Кишинев, 1960, рис. 4, 11.

[2] F. Tompa. 25 Jahre Urgeschichtsforschung in Ungarn 1912—1936. «Bericht der römisch — germanischen Kommission», 24/25, 1937, табл. 45, 15.

Рис. 1. Некоторые находки комаровской культуры с Западной Волыни

1 — боевой топор из Западной Волыни; *2* — боевой топор из кургана I у с. Иванья; *3—5, 8, 10* — сережки, браслеты и сосуд из клада у с. Пересопница; *6, 9* — булавка и ковш из кургана у с. Дитиничи; *7* — ковш из окрестностей Ровно; *11* — булавка из открытого в 1938 г. погребения у с. Иванья (*1—6, 10, 11* — бронза; *7—9* — глина)

костям, оно принадлежало взрослому мужчине. Весь инвентарь погребения, кроме бронзового топора, утерян. Удлиненное лезвие топора дугообразно изогнуто вверх, косо срезано с боков, закончено широкой полукруглой режущей частью. Обушная часть грибовидной формы. Украшенные кольцевыми утолщениями концы цилиндрического проуха выступают вверх и вниз. С обеих сторон проуха расположено изображение солярного знака в виде круглой выпуклости, окруженной кольцевым ребрышком (рис. 1, *2*). В проушном отверстии сохранились остатки деревянной рукоятки с вбитым в ее верхнюю часть небольшим бронзовым клином. Точных аналогий описанному топору отыскать не удалось. Он наиболее близок

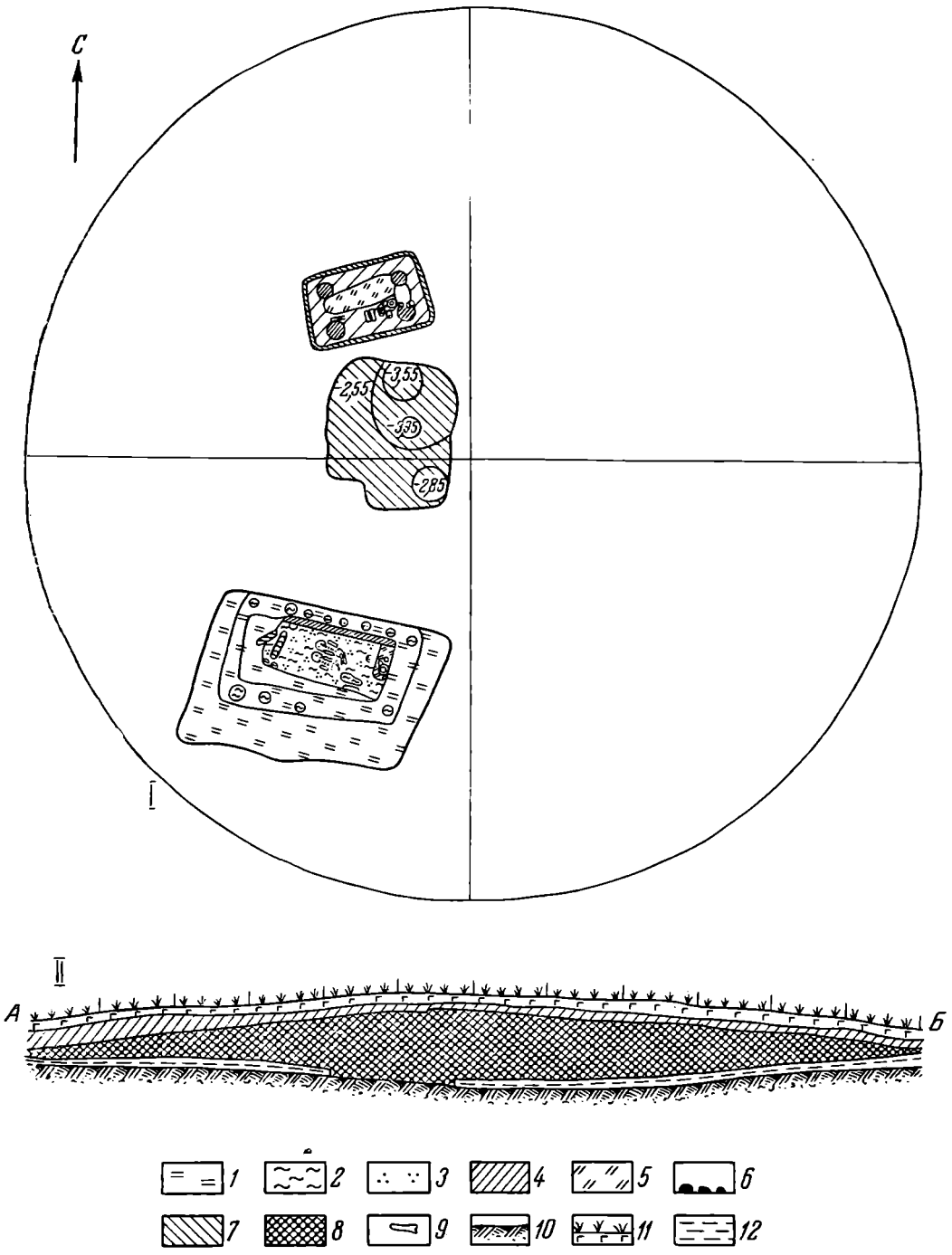


Рис. 2. Курган II у с. Иванья

I — план кургана; II — разрез кургана по линии А—Б
1 — пережженная глина; *2* — древесный уголь; *3* — зола; *4* — чернозем; *5* — пережженные кости погребенных; *6* — кости погребенных; *7* — яма кладоискателя; *8* — насыпь кургана; *9* — обуглившиеся кости; *10* — материк; *11* — гумус; *12* — суглинок

румынским бронзовым боевым топорам с изогнутым лезвием, датирующимся средним периодом бронзового века [3].

Второй курган (25 *м* диаметром и 1,6 *м* высотой) находился в 100 *м* к западу от первого. Летом 1966 г. он был исследован Волынской археологической экспедицией. В юго-западном секторе кургана на глубине 1,75 *м* от его верха (1 *м* от современной поверхности этой части насыпи) вскры-

[3] V. Pârvan. Getica. Bucureşti, 1926, рис. 256, 265.

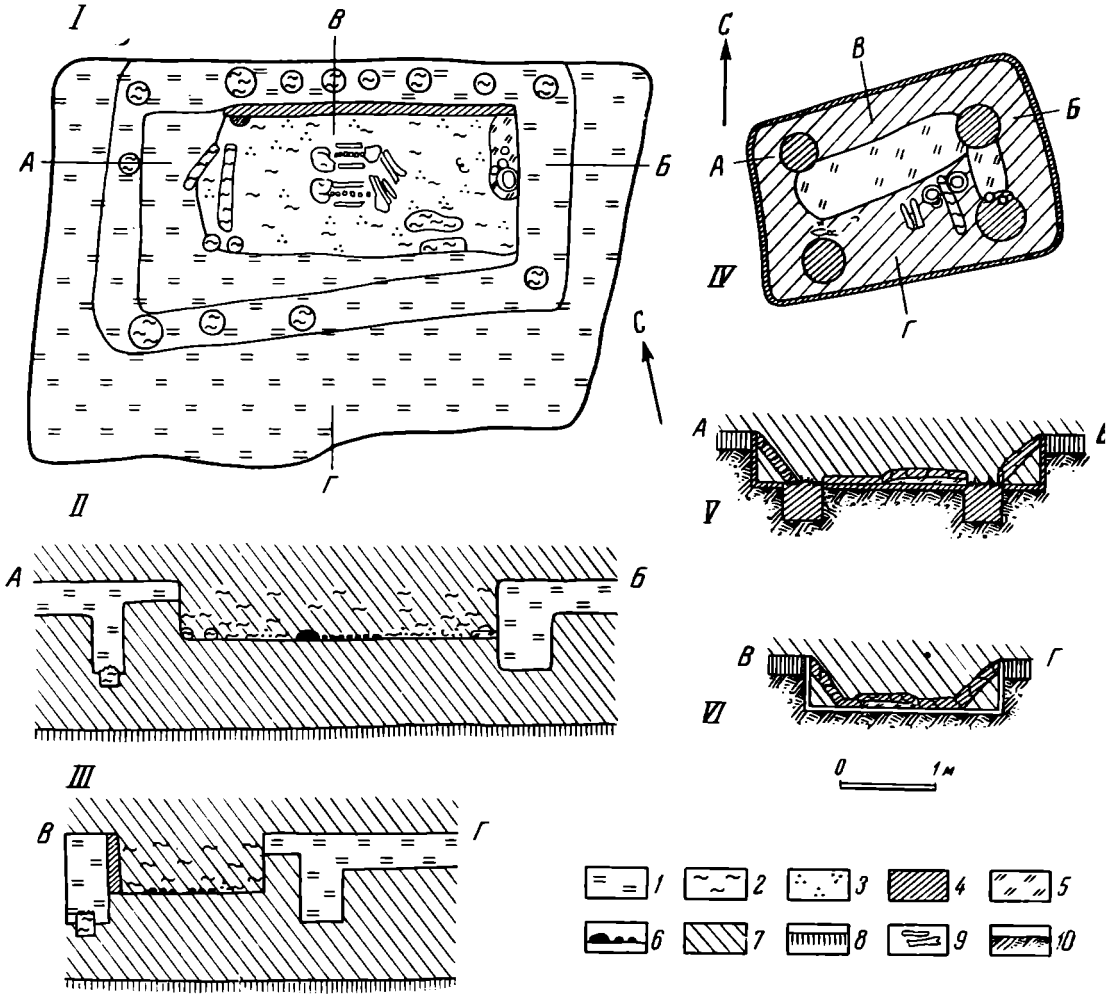


Рис. 3. Курган II у с. Иванья

I — план места кремации; *II* — разрез места кремации по линии А — Б; *III* — разрез места кремации по линии В — Г; *IV* — план могильной ямы; *V* — разрез могильной ямы по линии А — Б; *VI* — разрез могильной ямы по линии В — Г

1 — пережженная глина; *2* — древесный уголь; *3* — пепел; *4* — истлевшее дерево; *5* — пережженные кости погребенных; *6* — кости погребенных в разрезе; *7* — чернозем; *8* — суглинок; *9* — обуглившиеся кости погребенного; *10* — материк

то место кремации. Удалось проследить, что для его сооружения на древнем горизонте была выкопана канава 0,45—0,6 *м* шириной и 0,75 *м* глубиной, окружавшая прямоугольную площадку размером около 2,1 × 3,9 *м*, ориентированную с востока на запад с небольшим отклонением к северу. Часть этой площадки (прямоугольник размером около 1,6 × 3,4 *м*) была углублена на 0,4 *м* от уровня древнего горизонта (рис. 2, *I*; 3, *I—III*) и служила местом кремации. В дно канавы до глубины 0,15 *м* были вкопаны дубовые столбы диаметром от 0,12 до 0,3 *м*. Удалось проследить их истлевшие, вкопанные в землю концы и обуглившиеся нижние части. В канаве с северной стороны площадки для кремации находилось 8 столбов, с южной — 4, с западной — 1. Остатки двух обуглившихся столбов прослежены также в юго-западном углу площадки. Поверхность грунта к востоку, югу и западу от окружающей площадку канавы была углублена на 0,15 *м* от уровня древнего горизонта и перекрыта слоем белой материковой глины 0,35 *м* толщиной, обожженной докрасна и заполнявшей также канаву вокруг площадки. Таким образом, все сооружение находилось в неправильно прямоугольном углублении, размером около 4,4 × 6,2 *м*, уровень которого был понижен на 0,15—0,4 *м* от древней поверхности. На площадке для кремации находилось огромное количество пепла и древесного угля, в том

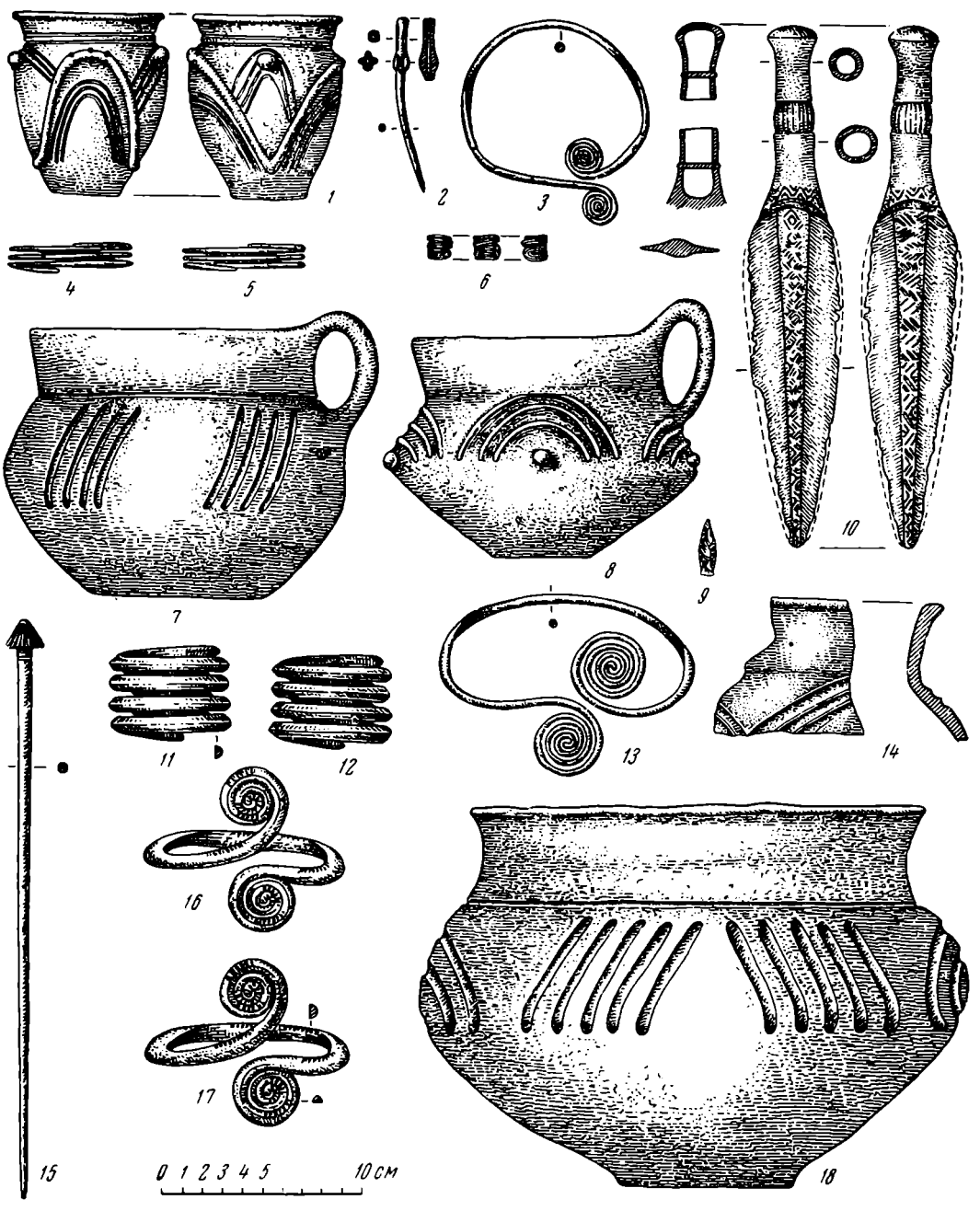


Рис. 4. Материал из кургана II у с. Иванья

1, 3—5, 8 — кубок, браслеты и ковш из погребения № 5; *2, 6, 7, 9, 10* — булавка, сережка, ковш, наконечник стрелы и кинжал из погр. № 4; *11—13, 15—18* — браслеты, булавка и сосуд из погр. № 1; *14* — обломок ковша с места кремации. (*1, 7, 8, 14, 18* — глина; *2—5, 10—13, 15—17* — бронза; *6* — золото; *9* — кремень)

числе куски обугливщихся дубовых бревен и плах, лежавшие в разных направлениях. Там же вскрыты три погребения (№ 1—3).

Погребение № 1 (рис. 3, *I*) было трупосожжением, совершенным на месте. Оно находилось восточного края площадки и, судя по инвентарю, принадлежало женщине. По сохранившим первоначальное положение остаткам пережженных костей удалось установить, что погребенная была ориентирована головой на север с отклонением к востоку. На ее руках находилась пара спиральных браслетов из треугольной в сечении бронзовой полосы (рис. 4, *11*, *12*), повыше колена левой ноги — браслет из круглой в сечении бронзовой проволоки с концами, завитыми в круглые спираль-

ные щитки (рис. 4, *13*). На правой голени, выше стопы находились два браслета из полукруглой в сечении бронзовой полосы, орнаментированной по верхнему краю группами нарезок, а на завитых в спиральные щитки концах — поперечной насечкой (рис. 4, *16*, *17*). На груди погребенной найдена длинная бронзовая булавка с конической головкой, украшенной вертикальными нарезами; ее круглый в сечении стержень орнаментирован под головкой двумя кольцевыми бороздками (рис. 4, *15*). В ногах стояла крупная глиняная ваза с раздутым туловом, цилиндрической шейкой, косо с внешней стороны срезанным краем венчика, орнаментированная горизонтальной бороздкой у основания шейки и группами косых каннелюр на теле; поверхность черная с коричневыми пятнами, лощеная; глина с примесью толченого пережженного кремня (рис. 4, *18*). На небольшом расстоянии от погребения № 1, среди остатков кострища найден обломок верхней части сосуда с прямой шейкой, украшенного концентрическими каннелюрами; на поврежденной огнем поверхности сохранились следы лощения, глина с примесью пережженного толченого кремня (рис. 4, *14*).

Погребения № 2—3 (рис. 3, *I*) обнаружены в средней части площадки для кремации. Они представляли собой захоронение двух лежащих рядом людей в скорченном положении, ориентированных головами на запад. На костях погребенных не отмечено следов огня. Из-за плохой сохранности костяков пол и возраст установить не удалось. На правой стороне груди одного из них (погр. № 2) обнаружены следы распавшегося небольшого бронзового украшения.

С погребениями № 2—3, совершенными после проведенной на площадке кремации, видимо, связаны некоторые изменения в конструкции погребального сооружения: северная стенка площадки была обложена слоем истлевшего, но не обуглившегося дерева 0,12 *м* толщиной, прослеживавшимся на 0,6 *м* в высоту, а в северо-западном углу площадки был вкопан подпиравший эту конструкцию дубовый столб, также без следов действия огня.

Почти в центре кургана, на глубине 2,35 *м* от его верха, на уровне предматерикового суглинка прослежена яма кладоискателя, а в 0,5 *м* к северу от нее, в северо-западном секторе кургана — прямоугольная могильная яма, размером 2—2,2 × 3—3,2 *м* и глубиной 0,6 *м*, считая от ее края, четко прослеживавшаяся в слое предматерикового суглинка. Яма была ориентирована с юго-запада на северо-восток. По ее углам находились вкопанные в грунт на 0,35 *м* деревянные истлевшие столбы диаметром 0,4—0,5 *м*. Дно и стенки ямы были обложены дубовыми плахами. Такие же сильно истлевшие и прогнувшиеся внутрь плахи составляли перекрытие ямы (рис. 3, *IV—VI*). На дне ямы обнаружены пережженные кости еще двух погребенных (погр. № 4 и 5).

Погребение № 4 (рис. 3, *IV*). Вдоль северной стенки могильной ямы были ссыпаны кости одного погребенного (судя по вещам — мужчины). Среди них найден кремневый наконечник стрелы листовидной формы с небольшим слегка расширенным в нижней части черенком (рис. 4, *9*).

Между скоплением костей и столбом в южной части ямы лежали бронзовая булавка, кинжал и золотая серьга.

Булавка (рис. 4, *2*) изготовлена из круглого в сечении стрежня с четырехугольной в поперечном сечении, расширяющейся кверху продольно проколотой головкой. У основания головки крестообразно расположены четыре выпуклости.

Бронзовый кинжал (рис. 4, *10*) имеет листовидный клинок с уплощенной сужающейся книзу нервюрой, украшенной косыми нарезами, образующими с одной стороны тройной зигзаг, с другой — такой же зигзаг и мотив ромбов. Клинок переходит в нижнюю втульчатую часть рукоятки, украшенную тройным зигзагом из косых нарезов. Верхняя, также втульчатая, расширяющаяся кверху часть рукоятки закончена круглой выпуклой головкой. Оба конца средней, деревянной части рукоятки заходили во втул-

ки ее верхней и нижней частей и крепились при помощи поперечных стержней из бронзовой проволоки. Деревянная часть рукоятки обуглилась на костре, но в момент находки сохранилась настолько, что можно было установить ее длину.

Серьга изготовлена из двойной золотой проволоки, согнутой спереди в спиральный удлиненный щиток (рис. 4, *6*). Ее вес — 4,56 *г*.

В средней части ямы, возле скопления пережженных костей лежали две частично обгорелые человеческие берцовые кости, возможно, полностью не сгоревшие на костре. К востоку от них стоял глиняный ковш с приподнятой над венчиком ручкой, украшенный у основания шейки горизонтальной бороздкой, а на тулове — группами косых углубленных полосок; его поверхность — темно-коричневая, лощеная, местами поврежденная огнем (рис. 4, *7*).

Погребение № 5 (рис. 3, *IV*), находившееся в восточной части могильной ямы, было отгорожено от погребения № 4 обгорелой дубовой плахой. Судя по инвентарю, оно принадлежало женщине, пережженные кости которой были ссыпаны между двумя восточными угловыми столбами. Среди костей найдены два спиральных браслета из полукруглой в сечении бронзовой проволоки (рис. 4, *4*, *5*) и один ножной браслет с завитыми в спиральные щитки концами, изготовленный из круглой в сечении бронзовой проволоки (рис. 4, *3*). К западу от скопления костей обнаружены обломки двух сосудов — ковша и кубка. Ковш с высокой петельчатой ручкой орнаментирован на линии максимального диаметра тулова четырьмя крестообразно расположенными круглыми выпуклостями, окруженными сверху полукруглыми каннелюрами; поверхность — черная, лощеная, поврежденная огнем; глина с примесью толченого пережженного кремня (рис. 4, *8*). Тюльпановидный кубок (рис. 4, *1*) украшен рельефным и углубленным орнаментом: на плечиках расположены две овальные выпуклости, окруженные дугообразными прочерченными линиями, а на теле с двух сторон — тройные подковообразные прочерченные линии внутри соединяющихся внизу двух рельефных подков, украшенных в верхней части сквозными проколами. Поверхность — темно-коричневая, лощеная; глина с примесью песка и мелких зерен толченого пережженного кремня.

Вещам из кургана II у с. Иванья (кроме кинжала и булавки из погребения № 4) мы находим аналогии в памятниках комаровской культуры. Так, четыре браслета со спиральными концами из погребений № 1 и 5 (рис. 4, *3*, *13*, *16*, *17*), различающиеся только размерами, массивностью и наличием орнамента на двух экземплярах, принадлежат к типу украшений, известному из погребений комаровской культуры у с. Комарова Ивано-Франковской области (курган VIII) [4], Войцеховского могильника (курганы № 2 и 9)[5], Троянова и Кустовец[6] Житомирской области, Теклино Киевской области[7], Бара Винницкой области[8] и из случайных находок в Киевской области[9], возле Овруча Житомирской области и у с. Ставищаны (ранее Униев) Хмельницкой области[10]. Отдельные экземпляры этих украшений проникали далеко на восток. Например, гривна подобного типа входила в состав Сабанчеевского клада на Средней Волге[11]. За пределами

---

[4] I. Swieszn i kow. Kultura komarowska. Archeologia Polski, XII, 1, Warszawa, 1967, табл. I, *3*.

[5] О. Лагодовська. Войцехівський могильник бронзової доби на Волині. «Археологія», II, 1948, рис. 3, *1*; О. Ф. Лагодовська, Ю. М. Захарук. Нові дослідження Войцехівського могильника. АП, VI, 1956, рис. 2.

[6] J. Kostrzewski. Przyczynki do epoki brązowej na Wołyniu. «Przegląd Archeologiczny», III, Poznań, 1927, стр. 115; рис. 2, 3, 4.

[7] А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. III, СПб., 1901, табл. II, *4*.

[8] I. Swieszn i kow. Ук. соч., табл. XVI, *1*.

[9] ДП, 1, Киев, 1899, табл. XII, *61*.

[10] I. Swieszn i kow. Ук. соч., табл. XIV, *5*, *6*.

[11] Н. Я. Мерперт. Сабанчеевский клад. Сб. «Новое в советской археологии», М., 1965, стр. 155, рис. 3, *2*.

СССР браслеты и гривны со спиральными щитками на концах известны в инвентарях тшинецкой культуры на территории Польши [12] и в Чехословакии [13]. Все они датируются средним периодом бронзового века.

Спиральные браслеты, аналогичные двум экземплярам из Иванья (рис. 4, *11*, *12*), происходят из погребений у Бара [14] и с. Скирче (ранее Скурч) Волынской области [15] и из клада у с. Пересопницы Ровенской области (рис. 1, *5*, *10*). Подобные браслеты встречаются также в памятниках бронзового века Карпато-Дунайского района [16]. Проволочным спиральным браслетам из погребения № 5 (рис. 4, *4*, *5*) аналогичны браслеты из курганов № 2 и 5 Войцеховского могильника [17].

Точных аналогий булавке из погребения № 1 (рис. 4, *15*) нет. Она напоминает булавку из кургана VIII у Комарова [18]. Подобные нашей булавки известны в оттоманской культуре на территории Венгрии [19]. Булавка из погребения № 4 (рис. 4, *2*) аналогична костяным булавкам культуры Ноа, известным на территории Румынской Молдовы [20]. Аналогий бронзовому кинжалу пока мы не знаем.

Золотая серьга из погребения № 4 (рис. 4, *6*) по технике изготовления близка золотым перстням комаровской и тшинецкой культур, известным из кургана VI у Комарова [21] и из местности Лубна в Польше [22].

Кремневому наконечнику стрелы из погребения № 4 мы находим аналогию в инвентаре кургана № 11 Войцеховского могильника [23]. Два треугольных кремневых наконечника стрел с небольшими черенками найдены также в погребении у с. Скирче [24].

Керамика из кургана II у с. Иванье представлена типами сосудов, характерными для комаровской культуры. Вазы, близкие по форме и орнаменту экземпляру из погребения № 1 (рис. 4, *18*), происходят из Комарова и Букивны Ивано-Франковской области, Серник и Красова Львовской области [25]. Ковш из погребения № 5 (рис. 4, *8*) и обломок подобного ковша, найденный на месте кремации (рис. 4 14), относятся к типу сосудов, хорошо известному из погребений у Комарова, Букивны, Стопчатова Ивано-Франковской области и Волицы Тернопольской области [26]. Ковш из погребения № 4 (рис. 4, *7*) близок по форме и орнаменту ковшу из кургана XIII у Комарова [27]. Только кубку из погребения № 5 (рис. 4, *1*) аналогии среди известной керамики комаровской культуры пока отсутствуют. Однако его форма, характер орнаментации, поверхности и теста не оставляют сомнений относительно его культурной принадлежности.

Основным в исследованном кургане было, очевидно, мужское захоронение в могильной яме (погребение № 4). Женские погребения № 1 и 5 и скорченные захоронения № 2—3 следует рассматривать как погребения, сопутствующие погребению мужчины. Исключительное богатство инвента-

---

[12] A. Gardawski, K. Wesołowski. Zagadnienie metalurgii kultury trzcinieckiej w świetle «skarbów» z Dratowa pow. Puławy i Rawy Mazowieckiej. «Materiały Starożytne», I, Warszawa, 1956, рис. 18, 19, табл. XLII; XLIII; XLIV, *24*, *25*.

[13] L. Kraskovská. Nalez bronzow na Zitnom Ostrove. AR, XII, 2—3, 1951, рис. 106—107.

[14] I. Swiesznikow. Ук. соч., табл. XIV, *2*.

[15] J. Kostrzewski. Ук. соч., рис. 1, *b*, *d*.

[16] F. Tompa. Ук. соч., табл. 45, *27—29*.

[17] О. Лагодовська. Ук. соч., рис. 3, *2—6*.

[18] I. Swiesznikow. Ук. соч., табл. I, *1*.

[19] F. Tompa. Ук. соч., табл. 33, *3*.

[20] М. Петреску-Дымбовица. Конец бронзового и начало раннежелезного века в Молдове. «Dacia», IV, 1960, стр. 148, рис. 8, *8*.

[21] I. Swiesznikow. Ук. соч., табл. V, *6*.

[22] A. Gardawski. Niektóre zagadnienia kultury trzcinieckiej w świetle wykopalisk w miejscowości Łubna, pow. sieradzki. WA, XVIII, 1951, табл. V, *B*, *C*.

[23] О. Ф. Лагодовська, Ю. М. Захарук. Ук. соч., рис. 1, *4*.

[24] J. Kostrzewski. Ук. соч., рис., 1, *e*, *f*.

[25] I. Swiesznikow. Ук. соч., табл. II, *12*; VII, *11—13*; VIII *3*, *9*.

[26] Там же, табл. I, *7*; VI, *1*, *3*; VIII, *10*, IX, *5*, *11*, *16*.

[27] Там же, табл. V, *9*.

ря кургана, расположение отдельных погребений, а также то обстоятельство, что двое из погребенных были, видимо, умерщвлены в конце совершения обряда погребения, не подверглись кремации и лишены вещей, позволяют с большой долей вероятности предположить, что в кургане был похоронен представитель родовой знати, возможно родовой вождь с двумя женами и двумя рабами (или рабынями).

Кроме нового материала для изучения общественных отношений племен комаровской культуры и их связей с соседними племенами, раскопки у с. Иванья дали также новые данные для датировки памятников упомянутой культуры. Находка в погребении № 4 булавки культуры Ноа раннего типа позволяет синхронизировать исследованный курган с ранними памятниками культуры Ноа на территории Западной Подолии. По мнению исследователей этой культуры, ее появление в указанном районе относится к XIII в. до н. э.[28] Анализ древесного угля из кургана у с. Иванье методом C^{14}, выполненный лабораторией в Гронинген (Голландия) установил дату 1285 ± 35 г. до н. э.

Булавка из погребения № 4 — не первая находка изделий культуры Ноа в комплексах комаровской культуры. К этой группе памятников относится, видимо, также булавка, найденная у с. Иванья в 1938 г. (рис. 1, *11*). В 1953 г. в одном из погребений могильника комаровской культуры у с. Звенигород Львовской области были обнаружены два сосуда — один, относящийся к комаровской культуре, второй — к культуре Ноа[29]. Керамика культуры Ноа была также найдена в погребении комаровской культуры в Дубно Ровенской области[30] и в курганах № 1, 2 и 9 Войцеховского могильника[31].

Инвентарь погребения у Иванья позволяет также отнести к комаровской культуре некоторые отдельные находки, культурная принадлежность которых до последнего времени была неясна. Так, благодаря находке в кургане I бронзового боевого топора к кругу памятников комаровской культуры следует причислить подобный топор из Западной Волыни (рис. 1, *1*)[32]. Его удлиненная, слегка дугообразно изогнутая, орнаментированная тремя продольными ребрышками лезвийная часть закончена широким полукруглым лезвием. Проушное отверстие сверху и снизу переходит в цилиндрические выступы с косо срезанными с внешней стороны краями. Обух короткий, грибообразной формы. Аналогичные топоры среднего периода бронзового века известны в Карпато-Дунайском районе[33].

Памятники комаровской культуры на Волыни известны уже давно. Кроме упоминавшихся выше Войцеховского могильника, погребений у сел Кустовцы и Скирче, случайной находки из Ставищан, можно назвать еще раскопанный в 1936 г. Я. Фицке курган у с. Черск Волынской области, в котором возле погребения с трупосожжением найдены тюльпановидный и двуухий сосуды и проволочный браслет со спиральными щитками на концах[34], поселения возле Костянца Ровенской области[35], Луцка[36] и Ставка[37] Волынской области, ряд поселений, открытых разведкой Ю. Н. За-

[28] Э. А. Балагури. История племен позднебронзового периода в Среднем Поднестровье (культура Ноа). Автореф. канд. дис. Киев, 1964, стр. 12.

[29] I. Swiesznikow. Ук. соч., табл. X, *1, 2*.

[30] W. Przybysławski. Repertorium zabytków przedhistorycznych Galicji Wschodniej. Lwów, 1906, стр. 74, 75, рис. 1.

[31] О. Лагодовська. Ук. соч., стр. 63; рис. 1, 2; О. Ф. Лагодовська, Ю. М. Захарук. Ук. соч., рис. 3, 5.

[32] Точное место и обстоятельства этой находки неизвестны. Топор хранится в Львовском историческом музее.

[33] M. Roska. Erdély régészeti repertoriuma, 1, Kolozsvar, 1942, рис. 339; A. Mozsolics. Bronzefunde des Karpatenbeckens. Budapest, 1967, рис. 10, *2*.

[34] I. Swiesznikow. Ук. соч., табл. XII, *1, 2*.

[35] І. К. Свешніков. Розкопки в Костянці на полі Листвещина. АП, IV, 1952, стр. 131—139.

[36] ZOW, 1937, 11—12, стр. 165, 166.

[37] Ю. Н. Захарук. Новое поселение культуры шнуровой керамики на Волыни. КСИА, 7, 1957, стр. 38.

харука в 1952 г.[38] и Волынской археологической экспедицией Института общественных наук в 1959—1966 гг.[39], случайные находки керамики из Луцка, Кутянки (ранее Ляхов), Верхова, хутора Сутец, Могилян Ровенской области[40] и из окрестностей г. Ровно (рис. 1, 7).

Раскопками А. Цинкаловского в 1936 г. у с. Пересопницы Ровенской области обнаружен клад, состоящий из двух бронзовых сережек и пары браслетов, находившихся в глиняном сосуде[41]. Тюльпановидный сосуд (рис. 1, *8*) по форме, коричневой сглаженной поверхности и примеси толченого пережженного кремня в тесте представляет собой тип сосуда, характерный для комаровской культуры. Спиральные браслеты из полукруглой в сечении бронзовой ленты (рис. 1, *5, 10*) аналогичны браслетам из погребения № 1 в кургане II у Иванья. Сережки в виде конусовидных дисков изготовлены из спирально согнутой бронзовой проволоки (рис. 1, *3, 4*). Конец одной из них витой, ко второй прикреплено небольшое проволочное колечко.

В 1940 г. М. И. Островский исследовал у с. Дитиничи курганы комаровской культуры. В одном из них найдены ковш (рис. 1, *9*) и булавка (рис. 1, *6*)[42], аналогичная булавке из кургана № 5 Войцеховского могильника[43].

Несмотря на то, что все указанные памятники являются неоспоримым доказательством распространения на Волыни комаровской культуры, в археологической литературе этот район иногда рассматривается как часть территории тшинецкой культуры[44]. В действительности комаровская и тшинецкая культуры настолько близки друг другу, что их следует рассматривать в качестве двух локальных вариантов одной тшинецко-комаровской культуры[45]. Для обоих вариантов, однако, характерны присущие им отличительные черты, к которым относится наличие в комаровской и отсутствие в тшинецкой культуре кубков, двуухих ваз и орнамента в виде каннелюр и косо заштрихованных треугольников[46]. Двуухие сосуды были найдены в курганах у Черска и Кустовец, украшенная каннелюрами керамика известна из Луцка[47], Дитинич (рис. 1, *9*), Ставка Волынской области[48] и Дежбиц Ровенской области[49], а орнамент в виде косо заштрихованных треугольников есть на керамике из окрестностей Ровно (рис. 1, 7), из Рипнева Львовской области, Костянца Ровенской области[50]. Таким образом, даже ранее известные находки не давали основания для отнесения памятников Волыни к тшинецкой культуре. Новые материалы из раскопок у с. Иванья, бесспорно относящиеся к комаровской культуре, вносят ясность и в этот вопрос.

[38] Поселения у сел Семаки, Одерады Волынской области, Мирогощa и Липа Ровенской области.

[39] Поселения у сел Горка-Полонка Волынской области. Дядьковичи, Межиричи, Аршичин, Хриники, Городок, Зозов, Хотин, Пухово, Лопавша, Загороща, Оржев Ровенской области.

[40] I. Swieszn i kow. Ук. соч., табл. XII, *3, 7, 8*; XIII, *6, 7, 13—15*.

[41] A. Cynkałowski. Materiały do pradziejów Wołynia i Polesia Wołynskiego. Warszawa, 1961, стр. 88, 89, табл. IX, *6—9*. Автор сообщает, что раскопки были проведены в 1938 г. и что в состав клада, кроме двух сережек, входили три браслета. Из хранящейся в Варшавском археологическом музее при этих вещах документации следует, что находка была сделана в 1936 г. внутри землянки.

[42] Материал хранится в Дубновском краеведческом музее.

[43] О. Лагодовська. Ук. соч., рис. 2, 3.

[44] A. Gardawski. Plemiona kultury trzcinieckiej w Polsce. «Materiały Starożytne», V, Warszawa, 1959, табл. II; С. С. Березанская. Культура тшинецко-комаровского типа в северных районах Украины. «Тезисы докладов советской делегации на I Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве». М., 1965, стр. 33.

[45] И. К. Свешников. К вопросу о сходстве и различии тшинецкой и комаровской культур. Сб. «Новое в советской археологии», стр. 86—92.

[46] И. К. Свешников. Ук. соч., рис. 1, 2.

[47] I. Swieszn i kow. Ук. соч., табл. XII, *8*.

[48] Раскопки Ю. Н. Захарука. Материал хранится в Институте общественных наук во Львове.

[49] Случайная находка фрагмента ковша, украшенного полукруглыми каннелюрами. Хранится в Луцком краеведческом музее.

[50] I. Swieszn i kow. Ук. соч., табл. XI, *5*; XIII, *8, 11*.

Э. А. СЫМОНОВИЧ, А. З. ЯРОВОЙ

ПОСЕЛЕНИЕ ВИКТОРОВКА-II В УСТЬЕ СОСИЦКО-БЕРЕЗАНСКОГО ЛИМАНА

(По материалам раскопок М. Ф. Болтенко)

Викторовское поселение Николаевской обл. (Викторовка-II) принадлежит к интереснейшим памятникам местного населения позднеримского времени. Хотя раскопки М. Ф. Болтенко были произведены в 1949—1950 гг., в археологической литературе до сих пор нет сколько-нибудь подробных сведений об этих работах [1]. Сам М. Ф. Болтенко не успел подготовить публикацию материалов, а отчеты, кроме кратких сведений о раскопках 1949 г., в его личном архиве не сохранились [2]. Нет их и в Научном архиве Института археологии АН УССР, выдававшем «открытый лист» на право производства этих исследований [3]. Отсутствует также уверенность, что при тогдашнем директоре Одесского археологического музея были полностью сохранены полученные в результате раскопок материалы. Отдельные записи М. Ф. Болтенко, черновые чертежи А. З. Ярового, участвовавшего оба сезона в полевых исследованиях, и уцелевшие в Фондах Одесского археологического музея находки являются основой настоящей статьи, цель которой — публикация основных итогов работ М. Ф. Болтенко [4].

Поселение Викторовка-II расположено на правом берегу Сосицко-Березанского лимана, близ самого его устья. Несколько южнее по берегу в те же годы С. И. Капошиной исследовалось селище эллинистического времени — Викторовка-I. Западнее описанного ниже памятника позднеримского времени шурфовкой выявлены следы жизни в эпоху поздней бронзы — Викторовка-III. Интересующее нас поселение позднеримского времени было вытянуто вдоль обрывистого берега лимана. Высота берега достигала здесь 10 *м*. Культурный слой в срезе берега прослеживается на расстоянии не менее 70—100 *м* и имеет мощность 0,40—0,60 *м*. Заселенный в древности участок находился возле места выхода к лиману глубокой балки, где когда-то протекал ручей, снабжавший жителей пресной водой (рис. 1). Культурный слой был насыщен золой и содержал много обломков керамики, костей животных и рыб [5]. Отличительным признаком этого поселе-

[1] Хроника научно-исследовательской работы в области древней истории и археологии в университетах, педагогических институтах и музеях СССР (1950—1951 гг.). ВДИ, 4, стр. 239; Л. М. Славін. Археологічні дослідження городищ, поселень та могильників ольвійского оточення у 1949—1950 рр. АП, V, Київ, 1955, стр. 145—146.

[2] См. Фонды ОГАМ — архив М. Ф. Болтенко, № 921.

[3] Отсутствуют отчетные материалы и у Л. М. Славина, возглавлявшего в те годы Ольвийский заповедник и экспедицию, в составе которой проводил полевые работы М. Ф. Болтенко.

[4] В 1962 г. возле с. Викторовки Э. А. Сымоновичем был обнаружен и частично исследован могильник, в связи с чем ранее исследованное поселение приобретает особый интерес.

[5] Часть доступных для определения костей животных из раскопок на поселении Викторовка была определена В. И. Цалкиным. Они принадлежали: крупному рогатому скоту (240/9), мелкому рогатому скоту (105/8), свинье (16/3), лошади (79/4), собаке (10/4), лисице (23/2).

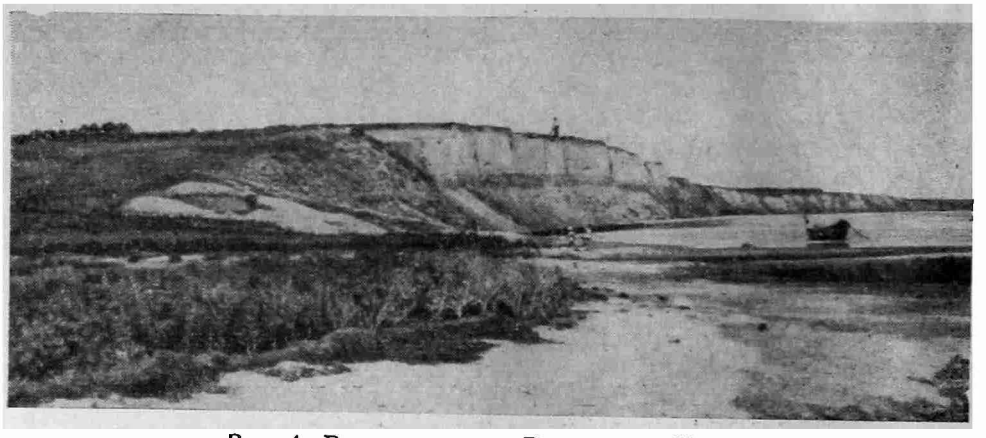


Рис. 1. Вид поселения Викторовка-II, с юга

ния от других, близких ему по времени, является небольшое сравнительно число находок камней в слое и отсутствие достоверных каменных кладок[6]. Вскрытые во время раскопок отдельные скопления и небольшие развалы камней, иногда даже лежащих подряд, никак невозможно счесть за остатки каменных построек. В них и не было нужды у местных жителей. С помощью двух раскопов, заложенных вблизи балки над обрывом берега лимана и 15 шурфов, выкопанных в разных частях поселения, в том числе расположенных на территории поселения Викторовка-II, удалось обнаружить жилища особого для Причерноморья типа. Раскопы были ориентированы по странам света. Они состояли из примыкающих друг к другу полос, имеющих обозначения римскими цифрами, и квадратов внутри их размерами 5 × 5 *м*, получивших обозначение от 1 до X. Нумерация последних начиналась от обрыва берега лимана и увеличивалась по мере удаления от берега. В результате работ зафиксированы остатки пяти углубленных в землю построек, печи и очаги, находившиеся, по-видимому, вне жилищ, и хозяйственные или другого назначения ямы. Постройки на исследованной площади размещались на расстоянии приблизительно от 5 до 10 *м* одна от другой (рис. 2). Форма их округлая, овальная (рис. 3)[7]. Величина их колеблется от 5 до 2,95 *м*. Земляные стенки построек были отвесные или почти отвесные. Пол земляной ровный, со следами прожженности на месте очага, как в постройке 1 (рис. 3, *2*), или с развалом камней, может быть принадлежавших какому-либо отопительному устройству, как в постройке 4 (рис. 3, *5*). В пределах построек были отмечены следы ям: в одной постройке, частично разрушенной обрывом берега, была прослежена большая цилиндрическая хозяйственная яма (рис. 3, *7*, *7А*), в двух — найдены следы неглубоких ямок, видимо, от столбов. В постройке овальной формы с выступом на месте входа они располагались по длинной оси помещения (рис. 3, *8А*, *8Б*), а в округлой — в центре (рис. 3, *6*, *5*, *6А*). Как была устроена крыша в полуземлянках, лишенных столбов (рис. 4), можно только предполагать. По-видимому, концы жердей, поддерживавших шалашеобразную крышу, упирались в верхние слои почвы. Вероятно, они были в нее углублены и, может быть, укреплялись камнями, скопления которых встречались возле жилищ. Следы аналогичных углубленных в землю построек известны нам пока только на поселении в с. Тилигуло-Березанске (относящемся к тому же примерно времени), расположенном

---

[6] К. А. Раевский. Наземные сооружения земледельцев междуречья Днепра — Днестра в I тысячелетии н. э. СА, XXIII, 1955, стр. 250—276; Э. А. Сымонович. О некоторых типах поселений первых веков нашей эры в Северном Причерноморье. КСИИМК, 65, 1956, стр. 131—135.

[7] На сохранившихся чертежах планам построек придана строго геометрическая форма, предположительно реконструирующая их древние очертания.

в низовьях р. Сосик, неподалеку от ее впадения в одно из ответвлений уже упомянутого нами Сосцко-Березанского лимана [8].

Из числа шести очагов и печей, упомянутых Л. М. Славиным в обзорной статье в разделе о Викторовке-II [9], наилучшим образом мы можем представить одну из печей, план которой сохранился (рис. 3, 4). Печь помещалась вне постройки. Она была прямоугольной формы, длиной 1,55 *м* при поперечнике около 1,00 *м*, ориентирована север — юг. Две стенки свода шириной 0,20 *м* возвышались над подом, выложенным плоскими плитчатыми камнями и обмазанным глиной. Сведения о другой печи мы почерпнули из сохранившихся отдельных страниц дневников, которые вели участники раскопок М. Ф. Болтенко. Так, имеются сведения о находке овальной, углубленной в землю на 0,40 *м* печи, заполненной камнями. Она была ориентирована меридионально и имела размеры 0,65 × 0,45 *м*. Подобная ей яма со следами кострища, тоже выкопанная вне пределов жилища, с камнями в заполнении была ориентирована широтно и имела размеры 1,70 × 1,30 *м* (рис. 3, *3*). Наконец, упомянем в какой-то степени документированную печь, обнаруженную в пределах одной из полуземлянок. На схематически вычерченном плане в пределах овальной постройки 4(?) в одном из отрывков полевого дневника студента показан развал плитчатых камней и в центре печь или очажок квадратной формы с открытой одной стороной и тремя другими, ограниченными, по-видимому, поставленными на ребро камнями. По сведениям, имевшимся у Л. М. Славина, другая — полуразрушенная обрывом полуземлянка 2 — имела в юго-западной части большую печь, сложенную из камней на глиняном растворе [10]. Поскольку в других постройках отопительные устройства не прослежены, надо думать, что они согревались очагами, место которых отмечал только прожженный участок пола, как это было в Тилигуло-Березанке.

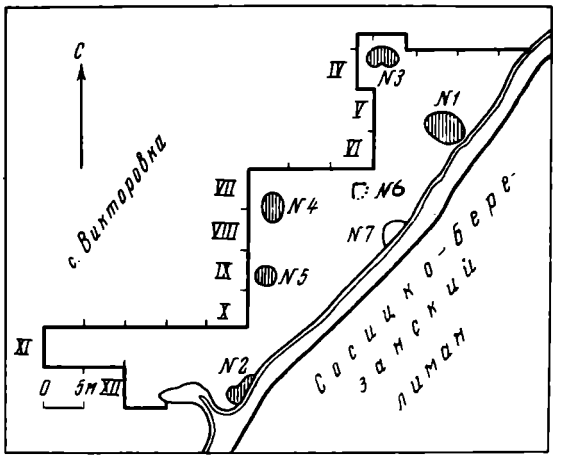


Рис. 2. Восстановленный сводный план раскопанной части поселения Викторовка-II

1—5 — остатки полуземлянок; *6* — печь; *7* — жертвенная яма

Различные ямы и их размещение на сохранившихся планах плохо документированы. Места их расположения на сводном чертеже восстановить нам не удалось, если не считать жертвенной ямы, отчасти разрушенной обрывом берега (рис. 2, *7*). Есть сведения, что хозяйственные ямы концентрировались возле построек, как это, например, отмечено для полуземлянки 1 [11]. Форма ям была разная: цилиндрическая, внутри постройки 2 (рис. 3, *7, 7А*), с расширяющимися книзу стенками в центре постройки 5 (рис. 3, *6, 5—6А*), упоминавшиеся овальные ямы, сужающие внизу (рис. 3, *3*). Особый интерес представляет большая жертвенная яма (рис. 3, *1*), прослеженная в обрыве берега. Приводим ее описание, сделанное М. Ф. Болтенко: «Между двумя полуземлянками глубокая воронкообразная в разрезе яма глубиною от современной дерновой поверхности в 5,10 *м*. В этой яме при полном отсутствии каких бы то ни было культурных остатков других эпох позднейших и древнейших найдены были: на глубине 2,80 *м*

---

[8] Раскопками Э. А. Сымоновича 1964 г. были обнаружены две углубленные в землю постройки. См. МИА, 139, 1967, стр. 209—212, рис. 2.

[9] Л. М. Славин. Ук. соч., стр. 145.

[10] Там же, стр. 146.

[11] Там же, стр. 145.

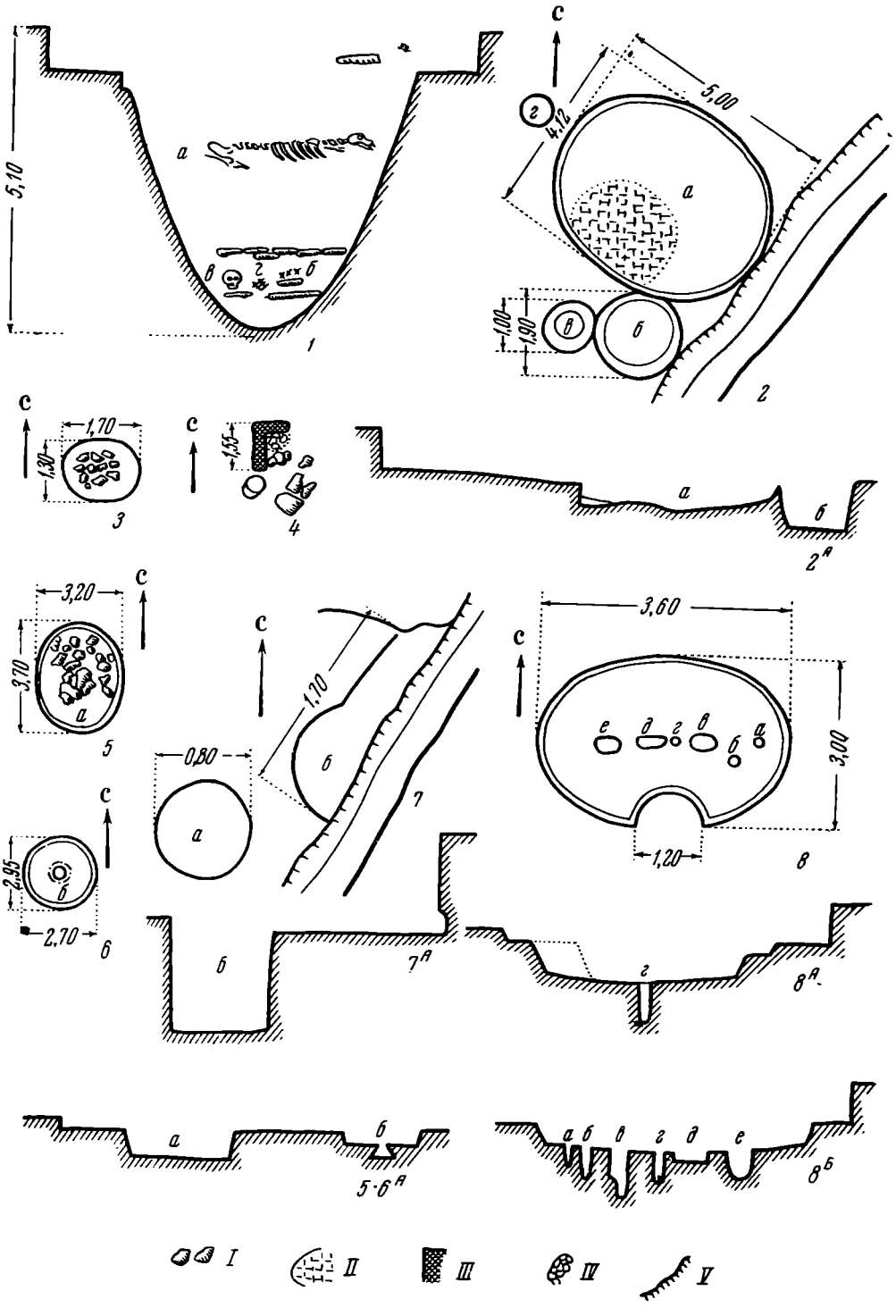


Рис. 3. Планы и разрезы построек, ям и печей на поселении Викторовка-II (по сохранившимся черновым чертежам А. З. Ярового)

I — камни; *II* — прожженный участок пола; *III* — остатки глинобитного свода; *IV* — глинобитный под; *V* — обрыв берега

захоронение коня, на глубине 4,40 *м* — человеческий деформированный череп с двумя шейными позвонками, очевидно, результат обезглавливания. Среди костей животных — кости лисицы, зайца и курицы. Измельченные черепки посуды типа Викторовка-II». Отсутствие оружия, украшений и

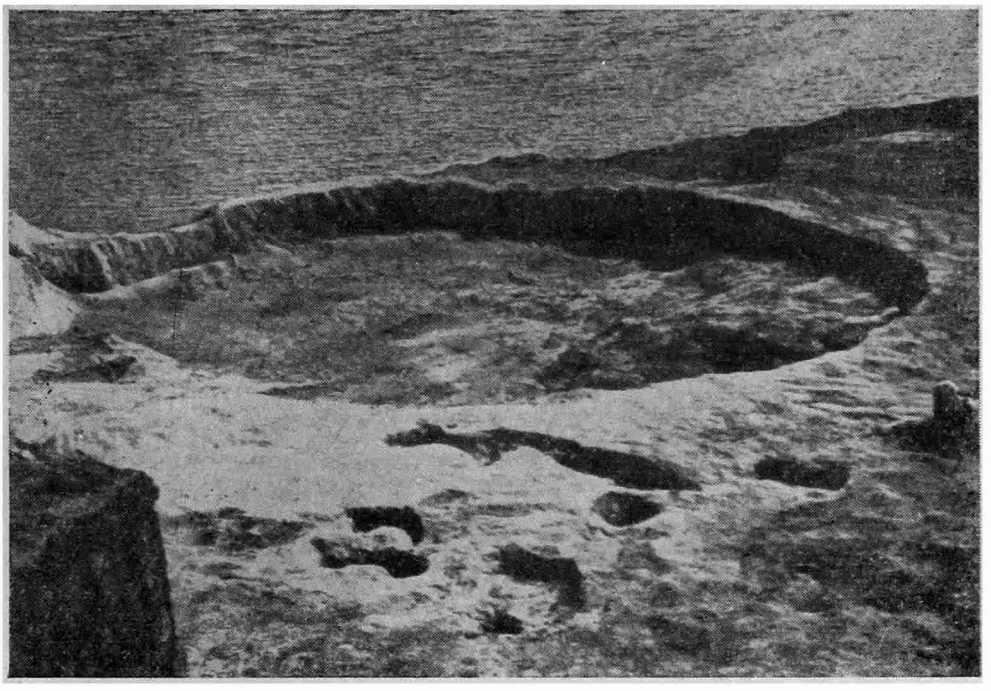


Рис. 4. Вид с запада постройки на поселении Викторовка-II

целой посуды не позволяет говорить о погребальном назначении ямы [12]. Кости животных и череп человека были разложены на каменных плитах и перекрыты каменной вымосткой. Наблюдение М. Ф. Болтенко о жертвенном назначении подобных глубоких ям подкрепляет находка на поселении позднеримского времени возле с. Ранжевое на соседнем Тилигульском лимане. Там в сужающейся книзу яме глубиною 3,20 *м* с небольшим количеством камней и единичными обломками гончарной сероглиняной керамики были найдены остатки костяка зайца. На могильнике при этом поселении в одном из погребений были найдены кости принесенных в жертву петуха и курицы. Такое же сочетание приносимых в жертву домашних птиц известно по раскопкам других черняховских комплексов, например, в погребении 5 нижнеднепровского могильника у овчарни совхоза «Приднепровского» [13].

Переходя к описанию важнейших находок, сразу же заметим, что мы не имеем статистических подсчетов групп керамики, костей животных и пр. Однако по записям и наличию материалов в фондах ОГАМ можно составить представление об основных группах посуды и господствующих формах. Лепная керамика по численности уступала гончарной характерной черняховской посуде. Уступало последней также количество обломков античной керамики. Фрагменты посуды, вылепленной от руки, принадлежали горшкам обычно серо-желтоватого цвета из глины с примесью песка и шамота с грубой бугристой поверхностью. Толстые стенки горшков не всегда хорошо прожжены и крошатся. Как правило, горшки имели небольшой выделенный отгибом венчик и пологие плечики (рис. 5, *4*). Выступ дна или слабо, или совсем не подчеркнут. Полное представление о подобных формах позволили составить находки целых сосудов из обнаруженного нами в 1962 г. могильника, расположенного к северу от поселения [14].

---

[12] М. Ф. Болтенко. Раскопки в Викторовке на западном берегу Березанского лимана в 1949 г. (предварительная информация). Фонды ОГАМ — архив М. Ф. Болтенко, № 921.

[13] Э. А. Сымонович. Памятники черняховской культуры Степного Поднепровья. СА, XXIV, 1955, стр. 303, 304.

[14] Е. О. Симонович. Перший черняхівський могильник в Північному Причорномор'ї. «Археологія», XX, Київ, 1966, стр. 196—201.

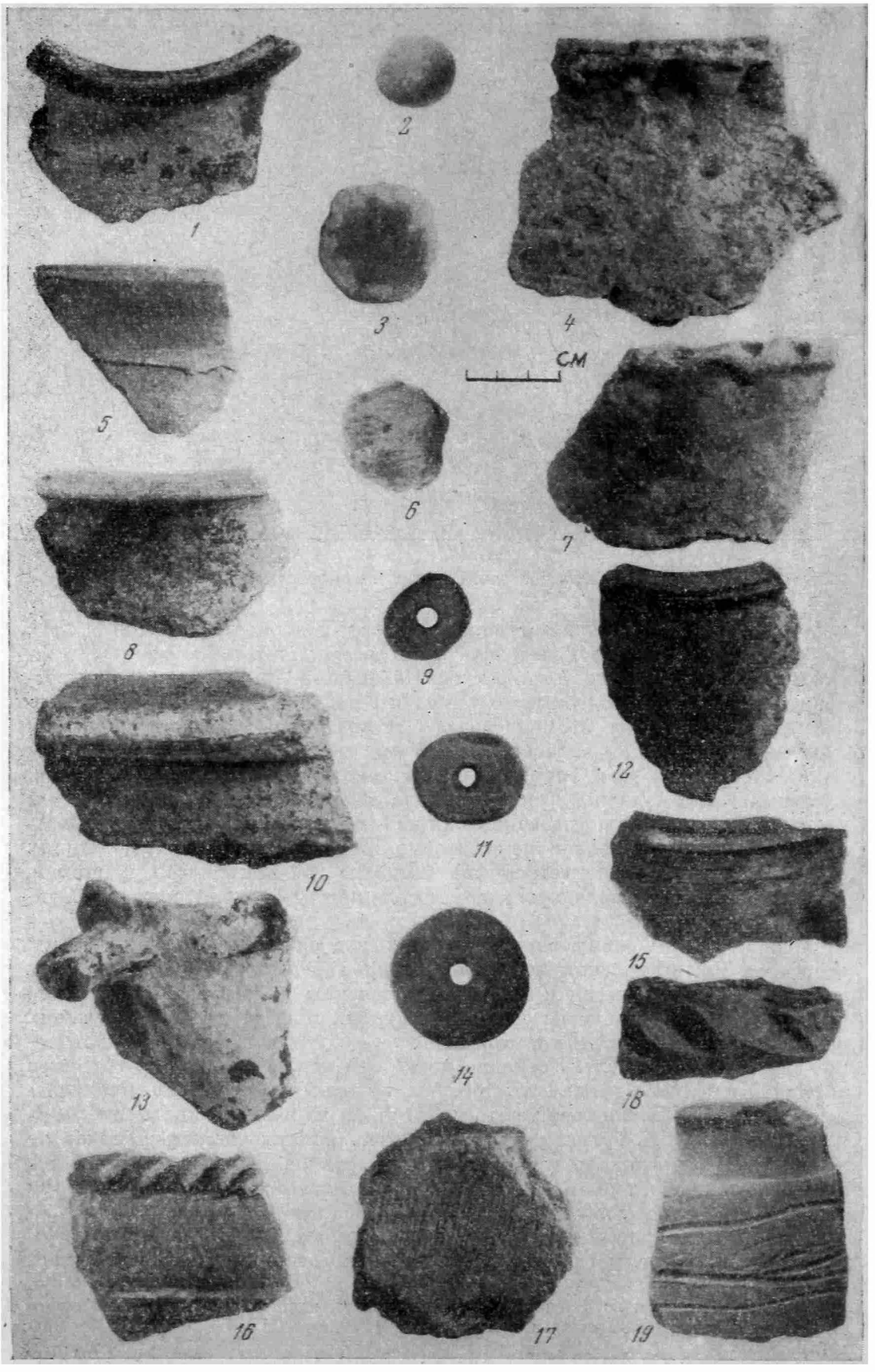


Рис. 5. Находки с поселения Викторовка-II

1, 5, 8, 10, 13, 15, 16, 18, 19 — обломки грубой гончарной посуды; *2* — каменный шарик — галька; *3, 6, 9, 11, 14* — глиняные кружки и пряслица; *4, 7, 12, 17* — обломки лепной посуды

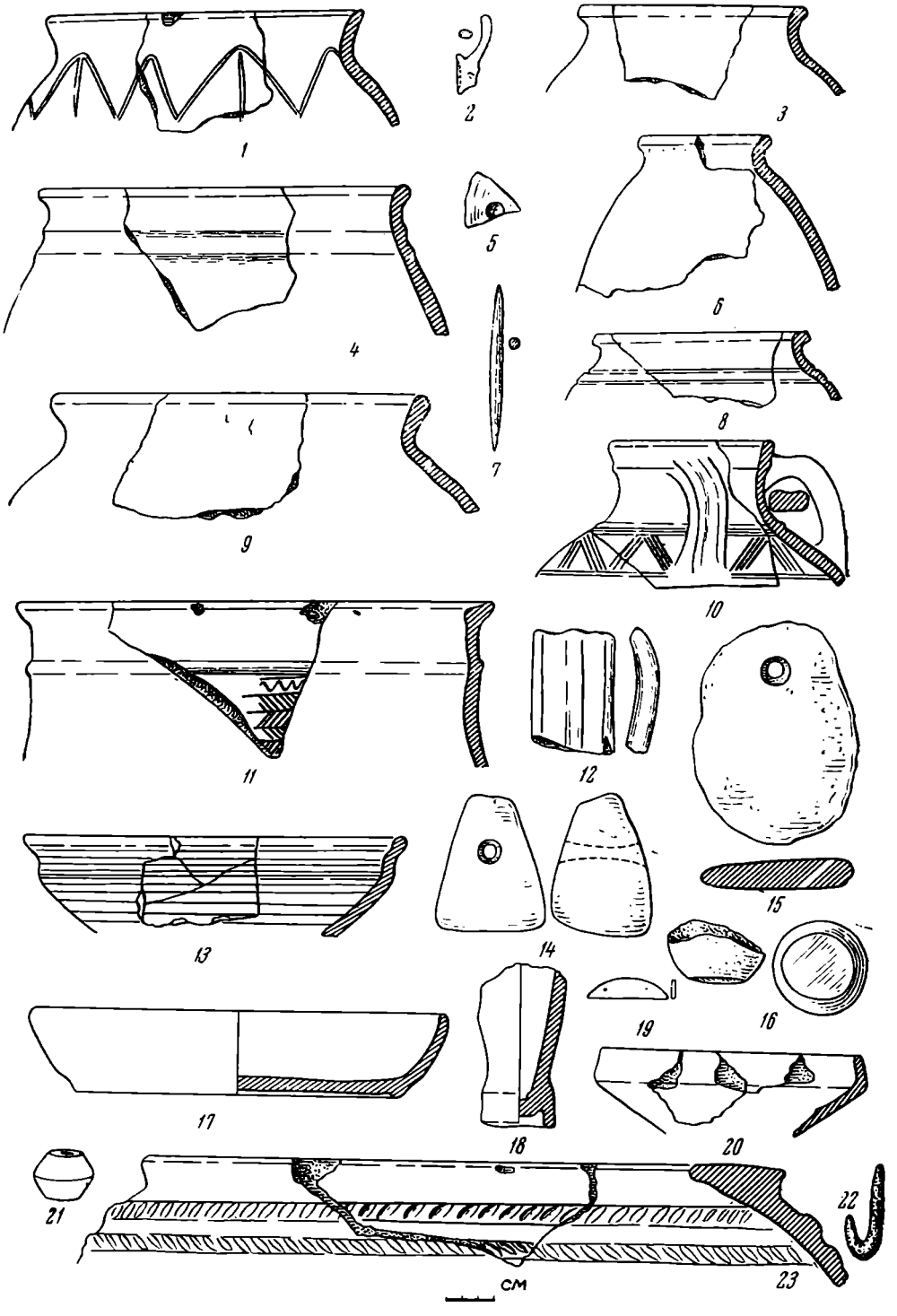


Рис. 6. Находки с поселения Викторовка-II

1, 6, 9 — обломки лепной посуды; *2, 5* — обломки стеклянных сосудов; *3, 8, 23* — обломки грубой гончарной посуды; *4, 10, 11, 12, 13* — обломки лощеной гончарной посуды; *7, 19* — костяные изделия; *14* — глиняное грузило ткацкого станка; *15, 16* — каменное рыболовное грузило и камень для растирания; *17, 20* — фрагменты краснолаковых сосудов; *18* — обломок ножки амфоры; *21* — глиняное пряслице; *22* — железный крючок

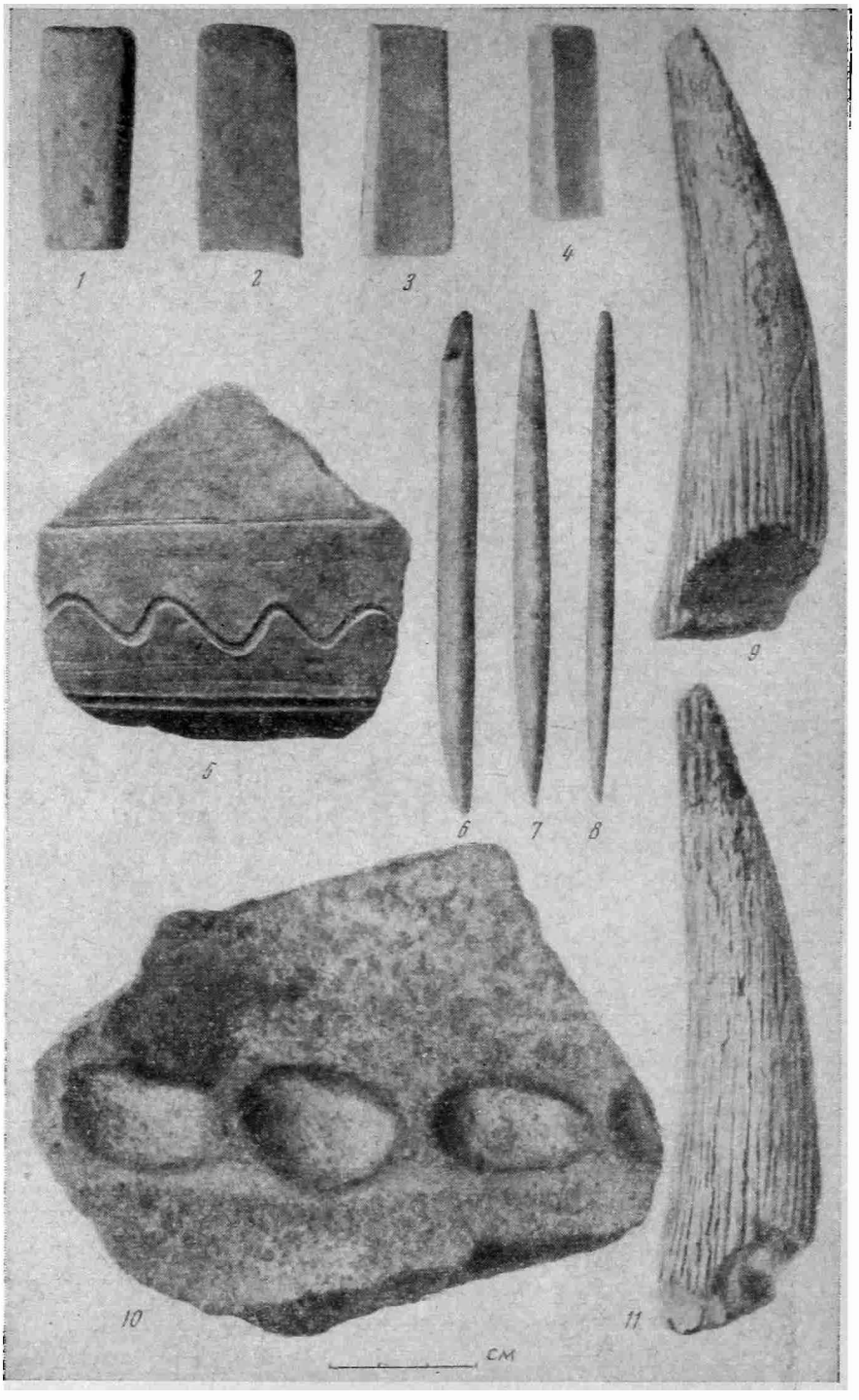


Рис. 7. Находки с поселения Викторовка-II

1—4 — каменные точильные брусочки; *5, 10* — обломки орнаментированных стенок грубой гончарной посуды; *6—8* — костяные проколки или спицы; *9—10* — рога со следами среза

Иногда венчик бывает более удлиненным, отогнутым под углом и, как исключение, украшенным по краю вдавлениями (рис. 5, *7*; рис. 6, *1, 9*). Нетипичность подобной орнаментации отмечается и для других поселений черняховского типа, хотя в Причерноморье ее, может быть, можно счесть более обычной[15], учитывая традиции оформления местной

[15] К. А. Раевский. Ук. соч., стр. 271.

лепной керамики предшествующего времени [16]. С предшествующим временем должна быть связана орнаментация лепного горшка с краем в виде раструба, украшенного по плечикам врезанной волнистой линией со свисающими с вершин волн прямыми линиями. Нечто подобное мы встречаем на древней лепной посуде из Ольвии [17]. Сходство формы и орнаментации такого сосуда из Викторовки-II (рис. 6, *1*) с керамикой другого культурного круга заставляет думать, не попал ли этот фрагмент посуды с соседнего эллинистического поселения. Не характерен горшок (рис. 6, *6*) со слишком малым диаметром венчика (может быть, восстановленный неточно) и сосуд с уплощенным краем венчика (рис. 5, *12*). Кроме горшков, в Викторовке-II от руки леплены также и мискообразные, кувшинообразные и кружкоподобные сосуды. На дне от одного из лепных сосудов (форма которого неясна) отпечаталась ткань полотняного плетения (рис. 5, *17*). Эта особенность также типична для посуды более раннего времени [18], хотя на фибулах из Викторовского могильника известны отпечатки полотняной ткани позднеримского периода.

Обзор гончарной керамики следует начать с наиболее обильной группы грубоглиняной посуды. Это серая или темно-серого цвета посуда сделана из глины с примесью песка. Подавляющая масса обломков принадлежит горшкам средних размеров с диаметром венчика около 15 *см*. Плечики горшков бывают крутые (рис. 5, *8;* рис. 6, *3, 8*) и более пологие (рис. 5, *1, 15*). Днища горшков или не выделены или снабжены подставочной плиткой и реже кольцевой ножкой. У дна горшки бывают покрыты щербинами. Прочерченные линии орнамента (рис. 6, *8*) и иногда валик или уступ (рис. 5, *5*) расположены на плечике сосуда. Интересен неоднократно встреченный в Викторовке-II узор, где сочетаются прямые и волнистые врезанные линии (рис. 7, *5*). По составу глиняного теста обломки таких сосудов внешне ничем не отличаются от прочих горшков, сделанных на гончарном круге. Совсем редки обломки гончарных сосудов с шероховатой поверхностью, которые, возможно, принадлежали мискам или кувшинам (рис. 5, *13*).

К группе грубоглиняных сосудов примыкают корчаги-хранилища серого цвета, сделанные из еще более грубой глины, чем горшки (рис. 5, *10*; рис. 6, *23*). Эти сосуды имеют широкий горизонтальный край, по-разному оформленный в деталях, яйцевидную форму тулова с более или менее крутыми плечиками и небольшое дно, обычно на подставочной плитке. Пифосообразные сосуды такого рода достигают 1 *м* высоты. Они хорошо известны на всей территории распространения черняховских памятников [19]. В разных районах такие сосуды различны главным образом по мотивам орнаментации. Так, для Побужья специфическими оказались формы с двойными валиками, украшенными насечками, имеющими противоположный наклон (рис. 6, *23*) [20]. Аналогии сосудам с подобным орнаментом есть не только в материалах Викторовки-II, но и в керамике Ольвии и Козырки [21]. Такое же украшение сосудов с валиками, покрытыми вдавлениями овальной формы, как из Викторовки-II (рис. 7, *10*), известно в лесостепной зоне, например в с. Лесках [22], и в более западных районах, занятых куль-

[16] Т. Н. Книпович. Керамика местного производства из раскопа «И». Сб. «Ольвия», I, Киев, 1940, стр. 133.

[17] С. И. Капошина. О скифских элементах в культуре Ольвии. МИА, 50, 1956, стр. 166, рис. 12, *2*.

[18] Там же, стр. 167, рис. 13; М. І. Вязьмітіна. Золота Балка. Київ, 1962, стр. 119, рис. 60.

[19] Э. А. Сымонович. Глиняная тара для хранения запасов на поселениях черняховской культуры. СА, XXVI, 1956, рис. 1.

[20] Там же, рис. 1.

[21] Фонды Гос. Эрмитажа — шифр Ол. № 4593. Фонды Ольвийского заповедника — шифр Коз. 54, № 36. За ознакомление с материалами раскопок в Козырке приношу благодарность автору раскопок А. В. Буракову.

[22] М. Ю. Брайчевский. Біля джерел словьянської державності. Київ, 1964, стр. 143; Э. А. Сымонович. Орнаментация черняховской керамики. МИА, 116, 1964, стр. 338, табл. 1.

Рис. 8. Находки на поселении Викторовка-II

1—12, 15 — обломки гончарной лощеной посуды; *13, 14* — обломки амфор

турой полей погребений. Обломки сосудов из Викторовки-II с валиками, покрытыми косыми насечками (рис. 5, *16, 18*), могут быть отнесены к сосудам-хранилищам. Характерные формы пифосообразных сосудов и их орнаментация говорят о тесной связи отдаленных районов лесостепи и степи в позднеримский период. Такое совпадение трудных для изготовления керамических форм, возможно, объясняется снабжением больших групп населения из одного источника, т. е. из мастерских, где было налажено производство сосудов-хранилищ. Не исключено, что сосуды для хра-

нения запасов распространялись из двух-трех центров гончарного производства, откуда их развозили по большим водным магистралям (Южный Буг, Днепр).

Лощеные гончарные сосуды, служившие столовой посудой, как всегда, более разнообразны и изысканны. Они имеют черный и преимущественно серый цвет, изготовлены из тонкой глины, нередко орнаментированы. Господствующие формы: открытые тарелкообразные миски (рис. 8, *1, 6, 10*) и биконические, с более или менее резким перегибом тулова (рис. 8, *3—5, 7—9, 15*). Первые или сплошь покрыты лощением, или же горизонтальными пролощенными полосами, расположенными на некотором расстоянии друг от друга (рис. 6, *13*). Биконические миски нередко имеют горизонтальный валик в верхней части тулова (рис. 8, *9, 12*). Тут же обычно размещены и другие виды орнаментации (рис. 8, *4, 5, 7, 8, 11*): в один или два ряда пролощенная зигзагообразная линия (рис. 8, *4, 7*), лощеная сетка (рис. 8, *11*), ряды блестящих параллельных линий (рис. 8, *8*). Такие горизонтальные полосы лощеного орнамента, выполненного по матовому полю, бывают ограничены валиками, желобками и уступами. Встречаются сочетания разных видов лощеных узоров на одном сосуде (рис. 8, *15*). Особое внимание следует обратить на миски с уступом над гранью перегиба тулова (рис. 8, *3, 5*), напоминающие этой своей особенностью краснолаковые прототипы раннеримского времени. К подобному роду биконических мисок относятся очень редкие для Причерноморья, единичные и для Викторовки-II, черепки чернолощеных сосудов, где сочетаются валики, лощеные желобки, идущие зигзагом, и обрамляющие их пунктирные прочеканенные зубчатым колесиком линии в соединении с округлыми гладкими внутри ямками (рис. 8, *2*). Открытые и закрытого типа биконические миски разной величины и пропорций с фигурными венчиками широко представлены на лесостепных памятниках, где они также доминируют в группе гончарной лощеной керамики. Кроме лощеных мисок, в Викторовке-II найдены обломки кувшина, сделанного на круге и покрытого по плечикам линиями пролощеного зигзагообразного узора (рис. 6, *10*); остатки горшкообразного сосуда, украшенного двумя параллельными оттянутыми валиками (рис. 6, *4*). Впрочем, этот обломок, так же как и другой фрагмент, украшенный лощеным сложным узором (рис. 6, *11*) [23], мог принадлежать мискам определенного типа, иногда снабженным тремя выступами — упорами или ушками. К кружкообразным сосудам или трехручным мискам ритуального назначения могла относиться широкая лощеная ручка сероглиняного сосуда, украшенная продольными валиками (рис. 6, *12*). Однако следует заметить, что вполне достоверных обломков таких мисок, а также глиняных кубков, нередко в них находимых, достаточно распространенных в лесостепной зоне и иногда богато орнаментированных, в Причерноморье почти нет. Например, при раскопках могильников в Викторовке и Ранжевом ни одного экземпляра подобных сосудов найдено не было.

В заключение характеристики группы лощеной гончарной посуды Викторовского поселения следует упомянуть тарелкообразную миску с процарапанной греческой буквой лямбда в нижней части тулова (рис. 8, *1*). На посуде Киселовского поселения были найдены знаки, трактованные при публикации как знаки собственности [24]. Для нас в данном случае важно то обстоятельство, что граффити, напоминающие греческие буквы, встречены далеко на севере, в областях распространения черняховской культуры, например на Волыни в Лепесовке [25]. Возможно, что

---

[23] Э. А. Сымонович. Памятники черняховской культуры Степного Поднепровья. СА, XXIV, 1955, стр. 297, рис. 12, *11*.

[24] К. А. Раевский. Наземные сооружения земледельцев междуречья Днепра — Днестра в I тысячелетии н. э. СА, XXIII, 1955, стр. 274, рис. 17.

[25] М. А. Тиханова. Раскопки на поселении III—IV вв. н. э. у с. Лепесовка в 1957—1959 гг. СА, 1963, 2, стр. 189, 190.

гончарную серую и чернолощеную керамику, так же как и проникавшие далеко на север [26] амфоры со знаками и буквами, выполненными красной краской, в ряде случаев тоже привозили из Причерноморья, где обычай метить знаками и буквами посуду был известен издавна. Большое число местных гончарных печей в лесостепи, конечно, не говорит в пользу этого предположения. С таким же успехом граффити на посуде могли быть сделаны на севере пленными греческого происхождения или местными жителями, знавшими греческий язык. Во всяком случае, связи с античным миром населения, оставившего памятники типа Викторовка-II, очевидны. Их доказывает использование местными племенами соответствующей керамики, стекла и некоторых вещей. Численность обломков амфор и краснолаковой керамики, безусловно, уступает перечисленным группам гончарной серо- и черноглиняной посуды. С количеством же находок лепных сосудов сопоставить античный импорт при отсутствии документации нам сейчас затруднительно. В этом смысле показателен решительный перевес лепной посуды над эллинской, отмеченный при раскопках Викторовского могильника. В фондах ОГАМ при просмотре керамики из Викторовки нами было встречено только два выразительных обломка венчиков краснолаковой посуды. Один принадлежал сосуду типа тарелки или чашки с закругленным невысоким скошенным внутрь краем. Не резкий перегиб под углом отделял нижнюю часть тулова (рис. 6, *20*). Эта находка по форме (мы не имеем возможности сравнить качество лака) близка сосудам из Золотой Балки, описанным М. И. Вязьмитиной в разделе «Блюда» [27]. В специальной статье Т. Н. Книпович, посвященной краснолаковой посуде, в какой-то степени сходные формы описаны среди керамики типа 9-А [28]. Датировки таких сосудов определяются в широких рамках от I—IV вв. [29]. От другого краснолакового сосуда из Викторовки-II сохранилась примерно половина. Этот сосуд в виде блюда или неглубокой чашки имеет слегка расширяющиеся наружу стенки. Дно на невысокой кольцевой ножке, на нем снаружи в центре нанесены два концентрических кружка. Их пересекали две процарапанные крестообразно прочерченные линии (рис. 6, *17*). По классификации Т. Н. Книпович такие чаши принадлежат типу 23-Т [30], причем в основном они относятся к III в., хотя не исключено также их более позднее существование.

Амфоры в Викторовке-II более широко представлены, чем краснолаковая керамика. Найдены фрагменты узкогорлых светлоглиняных амфор, относящихся главным образом к III в. (рис. 6, *18*; рис. 8, *13—14*) [31]. Поздних широкогорлых красноглиняных амфор III—IV вв. в коллекции сосудов из Викторовки-II нет. Вот что писал в 1949 г. М. Ф. Болтенко относительно датировок Викторовского поселения: «Сильная измельченность остатков античной толстостенной тары и стекла в основном III в. н. э. с единичными находками, могущими быть отнесенными к концу II века, наличие одного небольшого фрагмента раздробленной плиты с греческой надписью III в. н. э. и одной римской медной (?) императорской монеты... склоняют нас к датировке поселения временем после падения Ольвии в середине III в. н. э.» [32]. Полностью следует присоединиться к вышеприведенной датировке раннего периода, но допуская возможность возникновения и существования поселения первого периода со II в. н. э. Необходимо отметить, что М. Ф. Болтенко недостаточно обосновал позднюю хроноло-

[26] Э. А. Сымонович. Северная граница памятников черняховской культуры. МИА, 116, стр. 25, 27, рис. 3.

[27] М. І. Вязьмітіна. Золота Балка, стр. 169, рис. 72, *30*; стр. 186, 187, рис. 78, *3*.

[28] Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика первых веков нашей эры из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 гг. МИА, 25, 1952, стр. 314, 315, рис. 11, *2*.

[29] Там же.

[30] Там же, стр. 319, рис. 12, *1*.

[31] Обломок стенки одной из амфор (шифр — ОГАМ А69374/2) был покрыт беспорядочно прочерченными линиями.

[32] М. Ф. Болтенко. Ук. соч.,

гическую границу памятника, первоначально определив ее примерно серединой VI в.[33]. Важно отметить, что монета из Викторовки-II, отнесенная Л. М. Славиным к середине II в., как и общее определение античных материалов II—IV вв.[34], достаточно твердо позволяют обосновать отнесение времени возникновения поселения к периоду, предшествующему появлению готских племен в Северном Причерноморье. В то же время

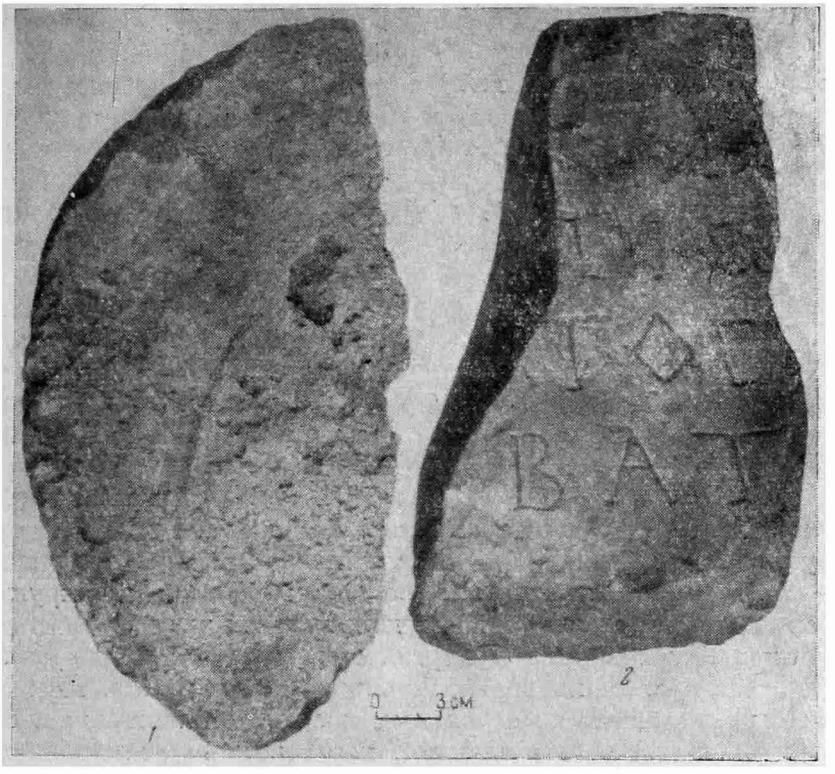


Рис. 9. Находки на поселении Викторовка-II

1 — фрагмент каменного жернова; *2* — обломок каменной плиты с надписью

периодом наиболее интенсивной жизни на поселении действительно можно считать III в. Дату определяют обломки двух почти бесцветных стеклянных сосудов (рис. 6, *2, 5*). Фрагмент одного из них (рис. 6, *5*) украшен шлифованным кружком. Фотография и рисунок упомянутой М. Ф. Болтенко каменной плиты приведены на рис. 9, *2* и рис. 10, *1—3*. Посвятительная подпись на ней опубликована П. О. Карышковским и датирована первой половиной III в.

Для характеристики хозяйства[35] и занятий населения важна находка половины каменного жернова со следами небольшого отверстия в центре. Его диаметр в целом виде был около 0,40 *см* при высоте 9 *см* (рис. 9, *1*). Жернов и несколько обломков сосудов-хранилищ, пожалуй, это все, чем можно обосновать в настоящее время предположение о занятии населения древней Викторовки земледелием. Немногочисленные находки металлических предметов — обломки железных ножей и упомянутый в одном из студенческих дневников перержавленный железный рыболовный (?) крючок (рис. 6, *22*) — дополняются материалами, полученными при раскопках могильника[36]. Об употреблении населением древней Викторовки ме-

---

[33] Там же.

[34] Л. М. Славін. Ук. соч., стр. 146.

[35] П. О. Карышковский. Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды. ВДИ, 1962, 3, стр. 154.

[36] Е. А. Симонович. Перший черняхівський могильник..., стр. 196—201.

таллических изделий косвенно свидетельствуют многочисленные находки каменных брусков и брусочков (рис. 7, *1—4*). О занятии ткачеством, как и на других черняховских поселениях, мы судим по находкам глиняных пирамидальных грузил от ткацкого станка (рис. 6, *14*) и разнообразным глиняным пряслицам (рис. 5, *9, 11, 14*; рис. 6, *21*), а также по упоминавшемуся выше дну лепного сосуда с отпечатком ткани на дне сосуда (рис. 5, *17*). Отпечатки ткани были также обнаружены на фибулах из Викторовского могильника. Примечательно существование совершенно иных, чем ткацкие, типов грузил, предназначенных для рыбной ловли, что интересно для выяснения одновременных им пирамидальных, которые М. Ю. Брайчевский без достаточных оснований отнес к рыболовецким[37]. Рыболовное грузило для сетей из Викторовки сделано из камня-известняка, плоское, овальное с отверстием на одном из концов (рис. 6, *15*). Три костяных обоюдоострых круглых в сечении проколки, найденные на поселении, могли служить для вязания, в частности и рыболовных сетей (рис. 7, *6—8*). Из кости был сделан гребешок: обломок полукруглой пластинки от спинки гребня сохранился в дневниковой зарисовке (рис. 6, *19*). Такой почти целый гребень с полукруглым верхом был найден неподалеку, в могильнике возле с. Ранжевое на Тилигульском лимане. Как и викторовский, он был составлен из отдельных костяных пластинок и скреплен металлическими гвоздиками — техника, известная во всех областях распространения черняховских памятников и также выходящая за пределы этой культуры. Каково было назначение рогов со следами среза (рис. 7, *9, 11*), сказать трудно, но подобные находки известны и в более северных областях. В Викторовке-II было найдено несколько глиняных кружков, сделанных из стенок сосудов и имевших сточенные края. Имеются предположения о различном их назначении[38]. Один из двух каменных шариков (меньший) воспроизведен нами на рис. 5, *2*. Сохранился в фондах ОГАМ еще камень для растирания, найденный в полуземлянке 3, имевший, по-видимому, округлую форму (рис. 6, *16*). В одной из копий дневников М. Ф. Болтенко сохранилась зарисовка каменного корыта из ракушечника неправильно овальной формы с указанием его размеров в реконструкции около 0,55 × 0,45 *м* при толщине стенок 0,07 *м*. Подобные предметы находили в Киселове[39] и Ранжевом.

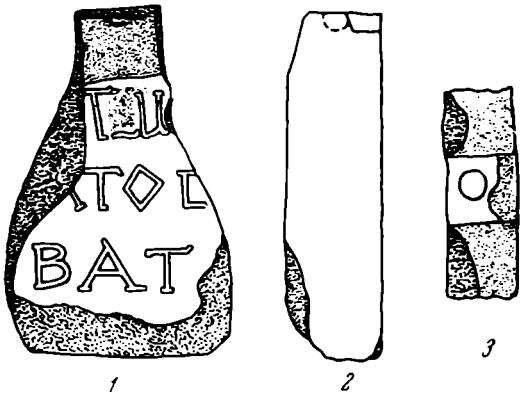


Рис. 10. Прорисовка надписи на каменной плите с поселения Викторовка-II

Хотя комплекс находок на Викторовском поселении позднеримского времени небогат, он вполне достаточен, чтобы говорить о занятии древнего населения Викторовки земледелием и скотоводством и некоторыми видами производства. На основании раскопок 1949—1950 гг. мы имеем также основание упомянуть о торговых связях и знакомстве с деньгами.

Какие же выводы позволяют сделать раскопки в Викторовке-II? Прежде всего, раскопки М. Ф. Болтенко впервые выявили в Причерноморье в позднеримский период следы населения, строившего жилища, углубленные в землю. Как известно, подобное домостроительство для пришельцев

---

[37] М. Ю. Брайчевський. Біля джерел..., стр. 76, рис. 15.

[38] Э. А. Сымонович. Игрально-счетные жетоны на памятниках черняховской культуры. СА, 1964, 3, стр. 310, 311.

[39] К. А. Раевский. Ук. соч., стр. 264.

греков и римлян, а также эллинизированного позднескифского и сарматского населения — чуждо. Ближе всего полуземлянки Викторовки-II многим памятникам черняховской культуры лесостепи, с чем был согласен и сам М. Ф. Болтенко[40]. Полученные на поселении находки подкрепляют этот вывод. В Викторовке-II нет таких предметов, которым бы не нашлись аналогии в более северных областях, где распространена культура полей погребений. Конечно, близость к Викторовке-II античных центров обусловила несколько большее, чем на севере, число находок краснолаковой посуды и амфорной тары. Хозяйственно-экономическую основу жизни населения, оставившего Викторовское селище, помогают определить предметы, связанные с земледелием, и кости домашнего скота. Мирное земледельческо-скотоводческое хозяйство, присущее обитателям поселения Викторовка-II, определяет также отсутствие оружия. Значение изучавшегося М. Ф. Болтенко памятника увеличилось еще более после обнаружения в 1962 г. к северу от поселения связанного с ним могильника. Сочетание в нем обряда трупосожжения и определенных видов трупоположений и другие специфические особенности заставляют связывать могильник, так же как и селище, с культурой полей погребений черняховского типа. Оно было оставлено, как первоначально и предполагалось, племенами, пришедшими из лесостепной полосы Украины еще во II в. Племена эти принадлежали, по заключению М. Ф. Болтенко, восточным славянам — антам, что вполне вероятно, особенно если вспомнить локализацию их в источнике последующего исторического периода[41]. Новые раскопки в с. Тилигуло-Березанке показали, что памятник Викторовка-II не является обособленным и, возможно, отмечает веху на пути населения, двигавшегося в Причерноморье с севера и строившего углубленные в землю жилища. Установление всеми этими работами факта проникновения из лесостепи на берега Черного моря населения в доготский период — чрезвычайно важный исторический вывод. Последующие судьбы мигрировавшего в южные степные области групп племен черняховской культуры должны быть изучены на материалах памятников, последующих за Викторовкой.

---

[40] По его мнению, проведенные работы позволяют «признать обитателей Викторовки-II (как, вероятно, и Рыбаковки и Лиманов) III—IV вв. продвинувшимся вперед к Черному морю передовым отрядом храбрейших из славян — восточно-славянских антов...». См. М. Ф. Болтенко. Ук. соч. (рукопись); его же. Исторические судьбы острова Березани. ЗОАО, I, Одесса, 1964, стр. 43, 44.

[41] Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960, стр. 72.

Д. Л. ТАЛИС

ЧЕРЕПИЦЫ С МЕТКАМИ ИЗ РАСКОПОК БАКЛИНСКОГО ГОРОДИЩА

В течение пяти лет, с 1961 г., Государственный исторический музей ведет систематические раскопки Баклинского городища, находящегося между Симферополем и Бахчисараем (в 16 *км* от последнего) на одноименном горном плато второй гряды Крымских гор.

В результате раскопок выявлены оборонительные сооружения, жилые комплексы, общественные здания и часть некрополя. По совокупности всех находок, характеру кладок и типу сооружений время существования городища определяется довольно точно: вторая половина III в.— конец XIII — начало XIV в.

Разнообразие материала, богатство ремесленного инвентаря, весь облик архитектурных сооружений позволяют отнести Баклинское городище к числу важных памятников средневекового Крыма, наряду с Эски-Керменом и Мангупом. Одна из самых существенных сторон этого памятника — возможность установления четкой стратиграфии и тем самым выяснения относительной, а в ряде случаев и абсолютной, хронологии найденных вещей.

Итогам раскопок памятника будет посвящена специальная публикация. Однако представляется целесообразным, не дожидаясь полного опубликования всех материалов, уже в настоящее время ввести в оборот одну категорию вещей, весьма важную для датировки не только Баклинского городища, но и всего круга средневековых памятников не только одного Крыма. Речь идет о черепицах с метками, которые, наряду с обломками сосудов, являются одним из наиболее распространенных хронологических показателей среди средневековых материалов Северного Причерноморья.

Таким образом, к ранее изданным черепичным меткам Эски-Кермена и Мангупа можно добавить в настоящее время и метки из Баклинского городища, в совокупности с остальными образующими ценный исторический источник (рис. 1).

Из имеющихся в нашем распоряжении 24 меток 15 принадлежат полукруглым черепицам (калиптерам), 9 — плоским (керамидам или, по иному наименованию, соленам). Все метки выполнены в одинаковой технике: они были вырезаны на деревянных досках-матрицах и оттиснуты на черепицах при их формовке[1]. Большая часть меток представляет собой буквы греческого алфавита (1, 2, 3, 6, 7, 8, 9, 13, 14, 15, 17, 20, 21) (рис. 1), некоторые являлись условными знаками (12, 16, 18, 19, 22), монограммами (4, 10, 11). Характер метки 5 не ясен. Метки различаются не только своей семантикой, но и при тождестве техники тщательностью выполнения, глубиной и шириной выреза. Поэтому высота и ширина рельефа меток различны, как различна и четкость профиля.

[1] О технике изготовления средневековых черепиц из Херсонеса, аналогичных описываемым, см. А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес. МИА 17, 1950, стр. 119, 120.

Стратиграфические условия залегания черепиц с разными метками не одинаковы. Поэтому хронологическую классификацию меток мы начнем прежде всего с тех, датировка которых представляется наиболее определенной, исходя из их стратиграфического местоположения и существующей хронологии сопровождающего инвентаря. Черепичные метки, обнаруженные на других памятниках, будут привлекаться для выяснения датировок баклинских меток лишь в последнюю очередь. Это связано с тем, что их датировка зачастую недостаточно надежна.

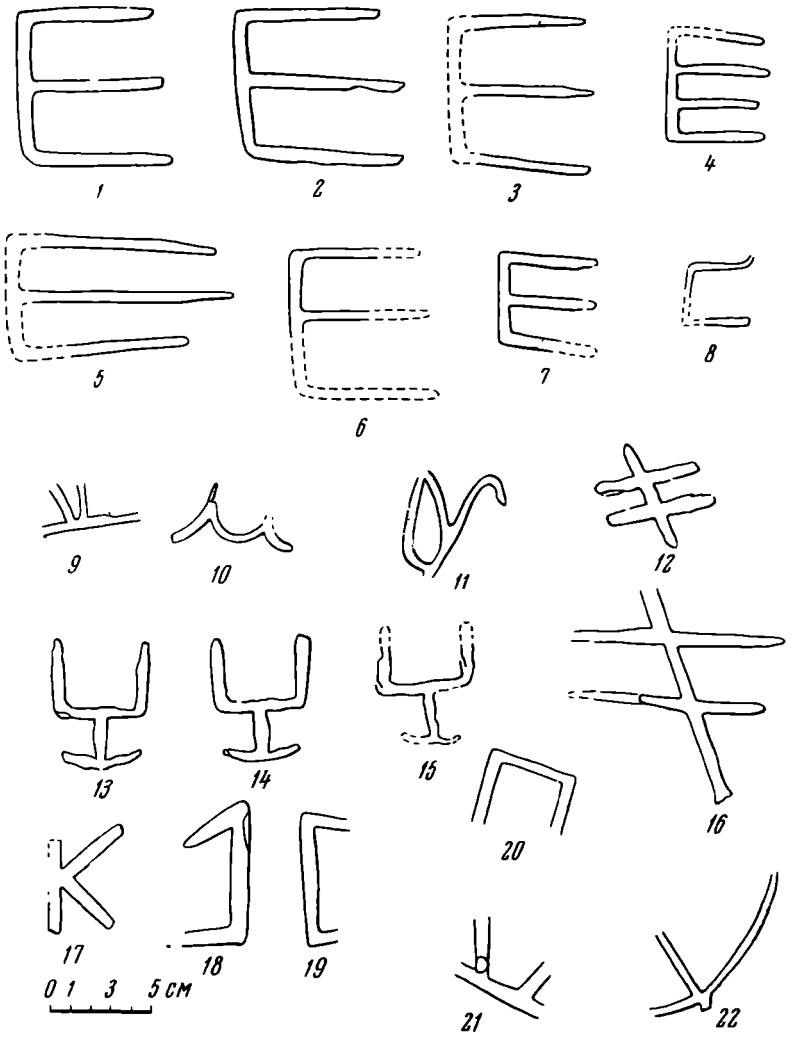


Рис. 1. Метки на черепицах из раскопок Баклинского городища

В свете сформулированных требований мы выделяем прежде всего группу из семи наиболее достоверно датируемых меток, из которых пять — буквенные, две — условные знаки. Метки 2, 12, 13, 14, 15 принадлежат круглым черепицам (калиптерам), 7, 16 — керамидам. Обломки черепиц с этими метками были найдены в следующей стратиграфической ситуации: к северо-востоку от цитадели, на расстоянии 12 *м* от оборонительной стены, были выявлены остатки большого здания, ориентированного по направлению северо-восток — юго-запад, т. е. параллельно линии обрыва плато, на котором находится городище. При этом основанием юго-восточной стены здания являлась каменная перемычка, отделяющая здание от обрыва. В тех местах, где естественные неровности этой скальной перемычки очень значительны, они заложены камнем, а затем все это оштукатурено. Здание это, длиною в 19 *м*, имело, очевидно, культовое на-

значение. Об этом говорят ниши в юго-восточной скальной перемычке, наличие в непосредственной близости от здания гробниц христианского типа и находки на этом участке обломков архитектурных деталей, украшавших обычно культовые здания. Стены здания были сложены из массивных, хорошо обработанных известняковых блоков размером 60 × 40 × × 30 *см*.

Огромное количество битой черепицы лежало на сильно закопченной скале в слое толщиной 30—50 *см*, состоявшем почти сплошь из угля и углистых включений. Все эти черепицы носят следы пребывания в огне, а некоторые от сильного жара деформировались. Судя по мелким обломкам черепиц, они падали со значительной высоты. Деревянные перекрытия, на которых лежала черепица, сгорели почти без остатка; о них говорят лишь углистые включения, копоть на скале и очень мелкие (0,5—1 *см* в диаметре) и немногочисленные куски дерева. Камни кладок, естественно, обрушились позднее; поэтому они лежат поверх скопления обломков черепицы, хотя обломки черепиц встречаются вместе с камнями кладок и выше.

Дата пожара определяется не позднее начала X в. следующими данными:

Камни кладок здания были сложены на хорошем, тщательно изготовленном глинистом растворе, окрасившем слой, содержащий блоки кладки, в желтоватый цвет. Выше этого слоя находились обработанные блоки известняка такого же размера (50 × 40 × 30; 45 × 30 × 20 *см*) и блоки, выявленные во втором ряде кладок панциря первоначальной оборонительной стены. Причем, что важно, эти блоки со следами известкового раствора и прослойка, в которой они находились, имеют характерный белесоватый цвет, происходящий от разложившегося известкового раствора. Такое соотношение слоев указывает, что вскоре после разрушения здания, стены которого были сложены на глинистом растворе, на развалины здания попадали блоки панциря находившейся здесь неподалеку (8—10 *м*) древнейшей (т. е. первой) оборонительной стены, сложенной на известковом растворе. Поскольку сооружение второй оборонительной линии произошло позже конца IX — начала X в., а обрушение первой произошло, разумеется, до этого времени, то мы получаем terminus post quem non гибели здания. Однако приведенный аргумент о дате гибели здания опирается не только на сопоставление с временем разрушения боевой стены. Есть и другой серьезный довод в пользу названной даты.

Поскольку время гибели здания определяется датой слоя, в котором находятся обработанные блоки, сложенные на глинистом растворе, или хронологически близким слоем с блоками на известковом растворе, то материал в слое темно-серой земли, перекрывающей оба слоя, указывает terminus post quem non гибели здания. Мы имеем в виду наиболее ранний массовый материал, каким является либо лепная посуда, либо посуда, изготовленная на ручном круге, серо- или красноглиняная, из теста, содержащего большей частью значительное количество примесей. Обломки принадлежат горшкам различных размеров, по преимуществу от 20 до 40 *см* высоты, с невысоким горлом и немного отогнутым венчиком.

Наиболее четко эту посуду определяет орнаментация: это или рифление (покрывающее сплошь всю наружную поверхность горшка), или врезной узор, опоясывающий сосуд, или волнистые линии, часто сочетающиеся с окружностями. Эта орнаментация встречается только на плечиках сосудов.

Для этой керамики имеются близкие аналогии в Подонье, Тамани, Восточном Крыму, где она бытует в VIII—IX вв. и, возможно в начале X в. [2].

[2] См. В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, 25, 1952, стр. 103, 104, рис. 124, 125; И. И. Ляпушкин. Карнауховское поселение. МИА, 62, 1958, стр. 307, рис. 52; С. А. Плетнева. Керамика Саркела — Белой Вежи. МИА, 75, 1959, стр. 221, рис. 9.

Таким образом, гибель описываемого здания произошла, судя по керамическому материалу, ранее начала X в., и эта дата хорошо связывается с данными стратиграфии на других участках городища.

Поскольку интересующие нас семь обломков черепиц с метками принадлежали кровле здания и находились в описанном слое черепиц со следами интенсивного горения, они, следовательно, должны датироваться временем не позднее начала X в.

Нижняя дата бытования отмеченной керамики определяется несколько менее определенно. Вполне понятно, что два события — гибель здания в пожаре и образование слоя, перекрывающего остатки этого сгоревшего сооружения и дающего дату post quem non — разделены каким-то хронологическим промежутком. Однако он не был сколько-нибудь значительным, в чем убеждает следующее: во-первых, обломки массовой посуды VIII — начала X в. являются самыми ранними и наиболее поздними на этом участке между слоем пожарища и перекрывающим слоем; во-вторых, в одной из гробниц, расположенных в непосредственной близости от здания, т. е. относящихся еще ко времени существования этого культового сооружения, обнаружен плоский стеклянный браслет синего цвета с росписью золотом, датирующийся второй половиной IX—X в.[3] Следовательно, здание погибло примерно во второй половине IX в., значит черепица, обрушившаяся во время пожара, относится к этому же времени.

Рис. 2. Обломок калиптера с меткой. Вторая половина IX в.

Есть основание считать, что ко второй половине IX в. относятся метки 2, 7, 12, 13, 14, 15, 16. Размеры меток 13, 14, 15 в точности совпадают (их сохранность несколько разнится), а значит, черепицы с этой меткой были изготовлены на одной и той же деревянной матрице. Ширина линий этой буквенной метки — 3—6, высота рельефа — 3 *мм*. Метка 2, значительно более крупная и более массивна: ширина линий 6—8, высота рельефа — 3—5 *мм*.

Метка 12 (на калиптере) в виде двух параллельных отрезков, пересеченных третьим, имеет широкие линии — 6—8 *мм*, но низкий рельеф — 2 *мм*. Однако вполне идентичная семантически метка 16 (на керамиде) отличается от метки 12 размерами и высотой рельефа: ее общая величина примерно в два раза больше, чем у метки 12, а высота метки — 5—7 *мм*, т. е. выше первой в 2—3 раза. Метка 7 (на керамиде) имеет широкие линии — 8—10 *мм*, и высокий рельеф — 5—7 *мм*.

Две метки (13, 14) находятся на калиптерах, сохранившихся настолько, что можно судить о некоторых их размерах: высота подъема в середине калиптера — 4—4,5, ширина 14—14,5 *см*, длина — не менее 32 *см* (рис. 2). Важно отметить, что эти размеры совпадают с размерами целых

---

[3] См. G. Davidson. The Minor Objects. Corinth, XII, Cambridge — Massacusets, 1952, стр. 263, 264, табл. 112, *2140—2147*.

калиптеров, найденных в этом же слое, но без меток. На основе сопоставлений с этими целыми экземплярами можно говорить о том, что длина калиптеров с метками — 48—50 *см*; один конец был у них шире (16—20 *см*), другой у́же (от 11 до 16 *см*). Высота подъема в середине колеблется от 4 до 7 *см*. Некоторые калиптеры имели водосливные валики, дру-

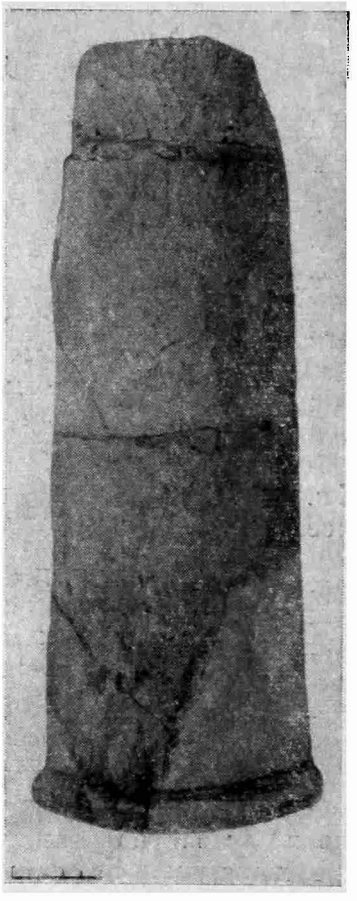


Рис. 3. Калиптер. Вторая половина IX в.

Рис. 4. Калиптер. Вторая половина IX в.

гие гладкие (рис. 3—5). Водосливные валики (шириной 8—10, высотой от 4 до 10 *мм*) начинаются у более узкого конца калиптера, отступая от края на расстояние 5—7 *см*. Эта полоса шириною 5—7 *см* отделялась от остального поля черепицы валиком и при укладке черепиц на крыше она входила под широкий конец выше расположенного калиптера.

Материал, из которого изготовлены с метками черепицы, в основном одинаков: они оранжево-коричневого цвета, в глине большое количество крупных включений дробленого камня, слоистых пород известняка шамота песка. Тесто изготовлено довольно небрежно, но обжиг хороший, равномерный. Несколько отлична от других глина керамиды; черепок ее красный, очень крепкий. Толщина этой черепицы 10 *мм*, в то время как средняя толщина калиптеров 12—13 *мм*. Нужно указать, что глина керамиды с меткой 16 вполне идентична глине калиптеров, в частности калиптеров с меткой 12. Толщина этой керамиды 23 *мм*.

На основании данных стратиграфии и сопутствующего материала на участке раскопок культового здания нами выделяется группа черепиц с метками, датируемая второй половиной IX в. (рис. 6).

Теперь обратимся к аналогиям. Метки в виде буквы эпсилон встречены на средневековых памятниках Крыма, прежде всего в Херсонесе [4].

Нашим меткам 2 и 7 в Херсонесе наиболее близки метки 105, 109, 112 на табл. VIII (по А. Л. Якобсону). А. Л. Якобсон датирует эти метки XI—XII вв., но без достаточного обоснования. Так, описывая метки 107 и 109,

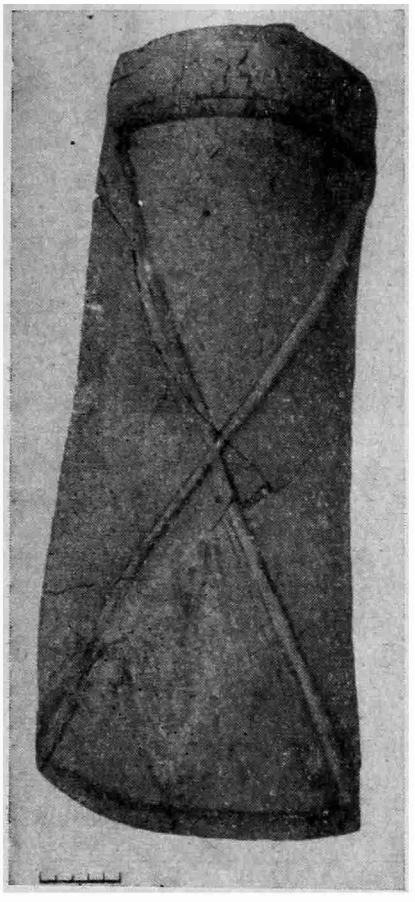


Рис. 5. Калиптер. Вторая половина IX в.

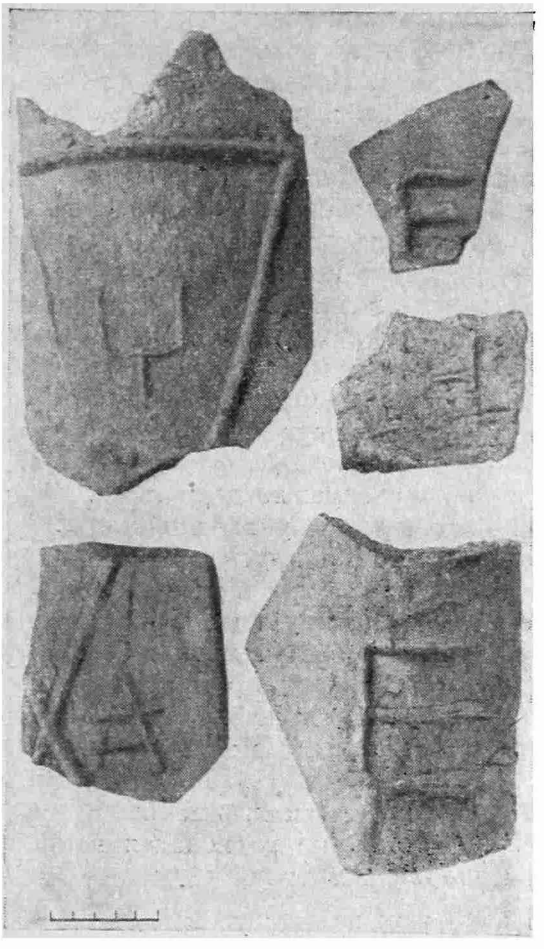


Рис. 6. Метки на черепицах из общественного здания. Вторая половина IX в.

он отмечает, что черепица в одном случае была найдена в позднесредневековом слое, а в другом — под позднесредневековыми кладками; имеются в виду дореволюционные раскопки Х. Р. Лепера, не оставившего отчетов, поэтому указания Х. Р. Лепера на место находок дают в лучшем случае лишь весьма суммарную хронологическую веху. Что касается ссылки на находки меток в верхнем слое, то нужно сначала выяснить, не попали ли метки из лежащих ниже слоев, иначе это указание не имеет решающего значения. Сказанное в равной мере относится и к метке 105, которую А. Л. Якобсон датирует XII—XIII вв. на основании аналогий из верхнего слоя Эски-Кермена. Он датирует эту метку (как и метку 109) не XIII в., как того требовала бы столь поздняя аналогия, а XI—XII вв. лишь на основании высокого рельефа метки. Однако, как мы попытались показать при рассмотрении баклинских меток, высота рельефа и ширина линий варьируется у меток, упавших при пожаре с одной и той же кровли и, несомненно, одновременных. Поэтому высота рельефа меток на отдельных экземплярах, являющаяся зачастую для А. Л. Якобсона решающим дово-

[4] А. Л. Якобсон. Ук. соч., стр. 117—153. В дальнейшем наши ссылки даются на номера меток, изданных в этой работе.

дом для ее датировки, в действительности серьезным аргументом, тем более в изолированном виде, служить не может.

Аналогичные метки в виде буквы эпсилон встречены и при раскопках Мангупского городища в 1938 г.[5] (на таблице Г. И. Мосберг они обозначены № 3 и 36), но дата этих меток условиями находки не определяется; предлагаемые М. А. Тихановой датировки стратиграфически не обоснованы. Так, метка 36 была найдена в слое «представляющем собою насыпь — выброс земли из траншей прежних раскопок Ф. А. Брауна и из раскопок Р. Х. Лепера. Находки здесь случайны и разновременны»[6]. Метки 3 и 4 были найдены в раскопе Р. Х. Лепера 1912 г., содержащем материал и ранне- и позднесредневековый[7]. Между тем, первую метку (36) М. А. Тиханова категорически датирует XI—XII вв., а метки 3 и 4, тоже без аргументации, относит к раннесредневековому времени, т. е. к V—VI вв. Ссылки на аналогии с Херсонесом в данном случае основанием для датировок служить не могут, ибо, как показано выше, черепицы с рассматриваемыми метками в Херсонесе стратиграфически не определены.

Черепицы с метками в виде буквы эпсилон встречены и на Тепсеньском городище, материалы из которого (и прежде всего керамика) не выходят за пределы первой половины X в. Следовательно, и черепицы с метками не могут быть более поздними. Однако очертания буквы, судя по изданным меткам[8], отличны от баклинских, а потому от прямого сравнения пока следует воздержаться.

Метка в виде буквы ипсилон (13, 14, 15) также имеет аналогии и в Херсонесе[9], и на других памятниках средневекового Крыма. Черепицы с этими метками паспортов не имеют, т. е. стратиграфически не определены. Автор датирует их V—VI вв. на основании формы и техники изготовления черепицы и метки. Однако эти признаки, как и рельеф метки, не образуют надежного критерия для точной датировки. Во всяком случае, различие в глине и высоте рельефа меток, входящих в описываемую группу, очевидны, а между тем все эти черепицы упали с одной крыши, и даже если некоторые из них были помещены на крышу позднее при ремонте, то едва ли различия в их дате могут быть значительными. А. Л. Якобсон, не располагая в то время достаточным материалом для определения датировок меток из Херсонеса, отнес ошибочно их к более раннему времени. Было бы важно сравнить черепицы с этими метками по форме, но сделать этого нельзя. Напомню, что в Херсонесе рассматриваемые метки находятся на керамидах, а на Бакле — на калиптерах.

Подобные метки встречаются и в Эски-Кермене, и в Мангупе[10], но в последнем они стратиграфически не определены и датируются по сходству с херсонесскими.

Последняя метка Баклинской группы (12, 16) в виде двух параллельных линий, пересеченных третьей, среди опубликованных меток Таврики аналогий не имеет.

Мы рассмотрели группу меток Баклинского городища, входящих в один комплекс, датируемый по стратиграфическим данным второй половины IX в. Аналогии из других средневековых памятников Крыма не опровергают эту дату. Более того, рассмотренный комплекс меток позволяет в некоторых случаях уточнить их время, а иногда и датировать метки, найденные на других городищах.

---

[5] Таблица, составленная Г. И. Мосберг, издана А. Л. Якобсоном (Ук. соч., стр. 151) и М. А. Тихановой (Черепицы с метками из раскопок 1938 г. МИА, 34, 1953, стр. 431).

[6] М. И. Тиханова. Базилика, МИА, 34, стр. 368.

[7] М. А. Тиханова. Базилика, стр. 344.

[8] В. П. Бабенчиков. Средневековое поселение близ с. Планерское. КСИИМК, XLIX, 1953, стр. 113, рис. 38, 27, 28.

[9] А. Л. Якобсон. Ук. соч., табл. XVI, *258*, *260*.

[10] А. Якобсон. Ук. соч., табл. 20, *13*; 21, *17*; 22, *1*, *2*.

Метки, обнаруженные в раскопанных слоях цитадели, т. е. внутри оборонительных сооружений, датируются в несколько более широких пределах, чем рассмотренный комплекс. Группа обломков (1, 3, 6) от четырех калиптеров (номера по описи 163—166) имеют метку в виде буквы эпсилон, совершенно аналогичную метке из предыдущего комплекса. Нужно, однако, указать, что эти метки выполнены в разных матрицах, а потому их отдельные элементы различны. Метка 1 сохранилась полностью (высота рельефа 5—6, ширина линий 4—7 *мм*). От метки 3 сохранились лишь поперечные перекладины (высота рельефа 2, ширина линий 7 *мм*). Метка 6 сохранилась гораздо хуже (высота рельефа 1,5—2, ширина линий 6 *мм*). По составу теста, качеству обжига обломки черепиц с этими метками аналогичны черепицам из комплекса здания, погибшего в пожаре.

Дата этих черепиц определяется по стратиграфическим данным. Они были найдены в непосредственной близости от кладки, примыкавшей к оборонительным стенам, и относятся ко времени более позднему, чем первая оборонительная стена (т. е. позднее VI в.), и синхронны большим строительным работам, развернувшимся в цитадели позднее конца IX — начала X в., когда была сооружена вторая линия обороны.

Упомянутая кладка, таким образом, относится к помещению конца IX — начала X в. Интересующие нас черепицы с метками принадлежали этому зданию, так же погибшему в пожаре, но это был пожар, разрушивший всю цитадель в XIII в. Однако за время своего существования здание перестраивалось. Найденные черепицы с метками относятся к первому периоду существования здания, так как они найдены ниже уровня поверхности, образовавшейся во время перестройки в XII в. Таким образом, рассматриваемые метки датируются промежутком времени между концом IX и XII в., но их изготовление, по-видимому, следует скорее отнести к началу периода, т. е. к концу IX—X в. Об этом говорит тождество глины и совпадение формы метки во всех деталях с черепицами первого комплекса. Впрочем, будучи изготовленными в конце IX или X в., черепицы могли пролежать на крыше довольно долго, более столетия, однако вряд ли до XI в. На это указывают сопутствующие находки в слое: обломки лепных сосудов VIII—IX вв., обломки ойнохоевидного сосуда IX—X вв. с пальчатыми вдавлениями. Ничего, что выходит за пределы X в., найдено не было.

К IX—X вв. следует отнести и метку 4 на обломке калиптера, найденном слое, хорошо датирующемся многочисленными обломками высокогорлых кувшинов с плоскими ручками, обломками белоглиняной поливной керамики, амфор и ойнохоевидных сосудов.

В этом же слое была обнаружена и более ранняя керамика: обломки ручки светлоглиняной позднеримской амфоры и ангобированных стенок амфор, не выходящих за пределы VI в. Тут же были найдены и черепки лепных сосудов VIII—IX вв. Наличие более ранних вещей, может быть, указывает на более раннее происхождение калиптера с меткой 4, который мог попасть в слой вместе с этими вещами.

Тем не менее, рассматриваемую метку 4 следует датировать временем, соответствующим наиболее поздней дате слоя, т. е. X в. или даже началом XI в. Об этом говорит совпадение некоторых восстановленных элементов формы калиптера с ранее описанным, в частности высоты подъема. Толщина калиптера 11, высота подъема 45 *мм*; глина имеет те же отощающие крупные включения. Существенно, что метка, не будучи буквенной, является усложнением метки в виде буквы эпсилон и, возможно, являлась монограммой. Эта особенность метки сама по себе датирующего значения не имеет, но в ряду с другими совпадающими признаками указывает на то, что усложнение формы буквенной метки имеет характер дальнейшего развития первоначальной формы, т. е. является фактором более позднего происхождения. Поскольку метки в виде буквы эпсилон мы датируем второй половиной IX в., то рассматриваемую метку следует отнести ко времени более позднему, но не выходящему за пределы XI в. Ис-

пользовалась же черепица с этой меткой, возможно, и в более позднее время.

Высота рельефа метки 4 около 3, ширина линий 4—6 *мм*. Среди изданных меток, на черепицах средневековых памятников Крыма аналогий нашей метке не встречается.

С достаточной уверенностью можно определить время, не позднее которого были изготовлены метки 10 и 11. Обе они оттиснуты на калиптерах. Форма калиптера с меткой 10, сохранившегося на всю ширину и на половину длины, аналогична калиптерам здания, погибшего в конце IX в. К одному из концов калиптер сужается и имеет поясок, отступающий от края на 40 *мм*. В этом месте толщина калиптера уменьшается на 4 *мм*; поясок заходил под широкий конец лежащего на нем следующего калиптера. Ширина калиптера 14, высота подъема 40, толщина 13, толщина пояска 8 *мм*. Сохранились остатки водосливного валика. Калиптер с меткой 11 сохранился хуже, поэтому о его форме судить нельзя, а толщина его была 12—13 *мм*. Метки на обоих калиптерах сохранились не полностью, что затрудняет их расшифровку. Скорее всего, это монограммы. Рельеф меток невелик: 2—3 *мм*, толщина линий 4—6 *мм*.

Обломки калиптеров с этими метками найдены в слое, верхняя дата которого ясно определяется сопутствующей керамикой: обломками белоглиняных тарелок и блюд, покрытых с двух сторон зеленой или зеленовато-желтой поливой, и обломками высокогорлых кувшинов с плоскими ручками. Таким образом, такие калиптеры были изготовлены не позднее X или начала XI в. Нижняя дата изготовления черепиц менее определенна, поскольку в результате большой строительной деятельности в цитадели в X в. в этот слой попали вещи более раннего времени. К ним относятся обломки светлоглиняной позднеримской амфоры не позднее IV в., обломки реберчатых ангобированных амфор не позднее VI в., венчик миски V—VI вв., обломки лепных сосудов VIII—IX вв. Следовательно, нижняя дата изготовления калиптеров не должна быть раньше конца III — начала IV в. Однако характер теста этих калиптеров (пористое, с грубыми включениями), довольно небрежная обработка поверхности, сравнительно высокий подъем и наличие водосливного валика, не свойственного позднеантичным калиптерам, указывают на вероятность более поздней даты в пределах указанного промежутка, т. е., скорее, VIII—X вв., нежели IV—VII вв.

Нельзя не отметить, что обе рассматриваемые метки существенно отличаются своим начертанием от всех других баклинских меток на калиптерах: они состоят только из криволинейных элементов, в то время как остальные образованы прямыми линиями либо включают и прямые линии, и прямые углы. Имеет ли это графическое отличие какое-либо значение для датировки, сказать пока трудно.

Описываемые две метки не имеют аналогий среди опубликованного материала из других средневековых памятников Крыма.

Более точно по стратиграфическим соображениям можно датировать метку 17, хотя черепица с этой меткой была найдена не в слоях цитадели, а в раскопе на склоне горы у подножия обрыва, на 6 *м* ниже поверхности плато, на котором стоит цитадель. Как показали раскопки на этом участке, большой строительной деятельности на цитадели, развернувшейся, как сказано, в X в., предшествовала расчистка территории, в результате которой на склоне у подножия обрыва возник четко выраженный слой, содержащий материал, предшествовавший X в. Это обломки горшков со сплошным рифлением и сосудов, украшенных врезным волнисто-линейным орнаментом, находящие многочисленные и хорошо датированные аналогии среди памятников Восточного Крыма, Приазовья и Подонья. Этот материал относится к VIII—IX вв., возможно к началу X в., но не позднее. Следовательно, черепицы с меткой 17 изготовлялись не позднее начала X в.

Метка 17 сделана на керамиде толщиной в 23 *мм*, из плотной, довольно однородной глины с немногочисленными крупными включениями, хорошо-

го обжига, черепок красного цвета. На обломке черепицы сохранились остатки водосливного валика. Метка в виде буквы каппа высокого рельефа в 6—7 *мм*; ширина линий у основания метки — около 10 *мм*.

Метки, вполне аналогичные нашей, были найдены при раскопках Партенита, Херсонеса, Тепсеня. Партенитская базилика существовала с VIII по X вв. и была восстановлена в XV в.[11]. Черепица с меткой, аналогичной рассматриваемой[12], была найдена, однако, в условиях, исключающих возможность ее отнесения к определенному строительному периоду[13]. Следовательно, баклинские метки подтверждают правильность отнесения партенитских меток к периоду существования первоначальной базилики. С другой стороны, наличие меток, аналогичных рассматриваемой на Тепсеньском городище[14], подтверждает предложенную датировку баклинской метки. К сожалению, издание меток из Тепсеня не сопровождается описанием черепиц, на которых они были оттиснуты, поэтому сопоставить их с баклинской черепицей (с меткой 17) нельзя.

Черепицы с меткой, аналогичной нашей, были обнаружены в Херсонесе[15]. Особенно близки описываемой метке не только по форме, но и по размерам метки, изданные А. Л. Якобсоном под № 69—72[16] и датируемые им XI—XII вв. без достаточных, на наш взгляд, оснований. А. Л. Якобсон отмечает, что метки были найдены в верхнем слое, не указывая года и участка раскопок. Между тем известно, что в верхнем слое Херсонеса, в ряде случаев сильно перемешанном, были обнаружены предметы предшествующих строительных периодов[17]. Датировка XI—XII вв. выводится им как некое среднее арифметическое из наличия фактов двоякого рода: 1) высокого рельефа меток и характерного для черепиц IX—X вв. бортика и 2) нахождения этих меток в верхнем слое Херсонеса (что указывает на возможность датировки временем вплоть до XIV в.).

Не подтверждает датировку А. Л. Якобсона и приведенный им самим факт обнаружения черепицы с меткой, аналогичной баклинской, в стене позднесредневекового помещения[18]. Это обстоятельство свидетельствует, как правильно отмечает автор, лишь о том, что она сделана до постройки этого помещения.

Таким образом, время изготовления черепицы с меткой в виде буквы каппа следует отнести по стратиграфическим соображениям и сопровождающему материалу на Баклинском городище к VIII — началу X в. Это подтверждается аналогиями из Тепсеньского городища и не опровергается аналогичными метками Херсонеса.

Более поздним временем датируется черепица с меткой в виде буквы пи (№ 8). Она оттиснута на калиптере со следами водосливного валика, изготовленного из хорошо обожженной глины с включениями, по преимуществу мелкими, дробленого известняка (но встречаются и крупные, грубые). Метка очень невысокого рельефа 1—2 *мм*, ширина линий 3—4 *мм*. Черепица была найдена в слое наряду с материалом в основном второй половины IX—X в.: обломки белоглиняной поливной посуды и высокогорлых кувшинов с плоскими ручками. Однако здесь же были найдены обломки поливной посуды с красным черепком, правда, в количествах, существенно меньших. Ясно, что датирует слой именно эта поливная керамика. Поскольку обломки мелкие и ее декоровку выяснить не удается, эта

---

[11] Н. И. Репников. Партенитская базилика. ИАК, 32, СПб., 1909, стр. 96.
[12] Н. И. Репников. Там же, рис. 61, *2*, на стр. 139.
[13] Н. И. Репников. Там же, стр. 115.
[14] В. П. Бабенчиков. Ук. соч., стр. 113, рис. 38, *33*, *34*, *35*.
[15] А. Л. Якобсон. Ук. соч., стр. 129, табл. VII.
[16] А. Л. Якобсон. Там же.
[17] См., например, Г. Д. Белов и А. Л. Якобсон. Квартал XVII (раскопки 1940 г.), МИА, 34, 1953, стр. 123—159; Г. Д. Белов, С. Ф. Стржелецкий и А. Л. Якобсон. Квартал XVIII (раскопки 1941, 1947 и 1948 гг.), МИА, 34, стр. 203—230.
[18] А. Л. Якобсон. Ук. соч., табл. VII, метка 72, стр. 127.

поздняя поливная керамика может датироваться лишь суммарно — не ранее XII в. и не позднее времени гибели всего городища, т. е. конца XIII в. Так как в слое превалирует более ранний материал, то изготовление черепицы с рассматриваемой меткой следует отнести ко всему периоду, определяющемуся наиболее ранними и наиболее поздними вещами, т. е. временем от второй половины IX до XIII в.

Черепицы с метками в виде буквы пи найдены и на других средневековых городищах Крыма, но вполне тождественных аналогий они не дают: либо они отличаются по форме соединения горизонтальной перекладины с двумя вертикальными прямыми, либо по форме расходящихся концов [19]. Наиболее близка нашей метка из раскопок Херсонеса 1940 г. [20] Она найдена вместе с материалом позднесредневекового времени (XII—XIV вв.). Вещь, датируемая более точно,— поливное блюдо — относится к XII—XIII вв. [21]. Черепица с меткой, близкой нашей, из Мангупа остается без датировки. Она найдена в смешанном слое, включающем вещи V—VI вв. и XIII—XV вв. [22].

Хотя имеющиеся аналогии не позволяют точно определить датировку метки в виде буквы пи, но по ним есть основание черепицу с такой меткой с известной долей вероятности отнести к позднему средневековью.

Последнюю и наиболее трудную для датировки группу образуют черепицы с метками 5, 9, 18, 19, 20, 21, 22. Трудность обусловлена тем обстоятельством, что эти черепицы найдены в верхнем слое, в котором, как это обычно для каждого долго существовавшего городища, встречаются вещи и из более ранних слоев.

Из этих семи меток одна (№ 5) нанесена на калиптере, все остальные — на керамидах. Фрагментарность метки и характер обломков этого калиптера не дают возможности установить с полной достоверностью, имеем ли мы дело с меткой или это остатки своеобразных водосливных валиков, на других баклинских черепицах более не встречающихся. Выпуклые линии этой метки имеют треугольное сечение, характерное для водосливных валиков, и этим резко отличаются от линий меток на всех других баклинских черепицах. Сомнения вызывают и чрезмерная, по сравнению с другими метками, длина линий. Длина линий, образующих метку эпсилон, на всех других метках значительно меньше.

Метки 9 и 21, напоминающие букву пи, оттиснуты на керамидах, не схожих между собой ни составом глины, ни высотой рельефа. Керамида с меткой 9 сделана из хорошо отмученной глины с небольшим количеством примесей, имеет коричневатый черепок. Метка очень низкого рельефа — около 1 *мм*, ширина линий 2—3 *мм*. Керамида с меткой 21 изготовлена из глины, с большим количеством крупных грубых включений кварца, черепок красный. Метка довольно высокого рельефа — 5—6 *мм*, ширина линий 8—10 *мм*. Некоторые метки в виде буквы пи, встреченные в Херсонесе и Мангупе, тождественны этим баклинским меткам. Однако они не уточняют дату, ибо сами или плохо, или совсем не датируются.

Несколько отличается от предыдущей метка 20, которая, вероятно, также воспроизводит букву пи, но ее фрагментарность не дает возможности утверждать это с полной уверенностью. Черепица с этой меткой изготовлена из глины с большим количеством включений кварца, черепок ее красный. Рельеф метки низкий (1—2 *мм*), ширина линий 8—10 *мм*. Букве пи в таком начертании вполне аналогичны некоторые метки из Херсонеса,

---

[19] Херсонес — А. Л. Якобсон. Ук. соч., стр. 129, табл. VII, *78—90*; табл. VIII, *92—96*; Мангуп — см. М. А. Тиханова. Черепицы с метками из раскопок 1938 г. Табл. на стр. 431, *28, 34*.

[20] Г. Д. Белов и А. Л. Якобсон. Квартал XVII, стр. 134, рис. 25, *17*.

[21] Г. Д. Белов и А. Л. Якобсон. Там же, стр. 142, 143.

[22] М. А. Тиханова. Базилика, стр. 370, 371.

Эски-Кермена, Мангупа [23]. В Херсонесе, однако, эти метки беспаспортные, в Мангупе — стратиграфически не определены. На Эски-Керменском городище такие черепицы найдены в верхнем слое [24], но эти данные для датировки описываемой метки не достаточны. Впрочем, А. Л. Якобсон датирует херсонесские метки, подобные нашей, XI—XII вв., но опять-таки, на наш взгляд, без сколько-нибудь твердых оснований. Во-первых, он исходит из того, что черепица с этой меткой не имеет сужения в нижней части, что, по его мнению, характерно для черепиц IX—X вв. Во-вторых, аналогичная метка была найдена, как сообщалось, в верхнем слое Эски-Кермена, т. е. может относиться к XIII в. Дата XI—XII вв. выводится и в этом случае как нечто среднее между X и XIII вв. Расплывчатость обоих критериев, принятых для датировки, и выбор «средней» даты делают предложенную А. Л. Якобсоном дату весьма предположительной.

Реконструировать полностью форму меток 18 и 19 по сохранившимся остаткам на черепице невозможно, сохранившиеся части меток, судя по опубликованным черепицам из Херсонеса, Эски-Кермена, Мангупа, Тепсеня, могли принадлежать меткам самой различной конфигурации.

Метка 18 оттиснута на керамиде из глины с большим количеством включений, но довольно мелких и однородных, ее черепок коричневый. Толщина керамиды 20—22 *мм*. Высота рельефа метки 6—8, толщина линий 10—12 *мм*. Существенно отлична от черепицы с этой меткой керамида с меткой 19, изготовленная из чистой, почти без примесей, глины хорошего обжига с коричневым черепком. Высота метки от 3 до 6, ширина 7—8 *мм*. Толщина керамиды 18—20 *мм*.

Последняя метка — 22, сохранилась не полностью, но с некоторой вероятностью этой метке можно найти аналогии среди материалов Эски-Кермена [25]. Метка 22 оттиснута на керамиде с коричневым черепком, ее глина с большим количеством крупных черных неоднородных включений. Толщина черепицы 22, высота метки 1—2, ширина линий 4—6 *мм*.

Хотя вся последняя группа меток найдена в верхнем слое, ее нельзя считать стратиграфически определенной, так как среди находок в этом слое встречаются вещи XIII или, возможно, первой половины XIV в. Более того, черепицы с этими метками могут быть и разновременными. Они разнятся по качеству обжига, составу глины, ширине линий и высоте рельефа меток. Но, с другой стороны, не исключено, что эти различия, и прежде всего в качестве изготовления, объясняются разным техническим уровнем производства различных мастерских, а то и различием в мастерстве отдельных ремесленников. Что касается варьирования высоты рельефов меток, то этот критерий может и не быть хронологическим показателем, как это, в частности, явствует из описания черепиц от общественного здания.

Так или иначе, но для датировки меток последней группы, происходящих из верхнего слоя, данных пока недостаточно. Однако некоторые заключения могут быть все же сделаны. Описывая группу меток из здания вне цитадели, датируемого VIII—IX вв., мы отмечали, что из семи меток только две оттиснуты на плоских черепицах, а пять — на калиптерах. В верхнем слое положение иное: из семи меток только одна оттиснута на полукруглой черепице, остальные — на плоских. Является ли такое соотношение результатом случайным, сказать пока трудно, но обстоятельство это нужно будет иметь в виду.

Второе замечание касается аналогий. Приводя некоторые аналогии рассмотренным меткам, мы обращали внимание на отсутствие возможности точной датировки ряда меток, аналогичных баклинским. Однако при этом следует указать, что те метки, которые могут быть как-то датированы, не выходят за пределы VIII—X вв.

---

[23] А. Л. Якобсон. Ук. соч., стр. 130, табл. VIII, *95*, *96*; стр. 149, XXI, 55; М. А. Тиханова. Черепицы с метками из раскопок 1938 г.; МИА, 34, стр. 431, рис. 34.

[24] А. Л. Якобсон. Ук. соч., стр. 130.

[25] А. Л. Якобсон. Ук. соч., стр. 149, табл. XXI. *42*.

Х. П. АБДУЛЛАЕВ

ГИЛЬГИЛЬЧАЙСКАЯ ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ СТЕНА И КРЕПОСТЬ ЧИРАХ-КАЛА

Одной из крупнейших оборонительных стен, построенных на Кавказе, является Гильгильчайская.

В армянской географии VII в. это сооружение называется «Апзут Кават» — стена Кобада. Первые сведения о ней дает арабский историк Ахмед Балазури. Он говорит, что Джурзан и Арран находились в руках хазар, которые часто нападали на соседние области. Сасанидский царь Кобад, сын Фируза, отправил против них двадцать тысяч воинов и вслед за ними выступил сам Кобад и построил преграду из необожженного кирпича между областью Ширваном и воротами Аллан [1]. Остатки этого сооружения в XIII в. видел европейский путешественник В. Рубрук [2]. А. Бакиханов сообщает, что Гильгильчайская оборонительная стена идет от моря за дер. Алиханлы к крепости Чирах, оттуда к развалинам неизвестного города на горе Ата, и потом выше дер. Конахкенд до самой Баба-Даг [3].

В 1931—1932 гг. Гильгильчайская оборонительная стена до крепости Чирах-Кала была изучена Е. А. Пахомовым. По его мнению, «Гильгильчайская стена представляет в целом одно из грандиозных оборонительных сасанидских сооружений, общим протяжением около 30 *км*, быть может, упоминаемую у Масуди „Каменную стену Бармакп“» [4]. С. Т. Еремян утверждает, что оборонительная стена «Апзут-Кават», упоминаемая в «Армянской географии VII в.», является Шабранской стеной, т. е. Гильгильчайской [5].

В 1963—1964 гг. Гильгильчайская оборонительная стена на протяжении около 60 *км* и крепость Чирах-Кала мною были изучены, сфотографированы и частично произведены их обмеры.

На расстоянии 5 *км* от устья р. Гильгильчай до подошвы горы тянется оборонительная стена, построенная из сырцовых кирпичей. На берегу моря остатки оборонительной стены еле-еле отличаются от естественных холмов. У сел. Кюлани, которое находится в полутора километрах к югу от стены, вышина ее достигает уже 5—7 *м* (рис. 1). От этого селения стена круто поворачивает на юг, а потом вновь изгибаясь, почти точно идет на запад. Дальше стена обрывается и начинается вновь через 50 *м*, очевидно, на этом месте были ворота. На вершине оборонительного сооружения часто встречаются впадины глубиной 20—60 *см* и более, иногда они находятся между двумя или тремя башнями. Нет сомнения, что внутри вала имелись ходы, после разрушения которых наверху образовались впадины.

---

[1] Ахмед Балазури. Книга завоевания стран. Баку, 1927, стр. 7.

[2] Путешественники об Азербайджане. 1, Баку, 1957, стр. 25.

[3] А. Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. стр. 10.

[4] Е. А. Пахомов. Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье. ПИМК, 1933, 9—10, стр. 41.

[5] С. Т. Еремян. Сюния и оборона Сасанидами кавказских проходов. Изв. Арм. ФАН СССР, 7, 1941, стр. 35.

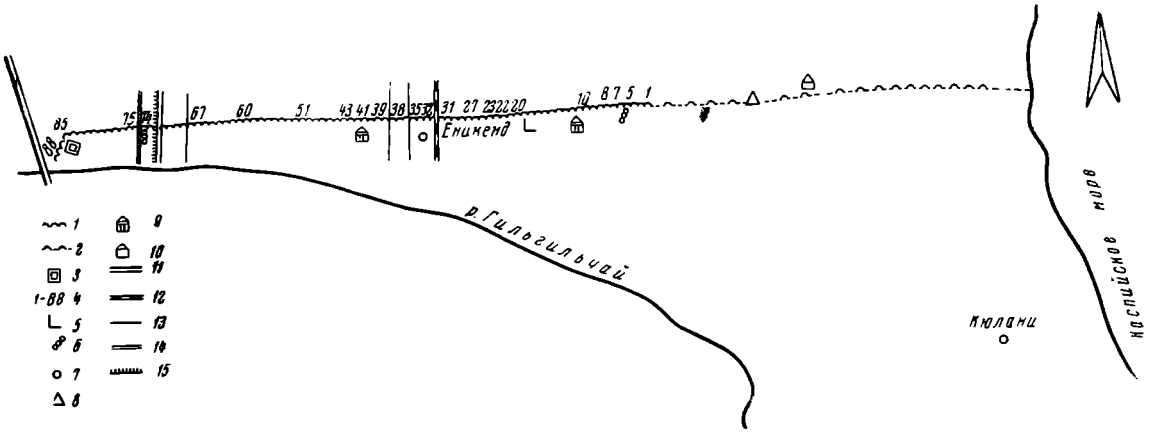


Рис. 1. Схематический план низменной части Гильгильчайской оборонительной стены

1 — оборонительная стена, *2* — часть оборонительной стены без указания номеров башен, *3* — городище, *4* — башни, *5* — кладбище, *6* — вал, *7* — населенный пункт, *8* — молочный пункт, *9* — жилой дом, *10* — скотный двор, *11* — асфальтированная дорога, *12* — железная дорога, *13* — сельские дороги, *14* — водопровод, *15* — канал

На территории молочного пункта стена разрушена и 3—4 башни совершенно не заметны. На стене, отходящей от молочного пункта, на протяжении 100 *м* есть впадина шириной 5 *м* и глубиной 1—1,5 *м*. Очевидно, здесь был форт. Через каждые 30—35 *м* стена возвышается на 1—2 *м* над гребнем. Эти возвышения едва ли могут быть чем-нибудь иным (как указывает Е. А. Пахомов), кроме остатков разрушенных стенных башен[6]. Часть стены форта разрушена, и хорошо видны сырцовые кирпичи кладки. Здесь вышина стены с северной стороны 11 *м*, с юга — 7 *м*. Начиная от молочного пункта до железной дороги, стена идет по прямой линии. На башнях 1-й и 3-й есть впадины глубиной 1,5 *м*[7]. Эти впадины показывают, что когда-то здесь были помещения длиной 6 *м* и шириной 3 *м*. К юго-востоку от 5-й башни есть выход. На стене глубина впадины доходит до 40—60 *см*. Ясно виден внутренний ход, идущий из 5-й башни к 6-й. Длина стены от 6-й башни до семнадцатой равна 35 *м*. Между этими башнями имеется пустое пространство, но от него к юго-западу отходит вал длиной 30 *м*, высотой 5 *м* и шириной 8 *м*. Может быть этот вал — остаток какого-то здания, стоявшего возле оборонительной стены. Пространство между двадцатой и двадцать первой башнями на юге гладкое, на уровне земли, но на севере доходит до высоты 2—3 *м*. Вообще уровень земли на севере оборонительной стены ниже, чем на юге. Вот почему Е. А. Пахомов высказывает предположение, что было время, когда р. Гильгильчай протекала к северу от оборонительной стены[8].

23-я башня больше и выше двадцать второй. Очевидно, на таких высоких башнях были наблюдательные пункты. Между 31-й и 32-й башнями проходит железная дорога. Часть 33-й башни разрушена и хорошо видны сырцовые кирпичи. Стена построена также из сырцового кирпича размером 42 × 42 × 14 и 42 × 42 × 12 *см*.

Оборонительная стена на западе от башни 35 прорезана сельской дорогой. Такая же дорога проходит между башнями 38 и 39. От 41-й до 43-й башен южная часть стены разрушена современной постройкой. Обследование показало, что и эта часть стены построена из сырцовых кирпичей размером 42 × 42 × 14 *см*. Толщина шва между ними иногда доходит до 6 *см*. Швы заполнены очень крепким раствором, в составе которого имеется песок и глина. На юге от 74-й башни имеются четыре холма. На юго-востоке

[6] Е. А. Пахомов. Ук. соч., стр. 41.

[7] Нумерация берется от первой башни на западе от молочного пункта совхоза им. Ленина.

[8] Е. А. Пахомов. Ук. соч., стр. 42.

от этих холмов — глубокая впадина. Вокруг холмов встречаются обломки обожженных кирпичей, речные камни, шлаки и фрагменты керамических изделий. Среди глиняных изделий в основном обломки толстостенных кувшинов, горловины разных сосудов, датирующихся III—VIII вв. Глазурованная керамика почти не попадается. Начиная от башни 74, расстояние между башнями уменьшается. Расстояние между башнями 75 и 76 равно 30 *м*, а между 78 и 79 — всего 25 *м*. Гильгильчайская оборонительная стена от 85-й башни поворачивается на юго-запад. На этом месте ширина стены на уровне земли — 30 *м*, а наверху — 15 *м*. Между башнями 87 и 88 никаких следов стены не было. Последней башней — 88-й, недалеко от р. Гильгильчай, заканчивается первая половина оборонительной стены, построенной из сырцовых кирпичей. Начиная с 74-й башни по 88-ю, оборонительная стена превращается в крепость. А между р. Гильгильчай и крепостью имеется городище, где встречаются обломки обожженных кирпичей и глиняных изделий. Про это городище А. Бакиханов писал: «В Шабранском магале Кубинского уезда и поныне видны остатки стен и ворот древнего города на левом берегу Гильгин» [9].

Выше сказано, что первая половина гильгильчайской оборонительной стены построена из сырцовых кирпичей. Но на всем ее протяжении, особенно на территории городища, попадаются обломки обожженного кирпича, разбросанные по обеим сторонам стены. Е. А. Пахомов указывает, что по выделке этот кирпич тождествен как с бармакским, так и кирпичом нагорной части гильгильчайской стены [10].

Дальше стена поднимается по краю гильгильчайского ущелья (рис. 2). Здесь, на правой стороне р. Гильгильчай, имеется второе городище. Ограждающие его валы тоже представляют собой остатки сырцовых стен и состоят из цепи бугров. В южной стене городища № 2 заметны остатки десяти башен. Ширина стены в среднем 18—20 *м*, а высота с южной стороны 15 *м*. При постройке дороги часть южной стены была разрушена и в ней хорошо видны сырцовые кирпичи размером 42 × 42 × 10 *см*. Обследование показало, что ширина основной стены 6 *м*. Внутри городища разбросаны обломки кирпичей и фрагменты красноглиняных сосудов, датируемых V—VII вв.

Остатки Гильгильчайской стены хорошо сохранились на северо-западе городища, против сел. Алиханлы. Здесь расстояние между башнями 60—70 *м*, а высота с южной стороны — 2—3 *м*. Вдоль северной стороны оборонительной стены внизу течет р. Гильгильчай, которая делает стену неприступной. Вершина горы, где проходит оборонительная стена, особенно против сел. Ени-Булах, густо усыпана обломками обожженного кирпича и камня. Е. А. Пахомов дает краткое описание стены на этом участке: «Общее направление от фортов, при устье Гильгильчайского ущелья, до моста стена сохранила на ю.ю.з. Расстояние между пунктами по воздушной линии около 8 *км*, длина же стены, принимая во внимание ее изгибы, не менее 10—12 *км*» [11]. Хорошо сохранились остатки стены на левой стороне р. Гильгильчай. Здесь возвышается огромный холм древнего города. На северо-востоке, востоке и южной стороне городища проходит дорога, частично разрушившая его. На восточном разрезе в глубине 2 *м* видны культурные слои. На протяжении 200 *м* прослеживается черный слой пожара. В разрезе видны обломки кирпичей, глиняной посуды и больших кувшинов. В южном разрезе остались следы больших хозяйственных кувшинов. Гильгильчайская оборонительная стена на северо-западе от городища по прямой линии отходит на запад. На расстоянии 800 *м* от городища начинается каменно-кирпичная часть гильгильчайской оборонительной стены. На этом участке высота стены достигает 1 *м*, расстояние между башнями — 35 *м*. Некоторые башни в середине имеют впадину и заметны осно-

[9] А. Бакиханов. Ук. соч., стр. 10.
[10] Е. А. Пахомов. Ук. соч., стр. 43.
[11] Е. А. Пахомов. Ук. соч., стр. 43.

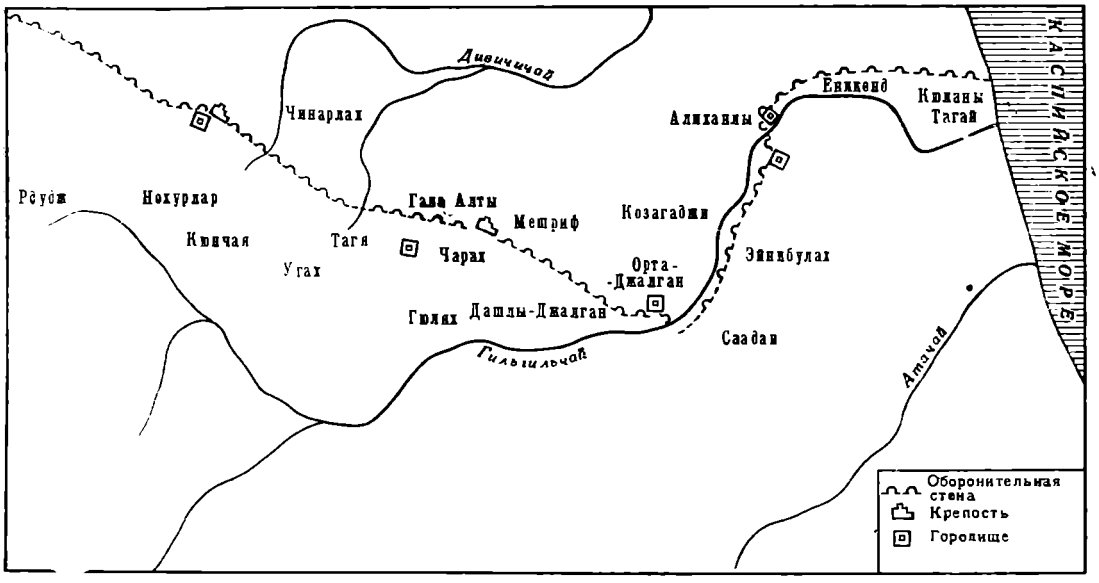


Рис. 2. Схематическая карта Гильгильчайской оборонительной стены

вания четырехугольных башен с внутренней камерой, размером 2,5 × 3 *м*. По обеим сторонам стены разбросаны обломки обожженного кирпича. Много домов в соседнем селении Дашлы Джалган построены из кирпичей, взятых со стен; размеры кирпичей разные: 35 × 35 × 8, 33 × 33 × 7 *см*. Следы стен и даже форта хорошо заметны к юго-западу и западу от селения Мешриф. На этой территории оборонительная стена была построена из необработанных крупных камней и обожженных красных кирпичей размером 34 × 34 × 9 и 32 × 32 × 8 *см*.

На расстоянии 2 *км*, к северо-западу от селения Мешриф, имеется холм, на котором встречается много обломков обожженных кирпичей и куски шлака. Не доходя до крепости Чирах-Кала, вторая часть гильгильчайского оборонительного сооружения заканчивается.

Третья часть гильгильчайского оборонительного сооружения начинается с 600 *м* на северо-западе от крепости Чирах-Кала. На северо-востоке от селения Чарах остатки стены проходят через лес, их высота местами доходит до 0,8 *м*. На севере от селения Чарах стена проходит по неприступному с севера хребту в сторону селения Такия. На севере от селения Такия стены достигают высоты 2 *м*, а ширины до 10 *м*. На этом месте в середине имеются ворота, которые местное население называет «Ала-капы». К юго-востоку от ворот «Ала-капы» часть стены разрушена и здесь найдены целые обожженные кирпичи размером 34 × 34 × 7 *см*. Продолжение стены проходит через территорию селений Угах, Нохурлар, Гомур и Чинарлар. На кладбище селения Угах имеется мавзолей, который построен из красных обожженных кирпичей размером 32 × 32 × 8 *см*. Ясно, что для строительства мавзолея использовали готовый материал, взятый из оборонительного сооружения. Это подтверждается надписью XIV в., найденной мною на территории мавзолея (текст ее пока не расшифрован) (рис. 3). Как известно, строители всегда пользовались кирпичом из разрушенных старых сооружений [12].

Третья часть гильгильчайского оборонительного сооружения кончается на северо-западе селения Чинарлар, на правой стороне Шабранчай. В этом районе сохранились остатки древнего города. На юго-востоке этого городища, где проходит оборонительная стена, имеется огромный курганообразный холм, который местное население называет «Кала ери», т. е. место

[12] И. А. Гзелишвили. Опыт датировки «грузинского кирпича» в памятниках материальной культуры гор. Тбилиси. САН ГрузССР, IX, 9—10, 1948, стр. 628; И. Н. Цилишвили. О линейных мерах древней Грузии. Там же, 5, стр. 330.

крепости. На холме и вокруг него много камней длиной 1 *м*, шириной 0,5 *м* и высотой 0,35 *м*, подобные дербентским камням. На месте крепости встречаются обломки обожженных кирпичей и глиняных изделий. Керамика изготовлена из нечистой глины, в ее составе много песка, обжиг неравномерен, выделка грубая. Глазурованная керамика отсутствует. Аналогичные керамические изделия, найденные в Кабале, относятся к IV—VII вв.[13].

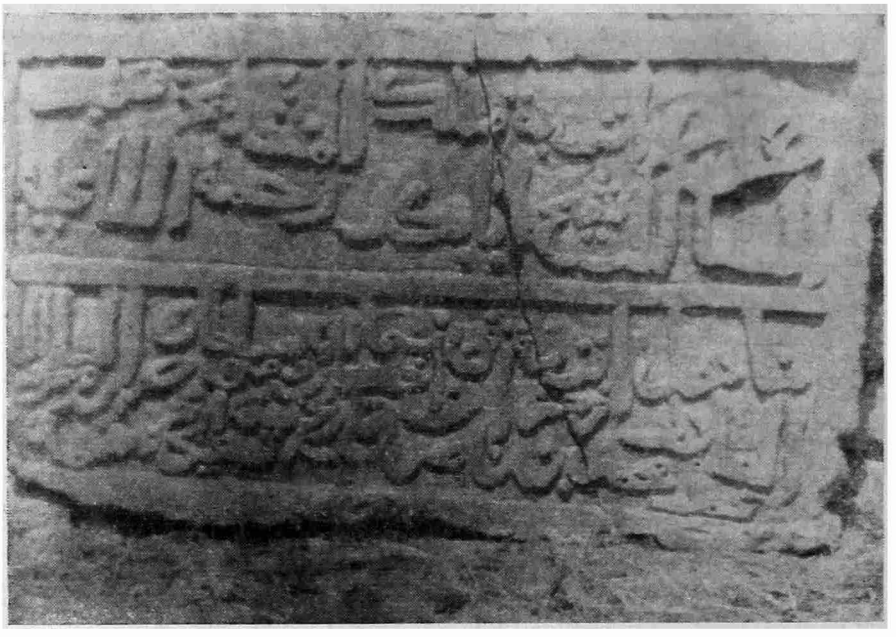


Рис. 3. Надпись XIV в., найденная на территории селения Угах

Четвертая часть Гильгильчайской оборонительной стены направляется на северо-запад от вышеуказанной крепости в сторону селения Афурджа. Остатки стены и башни сохранились на северо-западе селения Сохуб. Это место местным населением называется «Дивлер каласы» («крепость девов»). Высота большой башни 5,2 *м*, ширина 9 *м*. Рядом стоит маленькая башня высотой 4,7 *м*, шириной 7,2 *м*. Вход к башне сделан с юго-западной стороны, а с северной стороны башня недоступна, так как построена на высокой обрывистой скале. К башне примыкают остатки оборонительной стены. Внизу, на подошве скалы, имеется городище. По сообщениям Г. Гулиева, такие же башни имеются на севере селения Ерфи, в 5—6 *км* к северу от селения Рук и на горе Йеддилер («семерки»), на севере селения Шудуг. Эти башни были построены из необтесанных камней и похожи на крепость Бешбармак[14].

Остатки конца Гильгильчайской оборонительной стены заметны на подошве горы «Баба-Даг».

Крепость Чирах-Кала, также обследованная нами, находится на расстоянии 1500 *м* к юго-востоку от селения Чарах. Она занимает вершину и обрывистые уступы огромной скалы, частью примыкающей к хребту. Перемычка искусственно прорезана и через нее перекинут мостик-акведук[15].

В плане крепость имеет неправильный прямоугольник, ориентированный по сторонам света (рис. 4). Вся северо-восточная сторона крепости не

[13] Р. Геюшев. Пути развития керамических изделий города Кабала в I—X веках. ДАН АзССР, XIX, 12, 1963, стр. 64 (на азерб. яз.).

[14] Г. Гулиев. О башнях сел. Согюб-Конахкендского района. ДАН АзССР, 10, 1960, стр. 1027 (на азерб. яз.).

[15] Е. А. Пахомов. Ук. соч., стр., 43; Н. Г. Горчакова, Р. К. Мель, И. П. Щеблыкин. Архитектура Азербайджана до V века н. э., стр. 27. Сб. «Архитектура Азербайджана. Эпоха Низами». М.— Баку, 1947.

имела стены, так как в этом месте была защищена обрывом. Строители, чтобы обеспечить крепость наибольшей обороноспособностью, максимально использовали все выгоды рельефа. Сама стена представляет собой сооружение толщиной от 2 до 5,2 *м*, состоящее из трех частей: двух наружных панцирей, облицовок и промежуточной между ними забутовки, состоящей из булыжника и ломаного камня, залитого известковым раствором. Стены и башни сложены из необтесанных прямоугольных камней различного раз-

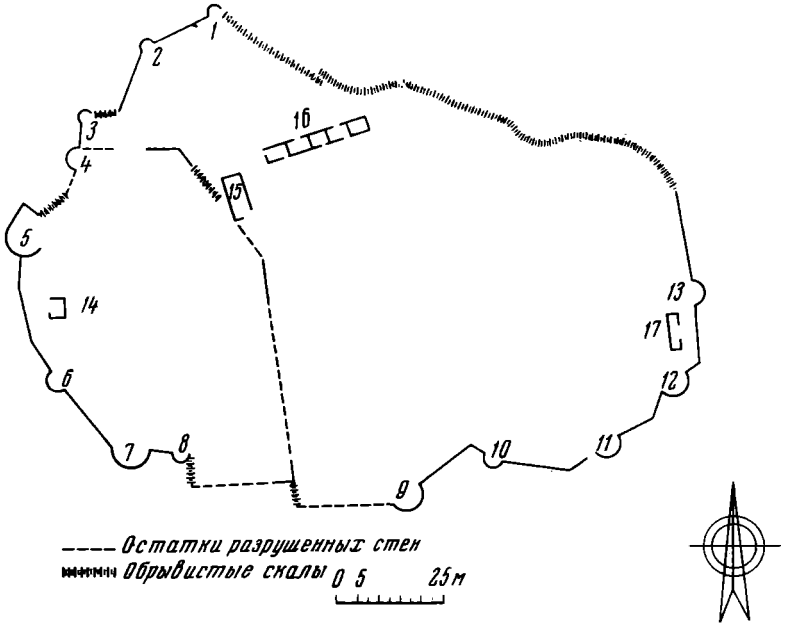


Рис. 4. Схематический план крепости Чирах-Кала

1—13 — башни, *14* — бассейн для хранения воды; *15—17* — остатки жилых помещений

мера. Наибольшие из них достигают в длину 0,4 *м*, в высоту 0,3 *м*. Несмотря на различную величину камней, в кладке строго соблюдена горизонтальность швов, хотя ряды камней при этом не были одинаковой высоты.

В оборонительной системе крепости Чирах-Кала решающее значение имели башни. Они полукруглые, размером в среднем 6—8 $м^2$. Остатки почти всех башен крепостной стены сохранились. Западная стена начинается с первой полукруглой башни, стоящей на краю скалистого обрыва. Стена длиной 15 *м* соединяет ее со второй, полукруглой, башней. Длина ее дуги в основании 3 *м*. От второй башни стена поднимается наверх, к югу на протяжении 17 *м*. Здесь стена поворачивает на запад к третьей, полукруглой башне. Высота ее 7,4 *м*, длина дуги в основании 4,5 *м*. От этой башни стена направляется на юг, к четвертой полукруглой башне. Между ними сохранилась стена длиной 6,6 *м*, высотой 3,3 *м* (рис. 5). Стена между четвертой и пятой (главной) башней разрушена. В главной башне можно проследить чередование верхних слоев камня с обожженной кирпичной прослойкой.

Главная башня расположена на высшей точке скалы. На восточной грани полукруглой башни имеется дверной проем, в верхней части которого хорошо сохранилось окно (бойница). На северной грани также имеется проем. Ширина восточной грани башни 7 *м*, длина дуги 14 *м*.

У подножья главной башни расположена сводчатая водосборная цистерна, куда вода поступала по гончарным трубам через проем в западной стене. Длина водохранилища 5 *м*, ширина 4 *м*, глубина 6 *м*. Водопровод брал начало вне крепости, из родника, протекающего на северо-западе; гончарные трубы были скрыты под землей на глубине 80 *см*.

Толщина стенок гончарных труб 11 *см*, они сделаны из красноватой глины винтообразно, конец одного колена вставляется в следующее коле-

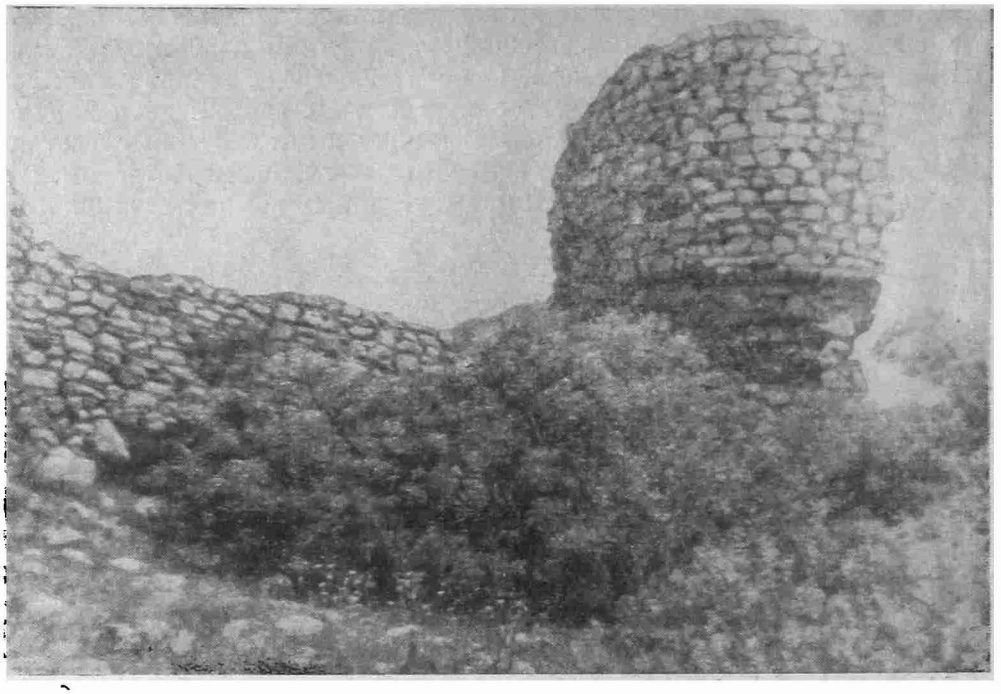


Рис. 5. Остатки северо-западной стены и четвертой полукруглой башни

но. Такие же водопроводные трубы были найдены на территории крепости Гюлистан близ Шемахи [16].

Западная стена крепости между главной и шестой башнями состоит из трех частей: длина первой части 7 *м*, второй — 14 *м*, третьей — 9 *м* (рис. 6). Таким образом, западная стена крепости против акведука, протяжением в 30 *м* защищена двумя полукруглыми башнями. Шестая полукруглая глухая башня соединяет эту стену с юго-западной стеной. Длина дуги основания 3,2 *м*, а длина юго-западной стены 17,4 *м*. Юго-западная стена заканчивается седьмой полукруглой глухой башней, высота которой 11 *м*, длина дуги 13 *м*. К этой башне примыкает южная стена длиной 5 *м*. Эта короткая часть южной стены заканчивается восьмой полукруглой глухой башней (длина дуги 4 *м*), стоящей на краю скалы (рис. 7). Внизу, под скалой, сохранились остатки оборонительной стены крепости длиной 3 *м*. На расстоянии 6 *м* стена разрушена, но на конце имеются ее остатки длиной в 3 *м*. Эти остатки находятся на краю обрыва, а внизу стена продолжается. Здесь, на расстоянии 15 *м*, стена разрушена (остались кучки камней), но полукруглая глухая девятая башня сохранилась хорошо. Длина ее дуги в основании 11 *м*. От этой башни стена отходит к северо-востоку на 15 *м*, а потом поворачивает на 50° к юго-востоку на 3 *м*. Здесь стоит девятая полукруглая глухая башня высотой в 6 *м* (длина дуги 4 *м*). К этой башне с востока примыкает хорошо сохранившаяся стена длиной в 20 *м*, высотой 4 *м*. Здесь стена крепости сложена из камня с отдельными вставками кирпичной кладки. Размеры обожженных кирпичей: 32 × 32 × 8 и 32 × 32 × 7 *см*. Между этой стеной и одиннадцатой башней имеется проем. Одиннадцатая башня, как и другие, полукруглая, глухая, длина дуги 7 *м*. К этой башне с востока примыкает стена длиной 5 *м*, высотой 4,5 *м* и она соединяется с двенадцатой полукруглой глухой башней (длина дуги которой 5,5 *м*). В этой стене имеется проем длиной 1,5 *м*, высотой 1 *м*. Высота двенадцатой башни 5 *м*. С северо-востока к ней примыкает стена длиной 2 *м*. Этот участок стены стоит на краю скалы. Отсюда начинается восточная стена. Она сохранилась на высоту 4—5 *м*. Длина этой стены до

[16] Е. А. Пахомов. Крепость Гюлистан близ Шемахи. Изв. АзФАН СССР, 5, 1944, стр. 47.

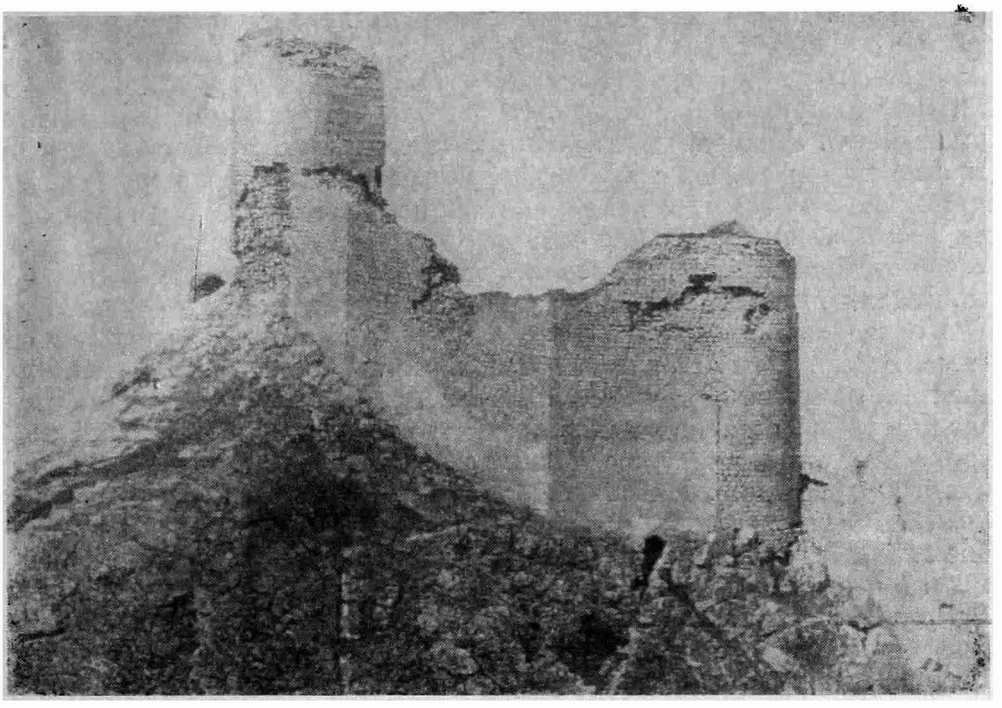


Рис. 6. Западная стена крепости Чирах-Кала

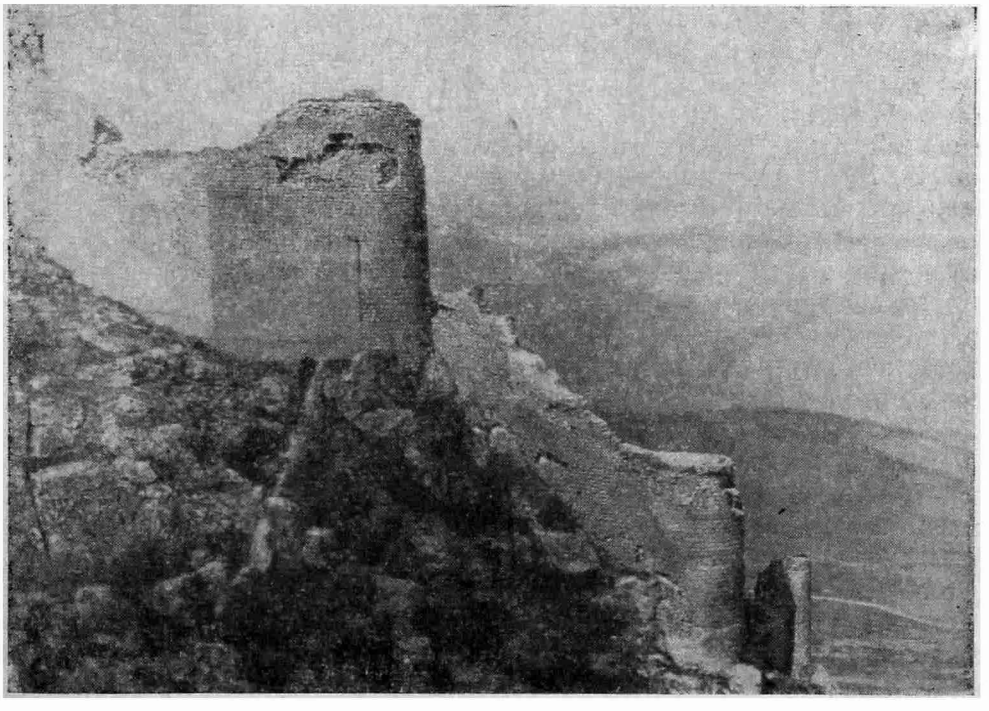


Рис. 7. Часть юго-западной стены крепости Чирах-Кала

тринадцатой башни 15 *м*. Северо-восточная часть тринадцатой башни снизу разрушена. Длина ее дуги в основании 7 *м*. На расстоянии 20 *м* стена совсем разрушена, но только на краю обрыва остался обрезок длиной 1,2 *м*. Здесь заканчивается оборонительная стена крепости Чирах-Кала. Расстояние между башнями западной стены больше, чем между башнями юго-восточной стены. У западной стены они отстоят на расстоянии 17, 22 и даже 30 *м*, а по юго-восточной стене через каждые 15 *м* выстроены полукруглые мощные башни. Это естественно, так как неприятель мог штурмовать крепость с юго-востока. Западная стена защищала крепость со стороны горы. С северо-восточной стороны крепость была совершенно неприступна. Здесь ее защищали отвесные скалы. В стенах крепости всего 13 башен, из них только одна — главная башня — имеет внутри пустоту, остальные глухие, ложные. Боеприпасы были сосредоточены на верхней части башен, откуда защитники крепости могли вести бой с неприятелем. Вероятно, башни завершались зубцами, но камни от них пока не найдены. Для уточнения этого вопроса нам помогает одна из акварелей в альбоме по арабской и персидской эпиграфике [17]. На 48-й странице этого альбома изображена крепость. Живописные руины оборонительного сооружения вздымаются на гребне скалы на широком фоне морской дали. На западной стене показаны зубцы и в четырех местах — бойницы. Акварель подписана Ф. Рыковским. Этот документ свидетельствует о том, что стены крепости Чирах-Кала завершались зубцами, даже кое-где имелись бойницы.

Это подтверждается также изображением сценок осады крепости на сасанидском блюде из Эрмитажного Собрания. Там видны каменные ступенчатые зубцы, бойницы и балконы [18]. Имелись ли балконы в крепости Чирах-Кала — нам неизвестно, но в западной стене ее восточной стороны на высоте 4 *м* в двух местах заметны гнезда для деревянных балок.

Внутри крепости, против западной стены сложена поперечная стена позднего происхождения. В кладке встречаются обожженные кирпичи размером 24 × 24 × 6 *см*. В крепости в двух местах сохранились полуразрушенные дома. Один из них находится на востоке от поперечной стены, другой на западе от восточной стены. Длина первого дома 10 *м*, ширина 4 *м*. В 6 *м* к северу от этого дома имеются остатки здания, состоящего из пяти помещений, длина каждого из них 5 *м*, ширина 3,5 *м*, а высота стен сохранилась до 70 *см*. Нет никакого сомнения в том, что эти помещения принадлежали военным гарнизонам, охранявшим крепости. Остатки материальной культуры и обширное могильное поле показывают, что крепость долго была заселена. По сообщениям П. Г. Буткова, в XVIII в. в крепости стоял трехэтажный дворец Ших-Али-хана, построенный его отцом, дербентским Фет-Али-ханом [19].

Остатков материальной культуры, особенно домашней утвари, много встречается на территории городищ № 1, 2, 3, 4 и 5. В основном это куски обожженных кирпичей, обломки больших и малых кувшинов и посуды. Такие же куски жженых кирпичей из красной глины разбросаны по обеим сторонам оборонительной стены, особенно в нагорной части. Тесто хорошо обожженного кирпича состоит из красной глины с песком. Больше всего встречаются кирпичи размерами 34 × 34 × 8, 34 × 34 × 7, 33 × 32 × 8 и 31 × 31 × 7 *см*. На первом и втором городищах преобладают черепки красноглиняной посуды. Имеются черепки от больших кувшинов из красной, плохо обожженной глины. Большинство керамических изделий низкого качества, глина смешана с песком, обжиг неравномерный, выделка грубая. Такие керамические изделия найдены во многих местах Азербайджана и датируются IV—VII вв. Причина упадка качества керамических изделий этого периода объясняется тем, что на территории Кавказской Ал-

[17] В. Крачковская. Неизвестный альбом по арабской и персидской эпиграфике. ЭВ, 2, 1948, стр. 31.

[18] И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.— Л., 1935, табл. 20.

[19] Путешественники об Азербайджане, стр. 427.

ании часто происходили разрушительные войны и мастера-гончары мобилизовывались для строительства оборонительных сооружений [20]. На территории первого городища сохранились остатки водовода. По этому поводу Е. А. Пахомов пишет: «Водовод был заложен на глубине 5 метров, составлен из звеньев, каждое из которых образовано 4 крупными каменными параллелепипедами (2 боковых — вертикальные, нижний и верхний — горизонтальные), сложенными на очень прочном растворе [21].

На территории третьего городища, на «кала-бойну», кроме черепков красноглиняной посуды, встречаются еще черепки желтоглиняных изделий без поливы и в большинстве без орнамента. Редко встречаются черепки от сосудов с зигзагообразными орнаментами. На черепках толстостенных кувшинов имеются выпуклые пояски шириной до 1,5 *см*. На территории селения Чарах, к западу от оборонительной стены и на западе крепости Чирах-Кала, кроме указанных выше черепков, еще встречаются обломки поливной посуды. Среди них есть одноцветные, двуцветные, иногда с ангобом под прозрачной глазурью и орнаментами.

На некоторых черепках имеются узоры из белого ангоба, покрытые слегка желтовато-прозрачной глазурью. Такие керамические обломки, найденные в Байлакане, относятся к IX—X вв. [22].

Такие же обломки глиняных изделий и куски жженых кирпичей имеются в крепости Чирах-Кала. Большой интерес представляет собой найденный там камень с надписью. Эта надпись изображена в альбоме по арабской и персидской эпиграфике на стр. 47 с аннотацией Ханыкова: «На развалинах Чирах-Кала в Кубинском уезде». Про эту надпись В. А. Крачковская пишет: «В качестве литературного образца Ханыков опубликовал также короткую рифмованную надпись, которую скопировал землемер Твердохлебов на развалинах укрепления Чирах-Кала. По форме знаков почерка куфи автор относит ее к VI в., а затем сопоставляет упомянутого в ней Сайф-ад-дина с правителем Дербента, современником поэта Хагани [23].

В период раннего средневековья на территории Кавказской Албании, как и во многих странах мира, для защиты от грабительских набегов кочевников и иноземных захватчиков были построены длинные оборонительные стены: на северо-западе Азербайджана — это Закатальская длинная стена, на северо-востоке, вдоль Каспийского моря — Бешбармагская, Гильгильчайская, на юге Дагестана — Дербентская и др. По стенам и вдоль них возводились укрепленные башни, крепости и недалеко от них были основаны населенные пункты и города, где стояли военные гарнизоны. Источники указывают, что некоторые стены выполняли свои оборонительные функции сравнительно долго, например Дербентская каменная стена, а другие, в связи с усилением политической и экономической мощи государства, теряли свое значение и со временем разрушались, например Бешбармагская стена.

Начиная с 260 г., со времени Шапура I, Сасаниды господствуют над Кавказской Албанией. В IV в. между Римской империей и сасанидским Ираном развернулись длительные войны за овладение Албанией, Арменией и Иберией. Лишь в самом конце IV в. в 390 г. война между Ираном и Римской империей окончилась. Согласно мирному договору, восточные области Армении, Грузия и Албания перешли под владычество Сасанидов. В период существования сасанидского государства территория Кавказ-

---

[20] Р. М. Вандов. Мингечаур в III—VIII вв. (по материалам археологических раскопок). Баку, 1961, стр. 34—35 (на азерб. яз.).

[21] Е. А. Пахомов. Археологические экспедиции по районам Азербайджанской ССР. Изв. АзФАН СССР, 3, 1938, стр. 36.

[22] А. Л. Якобсон. Художественная керамика Байлакана (Орен-Кала). МИА, 67, 1959, стр. 229.

[23] В. Крачковская. Ук. соч., стр. 31.

ской Албании служила плацдармом для действий против постоянно угрожавших ему нашествий с севера. Сасаниды, уделяя большое внимание защите земледельцев, оседлого населения, возводили заградительные стены для обороны страны от грабительских набегов северных кочевников. Пока мы не располагаем точными данными о времени построения Гильгильчайской оборонительной стены. Арабский историк Ахмед Балазури ясно говорит: «Затем он (сасанидский шах Кобад) построил преграду из нежженой глины (кирпича) между областью Ширваном и воротами Аллан, а вдоль глиняной стены он построил триста шестьдесят городов, пришедших в разрушение после постройки ал-Баб-у-ал-абубаба», т. е. Дербента [24].

Действительно, на протяжении 20 *км* Гильгильчайская оборонительная стена построена из необожженного кирпича, а в Дербенте остатки глиняной стены остались только на территории военной комендатуры. Археологические исследования обнаружили городище возле Гильгильчайской оборонительной стены. Этот факт еще раз подтверждает сообщение Ахмеда Балазури о постройке глиняной стены между Ширваном и воротами Аллан. С. Т. Еремян указывает, что это известие должно относиться к основанию вышеупомянутой Шабранской, т. е. Гильгильчайской, оборонительной стены, называемой в «Армянской географии VII в.» «Апзут-Кават». Название это связывается также с именем Сасанида Кавада [25]. К. В. Тревер предполагает, что постройка Гильгильчайского оборонительного сооружения относится ко времени Иездегерда II (438—457 гг.) и, возможно, закончилась при Перозе (459—484 гг.) [26]. В. Ф. Минорский считает, что длинная стена, называемая Апзут-Кават («Возвеличился (царь) Кават») на Варданской равнине была построена Каватом, отцом Ануширвана [27]. Бешбармагская, Гильгильчайская, Дербентская и другие оборонительные стены на северо-востоке Кавказской Албании были сооружены в известной последовательности по мере захвата Сасанидами территории Албании. И поэтому ясно, что строительство осуществлялось, начиная с юга. Последующая монолитная оборонительная стена, как указывает Е. А. Пахомов, уменьшала военное значение предыдущей [28]. Чтобы укрепить свои северные границы, отодвинуть их на север, после разрушения самой южной Бешбармагской стены, Сасанидам пришлось построить новое оборонительное сооружение, которое задержало бы грабительские набеги кочевников. «Вопрос обеспечения тыла от нашествий кочевников,— пишет С. Т. Еремян,— вынуждал Сасанидов тратить огромные средства и материальные ресурсы на содержание вооруженных сил и пограничных стен — укреплений в наиболее уязвимых местах своих рубежей. В этом отношении Албания приобрела исключительное значение, и она становится одним из центров сасанидских вооруженных сил [29]. Археологических раскопок на территории указанного памятника не было, и для датировки мы довольствуемся пока подъемным материалом. Обожженные кирпичи и обломки толстостенных кувшинов датируются сасанидским периодом (III—VII вв.). Форматы сырцовых и обожженных кирпичей и строительная техника, аналогичные датированным памятникам Азербайджана, Грузии и Средней Азии, также помогают в датировке. Крупные сырцовые кирпичи в Азербайджане применялись в строительстве с I тысячелетия до н. э. вплоть до IX в. н. э. Сырцовые кирпичи размером 42 × 42 × 14 и 42 × × 42 × 14 *см* обнаружены в стенах постройки на холме Кара-Тепе в Мильской степи. Остатки строительных сооружений относятся к VII—VI вв.

---

[24] Ахмед Балазури. Ук. соч., стр. 7.
[25] С. Т. Еремян. Ук. соч., стр. 35.
[26] К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э.— VII в. н. э. М., 1959, стр. 272.
[27] В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербента X—XI веков. М., 1963, стр. 111, примеч. 12.
[28] Е. А. Пахомов. Ук. соч., стр. 34.
[29] С. Т. Еремян. Ук. соч., стр. 34.

до н. э.[30]. Размеры сырцовых кирпичей, использованных в стенах жилых и оборонительных сооружений городища Урбниси в Грузии, колебались между 44 и 51 *см*, а толщина — между 8 и 11 *см*. П. П. Закарая полагает, что возведение стен городища Урбниси относится к начальным векам н. э.[31]. В стенах крепостей Эрк-Кала, Чичанлык-Тепе, Дурнали (I—II вв.) Топрак-Кала (III—IV вв.), Хароба-Кошук (V—VI вв.) был использован квадратный сырцовый кирпич, размеры которого 39—45 × 10—14 *см*. Г. А. Пугаченкова пишет, что такой размер сырца, «обычный еще для построек парфянской эпохи, применяется по традиции в архитектуре крепостных стен и крупных сооружений мервского оазиса вплоть до VII в., когда преобладающим становится меньший размер его (около 34—36 × × 7 *см*)»[32]. Техника строительства сырцовой части Гильгильчайской оборонительной стены очень близка технике кладки городской стены в Орен-Кале, где первоначальная городская стена была построена из больших сырцовых кирпичей и «относится к раннему средневековью, не позднее VI—VII вв.»[33]. Сырцовая часть Гильгильчайской оборонительной стены на низменности и нагорном участке построена из кирпичей размером 42 × × 42 × 14 *см*. В некоторых местах, особенно на низменностях, Гильгильчайская оборонительная стена, как городская стена Орен-Калы, усилена своеобразным защитным «панцирем» из обожженного кирпича. В этих памятниках ширина швов как постельных, так и вертикальных достигает 5 *см*. Швы заполнены глиной с примесью мелко рубленной соломы. Таким же раствором была скреплена кладка городской стены Орен-Калы[34]. В 1939 г. разрез низменной части Гильгильчайской стены был обследован Е. А. Пахомовым, выяснившим, что кладка кирпичей, лежащих плашмя правильными горизонтальными рядами, выполнена на глине. Основание стены — глинобитное, а боковая поверхность покрыта глиняной, по-видимому, обмазкой[35]. Такую картину мы наблюдаем в Орен-Кала, где снаружи кладка стены и башни была обмазана глиной слоем в 3—4 *см*[36]. Нижняя часть крепостной стены Орен-Кала (на участке раскопа VI) была построена из сырцового кирпича размерами 41 × 41 × 8 и 40 × 40 × 8 *см*. Снаружи облицована обожженным кирпичом размером 22 × 22 × 4 и 23 × 23 × 5 *см*. Размеры обожженных кирпичей как низменной части, так и горной части Гильгильчайской оборонительной стены колеблются в пределах 30—36 × 7—8 *см*.

В 2 *км* к югу от селения Хизы Дивичинского района обнаружены остатки памятника, построенного из обожженного кирпича размером 35 × × 35 × 7,5 *см*, который относится к V—VII вв.[37]. В процессе обследования стен и территории Кабалы обнаружены жженые кирпичи размером 30 × 30 × 7 *см*. И. П. Щеблыкин пишет: «Непосредственное изучение крепостных стен и башен Кабалы дает представление о мощи и грандиозности сооружения в целом. Невольно напрашивается сравнение с дербентскими стенами, гильгильчайскими и бешбармагскими укреплениями, с дворцом Ктесифона и другими памятниками V—VI вв.»[38]. Археологические раскопки и разведки показывают, что крупные сырцовые и обожжен-

---

[30] О. Ш. Исмизаде. Итоги археологического исследования поселения на холме Кара-Тепе. Сб. «Археологические исследования в Азербайджане». Баку, 1965, стр. 76.

[31] П. П. Закарая. К изучению жилых и оборонительных сооружений городища Урбниси. КСИИМК, 1959, 74, стр. 136.

[32] Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958, стр. 127.

[33] Н. В. Минкевич-Мустафаева. Раскопки на городской стене Орен-Кала в 1953—1954 гг. (раскоп II). МИА, 67, стр. 173.

[34] Н. В. Минкевич-Мустафаева. Ук. соч., стр. 149.

[35] Е. А. Пахомов. Ук. соч., стр. 42.

[36] Н. В. Минкевич-Мустафаева. Ук. соч., стр. 148.

[37] Е. А. Пахомов. О некоторых памятниках Хизынского района. ИАН АзССР, 7, 1946, стр. 24.

[38] И. П. Щеблыкин. Остатки крепостных стен Кабалы. ДАН АзССР, 2, 1945, стр. 94.

ные кирпичи в памятниках Азербайджана встречаются до IX в. «Если до IX в. размер стороны квадратного кирпича достигал 52 *см*, то в IX—X вв. встречается квадратный сырец со стороной в 23—25 *см* при 6 *см* толщины, т. е. размер его приблизился к размеру обожженного квадратного кирпича» [39]. Техника строительства и форматы сырцовых и обожженных кирпичей Гильгильчайской оборонительной стены совпадают с нижней частью городской стены Орен-Калы, которая относится к раннему средневековью, т. е. к V—VII вв. Начиная с VIII в. в стенах Орен-Калы преобладают жженые кирпичи малого размера. Г. М. Ахмедов пишет, что в Орен-Кале в IX—X вв. в основном использовали жженые кирпичи $22 \times 22 \times 5$ и $25 \times 25 \times 6$ *см* [40]. В Гильгильчайской оборонительной стене и в стенах крепости Чирах-Кала сырцовые и обожженные кирпичи малого размера отсутствуют. На основании этого факта можно уверенно сказать, что Гильгильчайская оборонительная стена была построена до VIII в., а сравнительные материалы показывают, что ее точная датировка совпадает с датировкой нижней части городской стены Орен-Калы (V—VI вв.) [41].

Основной целью возведения оборонительных стен на северо-востоке Кавказской Албании была защита северных границ сасанидской империи. Северные кочевники, нападая на богатые области Закавказья, часто устремлялись с целью грабежа на южные области Ирана. Кочевые племена, нападая на плодородные области Албании, Армении и Ирана, грабили население, разрушали селения и города. Гильгильчайская стена была сооружена для защиты части северной границы сасанидской империи, а также для защиты местного населения от кочевников. Поэтому в защите от нападения извне было заинтересовано все население. Наместники сасанидского государства требовали от населения средства на постройку оборонительной стены. К постройке стены были привлечены каменщики, землекопы и другие строительные рабочие из местного населения. Сасаниды безжалостно грабили и разоряли страну. По словам албанского историка Моисея Каганкатваци, «иранские шахи изнурили окрестную страну, собирая архитекторов и изыскивая разные материалы для построения оборонительного сооружения» [42].

Земледельцы и кочевое скотоводческое население не всегда враждовали между собой. С древнейших времен между кочевниками и оседлыми земледельцами существовали определенные взаимоотношения, особенно торговые связи. Однако эти взаимоотношения в разные периоды были различными. В период внешних нашествий кочевники часто приходили на помощь оседлому населению в борьбе против завоевателей. Армянский историк Егише пишет, что после смерти Иездигерда царь албанский Вече восстал против Персии и «заключил союз с одиннадцатью царями Дагестана (народов кавказских)» [43]. В борьбе против сасанидских завоевателей местное население действовало в тесном содружестве с армянами, иберами, а иногда и гуннами. Чтобы прикрыть северные границы от нападения кочевников и вместе с тем создать базу для вторжения в пределы соседних стран, а также изолировать население плодородных областей от кочевников, рядом с оборонительной стеной были построены мощные крепости. Одной из них была крепость Чирах-Кала (точная дата постройки которой пока нам неизвестна). Построение крепости местное население приписывает времени Александра. «Когда Александр Великий, гордясь своими победами, полагал, что нет такого укрепления, которое бы оружию его не могло покориться, то один из его полководцев, или по крайней мере

[39] К. М. Мамедзаде. Типы кладок в постройках Орен-Калы. Сб. «Археологические исследования в Азербайджане», стр. 171.

[40] Г. М. Ахмедов. Неполивная керамика Азербайджана (по материалам IX—XIII вв. из раскопок Орен-Кала). Баку, 1959, стр. 54 (на азерб. яз.).

[41] Г. М. Ахмедов. Орен-Кала. Баку, 1962, стр. 47 (на азерб. яз.).

[42] М. Каганкатваци. История Агован. СПб., 1861, ч. 2, гл. VIII.

[43] Егише Вардапет. История Вардана. Перевод П. Шаншиева. Тифлис, 1853, стр. 333.

близких, называвшийся Чира, построил сию крепость и взял намерение с некоторым числом войск ее защищать. Александр приступил к ней неприятельски, но не могши со всеми усилиями его победить, принужден был отступить. Тогда-то должен был вышедшему из крепости Чира признаться, что он виноват»[44]. Остатки материальной культуры на территории крепости и крупные обожженные кирпичи, заложенные в стенах, свидетельствуют о давности постройки; датировка крепости совпадает с датировкой Гильгильчайской оборонительной стены. В крепости Чирах-Кала сосредотачивались запасы материальных средств для ведения войны, она была важнейшим стратегическим объектом. Здесь стоял военный гарнизон для охраны северных границ государства. На главной башне крепости во время нашествия врагов для сигнализации зажигался огромный костер. Толщина западной стены доходила до 5,2 *м*. Усиление мощности этой стены свидетельствует, что опасались не только вторжения хазаров, сабиров, гуннов и других внешних врагов, которые могли штурмовать крепость с юга и востока, но и внутренних непорядков — т. е. часто происходивших бунтов и восстаний закавказских народов.

[44] Путешественники об Азербайджане, стр. 427.

Х. ЮСУПОВ

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КРЕПОСТИ НА БОЛЬШОМ БАЛХАНЕ

Осенью 1965 г. нами проводилось археологическое обследование ряда средневековых памятников Западной Туркмении. Особое внимание было уделено археологическим памятникам Большого Балхана, в частности двум крепостям: верхней и нижней Дуйнеш-Кала [1], стоящим у крутого обрыва на северном склоне этих гор.

Горы Большие Балханы расположены между северо-западными отрогами Копет-Дага и Красноводским п-вом к северу от города Небит-Дага. На севере и западе Большие Балханы ограничены крутыми скалистыми обрывами. Восточной оконечностью системы Большого Балхана служит хребет Секи-Даг, с северо-востока — хребет Караджа-Даг. Севернее расположены пески Чильмамет-кум. Прорезающие северные склоны Больших Балханов саи (каньоны) выходят на равнину, местами подходя почти вплотную к этим пескам. С юга и частично с запада Большие Балханы огибает русло Узбоя.

Жителей этих мест всегда привлекали ближайшие окрестности Больших Балхан, потому что там имеются богатые пресной водой источники. Близость водоносного пласта к поверхности и хорошая пресная вода несомненно сыграли свою роль в историческом прошлом этого района. Северные предгорья и внутренние долины системы Больших Балханских гор были излюбленным местом обитания кочевников и скотоводов с древних времен до наших дней.

Упоминания о Больших Балханах встречаются у восточных авторов с XI в. Средневековые источники не дают описания каких-либо поселений, они отмечают этот район лишь как место убежища огузских и туркменских племен. Бейхаки [2] отмечает, что султан Махмуд прогнал мечом туркмен в Балханские горы. Далее он сообщает, что туркмены с Балханских гор нападают на пограничные области газневидских владений. Мухаммед ибн-Наджиб Бекран [3] под 1152/53 г. упоминает, что Языр — это племя тюрок, которое попало в пределы Балхана и его гор. К ним присоединилось одно племя из Мангышлака, а другое из Хорасана. Оттуда они снялись и пришли в Так и Фераву. Наконец, Абульгази (XVII в.) сообщает предание, по которому золотоордынский хан Джанибек переселил тридцать семей погонщиков верблюдов в Балханские горы, так как эта местность считалась очень хорошей для разведения верблюдов [4]. Абульгази [5] также сообщает, что на Балхане жили туркмены саинхани (текинцы, сарыки и иомуды), которые помогли Исфендиархану в борьбе против мя-

---

[1] Дунеш. Дунев (Г). Дюнек, значения одинаковые. Становища-убежища.

[2] Бейхаки. Тарих-и-Бейхаки. МИТТ, I, М.— Л., 1939, стр. 234, 237.

[3] Мухаммед ибн-Наджиб Бекран. Джехен-намэ. МИТТ, I, стр. 349.

[4] Абульгази. Родословная туркмен. М.— Л., 1958, стр. 77.

[5] Абульгази. Родословное древо тюрков. Казань, 1906, стр. 258; Сочинение Муниса. Хивинские источники по истории туркмен XVI—XVIII вв. МИТТ, II, стр. 325.

тежных братьев Хабеша и Ильбарса. Этим и исчерпываются письменные сведения об описываемом нами районе.

Несмотря на то, что географические условия способствовали значительному преобладанию скотоводства в хозяйстве туркмен на Балханских горах, можно предположить, что здесь имелись и небольшие посевы зерновых и бахчевых культур, в основном богарные, а частично и поливные. Это подтверждается сведениями Абульгази о том, что на Балханах земледелие, базирующееся на мелких горных источниках, имелось еще в XIV—XV вв. Эрсаринские онбеги и аксакалы предоставили здесь племени караойли земли, орошавшиеся шестью источниками, за что это племя обязано было отдавать им половину урожая, две тысячи вьюков камыша для сараев и 38 ловчих птиц различных пород[6]. Дополняя хозяйственную характеристику района Балханских гор, следует отметить, что в XI—XII вв. в этом районе упоминается добыча нефти[7].

Средневековые авторы почти ничего не говорят о торговле в области Балханских гор. Однако, по рассказам местного жителя 78-летнего М. Мазыева, в старых туркменских стихах, которые он хорошо помнит, говорится о Балханском базаре (о Базарлы-Бовуре). Базар этот якобы находится между Шакул-буруном и Ламма-буруном[8] в юго-западной части Балханских гор. По рассказам местных жителей, наверху Большого Балхана богарным земледелием занимались и в недавнее время. Они хорошо помнят 1942—1943 гг., когда там был получен богатый урожай пшеницы. В долинах северных склонов гор и в настоящее время местное население занимается поливным земледелием, а также бахчеводством, используя кяризные воды. Здесь и в настоящее время еще действуют четыре кяриза: три у Оглан-Глины и один в Караэлем-ата. Основным же занятием населения Большого Балхана было и остается скотоводство. В горах Балхана имеются обширные пастбища, с хорошим травостоем, которые издавна использовались скотоводами. В 1964 г. наверху Большого Балхана паслось более 16 тысяч овец.

Археологические памятники, обнаруженные в районе Больших Балхан, относятся к различным историческим периодам, охватывая неолит, эпоху бронзы, среднеазиатской античности и средневековья. Пещеры Джебел и Дам-Дам-Чешме, изученные А. П. Окладниковым[9], и их слои датируются от эпохи позднего мезолита до времени бронзы. При раскопках Дам-Дам-Чешме II, произведенных Г. Е. Марковым[10] в 1963—1964 гг., была выявлена свита культурных наслоений от раннего мезолита (или позднего верхнего неолита) до начала железного века. Курганные могильники Караэлемсая, Алтын-Акара и Караужа-Дага, частично раскопанные А. М. Мандельштамом[11], указывают на заселенность Больших Балхан с конца бронзового века до поздней античности. Памятники более позднего времени здесь до последних лет оставались почти не выявлен-

---

[6] Абульгази. Родословная туркмен, стр. 77—78.

[7] Мухаммед ибн-Надждиб Бекран. Ук. соч., стр. 350. В 1825—1826 гг. Дядин и Баранов производили съемку протока Актама; они сообщают, что у истока русла Актам находится озеро Нефте-сенем-Дерваза (Бабаходжа, Ильмен — современное название Келькор). Среди озера возвышается «остров», называемый туркменами нефтяным. Это нефтяная гора. Проводники уверяли, пишет Баранов, что на этом острове в прежние годы туркмены добывали нефть, но теперь не берут ее, потому что мелководье не допускает сюда туркменских киржимов (Л. С. Берг. История исследования Туркмении. Сб. «Туркмения». I. М., 1929, стр. 97—98).

[8] О караванных путях, проходивших через эти места, писал и Н. Ф. Бларамберг. Русло и устье древнего Оксуса. ЗГО. IV, СПб., 1850, стр. 89.

[9] А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. Тр. ЮТАКЭ, VII, Ашхабад, 1956, стр. 11—219.

[10] Г. Е. Марков. Грот Дам-Дам-Чешме II в Восточном Прикаспии. СА, 1966, 2, стр. 104—125.

[11] А. М. Мандельштам. Отчет 1962—1963 гг. Хранится в архиве Института ИАЭ АН ТуркмССР.

ными. Причиной этого, по-видимому, является то, что жилища средневековых скотоводов, как и ныне, в основном были переносными юртами. Все хозяйственные предметы также были приспособлены к условиям подвижной жизни. Поэтому основными памятниками Большого Балхана, которые оставило после себя кочевое население, являются погребальные сооружения. Большинство современных туркменских кладбищ расположено на месте позднесредневековых могильников [12], изучавшихся в последние годы С. П. Поляковым [13]. При обследовании местности в окрестностях колодцев и кяризов встречается сравнительно небольшое количество обломков керамики, обычно очень мелких и трудно поддающихся культурно-хронологическому определению. Почти все они относятся к позднему средневековью и новому времени.

Район Большого Балхана имел особое значение в истории западной части Туркменистана; стоит лишь напомнить, что с ним связан определенный этап прошлого всех туркменских племен. Бейхаки [14] отмечает группу туркмен Балхан-кухи, получившую свое название по горам Балхан. По преданиям, приводимым Абульгази [15], сюда же переселились с Аму-Дарьи несколько огузских племен, именно: Оклы, Кокли, Агара и Султанлы; в XIV—XV вв. этот район, по его данным, был заселен эрсаринцами и салорами, позднее сыгравшими большую роль в формировании приузбойской группы туркменских племен [16].

С целью получения дополнительных материалов по средневековой истории этого района, мы обратили особое внимание на крепости Дуйнеш-Кала, являющимися пока единственными известными крупными поселениями эпохи средневековья на Больших Балханах. Изучение и описание сооружений этих крепостей представляет большой интерес в различных аспектах, в том числе и с точки зрения изучения строительной техники.

Впервые крепость Дуйнеш-Кала верхнюю посетили в 1950 г. археологи А. А. Росляков и А. Ф. Ганялин, работавшие в составе XIX отряда Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ). Собранные ими материалы хранятся в архиве ЮТАКЭ. В 1951 г. сотрудники Хорезмской экспедиции под руководством С. П. Толстова также обследовали эту крепость, где собрали подъемный материал и сняли схематический план [17].

Уже Хорезмская экспедиция отмечала, что существуют, судя по рассказам местных жителей, несколько развалин туркменских крепостей на Больших Балханах. В 1965 г. благодаря расспросам местных жителей А. А. Марушенко удалось обнаружить нижнюю крепость Дуйнеш-Кала, остававшуюся до сих пор неизвестной археологам, которая и была обследована автором совместно с А. А. Марушенко. В 1966 г. на крепости были произведены разведочные раскопки. Крепость Дуйнеш-Кала нижняя расположена в очень живописном месте на конце узкого, длинного мыса, как бы языком отходящего от основного массива гор на северном склоне Больших Балханов (рис. 1). Крепость так использовала выгодно естественный рельеф, что развалины ее, довольно хорошо сохранившиеся, совершенно замаскированы рельефом и растительностью, так что не различимы даже с ближайших подступов. Там, где мыс отходит от основного массива Балханских гор, на восточном склоне его, чуть ниже гребня, находится родник Дуйнеш. От нижней крепости Дуйнеш-Кала до родника около 500 *м*, от верхней — около 300 *м*. Склоны мыса круто спускаются

---

[12] Кладбища Омар-ата, Караэлем-ата, Дэане-ата, Шехитли-ой и другие.

[13] С. П. Поляков. Отчет. Хранится в архиве Института ИАЭ АН ТуркмССР.

[14] Тарих-и-Бейхаки. Политика эмира Мас'уда..., стр. 260.

[15] Абульгази. Родословная туркмен, стр. 68.

[16] Там же, стр. 75—76.

[17] С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. Тр. ХАЭЭ, II. М., 1958, стр. 36.

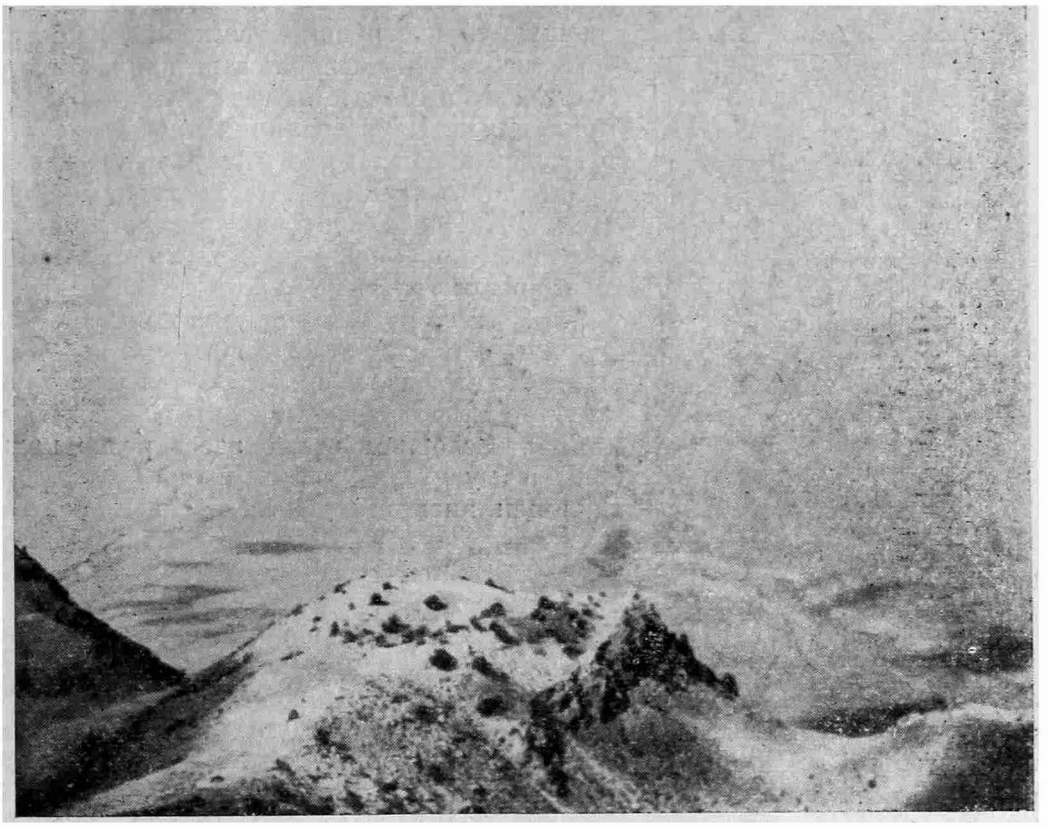


Рис. 1. Вид на крепость Дуйнеш-Кала нижняя с верхней крепости

вниз, местами переходя в обрыв. На склонах и гребне около родника — заросли арчи.

С двух сторон (запада и юго-востока) высоту, на которой расположена нижняя крепость, окаймляют две впадины-площадки, окруженные небольшими горками, являющиеся и теперь удобным местом для стоянки. На них, особенно на западной, встречаются отдельные фрагменты средневековой керамики. Нижняя крепость расположена на северной оконечности отмеченного мыса. Она имеет в плане форму неправильного четырехугольника со сторонами 97, 97,5, 55, 68,5 *м*, вытянутого с юга на север (рис. 2). Стены крепости сложены из необработанного камня, ориентированы углами по странам света. Толщина их, как показала расчистка, достигала 3 *м*. Разрушившись, они приняли форму вала. В зависимости от рельефа мыса стены были различны. С восточной стороны, где мыс обрывается круто вниз, искусственная стена отсутствовала вообще, ее заменяло естественное валообразное возвышение.

Вдоль западной стены крепости с внутренней ее стороны расположен ряд прямоугольных помещений, примыкающих друг к другу. Размеры помещений уменьшаются в направлении с севера на юг. Входы в помещения располагались со стороны внутреннего двора крепости, между собой помещения не соединялись.

Против входа в середине северной части крепости расположено отдельно стоящее прямоугольное в плане здание с входом в середине западной стены. От входа в крепость к этому зданию идет глубокая постепенно выравнивающаяся ложбина. К юго-востоку от центрального здания расположено еще одно отдельно стоящее здание, имеющее в плане форму прямоугольника, вытянутого с востока на запад.

Все постройки внутри крепости сложены, как и ее стены, из рваного камня. В северо-восточном и юго-восточном углах крепости видны большие впадины. Северная половина крепости представляет собой ровную

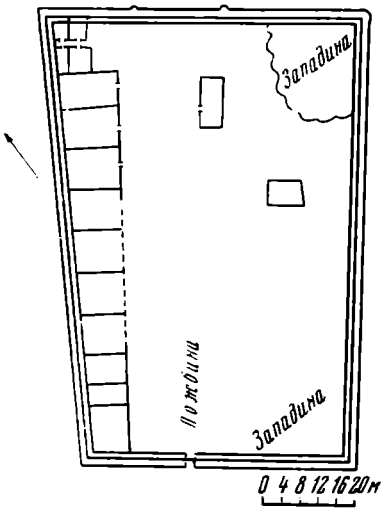


Рис. 2. План крепости Дуйнеш-Кала нижняя

площадку, посередине восточной части — естественная возвышенность, покрытая крупными глыбами камня, западная часть тоже приподнята. На развалинах крепостных стен и внутри крепости растут отдельные деревья арчи, достигающие в обхвате до 180 *см* (рис. 3). Поверхность внутри крепости покрыта мелкой щебенкой и глыбами камня. Все заросло травой.

В 1966 г. проводились раскопки на следующих объектах памятника:

1. На участке стены крепости у восточного угла для выяснения, была ли угловая башня. Северная стена здесь резко поднимается к углу на гребень, следов башни нет. Зачищен внешний участок стены длиною в 10 *м*, никаких находок не было, характер стены обычный, кладка из крупного рваного камня всухую.

2. Расчистка в районе ворот крепости, где раскоп был заложен с внутренней стороны крепости. В 3 *м* от стены помещения, расположенного вдоль северо-западной стены, был обнаружен край ворот. Ширина ворот 2,40 *м*, толщина стены 3 *м*. Никаких следов фланкирующих стенок у входа, как это казалось до раскопок, нет, то, что было принято за них, оказалось завалами камней. В середине ворот вертикальный камень, возможно, упор для створок ворот, стоит на внутренней линии крепостной стены. В раскопе находок не было.

3. Для выяснения конструкции и толщины крепостных стен нами были сделаны зачистки с наружной и внутренней сторон посередине северной и западной стен крепости. На обоих участках толщина стен достигала 3 *м*.

4. В связи с выяснением вопроса о культурном слое и возрасте крепости основным объектом раскопок стало здание, расположенное в середине крепости (рис. 4). В результате раскопок выяснилась следующая картина. Здание состоит из одного помещения размером 10,65 × 4,20 *м*. Вход шириною в 80 *см* расположен в западной стене, на расстоянии 3,70 *м* от юго-западного угла. Помещение сложено из рваного камня всухую, толщина стены — 1,30 *м*. Стены сохранились на высоту от 65 *см* до 1 *м*. Заполнено помещение почти на всю глубину завалом из камня и комковатой произвесткованной глины. Над полом, представляющим собой ровную, утоптанную поверхность, шел зольно-углистый слой толщиной от 5—10 *см* в центре до 20—30 *см* к стенкам, образовался он за счет горелых деревянных балок кровли и золистого культурного слоя. В этом золисто-углистом слое и были обнаружены все находки: фрагменты неполивной и поливной керамики, кости животных и птиц, фрагменты бронзовых и железных предметов.

В западном углу помещения располагался узкий длинный очаг (105 × 20—30 *см*), вытянутый с запада на восток и в самом углу суфа размером 107 × 75 *см*. Часть очага была перекрыта обгорелым тонким плоским камнем. Высота суфы — 23 *см*. Назначение ее явно хозяйственное. Слева от входа в центре помещения — горелые пятна, возможно, от открытых очагов, использовавшихся для обогрева. Глубина очагов не более 7—10 *см*.

У середины северо-восточной стены на месте уходившего под пол на глубину 0,5 *м* естественного камня был заложен шурф размерами 1 × 1 *м* и глубиной около 60—70 *см*. Стена ниже уровня поля не идет. Грунт — желтая глина с щебенкой и камнями представляет собой абсолютно чистый слой.

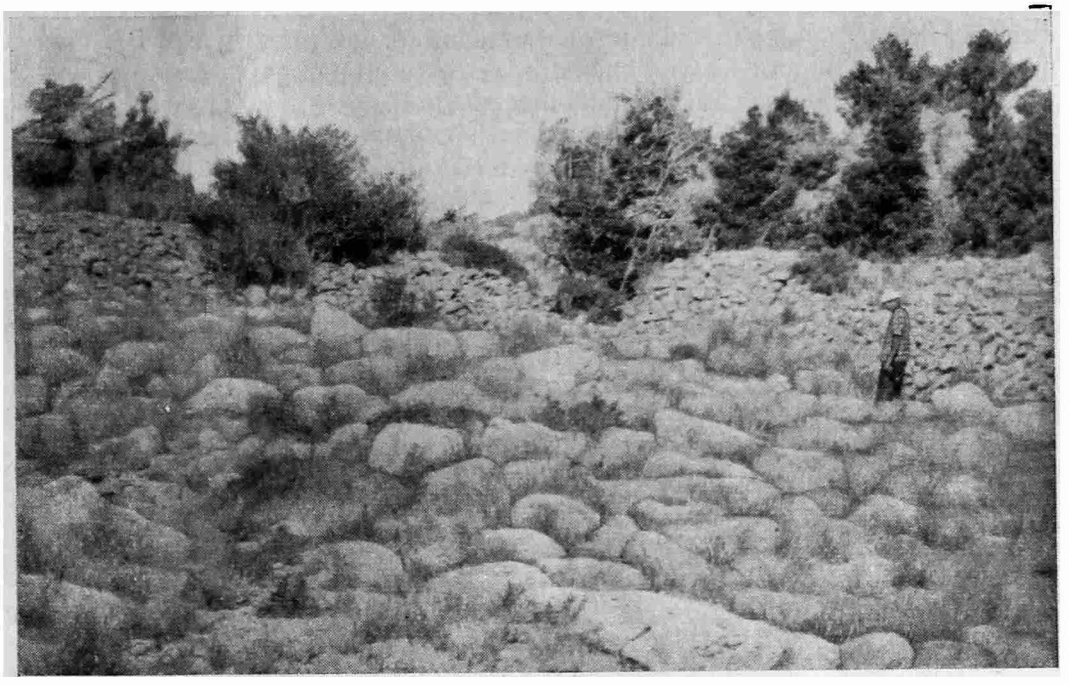


Рис. 3. Вход в крепость нижняя Дуйнеш-Кала с южной стороны

Рис. 4. Раскопки на месте центрального здания крепости нижняя Дуйнеш-Кала

Керамический материал, полученный при вскрытии центрального здания, весьма малочислен, но составляет единый комплекс (рис. 5). Вся неполивная и поливная посуда сделана на гончарном круге: глина розовато-кремовая и светло-желтая, хорошо отмученная.

Неполивная керамика представлена следующими формами:

1. Верхняя половина узкогорлого кувшина с широким раздутым корпусом (рис. 5, *5*), довольно резким переходом от горла к тулову. Венчик отсутствует. Ручка овального сечения с двумя продольными желобками на наружной стороне. Верхний край ручки прикреплен к горловине ниже венчика, нижний — у перехода от плечика к тулову. Сосуд по горлу и верху плечиков был орнаментирован узкими прочерченными полосками. Сосуд сделан на круге. Черепок не совсем равномерного обжига, бежево-коричневый в изломе, покрыт светлым ангобом.

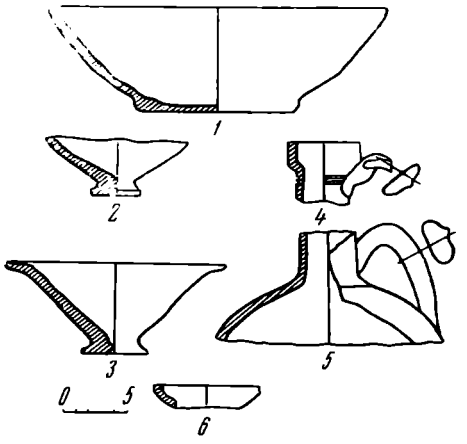


Рис. 5. Образцы керамики, найденной при раскопках в крепости нижняя Дуйнеш-Кала

2. Верхняя часть горловины другого кувшина, вероятно, того же типа (рис. 5, *4*), но с венчиком. От верха узкой горловины, украшенной прочерченным желобчатым орнаментом, идет венчик в виде несколько расширяющейся чашечки с утолщенными вертикальными боковыми стенками и прямо срезанным краем. Низ венчика косо подрезан. К узкой горловине непосредственно под венчиком прикреплена ручка того же типа, что и у предыдущего сосуда. Тесто очень светлое, почти белое, сосуд сделан на круге.

3. Весьма оригинален по своей форме найденный здесь сосуд в форме широко открытого конического кубка (рис. 5, *3*) с широким отогнутым горизонтальным краем, на невысокой ножке, но со сплошным поддоном. Диаметр сосуда по краю — 16,4 *см*, диаметр сплошного поддона 4,7 *см*, высота 7,5 *см*; ширина плоского бережка — 2 *см*. Толщина стенок сосуда от 0,5 до 0,9 *см*. Низ поддона небрежно срезан и не заглажен. Черепок пористый, в изломе кремового цвета. Сосуд сделан на круге, следы которого в виде глубоких бороздок видны внутри. Снаружи и внутри сосуд покрыт красным ангобом. Внутренняя поверхность отделана более тщательно, чем наружная [18].

4. Нижняя часть аналогичного кубка на ножке (рис. 5, *2*). Сосуд сделан также на круге. Тесто тоже очень светлое. Ангоб, если был, то тоже светлый. Найдены фрагменты венчика от этого или подобного кубка.

5. Фрагменты светлого сосуда, вероятно, светильника в виде чашечки (рис. 5, *6*), с резко загнутым внутрь венчиком. Есть следы от прикреплявшейся к внешнему краю ручки.

6. Интересно отметить венчик сосудов с резко отогнутым наружу краем, подтреугольным в разрезе. Сосуд круговой, тесто пористое, кремового цвета.

7. Найден фрагмент ручки кувшина овальной в сечении формы с двумя желобками на внешней стороне и валиком вдоль внутренней стороны. Тесто светловатое в изломе.

---

[18] На городище раннесредневековой Варахши встречались в слое X—XI вв. сосуды, которые своей формой напоминают наши кубки, но у них более вытянутые пропорции, иной венчик, отделка внешней поверхности выделяется (иногда штамп) и главное — навершия — ручки их невелики по размерам и явно неустойчивы в отличие от наших сосудов (В. А. Шишкин. Варахша. М., 1963, стр. 98—99, рис. 47, *1* и стр. 113—114, рис. 54, *4*).

Поливная керамика представлена двумя сосудами:

1) Фрагментами полусферической чаши с плоским дисковидным поддоном и округлым прямым венчиком (рис. 5, *1*). Тесто черепка бежевое, полива непрозрачная двусторонняя, болотно-зеленого цвета. Диаметр края с простым округлым краем 24 *см*, диаметр поддона 12 *см*, высота — 7,8 *см*, толщина стен от 4 до 7 *см*. Стенка плавно опускается ко дну. В нижней половине — небольшой перегиб.

2) Фрагментами венчика и стенок, вероятно, аналогичной чаши, но с коричневой поливой с мелкими более светлыми (желтыми) пятнами.

Датировать описанную керамику довольно сложно, так как в средневековых материалах соседних районов (Южной Туркмении, Хорезме, Бухаре) аналогий неполивной керамике мы не находим. Не только кубки, уникальные по своей форме, но и кувшины резко отличаются от подобных им изделий из других районов.

Поливная керамика дает основание датировать комплекс XI—XII вв., так как дисковидные поддоны как в Мерве, так и в Хорезме позже XI—XII вв. уже не встречаются, их сменяют кольцевые [19].

Темно-зеленого цвета полива является, как отмечает С. Б. Лунина, наиболее распространенной в Мерве в XII в.[20] Коричневая полива, встреченная нами на Дуйнеш-Кале нижней, также встречается в раннесредневековых комплексах [21].

Встреченные при раскопках фрагменты бронзового изделия типа «булавки» с пунсонным орнаментом и каких-то железных подковок (возможно, от сапог), к сожалению, не могут помочь в уточнении датировки памятника.

Отсутствие дополнительных датирующих материалов затрудняет датировку крепости Дуйнеш-Кала нижней более узкими хронологическими рамками.

В процессе археологических работ выявленный горелый слой и закопченность всех находок доказывают, что крепость была заброшена в результате какой-то (вероятно, военной) катастрофы.

Можно предположить, что крепость Дуйнеш-Кала нижняя существовала до монгольского времени и служила одним из опорных пунктов Язырского союза племен на Балханах (см. приводившиеся выше данные Бейхаки).

Крепость Дуйнеш-Кала верхняя расположена над нижней на северном краю крутого обрыва основного массива Большого Балхана (рис. 6). Крепость представляет в плане неправильный четырехугольник, ориентированный углами по сторонам света. Стены крепости и внутренние постройки сложены, как и в нижней крепости, из необработанного камня (известняковых плит) разных размеров, но техника кладки и сам вид стен сильно отличаются. Камень много мельче и светлее, в оплывах северной и западной стен на равном расстоянии друг от друга видны в кладке бревна, лежащие перпендикулярно направлению стены.

Высота стен в настоящее время различна, от 1,5 до 2,0 *м*. Стены разрушились, но кладка хорошо видна во многих местах. Внутри крепости сложная система квадратных и четырехугольных комплексов построек, состоящих из ряда несимметрично расположенных, примыкающих к стенам помещений неправильных форм. Толщина их стен от 70 *см* до 1 *м*. Вход в крепость — разрыв в развалинах стен хорошо виден в стене, противоположной обрыву. В середине сооружения видны выходы скалистого материка. Развалины крепости заросли травой и кустарником. Заросли

[19] С. Б. Лунина. Гончарное производство в Мерве X — начале XII в. ЮТАКЭ. XI, Ашхабад, 1962, стр. 352; Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.). Тр. ХАЭЭ, IV. М., 1959, стр. 285, 289, 300, 310 и др.

[20] С. Б. Лунина. Ук. соч., стр. 352.

[21] С. Б. Лунина. Ук. соч., стр. 233.

арчи есть вокруг, но ни одной арчи на развалинах нет. В результате того, что за последние годы поверхность крепости значительно расчищена от камней, удалось уточнить внутреннюю ее планировку, по сравнению с планом, снятым Хорезмской экспедицией в 1951 г. Нам удалось обнаружить любопытные детали. Приведем основные: колодцы в восточной и северо-западной части крепости. В северном углу помещения «А» видно углубление завалившегося колодца. Помещение «Б» состоит из двух частей: юго-западной меньшей и северо-восточной большей, разделенных стеной. Между помещением «Б» и двором — проход. Вместо помещения «В» было обнаружено три маленьких комнаты. Помещение «Г» имеет такую же планировку, как и помещение «В». В западной части дворика, который расположен в северном углу крепости, обнаружено также углубление завалившегося колодца. Дворик соединен с основным внутренним двором крепости проходом. Весь комплекс помещений, расположенных в северо-восточной части крепости, показан на плане 1951 г. не точно. Помещения «Д» и «Е» соединены внутренним проходом, помещение «Ж» значительно меньше по размерам, чем помещение «Е». Помещение «З» состоит из трех комнат вместо одной. Помещение «И» — не из одной большой комнаты, расположенной внутри дворика, окруженного стеной, а представляет собою комплекс из пяти небольших комнат, отделенных от помещения «З» узким маленьким двориком или комнатой. Помещение «К» не стоит изолированно в восточном углу крепости, а входит в комплекс из четырех помещений различного размера, заполняющих восточный угол крепости. В большем из этих помещений, расположенном у юго-восточной стены, находились три колодца.

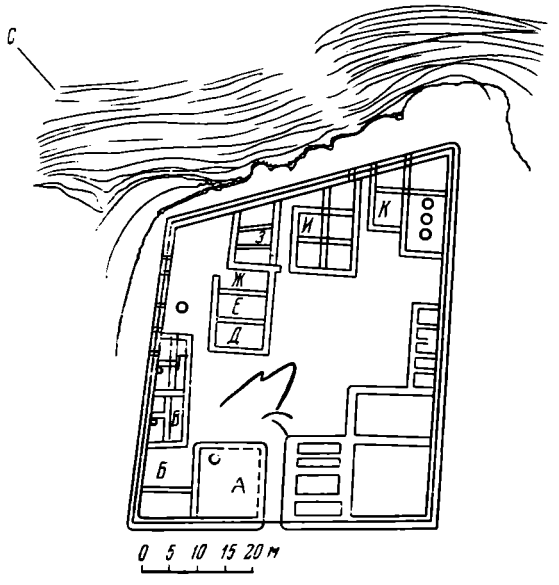


Рис. 6. План верхней крепости Дуйнеш-Кала

Вопрос о назначении этих колодцев в крепости верхняя Дуйнеш-Кала без раскопок пока остается открытым. Внутри крепости при внимательном осмотре встречаются мелкие обломки неполивной керамики ремесленной выделки. Поливной керамики не встречено.

Малые размеры обломков керамики ремесленной выделки, покрытой светлым или красным ангобом и без ангоба; фрагменты котлов, кувшинов и чашек «актамского типа» не дают оснований для более узкой датировки, чем XIV—XVI вв. По рассказу местного жителя Курбана Дашбердиева (65 лет), в 2—3 *км* к югу от верхней крепости Дуйнеш-Кала находится кладбище Шехитли-ой. Около 1,2—2 *км* на юго-запад — родники Баш-Мунгур и Аяк-Мунгур. Впервые посетивший верхнюю крепость Дуйнеш-Кала А. А. Росляков[22] пишет, что «эта крепость, судя по сохранившейся планировке, была не родовым убежищем, а укрепленным жилищем богатой семьи». Представляется, что в данном случае А. А. Росляков неправ. Размеры крепости и сложность внутренней планировки, нам кажется, не дают оснований для такого заключения. Скорее всего, это укрепленный центр главы племени или объединения племен, становище ханской ставки.

[22] «История Туркменской ССР». I, макет, 1955, стр. 339.

На основании сведений Абульгази, С. П. Толстов[23] связывает эту крепость с племенами дюеджи и эрсари.

Нам представляется правильным предположение С. П. Толстова о том, что верхняя крепость могла принадлежать эрсаринцам. Что же касается возможности ее постройки дюеджи, то с этим мы не можем согласиться, так как Абульгази отмечает, что на Большие Балханы переселились кара-ойли под предводительством Халила, а дюеджи остались на Актаме[25]. Возможно, именно с появлением здесь кара-ойли получает распространение на Больших Балханах керамика «актамского типа», характерная для средневековых поселений нижнего Узбоя и особенно района Актама. В связи с тем, что кара-ойли переселились на Большие Балханы только по соглашению с эрсаринцами[26], постройку верхней крепости можно, вероятно, связывать с усилением в этом районе группы эрсаринских племен.

Изучение крепостей Дуйнеш-Кала показывает, что в средневековье уже существовало социальное расслоение среди туркменских племен и выделилась богатая верхушка. Значительные размеры крепостей, расположение их в малодоступном месте, большое сходство между собой и очевидная неодновременность по возрасту указывают на наличие здесь разных больших групп племен, обитавших длительный период времени. В обеих крепостях внутри имеются развалины больших построек, возведенные с использованием скального камня. Обе крепости ориентированы своими углами по странам света с некоторым отклонением. Крепости расположены в малодоступном месте, судя по расположению их над северными обрывами Балханских гор, они воздвигнуты для отражения набегов врага с севера. Это заставляет вспомнить народное предание о том, что будто бы крепости пострадали от набегов калмыков[24].

Накопленные к настоящему времени археологические материалы по средневековой истории Большого Балхана невелики. Но изучение памятников средневекового скотоводческого населения Большого Балхана является весьма перспективной и актуальной задачей. Детальное археологическое обследование этого района чрезвычайно важно для истории туркменских племен в средневековье, для изучения их связей с другими районами. Можно с уверенностью утверждать, что дальнейшие работы в этом направлении внесут много нового в существующие представления об истории Туркменистана.

---

[23] С. П. Толстов. Труды Хорезмской экспедиции. II, М., 1958, стр. 36, 63.

[24] По свидетельству 67-летнего Ишана Реджепова, жителя у колодца Худайберди, крепости Дуйнеш-Кала были разрушены калмыками. Несмотря на то, что крепости расположены на крутом обрыве, калмыки хитростью сумели овладеть ими. Кто-то донес калмыкам, что туркмены во время мусульманского праздника Курбанлык все празднуют и никто не работает, даже охранники — сторожа снимались с поста. И калмыки воспользовались этим, чтобы овладеть крепостями. Стоит отметить, что под калмыками местные жители понимают любых врагов.

[25] Абульгази. Родословная туркмен, стр. 77.

[26] Абульгази. Родословная туркмен, стр. 77—78.

С. Б. ЛУНИНА

НЕКОТОРЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ПО ИСТОРИИ МЕРВА В XIII — XIV вв.

Выдвинутый В. А. Жуковским тезис о том, что после монгольского разгрома Мерв оставался в руинах в течение двухсот лет [1], был поддержан В. В. Бартольдом, а затем и рядом других ученых. Будучи основан на данных некоторых письменных источников, он продержался в науке довольно долго. С прекращением существования Мерва пытались даже связать концентрацию городской жизни в менее значительных городах [2]. Иную картину показывает археолого-стратиграфическое изучение городища Султан-Кала, соответствующего средневековому Мерву. Впервые тот факт, что город начал восстанавливаться с середины XIII в., был отмечен М. Е. Массоном [3], писавшим, что работами Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ) выявлена новая эпоха в истории развития этого города за XIII—XIV вв. [4]. Он же выделял три этапа внутри этого периода [5].

Интересные выводы о возобновлении жизни в Мерве с середины XIII в. были сделаны на основании историко-топографического обследования и сбора подъемного материала, однако их необходимо было подкрепить археологическим материалом, изучением стратиграфии городища. Факты такого рода были получены в последние годы в результате работ одной из групп XVIII отряда ЮТАКЭ на городище Султан-Кала и его обводах — дополнительно пристроенных к городу.

Большое значение имела фиксация следов гончарного производства этого времени на городище и открытие обжигательной печи с принадлежащим ей отвалом бракованной керамики, предметов печного припаса и элементов архитектурного декора; это особенно важно, так как техника гончарного производства XIII—XIV вв. на территории Северного Хорасана изучена слабо, большая часть керамических комплексов этого времени происходит из подъемного материала.

---

[1] В. А. Жуковский. Развалины Старого Мерва. «Древности Закаспийской области». Спб, 1894, стр. 69.

[2] Б. А. Литвинский, В. Г. Мошкова. Изучение Така-Языра. Дуруна. Тр. ЮТАКЭ, I, Ашхабад, 1949, стр. 318.

[3] М. Е. Массон. Новое в истории Мерва по данным работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции 1946—1950 гг. Тезисы докладов на сессии отделения истории и философии и пленуме Института истории материальной культуры, посвященных итогам археологических исследований 1946—1950 гг. М., 1951, стр. 86.

[4] М. Е. Массон. К изучению прошлого Старого Мерва. Тр. ЮТАКЭ, XII, Ашхабад, 1963, стр. 16.

[5] М. Е. Массон. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг. Тр. ЮТАКЭ, V, Ашхабад, 1955, стр. 219.

Вскрытая на городище Султан-Кала печь находится в 210 *км* к северу от дороги, ведущей к воротам Фируза (западным воротам города), в 250 *м* восточнее городской стены (рис. 1). Печь диаметром 2,7 *м* имеет в плане почти правильный круг. Устье топки находится с северной стороны. Эта гончарная печь относится к типу печей с открытым пламенем, когда топка не отделяется каким-либо горизонтальным перекрытием от обжигательной камеры. Верхняя часть стен печи и перекрытие были разрушены,

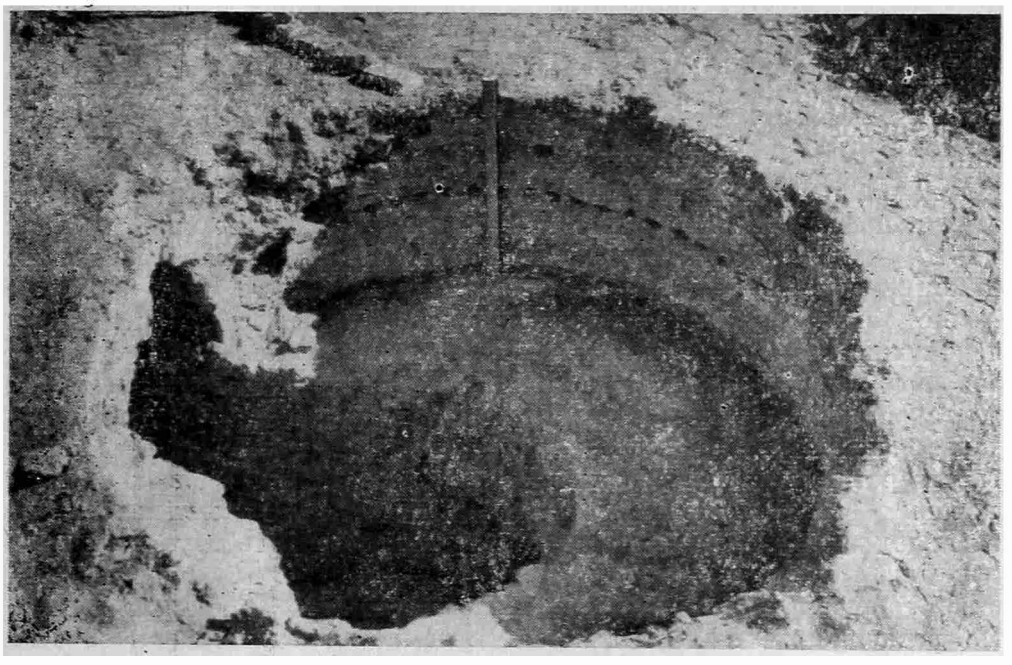


Рис. 1. Общий вид гончарной печи XIII — первой половины XIV в.

в остальной части печь сохранилась довольно хорошо. Кладка стен печи начиналась непосредственно от дневной поверхности, стены сложены из сырцового кирпича размером 29—30 × 29—30 × 5—6 *см*. Кирпич прокалился, как правило, на толщину в 5—10 *см*.

Сверху, в кладке стен печи, сохранилось три ряда кирпичей, под которыми находился ряд штырей, видимо, наглухо вмазанных в стену печи. Некоторые штыри сохранились в печи нетронутыми (в том числе три штыря, расположенные подряд). Расстояние между центрами штырей 10 *см*, диаметр штырей 4—5 *см*. Ниже стенка имеет выступ на 10 *см*, видимо, сделанный специально для более прочного закрепления штырей. Ниже трех последующих рядов кирпичной кладки имеется ряд круглых отверстий для штырей. Эти специальные гнезда сделаны из битого кирпича с глиняной обмазкой. Отверстия давали возможность маневрировать штырями в зависимости от обжигаемых изделий. Расстояние между центрами отверстий 12—14 *см*, диаметр отверстий 5—7 *см*. Судя по затекам голубой глазури на стенках печи, где-то выше первого сохранившегося ряда штырей располагался еще один, таким образом всего в печи, по-видимому, имелось три ряда штырей.

Через пять рядов кирпичной кладки ниже ряда отверстий для штырей была сделана полка, на которой также расставлялись изделия для обжига (общая высота сохранившейся части стен от поверхности до полки в среднем 85—95 *см*); ширина полки к западу и востоку от топки 70 *см*, к югу — 1 *м*.

Топка печи имеет чуть неправильную форму, округло расширенную от устья, диаметр ее 1,3—1,4 *м*, глубина топки 1,4 *м*. Через три ряда кир-

пичей ниже уровня полки стены печи ошлакованы сильными гладкими потеками, свидетельствующими о весьма продолжительном периоде функционирования печи. Ошлакованность кончается на высоте 15—20 *см* от дна топки. На последнем сохранился слой золы толщиной в 5 *см*, оставшийся, видимо, от сгоревшего саксаула.

Высота устья топки, перекрытого аркой,— 2,15 *м*, ширина — 70 *см*. Арочное перекрытие осуществлялось путем постепенного расширения швов между концами кирпичей. Длина устья топки до встретившейся здесь закладки 65 *см*. Топочное устье чуть сужается наружу. Закладка топки произведена на высоту в 1,15 *м* и сильно обожжена изнутри, возможно, она была сделана для того, чтобы сократить высоту топочного устья. Объем печи говорит об ее значительной вместимости для обжигаемой продукции.

Материал, найденный в печи, перекликается с массовым комплексом керамики, предметов печного припаса, архитектурных деталей, поливных кирпичей, найденных при закладке шурфа на месте отвала бракованной продукции, расположенного восточнее печи, рядом с ней.

Точно такая же печь была раскопана ранее в квартале керамистов, расположенном западнее стены городища Султан-Кала, она датируется второй половиной XII — началом XIII в. Круглая в плане печь имеет почти такой же диаметр — 2,75 *м* и такое же конструктивное устройство — несколько неправильной формы углубленную топку, широкую полку и ряды отверстий для штырей. Совпадают и размеры сырцовых кирпичей, из которых были сложены обе печи[6]. О том, что подобная конструкция печей появляется в Мерве несколько раньше, свидетельствует вскрытая в том же квартале керамистов печь X — начала XI в., круглая в плане с топкой грушевидной формы и широкой полкой[7]

Из раскопанной на Султан-Кала печи и принадлежащего ей отвала был извлечен набор предметов печного припаса, предназначенных для наиболее рационального размещения керамической продукции в печи (рис. 2). Припас составляют круглые в сечении штыри, трехногие подставки (сипая), плоские подставки, коромыслица, своеобразные уголки и толстые глиняные лепешки неправильной формы. Значительное количество фрагментов штырей в довольно большом количестве были встречены и в самой печи, и в отвале. Они имеют пористый черепок в изломе обычно кремового или красноватого цвета. Наибольший диаметр штырей 4—5 *см*, в конце они несколько сужаются и затуплены. На поверхности многих штырей сохранились капельки и потеки голубой поливы. Размеры и форма трехножек — сипая зависели от диаметра изготовлявшихся здесь чаш и блюд. Сипая мелких и средних размеров в ряде случаев найдены прилипшими к поливе на донцах сосудов, на дне самой печи найдена целая чаша, в центре которой вплавилась сипая.

Трехножки грубой выделки встречаются редко, как правило, они сделаны тщательно. Преобладают сипая обычной формы — плоские в верхней части, но довольно много сипая с витыми ножками, сделанными из перекрученного жгута сырой глины. Выделяется группа без загнутых вниз и заостренных ножек. Такие сипая несколько прогнуты в нижней части, а наверху оформлены в виде остроребериых выступов, иногда заканчивающихся совсем тонким краем. Эти сипая отличаются особенно тонкой выделкой. Думается, что эту группу следует рассматривать как результат творческих поисков мастера, который так и не отдал им предпочтения в силу их незначительной устойчивости. Особая тщательность

---

[6] С. Б. Лунина. Техническое устройство гончарных печей средневекового Мерва. Тр. ЮТАКЭ, VIII, Ашхабад, 1958, стр. 361, 362.

[7] С. Б. Лунина. Новая гончарная печь средневекового Мерва. «Археология Средней Азии», VI, Ташкент, 1963, стр. 126.

выделки многих сипая и стремление украсить их свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что в данной мастерской эти предметы печного припаса изготовлялись не только для внутреннего потребления, но и на сбыт. Об этом же говорит и общее количество найденных сипая — на небольшом участке раскопа при незначительной глубине отвала их было найдено свыше 1000.

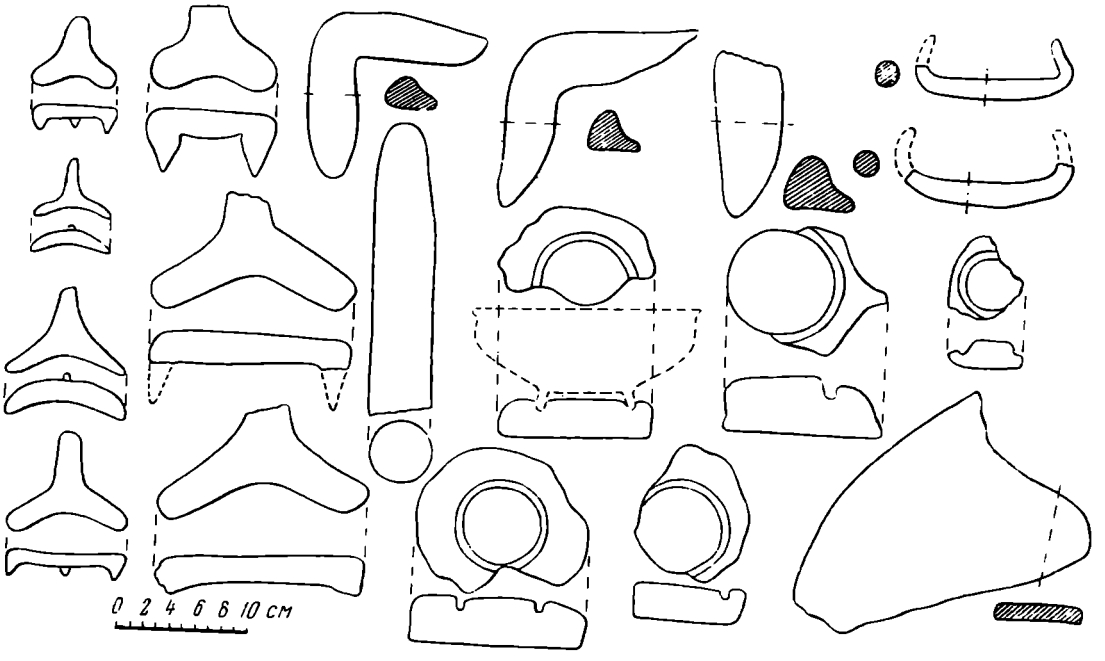


Рис. 2. Предметы печного припаса

Следующее место по количеству найденных экземпляров занимают округлые, толстые лепешки, грубо слепленные из глины. Все они в верхней плоскости имеют следы отпечатавшихся кольцевых поддонов чаш. Судя по всему, эти грубо обработанные комки глины служили для установки в печи стопок посуды с целью более устойчивого их равновесия. Для этой цели первую, нижнюю, чашу вминали в округлый комок еще сырой глины. Видимо, употреблялись эти глиняные подставки только один раз, ибо обожжены они очень слабо. Диаметр отпечатавшихся в них донец от 5 до 9 *см*, что соответствует диаметру кольцевых поддонов сосудов, найденных в раскопе. Эта своеобразная разновидность предметов печного припаса также, как и описанные ниже уголки, не встречалась в более ранних гончарных мастерских Мерва и является своего рода рационализацией производства, примененной впервые в XIII—XIV вв. в связи с появлением на сосудах кольцевых поддонов.

Для закрепления стопок посуды сбоку предназначались глиняные уголки в виде округлых в сечении полос глины, изогнутых почти под прямым углом. При их изготовлении полоску глины клали на ровную поверхность, загибали под углом и сминали пальцами внутреннюю сторону.

Плоские глиняные подставки для расстановки посуды были круглой и прямоугольной формы и, как правило, имеют на поверхности капли голубой глазури. Встречаются также небольших размеров коромыслица и крючки, также служившие для закрепления стопок посуды.

Если сипая и штыри известны в гончарном производстве Мерва, начиная с X в., то в целом набор предметов печного припаса более всего имеет аналогии в остатках припаса из печи второй половины XII — начала XIII в., открытой в упомянутом выше квартале керамистов, а также среди предметов в отвале бракованной продукции, связанном с другой печью

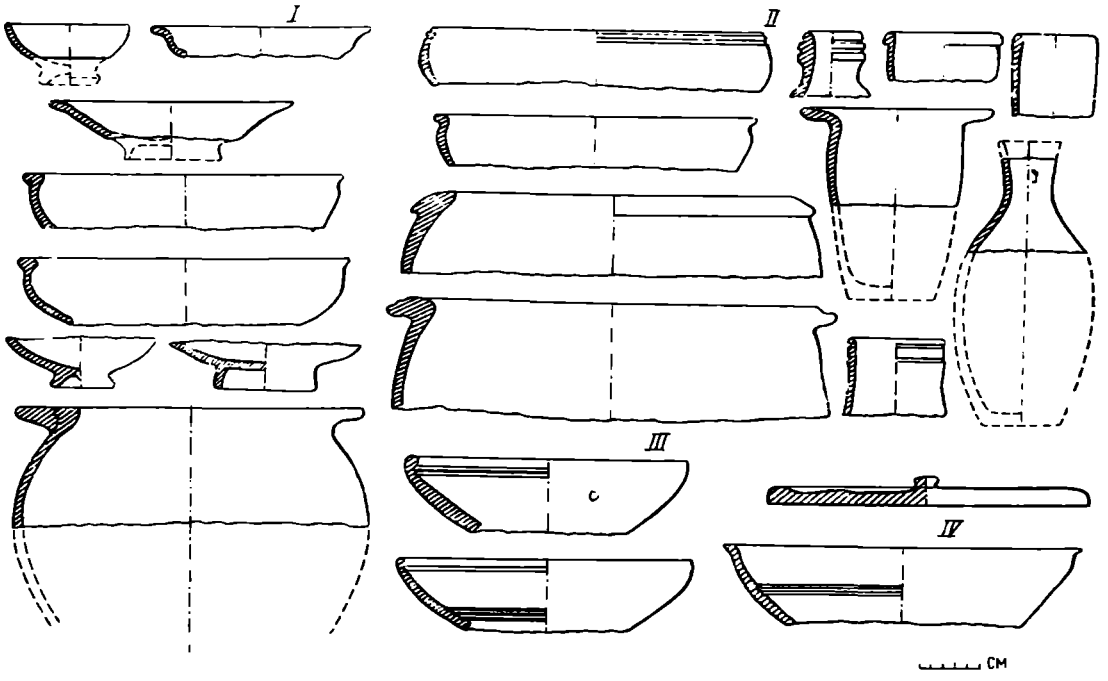


Рис. 3. Керамика XIII — первой половины XIV в.

I — глазурованная керамика, *II* — неполивная керамика, *III* — штампы для орнаментации керамики (калыбы), *IV* — штамп (калыб)

этого же времени. Предметы печного припаса представлены в последних штырями, треножками-сипая, языковидными подставками и загнутыми с обеих сторон крючками. Вместе с тем с нашей печью связано появление новых видов печного припаса — глиняных лепешек, различных плоских подставок, уголков, а также следы поиска новых форм сипая и, в ряде случаев, новое их оформление.

Поливная керамика из раскопок представлена в основном фрагментами чаш и своеобразной формы котлов, реже фрагментами глазурованных чирагов — светильников (рис. 3).

Все донца чаш без исключения имеют кольцевой поддон, иногда очень высокий. Диаметр донцев чаш от 4 до 9,5 *см*, высота поддона 1—1,5 *см* (реже до 2 *см*). Поддон либо вертикальный, либо чуть расширяется наружу. Наиболее распространены чаши диаметром от 16 до 24 *см* (последний размер встречается особенно часто) с чуть загибающимся вовнутрь и сильнее отогнутым наружу венчиком, а также неглубокие чаши, у которых стенка переходит в сильно отогнутый наружу бортик. У первых довольно глубоких чаш стенка округло изгибается в средней части. Черепок чаш в изломе желтого, реже красноватого цвета, часто пористый, обжиг ровный. Абсолютно преобладает в этой группе керамических изделий красивый чистый ярко-голубой цвет поливы без орнамента. Найдены лишь несколько фрагментов с росписью марганцево-фиолетового и черного цветов по голубому и зеленовато-голубому фону, один с растекшейся росписью зеленой и коричневой красками по белому фону и один с гладкой белой поливой. Орнаментация в этих случаях была очень нечеткой, расплывчатой, однако на двух черепках явно имела место радиальная композиция орнамента. Чаши покрыты поливой внутри и снаружи.

Чаши из слоев XIII—XIV вв. на городище Анау имеют красный и кремовый цвет глины. Характерны для них и кольцевые поддоны. Наряду с черным, встречается и фиолетовый орнамент в виде радиальной композиции[8]. Кольцевой поддон чаще всего имеет керамика XIII—XIV вв. с

[8] В. А. Левина. Позднее городище Анау. Тр. ЮТАКЭ, II, Ашхабад, 1951, стр. 359—365.

городища Шехр-Ислам, покрытая голубой поливой различных оттенков с подглазурной росписью черной и марганцевой красками[9]. Керамика с голубой глазурью и лиловато-черной подглазурной росписью хорошо известна в комплексах Нисы XIV в.[10]. Чаши здесь имеют обычно высокий кольцевой поддон и, судя по некоторым опубликованным экземплярам, диаметр венчика их приблизительно такой же, как у наших чаш[11].

Голубой цвет поливы начинает применяться в Мерве в X — начале XI в., однако используется очень редко и далеко не всеми мастерами. В комплексах XI — первой половины XII в. такого цвета полива не встречена. Зато красивого оттенка ярко-голубая полива очень характерна для керамики Мерва второй половины XII — начала XIII в.[12]. Однако форма чаш, профилировка венчиков здесь иные, отсутствуют полностью и кольцевые поддоны.

Глазурованные котлы, найденные в раскопах на городище Султан-Кала, очень своеобразны. Диаметр их венчика 18—20 *см*, он чуть отогнут наружу, округлые стенки отходят непосредственно от венчика. Черепок в изломе желтого, реже розового, цвета, пористый, глина хорошо отмучена. Непосредственно от венчика отходят в стороны четыре сплошные ручки — выступы. Явно имитируя ручки котлов хозяйственного назначения, предназначенные для закрепления котла над очагом, в данном случае ручки являются оригинальным декоративным оформлением сосуда. Ярко-голубая глазурь покрывает такой сосуд или с обеих сторон, или внутри сплошь, снаружи лишь спускаясь за край венчика.

Неполивная посуда найдена в меньшем количестве, но более разнообразна по форме. Среди сосудов — чаши, кувшины, фляги-мустахара, горшкообразные сосуды, сосуды крупных размеров, крышки, тувак (принадлежность детской колыбели).

Некоторые чаши своей формой точно повторяют глазурованные и их надо рассматривать как прошедшие первый обжиг и подготовленные под поливу. Но есть и своеобразные формы, характерные именно для безглазурной керамики, таковы, например, крупные чаши (диаметр венчика 24 *см*) с сильно изогнутыми округлыми стенками, прямым венчиком и несколькими бороздками под ним с внешней стороны; черепок в изломе красноватого цвета, такого же цвета ангоб.

Кувшины представлены разнообразными горловинами и плоскими, чуть выступающими по отношению к стенкам донцами (диаметр последних 8—10 *см*). Крупные сосуды имеют диаметр венчика от 24 до 30 *см*. Венчик их либо чуть утолщен по отношению к стенке сосуда, либо отогнут сильно наружу, образуя бортик, причем последний в одном случае оформлен защипами снизу вверх, образующими фестончатый край. На этом же сосуде имеются процарапанные полосы и стилизованно-растительный орнамент, явно перекликающиеся с процарапанным орнаментом на керамике Мерва второй половины XII — начала XIII в., что в данном случае позволяет говорить о сохранении традиции в украшении керамики.

В отвале бракованной продукции был обнаружен также ряд фрагментов керамики со штампованной орнаментацией и штампов-калыбов для нанесения орнамента на сосуды. Штампы предназначались для

---

[9] Б. А. Литвинский. Отчет о работе археологической группы V отряда ЮТАКЭ в 1947 г. Тр. ЮТАКЭ, II, стр. 269.

[10] М. Е. Массон. Городища Нисы в селении Багир и их изучение. Тр. ЮТАКЭ, I, Ашхабад, 1949, стр. 87.

[11] М. Е. Массон. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1947 г. Тр. ЮТАКЭ, II, стр. 58, рис. 50.

[12] С. Б. Лунина. Гончарное производство в Мерве X — начала XII вв. Тр. ЮТАКЭ, XI, Ашхабад, 1962, стр. 394.

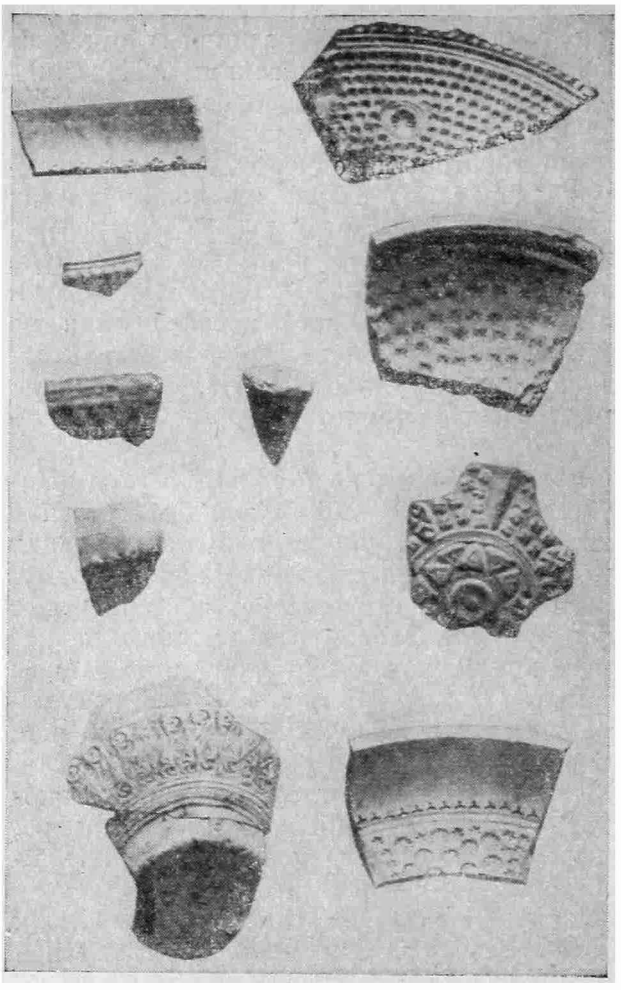


Рис. 4. Фрагменты штампов и штампованной керамики

орнаментации отдельно верхней и нижней половин сосуда, сосуды тонкостенны, отличаются большой тщательностью выделки. Диаметр в верхней части от 21 до 26 *см*, толщина в изломе от 0,5 до 1,0 *см*, черепок кремового или красноватого цвета, несколько пористый. Внутренняя часть штампов покрыта углубленным орнаментом — в одном случае это сплошные ряды шестилепестковых цветочков, на другом фрагменте сплошь идут очень густо посаженные рядами, не оставляя места для гладкого фона, восьмилепестковые розетки, причем в одном месте эти ряды прерывает круглый картуш с шестнадцатилепестковой розеткой в центре (рис. 4). Орнамент четкий и довольно глубокий, сделан очень изящно. Встречен (очевидно, нанесенный на калыб отдельными штампиками) орнамент из больших круглых картушей, расположенных на фоне, сплошь заполненном чередованием шестилепестковых розеток и кругов с сеточками внутри. Найдена также заготовка конусовидного штампика для нанесения отдельных элементов орнамента (высота его 4,5 *см*, диаметр — 3,4 *см*).

Фрагменты штампованной керамики имеют черепок в изломе кремового и темно-серого цвета. Есть несколько фрагментов со сплошными рядами выпуклых шестилепестковых цветочков, один фрагмент со сложным плетеным орнаментом, с крупными круглыми, заполненными орнаментом-картушами на фоне из четырехлепестковых цветов и овалов также с вписанным в них орнаментом.

Расцвет производства штампованной керамики в Мерве приходится на первую половину XII в., однако изготовлять ее продолжают до начала XIII в., традиции ее производства сохраняются и значительно позже. Штампы для орнаментации сосудов к этому времени становятся более тонкостенными, но техника изготовления и орнаментация керамики остается прежней.

Возможно, что сохранение традиции изготовления штампованной керамики в XIII—XIV вв. является местной особенностью Мерва, бывшего для областей северного Хорасана в XI—XII вв. крупнейшим центром по ее изготовлению и экспортировавшего ее в другие области. Во всяком случае, для других городов и поселений Южной Туркмении этого времени остатков штампованной керамики или следов ее производства пока не отмечено.

Кувшины с узором, отштампованным матрицами на верхней половине, были характерны для гончарного производства Хорезма XIII—XIV вв.

В Ярбекире, Замахшаре, на Даудан-Кале были найдены штампы для их орнаментации [13]. Однако сходство с мервскими сосудами ограничивается только техникой производства, во всем остальном на первый план выступают отличия — и в форме кувшинов, и в традиции украшать орнаментом только плечики сосуда, и в цвете поверхности, и в применении пятен бирюзовой поливы и, наконец, в мотивах орнаментации.

В описанной выше керамике явственно продолжаются традиции предшествующего времени (особенно второй половины XII — начала XIII в.). Можно полагать, что после монгольского нашествия остались в живых отдельные мастера-ремесленники, передавшие сложившиеся традиции изготовления и орнаментации сосудов следующему поколению керамистов. В то же время выпускаемая продукция отвечала новым требованиям времени, что сказалось в выпуске новых видов гончарных изделий, среди которых можно назвать фляги, изготовлявшиеся, очевидно, для кочевой части населения.

Не менее интересно, что и в самой печи, и в отвале из нее был найден ряд фрагментов деталей архитектурного декора, в том числе переобожженных, явно изготовлявшихся в данной мастерской и в этой печи обжигавшихся. Наиболее многочисленными среди них были фрагменты кирпичей со скругленной одной стороной, предназначавшиеся скорее всего для оформления полуколонн в зданиях. Все кирпичи по скругленной стороне покрыты ярко-голубой поливой. Такой же поливой были покрыты тоненькие полоски шириной 1,5—1,8 *см*, а также фрагмент кирпича со скошенной гранью.

Найдены также несколько фрагментов кирпичей с косыми гранями и поперечными глазурованными полосками голубого и марганцево-фиолетового цвета. Изготовлялись эти детали из отесанных кирпичей, с глубоко прочерченными полосками. В одном случае на кирпиче (толщина 3,5 *см*) имелись параллельные вертикальные полоски, голубая и фиолетовая, причем последней оформлен закругленный угол.

На одном большом фрагменте кирпича толщиной в 5 *см* на голубом фоне пересекаются белая и марганцево-фиолетовая полосы от какого-то узора. Желтоватый цвет глины кирпича, его толщина, техника изготовления, цветовое сочетание глазурей напоминают кирпичные плиты из буддийской кумирни Мерва второй половины XIII в. [14]. Во всяком случае, обжигавшиеся в описанной нами печи изразцы явно предназначались для облицовки панелей и, возможно, составляли узор, аналогичный реконструируемому Г. А. Пугаченковой. Подобные вышеописанным детали архитектурного декора и аналогичные цветовые сочетания известны и по другим памятникам среднеазиатской архитектуры XIV столетия. Например, в бухарском мавзолее Буян-кули-хана (середина XIV в.) широко применены полосы с чередованием поперечных голубой и марганцево-фиолетовой полосок. В таком же сочетании цветов употреблены здесь и чередующиеся отдельные маленькие поливные кирпичики. В этом же мавзолее, в трехчетвертных колонках применены голубые поливные кирпичики со скруглением, однако они тоньше наших и скруглены меньше.

Особо следует отметить обнаруженный в отвале маленький фрагмент плитки штампованной терракоты, покрытый голубой поливой с остатками надписи почерком насх (рис. 5). Плитка с надписью столь мелкими буквами могла принадлежать, скорее всего, намогильнику.

Концом XIII — первой половиной XIV в. датируется найденная одним из отрядов ЮТАКЭ на кладбище Челык на Нисе изразцовая рельефная плитка сине-зеленой поливы с арабской надписью почерка насх; дату

---

[13] Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.). Тр. ХАЭЭ, IV, М., 1959, стр. 306, 308.

[14] Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Тр. ЮТАКЭ, VI, М., 1958, стр. 355.

1279/1280 гг. имеет трехцветная плитка штампованной терракоты с надписями от намогильника, найденная на Султан-Кале.

Насколько нам известно, выполненные в рельефе терракотовые поливные плитки, а также детали оформления зданий с указанным цветовым сочетанием известны для Хорасана, лишь начиная с последней четверти XIII в. Рельефные изразцы являются специфической особенностью среднеазиатского зодчества [15].

Изготовление в Мерве элементов архитектурного декора и приведенные для них аналогии показывают, что развитие архитектуры здесь, так

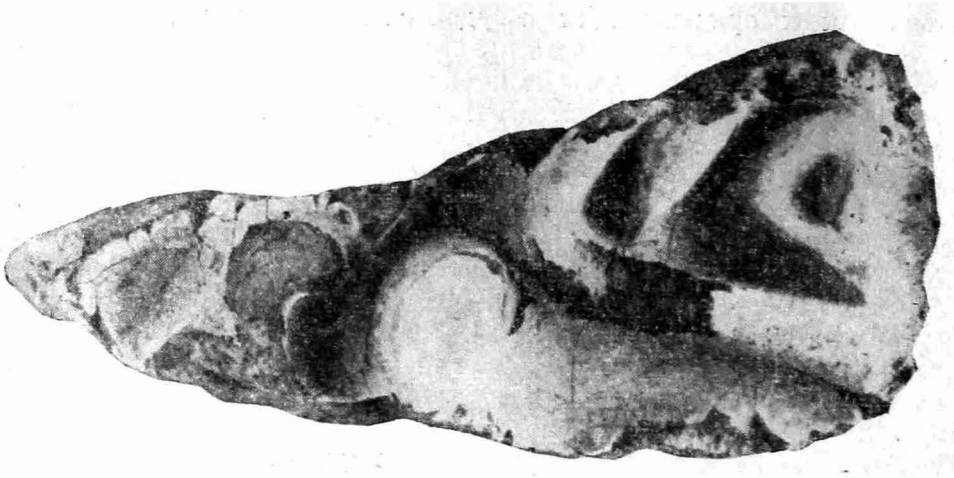


Рис. 5. Фрагмент намогильной штампованной терракоты (увеличен)

же как и в других городах Хорасана и в Мавераннахре, характеризуется в XIII—XIV вв. рядом изменений и появлением новых качеств. Кроме того, в Мерве, как и в других городах северного Хорасана, существовали в это время капитальные, богато оформленные архитектурные сооружения, для которых и обжигались упомянутые детали декоративного убранства. Примером этого, в определенном отношении, является буддийская кумирня второй половины XIII в.

Анализ комплекса керамики и деталей декоративного оформления, сравнение их с таковыми же из других средневековых городов Южной Туркмении, наличие общих черт с комплексами второй половины XII — начала XIII в. позволяют датировать печь и относящийся к ней отвал керамики концом XIII — первой половиной XIV в.

Интересную и в известной мере характеризующую историю города картину дало обследование зольных отвалов на городище. Упомянем некоторые из них, связанные с интересующим нас периодом.

Большой холм, поверхность которого почти сплошь покрыта золой, находится в 250 *м* к северо-востоку от мавзолея Султана-Санджара, т. е. почти в самом центре города. Здесь на поверхности встречены ошлакованные кирпичи, фрагменты сипая, а также довольно большое количество фрагментов керамики XIII—XIV вв. На этом холме был заложен небольшой раскоп, вскрывший остатки помещения X—XI вв., которые перекрывал зольный слой. Судя по всему, на этом участке в X—XI вв. располагались дома богатых горожан с принадлежавшими им большими участками дворов, хорошо прослеживаемыми сейчас по микрорельефу в виде незастроенных площадей — низин. Кроме того, рядом (западнее) проходила главная улица города в направлении север — юг. Материал XIII—XIV вв.

[15] Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Нисы. Тр. ЮТАКЭ. I, Ашхабад, 1949, стр. 253.

явно связан, с одной стороны, с заселением данного участка, когда зола, накапливавшаяся в это время в домах, выбрасывалась здесь же, неподалеку от них. С другой стороны, возможно, что где-то рядом располагались и гончарные мастерские, с деятельностью которых связаны ошлакованные кирпичи, сипая и пр. Нельзя не вспомнить, что еще ранее, при сборе подъемного материала на городище в первые годы работ ЮТАКЭ, а также позднее при проведении историко-топографической съемки отмечалось, что керамика XIII—XIV вв., встречаемая вдоль главных улиц города, свидетельствует об их заселении в эти века. Осмотр большого зольного бугра и небольшая зачистка на нем подтвердили это предположение. Запустение значительной площади города в это время позволяло выбрасывать мусор, золу из домов, отходы производства тут же рядом, на остатки более ранних строений, почти в самом центре города.

Огромные отвалы золы, занимающие значительную площадь, находятся восточнее мавзолея Санджара, приблизительно на середине расстояния между ним и восточной стеной города. На этих холмах встречаются железные и бронзовые шлаки, ошлакованные кирпичи, гончарные шлаки, фрагменты стеклянных сосудов, переобожженная керамика. Без раскопок трудно судить о датировке слоев, однако абсолютное преобладание фрагментов керамики XIII—XIV вв. говорит о том, что, быть может, остатки находившихся здесь ремесленных производств следует отнести именно к этому времени, во всяком случае в XIII—XIV вв. была заселена и эта часть города.

Керамика XIII—XIV вв. в изобилии встречается и на ряде других холмов отвалов, а также на буграх, связанных с заселенностью в это время различных участков города. Археологическими исследованиями установлено, что впервые отвалы золы и отходы производства начинают скапливаться непосредственно на территории самого города лишь со второй половины XII в., когда в пору вхождения в состав государства Хорезмшахов началось известное запустение города. При восстановлении города после монгольского завоевания отходы выбрасывались на эти же холмы, а также возникали новые.

Особо следует отметить холмы, которые несомненно содержат отходы гончарного производства XIII—XIV вв. Таков отвал, находящийся недалеко от описанного раскопа в 50 *м* к востоку от западной стены городища. Здесь на поверхности имеются зола и явные следы гончарного производства — отдельные штампики, фрагменты калыбов, сипая, керамика с голубой и синей поливой, кашинная и люстровая керамика.

В 125 *м* к западу от раскопа прослеживается участок красной обожженной земли, явно соответствующий находившейся здесь печи. Здесь же разбросаны фрагменты керамики с голубой поливой, в том числе донца чаш с высоким кольцевым поддоном, фрагменты штырей и сипая. Такого же характера отвал находится в юго-западной четверти городища, в 400—450 *м* от его южной стены, он несомненно может быть связан с гончарным производством XIII—XIV вв. Наконец, остатки гончарной печи этого же времени находятся рядом с описанной печью, западнее нее. Все это вместе взятое позволяет говорить о довольно значительном развитии гончарного производства на территории города в интересующий нас период времени.

По фрагментам керамики первой половины XIV в. можно датировать верхний культурный слой шурфа, заложенного в юго-западном углу городища, где прослеживались на этом уровне остатки рухнувшей стены из сырцовых кирпичей. Так же датировал М. Е. Массон остатки какого-то чтимого мазара, находящиеся в этой же части городища. Небольшие шурфы, заложенные геологоразведочной экспедицией в 100 *м* к западу от мавзолея Санджара, дали в верхних слоях фрагменты керамики (чаще всего донца с высоким кольцеобразным поддоном) с поливой синего цвета, датирующиеся XIII—XIV вв.

К этому же времени относится верхний культурный слой холма в южной части южного обвода, где была найдена характерная керамика и где тогда, видимо, существовало какое-то архитектурное сооружение [16].

Очевидно, в конце XIII—XIV вв., когда жизнь в Мерве в какой-то мере была восстановлена, была произведена некоторая подправка пришедшей в упадок мечети — намазгох, стоявшей за западной стеной Султан-Калы. XIV в. датируются кирпичеобжигательные печи, раскопанные на территории северного обвода, что, в свою очередь, свидетельствует о довольно интенсивном строительстве того времени. М. Е. Массон особо отмечал факт возобновления во второй половине XIII в. деятельности монетного двора Мерва, как доказательство достаточного подъема его экономического уровня. Здесь выпускались золотые динары, серебряные и медные монеты.

Керамика XIII—XIV вв. обильно представлена в подъемном материале с городища, особенно хорошо она отмечает заселенность главных улиц города в эту пору. Необходимо отметить также некоторые другие находки на городище, относящиеся к этому периоду. 1279/1280 г. (678 г. х) датируется найденная в Шахрияр-арке трехцветная поливная плитка штампованной терракоты от торцовой части парадного ступенчатого намогильника с остатками надписей цветущим куфи и почерком «дивани». К XIV в. относится фрагмент боковой части каменной намогильной плиты.

Чрезвычайно важны для истории Мерва свидетельства историка Джувейни. Общеизвестны его сведения о том, что монголы в первый свой приход уничтожили все население Мерва, за исключением 400 ремесленников и немногих детей, что «стены были разрушены», укрепления сравнены с землей и сожжена ханифитская соборная мечеть» [17]. Однако Джувейни говорит и о том, что некоторым жителям удалось укрыться в потайных местах и что их оказалось около 5000. Оставленный монголами мервский правитель Зия-ад-дин Али вскоре приказал восстановить мервские стены и вал. О сменившем Зия-ад-дина сподвижнике султана Джелал-ад-дина Куш-тегин-пехлеване также говорится, что он принялся за восстановление города и земледельческого хозяйства, «задался целью восстановить городские стены, постройки» [18]. Не менее важны данные о том, что «к этому времени из разных мест люди собирались в Мерв, так как в нем было лучше». Вскоре вновь прибыло монгольское войско, город был взят и «большинство домов, замков, мечетей и мест поклонения было разрушено», а население перебито. Но и после этого жители, находившиеся в деревнях и ушедшие в пустыню, стали снова собираться в Мерв. Отдельные монгольские военачальники продолжали, однако, свои набеги на Мерв и в конечном итоге, по словам Джувейни, город был окончательно превращен в пустыню. Как показали археологические материалы, история города на этом не кончилась. Важнее для нас данные о ряде сменявших друг друга на протяжении первой половины XIII столетия периодов упадка и восстановления города, его построек, городских укреплений. Возможно, при последующих археологических работах удастся проследить и эти периоды.

Явно преувеличено свидетельство о Мерве Хафизи-Абру, восславлявшего деятельность тимуридов и особенно Шахруха. Хафизи-Абру писал: «Вследствие напастей и превратностей судьбы Мерв стерт и уничтожен уже очень давно. Город, который был украшен столпами мира, при сказанном бедствии стал обителью гиен и хищных зверей, и от деревьев его не осталось в целости ни одной ветки, а от дворцов его ни одного портика. Столь славный пункт превратился в ровное и гладкое место. Гневный создатель до такой степени постиг народ тот, что около 200 лет ни для

---

[16] С. Б. Лунина. Раскоп и стратиграфический шурф в южном обводе Султан-Калы в Старом Мерве. ИАН ТуркмССР. 1953, 2, стр. 79.

[17] Извлечения из «Тарих-и-Джехангуша» Ала-ад-дина Ата-Мелика Джувейни. МИТТ, 1, М.— Л., 1939, стр. 491.

[18] Там же, стр. 492.

какого путника не было тени, в которой он отдохнул бы хоть минуту, а у жителя не было соседа, которому он мог бы рассказать о происходящих ударах судьбы» [19]. Все это сказано, дабы подчеркнуть еще раз значение деятельности Шахруха по строительству нового города. Особенно характерно в этом смысле последовавшее за приведенной цитатой восклицание: «Да и какой (там) житель до наступления 812 г. ?» (812 г. хиджры — 1409/1410 г.) Вторит Хафизи-Абру и использовавший его сочинения Абд-ар-раззак Самарканди: «Шахрух... приказал заново отстроить г. Мерв, пришедший в упадок и разрушение, и привести в культурное состояние эту область..., пришедшую в упадок под ударами судьбы и частыми бедствиями и от построек которой (в настоящее время), кроме груды обломков, ничего не осталось» [20]. Слова Казвини «сейчас этот город разрушен» [21] не следует понимать в том смысле, что город в это время не существовал. Город не был полностью восстановлен, часть его находилась в развалинах и это, видимо, дало повод Казвини, помня о последствиях завоевания, написать приведенные слова.

М. Е. Массон считает, что жизнь в городе начала возрождаться уже с середины XIII в., восстановительные работы начались также и в его пригороде, сначала на территории Разик-абада, находившегося юго-восточнее Султан-Калы, затем на площади между городищами Гяур-Кала и Султан-Кала, а также в руба'а Маджан и руба'а Хурмузфарра [22].

В 1243 г. правление в Хорасане перешло к эмиру Аргуну, причем известно, что при нем было проведено некоторое строительство в Мерве и в его окрестностях, в частности с его именем связывается, как это указано выше, строительство в Мерве буддийской кумирни. В составе государства Хулагуидов Хорасан просуществовал с 1256 по 1335 гг.

В 1295 г. к власти приходит Газан-хан, в правление которого жизнь в Хорасане несколько упорядочивается, что особенно заметно после полосы войн и набегов 80—90-х годов. Была проведена серия реформ, начинается известное оживление городской жизни, торговли, ремесла, строительной деятельности. Начинается подъем экономики в конце XIII—XIV вв. и в областях Южного Туркменистана, однако Г. А. Пугаченкова связывает его не с деятельностью Газан-хана, а с нарастанием антимонгольских тенденций в местной среде и фактическим освобождением отдельных областей [23]. Сам Газан-хан также проявлял определенное внимание к данной территории. Так, видимо, по его распоряжению в конце XIII в. был капитально отремонтирован мавзолей шейха Абу-Саида Мехнейского. Именно с этим периодом подъема, думается нам, следует связать вскрытую на городище Султан-Кала гончарную печь и, если датировать этим же временем зафиксированные на городище отвалы с совершенно аналогичной керамикой, то можно говорить о начавшемся новом подъеме гончарного производства Мерва.

Для середины XIII в. мы имеем свидетельство Плано Карпини о том, что монголы забирают всех лучших ремесленников и приставляют к своим делам, другие же ремесленники платят им дань от своего ремесла. Известно, что при Газан-хане ввиду полного упадка производительности ремесленников власти начали скупать у последних нужные им изделия по определенной цене, хотя и более низкой, чем на рынке. Очевидно, это создавало у ремесленников бо́льшую заинтересованность в выпуске продукции и улучшении ее качества, чем в прежнее время, когда монголь-

[19] Извлечения из географического сочинения Хафиз-и-Абру, там же, стр. 525.

[20] Извлечения из «Матла ас-са'дейн» Абд-Ар-Раззака Самаркандя, там же, стр. 530.

[21] Извлечения из «Нузхат-ал-кулуб» Хамдаллаха Казвини, там же, стр. 508.

[22] М. Е. Массон. Краткая хроника полевых работ..., стр. 219.

[23] Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Дахистана, Абиверда, Серахса. Тр. ЮТАКЭ, II, стр. 241.

ские власти заставляли, по словам Рашид-эд-Дина, работать ремесленников в порядке натуральной повинности, выдавая им содержание в виде небольшого количества продовольствия. Думается, что это может также служить косвенным доказательством того, что нашу мастерскую следует датировать временем правления Газан-хана или периодом непосредственно за ним последовавшим. Ассортимент продукции, ее качество, попытки нововведений в процессе производства, новые формы предметов печного припаса — все это говорит об определенной заинтересованности мастеров в повышенном качестве продукции.

Как следует из сказанного выше, накопившиеся за последние годы археологические данные представляют более конкретно историю Мерва в XIII—XIV вв.

1. Было доказано обживание города в это время не только вдоль главных улиц, но и в центральной и восточной части, в юго-западной четверти, в южном и северном обводах.

2. Впервые была вскрыта обжигательная гончарная печь второй половины XIII — начала XIV в., зафиксированы в разных местах отвалы бракованной керамики этого времени, получены данные о развитии гончарного и кирпичного производства, а если датировать по подъемному материалу некоторые отвалы, то и об обработке железа и меди.

3. Период второй половины XIII — начала XIV в. в истории Мерва очень тесно связан с периодом, предшествующим монгольскому завоеванию (вторая половина XII — начала XIII в.). Это сказалось и в технике гончарного производства (конструкция печи, основные предметы печного припаса) и в самих керамических комплексах. Впервые удалось так четко проследить сочетание традиций с новыми веяниями. К предшествующему периоду восходит применение ярко-голубой поливы, традиция украшения посуды штампованным и процарапанным орнаментом. Вместе с тем преобладающими становятся кольцевые поддоны, совершенно не характерные для более ранних периодов, по тому же голубому фону впервые появляется роспись марганцево-фиолетового и черного цветов, изготовляется поливная керамика новых своеобразных форм, применяются новые предметы печного припаса.

4. Впервые получены доказательства местного производства элементов архитектурного декора и намогильных плит. В комплексе с подъемным материалом, а также с вскрытым ранее зданием буддийской кумирни это говорит о существовании в Мерве богато украшенных монументальных зданий, выполненных в новых традициях архитектуры второй половины XIII — начала XIV в.

5. Вместе с тем несомненно, что значительная часть города продолжала лежать в развалинах. Об этом свидетельствует, в частности, отсутствие культурного слоя указанного времени в ряде раскопов и шурфов, заложенных в разных частях городища, расположение отвалов бракованной керамики, золы, прочих отходов не только на территории самого города, но иногда и в его центре.

ПАМЯТИ Г. В. ПОДГАЕЦКОГО

В 1967 г. исполнилось двадцать пять лет со дня смерти известного советского археолога Георгия (Юрия) Владимировича Подгаецкого. Г. В. Подгаецкий родился 21 октября 1908 г. в Петербурге. В 1926 г. он поступает, а в 1930 г. заканчивает отделение истории материальной культуры историко-лингвистического факультета Ленинградского государственного университета. С 1930 г. Г. В. Подгаецкий — научный сотрудник, а с 1935 г.— старший научный сотрудник ГАИМК. Кроме работы в ГАИМК (ИИМК), в 30-х годах Г. В. Подгаецкий работал младшим, а затем и старшим научным сотрудником Государственного Эрмитажа, заведующим отделом фондов Ленинградского геологоразведочного треста, экскурсоводом антирелигиозной выставки АН СССР и т. д.

Научную деятельность Г. В. Подгаецкого нельзя представить вне полевых исследований. Он почти ежегодно выезжал на археологические раскопки — работал в составе Таманской, Северо-Кавказской, Манычской экспедиций, возглавлял второй отряд экспедиции ГАИМК, обследовавшей Нижнее Подонье, и отряд Деснинской экспедиции, руководил Орской экспедицией и раскопками поселения срубной культуры у Дамбы в г. Воронеже. Г. В. Подгаецкий был непреклонным сторонником новой методики полевых исследований, подчиненной задачам воссоздания социально-экономической истории древних племен [1]. Работа в экспедициях обусловила глубокое знание Г. В. Подгаецким новейших результатов полевых исследований. Последнее в совокупности с кропотливой обработкой коллекций музеев и архивных фондов позволило Г. В. Подгаецкому уже с первых шагов научной деятельности смело ставить и решать многие вопросы истории племен раннего металла на территории нашей страны.

Основной научный вклад Г. В. Подгаецким внесен в изучение эпохи бронзы степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Первым исследованием по указанной проблеме был доклад «О непрерывном развитии

---

[1] Г. В. Подгаецкий выступает со статьей, посвященной методике полевых исследований, которая и сейчас является одной из лучших работ по популяризации основных методических приемов археологических раскопок и разведок. Г. В. Подгаецкий. Как производятся раскопки. «Наука и техника», 21, 1938.

хозяйства общества эпохи бронзы на территории бассейнов Дона и Донца», с которым он выступил уже на следующий год после окончания университета [2]. В докладе предпринята попытка доказать автохтонность в развитии основных культур эпохи бронзы на территории Донеччины и Подонья.

Несомненным вкладом в изучение истории племен эпохи бронзы на территории Восточной Европы явилась написанная совместно с А. П. Кругловым монография «Родовое общество степей Восточной Европы» (Изв. ГАИМК, 119, М.— Л., 1935). В работе дан исчерпывающий для своего времени анализ динамики развития хозяйственной деятельности и общественных отношений на отдельных этапах истории населения эпохи бронзы степи и лесостепи Восточной Европы. Авторы подвергают резкой критике недостатки дореволюционной археологии. В монографии обращается серьезное внимание на роль естественно-географической среды в жизни древних народов. Конечно, читая сейчас этот труд, нельзя не отметить увлечение авторов теорией стадиальности, что привело к недооценке специфики развития и к этнокультурной нивелировке населения отдельных территорий. Нельзя признать удачной и попытку отрицания миграций. Но в целом монография А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого знаменовала собой начало нового этапа в изучении истории племен эпохи бронзы Восточной Европы — этапа воссоздания социально-экономической истории.

Начиная с середины 30-х годов внимание Г. В. Подгаецкого все более привлекают памятники срубной культуры [3]. Он пишет о местной металлургии бронзы и о появлении уже в период поздней бронзы кричного изготовления железных изделий на Среднем Дону. Несомненный интерес представляла для того времени его классификация керамики срубной культуры.

Итогом исследований Г. В. Подгаецкого явились кандидатская диссертация «Предскифский (доскифский) период на Среднем Дону» [4] и подготовленная к печати для многотомного издания «Истории СССР» рукопись статьи по общим вопросам эпохи бронзы степной и лесостепной полосы Восточной Европы [5]. В диссертации сделан качественно новый шаг в сторону отхода от стадиальных построений. Так, если ранее Г. В. Подгаецкий выступал по существу против выделения археологических культур, то здесь, окончательно еще не избавившись от стадиальности, он не только говорит об археологических культурах, но и стремится выделить локальные варианты внутри них. Первая часть диссертации посвящена характеристике материалов населения катакомбной культуры в лесостепном Подонье. Г. В. Подгаецким сделана попытка выделения среднедонского варианта этой культуры, убедительно реконструированы катакомбы в ряде захоронений, раскопанных в дореволюционное время, подробно описаны керамические комплексы среднедонского варианта катакомбной культуры, дана классификация форм сосудов. По мнению Г. В. Подгаецкого, населению катакомбной культуры Среднего Подонья известны бронзовые изделия, получаемые через межплеменной обмен с северокавказскими жителями, мотыжное земледелие и пастушеское скотоводство, заимствованное у

---

[2] Наброски доклада хранятся в архиве ЛО ИА АН СССР, ф. 47.

[3] Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий, М. А. Миллер. Дон. Сб. «Археологические раскопки в РСФСР 1934—1936 гг.», М.— Л., 1941, стр. 174—180; Г. В. Подгаецкий. Гор. Воронеж. Там же, стр. 156—160; Г. В. Подгаецкий. Поселения эпохи бронзы на Среднем Дону. КСИИМК, II, 1939.

[4] Диссертация не опубликована. Рукопись текста и иллюстративный материал хранятся в архиве (ф. 35, 47) и фотоархиве ЛО ИА АН СССР. Крайне краткое изложение отдельных положений диссертации содержится в небольшой статье: Г. В. Подгаецкий. Предскифский период на Среднем Дону. КСИИМК, XIII, 1946.

[5] Сокращенный вариант носит название «Эпоха меди и бронзы. Степная полоса европейской части СССР» (Архив ЛО ИА АН СССР, ф. 35, оп. 2, № 1068). Расширенный вариант называется «Средняя ступень варварства в степях европейской части СССР» (Архив ЛО ИА АН СССР. ф. 35, оп. 2, № 22).

носителей трипольской культуры. Отмечены черты отличия памятников среднедонского варианта от памятников наиболее близкого к ним донецкого варианта катакомбной культуры и те общие моменты, которые роднят две группы памятников. Здесь же Г. В. Подгаецким делается верный вывод о культурном родстве между обеими группами населения. Не останавливаясь на мелких замечаниях, отметим, что автору не удалось из-за скудности данных выяснить подоснову катакомбной культуры в лесостепном Подонье. Но прежде всего нельзя признать правильной предложенную Г. В. Подгаецким датировку катакомбной культуры второй половиной II тысячелетия до н. э.

Во второй части диссертации рассматриваются вопросы истории срубной культуры лесостепного Подонья, время которой Г. В. Подгаецкий ошибочно ограничивает началом I тысячелетия до н. э. Он впервые обращает внимание на специфику срубной культуры в отдельных районах степи и лесостепи Восточной Европы и предпринимает попытку выделения среднедонского варианта срубной культуры. Данью теории стадиальности следует считать утверждение об автохтонности срубной культуры в лесостепном Подонье, ее происхождении от катакомбной культуры. Весьма интересно наблюдение Г. В. Подгаецкого о чертах сходства срубной и абашевской культур на Дону. Оригинально и заключение о постепенном складывании на рассматриваемой территории общности населения абашевской и срубной культур. Дана исчерпывающая для своего времени характеристика металла поздней бронзы рассматриваемой территории, где проводится, правда несколько односторонняя, мысль о преимущественной связи металлургии Среднего Подонья с Уралом. Автор снова повторяет мысль о появлении изделий из железа уже у носителей срубной культуры. Решая вопрос о дальнейшей судьбе памятников эпохи бронзы Подонья, Г. В. Подгаецкий приходит к выводу, что формы сосудов эпохи бронзы продолжают развиваться в керамике раннего железного века, хотя и считает, что отдельные группы скифского населения на территории Среднего Подонья были пришлыми. Следует подчеркнуть, что значимость диссертации для воссоздания судеб населения раннего металла лесостепной полосы Восточной Европы бесспорна и публикация ее была бы весьма желательной и в настоящее время.

В статье для «Истории СССР» автор подробно характеризует культуру населения ямного, катакомбного и срубного периодов на территории степи и лесостепи Восточной Европы. Г. В. Подгаецким предпринята попытка выделения отдельных групп памятников катакомбного этапа: среднедонские, правобережные донецкие, левобережные днепровские, средне- и нижневолжские, северокавказские и манычские памятники. Он считает невозможным объединение всех их в единую археологическую культуру. Принципиально верен вывод автора о доживании катакомбного населения в южных районах вплоть до раннего железного века. Подробно рассматривая вопросы развития хозяйства и общественных отношений на отдельных территориях этого времени, исследователь приходит к оригинальному выводу о том, что скотоводство было более развито в лесостепной полосе, чем в степной зоне. Среди памятников срубной культуры Г. В. Подгаецкий также выделяет ряд территориальных групп: по Донцу и Нижнему Дону, в Среднем Подонье, хвалынские в Поволжье. На «срубном этапе», по Г. В. Подгаецкому, происходит дальнейшее развитие земледелия и особенно скотоводства, почти полностью удовлетворяющих потребности населения; ковка сменяется литьем и намечается специализация в металлургическом производстве не только отдельных семей, но и поселков; продолжается развитие межобщинного обмена и углубляется имущественная дифференциация, ведущие к появлению укрепленных поселков и кладов. Г. В. Подгаецкий считает, что на основе проникновения значительных групп населения со степных территорий в более северные районы возникают сейменская, поздняковская и абашевская культуры. Он подробно оста-

навливается и на сложных этногенетических процессах, протекавших в период поздней бронзы в Поднепровье, где особенно четко прослеживается влияние населения более западных территорий. Что же касается обитателей Крымского п-ова (кизил-кобинская культура), то материальная культура их, по заключению Г. В. Подгаецкого, имела больше общих черт с культурой населения Северного Кавказа, чем с северными степными соседями.

Все сказанное ранее о вкладе Г. В. Подгаецкого в изучение эпохи бронзы степной и лесостепной полосы позволяет поставить его в один ряд с наиболее известными исследователями древностей раннего металла Восточной Европы.

Но научные интересы Г. В. Подгаецкого не замыкались в территориальных рамках степи и лесостепи. Им написаны работы по древностям Северного Кавказа и Приуралья. Он один из авторов публикаций материалов раскопок крайне интересного могильника и поселения раннего металла у Нальчика на Северном Кавказе [6]. В статьях затрагиваются отдельные вопросы истории племен Северного Кавказа эпохи раннего металла и связей этих племен с соседними, особенно более северными племенами. Г. В. Подгаецким опубликованы и материалы раскопок бескурганного могильника андроновской культуры у пос. Новая Аккермановка под г. Орском [7], где автор справедливо обращает внимание на наличие в обряде и инвентаре захоронений могильника целого ряда черт срубной культуры.

В начале 1942 г. в расцвете творческих сил трагически оборвалась жизнь замечательного исследователя. Г. В. Подгаецкий скончался во время блокады Ленинграда. И чем более годы отделяют нас от кончины исследователя, тем явственнее вырисовывается его вклад в изучение родового общества на территории нашей страны, в развитие советской археологии.

А. Д. Прялин

---

[6] А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика. МИА, 3, 1941; А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий. Могильник в г. Нальчике. Там же.

[7] Г. В. Подгаецкий. Краткий отчет о работах Орской экспедиции. СА. IV, 1937; Г. В. Подгаецкий. Могильник эпохи бронзы близ г. Орска. МИА, 1, 1940.

Заметки

Г. Н. МАТЮШИН

О НИЖНЕВОЛЖСКИХ «МИКРОЛИТАХ»

Находки каменных орудий на нижневолжских дюнах давно привлекают внимание исследователей. О них писали А. А. Кротков, Т. Минаева, И. В. Синицын, К. В. Сальников [1].

Повышенный интерес к этим, обычно случайным, находкам объясняется особенностями местоположения Нижнего Поволжья, которое, с одной стороны, граничит с кельтеминарской этнокультурной областью Казахстана и Средней Азии и уральским массивом мезолитических и неолитических памятников, с другой — со средневолжскими и прикамскими памятниками неолита и бронзы, с третьей — с областью днепро-донецких памятников каменного века и, наконец, с крымско-кавказской этнокультурной общностью. К сожалению, в Нижнем Поволжье пока неизвестны памятники с каменным инвентарем, достаточно хорошо сохранившие культурный слой. Все каменные изделия с Нижнего Поволжья, за исключением немногих погребений, представляют собой коллекции подъемного материала. Дюны, на которых производились сборы, ежегодно перевеваются и перемещаются, и, следовательно, предметы разного времени на них перемешиваются. Точное местонахождение орудий не всегда известно, и, следовательно, сборы разных лет, объединенные в одной коллекции, не всегда происходят с одного и того же памятника.

В публикациях все нижневолжские изделия из камня обычно относятся авторами к какой-то одной, чаще всего поздней, стадии развития каменной индустрии. В большинстве случаев каменный инвентарь нижневолжских дюн связывают с ямной культурой. Уже такая однородность и одновременность всех памятников с кремневым инвентарем в Нижнем Поволжье вызывает сомнение. Возникает вопрос: почему только в этом районе отсутствуют памятники эпохи мезолита и неолита? Во всех районах, окружающих Поволжье, расцвет каменной индустрии падает на эпоху мезолита и неолита, а в Нижнем Поволжье все памятники с кремневым инвентарем относятся только к энеолиту, в то время как в других районах в эпоху раннего металла кремневый инвентарь становится немногочисленным.

---

[1] А. А. Кротков. О памятниках старины в Саратовской губернии. Тр. СУАК, 29, Саратов, 1912; Т. Минаева. Кремневая индустрия Нижнего Поволжья. Тр. НВОК, Саратов, 1929; И. В. Синицын. Кремневые орудия с дюнных стоянок Калмыцкой области. Изв. НВИК, IV, Саратов, 1931; его же. Древние памятники Приморского района Калм. области. Изв. НВИК, VI, Саратов, 1933; его же. Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане. КСИИМК, XLV, 1952; его же. Археологические памятники Северо-Западного Прикаспия. Тр. СОМК, 3, Саратов, 1960; К. В. Сальников. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы. АЭБ, I, Уфа, 1962.

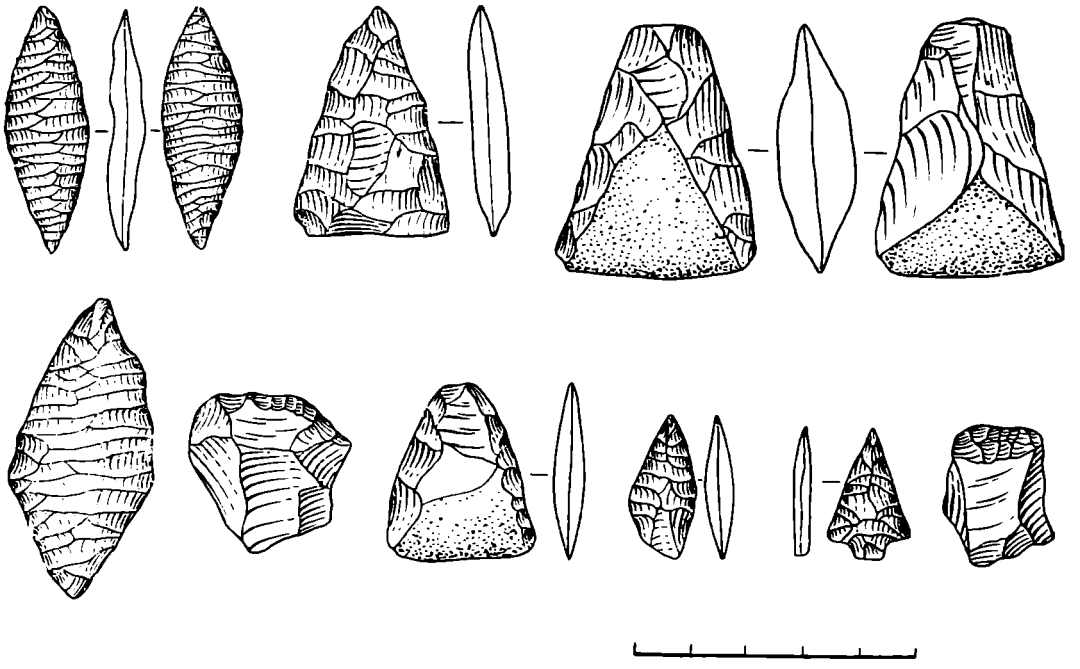


Рис. 1. Изделия из камня с дюнного поселения у с. Рассказань

За изделиями из камня с нижневолжских дюн закрепился термин «микролитические». Наличие микролитических изделий в энеолите обычно объясняется пережитками мезолитических традиций. Следовательно, имеется в виду, что с мезолита до раннего металла включительно здесь господствовала микролитическая техника. Это, естественно, позволяет предположить, что в данном районе не только в мезолите, но и в неолите и даже в раннем металле не была развита (или была недостаточно развита) техника двухсторонней обработки камня.

Следует иметь в виду, что в начальный период накопления материала по позднему каменному веку было широко распространено стремление относить все памятники с микролитическим инвентарем к энеолиту.

Так было в свое время со стоянками Нижнее Адищево и Левшино в Прикамье, Боборыкино на Урале и т. д. О. Н. Бадеру удалось установить, что стоянки Нижнее Адищево и Левшино содержат разновременный материал. Причем комплекс микролитических изделий с этих стоянок относится не к энеолиту, а к мезолиту. Такое разделение кремневого инвентаря сделано и на Урале (стоянка Чебаркуль I). В последние годы на Южном Урале и в Приуралье выявлено значительное количество мезолитических памятников. На некоторых стоянках со смешанным инвентарем стратиграфически выделен мезолитический (микролитический) и неолитический комплексы кремневых изделий (с преимущественно двухсторонней обработкой орудий). Все это побудило нас обратиться к вопросу о нижневолжских микролитах.

Исследователями Нижнего Поволжья термин «микролитический инвентарь» распространяется обычно на все кремневые изделия, найденные на дюнах, хотя инвентарь некоторых стоянок совершенно их не содержит. На наш взгляд, микролитическим можно называть инвентарь, в котором отсутствуют двухсторонне обработанные орудия и преобладают изделия из ножевидных пластин. Причем микролитическими нельзя считать любые ножевидные пластины и нуклеусы, а только тонкие, узкие пластины, ширина которых в большинстве своем не превышает 0,5—1,5 *см*, и нуклеусы с соответственными негативами.

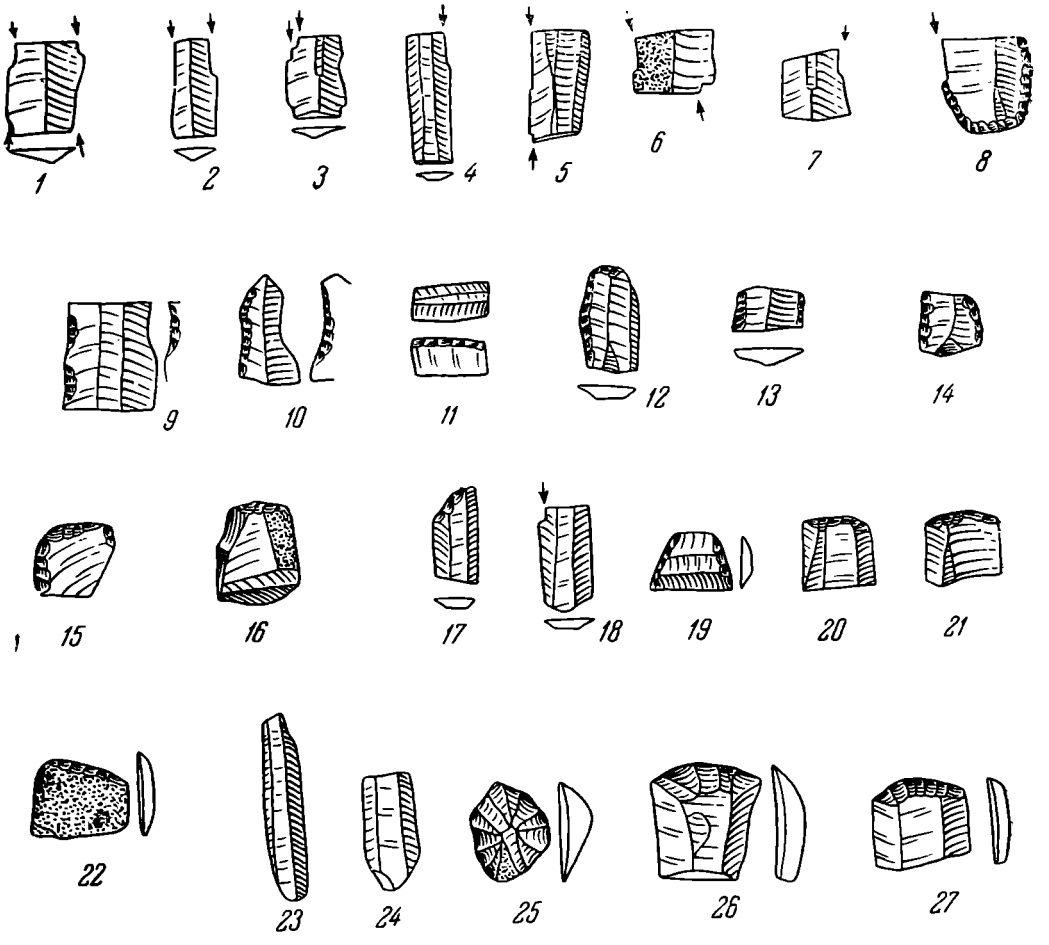


Рис. 2. Инвентарь стоянки Рудня и Прапорский бугор
1—16 — Рудня; *17 — 27* — Прапорский бугор

Ознакомление с находками на нижневолжских дюнах, хранящимися в Саратовском областном музее краеведения [2], показывает, что далеко не все стоянки на дюнах содержат микролитический инвентарь. Например, на дюнах у с. Рассказань собран следующий инвентарь: гальки, кварцитовые нуклеусы, кварцитовые и кремневые наконечники стрел листовидной и треугольной формы, с двусторонней обработкой, кремневые, оббитые с двух сторон долота, долота с пришлифованным рабочим краем, обломки шлифованных орудий, кварцитовые и кремневые отщепы, куски кварцита, глиняная посуда [3]. Здесь совершенно отсутствуют ножевидные пластины и изделия из них. В целом инвентарь этого памятника вполне соответствует инвентарю поздненеолитических памятников европейской части СССР.

В коллекции представлены типы орудий, характерные для развитого неолита: двухсторонне обработанные наконечники, долота и топоры с пришлифовкой рабочего края, скребки (рис. 1) и т. п. Двусторонне обработанные орудия найдены и на многих других дюнах.

Изучение коллекций с микролитическим инвентарем показывает, что комплексы этих находок весьма различны между собой. Причем значитель-

---

[2] Пользуясь случаем, выражаю большую благодарность И. В. Синицыну за предоставленную возможность познакомиться с материалами дюнных стоянок.

[3] Инв. № 21—42 в Саратовском областном музее краеведения

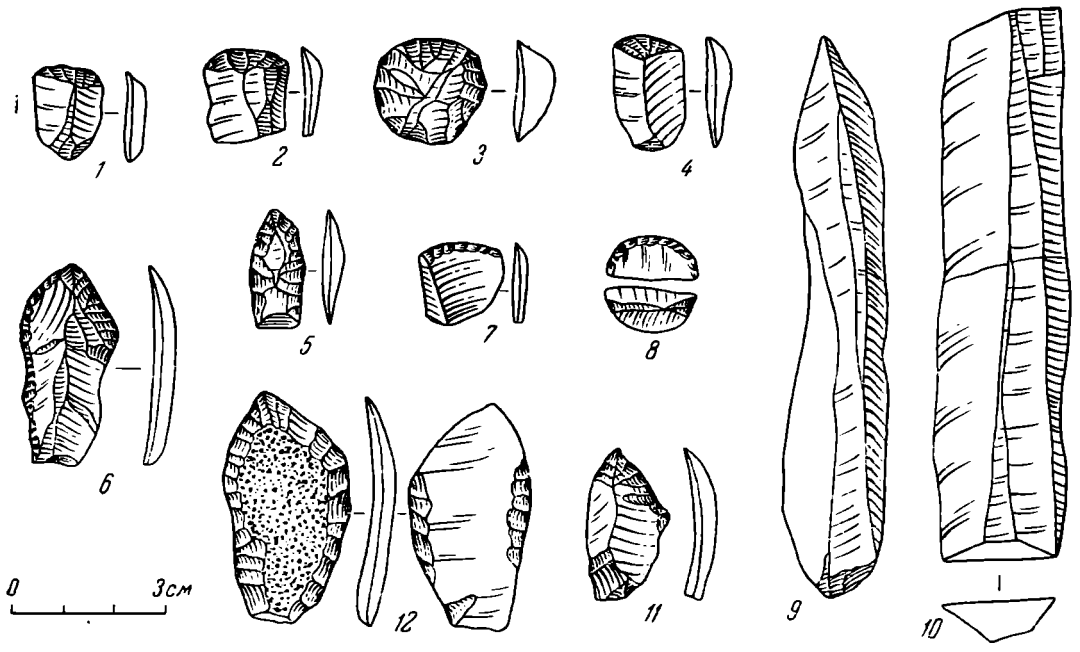


Рис. 3. Кремневый инвентарь кургана № 9 II Бережковского могильника
1—3, 5, 7, 8 — погребение 17; *4, 9, 10* — погребение 9; *6, 11, 12* — погребение 5

ная их часть не получила освещения в литературе. Это, очевидно, объясняется тем, что при публикациях авторы обычно давали характеристику более богатых и разнообразных комплексов находок и не обращали внимания на маловыразительный кремневый инвентарь. Если учесть, что наиболее четкое оформление любая кремневая индустрия получает на более высокой стадии своего развития, можно предположить, что в публикациях оставались слабо освещенными более ранние памятники. Между тем в целях установления генезиса кремневой индустрии именно эти памятники требуют особого внимания.

Для примера рассмотрим материалы сборов на верхней дюне у слободы Рудня, близ станции Ильмень [4].

Эта коллекция состоит из 73 ножевидных пластинок и изделий из них, мелких и мельчайших отщепов и чешуек. Здесь отсутствуют отщепы и сколько-нибудь выразительные изделия с двухсторонней обработкой. Но зато имеется четко выраженный комплекс микролитических изделий. Привлекает внимание прежде всего наличие резцов на углу сломанной пластинки, пластинки с выемками, вкладыши и другие изделия из ножевидных пластин. Все они имеют большое сходство с материалами мезолитических памятников Приуралья, для которых характерно наличие большого количества изделий с резцовыми сколами.

Преобладание таких изделий характерно и для мезолитических памятников Прикаспия (нижние слои пещеры Джебел) Нижнего Прикамья и Среднего Поволжья. Аналогичный инвентарь (рис. 2) содержит и дюна Прапорский бугор [5] на правом берегу р. Саратовки при впадении в нее р. Грязнухи. Здесь также обнаружены резцы на углу сломанной пластинки, пластинки со скошенным краем и другие изделия из ножевидных пластин (рис. 2, *17—27*). Материал этих памятников резко отличается от инвентаря дюнных стоянок Калмыцкой области, опубликованных И. В. Синицы-

[4] Сборы В. В. Зайковского 1924 г., колл. № 523 в Саратовском музее краеведения.
[5] Инвентарные номера 1—20 (2482, 2673, 2965, 2872, 2072, 1625) в Саратовском музее.

ным[6]. Здесь почти отсутствуют трапеции и сегменты, которые в большом количестве встречаются на стоянках у сел Басы и Зензели в Калмыкии. Нет в инвентаре дюнных стоянок Прапорский бугор и Слободы Рудня и трапеций со струганой спинкой и других изделий, характерных для более юго-западных стоянок Саратовской области.

Стоянки северо-западного Прикаспия имеют большее сходство с памятниками каменного века крымско-кавказского типа.

Наиболее часто дюнные стоянки с микролитическим инвентарем Нижнего Поволжья связывают с ямной культурой. Некоторые авторы прямо утверждают, что памятники ямной культуры — курганные погребения и стоянки и микролитическим инвентарем геометрических форм — лучше изучены и шире представлены в Нижнем Поволжье. Основные доказательства принадлежности дюнных поселений с микролитическим инвентарем к ямной культуре находят в инвентаре ямных погребений, главным образом в инвентаре кургана № 9 II Бережновского могильника[7], где найдено всего две ножевидные пластины (рис. 3, *9—10*), скребки (рис. 3, *1—3*, *4—7* *11—12*), отщепы и одно сегментовидное орудие (рис. 3, *8*). Большую часть инвентаря погребений составляют скребки (9 экземпляров). Значительная их часть изготовлена из отщепов, с помощью ретуши, не характерной для микролитической техники, и вряд ли наличие одного сегмента при погребении может служить основанием для отнесения всех памятников с микролитическим инвентарем к ямной культуре.

Находки на некоторых дюнных стоянках керамики, сходной с ямной, вряд ли можно считать убедительным основанием для отнесения их к ямной культуре, так как на тех же дюнах, в частности на дюнах у с. Джангалы (Новая Казанка) были найдены железные предметы и предметы других эпох.

Ямные поселения вообще изучены еще недостаточно. Исключение составляет достаточно полно исследованное и опубликованное поселение ямной культуры — Михайловское. Анализ его материала полностью отрицает возможность отнесения памятников с микролитическим инвентарем к ямной культуре.

---

[6] И. В. Синицын. Ук. соч.

[7] К. В. Сальников. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы. АЭБ, I, стр. 40.

Б. Г. ТИХОНОВ

НОВОГЕОРГИЕВСКИЙ КЛАД КЛИНОВИДНЫХ ТОПОРОВ

Несколько лет назад в Болховский краеведческий музей поступил клад каменных клиновидных топоров, найденный в 1 *км* от пос. Новогеоргиевского Болховского района Орловской области. Клад был найден на краю склона глубокого оврага Крутица, по которому протекает пересыхающий летом ручей.

Благодаря любезности сотрудников Болховского музея удалось обследовать место находки клада и расширить яму, вырытую пастухом для костра. На дне этой ямы и были найдены им 10 заготовок каменных топоров. По словам находчика, заготовки были уложены компактной кучкой.

Стратиграфия расширенной до шурфа 1 × 1 *м* ямы такова. Под дерновым слоем толщиной в 8 *см* до глубины 0,5 *м* шел чернозем, постепенно переходящий в подстилающую глину. На контакте чернозема и глины и лежали клиновидные топоры. Кремневых обломков, отщепов или чешуек при рытье ямы ни находчику, ни нам при расширении шурфа не встретилось. Нет в шурфе и следов культурного слоя. Обследование поверхности поля по краю оврага и самого оврага, на протяжении в 300—400 *м* не дало никаких находок. На дне оврага, у ручья, в довольно большом количестве встречены крупные кремневые желваки, которые могли послужить материалом для изготовления топоров. Но в кладе есть две заготовки, выполненные из другой породы камня, которую ни на дне ручья, ни в обнажениях берега найти не удалось.

Обстоятельства находки — отсутствие культурного слоя, каких-либо следов обработки заготовок на месте и сам характер орудий, имеющих форму не готовых еще к употреблению изделий, скорее всего, говорят о том, что мы имеем дело с кладом. Из-за отсутствия кремневых отбросов на месте находки клада можно думать, что топоры не изготовлены на этом месте, хотя исключить возможность производства таких орудий поблизости и нет оснований.

В последние годы Д. А. Крайновым разработана типология клиновидных топоров для памятников фатьяновской культуры [1]. В Новогеоргиевском кладе представлены три из выделенных Д. А. Крайновым типа.

Тип 1 — прямоугольные топоры с прямоугольным поперечным сечением — есть в кладе в количестве трех экземпляров.

1. Заготовка из серого кремня. Длина — 16, толщина — 3,8, ширина лезвия — 7,3 *см* (рис. 1, *1*).
2. Заготовка из красновато-серого кремня. Длина — 15.2, толщина — 2,7, ширина лезвия — 5,5 *см* (рис. 2, *4*).
3. Заготовка из серого кремня. Длина — 14,5, толщина — 2,7, ширина лезвия — 3,7 *см* (рис. 1, *2*).

Необходимо оговориться, что прямоугольные топоры имеют слабо выраженную трапециевидную форму. Они слегка сужаются к лезвию или к обуху, тем не менее, эти топоры отличны от трапециевидных топоров следующего типа.

Тип 2 — трапециевидные топоры с прямоугольным поперечным сечением — представлены пятью кремневыми заготовками.

1. Заготовка из кремня красноватого оттенка. Длина — 19,5, толщина — 2, ширина лезвия — 9 *см* (рис. 2, *1*).
2. Заготовка из кремня белого цвета. Длина — 18,5, ширина лезвия — 8,7 *см* (рис. 1, *5*).

---

[1] Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. САИ, В1—19, ч. 1, 1963, стр. 33—35.

3. Заготовка из кремня серого цвета. Длина — 18,3, толщина — 2,5, ширина лезвия — 8,4 *см* (рис. 1,*4*).
4. Заготовка из кремня серого цвета. Длина — 18, толщина — 1,8, ширина лезвия — 7,5 *см* (рис. 2, *2*).

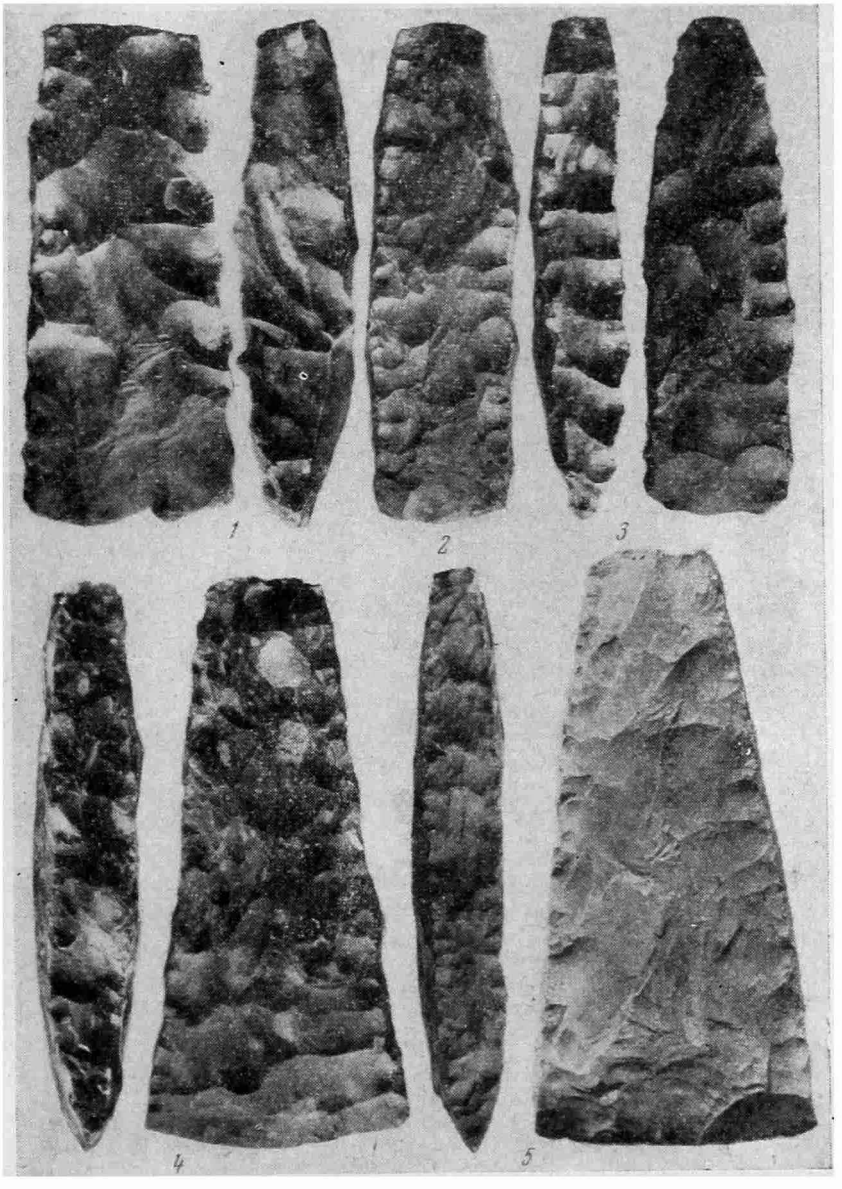


Рис. 1. Заготовки клиновидных топоров из Новогеоргиевского клада

5. Заготовка из кремня серого цвета. Длина — 14,4, толщина — 2,5, ширина лезвия — 4,1 *см* (рис. 1, *3*).

Этот тип топоров — обычно в виде правильной трапеции с прямыми боковыми гранями, широким лезвием и узким обухом. Однако иногда боковые грани от лезвия поднимаются почти параллельно, и только постепенно орудие приобретает форму трапеции со слабо выпуклыми гранями. Трапециевидные топоры наиболее широко представлены среди находок прямоугольных в сечении кремневых топоров.

Тип 3 — стамесковидные заготовки прямоугольных в сечении орудий из камня серого цвета — найдены в кладе в количестве двух экземпляров. Они сделаны, по-видимому, из сланца.

1. Заготовка орудия. Длина — 15,6, сечение — 8,5 × 2 *см* (рис. 2, *5*).
2. Заготовка орудия. Длина — 13,1, сечение — 8,5 × 3,5 *см* (рис. 2, *3*).

Стамесковидные орудия отличаются от клиновидных топоров незначительной шириной лезвия и обуха при почти строго прямоугольной форме. Размеры рабочей части орудия заставляют предположить, что орудия этого типа использовались в качестве стамески или долота. Находок таких орудий сделано меньше и в памятниках окружающих культур.

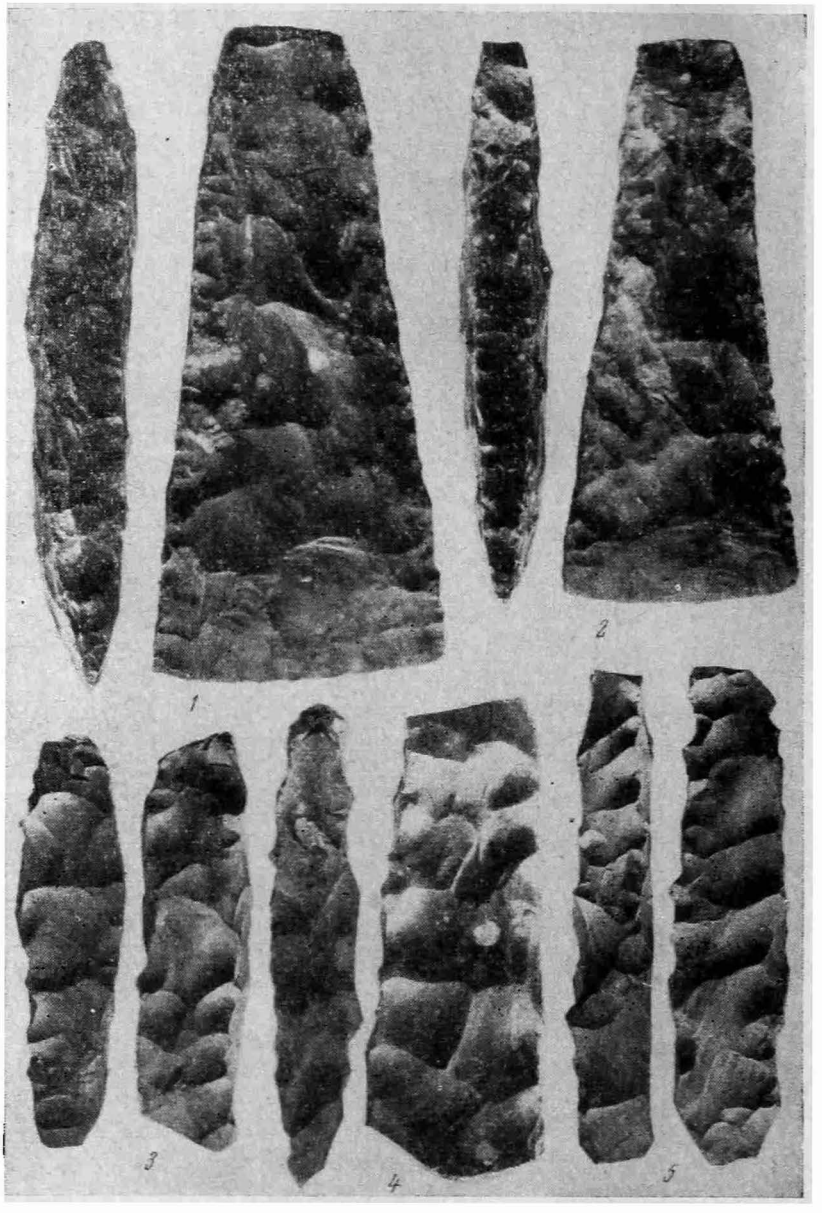


Рис. 2. Заготовки клиновидных топоров из Новогеоргиевского клада

Первоначальная обработка заготовок производилась грубой оббивкой. Ею придавалась форма будущему орудию. Мастер откалывал крупные отщепы. Глубина получившихся при отбивке фасеток такова, что, если бы оно подвергалось полной шлифовке, то толщина орудий значительно бы уменьшилась. Однако полная шлифовка на этого типа орудиях встречается довольно редко. На стамесковидных заготовках первичной обработкой не оформлено даже лезвие (рис. 2, *3, 5*). Крупными грубыми сколами оформлены лезвия у прямоугольных заготовок. Лучше обработаны трапециевид-

вые заготовки, на которых можно видеть подправку боковых граней и лезвийной части более мелкими сколами, но и здесь встречены заготовки с грубой обработкой только сколами (рис. 1, *3, 4*). Перед шлифовкой такие заготовки, по-видимому, подвергались обработке более мелкой ретушью, так как первоначальная оббивка оставляет много крупных выступов. За это говорят находки заготовок таких же топоров, поверхность которых выровнена с помощью более мелкой ретуши.

Область распространения топоров этих типов широка. Особенно много их найдено на памятниках фатьяновской культуры, где они концентрируются в московской группе памятников [2]. В ярославской группе их меньше, а в балановской они насчитываются единицами. Совершенно отсутствуют такие топоры на памятниках левобережной Волги ниже устья Оки. К югу в Тамбовской области они не встречены восточнее бассейна р. Цны. Почти не известны подобные находки и в более южных областях. Такие топоры широко представлены в памятниках волынской мегалитической культуры, которая А. Я. Брюсовым — датируется концом III — серединой II тысячелетия до н. э.

Далее на юго-запад прямоугольные трапециевидные и стамесковидные долота и топоры распространены в памятниках среднего этапа трипольской культуры в Поднестровье [3]. На городском этапе бытуют такие же кремневые топоры [4]. К юго-западу от Орловской области территория их распространения значительно расширяется [5]. И. И. Артеменко включает такие топоры в круг типичных орудий позднего этапа среднеднепровской культуры, датируя их 2100—1600 гг. до н. э. [6] Трапециевидные и прямоугольные топоры известны и с территории Полесья [7] Их много в Дании и Южной Скандинавии. Область распространения клиновидных прямоугольных в сечении топоров обширна. В большинстве своем они связаны с так называемыми культурами боевых топоров. Прямой аналогией Новогеоргиевскому кладу является изданный М. Л. Макаревичем клад клиновидных топоров из с. Кисловского Томашпольского района Винницкой области. В Кисловском кладе представлены кремневые заготовки топоров прямоугольного и трапециевидного типов, но нет стамесковидных орудий [8]. М. Л. Макаревич относит Кисловский клад к первой половине II тысячелетия до н. э. и считает его происходящим с запада [9]. С последним утверждением трудно согласиться. Нельзя с уверенностью сказать, какой обработке подверглись бы заготовки в заключительной стадии их выделки. Фатьяновские, среднеднепровские и скандинавские изделия обычно прекрасно отшлифованы и часто по всей поверхности, когда остаются только незначительные раковины, в то время как топоры волынской мегалитической культуры в основной массе имеют только пришлифованное лезвие. Сравнение размеров топоров показывает, что фатьяновские и среднеднепровские изделия меньше по размерам, тогда как датские и скандинавские крупней. Размеры топоров из кладов совпадают с топорами Волыни. По-видимому, Кисловский клад следует увязывать с памятниками волынской мегалитической культуры.

Эпоха бронзы на Орловщине изучена слабо. С данной территории кроме случайных находок этого времени и нескольких полученных при раскопках городищ небольших коллекций изделий из камня ничего не известно.

---

[2] Д. А. Крайнов. Ук. соч., стр. 33—35.

[3] Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. МИА, 84, 1961, стр. 134.

[4] Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, 10, 1949, рис. 85, *6*.

[5] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 226, рис. 61, *1—3*.

[6] И. И. Артеменко. Среднеднепровская культура. СА, 1963, 2, рис. 4.

[7] Ю. В. Кухаренко. Первобытные памятники Полесья. САИ, Б1—18, 1962, табл. IX.

[8] М. Л. Макаревич. Клад кремневых топоров. Археология, XVI. Киев, 1964, рис. 1—8.

[9] Там же, стр. 212 сл.

Каменные орудия связываются обычно с памятниками соседней среднеднепровской культуры. По-видимому, с среднеднепровской культурой следует связывать и наши клиновидные топоры. Сырье для подобных заготовок обнаружено на месте находки клада. Косвенным доказательством местного происхождения клада может служить находка в Болховском районе при копке ямы стамесковидного кремневого орудия, подобного таким же изделиям из фатьяновских могильников к двум заготовкам из Новогеоргиевского клада. По утверждению находчиков, оно было обнаружено в сходных условиях с Новогеоргиевским кладом. Однако здесь на месте находки в яме были собраны отщепы и чешуйки кремня.

При определении времени Новогеоргиевского клада следует исходить из датировок фатьяновской и среднеднепровской культур, где имеются подобные предметы. Необходимо учитывать и датировку волынской мегалитической культуры, аналогии с топорами которой наиболее близки.

При всех расхождениях в датировках этих культур у исследователей нет никакого сомнения, что основная масса поселений и могильников этих культур, исключая, вероятно, только волынские мегалиты, которые могут быть несколько древнее, относится к первой половине II тысячелетия до н. э. Новогеоргиевский клад можно было бы датировать этим временем. Однако не следует забывать, что в фатьяновских могильниках клиновидные топоры такого типа распространены в наиболее ранних могильниках Московской группы, в памятниках же более поздних их нет. Поздний этап среднеднепровской культуры, в памятниках которой известны прямые аналогии Новогеоргиевскому кладу, датируется началом — серединой II тысячелетия до н. э. При сопоставлении с датами волынской мегалитической культуры, которую в последние годы И. К. Свешников относит к рубежу III—II тысячелетия до н. э., можно уточнить время зарытия клада как первую четверть II тысячелетия до н. э.

В. М. МАССОН

ОТКРЫТИЕ МОНУМЕНТАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ЮЖНОМ ТУРКМЕНИСТАНЕ

Высокий уровень развития Южного Туркменистана в эпоху бронзы давно уже отмечался в литературе, а работы последних лет позволили поставить вопрос о существовании здесь в это время городской или, в более осторожной формулировке, протогородской цивилизации [1]. Однако среди прочих признаков, характеризующих эту высокоразвитую культуру, вплоть до последнего времени отсутствовали памятники монументальной архитектуры, хотя вероятность их существования предполагалась рядом авторов [2]. В ходе полевых работ 1967 г. на Алтын-Тепе [3] этот пробел был заполнен, и в настоящее время можно уже с уверенностью говорить о существовании таких объектов на памятниках среднеазиатских оседлых земледельцев эпохи бронзы. Здесь был начат новый раскоп, получивший седьмой номер и расположенный на холме размером около 50 × 40 *м*, чье обособленное положение на восточной окраине Алтын-Тепе привлекало к себе внимание. Интересно отметить, что поверхность восточной части холма была почти

[1] В. М. Массон. Протогородская цивилизация юга Средней Азии. СА. 1967, 3.

[2] В. М. Массон. О культе женского божества у анауских племен. КСИМК. 73, 1959, стр. 16, 17; В. И. Сарианиди. Тайны исчезнувшего искусства Кара-Кумов. М., 1967, стр. 93.

[3] Работы велись в апреле — мае при участии В. М. Массона, А. Я. Щетенко, Ю. Березкина, А. Загороднего, В. Кнышева, Г. Курочкина, К. Марченко и А. Румянцева. Первоначально основное внимание было уделено продолжению работ на раскопе 1 (стратиграфическом) и раскопе 5 (жилой квартал).

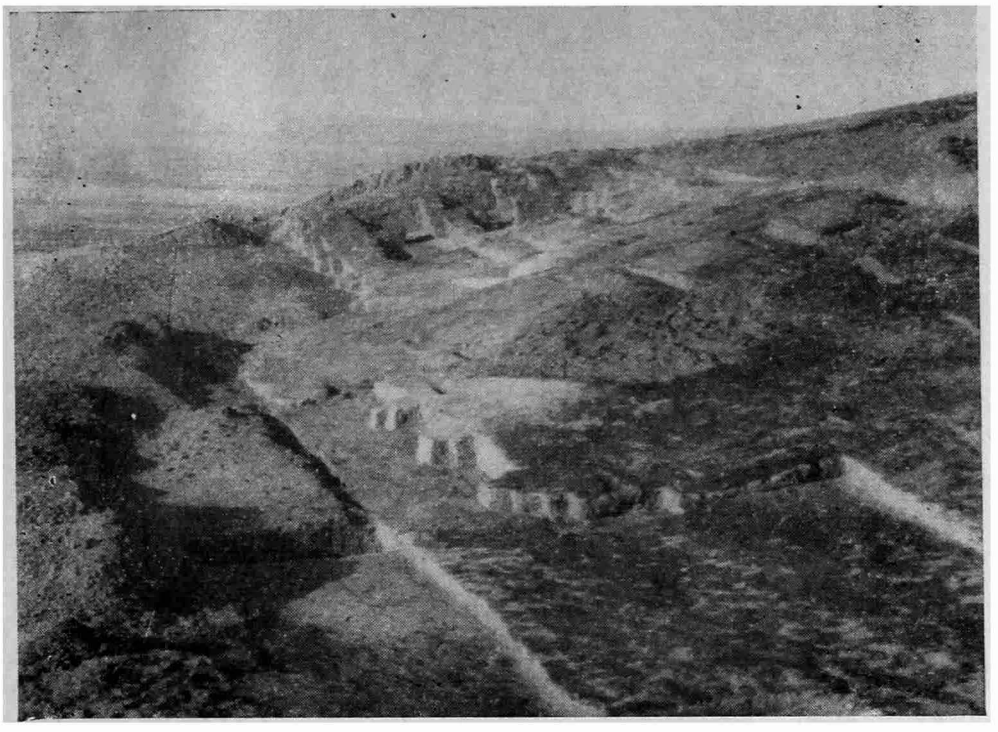


Рис. 1. Алтын-Тепе. Общий вид раскопа 7

лишена фрагментов керамики и представляла собой довольно взрыхленную землю. Как показали раскопки, эта особенность связана с нахождением здесь массивных сырцовых кладок, содержащих обломки глиняной посуды лишь в качестве исключения и, видимо, поэтому дающих оплывы менее плотной консистенции. Кроме того, на широком шлейфе, соединяющем этот холм с основным массивом поселения, еще до раскопок после сильных дождей прослеживались очертания обширных помещений с массивными стенами. Наконец, следует отметить, что, судя по результатам раскопок, именно в восточной части Алтын-Тепе располагались наиболее зажиточные кварталы, а на северной и западной окраинах поселения были сосредоточены печи для обжига керамики.

Работы, произведенные на раскопе 7, показали, что вскрываемый холм содержит остатки многочисленных и разновременных построек (рис. 1). Наиболее поздними из них следует считать строения, находящиеся на самой вершине холма, в существовании которых отмечается по крайней мере два этапа. Первоначально здесь преобладали крупные подквадратные в плане помещения со стороной около 8 *м* и стенами толщиной в 0,5—0,6 *м* (рис. 2). Позднее при помощи поперечных стенок эти комнаты были разделены на ряд более мелких помещений. Примечательно наличие в одной из крупных комнат прямоугольного очага-подиума, размером 2 × 1,5 *м*. Аналогичные прямоугольные очаги, хотя и меньших размеров, располагались в общественных зданиях-святилищах, известных по раскопам энеолитических поселений Южного Туркменистана [4]. Очаги-подиумы являются характерным атрибутом и месопотамских храмов, начиная с древнейших периодов [5].

Однако лишь после раскопок восточного фаса холма стало ясно, что перед нами остатки строений совершенно особого характера, среди которых

---

[4] И. Н. Хлопин. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М.— Л., 1964, стр. 76—79.

[5] В. И. Сарианиди. Культовые здания поселений анауской культуры. СА, 1962, 1, стр. 45, 46, 51.

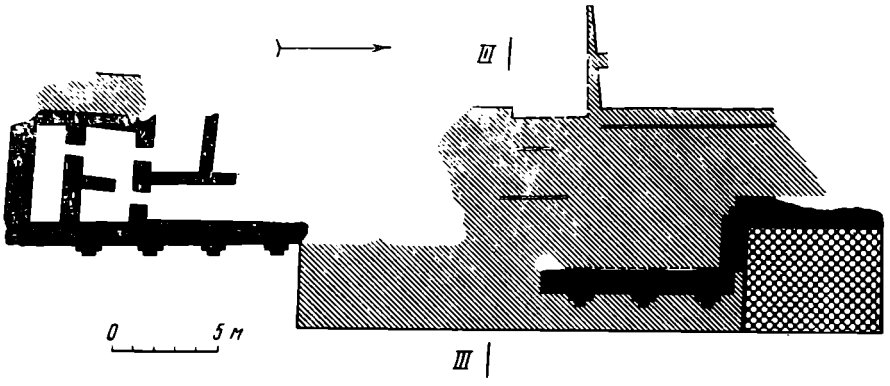


Рис. 2. Алтын-Тепе. План строений, вскрытых в южной части раскопа 7

можно различать башню-платформу и «дом с обводами». Наиболее сложна история башни-платформы, где может быть отмечен ряд этапов постепенных перестроек и переделок. Возможно, первоначально здесь вообще располагалась группа помещений со стенами толщиной в 1—1,5 *м*. Затем помещения, забутованные кладкой из сырцового кирпича, образовали основной массив башни-платформы. На втором этапе своего существования внешний край башни был декорирован трехступенчатыми в плане выступами-пилястрами. Основанием башни служила платформа двухметровой высоты. Затем к северному углу платформы был пристроен кубообразный массив, возможно игравший роль устоя-контрфорса. В своем окончательном оформлении комплекс башни-платформы имел по фронту 27,5 *м* при максимальной толщине всех застроенных и забутованных кладок в 10,5 *м*. Максимальная сохранность кладки в высоту — 6,3 *м*. Поскольку большая платформа представляла собой архитектурную доминанту всего комплекса в целом, она, скорее всего, превосходила по высоте все расположенные за ней строения. Уровень пола самого позднего из этих строений, располагавшегося на вершине холма, на 2,3 *м* выше наиболее верхней точки сохранившейся кладки башни-платформы. К этой цифре необходимо прибавить еще по крайней мере 3 *м* для высоты стен над полом. Эти расчеты дают минимальную высоту башни-платформы в 11—12 *м*. На ее вершине, возможно, находился священный очаг-подиум. Во всяком случае, слои, прилегающие к основанию платформы, состоят из прослоек обвалившейся глиняной штукатурки, перемежающихся скоплениями древесных угольков. Вместе с тем другие элементы, характерные для мусорных слоев на окраине поселений (зола, кости, селитроносные наслоения), здесь полностью отсутствуют. Видимо, угольки сносились ветром к подножию башни из периодически возжигаемого подиума. Для его орнаментовки в реконструкции сооружения нами использованы мотивы терракотовых реликвариев-курильниц, известных по находкам в слоях эпохи бронзы в Южном Туркменистане (рис. 3).

В юго-восточной части холма была вскрыта часть сооружения другого характера, условно названного «дом с обводом» (рис. 4). Его стены достигают толщины 1 *м*. Внешний фас оформлен выступами-пилястрами, аналогичными выступам, украшавшим наружную грань башни. Внешний фас «дома с обводами», так же как и основная ось башни-платформы, ориентирован строго С — Ю. В то же время внутренние стены идут несколько под углом к этой оси, видимо ориентируясь на строения, уже существовавшие в этой части холма до постройки «дома с обводом». Можно заключить, что в истории рассматриваемых строений был период, когда путем дополнительных построек ранее существовавшие здания были объединены в единый архитектурный ансамбль. Его парадный восточный фас, которо-

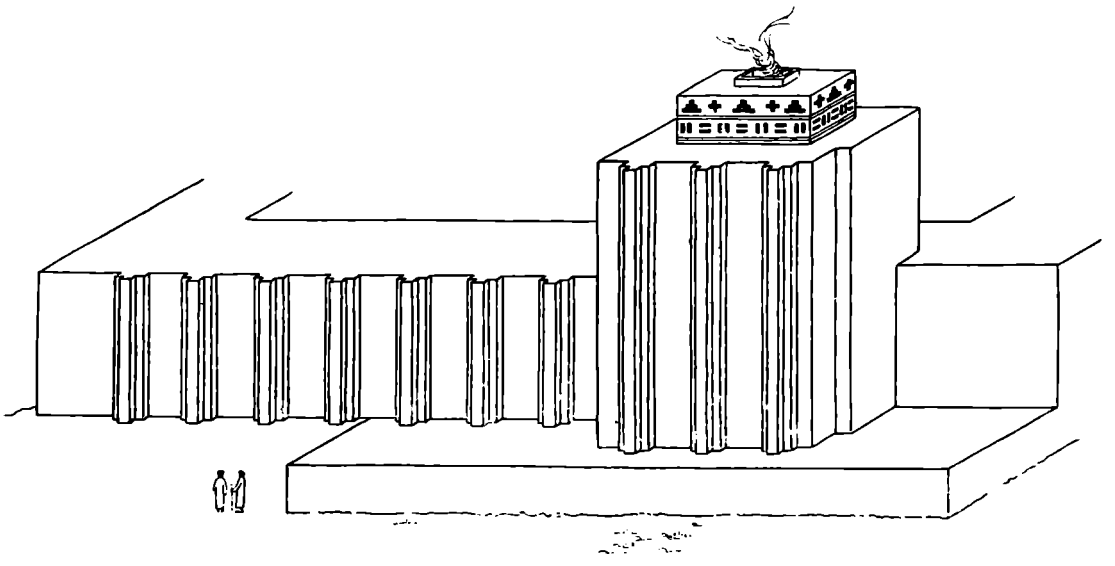


Рис. 3. Алтын-Тепе. Внешний вид монументального комплекса. Вариант реконструкции

му уделялось основное внимание, был декорирован выступами-пилястрами, ритмично членящими вертикальную гладь сырцовой стены.

Возникновение, существование и запустение всех описанных строений приходится на время Намазга V. Характерная керамика этого комплекса была найдена как в завалах, так и под полами вскрывавшихся помещений. На основании месопотамо-индийских аналогий комплекс типа Намазга V можно относить к началу II тысячелетия до н. э., что нашло недавно подтверждение в результатах радиокарбонного анализа. Древесный уголь из слоев позднего Намазга IV, непосредственно предшествующих слоям типа Намазга V, был датирован 2120 (±50) г. до н. э. Поскольку слои типа Намазга V достигают мощности в 2—4 *м*, можно считать, что бытование этого комплекса растягивается на несколько столетий (XX—XVIII вв. до н. э.?). Следующий комплекс — Намазга VI — был ориентировочно датирован 1700—1100 или 1600—1000 гг. до н. э.[6], что теперь также подтверждено радиокарбонным анализом. Возраст древесного угля из самого верхнего слоя Намазга VI на Намазга-Тепе был определен в лаборатории ЛОИА АН СССР как 1030 (±60) г. до н. э. Сложный комплекс строений, вскрытый на раскопе 7, с многочисленными перестройками и переделками существовал скорее всего в течение длительного отрезка времени, видимо почти полностью занимая период Намазга V.

Таким образом, не остается сомнений в том, что на Алтын-Тепе удалось открыть монументальную архитектуру эпохи бронзы, древнейший памятник такого рода на территории СССР. Предположительно в нем можно усматривать остатки храмового комплекса, в котором постройки типа «дома с обводами» играли подсобное хозяйственное назначение. Возможно, мы имеем здесь дело даже с целым рядом храмов и святилищ. Для решения этого и ряда других вопросов необходимо продолжение раскопок, по существу только начатых.

Вместе с тем, если говорить об архитектурных особенностях вскрытых строений, то уже сейчас ярко выступает их древневосточный, месопотамский облик. Господство массивных объемов и членение глади стен рядами выступов-пилястров характерно для культовой архитектуры Шумера, начиная с III тысячелетия до н. э. Пилястры трехступенчатые в плане офор-

[6] В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, 73, 1959, стр. 28.

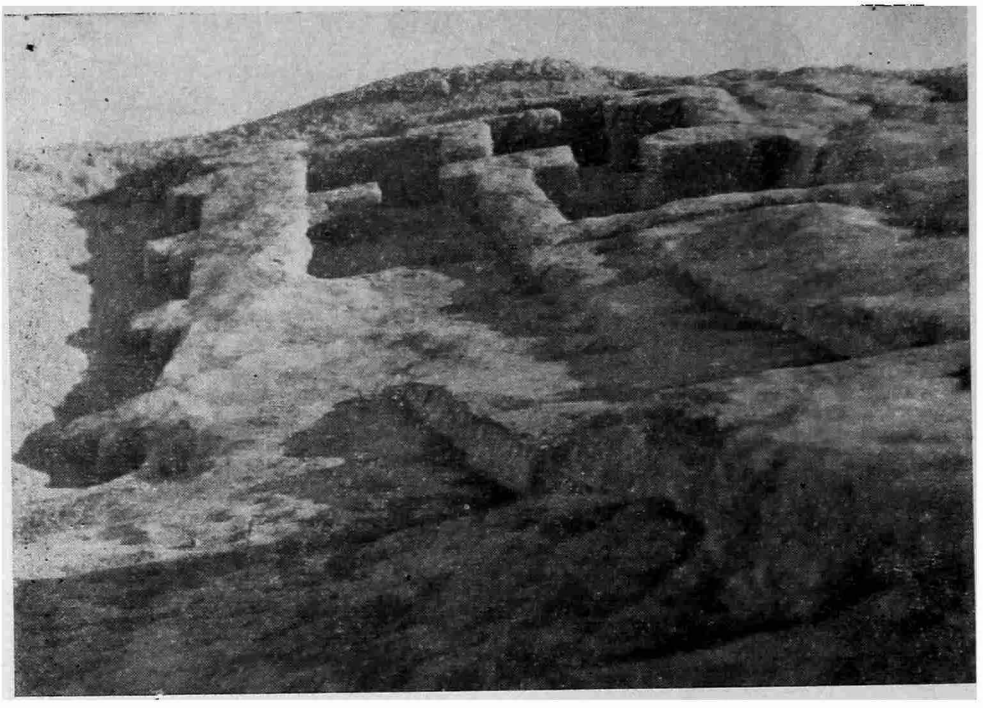


Рис. 4. Алтын-Тепе. «Дом с обводом». Вид с севера

мляли, например, внешние стены одного из храмов Ура конца III тысячелетия до н. э.[7] Не исключено, что и возведение монументальной башни-платформы навеяно идеей месопотамских зиккуратов с их небольшим однокомнатным храмом-алтарем, венчающим нагромождение кирпичных массивов. До настоящего времени между Эламом и Индом лишь в южноафганистанском Мундигаке были известны памятники монументальной архитектуры[8]. Открытие подобных строений на Алтын-Тепе свидетельствует о наличии на юго-западе Средней Азии крупного культурного центра вне зоны великих городских цивилизаций. Общество, оставившее памятники такого типа, безусловно развивалось по древневосточному пути, и дело дальнейших исследований уточнить его конкретную характеристику. В Южном Двуречье монументальные храмы на платформах появляются, как известно, еще в первой половине IV тысячелетия до н. э., знаменуя интенсивный процесс разложения первобытного строя. Наблюдения за микрорельефом показывают, что описанный холм Алтын-Тепе не является единственным объектом такого рода на этом памятнике. Вполне вероятно, что на восточном фасе Алтын-Тепе располагался целый ряд величественных и монументальных строений, одно из которых было открыто в ходе работ 1967 г.

[7] H. W. Elliot. Excavations in Mesopotamia and Western Iran of 4000—5000 b. c. Cambridge, Mass., 1950, табл. 13—14.

[8] J. M Casal. Fouilles de Mundigak. MDAFA, XVII, 1, Paris, 1961, стр. 63—65.

Л. А. ИВАНОВА

О РАЗЛИЧИЯХ КЕРАМИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ АФАНАСЬЕВСКОЙ И ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУР

Еще недавно в керамике афанасьевской культуры различали не менее пяти типов сосудов: яйцевидные (остродонные или с уплощенным дном), сферические (круглодонные или с уплощенным дном), вазочки-курильницы с ручкой, баночные и вазочки-курильницы с перегородкой [1]. Создалось представление о том, что все сосуды изготовляли от руки спирально-ленточной техникой (с возможным применением песчаных каркасов), с внутренней стороны заглаживали травой, торцовой стороной щепки или зубчатым штампом [2].

Теперь, после выделения окуневской культуры [3], два последние типа сосудов нужно считать принадлежащими именно этой культуре. Как было доказано, могилы с такими сосудами, нередко впущенные как в афанасьевские ограды, так и в могилы, являются памятниками окуневской культуры [4].

Афанасьевские яйцевидные и сферические сосуды, а также вазочки-курильницы с ручкой [5] изготовлялись техникой кольцевого налепа, а не спирально-ленточной техникой, как утверждалось ранее. Яйцевидные и сферические сосуды лепились из отдельных кольцевых лент. Ширина, диаметр и количество таких колец-лент зависит от величины сосуда. О способе скрепления отдельных колец свидетельствуют края лент, край венчика и дна. На изделиях, разошедшихся по спаям, верхние края лент [6] и край дна всегда скошены снаружи и внутри (скруглены) (рис. 1, *1*, *2*). Поверхности скосов (там, где глина отслоилась) нередко покрыты косыми насечками (рис. 1, *3*, *4*, *5*). Нижние края венчика и лент представляют собой желобок (рис. 1, *6*), т. е. при изготовлении сосуда верхняя лента насаживалась на нижнюю, верхний край нижней ленты охватывался нижним краем верхней ленты, отчего в последнем оттискивался желобок. Верхнюю

[1] Большие афанасьевские корчаги включены в тип сферических сосудов. Детские сосуды не учитывались, так как они составляют особую категорию материала и нередко их изготовляли, отступая от традиции.

[2] С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае. МЭ, III, 2, Л., 1927, стр. 70, 71; С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. Ежегодник Гос. Музея им. Н. М. Мартьянова, 6, 2, Минусинск, 1929, стр. 27—30; его же. «Афанасьевские» курганы у сел Сыды и Теси, СА, II, 1937; его же. Древняя история Южной Сибири, М., 1951, стр. 27, 42; Л. Р. Кызласов. Афанасьевские курганы на реках Уйбат и Бюрь. СА, 1962, 2, стр. 122; В. П. Левашева. Афанасьевский могильник Красный Яр в Хакассии. Историко-этнографический сборник. М., 1962, стр. 70; М. Н. Комарова. Погребения Окунева улуса. СА, IX, 1947, стр. 51, 52, рис. 4; А. Н. Липский. Афанасьевские погребения в Хакассии. КСИИМК, XLVII, 1952, стр. 72, 70, рис. 27, *2—5*; его же. Афанасьевские погребения в низовьях рек Еси и Тёи (Хакассия). КСИИМК, 54, 1954, стр. 90, 92, рис. 37, *1*, *2*.

[3] М. П. Грязнов. Археологические раскопки на Енисее (пятый сезон работ Красноярской экспедиции 1963 г.). Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1963 г. М., 1964; Г. А. Максименков. Окуневская культура. Древняя Сибирь (макет I тома «Истории Сибири»). Улан-Удэ, 1964; его же. Новые данные об эпохе бронзы в Минусинской котловине. КСИА АН СССР, 101, 1964; его же. Окуневская культура в Южной Сибири. Сб. «Новое в советской археологии». МИА, 130, М., 1965; М. П. Грязнов. Работы Красноярской экспедиции. КСИА АН СССР, 100, 1965, стр. 64—66.

[4] Г. А. Максименков. Впускные могилы окуневского этапа в афанасьевских курганах. СА, 1965, 4; Л. А. Иванова. О происхождении брахикранного компонента в составе населения афанасьевской культуры. СЭ, 1966, 3; ее же. Некоторые проблемы изучения афанасьевской культуры. Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы ЛОИЭ АН СССР за 1966 г. Л., 1967.

[5] Автором учтена керамика следующих афанасьевских и окуневских могильников: Сыда, Тесь I, Тесь II, Красный Яр, Бельтыры, Тас-хазаа Есинская МТС, Сагай, Верхний Аскиз, Аскиз, Уйбат-Хулган, Бюрь, Моисеиха, Окунев улус. Сердечно благодарю М. П. Грязнова и Г. А. Максименкова за возможность ознакомления с керамикой из могильников Подсуханиха, Карасук III, Черновая VI и VIII.

[6] Верхним краем ленты называется здесь и далее тот, который на готовом изделии обращен к верху, к венчику.

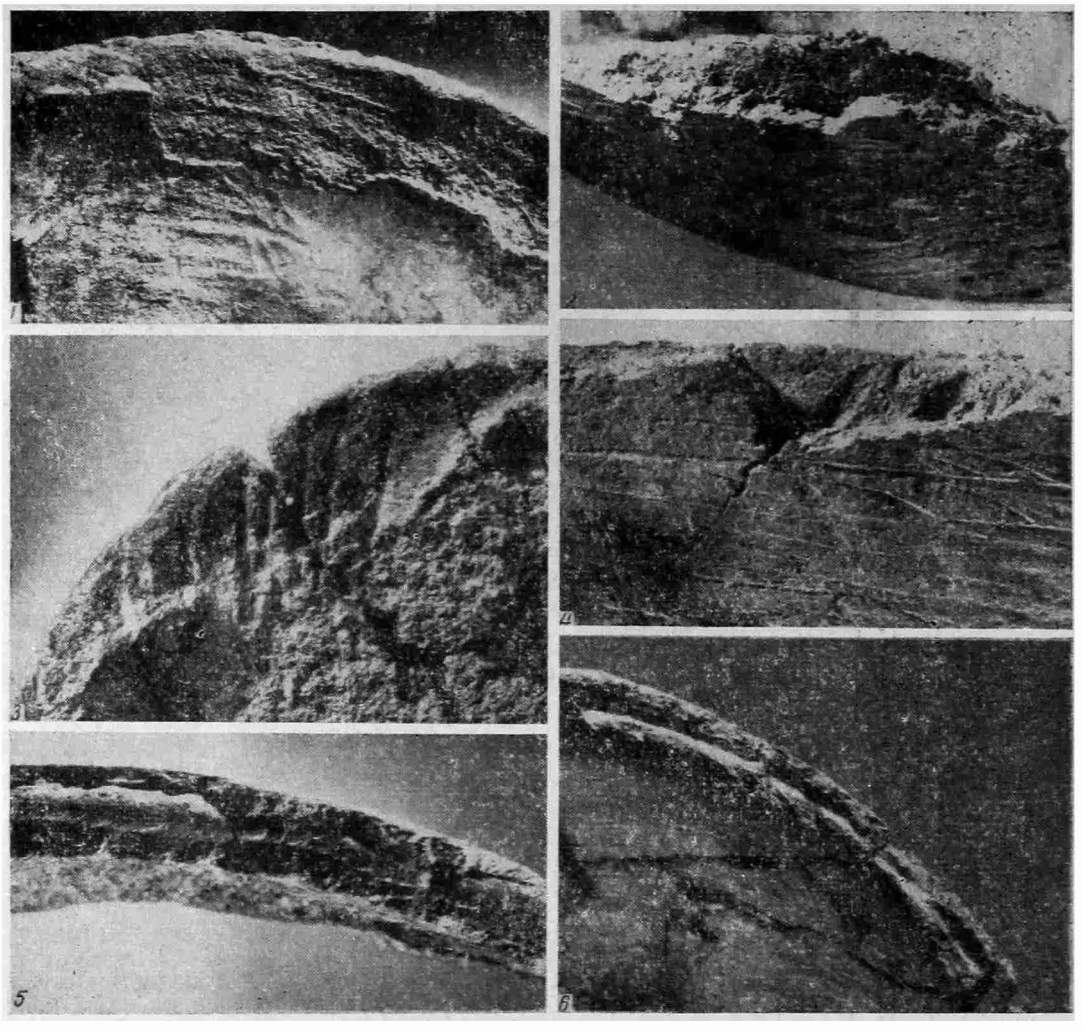


Рис. 1. Афанасьевская керамика

1 — внутренний скос верхнего края кольца сосуда; *2* — внешний скос верхнего края кольца сосуда; *3* — насечки на внутреннем скосе верхнего края кольца сосуда; *4* — насечки на внешнем скосе верхнего края кольца сосуда; *5* — вид сверху на скосы верхнего края кольца сосуда; *6* — желобок в нижнем крае кольца сосуда. Стеночки обломаны

ленту оттягивали вниз с внешней и внутренней стороны и сдавливали пальцами по всей окружности. От этого в местах соединения двух кольцевых лент на внутренней поверхности сосуда прослеживаются вмятины от пальцев (рис. 2, *1*) [7].

Техника кольцевого налепа известна на территории СССР и в настоящее время [8]. Перечисленные выше ее особенности фиксировали многие исследователи [9].

---

[7] Эти вмятины на внутренней поверхности сосуда, если они не уничтожены последующими операциями по его изготовлению, служат прекрасным средством определения кольцевого или спирального налепа: при последнем они располагаются по спирали, повторяясь через небольшие промежутки и создавая как бы волнообразную внутреннюю поверхность (на внешней поверхности следы лепки обычно уничтожаются совершенно); при кольцевом налепе они охватывают внутреннюю поверхность горизонтально по окружности сосуда, повторяясь по вертикали через промежутки, равные ширине кольца-ленты.

[8] Д. К. Зеленин. Примитивная техника гончарства «налепом» в Восточной Европе. «Этнография», 1927, I; Г. С. Маслова. Гончарство русского населения в Восточной Сибири, КСИЭ, XXXVII, 1962; Л. С. Китицына. Примитивные формы гончарства Костромской области. СА, 1964, 3.

[9] Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии. Тр ИЭ, нов. сер. XLII, М., 1959, стр. 37, 38, рис. 9, *1*, *2*; Я. В. Станкевич. Керамика нижнего гори-

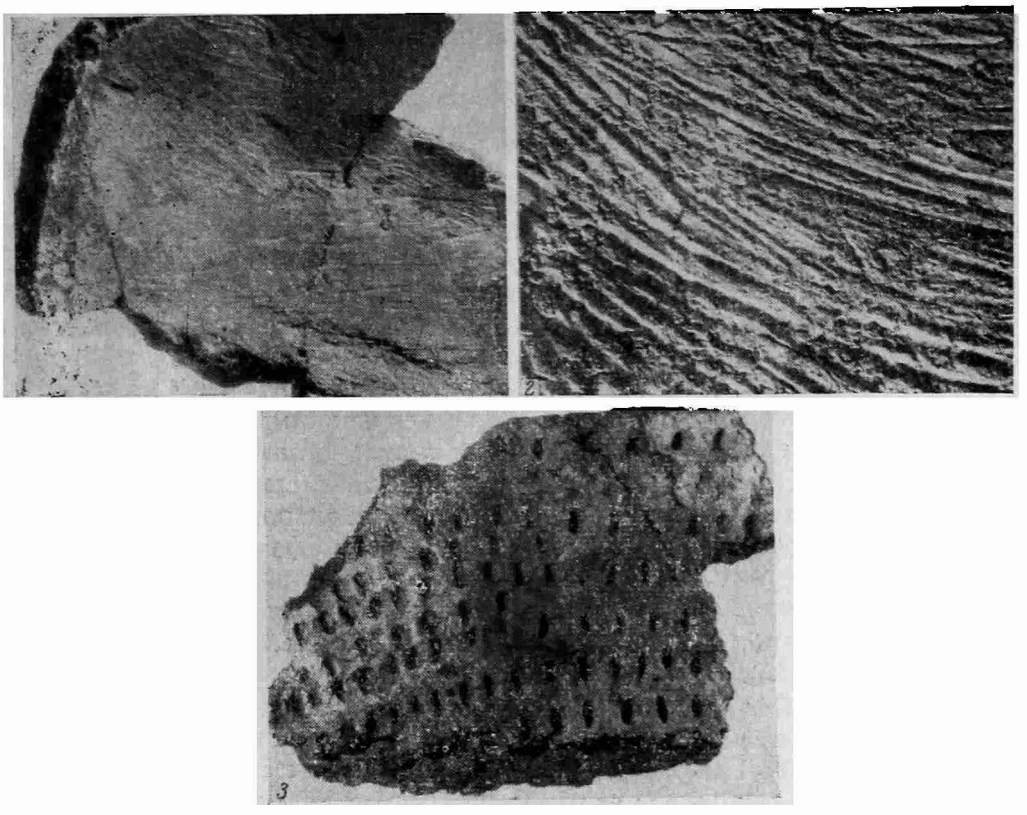


Рис. 2. Фрагменты афанасьевской и окуневской керамики

1 — вид ленты с внутренней стороны сосуда; *2* — следы сглаживания на внутренней поверхности сосуда; *3* — скос нижнего края ленты баночного сосуда

О последовательности соединения колец-лент сосуда можно сказать следующее. Сначала «собирали» тулово сосуда из отдельных кольцевых лент. Причем лепку производили на нижней части тулова. Это доказывается способом насадки лент, так как если бы лепка производилась с самого начала на верхней части тулова или на венчике, мы имели бы обратное расположение желобков (негативов) и скругленных краев (позитивов) на кольцевых лентах. Иногда эту центральную часть тулова после подсушки прорабатывали выбивкой [10]. В предпоследнюю очередь насаживали ленту для венчика и оформляли его. Видимо, после этого сосуд подсыхал, стоя уже на венчике, о чем говорит часто встречаемый прямой верхний край его. В последнюю очередь приклепляли готовое дно (коническое у яйцевидных и неглубокую миску у сферических). Об этом свидетельствует наиболее часто встречаемый разлом по спаю дна с туловом [11].

Стенки сосуда сглаживали, покрывали толстым слоем ангоба и еще раз сглаживали. От этого на его поверхности оставались углубленные параллельные бороздки различной длины, пересекаемые другими такими же бороздками. В редких случаях можно наблюдать четкую последовательность в их расположении: они идут по стенкам сосуда параллельно венчику до самого дна (рис. 2, *2*). Нельзя согласиться, что сглаживание поверхности производилось травой или щепкой. Очевидно, был прав С. В. Ки-

---

зонта Старой Ладоги. СА, XIV, 1950, стр. 210; А. А. Бобринский. К изучению техники гончарного ремесла на территории Смоленской области, СЭ, 1962, 2, стр. 45, 46, рис. 6, *1*, *2*.; П. М. Кожин. О технике выделки фатьяновской керамики. КСИА АН СССР, 101, 1964, стр. 57. М. Н. Комарова. Томский могильник, памятник истории древних племен Лесной полосы Западной Сибири. МИА, 24, 1952, стр. 29, рис. 16, *3*.

[10] На это автору указал П. М. Кожин.

[11] П. М. Кожин. Ук. соч., стр. 55, 56.

селев, когда писал, что сглаживали зубчатым штампом [12], смачиваемым водой.

Цвет сосуда зависит от характера обжига. Цвет афанасьевских яйцевидных и сферических сосудов довольно устойчив на всей территории их распространения. Поверхности сосуда красновато-желтого цвета с отдельными темными пятнами. В изломе черепок черно-бурый. По мнению специалистов, такой цвет свидетельствует об окислительном обжиге посуды [13].

Последняя категория афанасьевской керамики — вазочки-курильницы. Они представляют собой круглую чашечку на поддоне. Снаружи чашечки имеются одна или две горизонтальные ручки с вертикальными отверстиями. Они также изготовлялись техникой кольцевого налепа. На поверхности нередко сквозь следы заглаживания удается проследить вмятины от пальцев, опоясывающие чашечку по кругу несколькими горизонтальными рядами. Ручки делали отдельно из куска глины и затем прикрепляли стенке сосуда. Обе поверхности сосудов такого типа сглаживали. Цвет сосудов красновато-желтый, что говорит об окислительном обжиге. Следует указать, что в качестве основной примеси к тесту афанасьевских сосудов добавляли, по-видимому, толченую керамику. Внешняя поверхность сосудов всех трех типов орнаментирована. Орнамент наносился палочкой или зубчатым штампом, оттиск которого имел овальный или каплевидный контур. Зубчики штампа были овальной или круглой формы.

Окуневские сосуды изготовляли из узких лент-жгутов. Верхние края ленты баночных сосудов всегда скошены внутрь, нижние края ленты — всегда наружу (рис. 2, *3*). Сосуды эти лепились со дна: на заготовленную лепешку (иногда с приподнятыми краями) ставили цилиндрическую заготовку, накладывая ленту по кольцу. Формовку производили способом «наковальни и лопатки»: прослеживаются характерные небольшие уплощения на внешней поверхности сосудов, края лент сильно вытянуты и волнисты. Поверхности замывали водой. Верхние слои глины растворялись в воде, обволакивая тонким слоем выступающие частицы примесей. Нередко на такой поверхности видны длинные очень тонкие штрихи (иногда идущие параллельно), прочерченные твердыми мелкими примесями на поверхности сосуда при замывке. В тесте сосуда примесь песка и слюды. Орнамент наносили палочкой или зубчатым штампом, оттиск которого имеем в основном прямоугольный абрис, а зубчики штампа дают квадратный или прямоугольный оттиск. Цвет сосудов этой культуры серый, черный, иногда коричневый, что можно считать признаком восстановительного обжига.

Изложенные наблюдения дают возможность прийти к выводу о коренных различиях керамических традиций афанасьевской и окуневской культур, что подтверждает еще раз правомерность выделения окуневской культуры и этническую разнородность двух названных культур. Следует подчеркнуть, что приведенные наблюдения над техникой изготовления посуды этих культур отражают эту технику лишь в общем виде, в наиболее характерных чертах, не учитывая локальных особенностей изготовления посуды ни проявления влияний и заимствований других керамических традиций и двух названных традиций друг на друга. Последнее имело место, и это становится все более и более очевидным. Хотя это выходит за рамки заметки, необходимо подчеркнуть, что следы поверхностной выбивки иногда встречаются на афанасьевских сосудах хотя выбивка и чужда афанасьевской традиции. Отмечается удивительное сходство афанасьевской и окуневских курильниц (неизмеримо большее, чем афанасьевских и катакомбных), которое нельзя объяснить конвергентным возникновением и параллельным развитием.

[12] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 27.

[13] А. И. Августинник. К вопросу о методике исследования древней керамики. КСИИМК, 64, 1956; А. Лукас Материалы и ремесленные производства древнего Египта. М., 1958, гл. XI и XV.

С. А. ЕСАЯН

АМУЛЕТЫ, СВЯЗАННЫЕ С КУЛЬТОМ СОЛНЦА ИЗ АРМЕНИИ

Культ неба и солнца, связанный с плодородием, был широко распространен в ряде стран древности. Об этом говорят находимые там многочисленные изображения солярных знаков. Они есть на египетских, ассирийских, урартских изделиях. Так, изображение креста, одного из распространенных знаков, обозначающих солнце, было найдено на груди фараона Аменемхета III (1800 г. до н. э.) и жреца бога солнца Амона. Крест на груди носил и ассирийский царь Шамши Адад (824—812 гг. до н. э.) [1]. Крест изображен на груди бронзовой статуэтки урартской богини Арубани — супруги бога неба Халди [2] верховного существа урартского пантеона.

Такое широкое распространение солярных знаков не могло пройти мимо исследователей, и уже с прошлого столетия со времени исследований Г. Гедоза, а затем и многих других археологов накопилась огромная литература, посвященная культу солнца. Религиозную символику указанных знаков по материалам Европы детально изучил Дешелет [3].

Развивая мысли Дешелета, А. А. Миллер, в основном на материале Кавказа, указывает, что распространенной и простейшей формой солярного знака является круг с вписанным крестом, а также свастика. Этого мнения придерживается и Б. Б. Пиотровский, который, анализируя те же материалы, в частности изображение на бронзовом поясе из Калакента [4], пишет: «В средней части пояса помещены фигуры бегущих хищников и козлов, причем над хищниками изображена свастика, символизирующая солнце — верхнее небо, а над козлами змея, т. е. вода — нижнее небо» [5]. Эти знаки, а также спираль, звезды и много других можно считать за изображение солнца, с тем большей вероятностью, что из Джемдет-Насра известен сосуд с изображенной на нем звездою — шумерской идеограммой, служившей для обозначения божества [6].

Мнение А. А. Миллера о том, что знаком солнца являются крест или свастика, обычно вписанные в круг, вполне справедливо. Если сам крест или свастика изображают просто солнце, то вписанные в круг они подчеркивают непрерывность движения солнца по небесному своду [7], в виде бегущего колесика с вписанным кругом.

Ныне из раскопок в Армении накопился большой материал, состоящий из предметов вооружения, керамики, украшений и особенно амулетов, связанных с солярным культом и пока не вошедший в обиход исследователей.

В заметке рассматриваются только два вида солярных знаков — крест и свастика. Выбор их обусловлен как смысловой идентичностью указанных знаков, так и тем, что на многих предметах крест и свастика часто встречаются одновременно, в то время как прочие знаки изображаются обычно раздельно.

Изображения крестов и свастики многочисленны на древней керамике XVI—VI вв. до н. э. Сейчас можно насчитать несколько десятков сосудов из Лчашена, Севана, Артика, Кировакана, Ворнака, Редкина лагеря и других мест Армении с такими знаками. Обычны изображения этих зна-

[1] А. А. Нейхард. Происхождение креста. М., 1956, стр. 5.

[2] Б. Б. Пиотровский. Искусство Урарту. VIII—VI вв. до н. э. Л., 1962, стр. 82; его же. Ванское царство. М., 1959, стр. 224.

[3] J. Déchelette. Manuel d'archéologie préhistorique celtique et gallo-romaine. II, Paris, 1910.

[4] А. А. Ивановский. По Закавказью. МАК. VI. М., 1911, стр. 159.

[5] Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 93.

[6] Гордон Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 209.

[7] Б. А. Рыбаков. Космогония и мифология земледельцев энеолита. СА, 1965, № 1, стр. 42.

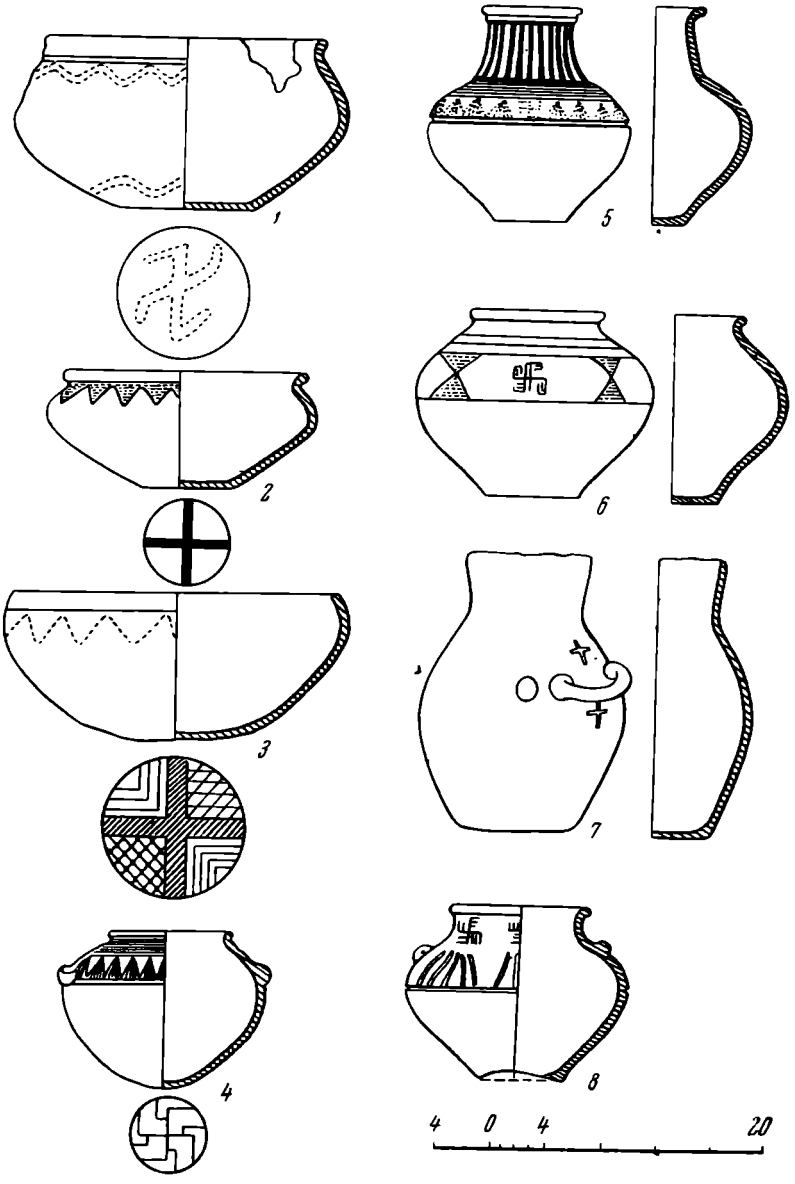


Рис. 1. Сосуды с изображениями креста и свастики

1—3 — Лчашен; *4—5* — Артик; *6* — Кировакан; *7* — Севан; *8* — беспаспортный сосуд из Армении

ков на дне чаш из Лчашена (рис. 1, *1—3*) [8]. На керамике Артика свастика встречается как на дне, так и в орнаментальном поясе на тулове (рис. 1, *4—5*) [9], как и на более поздних сосудах из Редкина лагеря. Свастика представлена и на кувшине из Кировакана (рис. 1, *6*) [10], и на беспаспортном сосуде из Гос. Музея Армении (рис. 1, *8*). Налепные кресты встречены только один раз — на небольшой красной маслобойке из Севана (рис. 1, *7*)

Но в более поздней керамике знаки креста и свастики чаще всего встречаются на дне сосудов.

Знаки свастики и креста отмечены и на оружии. Так, на обухе секиры из Артика (XIII—XII вв. до н. э.) имеются треугольные прорезы и изо-

[8] Раскопки А. О. Мнацаканяна. Гос. музей Армении, инв. № 2009/249, 2273/211—212.

[9] Т. С. Хачатрян. Материальная культура древнего Артика. Ереван, 1963, табл. 27, 29.

[10] Раскопки Э. В. Ханзатян. Гос. музей Армении инв № 2172/1

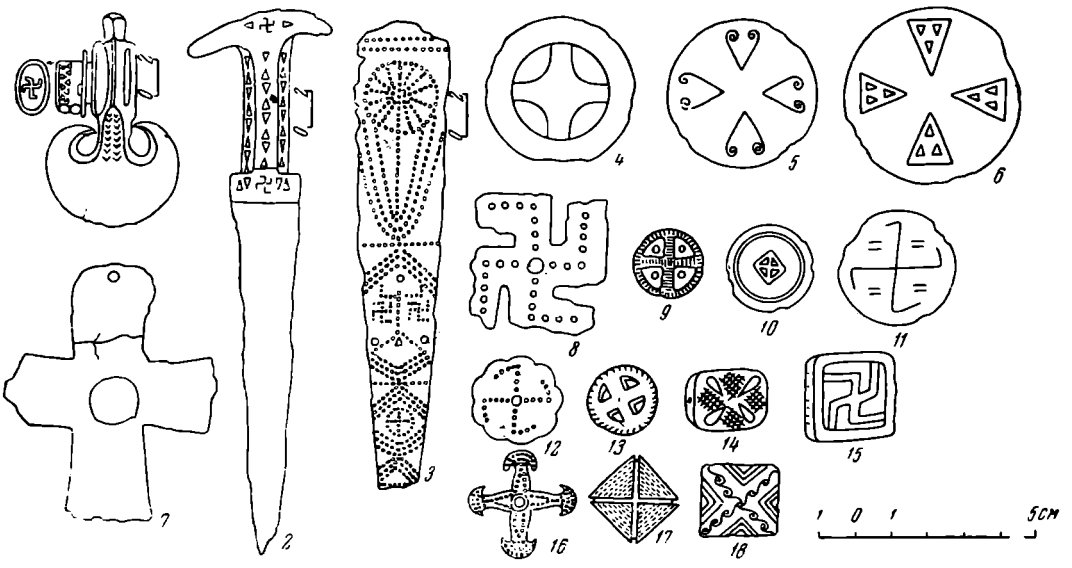


Рис. 2. Изображения солярных знаков на оружии и нашивных бляхах, булавках и бусах.

1, 10, 13 — Артик; *2, 5* — Куйбышевка; *3* — Акнер; *4* — Айриванка; *6—7* — Кирга; *8* — Загалу; *9—15* — Лчашен, Шейтан-Даг; *12* — Ахтали; *14* — Кахси; *16, 17* — Мусиери; *18* — Геташен

бражение свастики (рис. 2, *1*). Такие же треугольные прорезы и изображения свастики есть на бронзовой рукояти железного кинжала из Куйбышева (бывш. Джархеч), относящегося к началу I тысячелетия до н. э. (рис. 2, *2*) [11].

Изображения свастик и креста имеются на бронзовых ножнах железного кинжала из Акнера (VII—VI вв. до н. э.) [12]. Здесь в центре композиции, состоящей из кругов, представлена схематически изображенная, повидимому, человеческая фигура с приподнятыми руками и широко расставленными ногами (по всей вероятности, произносящего заклинание). По обе стороны ее — изображение свастики, а чуть ниже — креста, вписанного в круг (рис. 2, *3*).

Изображения крестов и шестиугольной звезды часто встречаются на бронзовых набалдашниках рукоятей мечей и кинжалов бронзового века и начала эпохи железа (Лчашен, Айриванк, Норадуз и др.).

К предметам вооружения можно отнести и бронзовые бляшки, которые в большом числе пришивались к рубахам и служили не только украшением, но и защитным снаряжением. Подобные бляшки с вписанным крестом известны из Артика, Айриванка (рис. 2, *4*), Куйбышева (рис. 2, *5*), Кирги (рис. 2, *6*) и других мест. Подобное значение, по всей вероятности, имеют крест из Кирги (рис. 2, *7*) и свастика из Загалу [13] (рис. 2, *8*), изготовленные из листовой бронзы. Перечисленные предметы датируются XIII—XII вв. до н. э.— началом I тысячелетия до н. э.

Вместе с бляшками встречаются пуговицы, но лишь на некоторых из них есть изображения креста. Подобные известны из Лчашена (рис. 2, *9*) и Артика (рис. 2, *10*) (XIV—XII вв. до н. э.).

Характерна и небольшая группа украшений, состоящая из булавок, бус и разделителей. Особенно примечательны навершия булавок из Шейтан-Дага и Ахталы, происходящие из старых раскопок Ж. де Моргана [14]. Шейтан-дагская булавка имеет навершие в виде круга, образованного из

[11] Хранится в Дилижанском краеведческом музее, инв. № 623.

[12] Хранится в Отделе Востока Гос. Эрмитажа, инв. № 16731.

[13] Е. Лалаян. Раскопки курганов в Сов. Армении. Ереван, 1931, стр. 219, рис. 203 (на арм. языке).

[14] J. de Morgan. Mission scientifique au Caucase. I, Paris, 1889, рис. 172—178.

девяти ломаных линий с вписанной свастикой (рис. 2, *11*), в то время как ахталинская имеет форму розетки также с вписанной, но совершенно отличной свастикой (рис. 2, *12*).

Буспны с изображением креста известны только из Артика и Кахсп. Первая из них имеет форму жгута с вписанным крестом (рис. 2, *13*), а вторая — овальную форму, наружные стороны которой украшены лепестковидными выемками, придающими ей форму креста (рис. 2, *14*). В комплексах Лчашена иногда встречаются металлические квадраты со вписанной свастикой и шестью сквозными отверстиями. Они условно называются разделителями бус, так как, по всей вероятности, находились между рядами мелкого бисера (рис. 2, *15*).

Весьма характерны кресты, выполненные в общих композициях поясов и на колеснице из Геташена (бывш. Адиаман).

Из поясов я указываю лишь один, найденный в Мусиери [15], на котором имеются два изображения креста, одно образованное из полулуний (рис. 2, *16*), второе — из равнобедренных треугольников (рис. 2, *17*). Особенно примечателен крест на геташенской колеснице, украшенной бегущей спиралью, которая также является символом солнца, бегущего по небесному своду (рис. 2, *18*) [16].

Весь рассмотренный материал, за исключением лчашенских и артикских изделий, датируемых XIV—XII вв. до н. э., относится к концу II— началу I тысячелетия до н. э.

Более подробно я хочу остановиться на ажурных подвесках, украшенных знаками солнца. Вся эта символика встречается на отдельных предметах, получивших форму амулетов, обычных не только для Армении, но и в различных, зачастую весьма отдаленных друг от друга, культурах.

При рассмотрении амулетов я хочу произвести их классификацию и датировку каждой группы изделий. Такое подразделение уже в настоящее время позволит выделить некоторые локальные группы, характерные для определенных районов.

Ажурные подвески. Рассматриваемые изделия состоят из ажурных, цельноотлитых прорезных подвесок, делящихся на несколько групп.

Первую группу составляют крупные ажурные подвески, борта которых имеют треугольные прорези и в центре прямоугольный крест. С наружной стороны их находится небольшое прорезное ушко для подвешивания. Происходят они из старых раскопок Е. Лалаяна в Нор-Баязете (рис. 3, *2*) и из Апарана (рис. 3, *1*), попавшие в Исторический музей Армении вместе с коллекциями бывшего Эчмиадзинского музея.

Близка к этой группе массивная подвеска из Головино, имеющая форму зубчатого диска, в центре которого имеется прорезной крест. Она была обнаружена в комплексе с фибулами, трубочками и крупными булавками (VI в. до н. э.) [17].

Во вторую группу входят четыре ажурные подвески с гладкой наружной поверхностью с вписанным крестом. Наружная сторона имеет ушко для подвешивания. Они известны в основном из раскопок Е. Лалаяна в Нор-Баязете [18] (рис. 3, *3*).

Третью группу образуют близкие к вышеприведенным цельноотлитые подвески, отличающиеся тем, что крест образован из кружочков. Подобные подвески известны только из Иджевана (в шести экземплярах). Все они происходят из случайных находок, кроме одной, из комплекса, который датируется VI—V вв. до н. э. [19] (рис. 3, *4*).

---

[15] J. de Morgan. Ук. соч., рис. 172—173.

[16] Е. Лалаян. Ук. соч., стр. 194, рис. 195.

[17] А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 275, рис. 107—108.

[18] Хранятся в Гос. музее Грузии, инв. № 64—05/XIV, *3, 5, 7, 8*.

[19] С. А. Есаян. Археологические находки близ поселка Иджеван. ИАН АрмССР, 4, 1961, стр. 73 сл.

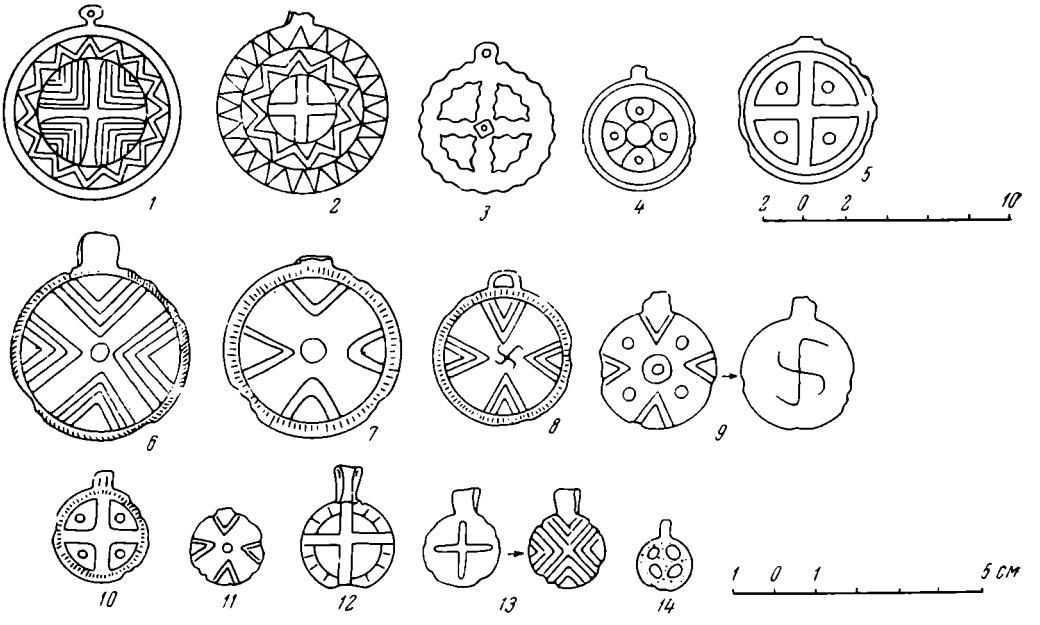


Рис. 3. Подвески с солярными знаками

1 — Апаран; *2, 3, 5* — Н.-Баязет; *4* — Иджеван; *6* — Тушанян; *7* — Редкин лагерь; *8, 10* — Джахерча; *9, 11—13* — Кировакан; *14* — Шайтан-Дага

Штампованные подвески. Эта группа представлена одним экземпляром. Он изготовлен из тонкой листовой бронзы, в центре выбит прямоугольный крест, между сторонами которого помещены по одному кружочку (рис. 3, *5*). Происходит из раскопок Е. Лалаяна в Баязете.

Цельноотлитые медальоны (амулеты). Рассматриваемую группу образуют цельноотлитые сплошные подвески, которые я условно называю амулетами, так как они небольших размеров и кресты или свастики на них даны в виде рельефов.

Эти изделия отлиты из сурьмы и по оформлению креста делятся на несколько групп.

Первую группу образуют амулеты, изготовленные по восковым моделям. Крест на них образован из четырех рельефных многорядных треугольников. Происходят они из Туманяна (рис. 3, *6*), Редкина лагеря (рис. 3, *7*), Джархеча (рис. 3, *8*), Кировакана (рис. 3, *9, 10*). Между сторонами и в центре креста, как правило, имеются рельефные кружочки. Особенно интересны медальоны из раскопок Мурье в Джархече, на которых в центре тонкой выпуклой линией вписана свастика [20], и аналогичный медальон происходит из Кировакана, на нем изображена свастика на оборотной стороне [21].

Вторую группу образуют медальоны меньшего размера. Крест здесь, в отличие от предыдущей группы, образован рельефными прямыми линиями, между сторонами которого имеются выпуклые прямоугольные линии или кружочки. Происходят они из раскопок А. А. Бобринского в Редкине лагере (рис. 3, *10*), Мурье в Джархече [22], из находок в Кировакане [23] (рис. 3, *11, 12, 13*). Датировка обеих групп уточняется предметами из указанных комплексов, которые восходят к началу I тысячелетия до н. э. [24].

---

[20] Хранится в Отделе Востока Гос. Эрмитажа, инв. № 17948.
[21] Хранится в Историческом музее Армении, инв. № 1769.
[22] Хранится в Отделе Востока Гос. Эрмитажа, № 17966.
[23] Хранится в Историческом музее Армении, инв. № 1236.
[24] А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа, стр. 193.

К этому же времени относятся медальоны и подвески из раскопок Ж. де Моргана.

Амулеты лорийской группы делятся на три типа.

Первые из них найдены в Шейтан-Даге (4 шт.). По форме они однотипны, отличаясь друг от друга размерами и формой креста. Все они круглые и имеют небольшое ушко для подвешивания. В центре каждой вписан крест, образованный полукруглыми сквозными отверстиями (рис. 3, *14*) [25].

Вторую группу образуют 18 небольших амулетов из Мусиери, относимые Ж. де Морганом к ожерелью с навязанными шаровидными бусами и мелким бисером. Все они имеют форму небольших медальонов с ушком для подвешивания. В центре проходит прямоугольный рельефный крест [26].

Третий тип представлен одним медальоном, происходящим из Шейтан-Дага. Медальон имеет форму круга с небольшим ушком. В центре круга параллельно проходят два горизонтальных стерженька, внутри которых размещены три ромба, соединенные концами друг с другом и напоминающие собой кресты. Поверхность стерженьков и ободка круга покрыта косыми штрихами [27].

Обзор приведенного материала позволяет предположить, что с середины II тысячелетия и до VI—V в. до н. э. в Армении был широко распространен культ солнца, который находит свое отражение в предметах материальной культуры. Несомненно, что этот культ был распространен и до и позже указанного времени, но тогда он не находил такого широкого распространения. Возможность подобного предположения обусловлена наличием изображения крестов, известных с нескольких рисунков Арагаца, относящихся к более раннему периоду [28].

Вместе с тем уже в настоящее время можно выделить локальные группы предметов, которые бытовали в определенных районах. Так, вторая группа подвесок характерна только для Севанского бассейна, а третья, более позднего времени, лишь для Иджевана. В то же время как подвески, так и медальоны характерны для Кироваканского и Дилижанского районов. Близки к последним, хотя и имеют ряд характерных особенностей, подвески из раскопок Ж. де Моргана. Рассмотренный материал позволяет предполагать, что предметы с изображением креста и свастики были характерны для Северной Армении (Севан, Кировакан, Дилижан, Лори) и близких к Севано-Карабахской культуре памятникам Артика и Гегарота.

---

[25] J. de Morgan. Ук. соч., рис. 175.

[26] Там же, рис. 112.

[27] Там же, рис. 176.

[28] Это подтверждается и материалами раскопок Р. Торосяна, памятника близ Эчмиадзина, относящегося к V—IV тысячелетиям до н. э., где на ряде шеек сосудов ногтевым орнаментом нанесен крест.

И. Б. БРАШИНСКИЙ

МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ ОЛЬВИИ

Новые материалы из раскопок античных городов Северного Причерноморья постоянно расширяют и конкретизируют наши представления об экономических связях этого района в различные периоды античной эпохи.

В этой заметке сообщается о нескольких находках последних лет из Ольвии, которые вносят новые штрихи в существующие представления о торговых связях этого города.

1. Наиболее древним фрагментом терракотового архитектурного укра-

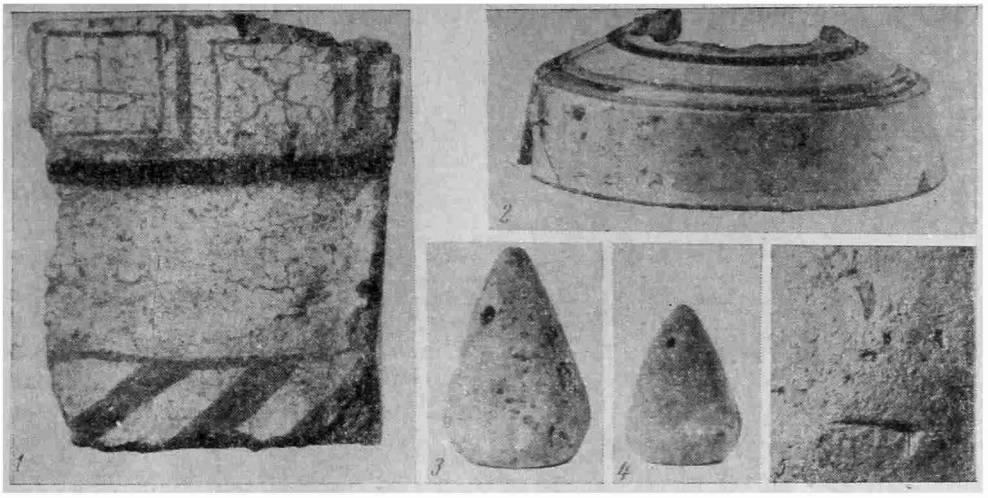


Рис. 1. Импортные предметы из Ольвии

1 — обломок архаической симы; *2* — фрагментированная коринфская подставка; *3—4* — коринфские глиняные конические подвески; *5* — клеймо на коринфской подвеске

шения, найденным в Ольвии, является обломок симы (рис. 1, *1*) [1]. Он не похож на подобного рода изделия из Ольвии. Обломок (правый край симы) имеет высоту 10,5 *см*, сохранившаяся его длина — 9, толщина — 3,5 *см*. Сверху обломан лишь самый угол, где, вероятно, был венчающий выступ. В верхней части симы имеется выступающая на 1,2 *см* полка высотою 3,5 *см*. Снизу, по линии соединения симы с плоскостью, она обломана. Сима была изготовлена отдельно от черепицы и затем, до обжига, присоединена к ней. Таким образом, высота симы вместе с черепицей составляла, вероятно, около 14 *см*. Черепок симы кирпичного цвета с большим количеством красновато-бурых включений шамота и кварцевого песка. Вся поверхность ее покрыта светлой обмазкой, по которой нанесена роспись темно-красной краской. Декор состоит из трех поясов (рис. 2). Нижний пояс, отделенный от среднего узкой линией, украшен чередующимися красными и оставленными в цвете покрытия косыми линиями. Нижняя часть этого пояса покрывала, очевидно, и передний край черепицы. Средний пояс не был орнаментирован. Верхний пояс орнамента украшает полку. Он состоит из меандра, свободные пространства которого заполнены прямоугольниками, из которых одни перекрещены по диагоналям тонкими волнистыми линиями, а другие разделены прямыми линиями на четыре прямоугольные части. Роспись небрежная.

Аналогий росписи нашей симы нам пока найти не удалось. Однако по форме она полностью соответствует симе с афинского акрополя [2] из Элевсина [3] и Эгины [4], где они бесспорно датируются первой половиной VI в. до н. э. Эгинская сима, как и ольвийская, расписана красно-бурой краской по желтоватому покрытию глины [5]. Судя по описанию, эгинские черепицы [6] и ольвийская сима сближаются и составом характерных примесей в глине.

Возможно, эта ольвийская архаическая сима принадлежит эгинскому импорту первой половины VI в. до н. э. Известно, что в Эгине в весьма

---

[1] Найден на раскопе E_9. Инв. № 0/61—2575.

[2] Th. Wiegand. Die archaische Porosarchitektur der Akropolis zu Athen. Cassel und Leipzig, 1904, стр. 184, рис. 192, 193; H. Koch. Studien zu den Campanischen Dachterrakotten. RM, XXX, 1915, стр. 76, рис. 33.

[3] H. Koch. Там же, стр. 78.

[4] A. Furtwängler. Aegina. Das Heiligtum der Aphaia. München, 1906, стр. 145, рис. 119 и табл. 23, *1*; H. Koch. Ук. соч., стр. 81, рис. 37.

[5] A. Furtwängler. Ук. соч., стр. 145.

[6] Там же, стр. 146.

раннее время существовало развитое производство кровельных черепиц [7]. С другой стороны, теперь с большой вероятностью устанавливается существование экономических связей Ольвии с Эгиной во второй половине VI и первой половины V в. до н. э. [8] Связи эти берут начало еще в первой половине VI в. до н. э., в то время, к которому относится ольвийская сима.

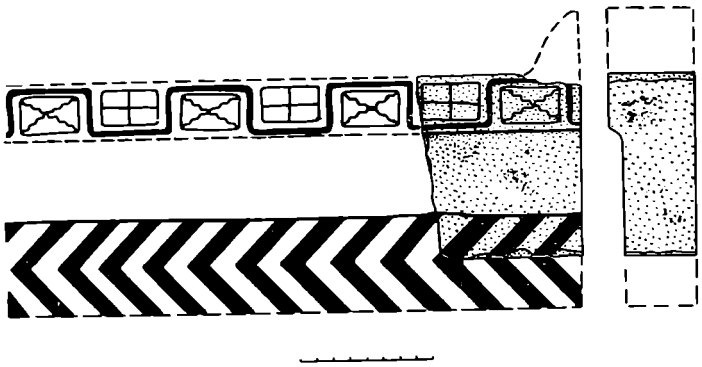


Рис. 2. Реконструкция симы из Ольвии

2. К числу коринфских изделий, найденных в Ольвии, принадлежат обломки массивной круглой подставки, нижнюю часть которой удалось восстановить (рис. 1, *2*) [9]. Нижний диаметр подставки 45 *см*, сохранившаяся высота 15,5, толщина стенок до 2 *см*. Внизу у нее почти отвесные стенки, а в верхней части наклонные. Выше располагался полый внутри (как и сама подставка) цилиндр, от стенок которого (толщиной 1 *см*) сохранились лишь незначительные остатки; поэтому первоначальная высота предмета, как и его полный облик, неизвестны. Подставка покрыта густой обмазкой светло-кремового оттенка, такой же, как коринфские черепицы с спмами. Орнамент ее состоит из трех кольцевых валиков, разделенных желобками, в нижней части наклонных стенок и одного валика — в верхней части у перехода в вертикальную цилиндрическую часть. Последний валик окрашен темно-бурой краской. Такой же краской окрашены и три равных отрезка среднего валика, промежутки между этими окрашенными отрезками оставлены в цвете глины. Остальные два нижних валика сплошь окрашены красной краской. Обращает внимание полная идентичность глины и окраски подставки с коринфскими архитектурными терракотами.

Каково было назначение описанного изделия, с полной уверенностью сказать нельзя. Полную аналогию ему представляет коринфская подставка из Тиритаки [10], которую В. Ф. Гайдукевич считает нижней частью глиняного алтаря [11]. Хотя толкование В. Ф. Гайдукевича представляется убедительным, не исключена возможность и иного назначения рассматриваемого предмета, возможно, в качестве архитектурной детали [12].

Ольвийская подставка датируется совместными находками концом VI — первой половиной V в. до н. э. По всей вероятности, она современна коринфским архитектурным терракотам из Ольвии [13].

[7] G. Welter. Aeginetica XVI. Archaische Ziegelstempel. Arch. Anz., 1938, стр. 485 сл.

[8] И. Б. Брашинский. К вопросу о торговых связях Ольвии с Эгиной в VI—V вв. до н. э. КСИА АН СССР, 95, 1963, стр. 25 сл.

[9] Раскоп E_9, яма № 10, инв. № 0/62—2014; И. Б. Брашинский. Раскопки в районе теменоса Ольвии в 1960—1962 гг. КСИА АН СССР, 103, 1965, стр. 97.

[10] В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, 25, 1952, стр. 79 сл., рис. 99. Диаметр подставки из Тиритаки 38, высота 16 *см*.

[11] Там же, стр. 80 сл. Там же приведен сравнительный материал.

[12] К. Ῥωμαίος. Ὁ κέραμος τοῦ Χαφριαίου τῆς Καλυδῶνος. Ἀρχ. Ἐφ., 76, 1937, стр. 306 сл., рис. 3.

[13] И. Б. Брашинский. Новые архитектурные терракотовые украшения из Ольвии. Сб. «Культура античного мира». М., 1966, стр. 47 сл.

3. За последнее время в Ольвии выявлена еще одна категория коринфского импорта. Это конические подвески различных размеров (высотой 6,2—9,5 *см*), тщательно изготовленные из характерной коринфской глины (рис. 1, *3*, *4*) [14]. В Коринфе подобные подвески найдены в большом числе, что позволило классифицировать их хронологически, начиная с VIII в. до н. э. [15] Нередко они имеют различные клейма: оттиски гемм, монограммы, сокращения слов или имен [16]. Основная функция этих подвесок служить грузиками на ткацком станке не вызывает сомнений. Подобные изделия обычно не служили предметом торговли между греческими городами. Однако коринфские конические подвески найдены в различных местах за пределами центра их производства: в Афинах, Дельфах, Малой Азии [17], а теперь и в Северном Причерноморье [18]. В Афинах они даже служили образцом для имитации [19]. Трудно предположить, что эти подвески импортировались в Афины или Ольвию для использования их на ткацком станке. Очевидно, здесь они выполняли иную функцию. Как сказано, часть коринфских подвесок снабжена клеймами. Среди них большая группа имеет клейма Μελις (Μελι), Γλυκ и др. Издательница клейм считает их сокращениями женских имен Γλυκέρα Μέλισσα и полагает, что хозяева мастерских, изготовлявших подвески, давали своей продукции названия женских имен подобно тому, как это и теперь нередко имеет место [20], преследуя этим, очевидно, какие-то рекламные цели. Но такое толкование едва ли может быть безоговорочно принято. Обращает внимание то, что среди описываемых подвесок, найденных за пределами Коринфа, особенно часты подвески с клеймами Γλυκ и Μελις [21]. Может быть, правильнее было бы толковать эти клейма как сокращения слов основного значения — γλυκύς (сладкий) или его производные и μελι, μέλισσα — мед. В таком случае подвески с соответствующими клеймами (а также и без оных) следовало бы рассматривать как предметы вотивного назначения.

О том, что Коринф специализировался на изготовлении подобной продукции, свидетельствуют хорошо известные миниатюрные сосуды (скифосы и т. д.), несомненно вотивные, широко представленные и среди находок в северочерноморских городах.

На одной из коринфских подвесок из Ольвии (0/64—2536) также имеется плохо оттиснутое клеймо Γλυκ, над которым виден остаток второго клейма — оттиска геммы с изображением подобной же подвески (рис. 1, *5*) [22]. В самом Коринфе подвески с клеймом Γλυκ известны в единичных экземплярах, между тем как за его пределами, особенно в Афинах, они найдены во множестве. Это вызвало предположение, что в остальные районы они проникали через посредство Афин [23]. Как бы то ни было, нам представляется несомненным, что вне Коринфа эти подвески служили вотивными предметами.

Согласно детально разработанной хронологии (по профилям) коринфских конических подвесок [24], ольвийские находки относятся к IX—XI группам, которые датируются 350—250 гг. до н. э. Эту дату (вторая половина

---

[14] Инв. 0/64—2536, 2599 и др.

[15] Gladis R. Davidson. The Minor Objects. Corinth, XII, Cambridge — Massachusets, 1952. стр. 146 сл., табл. 74—76; A. N. Stillwell. The Potters'Quarter. The Terracottas. Corinth, XV, 2, 1952, стр. 258 сл.

[16] Там же.

[17] Corinth, XII, стр. 185 сл.

[18] Помимо Ольвии, подобная коринфская подвеска с клеймом недавно обнаружена в Мирмекии.

[19] Одна из ольвийских конических подвесок (0/64—2589) резко отличается от остальных по составу глины, которая очень напоминает аттическую.

[20] Corinth, XII, стр. 156.

[21] Corinth, XII, стр. 185 сл.

[22] Там же, стр. 159, № 1153, 1176.

[23] Там же, стр. 160.

[24] Там же, стр. 149, рис. 23.

IV в. до н. э.) подтверждает и весь остальной материал из слоя, который содержал подвески. Наличие в Ольвии коринфских изделий второй половины IV в. до н. э. представляет большой интерес, поскольку до сих пор экономические связи Северного Причерноморья с Коринфом констатировались археологическим материалом лишь архаического времени.

В настоящее время эти связи с Коринфом вырисовываются все более отчетливо. С одной стороны, выясняется значительный импорт коринфской расписной керамики с середины VI в. до н. э., а также поступление ее в довольно заметном количестве (особенно на Березань) еще в последней четверти VII — первой четверти VI в. до н. э.[25] С другой стороны, выявлен импорт коринфских амфор[26], толстостенной керамики[27], кровельной черепицы и терракотовых архитектурных украшений[28]. К этим категориям коринфского импорта прибавляются теперь найденные в разных местах (Ольвия, Тиритака) керамические подставки, которые с большой долей вероятности могут быть отнесены к предметам, связанным с отправлением культа. К подобного же рода продукции, очевидно, должны быть причислены и коринфские конические подвески и, несомненно, миниатюрные вотивные сосуды. Все это показывает, что одной из существенных статей коринфского импорта в Ольвию, как и в Северное Причерноморье вообще, были керамические изделия культового назначения. Правда, судя по тем данным, которыми мы сейчас располагаем, массового ввоза из Коринфа в Причерноморье не было, но экономические связи с этим высокоразвитым центром, как видно, поддерживались регулярно в течение весьма длительного времени — с VII по IV в. до н. э.; к тому же коринфский импорт был весьма разнообразным.

[25] С. П. Борисковская. Расписная керамика архаического Коринфа, ее художественное и историческое значение. Автореф. канд. дис., Л., 1966, стр. 18.

[26] И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, 83, 1960, стр. 17, 71 и табл. 1, 5. Подобные амфоры известны и в Ольвии, а в последнее время найдены на Елизаветовском городище на Дону.

[27] И. Б. Зеест, И. Д. Марченко. Некоторые типы толстостенной керамики из Пантикапея. МИА, 103, 1962, стр. 153 сл.

[28] И. Б. Брашинский. Новые архитектурные терракотовые украшения из Ольвии. Сб. «Культура античного мира», стр. 47 сл.

И. С. КАМЕНЕЦКИЙ

НОВЫЙ МЕОТСКИЙ МОГИЛЬНИК В ПРИАЗОВЬЕ

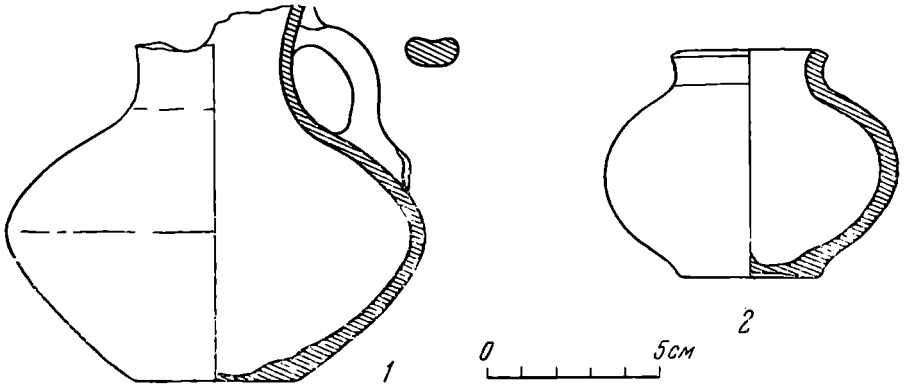
Между известиями древних авторов и результатами археологических исследований существует некоторое несоответствие. Первые единодушно расселяют меотов на восточном побережье Азовского моря, а основная масса известных и исследованных памятников находится по течению Кубани и ее притоков. Поэтому открытие каждого нового пункта в Приазовье представляет значительный интерес.

В 1965 г. в Институт археологии АН СССР поступило письмо ученика Гриши Крикуна о находке двух погребений на хут. Бельчанском Тимошевского района Краснодарского края. Позже я получил описание найденных погребений и два сосуда, составлявших их инвентарь[1].

Хутор расположен на берегу р. Салы, впадающей в р. Понуру. Первое погребение было обнаружено при рытье ямы около здания школы, на глубине 1,4 *м*. Погребенный лежал на спине, головой на восток. Позвоночник изогнут так, что раздвинутые ноги оказались лежащими на северо-запад. Левая рука вытянута и, по-видимому, несколько отведена от туловища. Правая рука согнута в локте и кистью положена на грудь. По сло-

[1] Пользуюсь случаем поблагодарить Г. Крикуна за присланные сведения и материалы.

вам Г. Крикуна, «вокруг скелета была чуть посветлевшая почва», что дает основание предполагать наличие подстилки или подсыпки. Справа от головы лежал кувшинчик, вокруг которого «был хорошо заметный красноватый слой почвы». Кувшинчик (рис. 1, *1*) изготовлен на гончарном круге из светло-серой глины с примесью мелких серебристых блесток. Поверхность лощеная, более темная, чем в изломе. У сосуда биконическое тулово, плоское дно, невысокое, несколько расширяющееся кверху горло и под-



Серолощеные сосуды из погребений Бельчанского могильника

прямоугольная в сечении ручка со слабо выраженным желобком сверху. Венчик отбит, и излом носит следы стачивания.

Второе погребение обнаружено в стенке водопроводной траншеи на глубине 1 *м* приблизительно в 400 *м* к западу от первого. Погребение было расчищено неполностью — «от головы до пояса». Положение на спине, головой на СЗЗ, левая рука вытянута, кисть правой — на груди. Справа от черепа стоял небольшой горшочек. Изготовлен он (рис. 1, *2*) на гончарном круге из темно-серой глины со значительной примесью, по-видимому, кварца. В нескольких местах на поверхности сосуда видны крупные (до 5 × 3 *мм*) включения мергеля. Поверхность небрежно подлощена. Тулово округло-уплощенное на глухом поддоне, дно несколько вогнуто. Горло низкое, вертикальное, край скошен наружу и образует небольшой остроребериый выступ.

Описание погребений может быть не совсем точным, так как составлялось по памяти. Однако можно полагать, что в целом оно близко к истине. Представленный обряд захоронения — ориентировки, положение скелетов — хорошо известен у меотов Прикубанья. Несколько необычна поза первого погребения, но «изогнутые» костяки изредка встречаются — это результат перемещения до перегнивания связок.

Приблизительная дата определяется по сосудам. Формы их хорошо известны и имеют многочисленные аналогии в материалах Прикубанья и Нижнего Дона. Представлены они и в погребениях сармат, с которыми меоты имели прочные торговые связи. Биконическое тулово кувшинчика, отсутствие кольцевых поддонов, характер оформления корня ручки указывают на первые века нашей эры.

Территория Приазовья между Кубанью на юге и р. Кирпили на севере по существу не исследована. Здесь известны два могильника IV—III вв. до н. э.: у ст. Красноармейской, где при земляных работах в 1938 и 1940 гг. было разрушено несколько погребений, и у хут. Зеленского, где также при земляных работах в 1947—1949 гг. встречены погребения, а в 1949 г. одно доследовано Н. В. Анфимовым[2]. Более поздних памятников

[2] Н. В. Анфимов. Новые материалы по меото-сарматской культуре Прикубанья. КСИИМК, XLVI, 1952; его же. Клад пантикапейских монет из станицы Старо-Нижне-Стеблиевской. КСИИМК, XXIV, 1949; его же. Отчет об археологических разведках на Кубани, проведенных Краснодарским музеем в 1949—1950 гг. Архив ИА. Р-1, д. 485.

мы не знаем. Отметим, что и могильники по р. Кирпили — у городища «Черепяный редант», № 1 и 2 у ст. Ново-Джералиевской — также исследованы плохо: мы располагаем лишь случайными находками и тремя доследованными М. В. Покровским и Н. В. Анфимовым погребениями из могильника № 1 у ст. Ново-Джералиевской [3]. Два новых погребения существенно увеличивают известные нам материалы по погребальному обряду меотов Приазовья, а местоположение Бельчанского могильника дает возможность более уверенно говорить о восточной границе расселения меотов в этом районе.

[3] М. В. Покровский. Городища и могильники среднего Прикубанья. Тр. Краснодарского ГПИ. VI, 1. Краснодар. 1937; Н. В. Анфимов. Меотские поселения Восточного Приазовья. КСИИМК, XXXIV, 1950.

Г. А. КОШЕЛЕНКО

СЕРЕБРЯНАЯ «ВАЗА С ДИОСКУРАМИ»

В одном из номеров Бюллетеня Метрополитэн музея П. О. Харпер была опубликована серебряная позолоченная ваза [1]. На вазе изображены статуи Диоскуров с их крылатыми конями. Герои изображены обнаженными, видны только заброшенные на плечи плащи. Они стоят повернутыми в три четверти, одной рукой опираясь на копья, в другой каждый из них держит узду своего коня. Кони наклонили вниз головы, крылья же их высоко подняты вверх. Между конями (над их головами) изображена фигурка сидящего по-восточному, скрестив ноги, человека с музыкальным инструментом типа мандолины в руках. Ниже героев видно погрудное изображение женщины, выступающее из-за гирлянды аканфовых листьев. Двумя руками она поддерживает у себя на плечах большой сосуд.

Автор публикации сообщает, что сосуд происходит, возможно, из Гиляна.

П. Харпер считает вазу сасанидской, датирует ее IV—V вв., отмечая в то же время уникальность подобного сюжета в сасанидской торевтике, считая его результатом сильного западного влияния.

Но именно уникальность сюжета заставляет нас усомниться в дате этого сосуда. Действительно, трудно найти какую-либо достаточно близкую параллель в сасанидском искусстве.

Невозможность исследовать сосуд de visu заставляет отказаться от наблюдений технического порядка, да и автор отмечает, что подобная техника известна со II тысячелетия до н. э. [2] Поэтому важнейшими являются в таких условиях наблюдения над сюжетом и истолкованием его.

Иконографически сюжет с Диоскурами очень трудно связать с сасанидским искусством. Среди памятников, относимых к сасанидским, можно указать только на гемму, хранящуюся в Эрмитаже, на которой изображены два всадника, возможно Диоскуры [3]. Однако эта гемма выполнена в технике так называемой «штриховой резьбы», которую все-таки, несмотря на возражения В. Г. Луконина [4], можно считать характерной для парфянского времени [5] (конечно, не ограничивая районов использования этой техники только парфянской державой). П. О. Харпер для истолкования этой сцены считает возможным говорить, что греческие Диоскуры в глазах иранцев времени Сасанидов могли ассоциироваться с небесными двой-

[1] P. O. Harper. The Heavenly Twins. The Metropolitan Museum of Art Bulletin, January, 1965, стр. 186—195.

[2] Там же, стр. 189.

[3] А. Я. Борисов, В. Г. Луконин. Сасанидские геммы. М.— Л., 1963, № 126.

[4] А. Я. Борисов, В. Г. Луконин. Ук. соч., стр. 48.

[5] А. Я. Пугаченкова. Геммы из Мерва. ИАН ТуркмССР, 1954, 3.

никами Ашвинами. Однако надо иметь в виду, что свойственное всем индоевропейским народам и наверняка существовавшее в эпоху индо-иранской общности почитание божеств-близнецов типа индийских Ашвинов и греческих Диоскуров [6] можно обнаружить и в иранских религиозных системах, но с гораздо большим трудом, чем где бы то ни было [7]. Здесь мифы этого круга не нашли широкой популярности. Это заставляет нас думать, что проникновение Диоскуров на восток связано с походами Александра Македонского и широким распространением здесь эллинских религиозных воззрений в эпоху Селевкидов, Греко-Бактрии и Парфии.

«Ваза с диоскурами»

В это время культ Диоскуров уже сливался с культом самофракийских Кабиров [8], и они почитались как «великие боги Кабиры — Диоскуры». Имеются прямые свидетельства о том, что введение культа Кабиров на востоке державы Александра Македонского было осуществлено самим завоевателем. Об этом, в частности, писал Филострат (Vita Apoll., II, 43): «Переправившись через реку Гидраот и миновав земли многих племен, Аполлоний и его спутники достигли Гифасиса. Стадиях в тридцати от этой реки они натолкнулись на алтари с надписью: Отцу Аммону, брату Гераклу, Афине Пронойе, Зевсу Олимпийскому, самофракийским Кабирам, Индийскому Гелиосу и Дельфийскому Аполлону». Они говорят, что там поставлен и медный столб с надписью: «Здесь остановился Александр...».

Распространение культа Диоскуров и его государственное значение в ряде стран, образовавшихся при распадении державы Александра Македонского, хорошо засвидетельствовано нумизматическими данными. Так, в державе Селевкидов Диоскуры присутствуют на монетах Селевка I, Селевка II, Тимарха, Антиоха VI [9]. Диоскуры вообще рассматривались как божественные покровители этой династии [10]. То же самое можно сказать и о греко-бактрийском царстве, где Диоскуры появляются на монетах Евкратида и Диомеда. Позднее они изображены на монетах индо-скифского царя Азилеса [11].

В парфянской нумизматике тип Диоскуров появляется во время Митридата I [12]. Это очень показательно, ибо именно в это время парфяне осуществляют широкую экспансию на запад, впервые захватывая области с компактными большими массами греческого населения. Греческий элемент становится достаточно мощной силой внутри парфянского государства и

---

[6] J. Duchesne-Guillemin. Zoroastre. Paris, 1948, стр. 69, 70.

[7] В. Миллер. Очерки арийской мифологии. I, М., 1876, стр. 305 сл.

[8] Н. И. Новосадский. Культ Кавиров в древней Греции. Варшава, 1891, стр. 57 сл.

[9] P. Gardner. Catalogue of the Greek Coins. The Seleucid Kings of Syria. London, 1878.

[10] К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. М.— Л., 1940.

[11] P. Gardher. The Coins of the Greek and Scythic Kings of Bactria and India. London, 1886; К. В. Тревер. Ук. соч., табл. 36, *1—2*; A. N. Lahiri. Corpus of Indo-Greek Coins. Calcutta, 1965, стр. 29, 30.

[12] W. Wroth. Catalogue of the Coins of Parthia. London, 1903, табл. II, *5—7*.

встает вопрос о взаимоотношениях с ним. Аршакиды стремятся наладить взаимоотношения с ним, в связи с чем на парфянских монетах впервые появляется в составе титула парфянских царей термин «филэллин». Аршакиды пытаются стать наследниками Селевкидов, их легальными преемниками, в связи с чем на монетах парфянских царей появляются многие, унаследованные от Селевкидов типы. Парфянские цари стремятся войти в «концерт» эллинистических держав. Об этом, в частности, свидетельствуют очень интересные надписи, обнаруженные на Делосе. Здесь в храме великих самофракийских богов Кабиров — Диоскуров, построенном в 101/100 г. до н. э.[13], имеется надпись, не оставляющая сомнения в почитании этих божеств парфянскими царями:

ΔΟΡ . . . . ράτην τῶν πρώτων φίλων βασιλέως βατιλέων μεγάλου Ἀρσάκου ὁ ἱερεὺς Ἡλιναξ Ἀσκληπιώδορου Ἀθηναῖος ὁ διὰ βίου ἱερεὺς Ποσειδῶνος Αἴσου γενόμενος [δε] καί θεῶν Μεγάλων Σαμοθράκων Διοσκούρων καβε[ίρων] θεοῖς[14]

Вероятно, один из сыновей Митридата II упоминается в другой, значительно более пострадавшей надписи аналогичного содержания[15]. Кроме того, надо иметь в виду и следующее обстоятельство. В Старой Нисе был раскопан так называемый «Круглый храм», в архитектуре которого Г. А. Пугаченкова видит очень значительное сходство с храмом на о. Салеофракa[16], что позволяет (учитывая вышеприведенные надписи) говорить о том, что этот храм был посвящен Великим Богам Кабирам — Диоскурам.

Помимо подобных общеисторических соображений, заставляющих нас датировать этот сосуд более ранним временем, чем дата, предложенная автором публикации, есть еще некоторые соображения более частного характера, но также заставляющие нас думать, что предложенная дата не верна. Так, автор приводит некоторые аналогии, в частности римские монеты, для подтверждения своего мнения. Однако надо учитывать, что данный сюжет никогда не был особенно популярен в Риме в императорское время. На монетах Диоскуры встречаются чрезвычайно редко, да к тому же чаще всего без лошадей[17].

В таком случае кажется более вероятным искать аналогии там, где этот сюжет более популярен. Это тем более необходимо, что автор публикации не обратил достаточного внимания на одну существенную черту изображения. Дело в том, что композиция не ограничивается Диоскурами. В нижнем регистре изображен бюст женщины с сосудом на плечах. Тем самым данная ваза может безусловно рассматриваться как произведение, входящее в круг очень популярного в Восточном Средиземноморье сюжета — Диоскуры с богиней. Исследование иконографии этой триады[18] показывает, что эта ваза весьма органически входит в весь круг подобных изображений, хотя абсолютные аналогии найти трудно. Близость видна и в общей иконографической схеме — богиня между двумя юношами, и в появлении сосуда, весьма частого в данном цикле, поскольку он обозначает домашнее изобилие, покровителями которого выступают Диоскуры[19]. В данном круге богиня всегда изображается одетой, в отличие от обнаженных Кастора и Полидевка, что мы видим и на этой вазе.

---

[13] P. Roussel. Delos colonie athenienne. Paris, 1916, стр. 230—232.

[14] P. Roussel, M. Lanney. Inscriptions de Delos. I, Paris, 1937, № 1581, стр. 58, 59; OGIS, № 430; F. Durrbach. Choix d'inscriptions de Delos. I, 2, Paris, 1922. № 1361, стр. 223.

[15] P. Roussel, M. Lanney. Ук. соч., № 1582, стр. 59.

[16] Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958, стр. 102 сл.; Г. А. Кошеленко. Культура Парфии. М., 1966, стр. 25 сл.

[17] М. Ростовцев. Римские свинцовые тессеры. СПб., 1903, 215.

[18] F. Chapouthier. Les Dioscures au service d'une déesse. Paris, 1935.

[19] Там же, стр. 4; M. N. Tod — A. J. B. Wace. Catalogue of the Sparta Museum. 1906, № 7, 291, 356, 575.

Кроме того, очень характерно, что в то время как герои изображены в полный рост и на основном поле, богиня помещена внизу и изображен только ее бюст. Все это чрезвычайно близко основным идеям развития иконографии этой триады, где очень часто изображение богини переносится вверх или вниз по сравнению с Диоскурами и где существует тенденция к тому, чтобы вообще передать богиню только в виде символа (чаще всего полумесяца).

Но если данная ваза входит в этот круг памятников, то у нас имеются достаточно четкие хронологические границы, показывающие время существования памятников этого цикла — это время от III в. до н. э. до 70-х годов III н. н. э. [20]

Таким образом, мы можем считать, что есть большие основания датировать вазу с Диоскурами временем более ранним, чем это предлагает Харпер. Поскольку основная масса памятников этого круга приходится на II—I вв. до н. э. и I—II вв. н. э., есть все основания думать, что эта ваза должна относиться не к сасанидскому, а скорее парфянскому времени. В то же время нельзя ее рассматривать только как простую копию какого-то восточносредиземноморского памятника искусства. Конечно, основная идея композиции и обусловившие ее идеи пришли оттуда, но в Парфии этот сюжет приобрел уже и некоторые своеобразные черты, в частности между Кастором и Полидевком появилось изображение человека, сидящего, «по-восточному», скрестив ноги, с музыкальным инструментом в руках. Подобные изображения иногда встречаются в так называемом «восточном металле» и неизвестны в памятниках этого цикла Восточного Средиземноморья. Ничего нет необычного и в тех стилистических особенностях которые П. О. Харпер связывает с влиянием буддийского искусства и которые она склонна считать одним из доказательств поздней даты вазы. Как показал Д. Омэ-Фредерик [21], буддийские влияния заметны и в скульптуре Хатры парфянского времени, так что это наблюдение отнюдь не может считаться решающим.

Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что по всей вероятности дата, предложенная П. О. Харпер, является слишком поздней, и более вероятно, что это чрезвычайно интересное произведение греко-иранского искусства должно относиться к парфянскому времени. Конечно, мы не можем претендовать на то, что этот вывод является бесспорным, но выразить свое сомнение в отношении предложенной даты и показать основания, на которых эти сомнения базируются, мы считали своим долгом.

[20] F. Chapouthier. Ук. соч., стр. 97.
[21] D. Homès-Fredericq. Hatra et ses sculptures parthes. Istanbul, 1963.

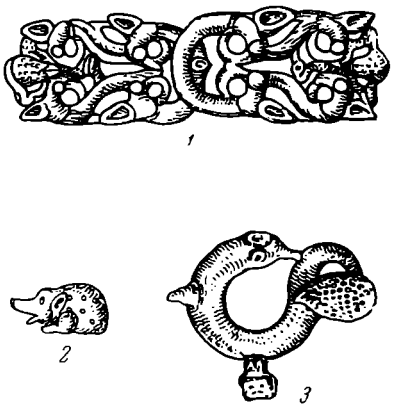
В. Ф. ШТЕЙН

ПРЯЖКА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЕЖЕЙ ИЗ СИБИРСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ЭРМИТАЖА

В Эрмитаже среди предметов сибирской коллекции хранится пряжка (рис. 1, *1*) из электра. В нем много серебра, и потому цвет ее светло-желтый. Пряжка состоит из двух симметричных половин. Основу каждой половины составляют две пары голов стилизованных ушастых хищных птиц. Шеи той пары голов, которая ближе к центру, соединены в дугу; шеи другой пары как бы вырастают из голов первой пары. Глаза у птиц выложены бирюзой; она же, очевидно, украшала и шпенек, который служил для застегивания этой пряжки. На правом и левом краю ее помещены по одному ежу, изображенных объемно (рис. 1, *2*). Вокруг ежей извиваются по змейке; каждая из них, видимо, пытается укусить шею одной из

птичьих голов, но ежи в свою очередь захватили зубами каждую змейку На ежиках имеются маленькие полукруглые впадины, очевидно предназначенные для инкрустации. В них, вероятно, были вставлены осколки бирюзы.

Эти изображения по стилю резко разделяются на две части: с одной стороны, мы видим стилизованные головы хищных птиц на длинных шеях, с большими ушами, с другой — живо и реалистично переданные изображения ежей и змеек.



1 — электровая пряжка из Сибирской коллекции Эрмитажа; *2* — деталь пряжки, изображение ежа; *3* — бронзовая пряжка из коллекции С. М. Лу с изображением змеи и ежа

Пряжка эта отличается от обычных сибирских пластин-пряжек как формой и композицией, так и присутствием чуждых им изображений ежей.

Стилизованные головы ушастых хищных птиц хорошо известны по сибирским пластинам; ими обычно заканчиваются рога и хвосты фантастических животных. Соединенные в дугу шеи их постоянно встречаются на рукоятках минусинских кинжалов. Изображение ежа в сибирских древностях — явление необычное. Они не известны ни в Сибири, ни на европейской части нашей страны. Но среди древностей Ордоса (Внутренней Монголии), а также пограничного с ней Китая их находят довольно часто. Здесь они также объемны, но отлиты из бронзы и больше по размерам, чем ежи на нашей пряжке. Обычно их встречают на навершиях. Поверхность их тела покрыта остроконечными выпуклостями — попытка передать колючий панцирь животного [1].

Коллекции древностей, в которые входят изображения ежей (частично опубликованные Сальмони и Андерсоном), состоят из бронзовых изделий и происходят частью из разграбленных могил по обе стороны китайской стены, частью из Ордоса. Последний считается центром их распространения [2]. Ордос длительное время принадлежал хуннам; на юге их владения доходили до Китайской стены. Поэтому не удивительно, что среди древностей, добытых с этих территорий, большинство принадлежит изобразительному искусству хуннов, хотя имеется немало и китайских вещей. Это доказывается тождеством многих ордосских бронз с бронзами из хуннских могильников Забайкалья [3].

Наличие ежей на нашей пряжке говорит о принадлежности ее к ордосскому кругу древностей и указывает на ее вероятное хуннское происхождение. Многочисленные изображения ежей, встречающиеся на сравнительно небольшом пространстве Внутренней Монголии и пограничного с ней Китая, объясняются, очевидно, влиянием последнего, так как в Китае еж пользовался почитанием [4], которое возникло, вероятно, из-за приносимой им пользы. Еж является истребителем змей, главным образом гадюк. В коллекции антиквара С. Т. Лу среди группы пряжек, служащих для замыкания цепи, имеется небольшая бронзовая круглая пряжка, изображающая змею и стилизованного ежа. Последний, видимо, кусает хвост змеи [5] (рис. 1, *3*). По форме и сюжету изображения пряжка эта абсолют-

[1] I. G. Andersson. Hunting Magic in the Animal Style. BMFEA, 4, Stockholm, 1932, табл. XVI; его же. Selected Ordos Bronzes. BMFEA, 1933, табл. VIII, *1*; A. Salmony. Sino-Siberian Art in the Collection of C. T. Loo. Paris, 1933, табл. VII, *1*; табл. XVI, *12*.

[2] С. И. Руденко. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.— Л., 1962, стр. 72.

[3] С. И. Руденко. Ук. соч., стр. 72, 75 и 76.

[4] D-r Matignon. Superstition, crime et misère en Chine. Paris, 1902, стр. 386.

[5] A. Salmony. Ук. соч., стр. 73, 74, табл. XXX, *9*.

но чужда сибирским влияниям и, очевидно, является китайским произведением. По сюжету эта пряжка представляет близкую аналогию нашей пряжке: в обоих случаях еж нападает на змею. Культ ежа проник в среду хуннов из Китая, а по ноинулинским погребениям видно, как глубоко проникала китайская культура в быт хуннов, особенно хуннской знати. Наша пряжка из ценного металла и художественной работы, видимо, принадлежала одному из ее представителей. Те два различных стиля, на которые распадаются изображения на пряжке, оказались мотивами, принадлежащими сибирскому и китайскому искусству. Можно удивляться тонкости работы, с которой переданы все мелкие детали на миниатюрных фигурках ежей. Возможно, что эта пряжка работы местного китайского мастера, который стилизованные головы хищных птиц заимствовал из сибирского репертуара, но для которого тема борьбы ежа и змеи была близка и хорошо знакома. Говоря словами С. И. Руденко, «при ставке хуннских шаньюев... могли быть мастера различных национальностей, которые в своих произведениях могли сочетать привычную им технику и мотивы с мотивами собственно хуннского искусства»[6]. Среди них, конечно, должны были быть и китайские мастера.

Что обозначают все эти изображения, объединенные в одной композиции? Большие уши стилизованных хищных птиц не препятствуют признать в них представителей семейства орлиных. Об этом также свидетельствует загнутый крючком клюв и восковица. Это определение подтверждается тем, что когда на сибирских пластинах имеются полные изображения пернатых хищников, вполне реалистичных, несмотря на присутствие ушей, то это всегда орлы, а не грифы. Не говоря уже о резком внешнем отличии их от орлов, грифы питаются падалью и никогда не нападают на живую добычу, как, например, орлы на сибирских пластинах. Известно, что многие виды орлиных истребляют змей. На этой почве возник в Индии культ местного, обожествленного орла Гаруды, изображения которого употреблялись как магическое средство против укуса змей[7]. Что касается ежей, то мы знаем их также как истребителей змей. В этой роли они и представлены на нашей пряжке.

Таким образом, здесь объединены в одной композиции змеи и их истребители, и смысл этих изображений ясен. Змейки на пряжке окружены тесным кольцом своих врагов, им не выйти из этого магического круга, и владелец этой пряжки может не страшиться их нападения.

По-видимому, эта пряжка является амулетом или оберегом от змей и таким образом дает нам возможность ознакомиться с некоторыми суевериями, распространенными и среди хуннов.

Характеризуемая пряжка числится в списке золотых вещей, присланных Петру I сибирским губернатором М. П. Гагариным в 1716 г.[8] Возможно, она попала в коллекцию из одного из богатых, но разграбленных хуннских погребений Забайкалья. Можно думать, что в сибирской коллекции есть вещи не только из Западной, но из Восточной Сибири.

В сибирской коллекции имеется еще одно изображение ежа в виде полой золотой фигурки тонкой работы. В книге «Сибирская коллекция Петра I» в перечне мелких золотых вещей эта фигурка ежа названа подвеской[9], но по определению А. П. Манцевич — хранителя Эрмитажа, из-за отсутствия на ней колечка ее вернее назвать пронизкой из ожерелья. Верхняя часть фигурки этого ежика, длина которого 18 *мм*, покрыта зернью, нижняя — плоская золотая пластинка. Для продевания нити служило по-

---

[6] С. И. Руденко. Ук. соч., стр. 72.

[7] J. P. Vogel. Indian Serpent-Lore of the Nagas in Hindu Legend and Art. Printed by Stephen Austin and Sons. 1926, стр. 18, 41 и 45.

[8] С. И. Руденко. Сибирская коллекция Петра I. САИ, Д3-9, М.—Л., 1962, стр. 11 и 41.

[9] С. И. Руденко. Ук. соч., стр. 48, табл. XXI, *33*.

перечное отверстие. Если подобные пронизки в виде фигурок ежей действительно составляли когда-то ожерелье, то, конечно, они и здесь имели значение амулетов, а не просто украшений.

Изображение ежа заставляет отнести эту пронизку к Ордосскому кругу древностей.

И. Г. РОЗЕНФЕЛЬДТ

ДЕТАЛИ КОЛЧАНОВ НА ГОРОДИЩАХ ДЬЯКОВА ТИПА

На городищах железного века лесной полосы Восточной Европы, в том числе и на дьяковских, находят в большом числе кости диких животных и множество костяных и железных наконечников стрел. Все это свидетельствует о большой роли охоты в это время и о широком применении лука. Однако мы не знаем не только находок луков или колчанов для стрел, но даже отдельных их деталей. Поэтому нам представляются интересными некоторые костяные предметы, найденные при исследовании Щербинского городища в Подмосковье.

При раскопках 1961 г. были найдены два предмета, вырезанные из рога (по-видимому, лося), которые мы в первой публикации условно назвали донцами от туесов или колчанов [1]. Один из них (рис. 1, *1*) имеет вид кружка диаметром 7 и толщиной 1,2 *см*, по контуру которого с внутренней стороны имеется кольцевая прямоугольная в сечении закраина. На стенке ее видны семь углубленных в тело предмета сверлин. Кроме того, на противоположных краях предмета с внешней его стороны имеются четыре расположенные попарно косопрорезанные отверстия, также выходящие на стенку закраины. Отверстия имеют диаметр 0,5 *см* и сохраняют следы потертости ремнем или веревкой. Предмет хорошо заполирован. На внутренней плоской стороне его — орнамент в виде креста, образованного из двух тройных пересекающихся полос. Второй предмет аналогичной конструкции, но не круглый, а овальный. Его длина 8, максимальная ширина — 4,5, толщина — 1,2 *см*. По контуру предмета кольцевая закраина, и в стенке ее также две сверлины. На внешней стороне предмета на противоположных концах его — два сквозных косопоставленных отверстия, каждое из которых разветвляется на два канала, выходящие на стенку закраины. Отверстия сохраняют следы потертости, весь предмет заполирован (рис. 1, *2*). Нами отмечалось, что подобный первой щербинской находке круглой формы предмет был найден В. А. Городцовым в 1927 г. на Кропотовском городище на р. Оке [2]. Диаметр предмета — 7, толщина 1,5 *см*. По-видимому, он не закончен обработкой, так как в закраине нет следов отверстий (рис. 1, *3*). Четвертый аналогичный предмет был обнаружен в 1964 г. при раскопках того же Щербинского городища [3]. Он сохранился частично, но по фрагменту можно судить о его круглой форме и о наличии кольцевой закраины с симметрично расположенными группами отверстий на ее стенке. На внутренней стороне предмета изображен крест из двойных пересекающихся прочерченных линий, на наружной стороне прослеживается интересная деталь — неглубокий паз, предназначенный для размещения в нем ремня шириной 0,7—0,8 *см*. Предмет заполирован. Диаметр его — около 7, толщина — 1 *см* (рис. 1, *4*). При пересмотре костяных поделок с городищ лесной полосы удалось выявить еще несколько аналогичных находок. Так, с городища Гремячее на р. Оке из раскопок Н. И. Булычева происходит еще один роговой кружок диаметром 5,3, толщиной 1,5 *см*, тоже с закраиной по контуру и с системой отверстий, подобной

[1] И. Г. Розенфельдт. Щербинское городище. СА, 1964, 1, стр. 171, 173, 174, рис. 3, *12*, *15*.

[2] Находка хранится в Музее антропологии МГУ, инв. № 427/173.

[3] Инв. № 1329/1964.

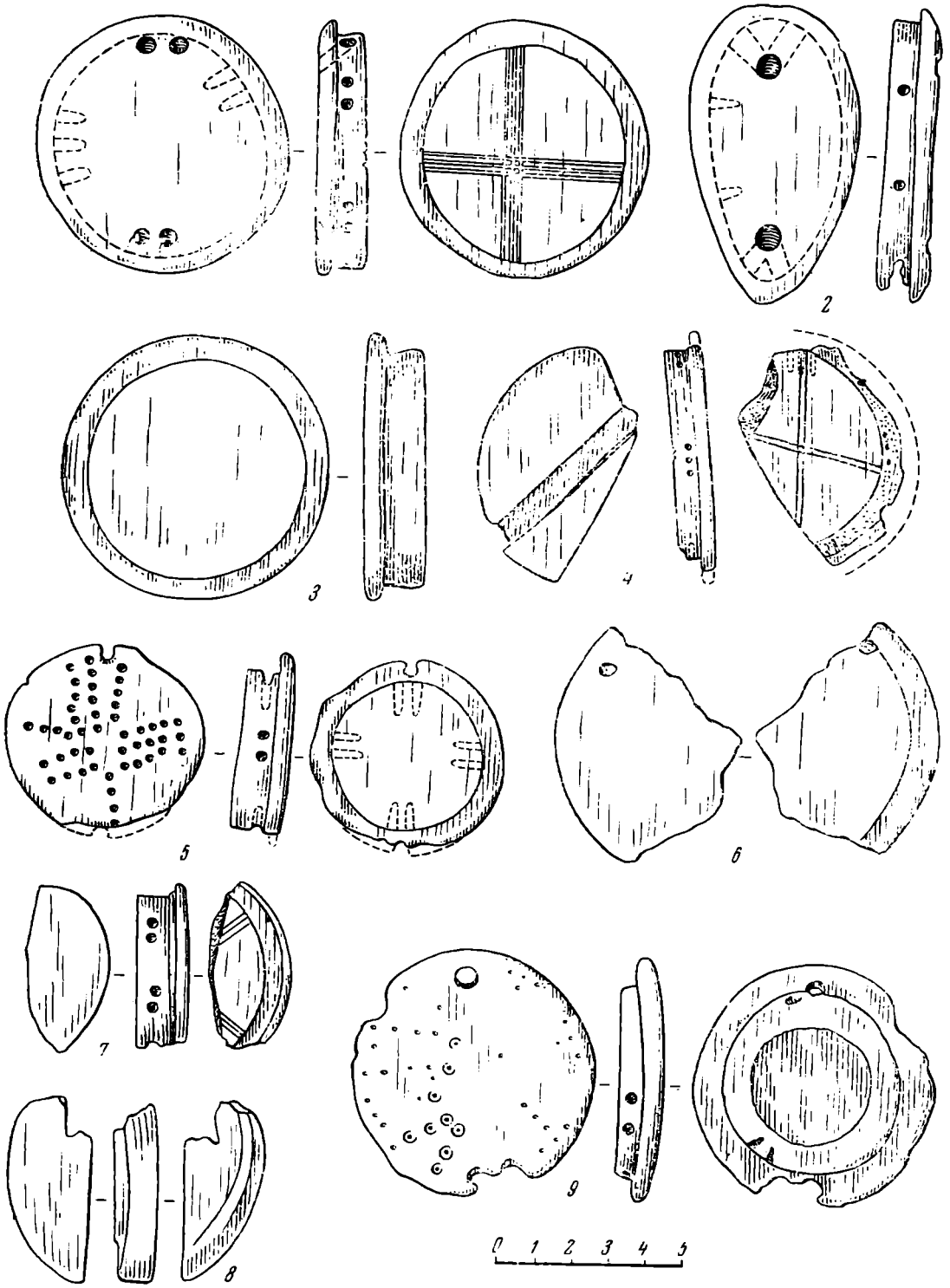


Рис. 1. Костяные донца от колчанов

2, 4 — Щербинское городище; *3* — Кропотовское; *5* — городище у с. Гремячее; *6—7* — городище Сатинка; *8* — городище Кузнечики; *9* — городище Овстуг

щербинским находкам. На наружной стороне его — орнамент в виде креста, изображенного точечными углублениями, собранными в прямые линии[4] (рис. 1, *5*). Шестой по счету предмет был найден при раскопках на городище Дуна Калужской области Ю. Г. Гендуне. Это костяной круг диаметром в 5 и толщиной в 1 *см*. По его ребру идут несколько круглых углублений, неравномерно расположенных, а на середине кружка такое же углубление; рядом с ним выцарапаны две перекрещивающиеся линии[5]. Два обломка аналогичных круглых предметов среди подъемного материала найдены С. А. Изюмовой при исследовании городища Сатинка, расположенного на правом берегу р. Упы, южнее г. Тулы[6] (рис. 1, *6*, *7*). Оба они имели диаметр около 7 *см* и следы сквозных косопроходящих каналов, идущих с внешних сторон предметов на внутренние, а также сверлины в стенках закраин. На внутренней стороне одного предмета виден крест, прочерченный двумя тройными линиями (рис. 1, *7*).

Половинка такого же рогового кружка с закраиной была найдена в 1965 г. в Московской области при исследовании городища Кузнечики, расположенного на р. Моче, притоке р. Пахры[7]. Диаметр его около 7, толщина — 1,2 *см* (рис. 1, *8*). Наконец, последний известный нам роговой кружок хорошей сохранности происходит из случайных сборов на городище Овстуг, расположенном на правом берегу р. Десны выше г. Брянска[8]. Диаметр предмета — 6,5, толщина — 1 *см*. Он имеет закраину с серией углублений, расположенных по ее стенке, и три сквозных косопрорезанных отверстия на противоположных сторонах, предназначенные для прохождения ремней. Предмет заполирован, и на его слегка выпуклой поверхности нанесен точечный и «циркульный» орнамент, в узоре которого наблюдается система расходящихся от центра лучей, заключенных в круг (рис. 1, *9*). Таким образом, нам известно 10 роговых предметов в виде кружков с кольцевой закраиной, происходящих из семи пунктов, расположенных в лесной полосе Восточной Европы на пространстве между современными городами Подольск, Тула, Брянск. В тех случаях, когда можно судить о времени бытования этих предметов, они, по-видимому, могут быть датированы последними веками I тысячелетия до н. э.— первыми веками нашей эры.

Сходный вид изделий убедительно говорит об одинаковом их назначении. Кажется возможным рассматривать эти предметы как донца от колчанов, боковые стенки которых были сделаны из бересты. По-видимому, основная масса колчанов имела не костяные (роговые) донца, а деревянные подобной же конструкции, которые в силу специфики материала, как и береста, не сохранились.

Употребление бересты и дерева при изготовлении колчанов для этого времени, так же как и для более позднего, широко известно[9]. Равным образом круглые и овальные (реже) в сечении колчаны были самыми распространенными[10]. Отметим, что у скифов гориты, одновременно приспо-

---

[4] Н. И. Булычев. Журнал раскопок 1898 г. по берегам р. Оки. М., 1899, стр. 21, табл. III, *2*. ГИМ. Инв. № 39323.

[5] Ю. Г. Гендуне. Городище Дуна Лихвинского уезда Калужской губернии. СПб., 1903, стр. 20, 21, табл. II, *14*. См. также архив ЛОИА, Р-1, д. 51, 1899.

[6] С. А. Изюмова. Отчет об исследовании Сатинского городища в 1961—1962 гг. Архив ИА АН СССР, Р-1, д. № 2366, 2516. Приношу благодарность автору раскопок за осведомление о находках и разрешение их опубликовать.

[7] А. Ф. Дубынин. Отчет о раскопках Московской экспедиции в 1965 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, д. № 3139. Приношу глубокую признательность А. Ф. Дубынину за разрешение опубликовать находку. Инв. № 65.

[8] Приношу благодарность Л. В. Артишевской, ознакомившей меня с этим предметом и разрешившей его опубликовать.

[9] А. Ф. Медведев. Ручное метательное оружие VIII—XIV вв. САИ, Е1-36, М., 1966, стр. 19.

[10] А. Ф. Медведев. Ук. соч., стр. 20; П. Д. Степанов. Андреевский курган. Тр. НИИ ЯЛИЭ МордАССР, XXVII. Сер. истор., Саранск, 1964, стр. 213.

собленные и для ношения стрел [11], также имели круглые и овальные (грушевидные) днища, о чем можно судить по сохранившимся обкладкам днищ и по изображениям горитов в вазописи [12]. Нам кажется возможным на основании приведенных находок представить облик колчанов, распространенных в обиходе охотников и воинов центральной части лесной зоны и, в частности, у обитателей городищ дьяковской культуры. Они были сравнительно небольших размеров; судя по имеющимся в нашей серии донцам, их размер устойчив: диаметр 6—7 *см* при толщине 1—1,3 *см*. Судить о высоте стенок колчанов нет прямых оснований, и в предлагаемой реконструкции они даны условно (рис. 2).

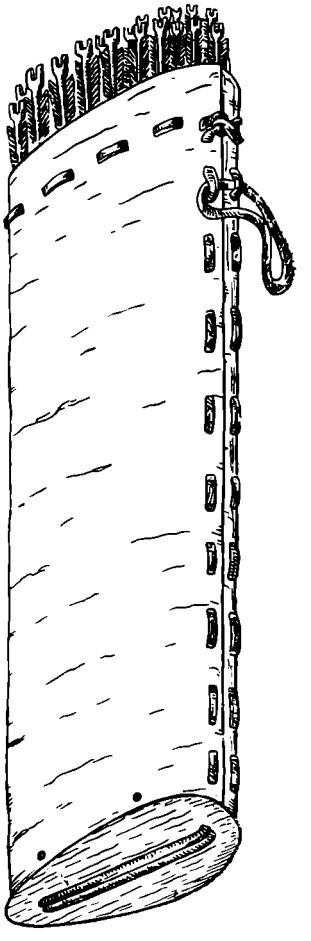


Рис. 2. Реконструкция колчана

Судя по отсутствию среди находок на городищах дьякова типа металлических скреп и обойм для колчанов [13], боковые стенки их, изготовленные из бересты, сшивались в виде трубок. Обычно деревянные, а в нашем случае костяные, донца прикреплялись к колчану при помощи деревянных гвоздей. Именно для этого в стенке кольцевой закраины донца имелись сверлины глубиной до 7—8 *мм*. Судя по размерам закраины (ширина до 7—0,8 *мм*), береста на боковых стенках колчана была положена в два слоя [14]. Для более плотного скрепления боковины колчана с донцем в последнем делались косопрорезанные отверстия, через которые пропускался одинарный или двойной ремешок, изготовленный из сыромятной кожи, который проходил по наружной стороне донца колчана. На одном экземпляре донца, происходящем с Щербинского городища, есть специальный паз для помещения такого ремня (рис. 1, *4*). От донца ремень переходил на берестяную стенку колчана, которая и была им дополнительно прошита. К этому же ремню, по-видимому на дополнительных отвилках, прикреплялись костяные или металлические крюки, при помощи которых колчан подвешивался к поясу, обычно с левой стороны [15], или носился на перевязи. Костяной крюк от колчана также встретился при раскопках Щербинского городища (рис. 3).

Такой способ прикрепления донцев к берестяным или деревянным туесам и колчанам был широко распространен в древности и хорошо известен в современном этнографическом материале. Так, в неолитическом слое свайного поселения Робенгаузен в Швейцарии было найдено плоское круглое днище с кольцевой закраиной, в стенку которой были вбиты четыре деревянных гвоздя, служившие для прикрепления корпуса из коры или тонкого слоя дерева. Примерно такой конструкции, но несколько более сложной, было донце, найденное на поселении позднего бронзового века

---

[11] А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ, Д1-4. М., 1964, стр. 32.

[12] Там же.

[13] Они были распространены в более восточных областях. П. Д. Степанов. Ук. соч., стр. 213, табл. I, *32*; А. Х. Халиков. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа. Тр. МАЭ, II, Йошкар-Ола, 1962, табл. XXVI, *6*.

[14] Двуслойную конструкцию стенок берестяных колчанов VIII—XIV вв. отмечает и А. Ф. Медведев. См. А. Ф. Медведев. Ук. соч., стр. 20.

[15] Об этом можно судить по находкам в Андреевском кургане, где берестяные колчаны в погребениях располагались обычно слева вдоль бедра или голени. П. Д. Степанов. Ук. соч., стр. 213 сл.

Цюрих-Альпенке [16]. Костяная заготовка донца от колчана найдена в 1966 г. в Латвии на городище Кивуткалнс [17]. Там же найден и еще один обломок костяного донца со сверлиной.

Среди исследуемых нами костяных донцев некоторые имеют сквозные косопрорезанные отверстия, наличие которых является доказательством того, что эти донца не могли быть основанием ни туесков, ни каких-либо иных сосудов, предназначенных для хранения жидкостей; скорее всего, это донца от колчанов.

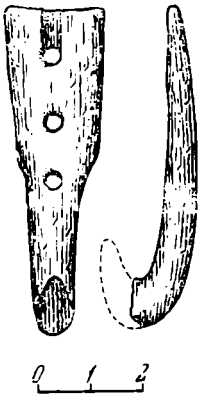


Рис. 3. Костяной колчанный крюк со Щербинского городища

Несколько слов об орнаментации этих предметов. Мы видели, что орнамент во всех случаях, когда он есть, представляет собой крест или композицию в виде расходящихся из центра лучей (колесо). Из 10 предметов орнаментировано 6. В трех случаях орнамент нанесен на внешней поверхности и в трех случаях — на внутренней части донца колчана, необозримой при его употреблении. Как крест, так и колесо — одни из самых распространенных солярных символов. Расположение их, особенно на внутренней части предмета, подчеркивает, что это не просто орнамент, а магические знаки, способствующие благополучию и удаче.

Учитывая небольшие размеры наконечников стрел, характерных для изучаемых поселений, и некоторые данные по размерам колчанов и количественному содержанию в них стрел у племен Восточной Европы в V—X вв., можно примерно судить и о количестве стрел, помещавшихся в реконструируемых нами колчанах. И. В. Синицыным в позднесарматском погребении у хут. Авиловского (курган № 1) найден колчан с диаметром дна 12 *см*, в котором содержалось 14 довольно крупных наконечников стрел [18]. Вместимость колчанов на Древней Руси обычно не превышала 20 стрел[19]. Нам представляется, что в колчанах с донцами диаметром 6—7 *см* могло содержаться 10—15 стрел. Это видно и из сопоставления размеров наконечников стрел и донцев от колчанов со Щербинского городища.

Интересно отметить, что на Троицком городище, расположенном близ г. Можайска на правом берегу р. Москвы, найден комок спекшихся стрел с отпечатками на них грубой ткани. В комке было 12 стрел [20].

Судя по компактности находки и положению наконечников стрел перовой частью в одном направлении, можно предполагать, что это содержимое одного сгоревшего колчана с остатками прокладки из ткани. Подобные прокладки иногда наблюдались в конструкции скифских горитов [21].

Область распространения костяных донцев на широком пространстве в западной части бассейна р. Москвы, по среднему течению р. Оки и в верховьях р. Десны, равно как и находки их в Прибалтике, еще раз подтверждают большое значение лука в жизни обитателей лесной зоны.

Отсутствие в материалах, происходящих с городищ этой области до начала II тысячелетия, костяных деталей от сложных луков позволяет думать, что здесь в это время были распространены луки простой конструкции.

---

[16] Г. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953, рис. 114, стр. 213.

[17] Инв. № 1525. Диаметр заготовки 6,5 *см*. Приношу благодарность автору раскопок Я. Я. Граудонису за ознакомление с материалом.

[18] И. В. Синицын. Археологические памятники в низовьях реки Иловли. Уч. зап. СГУ, XXXIX, вып. истор. Саратов, 1954, стр. 228, 230, 231. Автор приводит данные по ширине колчана в расплющенном состоянии. Диаметр установлен А. Ф. Медведевым (см. А. Ф. Медведев. Ук. соч., стр. 20).

[19] А. Ф. Медведев. Ук. соч., стр. 21.

[20] А. Ф. Дубынин. Троицкое городище Подмосковья. СА, 1964, 1, стр. 190, рис. 9, *11*.

[21] А. И. Мелюкова. Ук. соч., стр. 33.

Г. ДЖИНГОВ

ГОРОДИЩЕ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ У с. СТЫРМЕН В БОЛГАРИИ

Уже несколько лет Археологический институт и музей Болгарской академии наук и Институт истории материальной культуры Польской академии наук производят совместные исследования ранней средневековой славянской культуры в районе нижнего Дуная. В связи с этой задачей, болгаро-польская археологическая экспедиция[1] предприняла в Северо-восточной Болгарии раскопки средневекового городища у с. Стырмен Русенского округа.

Городище было обнаружено по остаткам укреплений и наличию нескольких находок на нем[2]. Его древнее название неизвестно. Среди населения окрестных сел — Стырмен, Ботров и Долна Студена — оно известно как «Градиштето» или «Калето».

Городище находится в 2,5 *км* к северу от с. Стырмен. Расположено оно среди обширного открытого поля на правом берегу р. Янтра. Площадь городища около 5,8 *га*, она ровная и немного возвышается над окружающей местностью. В плане оно почти квадратной формы и ориентировано по странам света (рис. 1). Укреплено валом, который хорошо виден, особенно с наружной стороны. Приблизительно в середине каждой из четырех сторон городища заметны небольшие выемки, вероятнее всего остатки ворот. В разное время на поверхности городища, и особенно при вспашке, было найдено много фрагментов глиняной посуды, монеты и другие предметы различных эпох — латеской, поздней античной и ранней средневековой[3].

Раскопки городища начались фактически в 1961 г., когда сотрудники ИИМК Польской АН и представитель Народного музея г. Свиштов (Болгария) произвели разведку и шурфовку на нескольких археологических памятниках Северной Болгарии, чтобы выбрать подходящий объект для исследований[4]. Систематические раскопки начались в 1962 г. Задачей их является исследование городища. Для решения ее болгары и поляки третий год работают сообща, болгарский коллектив в западной, а польский — в восточной половине поселения. На городище раскопано более 2500 $м^2$. Результаты работ будут опубликованы по завершению раскопок в совместном издании[5]. Здесь мы сообщаем только некоторые предварительные наблюдения, сделанные в процессе работ в болгарском секторе, где исследовано около 1300 $м^2$.

На поселении два горизонта культурного слоя с прослойками в них, которые в отдельных местах очень хорошо выражены и разграничены. Сверху лежит серо-коричневый слой толщиной от 0,6 до 1 *м*. Он относится к средневековью и связывается с жизнью городища. Ниже, под частью этого пласта, залегает серо-черный слой толщиной в среднем в 50 *см*, под

[1] В составе экспедиции участвовали: с болгарской стороны Ст. Михайлов — главный руководитель, Г. Джингов — заместитель главного руководителя, В. Вылов, В. Димова, Ив. Панчев, Т. Никова и студенты Софийского университета им. Климента Охридского, а с польской стороны В. Хензель — главный руководитель, А. Димачевский — заместитель главного руководителя, З. Хилчерувна, И. Гонсовский, Т. Вислянский, У. Димачевска, Гонсовска, Л. Фиал, В. Стопинский, К. Поправский и С. Биневский.

[2] С. Стефанов. Старините по долния басеин на Янтра. София, 1956, стр. 12 сл.

[3] С. Стефанов. Ук. соч., стр. 12.

[4] A. Dymaczewski, Z. Hilzserówna, T. Wiślański pod red. W. Hensela. Materialy z badan archeologicznych w Bulgarii w 1961 r. «Slavia antiqua», XII, 1965, стр. 235—287.

[5] О некоторых результатах исследований см.: W. Hensel. Polskie badania nad wczesnym Sredniowieczem w Bulgarii. «Nauka Polska», X, 1962, 3 (39), стр. 140—144; С. Михайлов. Разкопки на градището при с. Стърмен. Археология. V. 3. София, 1963, стр. 5—13; W. Hensel. Recherches archéologiques polonaises sur le haut Moyen Age en Bulgarie en 1961, «Archaeologia Polona», VI, 1964, стр. 193 сл.

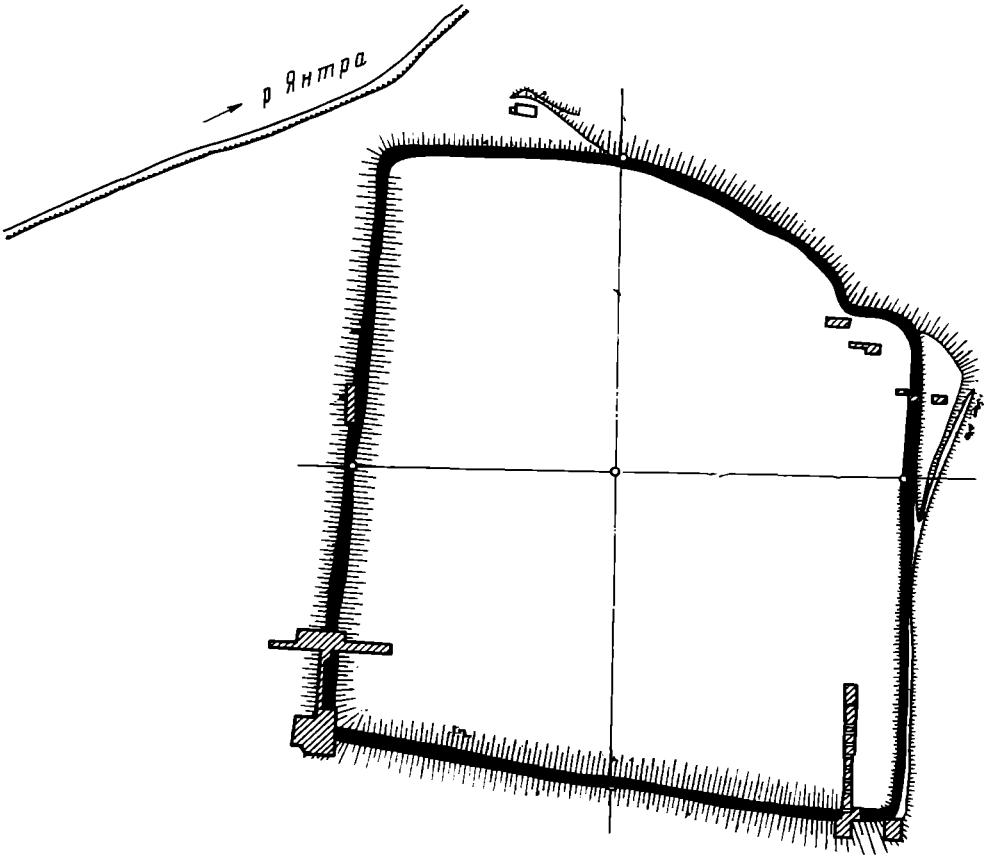


Рис. 1. План городища у с. Стырмен

которым материк. Этот второй слой относится к латенской и позднеантичной эпохе и связывается с жизнью более древнего и, вероятно, большего по площади поселения, так как простирается к западу от укреплений городища. Эти два культурных слоя различаются не только по цвету, но и по содержащемуся в них археологическому материалу, преимущественно по керамике. Судя по структуре и содержанию нижнего, серо-черного слоя, а он исследован лишь частично, в нем находятся только однородные ранние материалы. Верхний, серо-коричневый слой, напротив, со-

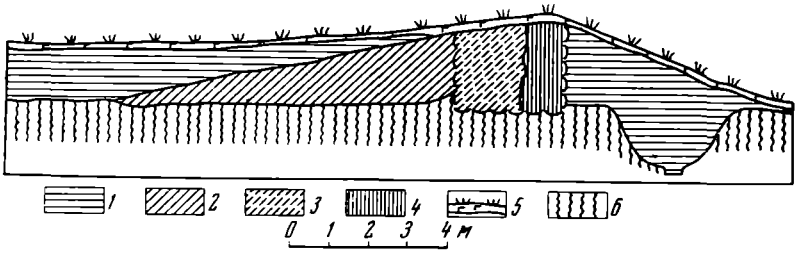


Рис. 2. Разрез оборонительных сооружений городища у с. Стырмен в западной части

1 — средневековый слой; *2* — желтая земля; *3* — дерн; *4* — камни; *5* — гумус; *6* — античный слой

держит разнородные материалы, поздние и ранние, причем последних значительно меньше в количественном отношении. Находки латенской и поздней античной эпохи встречаются в верхнем слое и даже на поверхности,

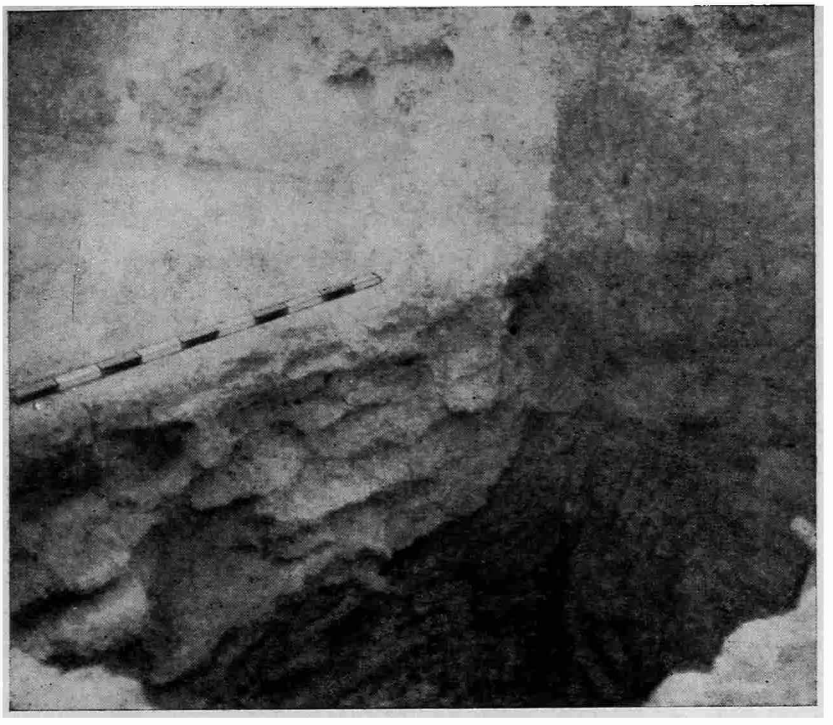


Рис. 3. Отпечатки кусков дерна на желтой насыпи вала

тогда как находки, относящиеся к средневековой эпохе, если встречаются в нижнем слое, то как исключение, когда пласты нарушены.

В последнее время в польском секторе было найдено несколько обломков посуды времени энеолита. Относятся ли они к культурному слою, сказать определенно нельзя.

Исследование укреплений показывает, что оно состоит из вала и рва (рис. 2). Вал с внешней стороны укреплен кладкой из бутового камня, лицо кладки почти отвесно. С внутренней стороны вала насыпь из твердой коричневой земли, а за ней — желтой. Граница между коричневой и желтой насыпью из-за контраста цветов очерчивается достаточно ясно. В плане она выглядит почти как прямая, параллельная кладке линия, а в профиле образует ломаную, обычно отвесную или наклонную линию. После удаления части коричневой насыпи на желтой земле были обнаружены отпечатки (рис. 3).

Коричневая насыпь, находящаяся между желтой насыпью и каменной кладкой, неоднородна (рис. 4). В ней были более темные и светлые пятна и трещины, обычно прямоугольной формы, расположенные горизонтальными рядами. При внимательном изучении профилей и после дополнительной расчистки выяснилось, что она сложена из кусков дерна[6]. Новые наблюдения показали, что вал был сооружен в один прием. Сперва была выкопана траншея глубиной около 25—30 *см* и шириной около 1,5—2 *м*. В нее были положены горизонтальными рядами куски дерна, образовавшие почти отвесную земляную стену той же ширины. С внутренней ее стороны была сделана насыпь из желтой земли, а наружная сторона была укреплена облицовкой из бутового камня. То обстоятельство, что облицовку камнем или ее следы мы находим не везде, ведет к предположению, что она была сделана в самом начале или дополнительно только в определенных местах для усиления оборонительной способности отдельных пунктов укрепления или для предохранения от воды при разливе реки, затоплявшей равнину. Сохранившаяся высота вала в его открытых частях не превышает 2 *м*.

[6] Наблюдения Ст. Михайлова. К сожалению, они были сделаны им после того, как была напечатана цитируемая здесь его статья.

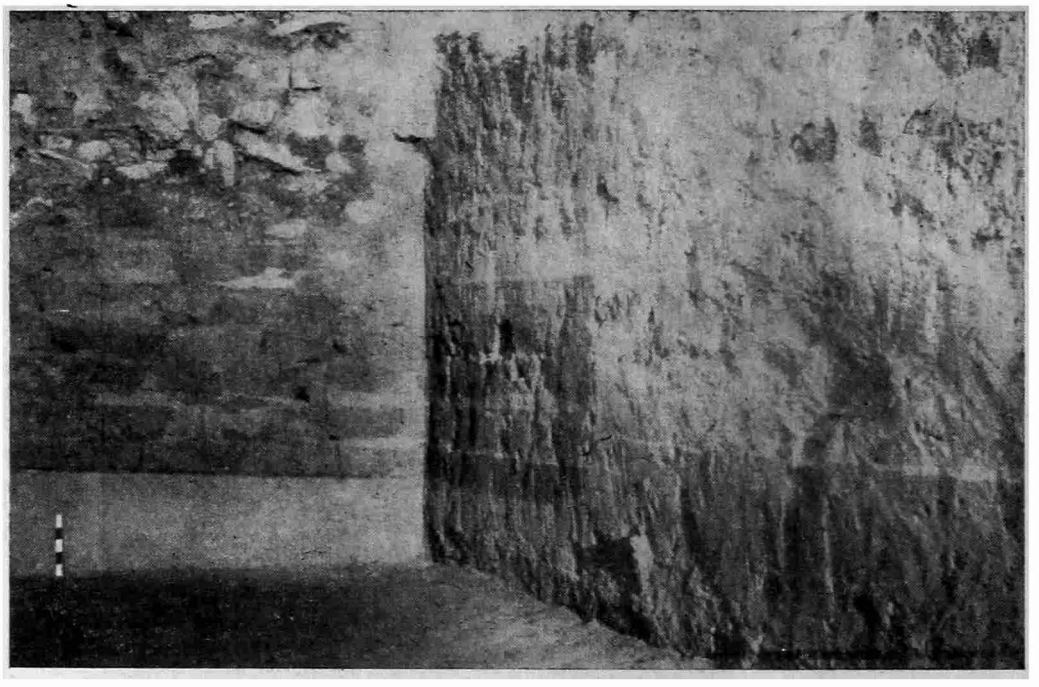


Рис. 4. Пласты дерна в насыпи вала

В Болгарии известен еще один подобный случай применения дерна для сооружения вала. Это на городище у с. Попина Силистренского округа. В его валу тоже выявлены куски дерна [7].

В юго-западном углу городища в южной половине западного вала мы обнаружили фундамент двух фортификационных сооружений, которые условно названы «бастионами». Состояние, в котором мы их находим, не дает возможности восстановить их точный план, но ясно, что они были четырехстенными. Построены они из бутового камня и имеют только фасад, как и облицовка вала, с которым они связаны. Внутренность их засыпана землей. Возможно, что такие «бастионы» возвышались по углам городища и по длине вала.

С наружной стороны перед валом был ров шириной около 3 и глубиной 1,5—2 *м*, отделенный от него бермой шириной до 1 *м*. В начале работ мы как будто нашли следы и второго рва. Неправильная интерпретация предварительных наблюдений о конструкции вала давала основание предположить, что один ров был связан с предполагаемым первоначальным валом укрепления, а другой — с валом после его переустройства [8]. Продолжение раскопок не подтвердило предположение о наличии второго рва. Теперь уже нет сомнения, что оба элемента земляного укрепления были созданы одновременно. Вынутая изо рва земля использовалась для насыпи вала. Обращает на себя внимание и тот факт, что ров заполнен коричневой однородной землей, а возможно, и дерном. Кроме того, в юго-западном углу кладка бастиона доходит до дна рва (рис. 5). Вот почему мы полагаем, что заполнение рва, по крайней мере в этом секторе, сделано преднамеренно и в один прием. Было ли это сделано в связи с каким-нибудь исправлением или переустройством в конструкции укрепления, чтобы предотвратить обвал или подрывание вала, или же по иным соображениям, сказать определенно пока нельзя.

То, что вал воздвигнут над серо-черным латенским и позднеантичным культурным слоем, а ров вырыт в них и в находящемся под ним материке,

[7] Ж. Въжарова. Славянобългарското селище край село Попина, Силистренско. София, 1956, стр. 49.

[8] С. Михайлов. Ук. соч., стр. 7.

Рис. 5. Северо-западная стена «бастиона» в юго-западном углу укрепления

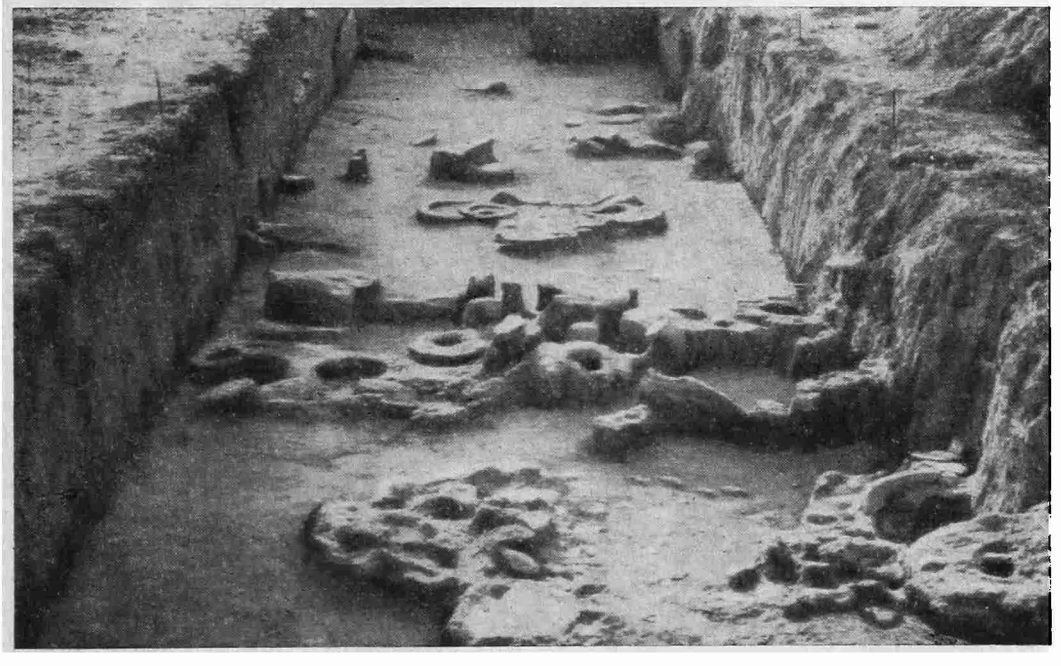


Рис. 6. Остатки наземных построек на городище

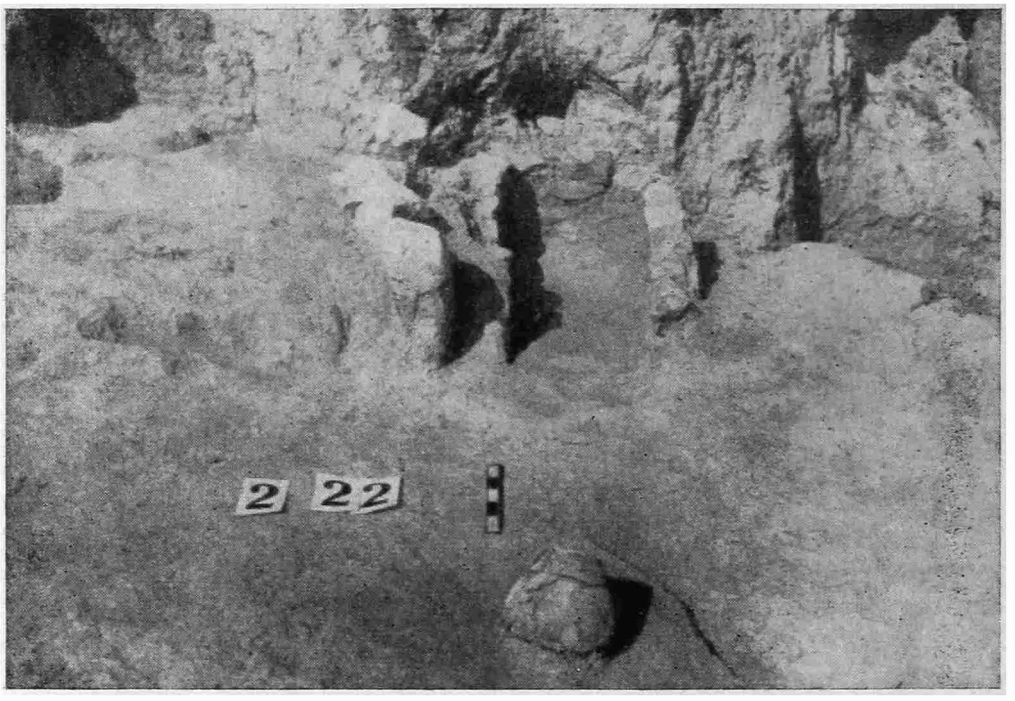


Рис. 7. Остатки печи в жилище

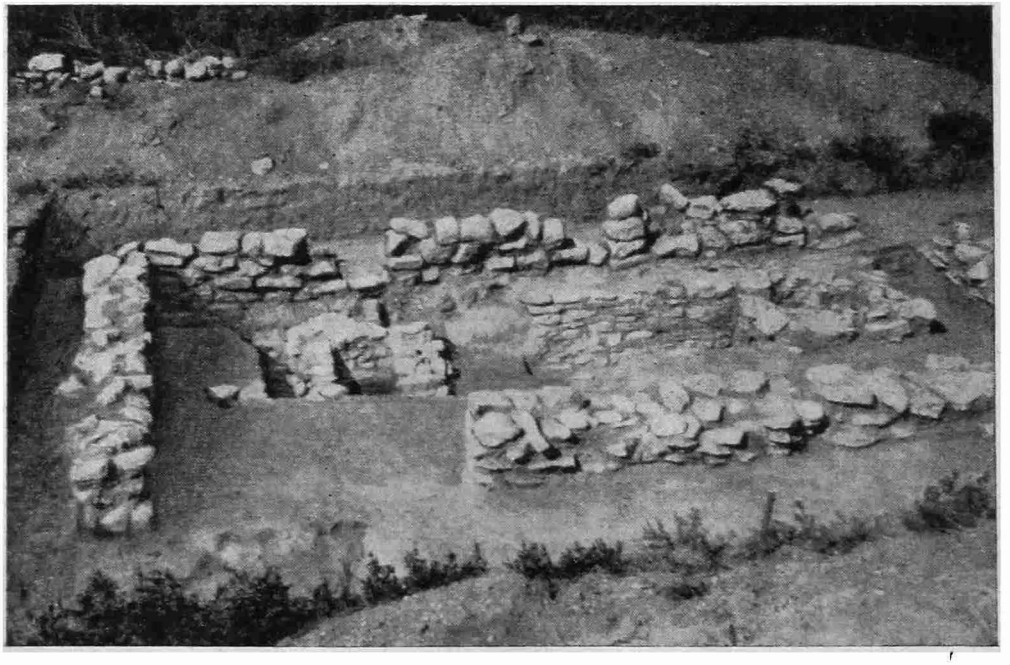


Рис. 8. Постройка с двумя печами

показывает, что земляное укрепление построено в более позднее время. Это подтверждается и наличием керамики нижнего пласта в насыпи вала. Слой, содержащий средневековые материалы, находится только в пределах укреплений, что связывает земляное укрепление с ранним периодом жизни средневекового поселения. Оба возникли в одно и то же время. Вал впоследствии, по-видимому, утратил свое прежнее значение, и в его внутренние склоны были врыты постройки, печи и другие сооружения.

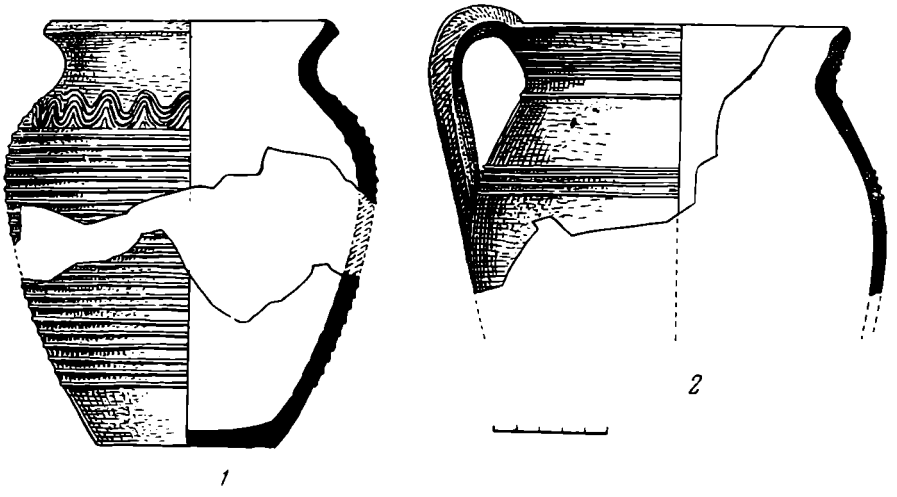


Рис. 9. Глиняные сосуды эпохи средневековья (реконструкция)

Исследования площадки городища дают в большинстве случаев одну и ту же картину. Обнаруживаются только следы полностью разрушенных строений (рис. 6) — наземных и полуземлянок. Последние обычно расположены на внутреннем склоне вала. Состояние, в котором мы находим эти жилища и хозяйственные строения, не дают возможности восстановить целиком их план и устройство. Только в некоторых случаях видно, что они были однокамерными, квадратными или прямоугольными, площадью в 8—10 $м^2$. Куски обожженной штукатурки, которые мы встречаем при расчистке, а также изредка сохранившиеся ямы от опорных столбов показывают, что стены наземных построек были сделаны из плетня, обмазанного глиной. Кровля была, вероятнее всего, соломенная, так как среди развалин мы не находим других материалов кроме разбросанных бутовых камней, которые, как мы допускаем, лежали на крышах. Пол был чаще всего земляной, утрамбованный или обмазанный глиной. В некоторых постройках мы встречаем разрушенные маленькие печи, сложенные из бутового камня (рис. 7).

Эти постройки, остатки которых мы находим на городище, были характерными для болгарской деревни и городских поселений периода раннего средневековья [9]. По всей вероятности, это типичные образцы построек (ХЫЗЫ СЛАМНЫ ОЦБОГЪ), о которых упоминал в X в. Иоанн Экзарх [10].

До сих пор при исследованиях обнаружена только одна монументальная постройка, раскопки которой не закончены (рис. 8). В плане она прямоугольная, с внутренними размерами 6,8 × 4 *м*. Проем входа широкий и находится в южной половине восточной стены. Кладка из бутового камня

[9] С. Михайлов. Археологически материали от Плиска. ИАИ, XX, 1955, стр. 139 сл.; С. Георгиева. Средневековното селище над развалините на античния град Абритус. ИАИ, XXIV, 1961, стр. 13; Ж. Въжарова. Славянски и славянобългарски селища в българските земи от края на VI—XI век. София, 1965, стр. 12—88; К. Миятев. Архитектурата в средновековна България. София, 1965, стр. 29, 59 сл.

[10] Ю. Трифонов. Сведения из старобългарская живот в Шестоднева на Йоана Екзарха. Списание на Българската академия на науките, XXXV, кл. истор.-филол. и фил.-общ., 19, 1926, стр. 5.

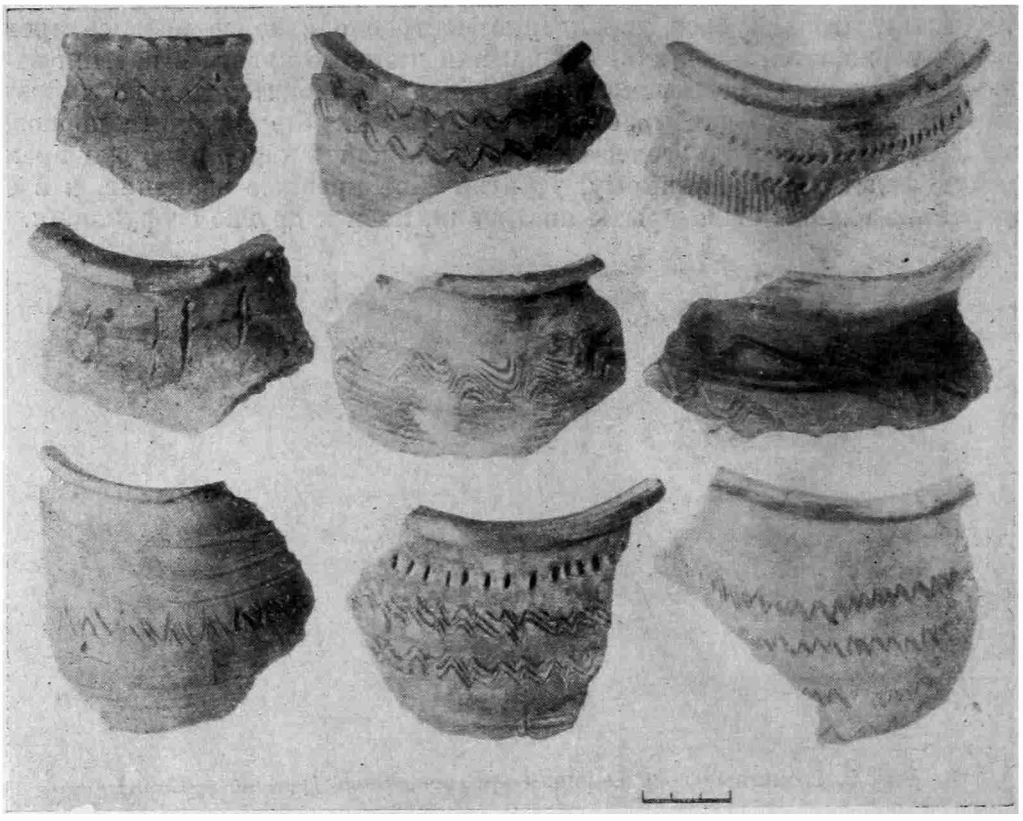


Рис. 10. Фрагменты глиняной посуды средневекового времени

на глине. Кровля была легкой, быть может соломенной. Настила пола в постройке нет. В западной половине были обнаружены две печи. Они прямоугольные, у одной из них сохранилось чело. Сложены они из бутового камня на глине. Подобные по конструкции печи известны из Плиски [11]. Широкий вход и наличие двух печей исключают предположение, что это жилище. Вероятно, это мастерская или хозяйственная постройка, о назначении которой можно будет судить только после ее всестороннего изучения.

Интересно почти полное отсутствие на городище тесаного камня, кирпича, черепицы и других строительных материалов, а также кладок на известковом растворе. Если их отсутствие подтвердится дальнейшими исследованиями, то это будет весьма показательно не только в отношении примитивной строительной техники, но и в отношении социально-экономической характеристики поселения.

Археологические находки на городище разнообразны.

В количественном отношении на поселении преобладает керамический материал.

Самые ранние керамические находки [12] относятся к латену. Это обломки больших и малых толстостенных сосудов грубой фактуры, изготовленных вручную и орнаментированных рельефными линиями и ямками. Встречаются и фрагменты тонкостенной серой посуды с резными горизонтальными линиями, изготовленной на гончарном круге.

К позднеантичной эпохе принадлежат фрагменты различных по форме, обычно красных, кремовых и серых сосудов, изготовленные на гончарном

---

[11] К. Миятев. Крумовият дворец и други новооткрити постройки в Плиска. ИАИ, XIV, 1943, стр. 100 сл.; С. Михайлов. Разкопки в Плиска през 1959—1961 г. ИАИ, XXVI, 1963, стр. 39, рис. 30, *а*, 30, *б*, 31.

[12] Не считая нескольких фрагментов сосудов эпохи энеолита, которые были обнаружены в последнее время в польском секторе.

круге. У них тонкие, гладкие, изредка окрашенные стенки. Орнамент состоит чаще всего из врезных линий, лощеных полос или отпечатков, нанесенных штемпелем.

Средневековая эпоха также дает значительный керамический материал. По форме, орнаменту и технологическим особенностям его можно разделить на четыре основные группы.

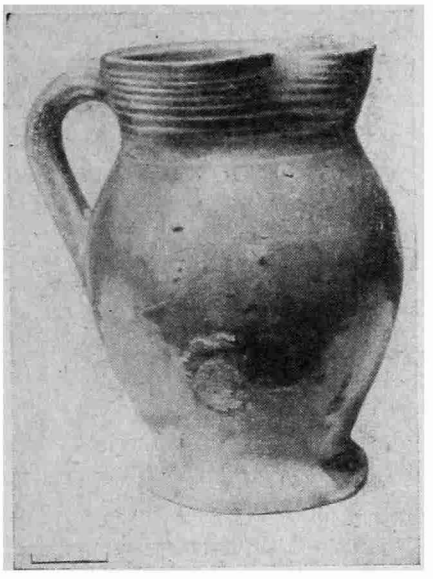


Рис. 11. Кувшин глиняный, покрытый глазурью

К первой и самой большой относятся обломки горшков с плоским днищем, широким туловом, короткой шейкой и отогнутым наружу венчиком, обычно без ручки (рис. *9, 1*). Стенки их орнаментированы линейным и волнистым орнаментом, ломаными линиями и ямками в форме полумесяца или короткой черточки, которые обособленно или сгруппированно встречаются в различных сочетаниях (рис. 10). На днищах сосудов рельефные клейма: крест в круге, круг с вписанным ипсилоном и другие. На днищах других сосудов есть и врезанные знаки — крест, две прямые перпендикулярные линии. Они нанесены после обжига посуды. Горшки изготовлены на гончарном круге. Обыкновенно глина сосудов содержит примесь песка. В зависимости от степени обжига она имеет коричнево-красный цвет с различными оттенками.

Вторая группа — это поливная керамика. Она невелика. До сих пор найдены только единичные фрагменты кувшинов и сосуды. Кувшины были с плоским днищем, удлиненным и расширяющимся в верхней части туловом, узким цилиндричным горлышком, воронкообразным устьем и рукояткой элипсовидного сечения. Изготовлены они на гончарном круге из глины с примесью песка и обыкновенно имеют серый цвет, а сверху покрыты желто-зеленой глазурью.

К третьей группе относится немного обломков тонкостенных горшков с плоским днищем, широким туловом, суженным в верхней части и переходящим в высоко выпрямленное или немножко выпуклое устье, и рукояткой элипсовидного сечения, связывающей устье и плечики (рис. 9, *2*). Орнамент чаще всего состоит из врезанных горизонтальных линий, нанесенных по плечикам или по устью сосуда. Иногда сосуды сверху покрыты желто-зеленой и коричневой глазурью. Изготовлены они на гончарном круге из хорошо очищенной или содержащей мелкий песок глины, получившей после обжига коричнево-красный цвет с различными оттенками.

К этой группе керамики можно отнести поливной кувшин с трехлепестковым устьем (рис. 11).

Несколько обломков, по-видимому, блюд с узором, выполненным техникой с граффити, относятся к четвертой группе. Сверху они покрыты зеленоватой, коричневой и бесцветной глазурью. Изготовлены они на гончарном круге из глины черепично-красного или серого цвета.

Керамика этих четырех групп хорошо известна как в Болгарии, так и в других странах. Она встречается во многих раннесредневековых поселениях и крепостях. Сосуды первой и второй групп датируются IX—XI вв., т. е. эпохой Первого болгарского царства [13]. В первой группе, однако, есть

[13] С. Михайлов. Разкопки в Плиска през 1945—1947 година. Разкопки и проучвания, III, София, 1948, стр. 215 сл.; С. Михайлов и А. Милчев. Разкопки в Плиска през 1955 г. ИАИ, XXII, 1959, стр. 278 сл.; С. Станчев. Домашната керамика от Преслав. Разкопки и проучвания, III, стр. 129 сл.; С. Георгиева. Ук. соч., стр. 18 сл.; Ж. Въжарова. Славянски и славянобългарски селища..., стр. 96 сл.,

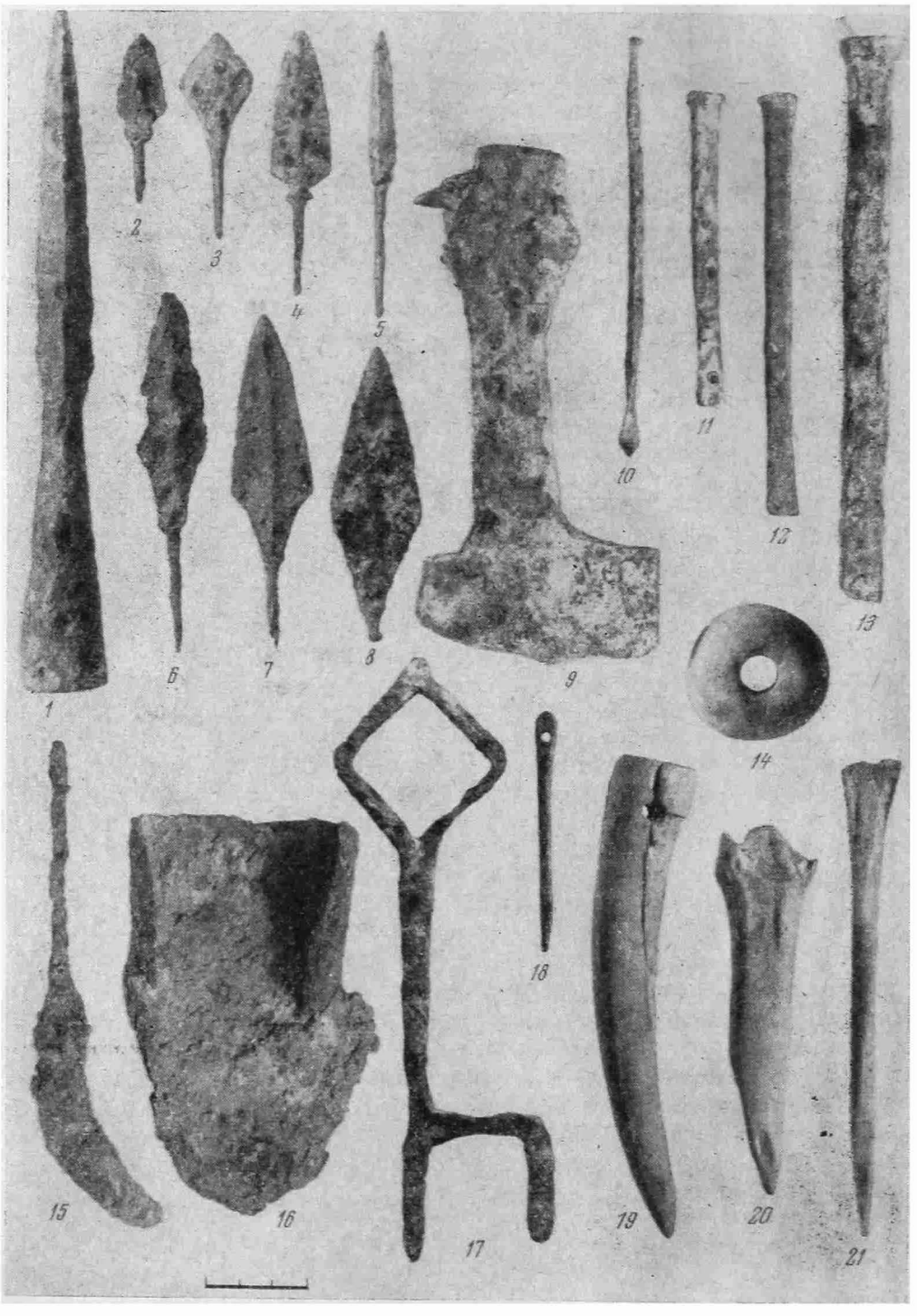


Рис. 12. Железные, костяные и глиняные предметы с городища Стырмен

1 — копье; *2—8* — наконечники стрел; *9* — топор; *10* — сверло; *11—13* — долота; *14* — пряслице; *15* — нож; *16* — лемешок; *17* — ключ; *18* — игла; *19—21* — проколки

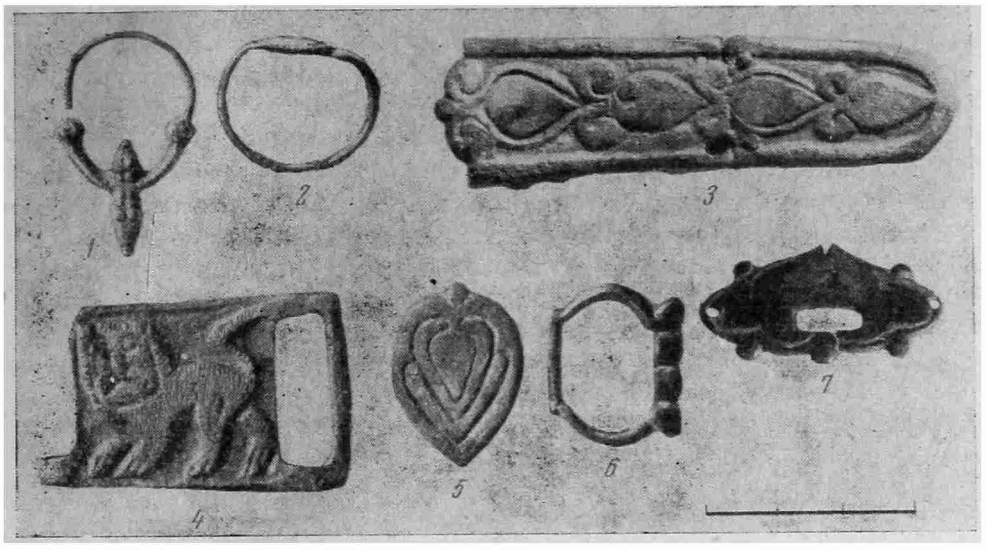


Рис. 13. Бронзовые и серебряные украшения с городища Стырмен

1 — серьга; *2* — перстень; *3—7* — пряжка и детали поясных наборов (*1* — серебро; *2—7* — бронза)

фрагменты, которые можно отнести и к VIII в. К более поздней эпохе — византийскому владычеству в Болгарии (XI—XII вв.) и Второму болгарскому царству (XII—XIV вв.) — относятся сосуды третьей группы [14]. Этой же эпохой или точнее XIII—XIV вв. датируются и фрагменты четвертой группы [15].

Многочисленны и многообразны и остальные находки, связанные с бытом обитателей средневекового селения,— жернова, глиняные поддоны, железные лемеха, серпы, косари, топоры, клещи, долота и ножи, каменные точила, глиняные пряслица, костяные шилья, обручи от деревянных ведер, железные наконечники копий и стрел, медные, бронзовые и серебряные украшения, куски шлака и т. п. (рис. 12, 13). Некоторые из этих находок свидетельствуют о развитом земледелии и виноградарстве, а другие — о развитии некоторых ремесел. К сожалению, остатков мастерских или отходов производства на поселении нет, за исключением небольших скоплений железного шлака. Встречаются на поселении и некоторые украшения, например бляшки с рельефным изображением льва, серьги (рис. 13, *1, 4*) и другие предметы, имеющие полное сходство с находками из других мест [16]. По-видимому, это изделия крупных производственных центров.

В средневековом слое много костей диких и домашних животных — крупного рогатого скота, свиньи, зайца, птицы, рыб, створки мидий и др. Большая часть костей сильно фрагментирована.

---

121 сл.; Й. Чангова. Търговски помещения край южната крепостна стена в Преслав. ИАИ. XXI, 1957, стр. 254 сл., табл. IX. *4*.

[14] С. Георгиева и Д. Бучински. Предварителни проучвания на средновековното селище до гр. Враца. ИАИ, 1959, стр. 350, рис. 7; Н. Ангелов и Я. Николова. Крепостни стени и крепостни съоръжения на средновековната българска столица Търново. Известия на Окръжния музей Търново, I, Варна, 1962, стр. 60 сл., рис. 6; Г. Джингов. Крепостта Бялград при Преслав. ИАИ, XXVII, 1964, стр. 27 сл., рис. 15 и 21.

[15] Н. Ангелов и Я. Николова. Ук. соч., стр. 60 сл., рис. 7; Г. Джингов. Ук. соч., стр. 27 сл., рис. 15 и 21.

[16] С. Станчев. Материали от дворцовия център в Плиска. ИАИ, XXIII, 1960, стр. 30 и 61, рис. 3 B_{10} и 18_4; А. Милчев. Ранносредновековни български накити и кръстове енколпиони от Северозападна България. Археология, V, София, 1963, 3, стр. 23 сл., рис. 2 и 3, стр. 32 сл., рис. 12; D. Csallani. A bizanci fémmuvesseg emlékei. «Antik Tanulmanyok», I, 1954, 1—3, 123; G. Davidson. The minor objects. Corinth, XII, New Jersey, 1952, стр. 268, табл. 115, 2215; P. Orsi. Byzantina Siciliae. Byzantinische Zeitschrift, XXI, 1921, стр. 203, рис. 22.

Проведенные на городище раскопки показывают, что здесь первоначально было поселение, интенсивная жизнь которого определенно связана с латенской и поздней античной эпохами. Его обитателями были, вероятно, фракийцы. Впоследствии на части его территории возникло укрепленное раннее средневековое городище, существовавшее в VIII—XI вв. Что касается его этнической и культурной принадлежности, то оно было несомненно раннеболгарским. Последние следы жизни на нем относятся «ко времени Второго болгарского царства. В культурном слое поселения не видно стерильных прослоек. По-видимому, примерно с V—IV вв. до н. э. по XIII—XIV вв. н. э., жизнь на поселении протекала без перерыва, быть может несколько затухая в некоторые эпохи, возобновляясь в другие, чтобы замереть окончательно только в позднем средневековье.

В. И. КАДЕЕВ

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГРАФФИТИ ИЗ ХЕРСОНЕСА

Проблема этнического состава населения в средневековом Херсонесе представляет большой научный интерес. Однако до настоящего времени при его изучении исследователи пользовались литературными, реже лапидарными источниками [1], что далеко не исчерпывает возможностей существующей источниковедческой базы.

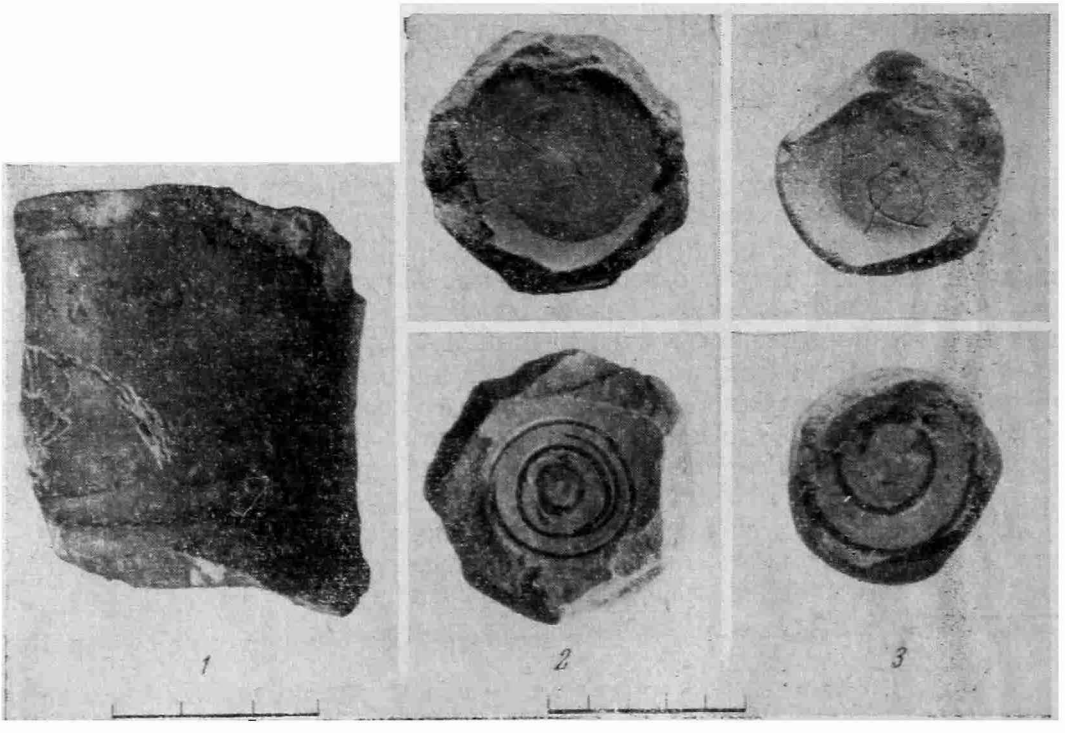


Рис. 1. Обломки средневековых сосудов из Херсонеса с рисунком и надписями
1 — обломок горла кувшина салтовского типа; *2, 3* — обломки поливных чаш

Цель настоящей заметки — обратить внимание на источники, которые до сих пор не использовались, и познакомить с некоторыми из них. Речь идет о керамических надписях, которые, являясь одним из массовых ис-

[1] А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). МИА, 17, 1950. стр. 35 сл.; его же. Раннесредневековый Херсонес. МИА, 63, 1959, стр. 52 сл.

точников, могут дать ценные данные для изучения этнического состава и истории города.

В 1963 г. во время раскопок дома II в квартале XXV на северном берегу Херсонеса (между XII и XIII поперечными улицами) в слое IX—XI вв. был найден фрагмент горла чернолощеного кувшина салтовского типа [2]. Обычно подобные сосуды датируют VIII—IX вв. [3] или VIII—X вв. [4] При

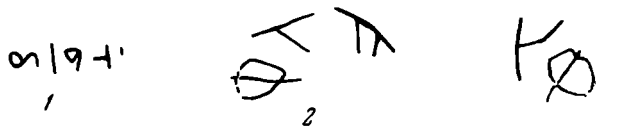


Рис. 2. Граффити на горле кувшина и чашах из Херсонеса.

1 — граффити на горле кувшина; *2, 3* — граффити на донышках поливных чаш

осмотре фрагмента на нем были обнаружены часть изображения лошади (рис. 1, *1*) и надпись, сделанные по сырой глине. На уцелевшей части рисунка изображен круп лошади с очень длинным хвостом. Рисунок сделан глубокой врезной линией. Надпись над изображением лошади (рис. 2, *1*) состоит из четырех знаков и части пятого, едва процарапанных. Читать надпись следует, повернув фрагмент кувшина горлом вниз, она повернута «вверх ногами» по отношению к рисунку.

Г. Ф. Турчанинов, исследовавший надпись, пришел к выводу, что она исполнена средневековым аланским письмом сирийско-несторианского дукта и датируется X—XI вв. По его мнению, надписи такого рода встречаются довольно редко, а в Крыму до сих пор известны не были [5].

Новые находки аланских граффити были сделаны во время раскопок на юго-восточном участке Херсонеса в 1964 г. [6] Здесь, в слое XIII—XIV вв., на XV поперечной улице и на площади перед храмом в центре квартала были найдены два донышка желто-поливных чаш с врезным орнаментом в виде окружностей (рис. 1, *2*, *3*) [7]. Снаружи на донышках оказались граффити, процарапанные на готовых сосудах очень тонкими и неглубокими линиями. Одно граффито (рис. 2, *2*) состоит из трех, а другое (рис. 2, *3*) — из двух знаков. Два знака в надписях повторяются. По определению Г. Ф. Турчанинова, оба граффити также написаны аланским средневековым письмом.

Находки аланских граффити в Херсонесе позволяют говорить о длительном проживании алан в городе, начиная примерно с IX в., вероятно, не в пределах обособленных аланских колоний, а в различных городских районах. В более раннее время они еще пользовались традиционными предметами быта, о чем свидетельствует находка типичного салтовского кувшина с рисунком и надписью. Позднее превратившись в горожан Херсонеса, они, по-видимому, уже не отличались своей материальной культу-

---

[2] Исследования 1963 г. на северном берегу производились совместной экспедицией Гос. Эрмитажа и Харьковского университета.

[3] Н. Я. Мерперт. О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 24.

[4] И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, 62, 1958, стр. 116; С. А. Плетнева. Керамика Саркела-Белой Вежи. МИА, 75, 1959, стр. 225.

[5] Пользуюсь случаем, чтобы выразить глубокую благодарность Г. Ф. Турчанинову, взявшему на себя труд определения надписей.

[6] Раскопки на юго-восточном участке Херсонеса производились объединенной археологической экспедицией Уральского, Харьковского университетов и Херсонесского музея.

[7] Это обычная для Херсонеса позднесредневековая красноглиняная посуда, встречающаяся в большом количестве в верхнем слое.

рой от остального населения города и пользовались предметами обихода, производимыми в мастерских Херсонеса.

Приведенные выше граффити — только первые находки их в Херсонесе. Выявлением новых надписей как в фондах музеев, так и в процессе раскопок должны заняться исследователи, работающие над изучением истории средневекового Херсонеса.

О. Ш. ИСМИЗАДЕ

О ДЕВИЧЬЕЙ БАШНЕ В БАКУ

Дивичья башня — интереснейший средневековый памятник в Баку. Она расположена рядом с Приморским бульваром и заметно возвышается над окружающими зданиями. Высота башни 28 *м*, диаметр — 16,5 *м*, толщина стен — 5,1 *м*.

С башней связаны легенды, возникшие в значительно более позднее время. Согласно одной из них, в древности городом Баку владел некий Самедхан, который хотел жениться на своей дочери. Дочь отказалась исполнить желание отца. Убедившись в невозможности избавиться от настойчивых притязаний хана, девушка дала согласие на брак, но при условии, чтобы для нее была выстроена высокая башня. После завершения строительства башни девушка, преследуемая ханом, в отчаянии бросилась с ее площадки в море. Море подходило тогда вплотную к каменной скале, на которой воздвигнута башня [1].

В другой легенде рассказывается о том, что город Баку был осажден войсками Нур-Эддин-шаха персидского. Город находился в осаде 90 дней и терпел большие лишения. Шах требовал немедленно вернуть ему наследственный город своих предков. Жители города в отчаянии требовали от главного жреца огнепоклонников Егирвана сдачи города без боя. Егирван, увидев волнующихся поклонников огня, сообщил им тайну храма. Завтра якобы Нур-Эддин-шах будет убит и убьет его огненная дева с огненным мечом в руках. Эта дева затем показалась у двери храма. Егирван благословил ее и сказал: «Ты должна спасти священный город — столицу неугасаемых огней и храм священный, творением которого являешься и ты. Ты должна отомстить за своих соотечественников и за веру твою, спасти тот уцелевший осколок твоего народа, который сейчас воскуряет святой огонь у ног твоих. Ты должна поднять знамя нашего храма, и пусть этот храм увековечит имя твое и будет лучшим памятником твоим Кыз-Кала».

С таким наставлением дева направилась к Нур-Эддин-шаху и ночью пришла в его стан. Пораженный красотой девушки, шах все же отверг просьбу девушки освободить от разрушения святой город огня. Тогда она решила привести в исполнение поручение соотечественников и выполнить свой обет, данный перед священным храмом,— убить Нур-Эддин-шаха. Глубокой ночью, когда шах заснул, она взяла свой огненный меч и убила им спящего Нур-Эддин-шаха.

Вернувшись на рассвете в город, огненная дева вся в крови, став у порога храма, заявила во всеуслышание: что она выполнила свой обет и спасла отечество. С этими словами дева вонзила меч в свою грудь. С тех пор храм огня превратился в сторожевую башню освобождения; в честь погибшей огненной девы башню назвали «Кыз-каласы» [2].

---

[1] Дж. Александрович-Насыфи. Легенды о Девичьей башне в Баку. Изв. Азкомстарис, III, Баку, 1927, стр. 163, 164.

[2] А. П. Фитуни. Легенды о Баку и Девичьей башне. Изв. Азкомстарис, III, стр. 150.

Рис. 1

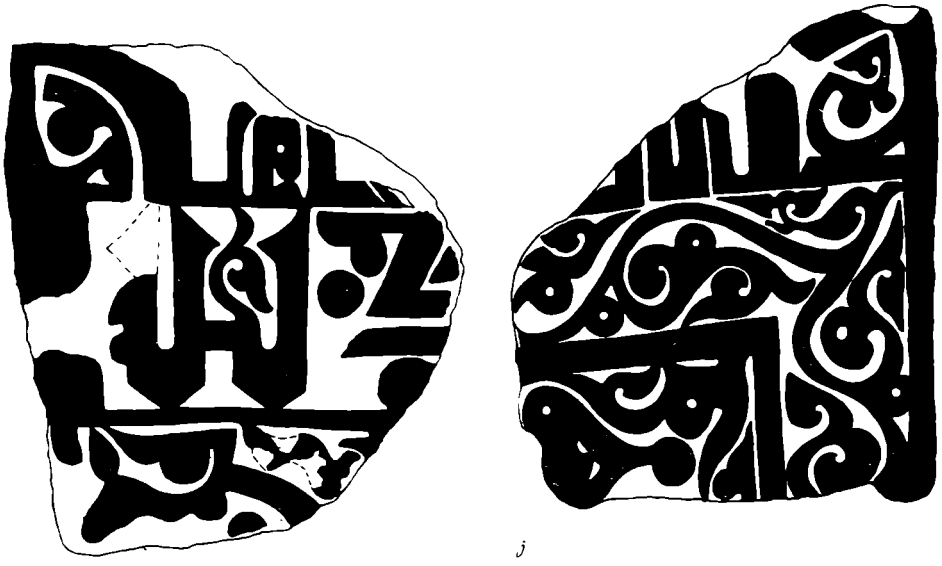
1—6 — глиняные сосуды, найденные при раскопках колодца в Девичьей башне

По поводу этой легенды А. П. Фитуни писал, что «...условия, которые дали возможность появлению этой легенды, позволяют отнести эту легенду о Баку и о Девичьей башне к глубокой древности. Хотя имя Баку у восточных авторов появляется не раньше как с X века, но нужно отметить, что Баку очень древнего происхождения, теряющегося во мраке веков. Есть данные предполагать, что здесь еще при сасанидах, т. е. почти в первые века нашей эры, был город Багаван. Не с меньшей уверенностью можно отнести возникновение и этой легенды к эпохе сасанидов»[3].

Содержание третьей легенды сводится к следующему. Девичья башня стояла у самого моря, лишь небольшой выступ скалы у ее основания не покрывался водой. На этот выступ ежедневно, после заката солнца, выхо-

[3] Там же, стр. 149.

дила из города молодая девушка для встречи со своим возлюбленным. Он жил по ту сторону залива у самого Зыха. Сильно любя девушку, он безудержно стремился к ней каждый день. Путь свой он всегда держал прямо через залив. Чистая и сильная любовь помогала ему легко преодолевать этот путь. Однажды во время свидания он внимательнее присмотрелся к своей невесте и, к удивлению своему, заметил, что она вовсе не так



б

Рис. 2. Обломок надгробного камня
а — лицевая сторона, *б* — оборотная сторона

уж прекрасна, как казалось ему до этого дня. Много женщин других были лучше и красивее ее. В сердце его закрались сомнения. Он ушел со свидания опечаленный и, как всегда, через залив направился домой. Но тревога и сомнения росли в его душе, он чувствовал, что в нем умирает какая-то сила. Это была сила любви. Она покинула юношу и волны поглотили его прежде, чем он успел пересечь залив [4].

О времени сооружения Девичьей башни существуют различные мнения; некоторые ученые считают, что она построена в период господства арабов в Азербайджане (IX—X вв.). При этом указанная датировка относится не ко всей башне в целом, а к верхней ее части, считающейся поздней пристройкой. В настоящее время основным источником для определения возраста башни является куфическая надпись, высеченная на прямоугольном плитняковом камне, вставленном с западной стороны в стену башни, над дверным проемом на высоте 14 *м*.

В надписи упоминается имя Мас'уда сына Давуда. Возможно, что упомянутый Мас'уд являлся внуком того самого сельджукского султана Махмуда, который в начале XII в. (до 1135 г.) сидел в Тавризе и правил Азербайджаном. Вероятно, Мас'уд в тот период был наместником северных областей Азербайджана, и поэтому его имя нашло свое отражение в надписи на этом грандиозном памятнике.

В первой половине XII в. имя Мас'уда I сына Давуда фигурирует также в генеалогии малоазиатских сельджукидов. Так или иначе, по письменным источникам и указанной надписи на камне время сооружения Девичьей башни временем ранее XII в. пока не определялось.

В 1963 г. Институт истории АН АзербССР приступил к археологическому обследованию памятника; экспедицией руководил автор настоящей

[4] Дж. Александрович-Насыфи. Ук. соч., стр. 164.

статьи. Внутри башни под вымосткой каменного пола был заложен шурф. На глубине 4,5 *м* открылась сплошная каменная скала, состоящая из ракушечного известняка. Поверхность скалы под полом имеет наклон с запада на восток. Вся внутренность башни от каменной скалы до вымостки пола, находящейся на линии цоколя, была заполнена очень твердым бутом, состоящим из камня и щебня на крепком известковом растворе. Было

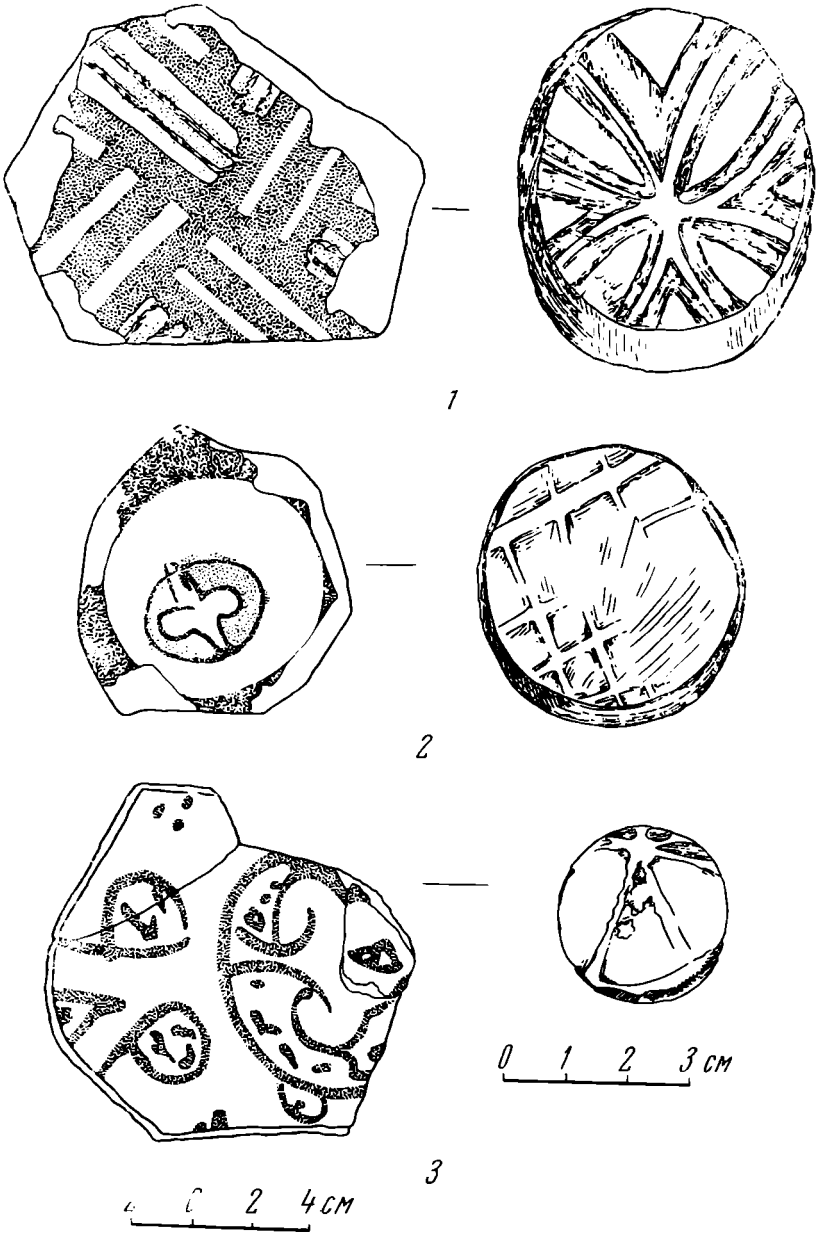


Рис. 3

1—3 — обломки поливных чаш с клеймами на днищах

проверено внутреннее крепление нижней части Девичьей башни ниже цоколя и глубина залегания фундамента стен. При расчистке выяснилось, что весь этот грандиозный памятник архитектуры базируется целиком на массивной каменной скале большой мощности. Под вымосткой пола никаких сооружений не обнаружено. С внутренней стороны ниже цоколя стены башни из тесаных камней облицовки не имели.

Во время обследования башни в стене ее был открыт засыпанный колодец диаметром около 0,7 *м*. Расчистка показала, что верхняя часть его

заполнена в позднее время. Предметы, извлеченные из верхней части колодца, характерны для XIX и начала XX в. От уровня вымостки пола до глубины 4,8 *м* стенки колодца были выложены из тесаных камней на известковом растворе. Ниже этой глубины начинается сплошная каменная скала, в которой вырублено продолжение колодца, идущее до водоносных слоев грунта. В процессе расчистки наблюдением за срезами стенок колодца установлено, что пласты каменной скалы на всю расчищенную глубину колодезной ямы, ниже 4,8 *м*, чередуются с пластами малопесчаной глины желтого цвета. На глубине 9 *м* колодец расширяется, и диаметр его доходит до 3,5 *м*. Расширение нижней части колодца сделано для накопления воды. Высота расширенной части 1,7 *м*. На глубине 10,7 *м* диаметр колодца опять суживается и доходит до прежнего диаметра — 0,7 *м*. В этот сезон колодезная яма была расчищена до глубины 13 *м*. Вода выступила на глубине 8 *м*. Анализ показал, что вода колодца пресная, вполне пригодна для питья.

В колодце с глубины 9 *м* встречались находки, относящиеся к более раннему периоду. В расширенной части колодца, на глубине 9—10,7 *м* обнаружена керамика, характерная для XII—XIV вв. Это фрагменты кувшинов, кюпов, чаш, тарелок, мисок и др. (рис. 1, *1—6*). Широкогорлые и узкогорлые кувшины с резным украшением на поверхности, снабженные вертикально прикрепленными ручками, вероятно, попали в колодец разбитыми во время вычерпывания воды. Обломки же поливных чаш, мисок, тарелок и больших толстостенных кюпов с защипным пояском на поверхности и др. были брошены в колодец после поломки. Кроме керамики, из низа расширенной части колодца были подняты также обломки надгробных камней с надписью и резным орнаментом. Среди них имеется обломок надгробия с куфической надписью и высеченным на обороте растительным орнаментом более раннего периода, примерно XI—XII вв. (рис. 2).

Материалы нижней, сужающейся части колодца отражают также более ранний период истории данного памятника. Здесь, кроме простой неполивной керамики, на глубине 12—13 *м* обнаружены фрагменты поливных чаш и тарелок с полихромной росписью ангобом и марганцем, украшенные орнаментом. На кольцевидном поддоне трех поливных чаш штампом оттиснуты рельефные клейма. На одном из них изображена четырехлепестковая розетка. Орнамент внутри чаши состоит из узких, упирающихся концами друг в друга полос коричневого, белого и зеленого цвета, выполненных росписью ангобом под прозрачной глазурью (рис. 3, *1*).

На втором клейме изображена квадратная рельефная сетка. Чаша с этим клеймом была в огне, под действием которого дно и боковые стенки ее с наружной стороны закопчены, а часть оттиснутого клейма стерлась. С внутренней стороны на днище чаши расположены довольно широкие кольцевидные росписные полоски со стилизованным изображением дерева в кружке (рис. 3, *2*). Третье клеймо оттиснуто на днище сравнительно небольшой поливной чаши с росписью марганцем по белому ангобу. Прозрачная глазурь, нанесенная сверху, отстала. Оттиск штампованного клейма этой чаши отдаленно напоминает стилизованное изображение человека, близкое изображениям людей, высеченных на скалах Кобыстана[5] (рис. 3, *3*). Много клейм с изображением четырехлепестковой пальметты и сеточки было найдено в культурном слое средневековых городов Азербайджана: Оренкала и Кабала. Там они датируются XI—XII вв.[6] Нам кажется, что фрагменты поливных чаш с упомянутыми клеймами и обломок надгробного камня с куфической надписью и растительным орнамен-

---

[5] И. М. Джафарзаде. Наскальные изображения Кобыстана в Азербайджанской ССР. Материалы по истории Азербайджана. II, Баку, 1957, стр. 107, 108.

[6] А. Л. Якобсон. Художественная керамика Байлакана (Оренкала). МИА, 67, 1959, стр. 234—247.

том, извлеченные со дна колодца в Девичьей башне, также можно отнести к XI—XII вв.

Интенсивно просачивающаяся со стен колодца грунтовая вода не дала возможности довести расчистку его до конца. Думается, что дальнейшая выборка заполнения нижней части колодца, несомненно, даст новый более древний материал, совпадающий по времени с периодом сооружения нижней, более древней, части Девичьей башни.

П. Ф. ЛЫСЕНКО

КАМЕННАЯ ИКОНКА ИЗ ПИНСКА

В 1964 г. во время раскопок на территории окольного города древнерусского Пинска [1] встречена редкая для древней Руси находка — каменная резная нагрудная иконка (рисунок).

Иконка вырезана из мягкого камня серого цвета. Она чрезвычайно миниатюрна по своим размерам (высота ее 3,5 *см*, ширина — 2 *см*, толщина каменной пластинки — 0,7 *см*), имеет прямоугольную нижнюю часть и полуциркульную верхнюю (арочную), в местах соединения которых образуются плечики. Сверху иконка оканчивается фигурным оглавием с врезанным четырехконечным равносторонним крестом, в каждом четвертном поле которого по одному углублению в виде точки. В основании фигурного оглавия сбоку просверлено отверстие для ношения иконки на шнурке. Края его потерты. На лицевой стороне иконки вырезано погрудное изображение Христа, окаймленное двойной рельефной линией. Христос изображен в образе юного спаса Эммануила, значительно отличающегося от традиционного канонического изображения Иисуса Христа в зрелом возрасте (с усами и бородой, с расчесанными на прямой пробор ниспадающими по обе стороны лица длинными прядями волос). На изображении представлено детское округлое лицо с пухлыми щеками и губами, с оттопыренными маленькими ушами. Короткие, зачесанные вверх волосы открывают высокий лоб, глаза смотрят спокойным, внимательным взглядом. Голова прямо посажена на корпус с узкими детскими плечами. Вокруг головы — круглый кресчатый нимб, присущий только изображениям Иисуса Христа [2]. Иисус одет в тунику, поверх которой наброшен плащ (хитон?), с правого плеча свисает епитрахиль.

Рис. Каменная иконка из Пинска

Иконка выполнена в реалистичной манере, способом высокого рельефа. Очень тонко и тщательно вырезаны глаза, нос, губы, уши, на прическе прочерчены пряди волос, над верхней губой маленькая ямочка. На одежде видны складки, епитрахиль украшена орнаментом в виде косой сетки. Фон, на котором изображен крестчатый нимб и над которым возвышается изображение, углублен в пластинку на 2 *мм*, высота лица немного выше бортовой окантовки иконки. Над плечами фигуры прочерчены буквы IC — над правым (с титлом) и XC — над левым (с титлом). Отдельные части иконки в древности были позолочены. Остатки позолоты видны в правой нижней части иконки (левый рукав) и в нижней части туники. Темные

[1] Раскопки автора, раскоп 11, пласт 13, квадрат 4, инв. № 619.

[2] И. А. Шляпкин. Древние русские кресты. СПб., 1906, стр. 28.

пятна (возможно, следы позолоты) видны и на других участках одежды и нимба. Возможно, одежда и нимб были вызолочены.

В русской иконографии хорошо известны изображения Иисуса Христа в образе Спаса Эммануила [3]. В музейных собраниях, однако, прямых аналогий (по форме, размерам, особенности изображения и изготовления) пинской иконке Иисуса Христа нет. Определенную степень сходства с пинской имеют опубликованные в изданиях Б. И. и В. И. Ханенко каменные резные иконки, к сожалению беспаспортные [4]. Одна из них (№ 1318) имеет большое сходство с пинской иконкой по форме предмета. Это прямоугольник, перекрытый аркой, и с заплечиками. По размерам она несколько меньше пинской и не имеет фигурного оглавия над аркой. Как и пинская, она оконтурена рельефным ободком. На ней изображен врезанный шестиконечный крест с поперечными перекладинами внутри арки. Очень близка по изображению пинской иконке вторая каменная иконка, изданная Б. И. и В. И. Ханенко (№ 1319). По форме она напоминает перекрытый аркой прямоугольник (без заплечиков). По размерам это иконка несколько меньше пинской, у ней нет фигурного оглавия и обрамления вдоль краев. Изображение ее чрезвычайно сходно с пинским — Христос Эммануил с крестчатым нимбом в той же одежде — тунике и плаще (хитон?) с епитрахилью через правое плечо и с той же надписью — IC—XC. Исполнена она в реалистической манере.

Возможно, обе иконки изготовлены или одним мастером, или разными мастерами, но по одному образцу. Иконка, опубликованная Б. И. и В. И. Ханенко, сохранилась значительно хуже пинской, изображение на ней сильно потерто. По художественным достоинствам, уровню мастерства, твердости и уверенности линий, ювелирной точности в передаче на камне мельчайших деталей лица (пряди волос, губы, ямочка над верхней губой) пинская иконка значительно превосходит иконку, приведенную Б. И. и В. И. Ханенко.

Известную степень сходства с пинской иконкой имеет также найденная на горе Замковище у с. Коноги Черкасского уезда Киевской губернии иконка святителя Николая (предположение Б. И. и В. И. Ханенко [5]), вырезанная из темно-серого сланца. Она несколько крупнее пинской, не имеет заплечиков у соединения арки и основания, верх арки обломан. На оборотной стороне иконки изображен выпуклый равноконечный крест. Б. И. и В. И. Ханенко датируют эту иконку XII—XIII вв.

При определении места производства пинской иконки возникают затруднения. Она вырезана из серпентина, широко распространенного в небольших количествах во всей Европе. Материал был доступен и русским камнерезам, умевшим искусно обрабатывать и более твердый камень. Однако отсутствие аналогий, полуфабрикатов и заготовленного сырья в археологическом материале из древнерусских городов не дает пока возможности говорить о местном изготовлении иконки. Вопрос о месте изготовления ее, к сожалению, остается открытым.

Раскоп 11, в котором найдена резная иконка, имеет одинаковую стратиграфию с раскопами 9 и 10, а также с раскопом 8 (1963 г.). Расположение обломков стеклянных браслетов, амфор, шиферных пряслиц в нижних пластах всех четырех раскопов совершенно аналогично. Сходство стратиграфии культурного слоя и распределения находок во всех четырех раскопах позволяет привлекать в качестве датирующего материала вещевые выходки всех раскопов. Это важно потому, что датировки строительных

---

[3] Н. П. Лихачев. Материалы для истории русского иконописания. Альбом, I, СПб., 1906, иконы № 85, 165, 189; Н. Кондаков. Лицевой иконописный подлинник. I. СПб., 1905. Иконография господа бога нашего и спаса Иисуса Христа, стр. 40, рис. 62, стр. 9, рис. 10а, стр. 60, рис. 100, стр. 59, рис. 99. Изограф. журнал иконографии и древних художеств. СПб., 1883, вып. III—IV, стр. 24.

[4] ДП. VI. Киев, 1907, табл. XXXVIII, *1318, 1319*.

[5] Б. И. и В. И. Ханенко. Древности русские. II, Киев, 1900, табл. XXVII, *309*.

ярусов (а следовательно, и раскопочных пластов) раскопа 8 по находкам подтверждены данными дендрохронологического анализа древесных спилов[6] (таблица).

Слои	Пласты	Находки			Ориентировочные даты
		амфоры	браслеты стеклянные	пряслица шиферные	
Серый слой небольшой плотности	9				Дендрологическая дата (IX ярус) третья четверть XIII в.
	10	3	59	9	30—40-е годы XIII в.
	11	14	147	23	Первая четверть XIII в.
	12	31	77	14	Рубеж XII и XIII вв.
Темно-серый гумированный плотный слой	13 *	35	46	9	Вторая половина XII в.
	14	26	15	19	Первая половина XII в.
Материк					

* Место находки иконки.

Стратиграфия и расположение некоторых находок в нижних горизонтах окольного города древнего Пинска (раскопы 8—11).

Иконка найдена в верхнем горизонте темно-серого слоя сильногумированной супеси плотной структуры. В нем немного стеклянных браслетов, количество которых продолжает возрастать еще на протяжении двух раскопочных пластов. Обломки амфор и шиферные пряслица тоже встречаются постоянно и продолжают встречаться еще на протяжении 2—3 пластов. На основании распределения в слое стеклянных браслетов, амфор и шиферных пряслиц можно высказать предположение, что верхняя граница домонгольского периода проходит выше местонахождения иконки на 2—3 пласта, где количество браслетов резко сокращается, а находок пряслиц и фрагментов амфор почти нет.

В соответствующих пластах раскопа 10 найдена двушипная втульчатая стрела X—XII вв.[7], шпора с коническим острием XII—XIII вв.[8], шиферное пряслице с надписью XII в. Первый послемонгольский строительный ярус в раскопе 8 (датируется временем, близким к домонгольскому) расположен на 40—45 *см* выше пласта, соответствующего 13 пласту раскопа 11. Приведенные выше соображения позволяют выдвинуть предположение о датировке 13 пласта раскопа 11, в котором найдена каменная резная иконка, XII в.

[6] Дендрохронологический анализ спилов из раскопа № 8 в г. Пинске произведен в лаборатории ИА АН СССР Н. Б. Черных, за что, пользуясь случаем, приношу ей искреннюю благодарность

[7] А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. МИА, 65, 1959, стр. 154, табл. 7.

[8] Там же, стр. 189, рис. 21, 7, стр. 191.

В. К. МИХЕЕВ

КЛАД ЖЕЛЕЗНЫХ ИЗДЕЛИЙ С СЕЛИЩА САЛТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В 1963 г. при рытье котлована под водосборочную станцию на берегу Северного Донца в 300 *м* к востоку от городища, у с. Маяки Славянского района Донецкой области на глубине 100—120 *см* в слое предматерикового суглинка И. Е. Гайворонским был найден клад железных изделий. Обследование указанного места показало, что он был зарыт на территории селища салтовской культуры.

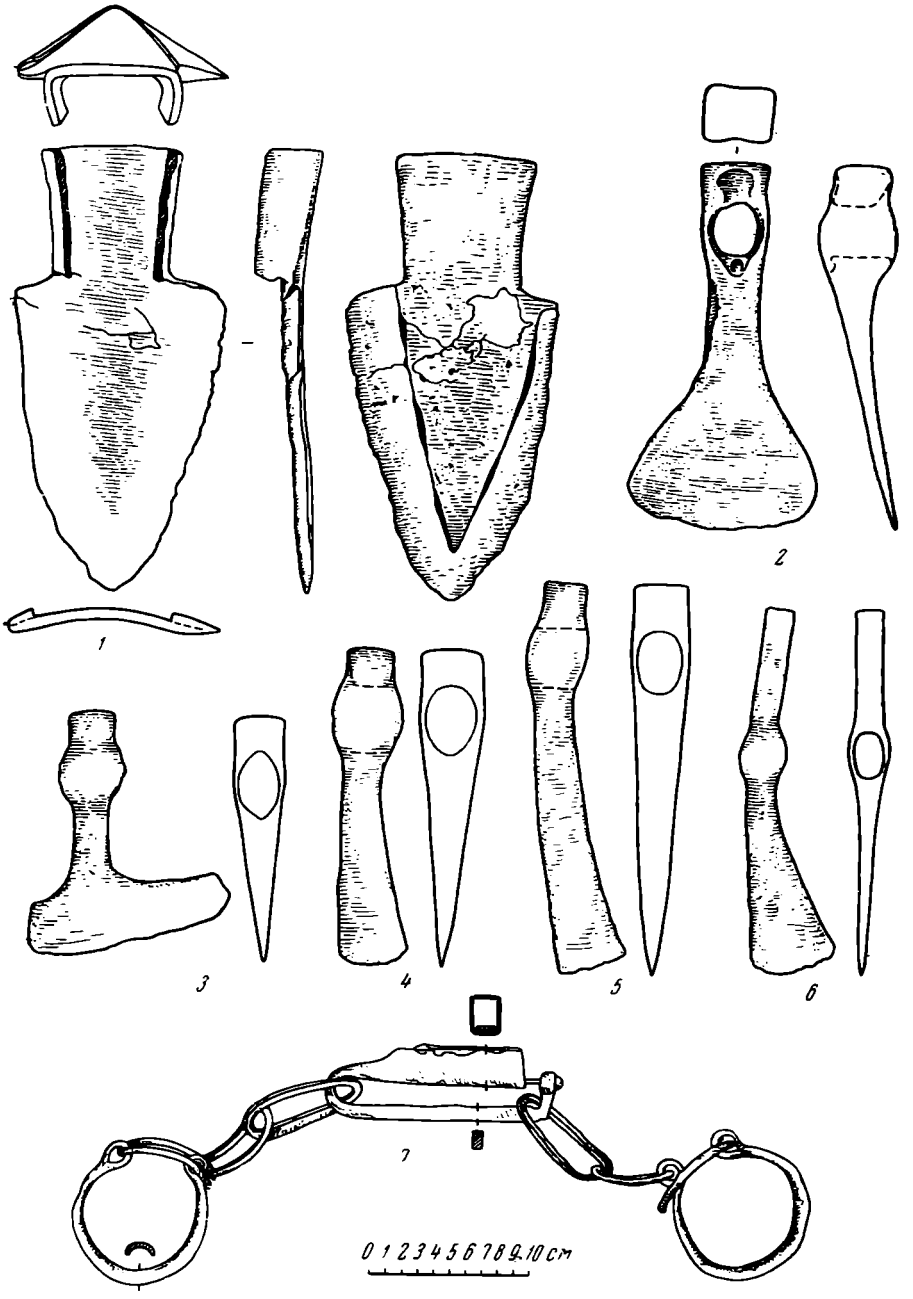


Рис. 1. Клад железных изделий;
1 — лемех, *2* — мотыга, *3—6* — топоры, *7* — путы с замком

Клад состоит из восьми предметов [1].

1. Асимметричный лемех листовидной формы. Длина его — 27 *см*, длина рабочей части 19,2 *см*, наибольшая ширина ее 13 *см*. Втулка лемеха коническая. Длина ее 7,8 *см*, ширина 7,3—8,7 *см*. Вес лемеха 1 *кг*. Лемех сварен из нескольких железных листов. Его рабочие края упрочнены при помощи двух толстых железных полос, наваренных на лицевую сторону. Ширина правой заостренной полосы 3 *см*, левой тупой — 1—2,5 *см*. Лемех деформирован в средней части (рис. 1, *1*).

2. Проушная мотыга длиной 22 *см*. Ширина рабочей части 11,5 *см*. Обух массивный, прямоугольной в плане формы. Вес мотыги 975 *г*

[1] Клад хранится в Археологическом музее Харьковского гос. университета, инв. № 1798.

(рис. 1, *2*). По словам очевидцев, в составе клада находилось второе орудие аналогичного типа, но меньших размеров.

3. Топор с широким, оттянутым на две стороны лезвием. Длина топора 14,8 *см*, ширина лезвия 13 *см*. Обух почти квадратной формы. Вес топора 570 *г* (рис. 1, *3*).

4. Узколезвийный топор. Длина его 19,7 *см*, ширина лезвия 4,2 *см*. Сечение обуха прямоугольной формы. Вес топора 830 *г* (рис. 1, *4*).

5. Массивный узколезвийный топор длиной 24 *см*. Ширина лезвия 4,5 *см*. Обух в сечении прямоугольной формы. Топор весит 1030 *г* (рис. 1, *5*).

6. Легкий топорик с молоткообразным сильно вытянутым обухом и постепенно суживающимся к проушине лезвием. Длина топора 22,7 *см*, ширина лезвия 5,1 *см*. Обушная часть квадратная в сечении. Вес топора 380 *г* (рис. 1, *6*).

7. Пара массивных конских пут. Каждый экземпляр замкнут звеньями цепи и заперт коробкообразным замком (рис. 1, *7*).

Место находки и характер изделий указывают на то, что клад относится к салтовской культуре. Некоторые предметы из клада имеют прямые аналогии только в памятниках названной культуры или, во всяком случае, характерны для нее. К ним прежде всего относится лемех. Точную аналогию ему мы находим лишь в памятнике салтовской культуры, каким является правобережное Цимлянское городище[2]. Другим землеобрабатывающим орудием является найденная в кладе мотыга. Известные в период раннего средневековья орудия этого типа несколько отличаются от найденного экземпляра формой обуха и шириной лезвия. Как на приблизительные аналогии можно указать на мотыгу с Княжей Горы[3]. Из всех топоров, найденных в составе клада, лишь один является боевым топориком, типичным для салтовской культуры (рис. 1, *6*). Остальные употреблялись для рубки дерева. Широколезвийные топоры типа, изображенного на рис. 1, *3*, имеются среди находок с Пастырского городища[4] и поселения VIII—IX вв. в м. Городище у с. Якимово в Болгарии[5]. Топоры типа узколезвийных (рис. 1, *4, 5*) разнятся только по величине и были широко распространены в раннем средневековье на территории Восточной Европы и смежных областей, где датируются второй половиной I тысячелетия[6]. Наиболее близкие по форме и размерам топоры найдены в хазарском слое Саркела, который датируется тридцатыми годами IX — первой половиной X в.[7]. Конские путы из клада отличаются от известных древних пут формой замка. Типологически они ближе всего стоят к славянским путам с трубчатыми замками без второго дополнительного цилиндра[8], хотя и здесь мы не находим полного сходства в формах и конструкциях замков. Аналогичные

---

[2] С. А. Плетнева. Отчет о раскопках на Правобережном Цимлянском городище летом 1959 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 1907*а*, рис. 12, *Г*.

[3] В. И. Довженок. Землеробство древньої Русі. Київ, 1961, рис. 14, *7*.

[4] ДП, II, Киев, 1899, стр. 18, табл. 132.

[5] Атанас Милчев. Проучвания на раннославянската култура в Болгария и на Плиска през последните двадесет години. «Археология», кн. 3, 1964, рис. 2, стр. 26.

[6] Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Мордовск, 1952, стр. 41, табл. XI, *4*, табл. XI, *2*, табл. XXVII, *7*; Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. МИА, 72, 1959, стр. 72, рис. 25, *11*; И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МИА, 74, 1958, стр. 20, рис. 8; ДП, II, стр. 18, табл. V, *134* и *136*; Д. Т. Березовец. Поселения уличей на р. Тясмине. МИА, 108, 1963, стр. 184, рис. 20, *4*; Атанас Милчев. Проучвания на раннославянската култура..., рис. 2; Boris Novotný. Nalez skladu železných nastrojů na hradišti «Pohansku» u Nejdku. «Přehled výzkumů», Brno, 1958, стр. 74. Топоры с городища «Поганско» сходны с указанными только по форме, но не по размерам. Они значительно легче и, как указывает автор публикации, служили в качестве оружия.

[7] С. С. Сорокин. Железные изделия Саркела — Белой Вежи. МИА, 75, 1959, стр. 136, 142, рис. 1, *8*; 4, *1—4*.

[8] Там же, рис. 20, *1—9*, стр. 178.

путы найдены на Правобережном Цимлянском городище С. А. Плетневой [9].

Из приведенных аналогий видно, что наиболее вероятной датой зарытия клада следует считать первую половину X в., когда салтовская культура прекращает свое существование.

---

[9] С. А. Плетнева. Отчет о работе Донской экспедиции Гос. Эрмитажа на Правобережном Цимлянском городище в 1958 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 1742, стр. 95, № 1742б, рис. 101.

А. С. ЛАЗАРИ

ПАСТА ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ СЛЕПКОВ

Химия высокополимеров в последние десятилетия создала целый ряд синтетических материалов с широким диапазоном свойств.

Определенный интерес для археологов представляют так называемые силиконовые пласты кремнийорганических соединений.

Способность к образованию объемных моделей, отсутствие прилипания, легкость нанесения на поверхность исследуемого объекта, малая зависимость от температуры и влажности воздуха, точность и устойчивость воспроизведения деталей микрорельефа — вот свойства этих материалов, открывающих возможность использования их для получения надежных и долговечных копий с различных археологических объектов.

К таким материалам, в частности, относится силиконовый компаунд К-18 типа пасты, представляющий собой вязкотекучую жидкость светло-серого цвета, полимеризующуюся в присутствии катализатора № 18. Катализатор — это жидкость того же цвета, застывающая на воздухе.

Для приготовления рабочего состава слепочной массы в пасту обычно добавляют наполнители: окиси различных металлов (цинка, железа, меди и др.), а также сажу. Наполнители добавляются для повышения прочности, для придания слепочной массе определенного цвета, а также для снижения стоимости изделия. Наполнитель должен быть тонкоструктурным порошком, хорошо смешиваемым с пастой до образования однородной массы. Для последующего микроскопического исследования и фотографирования более удобным является нейтральный серый цвет. Такой цвет можно получить, добавив в пасту окись цинка и небольшое количество сажи.

Как показали эксперименты, полимерные слепки дают усадку, причем процент усадки находится в зависимости от количества катализатора, вводимого в состав слепочной массы.

Так, в результате экспериментов, проведенных со слепочной массой в составе: паста К (10 *г*), окись цинка (0,5 *г*), сажа (0,03 *г*), катализатор № 18 (30 капель) — средний процент усадки составил 1,8; слепки, изготовленные из аналогичного состава, но с количеством катализатора в три раза больше, чем в первом случае, дали средний процент усадки 2,3.

Это обстоятельство необходимо учитывать в случаях определения действительных размеров исследуемого объекта по его полимерной копии.

Сравнительное исследование полимерных слепков и объектов, с которых были изготовлены эти слепки, показало, что усадка слепков происходит равномерно и не изменяет пространственного расположения деталей на копиях; полимерные копии способны точно и устойчиво воспроизводить все детали микрорельефа.

Время полимеризации слепочной массы находится в прямой зависимости от количества катализатора в массе и температуры окружающего воздуха. Полностью процесс полимеризации заканчивается лишь на вторые-третьи сутки, однако снять полимерный слепок с поверхности копи-

руемого предмета можно через 2—2,5 часа при количестве катализатора 30 капель на 10 *г* пасты и при температуре воздуха 21—23° С [1] или через 1—1,5 часа при той же температуре, но с количеством катализатора, в три раза большим. Во избежание изменения рельефа слепок необходимо поместить так, чтобы поверхность копии с изображением рельефа изучаемого объекта не находилась в контакте с другими предметами.

При изготовлении полимерных слепков должна учитываться структура поверхности исследуемого объекта: при пористой поверхности объекта слепочная масса должна быть более вязкой, что достигается увеличением количества наполнителя, примерно до 0,7—0,8 *г* на 10 *г* пасты; при компактной поверхности, а также при получении слепков с объектов сложной конфигурации количество наполнителя должно составлять 0,3—0,5 *г*.

Для получения полимерных слепков нами может быть рекомендован следующий состав: паста К 10 *г*, окись цинка 0,3—0,5 или 0,7—0,8 *г*, сажа 0,01—0,03 *г*, катализатор 30 капель.

При изготовлении слепков производится сначала подготовка объекта к получению полимерной копии с него. Для этого копируемую поверхность объекта очищают от пыли. Чтобы полимерная масса не растекалась по краям объекта, из пластилина изготовляется барьер.

Компоненты слепочной массы берутся в соотношении, необходимом для получения слепков с учетом структуры поверхности объектов. В необходимое количество пасты (в зависимости от площади объекта), помещенной в чашку, высыпается отвешенный наполнитель и перемешивается до получения однородной массы. Наполнитель может быть введен в пасту задолго до момента изготовления слепка, паста с ним хорошо хранится. Катализатор вводится непосредственно перед нанесением массы на поверхность копируемого предмета. Полимерная масса с катализатором вновь перемешивается, после чего она считается готовой к применению.

Основное требование при нанесении полимерной массы на предмет — это равномерное наволакивание массы, не допускающее образование пузырей. Масса наносится небольшими порциями, сначала тонким слоем смазывается поверхность объекта. Убедившись в том, что все неровности заполнены и нигде нет пузырей, можно продолжить нанесение пасты до краев барьера. Готовность слепка проверяется на ощупь: полимерная масса должна быть упругой, резиноподобной и не давать отлипа. После того, как масса застынет, нужно осторожно освободить объект от барьера, а затем не менее осторожно снять слепок.

Полученный таким образом слепок негативно отображает копируемую поверхность объекта. Для получения вторичного слепка с позитивным изображением необходимо прибегнуть к помощи другого синтетического материала, например к тиаколовым пастам УТ-31, УТ-30-М. Вызывается это тем, что при изготовлении слепков из одного и того же материала происходит сцепление. Это свойство полимеров может быть использовано при изготовлении больших слепков.

При изготовлении слепков из тиаколовой пасты следует соблюдать рекомендации, содержащиеся в технических условиях. Необходимо помнить, что эти пасты обладают некоторой прилипаемостью, например к металлу, и применять их для изготовления слепков без силиконовой пасты нужно осторожно.

[1] Повышение температуры воздуха в период полимеризации более 40—45° С не рекомендуется.

Критика и библиография

Е. Е. КУЗЬМИНА

НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ПЕРВОБЫТНОЙ КУЛЬТУРЫ В НИЗОВЬЯХ ЗЕРАВШАНА

Почти каждый год в пустынях Средней Азии ветер, передувая барханы, открывает древние памятники, которые в течение многих веков оставались под песками. В результате развевания в 1950 г. был обнаружен интереснейший могильник Заман-Баба на Зеравшане, который в последующие годы был раскопан.

В 1966 г. наконец вышла в свет публикация работ Махан-Дарьинского отряда Узбекистанской археологической экспедиции, которую с таким нетерпением ждали не только археологи Средней Азии, но и специалисты по истории широкой зоны степей Евразии [1].

Интерес к этой территории обусловлен тем, что здесь, в зоне контакта степных и земледельческих культур, следует искать область, которая являлась посредником в передаче многих культурных достижений передовых древневосточных цивилизаций в евразийские степи. Махан-Дарья — район древнейшего в степной зоне орошаемого земледелия. В окрестностях дельты Зеравшана локализуются месторождения полезных ископаемых, разработки которых были начаты в глубокой древности.

До начала работ Махан-Дарьинского отряда эта территория оставалась белым пятном на археологической карте Средней Азии.

Открытие культуры на Махан-Дарье — огромное достижение авторов рецензируемой книги. Ныне здесь обследовано и выявлено несколько десятков памятников, на которых собран подъемный материал, а на ряде из них проведены раскопки. Полученные данные позволяют представить историю этого района от эпохи неолита и до конца бронзового века. Поэтому выход книги, посвященной публикации таких важных материалов, является крупным научным событием. Работа содержит подробное описание открытых памятников, материал излагается четко и дан в хронологическом порядке. Можно всячески приветствовать стремление авторов насытить работу объективной информацией: в книге даны многочисленные подсчеты кремня и керамики, приведены данные анализов металла, произведенных И. В. Богдановой-Березовской, а также выполненные Г. Ф. Коробковой анализы установления функций орудий по следам сработанности. Большое значение имеют наблюдения над гидрографией района и заключения о развитии древней ирригации.

В I разделе книги характеризуются памятники неолитической эпохи. Материалы, собранные на неолитических стоянках, рассматриваются на широком фоне и сопоставляются с передне- и среднеазиатскими индийскими и уральско-казахстанскими.

В основу периодизации тузканских стоянок положены данные, полученные при раскопках стоянки Дарбазакыр I [2], которую авторы считают трехслойной, относят к кельтеминарской культуре, синхронизируя ее с Джанбас-Кала 4 и IV слоем пещеры Джебел, и на основании этого датируют ее вслед за С. П. Толстовым концом IV — началом III тыс. до н. э. [3]. Стратиграфия Дарбазакырской стоянки заслуживает самого пристального внимания, поскольку первобытные памятники с четкой колонкой культурных напластований в Средней Азии — явление редкое. Однако выводы, к которым приходят авторы на основании изучения одной только стоянки, нуждаются в дальнейшей тщательной проверке на более широком материале.

Не менее интересны памятники следующего — раннеэнеолитического времени, открытые Махан-Дарьинским отрядом. Полученные на стоянках Каптарникуми мате-

---

[1] Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскаров. Первобытная культура в низовьях Зерафшана. «Труды Махан-Дарьинского отряда Узбекистанской археологической экспедиции АН УзССР», I, Ташкент, 1966.

[2] Я. Г. Гулямов и др. Ук. соч., стр. 23—38, рис. 5.

[3] Там же, стр. 79—80.

риалы рассказывают о происхождении заман-бабинской культуры. Каптарникумскую посуду роднит с заман-бабинской ряд форм, в том числе прямоугольных сосудов, а также отсутствие на большинстве сосудов орнамента [4].

Главы I и II раздела II посвящены характеристике памятников энеолитической культуры Заман-Баба. После описания погребений могильника авторы дают характеристику поселения. Синхронность поселения и могильника убедительно доказывается сопоставлением многих категорий инвентаря обоих памятников [5].

Новые данные о происхождении заман-бабинской культуры заслуживают пристального внимания. Открытие У. Исламовым энеолитических стоянок, в материалах которых улавливается определенное сходство с Заман-Бабой, а также находка А. Аскаровым на поселении Заман-Баба I керамики с орнаментом позднекельтеминарского облика подтверждают высказывавшееся ранее предположение о связи заман-бабинской культуры с культурой позднекельтеминарского типа [6].

Тщательная методика проведения раскопок на поселении Заман-Баба позволила А. Аскарову выявить древнейшее в культуре степных племен Средней Азии жилище, определить его размеры и проследить столбовую конструкцию. Методика же проведения раскопок могильника вызывает серьезные возражения.

Авторы пишут, что раскопки велись по квадратам 2×2 *м* и, видимо, могильные ямы тут же наносились на общий план могильника. Однако как в таком случае могла произойти путаница в номерах могильных ям (№ 27 и 32) [7]? К сожалению, даны планы только 7 могил из 46. На планах катакомб не указано расположения костей и положение вещей в могиле. На профилях отсутствует характеристика грунта. Профиль могилы № 24 не соответствует ее плану [8]. Нет нивелировки площади могильника до начала раскопок, невозможно определить глубину погребений от современной поверхности. Отсутствие этих данных не дает оснований для решения дискуссионного вопроса о наличии или отсутствии в могильнике ямных погребений.

Первоначально автор раскопок могильника Я. Г. Гулямов предполагал, что в двух группах погребений могильника были сосредоточены разнотипные погребения (ямные и катакомбные) [9]. Ныне авторы публикации приняли гипотезу М. П. Грязнова о том, что ямные погребения являются остатками разрушенных катакомб [10]. Для решения этого вопроса важно было бы провести сопоставление материалов западного и восточного секторов тем методом, который так успешно применен А. Аскаровым для синхронизации поселения и могильника. Рассмотрение комплексов ямных и катакомбных погребений позволяет отметить некоторые отличия: судя по описаниям и планам, дно катакомб всегда плоское и твердое, дно ямных могил чашеобразно углублено. В катакомбах погребенные, как правило, лежат головой на СВ, в ямах ориентировка неустойчива. Сосуды, изготовленные на гончарном круге, значительно чаще встречаются в катакомбах (гончарные сосуды из ямных погребений № 7 и 27 импортные), сосуды III типа преобладают в ямных захоронениях, сосуды V — в катакомбных; за исключением одного случая, стрелы найдены только в ямах.

Вопрос о характере этих различий без специального анализа остается открытым. Весьма подробно в работе дана классификация керамики. Авторы выделяют 13 основных типов посуды и прослеживают их распространение на поселении и в могильнике, отмечая и некоторые индивидуальные формы. В VII группу объединены сосуды, изготовленные на гончарном круге. Однако вопрос об использовании заман-бабинцами гончарного круга не получает своего окончательного разрешения. Предположение о гончарном производстве части сосудов могильника Заман-Баба было сделано мной в 1957 г. лишь на основании визуального анализа. Авторы разделяют эту гипотезу [11]. Однако можно было бы пожелать получить объективное заключение по этому вопросу в лаборатории.

Авторы сопоставляют заман-бабинские вещи и с материалами памятников южного Туркменистана и Ирана. Это сопоставление подкрепляет сделанный ранее вывод о тесном взаимодействии носителей заман-бабинской культуры с земледельческими

---

[4] Там же, стр. 68—72, 86.

[5] Там же, стр. 167, 168, рис. 47.

[6] А. В. Виноградов. Новые неолитические находки хорезмской экспедиции АН СССР 1957 г. МЭХ, 4, М., 1960, стр. 80—81; Е. Е. Кузьмина. Могильник Заман-Баба. СЭ, 1958, 2, стр. 25, 29.

[7] Я. Г. Гулямов и др. Ук. соч., стр. 119.

[8] Там же, табл. IV.

[9] Я. Г. Гулямов и др. Археологические работы к западу от Бухарского оазиса. Тр. ИИА АН УзССР, VIII, Ташкент, 1956.

[10] Авторы почему-то не дают ссылки на М. П. Грязнова. Это мнение было высказано М. П. Грязновым при обсуждении доклада Б. А. Латынина на заседании секции неолита и бронзы пленума ИА 29.III.1957 г. (Б. А. Латынин. О южных границах ойкумены степных культур в эпоху бронзы. СА, 1958, 3, стр. 50, примеч. 16).

[11] Е. Е. Кузьмина. Ук. соч., стр. 26. Авторы ошибочно приписывают гипотезу об изготовлении части заман-бабинской посуды на круге Б. А. Латынину, хотя Б. А. Латынин специально подчеркивает, что керамики на круге он не видел. (Б. А. Латынин. Ук. соч., стр. 51, примеч. 23).

племенами юга и о прогрессивном воздействии последних на жителей Заман-Баба [12]. Однако круг приводимых аналогий случаен и не полон, что приводит к неточной, с моей точки зрения, датировке могильника. Так, характеризуя каменные и глиняные предметы, которые авторы называют навершиями булавок, они отмечают, что эти предметы характерны для анауских памятников времен Намазга V [13]. Между тем форма эта крайне консервативна, бытует с энеолитического времени [14] и не может являться хронологическим индикатором.

Зеркала, аналогичные заман-бабинским, были найдены в составе клада на Алтын-Тепе, относящегося ко времени Намазга V и в кладе на Намазга-Тепе. На Алтын-Тепе есть и лопаточковидная булавка. Крестовидные бусы Заман-Баба также встречают ряд соответствий с находками на памятниках южной Туркмении и сопредельных областей [15].

Точно так же, описывая медный крючок из новых раскопок (табл. XVI, *17*) [16], авторы почему-то не приводят ему аналогии из Шах-Тепе [17]. Ознакомление с материалами Шах-Тепе, ссылками на которые изобилует рецензируемая книга, позволило бы найти и аналогию однолезвийному ножу Заман-бабинского могильника (табл. XVI, *12*) [18]. В том же памятнике представлены сосуды, близкие по форме сосуду, изображенному на табл. X, Б, *2* в рецензируемой книге, и двойные сосуды, напоминающие заман-бабинский (табл. XI, А, *5*) [19]. Эти аналогии сделали бы более фундированным вывод о влиянии высокоразвитых земледельческих племен Туркменистана и Ирана на население Зеравшанской долины.

Авторам работы остались неизвестны новые материалы, опубликованные за последние годы. Между тем они имеют принципиальное значение для правильной датировки заман-бабинской культуры и для определения ее места среди других синхронных культур.

Прежде всего, это материалы Хапуз-Тепе. Из всех памятников именно Хапузский комплекс, как отмечает В. И. Сарианиди, дает наибольшую близость комплексу Заман-Баба [20].

Ведущая форма плоскодонных сосудов Заман-Бабы (табл. VI, *1, 2;* IX, *1;* XI, *1, 2, 7;* XIII, *1—4;* XIV, *1, 4, 7*) находит полную аналогию в нерасписной керамике Хапуз-Тепе [21], и другая форма заман-бабинской посуды (табл. IX, А, *1, 9;* Б, *8, 9*) имеет прототип в керамике Хапуза [22]; биконические сосуды из слоя Намазга IV сходны с импортным поддоном из Заман-Бабы (табл. V, *1*); тождественны и медные лопаточковидные булавки [23] (табл. V, *4;* XVI, *1—5, 10, 14, 18*). Комплекс кремневого инвентаря также дает почти полную аналогию: на Хапуз-Тепе представлены и лавролистные, и черешковые стрелки (табл. XVIII, XIX) [24]. Здесь же найдены так называемые навершия булавок (табл. XVII, *22—25;* XVIII, *28—30;* XX, *15—17, 20, 21*) [25]. Наконец, все разнообразие бус Заман-Баба (табл. VIII, XX) встречается и в хапузском комплексе [26]. Особенно существенно сходство крестовидных бус, которые в Туркмении выполнены более тщательно (табл. VIII, *7;* XX, *9, 11, 13*) [27] На этом же памятнике представлена и сероглиняная гончарная посуда, в частности, небольшие вазы на ножках [28], так что и вторая импортная вещь Заман-Бабы имеет здесь параллели. Открытые на Хапуз-Тепе керамические печи [29] сходны с печью поселения Заман-Баба [30]. Подобные печи известны и на других синхронных памятниках Ирана.

---

[12] В. М. Массон. Изучение неолита и бронзового века Средней Азии. СА, 1957, 4, стр. 48; Е. Е. Кузьмина. Ук. соч., стр. 33; В. И. Сарианиди. Хапуз-Депе как памятник эпохи бронзы. КСИА, АН СССР, 98, 1964, стр. 65.

[13] Я. Г. Гулямов и др. Ук. соч., стр. 156.

[14] В. И. Сарианиди. Памятники позднего энеолита юго-восточной Туркмении. САИ, В3-8, М., 1965, стр. 39, табл. XXV, *5, 18, 23, 40*; XXVII, *14, 14* и др.

[15] И. Н. Хлопин. Изображение креста в древнеземледельческих культурах южной Туркмении. КСИА АН СССР, 91, 1962, стр. 14—21.

[16] Здесь и далее в скобках даются ссылки на таблицы в рецензируемой книге.

[17] T. Arne. Excavations at Shah-Tepe. Stockholm, 1945, стр. 301, рис. 644*в*, № 833;

[18] T. Arne. Ук. соч., стр. 305, рис. 661*а*.

[19] Там же, рис. 414, 402; C. Schaeffer. Stratigraphie comparée et chronologie de l'Asie Occidentale. Oxford, 1948, рис. 316, 237, № 663.

[20] В. И. Сарианиди. Хапуз-Депе..., стр. 65.

[21] В. И. Сарианиди. Там же, рис. 15, 7.

[22] Там же, рис. 15, *8*.

[23] Там же, рис. 15, *9, 10*.

[24] Там же, рис. 15, *16—22*.

[25] Там же, рис. 15, *39—40*.

[26] Там же, рис. 15, *26—30, 35, 36*.

[27] Там же, рис. 15, *25, 34*.

[28] Там же, стр. 65. Приношу благодарность В. И. Сарианиди за разрешение ознакомиться с материалами Хапуз-Тепе. Эти формы особенно характерны для слоя Намазга V, но появляются они в более ранних слоях.

[29] Там же, стр. 61, 65, рис. 24.

[30] Я. Г. Гулямов и др. Ук. соч., стр. 149—150.

Основной слой Хапуз-Тепе, синхронизирующийся с Заман-Баба, относится к периоду Намазга IV. В. И. Сарианиди предполагает, что передвижение племен, происходившее в долине Теджена на рубеже III тысячелетия до н. э., привело к проникновению отдельных групп населения на север [31]. На наш взгляд, материалы Заман-Баба оставлены не южными переселенцами, а степными племенами, находившимися в зоне контакта и потому подвергшимися сильному воздействию земледельческих племен и под их влиянием перешедшими к производящему хозяйству и металлообработке. Критериями, позволяющими рассматривать Заман-Баба как самостоятельную энеолитическую культуру степного типа, мне представляются типы жилищ, погребальный обряд, а также формы круглодонной керамики, не характерные для земледельческих культур анауского круга и имеющие явно степное происхождение [32]. Развитие и укрепление контактов степного населения Зеравшанской долины с носителями анауской культуры могло быть основано на том, что заман-бабинцы являлись поставщиками меди, в обмен на которую они и получали изделия анауского производства [33].

Существенным пробелом в рецензируемой работе является незнакомство авторов с материалами Мундигака. В IV слое поселения Мундигак обнаружен ряд вещей, являющихся прямой аналогией заман-бабинским. В том же IV слое мы находим на керамике изображения солнца, близко напоминающие заман-бабинское (табл. VII, *3*) [34]. Здесь же встречают соответствие зеркала (табл. XV, *7*, *9*) [35] и медные лопаточки (табл. V, *4*; XVI, *1—5*, *10*) [36]. Наконец, демонстрируют поразительное сходство с Заман-Бабой и многочисленные каменные бусы Мундигака: цилиндрические, дисковидные, бочонковидные, овальные и, что особенно важно, крестовидные и полулунные [37] (табл. VIII, XX, *48*).

Таким образом, могильник Заман-Баба четко синхронизируется с IV слоем поселения Мундигак [38].

По вопросу о датировке могильника Заман-Баба авторы рецензируемой работы пишут: «Единство обряда погребений (на боку, в скорченном положении, в катакомбе), а также керамические и другие вещественные материалы поселения и могильника указывают на принадлежность культуры к одному определенному периоду» [39], который устанавливается на основании импортов. Авторы приходят к заключению, что в Заман-Бабе были «привозные сосуды времени позднего Намазга IV и VI, а также сосуды местного производства, находящие себе аналогии в керамике ранних земледельцев, в основном времени Намазга V» [40]. Если учесть, что период от Намазга IV до Намазга VI охватывает... более тысячи лет, то значение этих аналогий для датировки Заман-Бабы оказывается весьма сомнительным. Авторы принимают сверхкороткую хронологию и датируют могильник первой половиной II тысячелетия до н. э. [41]. Допускать позднюю дату заман-бабинского комплекса заставляет авторов повторение данного мной сопоставления импортного сероглиняного гончарного сосуда с формами не только Намазга IV, но и VI [42]. Такое сопоставление ничего не дает для установления хронологии памятника. В действительности, аналогичные импортному сосуды в Туркменистане характерны для времени Намазга V, но бытуют уже в конце стадии Намазга IV, как показывают мате-

---

[31] В. И. Сарианиди. Ук. соч., стр. 65.

[32] Вопрос о месте заман-бабинской культуры среди синхронных культур степной полосы Евразии освещен недостаточно. На стр. 169 авторы приписывают К. Ф. Смирнову и Н. Я. Мерперту мнение о приходе ямной культуры с юго-востока и о влиянии Заман-Баба и Джебела на ее формирование. В действительности же К. Ф. Смирнов и Н. Я. Мерперт только ставят вопрос о прогрессивном культурном воздействии степных племен Средней Азии на их северо-западных соседей. Этот вопрос подробно рассмотрен Н. Я. Мерпертом. См. Н. Я. Мерперт. Энеолит степной полосы европейской части СССР. Actes du Simposium consacré aux problèmes du néolitique Européen 1959. Praha, 1961, стр. 161—175. Эта работа осталась неизвестной авторам.

[33] На территории распространения анауской культуры отсутствуют меднорудные месторождения, и анауские племена постоянно испытывали нехватку в сырье. Их рудная база на протяжении энеолитической эпохи менялась (Е. Н. Черных. Некоторые результаты изучения металла анауской культуры. КСИА АН СССР, 91, 1962), но, видимо, локализовалась в различных областях Ирана. В конце III тысячелетия до н. э. анадские племена, возможно, стали получать металл с севера.

[34] J. M. Casal. Fouilles de Mundigak. MDAFA, XVII, 1, 2, Paris, 1961; J. M. Casal. Ук. соч., MDAFA, XVII, 2, рис. 86, *340—342*.

[35] Там же, рис. 139, *17*.

[36] Там же, рис. 140, *19*, *20*.

[37] J. M. Casal. Ук. соч., MDAFA, XVII, 1, стр. 108; 2, рис. 138, особенно *3*, *14*.

[38] Сопоставление с Мундигаком позволило бы поставить принципиально важный и интересный вопрос о культурных контактах среднеазиатских племен с населением юго-востока и о возможной диффузии некоторых групп среднеазиатского населения на юго-запад.

[39] Я. Г. Гулямов и др. Ук. соч., стр. 163.

[40] Я. Г. Гулямов и др. Там же, стр. 164.

[41] Там же, стр. 166.

[42] Е. Е. Кузьмина. Ук. соч., стр. 27; Я. Г. Гулямов и др. Ук. соч., стр. 142, 163, 164 (без ссылки на мою работу).

риалы Хапуз-Тепе. Эта же форма встречается в Шах-Тепе. Для установления возраста могильника должны быть четко отобраны те типы вещей, которые существуют сравнительно короткое время. Особое внимание должно быть обращено на выявление совместной встречаемости типов в комплексах. Такой анализ материала позволил бы синхронизировать Заман-Бабинский комплекс с комплексом конца этапа Намазга IV и начала Намазга V в Южном Туркменистане, а также с Гиссар III, B, Шах-Тепе II и Мундигак IV. Абсолютный возраст этого периода разными авторами определяется различно. Существуют две системы хронологии иранско-туркменских памятников. Короткая хронология, которой придерживаются Э. Шмидт, Г. Чайлд; в прежних своих работах ее принимал и В. М. Массон (С. Пиготт, К. Шеффер, Д. Мак Каун и др. являются сторонниками длинной хронологии, основанной на хронологии Месопотамии, разработанной Сиднеем Смитом). По этой системе памятники, синхронизируемые с Заман-Бабой, отодвигаются в конец III тысячелетия до н. э. В 1957 г. мной была принята эта дата для могильника [43]. В настоящее время в пользу длинной хронологии появились новые, весьма существенные свидетельства. Прежде всего, стратиграфия, изученная при раскопках на Алтын-Тепе, показывает, что период Намазга V — это длительная стадия в развитии южнотуркменистанских племен. Далее, для периода Намазга VI выявлены связи с племенами Малой Азии, культура которых относится ко второй четверти II тысячелетия до н. э., что заставляет заглубить Намазга VI в первую половину II тысячелетия до н. э. и, соответственно, понизить возраст Намазга V. Наконец, слои культуры Хараппа, синхронизируемые с Гиссар III, B, C — Мундигак IV — Намазга V, получил дату и по C^{14}: нижний харапский слой на Калибангане 2095 ± 115; 2045 ± 75 до н. э.; слой Мохенджодаро — — 1760 ± 115 до н. э. [44]; III слой Мундигака по C^{14} датируется 2650 ± 300 до н. э. [45]. Таким образом, короткая хронология не приемлема, сумма новых данных позволяет заглубить время Намазга V в конец III — первую четверть II тысячелетия до н. э. Тем самым возраст Заман-Баба определяется концом III — рубежом II тысячелетия до н. э.

В III—V главах II раздела книги дается характеристика материалов развитого и позднего бронзового века в низовьях Зеравшана. После описания Гурдушского могильника и стоянок, на которых собран подъемный материал, рассматриваются посуда [46] и другой инвентарь [47].

Сопоставляя зеравшанскую керамику с андроновской, авторы отмечают элементы сходства с посудой алакульского этапа [48]. Но если сравнение с Алакульским могильником закономерно, то привлечение материалов Алексеевки не убедительно. Алексеевский комплекс — более поздний по сравнению с гуджайлинским и относится не к алакульскому, а к замараевскому этапу. Он характеризуется наличием керамики с налепными валиками, отсутствующей в сборах на Зеравшане. Мнение же о разновременности материалов Алексеевского поселения и могильника не общепринято. Везде, где в эпоху поздней бронзы была распространена кухонная посуда с валиками, она, как правило, встречается только на поселениях. За редкими исключениями, мы не найдем горшков с валиками ни в срубно-хвалынских погребениях на Волге, ни в сабатиновских и белозерских могилах на Украине, ни в культуре Ноа. Отсутствие сосудов с валиками в Алексеевском могильнике закономерно, но при этом надо подчеркнуть, что один сосуд с валиком все же был положен в погребение № 18 [49], что является свидетельством синхронности поселения и могильника.

Более поздняя дата известных в настоящее время кустанайских памятников не позволяет объединять их с алакульскими челябинского варианта и говорить о кустанайско-челябинских памятниках, как это делают авторы. Эти две группы различаются по керамике и по погребальному обряду. Обычно их рассматривают как особые варианты андроновской общности. Более закономерным было бы сопоставление гуджайлинских материалов с материалами орско-актюбинского варианта. Из всех орских памятников авторы почему-то привлекают только Тасты-Бутак, считая его, вслед за В. С. Сорокиным, более ранним, чем Алакуль. Но в орском варианте изучены разновременные памятники (погребение у г. Орска, могильники Кожумберды, Хабарное, Терекла, Киргильда, Ново-Аккермановка, Новый Кумак, Тасты-Бутак, Уш-

---

[43] Е. Е. Кузьмина. Ук. соч., стр. 32—33.

[44] B. Lal. Indian Archaeology since Independence. New Delhi, 1964.

[45] W. F. Libby. Radiocarbon Dating. Chicago, 1955, стр. 84.

[46] Я. Г. Гулямов и др. Ук. соч., стр. 196—200, рис. 53, 54 (подписи под табл. спутаны).

[47] В этом разделе есть пропуски и неточности. Так, говоря о каменных бусах Гурдушского могильника, авторы пишут, что в других андроновских памятниках подобные не известны. В действительности они были найдены в погребениях в Канае (С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88. 1960, табл. XX, *а, 3*), в Боровом (А. М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы. Тр. ИИАЭ АН КазССР, V, Алма-Ата, 1958, табл. VIII, *2—9*), а также в Кокче.

[48] Часто встречающийся в работе термин «классически андроновский тип» представляется неудачным. Если он и имеет право на существование, то только в применении к федоровским сосудам с ковровым декором.

[49] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, 17, М., 1948, рис. 54, *1*.

катты I, Атакентский, Байту I, II, Купухта, Шандаша, поселение Тасты-Бутак и целая группа поселений в Еленовском микрорайоне) [50]. Для развитого алакульского этапа здесь характерно заметное обеднение орнаментальных схем, преобладание орнаментации елкой и равнобедренными треугольниками, часто выполненными гладким штампом. Здесь же отмечаются веерообразные треугольники и горизонтальный зигзаг, что роднит эту керамику с гуджайлинской. Именно среди памятников орско-актюбинского варианта находит наиболее полное соответствие и гурдушский металл. Найденные в могильнике восьмеркообразные привески авторы правильно сопоставляют со срубными, однако подобные были обнаружены и в памятниках орско-актюбинской группы (Новый Кумак) [51]. Желобчатые браслеты с заходящими концами также характерны для этой группы. Видимо, именно южноуральский металлургический очаг был основным центром производства этих типов. Гуджайлинский комплекс наиболее близок памятникам орско-актюбинского варианта на алакульском этапе их развития. Определяя место анализируемой группы среди других степных памятников Средней Азии, авторы проводят сопоставление керамики и другого инвентаря и отмечают сходство с тазабагъябским комплексом и приходят к выводу, что памятники низовий Зеравшана сходны с памятниками тазабагъябского типа и западными вариантами классической андроновской культуры, поэтому нет оснований выделять их в новую культуру [52]. Авторов нельзя упрекнуть в том, что они не ставят вопроса о критериях выделения культур и локальных вариантов, поскольку не только проблема в целом, но и номенклатура этих понятий в советской археологии до настоящего времени остаются совершенно не разработанными. Однако следует подчеркнуть, что приведенные ими сопоставления далеко не равнозначны. Сходство с тазабагъябскими материалами — почти полное и позволяет сделать закономерный вывод о единстве материальной культуры в Приаралье и в низовьях Зеравшана. Критериями для такого объединения являются: погребальный обряд, одинаковый в Кокчипском и Гурдушском могильниках; сходный тип поселений, исследованных на Махан-Дарье и в Приаралье; единство керамики (как по формам, так и по орнаментации); тождество не только типов, но и ассортимента металлических изделий и украшений. Эти признаки являются достаточными для объединения махан-дарьинских и приаральских памятников в единый тазабагъябский вариант культуры степного типа.

Что же касается соотношения с андроном, то тазабагъябские памятники не тождественны ни с одним из выделенных вариантов этой культуры. Сходство здесь прослеживается лишь в отдельных элементах. Было бы правильным говорить о тазабагъябском варианте культуры степного типа, подчеркивая близость его к орско-актюбинскому варианту андроновской культурной общности. Авторы включают в конструируемую ими тазабагъябско-андроновскую культуру все остальные известные им памятники степного типа Ташкентского оазиса, Ферганы и Туркменистана [53]. Такое объединение вызывает возражения. Культура эпохи бронзы Ташкентского оазиса почти не известна. Имеющиеся отрывочные данные (погребения на Никифоровских землях, в Ореховском, Янгиюле, на Вревской, а также оставшиеся неизвестными авторам погребения в Аурахмате, Искандере, погребение, изученное Маджи в Ташкенте) указывают на резкие отличия этого региона как по обряду погребения, так и по керамике и от тазабагъябского и от ферганского вариантов. По-видимому, в Ташкентском оазисе сосуществовали разные группы племен — носителей культуры степного типа: население, близкое к срубному, оставившее подкурганные погребения, головой на северо-восток, с неорнаментированной керамикой (Янги-Юль) и население, родственное с одним из казахстанских вариантов андрона, оставившее курганы с трупосожжениями и посудой с декором, выполненным зубчатым штампом (Вревская); в то же время в горах, окружающих оазис, обитали племена, близкие к ферганским (погребения в Аурахмате и Искандере с рогатыми браслетами — этнографической особенностью женщин Ферганы и Восточного Казахстана).

Ферганские памятники также не могут быть механически объединены с тазабагъябскими. Из поля зрения авторов выпала сводная работа Б. А. Литвинского о древностях Кайрак-Кумов. Знакомство с этим исследованием позволило бы им про-

---

[50] А. А. Формозов. Археологические памятники в районе г. Орска. КСИИМК, XXXVI, 1951; О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч.; М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. Сб. «Казахи». Л., 1927; Г. В. Подгаецкий. Могильник эпохи бронзы близ г. Орска. МИА, 1, 1940; М. Г. Мошкова. Ново-кумакский курганный могильник близ г. Орска. МИА, 115, 1962, стр. 204—228; В. С. Сорокин. Могильник бронзовой эпохи. Тасты-Бутак 1. МИА, 120, 1962; его же. Жилища поселения Тасты-Бутак. КСИА АН СССР, 91, 1962; Е. Е. Кузьмина. Периодизация андроновских могильников Елановского микрорайона. Сб. «Памятники каменного и бронзового веков Евразии». М., 1963; Андроновская культура, 1. САИ В3-2. М.— Л., 1966.

[51] М. Г. Мошкова. Указ. соч., рис. 3, *3*.

[52] Я. Г. Гулямов и др. Ук. соч., стр. 187.

[53] Я. Г. Гулямов и др. Ук. соч., стр. 213, карта. Приводимая карта очень неполна. Не учтены такие важные пункты, как пещера Ак-таши, могильники Дахана, Патма-сай, Караламатасай, стоянка Оюклы, поселения Ельken-Депе и Намазга-Депе и многочисленные стоянки на окраине оазисов и на колодцах Туркменистана и др.

вести детальное сопоставление тазабагъябско-гурдушских материалов с ферганскими. Такое сопоставление убеждает в том, что в Ферганской долине был распространен особый вариант культуры андроновского круга, который Б. А. Литвинский предлагает называть кайрак-кумской культурой [54]. Она характеризуется погребениями в каменных ящиках или под каменными вымостками, с отличным от тазабагъябского набором украшений (рогатые браслеты, височные кольца с раструбом), своеобразным ассортиментом металлических изделий (вислообушные с гребнем топоры и кирки, серпы с закраинами, тесла с уступом и пр.), а также керамикой, отличающейся от тазабагъябской. В целом памятники кайракумского варианта тяготеют не столько к тазабагъябским и западноандроновским, а скорее всего к семиреченскому варианту андроновской культурной общности.

Говоря о памятниках степного типа Туркменистана, авторы не учитывают новые материалы, которые позволяют конкретизировать наши представления о бронзовом веке этого региона. В свете новых данных, полученных А. А. Марущенко, А. Ф. Ганялиным, А. М. Мандельштамом, Г. Е. Марковым, Е. Е. Кузьминой, представляется, что в Туркменистане сосуществовали разные группы племен. Некоторые сборы на окраине песков, а также керамика, обнаруженная Г. Е. Марковым в Дам-Дам-Чашме II, показывают близость к тазабагъябскому комплексу и встречают некоторые соответствия в орнаментике и формах посуды западноандроновской. В западных районах Туркменистана А. М. Мандельштамом открыты памятники, которые по погребальному обряду (положение покойников головой на восток) и по керамике сближаются с позднесрубными [55]. Определенные срубные черты улавливаются и при рассмотрении некоторых коллекций с окраины песков и некоторых материалов с поселений подгорной полосы [56].

Отрывочные сведения о культуре степного типа Средней Азии, которыми мы располагаем, позволяют наметить ряд племенных групп, различающихся по своей материальной культуре. Через западную Туркмению вдоль Каспийского моря двигались срубные племена, которые дошли до подгорной полосы и вступили в контакт с земледельцами культуры Анау в пору Намазга VI. Другая группа степных племен, по-видимому родственная тазабагъябской, двигалась в южном направлении из более восточных районов. В южном Приаралье, сосуществуя на определенных этапах с другими культурами, развивался тазабагъябский вариант культуры степного типа. К этому варианту принадлежало и население низовий Зеравшана. Тазабагъябский комплекс может быть сближен с комплексом западных вариантов андроновской культурной общности, прежде всего с орско-актюбинским. В районе Самарканда был распространен особый вариант андроновской общности, представление о котором дает погребение у Муминабада.

Культура Ташкентского оазиса остается нам почти неизвестной. Ферганская долина была занята населением, принадлежавшим к кайракумскому варианту андроновской культурной общности, и по облику материальной культуры она тяготела к Семиречью. В Киргизии были распространены различные родственные казахстанские варианты андроновской культурной общности.

Пути проникновения этих племенных групп (если только встать на точку зрения авторов об их пришлом характере) были различны, и утверждение, что степные племена проникли в Среднюю Азию через Южное Приаралье [57], не верно ни для западнотуркменских, ни для ферганских групп. Передвижения, если они имели место, в основном, видимо, шли в меридиональном направлении, а для эпохи поздней бронзы, наряду с направлением с юга на север, вероятно, может быть отмечено и направление с востока на запад — из Сибири.

Каков возраст тазабагъябских памятников в низовьях Зеравшана? Авторы, правильно сопоставив их с алакульским этапом и указав на удревнение этого этапа, предпринятое в последние годы, дальше совершенно неожиданно принимают для анализируемой группы дату XII—XI вв. до н. э. [58]. Периодизация бронзового века не только Средней Азии, но и всей евразийской степной зоны все еще остается дискуссионной. Однако теперь можно считать установленной синхронизацию замараевских комплексов Казахстана и Урала со срубно-хвалынскими в Поволжье, а также с сабатиновскими и белозерскими на Украине. Возраст их определяется на основании как западноевропейских импортов, так и соответствий в культуре Ирана XII—IX вв. до

---

[54] Б. А. Литвинский. Древности Кайрак-Кумов, Душанбе, стр. 246—250. Приходится возразить и Б. А. Литвинскому, который искусственно конструирует кайракумскую культуру, включая в нее памятники Ташкентского оазиса (Б. А. Литвинский. Ук. соч., стр. 249), а в последней своей работе также и зеравшанские (Б. А. Литвинский. История таджикского народа. 1, Душанбе, 1963, карта на стр. 109).

[55] А. М. Мандельштам. Погребение срубной культуры в южной Туркмении. КСИА АН СССР, 108, 1966.

[56] Кстати отмечу, что авторами пропущены находки степной керамики в культурном слое на поселениях Елькен-Тепе и Намазга-Тепе, имеющие принципиальное значение для установления хронологии памятников степного типа Евразии.

[57] Я. Г. Гулямов и др. Ук. соч., стр. 219..

[58] Там же, стр. 216.

н. э.[59]. В Средней Азии к этому этапу относится ряд комплексов металлических изделий[60]. Рассматриваемые гуджайлинские материалы, как и другие, тазабагъябские, предшествуют этому этапу и синхронизируются, как уже отмечалось, с алакульскими, а также со срубными, которые относятся к третьей четверти II тысячелетия до н. э. Поэтому датировка тазабагъябских памятников, как и синхронных им кайракумских, этим временем, предложенная М. А. Итиной и Б. А. Литвинским[61], кажется вполне убедительной, а омоложение гуджайлинской группы, предпринятое авторами, остается недостаточно обоснованным.

Последний дискуссионный вопрос, на котором нельзя не остановиться, это вопрос о парных погребениях, которые признаются доказательством сложения патриархального строя общества в долине Зеравшана не только в пору сооружения гурдушского могильника, но и в эпоху Заман-Баба[62]. Авторы, основываясь на схемах М. И. Артамонова, М. А. Итиной, М. П. Грязнова и др. (почему-то последняя развернутая обобщающая статья В. С. Сорокина, посвященная этой проблеме[63], осталась им неизвестна), считают, что «бронзовый век характеризуется патриархальным строем». Вряд ли можно безоговорочно присоединиться к этому выводу. Семейно-брачные отношения далеко не во всех случаях прямо и непосредственно отражают уровень хозяйственного развития, почему в обществах, находящихся примерно на одинаковой ступени экономики, семейно-брачные и правовые отношения оказываются далеко не тождественными. Вспомним древний Египет с его престолонаследием по материнской линии. Показателен и пример ведической Индии, где представлены одновременно самые разнообразные формы брака вплоть до полиандрии. Не верно было бы и утверждение, что переход к кочевому скотоводческому хозяйству повсеместно и обязательно влечет за собой господство патриархальных отношений. В Сахаре еще сегодня передвигаются на верблюдах кочевники — туареги, предводительствуемые женщинами. По данным письменных источников, в евразийской степи рядом с патриархальными скифами существовали женоуправляемые савроматы и саки. Именно факт сохранения женщинами господствующего положения в среде некоторых казахстанско-среднеазиатских племен вплоть до античной эпохи заставляет с большой осторожностью говорить об общественном устройстве носителей культуры бронзового века, на основе которой развилась культура раннежелезного века. Что касается парных погребений, то, как показывает знакомство с огромной этнографической литературой, причины сооружения парных и коллективных захоронений могут быть весьма различны. Нельзя походя решать и такую сложнейшую проблему, как становление рабовладельческих отношений[64], которая до сих пор остается дискуссионной даже для таких стран «классического» рабовладения, как Египет, Месопотамия, Греция. Все еще не решен вопрос о роли рабского труда в Средней Азии даже в античную эпоху[65].

---

[59] А. И. Тереножкин. Основы хронологии предскифского периода. СА, 1965, 1; Н. Я. Мерперт. О луристанских элементах в кладе из Сосновой Мазы. КСИА АН СССР, 108.

[60] Е. Е. Кузьмина. Хронология группы кладов Семиречья. Сб. «Памятники каменного и бронзового веков Евразии».

[61] М. А. Итина. Первобытная керамика Хорезма. Тр. ХАЭЭ, 4, М., 1959, стр. 54; Б. А. Литвинский. Ук. соч., стр. 258.

[62] Я. Г. Гулямов и др. Ук. соч., стр. 184—186, 222.

[63] В. С. Сорокин. Новые археологические данные к вопросу о развитии древней семьи. СА, 1959, 4.

[64] Я. Г. Гулямов и др. Ук. соч., стр. 231.

[65] С. П. Толстов. К вопросу о периодизации истории первобытного общества. СЭ, 1946, 1; М. М. Дьяконов. Сложение классового общества в северной Бактрии. СА, XIV, 1954; А. Г. Периханян. К вопросу о рабовладении и землевладении в Иране парфянского времени. ВДИ, 1952, 4; В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, 73, 1959.

Rudolf Anthes, with Contributions by Ibrahim Abdel Aziz, Hasan S. K. Bakry, Henry G. Fischer, Labib Habachi, Jean Yoyotte, Jean Jacquet, William K. Simpson. Mit Rahineh, 1956. Published by the University Museum. University of Pennsylvania. Philadelphia, 1965, 170 p., 65 pf., 21 fig.

В юго-западной части развалин древнего Мемфиса северные и западные пропилеи большого храма Птаха упираются в современный арабский район Мит Рахине. Руины храма сохранили памятники самых разных времен, начиная со Старого царства и до птолемеевского времени. Под самим Мит Рахине, по названию которого стал именоваться и весь район Мемфиса, тоже погребены памятники разных эпох, но главным образом второй половины Нового царства и позже (вплоть до римской эпохи).

Памятники собственно Мит Рахине привлекали внимание ряда исследователей (например, А. Бадави и Л. Хабаши), но лишь в 1955 г. экспедиция Пенсильванского музея (Филадельфия, США) начала систематические раскопки в этой части Мемфиса. Отчетом о втором полевом сезоне экспедиции является сборник «Mit Rahineh 1956» [1].

В состав экспедиции входили Р. Антес (руководитель), Г. Фишер, Ж. Жаке — из музея университета Пенсильвании, Х. Бакри и И. Абдэль Азиз — от Службы древностей Египта, а также У. К. Симпсон и Э. Уэлл-Гордон. Служба древностей прикомандировала к группе археологов старшину рабочих Фикри Али Хасана и фотографа Мохаммеда Шадуфа.

Материалы экспедиции были опубликованы университетом Пенсильвании только в 1965 г.; все годы шла скрупулезная обработка обнаруженных памятников. Кроме участников экспедиции, к обработке материалов были привлечены известный арабский археолог Лабиб Хабаши и французский египтолог Жан Йойот (статья последнего написана на французском языке). По частным вопросам издателей консультировали Б. Ботмер и Х. де Мёленер.

Раскопки в большинстве районов Дельты чрезвычайно сложны: здесь в земле плохо сохраняются органические остатки, высок уровень грунтовых вод. Они не приносят таких сенсационных открытий, как исследования в более сухих местностях. Серия документов из Дельты, которая есть в распоряжении египтологов, уже комплекса документов, скажем, из одной фиванской области, а это определяет однобокость наших знаний о Египте Нового царства. Фиванская область была центром культа и хозяйства Амуна, тогда как Север был опорой царей. Поэтому особую ценность имеют все новые публикации источников, найденных в районах Дельты и Мемфиса, который восстановил во второй половине Нового царства свое значение в качестве культурного и политического центра [2].

Участники и организаторы экспедиции университетского музея Филадельфии прекрасно понимали ценность материалов из Мит Рахине. Во всяком случае, тщательность и фундаментальность их публикации заслуживает самой высокой оценки.

«Генеральный отчет о раскопках» написал Р. Антес (стр. 1—44); он же осуществлял и общую редакцию всего сборника.

Прежде всего проф. Антес останавливается на главном объекте исследования: небольшом храме Рамсеса II. Он высказывает предположение, что храм служил для второго хеб-седа Рамсеса II и построен около 34 года правления этого царя. Основанием для таких выводов служит надпись на стеле 35 года Рамсеса II в Абу-Симбеле (LD. III, 194), хотя определенно не доказано, что в тексте стелы Абу-Симбела речь идет именно об этом крошечном царском храмике. В надписи на стеле говорится о том, что помещение Рамсеса II, обеспеченное всеми дарениями для культа, было расположено внутри стен храма Птаха. Следовательно, отождествить это помещение с храмом Рамсеса II можно будет только в том случае, если удастся твердо доказать, что обследованная южная стена толщиной в 4 *м* есть часть первичной ограды храма Птаха, окружавшей когда-то и храмик Рамсеса II (стена к северу от храма царя была построена в римский период, как установили американские археологи).

Довольно много внимания Р. Антес уделяет названию храма (стр. 9—17), но не приходит к какому-либо определенному выводу. Не следует забывать, что со време-

---

[1] Предварительный отчет см.: R. Anthes. Memphis (Mit Rahineh) in 1956, «University Museum Bulletin», Philadelphia, 21, 2, June 1957, стр. 3—34; отчет о первом сезоне исследований см.: R. Anthes. A First Season of Excavating in Memphis. «University Museum Bulletin», Philadelphia, 20, 1, 1956, стр. 3—25; R. Anthes. Mit Ranineh, with contributions by H. S. K. Bakry, J. Dimick, H. G. Fischer, L. Habachi and J. Jacquet. Philadelphia, 1959.

[2] Ahmad Badawi. Memphis als zweite Landeshauptstadt im Neuen Reich. Le Caire, 1948.

ни Аменхотепа III храмы царей чаще всего не носили имен собственных, а именовались домом какого-то царя-бога [3].

Р. Антес специально останавливается на впускных погребениях (гробницы V—Z) разных времен и отмечает, что во дворах храмов такие погребения встречаются нередко. Захоронение V было сделано в южной молельне храма, W и Y — у южной стены, X и Z — в четырехметровой толще стены к югу от храма.

Далее исследуются по слоям скопления находок во дворе храма (начиная со слоя 22 династии). Отдельная глава посвящена изучению стены святилища Птаха, которую издатель и архитектор датируют греко-римским периодом, и стены к юго-западу от капеллы Сети-Мер-н-птаха.

Архитектором экспедиции, как и в сезон 1955 г., был Жан Жаке, автор «Отчета архитектора». Он обследовал храм Рамсеса II, пять гробниц рамсессидовского периода, пилон перед храмом, часть двора, стену большого храма Птаха, ограждавшую район раскопок с севера, и кирпичную стену (4 *м* толщиной) неизвестного назначения, ограждавшую его с юга; он же осматривал и находящуюся к северо-востоку от места раскопок капеллу Сети II. Кроме того, в обязанности архитектора входила фиксация стратиграфических данных. Нужно отдать должное Ж. Жаке: составленные им планы и схемы производят наилучшее впечатление. Очень наглядна его реконструкция найденной на участке D печи для обжига глиняной посуды разных форм (рис. 3).

Обследованная экспедицией за все время работы площадь, по-видимому, не превышает 350 $м^2$, причем систематически было раскопано меньше половины этой территории. Для такой площади общее число находок следует признать значительным.

Лабиб Хабаши, обследовавший пилоны еще в 1950 г., написал небольшой раздел, посвященный раскопкам северной стены, пилона и немногочисленным встречающимся на них надписям. На тщательно выполненных стандартизованных рельефах пилонов, украшенных врезанными иероглифами, главными являются сцены поклонения Рамсеса II статуе бога Птаха (табл. 20—23; рис. 4). Один из блоков пилона взят из постройки амарнского периода, на нем сохранился рельеф с изображением раболепно склонившегося человека (табл. 23, c).

В статье Ж. Йойота анализируются не находки экспедиции (проф. Йойот посетил раскопки задолго до стадии завершения), а данные письменных источников, в которых, по его мнению, упоминается мемфисский храм Рамсеса II. Он в работе приходит к выводу, который «кажется парадоксальным» не только на первый взгляд: эпитет Рамсеса II — «бог — владыка Гелиополя» — был связан с религиозной деятельностью царя в Мемфисе, а сам его храм назывался «дом Рамсеса, возлюбленного Амуном, бога — владыки Гелиополя»; его существование Ж. Йойот прослеживает до эллинистического периода. Во вводной статье и специальной заметке Р. Антес возражает, что эпитет Рамсеса II «бог — владыка Гелиополя» применялся очень широко, и чаще всего его невозможно с уверенностью приписать именно божеству маленького храма Мит Рахине. Но все же сводка материалов Ж. Йойота об эпитете Рамсеса II очень полна и интересна для исследователей.

Каталог памятников начинается «Специальной группой находок» XII в. до н. э., описанной Р. Антесом, Х. Бакри и У. Симпсоном. Это прежде всего:

1) бассейн для возлияний (табл. 24—25), поставленный в честь «Птаха южной стены (храма) его» писцом jmn-m-ḥ}.t, сыном писца nb-w^{c}.wj. Сам jmn-m-ḥ}.t в молитвенной позе изображен на бассейне, покрытом лентами стандартных молитвенных текстов. Приводя перевод этих текстов, издатели ссылаются на публикацию Жаке и Уайл и повторяют ошибку Уайл, которая группу

(верхнее окаймление, строка) переводила: for the ka of the scribe, Amenemhet, engendered by the s} b — official, the scribe. Поврежденное в строке имя отца jmn-m-ḥ}.t, конечно, является другим именем писца nb-w^{c}.wj [4], также названного в качестве отца писца jmn-m-ḥ}.t (первая строка на боковых записях), а nb-w^{c}.wj судьей не назван. Знак s}b в данном сочетании (jr.n s}b — «рожденный (отцом)») не может быть переведен сам по себе, отдельно от всего сочетания; он указывает на то, что составитель надписи имел в виду отца владельца бассейна, а не мать (в последнем случае

---

[3] Так, заупокойный храм Тутмоса III, который назывался ḥnk. t^{c}nḫ — «дарение (для) жизни», при Рамсесе II именовали просто «дом mn — ḫpr — r^{c}» (т. е., Тутмоса III). См., например, таблицу религиозно-хозяйственного персонала этого храма в публикации Е. Богословский. Стела № 1093 Государственного Эрмитажа. ВДИ, 1966, 4; О подобных названиях заупокойных храмов царей см. J. Černý. The Temple t^{3}hw ... as an Abbrexiated Name for the Temple of Medinet Habu. JEA, 1940, 26, стр. 127—130.

[4] Каждый египтянин мог иметь несколько имен. См. H. Ranke. Die ägyptischen Personennamen. 2, Glückstadt — Hamburg, б/г.

было бы mś.w) [5]; как «sȝ, b — official» (т. е. «судья?») знак шакала в этом случае не может быть понят;

2) фрагменты пирамидок из фаянса с сильно поврежденными надписями, одна из которых была посвящена «Птаху, владыке великой стены»;

3) четыре известняковые статуэтки богини Тоур, найденные в храме Рамсеса II.

Специальный раздел посвящен рельефам XIII—XII в. до н. э. из пяти уже упомянутых гробниц. Гробница jj-jrj, современника Сети II, возможно из-за сана священнослужителя [6], была расположена вблизи самого храма (табл. 28). На великолепном рельефе, стоящем под карнизом и обрамленном пилястрами, был изображен, повидимому, сам жрец с женой; под ногами у них — небольшой второй регистр с изображениями детей и сослуживцев владельца гробницы.

Надписи гробницы царского телохранителя и военачальника nhśj интересны главным образом его воинскими званиями, правда, довольно распространенными. Нижнюю часть второй колонки надписи (рис. 9) точнее было бы переводить так: «я — телохранитель, сопровождающий (св)оего господина, писец пехоты, мое поручение...» (далее разрушено). Перевод же издателя на стр. 85 — I was a follower following his lord, a scribe of the mnfyt-soldiers, my order being a command tp-rd.

От остальных гробниц дошли незначительные обрывки текстов и обломки фризов и косяков. Интересен известняковый обломок косяка из гробницы V с набросками каких-то странных фигур; авторы каталога называют их изображениями бога Решпу.

От времени Псусеннеса I дошло обрамление двери жреца храма Осириса — владыки некрополя pth-ḥ· (рис. 12, табл. 31); в конце столбца 27 сохранилось самое сокращенное из известных мне написаний слова rȝ-śȝ.w — «некрополь»:
Отец жреца ʿšȝ-ḫt занимал такую же должность.

Из описанных Р. Антесом и Х. Бакри статуэток, рельефов и стел наибольшее внимание привлекает торс статуэтки «великого врача wdȝ-ḥr-rś-n.t» благодаря интересной, но плохо сохранившейся надписи. Эта статуэтка была сделана спустя 177 лет после смерти wdȝ-ḥr-rś-n.t. Р. Антес считает, что он был союзником персов и умер в 517 г. до н. э., т. е. в период персидского завоевания, а около 340 г. до н. э., когда персы снова усилились, ему была поставлена эта статуэтка.

Эпиграфическими работами занимались Г. Фишер (пилоны), У. К. Симпсо (блоки), Р. Антес (рельефы и надписи из храма Рамсеса II); все тексты сфотографированы и прорисованы очень тщательно.

Так же тщательно опубликована керамика, скарабеи и печати, мелкие амулеты из фаянса, бусины, кремневые вкладыши (всего найдено более 400 кусков кремния), пестики, терки, ручные сверла, ножи, светильники и пр. Были найдены куски настенной инкрустации, напоминающей украшения дворцов.

Вообще же материалы разных периодов очень перемешаны уже в древности, много ранних памятников (плиты гробниц, например) употреблены в сооружениях более позднего времени. Все это сильно затрудняет датировку вещей.

Находки из раскопок в Мит Рахине не очень велики, но аккуратно обработаны и умело поданы для дальнейшего исследования. В книге немало смелых гипотез и догадок, порожденных естественным увлечением предметом изучения, но Р. Антес сразу оговаривается, что публикация является первым этапом работы над памятниками.

Остается только пожелать, чтобы и последующие этапы исследования Мит Рахине, которое уже привлекло внимание широких научных кругов, были проделаны столь же добросовестно и увлеченно.

Евг. Богословский

---

[5] A. Erman — H. Grapow. Wörterbuch der ägyptischen Sprache, III, Berlin, 1955, стр. 422.

[6] Издатели полагают, что он был «Великим искусником» (эпитет главного жреца Птаха).

В. М. КОТОВИЧ. Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы Горного Дагестана (К истории дагестанских племен в конце III — II тысячелетий до н. э.). Махачкала, 1965 г.

Верхнегунибское поселение эпохи бронзы, послужившее темой для монографии, было открыто в 1957 г. в центральной части Дагестана. Оно занимает большой участок скального гребня Гунибского плато на высоте более 2000 *м*. Раскопанное на площади около 800 *м*^{2}, поселение дало интересные находки и остатки жилых построек.

В первой главе работы «Расположение и планировка поселения. Стратиграфия и архитектурный облик исследованных построек» В. М. Котович дает сжатое описание естественно-географических условий местности, в которой находится поселение, характеризует его топографию. Автор пишет об источниках водоснабжения поселка, местах первичной обработки строительного камня.

Верхнегунибское поселение, как и другие дагестанские поселения эпохи бронзы — Усишинское, Кулинское, Чиркейское, Кучрабское, Ингердахское, Местерухское и др.,— занимало хорошо защищенное от нападений место, было обнесено оборонительными стенами. Даже расположение жилищ на поселении подчинено целям обо-

роны. Интересны конструкция и техника возведения жилищ: для того чтобы соорудить продольные стены, тянущиеся вдоль наклонной строительной скальной площадки, жители вырубали в скале узкие длинные канавы и кладку стен начинали с их дна. Стены, шедшие под уклон, в основании также имели фундаментные рвы, но уже ступенчатой конфигурации. Кладка производилась насухо, камни укладывались «в замок».

Для создания горизонтальной поверхности пола горцы сооружали внутри жилищ две-три неширокие горизонтальные площадки, последовательно возвышавшиеся друг над другом. Выявленные детали позволили автору восстановить конструкцию кровли жилищ. Очень важен вывод В. М. Котович о наличии коллективной собственности на помещения (родовые отношения), что документируется интересным наблюдением: к более ранним постройкам по мере увеличения семьи пристраивались новые, смежные помещения и при этом они всегда имели одну общую стену.

В. М. Котович детально описывает внутренний вид домов — возвышенные площадки, которые использовались как лежанки, что практиковалось в древности и за пределами Дагестана — в Чечне (пос. Хал-Килой) и в пережиточной форме в виде спальных нар бытует и сейчас у дагестанцев и вайнахов. Автору удалось также воссоздать конструкцию «ко́ров» — печей для сушки зерна и выпечки хлеба. Открытые печи-очаги, обнаруженные не только на Верхнем Гунибе, но и в Ирганае, представляются нам своеобразными мангалами. Такие печи для обогревания наполняли горящими углями.

Специальный раздел главы посвящен истории дагестанского поселения и жилища. В нем автор приходит к выводу, что в III тысячелетии до н. э. жители еще не придавали большого значения неприступности своих поселений, однако при этом нельзя считать, как это делает автор, специфически дагестанской особенностью создание поселков на нескольких холмах в предгорных районах. Такие поселения, занимающие несколько возвышенностей, известны и за пределами Дагестана — в Чечне (Сержень-Юрт). Мы вполне солидарны с автором в оценке происхождения горской архитектуры. В. М. Котович, вопреки мнению И. И. Пантюхова, Н. Б. Бакланова и др., считает невозможным возводить горскую архитектуру к «стремлению древних горцев подражать в устройстве своих жилищ пещерам», хотя, несомненно, естественные пещеры могли использоваться и в древности (Чирката, Капчугай) и даже используются сейчас для различных хозяйственных нужд (загоны для скота, хранилища, временные пристанища). Углубление горских домов в склон диктовалось самим характером местности.

В энеолите и эпоху ранней бронзы были распространены на широкой территории круглые в плане жилища и постройки прямоугольной формы. В. М. Котович утверждает, что в пределах Дагестана жилища круглой формы появились позже прямоугольных. Возникновение жилищ круглого плана связано с приходом «выходцев из Закавказья, продвинувшихся в Дагестан и, частично, на территорию Чечено-Ингушетии в процессе распространения куро-аракской культуры», в III тысячелетии до н. э. Это предположение В. М. Котович, объясняющее многие явления в истории местной материальной культуры, должно найти должный отклик в среде специалистов.

Вторая глава работы «Характеристика культурных остатков» дает полное представление о находках, сделанных в процессе раскопок. А таких находок Верхнегунибское поселение дало много; на нем было прослежено три хронологически разных культурных слоя и зольный слой, подстилающий основания некоторых построек. В главе, особенно интересной для археолога, детально описываются керамика и предметы из камня, металла, кости. Некоторые из таких находок говорят о связях местного населения (обсидиановые отщепы могут происходить из Закавказья или из Кабардино-Балкарии, бронзовый штык — из Передней Азии), другие являются прототипами современных горских изделий. В. М. Котович детально останавливается на типологии найденных кремневых стрел, стремится дать каждому типу строгие хронологические рамки и даже вывести их из отдельных областей. Мы не отрицаем определенную возможность для таких выводов, но нам кажется излишней приводимая строгость дат и довольно молчаливое отрицание возможности сосуществования отдельных типов стрел.

Автор очень тщательно анализирует керамический материал и, как нам кажется, совершенно верно прослеживает происхождение керамики, покрытой грубой обмазкой, с IV тысячелетия до н. э., считая ее характерной для местной культуры. Мы можем согласиться с автором о переднеазиатском происхождении круглодонной посуды, но для более аргументированного построения В. М. Котович не мешало бы указать пути и время появления такой керамики на Кавказе, и в частности в Дагестане. И, конечно говорить о влиянии северной степной круглодонной посуды на появление местной, у автора нет оснований. Один единственный сосуд ямной культуры, найденный у ст. Мекенской [1], не имеет аналогий не только в Дагестане, но даже и среди археологических объектов Чечни. Интересно и выявление характерных пропорций местной посуды, проделанное В. М. Котович. Находки глиняных рельефов на посе-

[1] Е. И. Крупнов, Н. Я. Мерперт. Курганы у ст. Мекенской. Сб. «Древности Чечено-Ингушетии», М., 1963, стр. 41, 42.

лении позволили В. М. Котович остановиться на реконструкции древних земледельческих культов, находящих свое отражение в праздниках первой борозды, выхода плуга, еще недавно широко распространенных по всему Кавказу. В данной главе автор останавливается также на анализе древних орнаментальных мотивов и, в меру возможного, их смысловом значении. К сожалению глава пестрит излишними сопоставлениями, что порой противоречит тезису автора об автохтонном развитии культуры местных племен.

Третья глава посвящена хозяйству обитателей Верхнегунибского поселения. В разделе «Земледелие» очень важно предположение автора о возможности уже тогда строительства искусственных земледельческих террас — одной из характерных черт современного дагестанского пейзажа. Говоря о скотоводстве, автор, основываясь на работах археолога В. Г. Котовича и зоолога К. Н. Золотова, реконструирует не только состав стад, но и оседлый придомный характер этой отрасли хозяйства, что убедительно доказывается физико-географическими условиями Горного Дагестана. В разделе «Металлургия и металлообработка» нам кажется довольно спорным утверждение В. М. Котович «о реальной возможности использования» местных меднорудных богатств. Рудные месторождения Дагестана приурочены к Главному Кавказскому хребту, они труднодоступны, местные руды полиметаллические по своему составу [2]. Это должно было бы найти свое отражение в составе бронз Верхнего Гуниба. Известно же, что не только во II тысячелетии до н. э., но и позже, судя по находкам в Дагестане бронзового закавказского оружия и ряду керамических находок, сделанных в Закавказье, в Дагестан доставлялась и руда, и готовые изделия из района Белокан и Кедабека.

В четвертой главе характеризуется общественное устройство жителей поселения. Привлечение большого сравнительного материала позволяет автору убедительно восстановить картину начавшегося распада патриархально-родовых отношений. Вызывает сомнение утверждение автора, что такой распад мог завершиться в эпоху раннего железа. Нам кажется, что об этом можно говорить, лишь имея в виду эпоху раннего средневековья.

Очень важна последняя глава «Место Верхнегунибского поселения среди памятников эпохи бронзы Дагестана». В. М. Котович совершенно справедливо ставит вопрос о необходимости выделения особой, специфической дагестанской культуры эпохи бронзы. Такое выделение диктуется как физико-географической спецификой Дагестана, так и археологическими материалами, известными по целому ряду памятников[3]. Автор предлагает для них следующую поэтапную периодизацию: «карабудахкентско-гонобский этап», «манасско-гинчинский» и «каякентско-хорочоевский» с такими датами: I этап — конец III — начало II тысячелетия до н. э.— первая половина II тысячелетия до н. э., II этап — в пределах 1700—1400 гг. до н. э., III этап — 1400—1100 гг. до н. э. Первые два этапа соответствуют известным могильникам: Карабудахкент II и Гоно; Манас и Гинчи. К сожалению, В. М. Котович не дает обоснования их синхронизации, оговаривая это тем, что такие этапы «приняты среди дагестанских археологов»[4]. Для третьего этапа взято название археологической культуры, характерной не только для Дагестана, но и для Восточной Чечни. Считаем, что обоснование предложенных терминов необходимо, так как указанные четыре могильника дают довольно разнообразный материал, и чем объясняется сведение их в такие хронологические «пары», остается неясным.

Предложенные этапы соответствуют трем слоям Верхнегунибского поселения (верхний слой В. М. Котович датирует XIV—XIII вв. до н. э.— ранней фазой каякентско-хорочоевского «этапа»). Нам кажется, что два верхних слоя, мало отличающиеся по материалу, близки друг другу хронологически, а все слои поселения соответствуют двум наиболее древним этапам культуры дагестанских племен, с датировкой которых мы в целом вполне согласны.

Книга В. М. Котович написана живым, ясным языком, насыщена хорошими иллюстрациями, она является большим вкладом не только в дагестановедение, но войдет и в основной фонд кавказоведческой литературы, как весьма удачная попытка серьезного обобщения материалов, полученных в результате раскопок крупного поселения эпохи бронзы.

В. И. Марковин

---

[2] Л. А. Варданянц. О местонахождении цветных металлов в Дагестанской АССР. Сб. «Природные ресурсы Дагестанской АССР». I, М.— Л., 1935, стр. 80 сл.; И. Д. Стороженко. Медные месторождения Северо-Кавказского края. Сб. «Природные богатства Северо-Кавказского края». Москва — Пятигорск, 1935, стр. 286, 287.

[3] Первая попытка выделить специфически-дагестанскую карабудахкентскую культуру принадлежит Р. М. Мунчаеву и К. Ф. Смирнову. Археологические памятники близ села Карабудахкент, МИА, 68, 1958.

[4] Бегло о возможности выделения подобных этапов говорили лишь В. Г. Котович и Н. Б. Шейхов. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет. Уч. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, VIII, Махачкала, 1960, стр. 338—342.

Хроника

ЧЕТВЕРТОЕ СОБРАНИЕ ОДЕССКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

С 25 по 31 октября 1966 г. проходило Четвертое собрание членов Одесского археологического общества, организованное совместно с Институтом истории АН Молдавской ССР. Собрание проводилось в Одессе и в Кишиневе; кроме докладов и сообщений, в его программу был включен осмотр ряда археологических памятников Молдавии. В работе собрания приняли участие сотрудники академических институтов, преподаватели вузов, музейные работники, учителя, краеведы-любители из Одессы, Кишинева, Москвы, Ленинграда, Киева, Николаева, Херсона, Симферополя и других городов.

Доклады и сообщения, заслушанные и обсужденные в ходе работы собрания, были посвящены различным вопросам археологии и древней истории Юга СССР. В. И. Красковский (Одесса) рассказал об орудиях мустьерского времени, найденных в последние годы на территории Одесской области. А. П. Черныш (Львов) доложил собранию о разработанной им периодизации мезолитических памятников Поднестровья, среди которых им выделены молодовская и атакская фазы, соответствующие азильскому времени, и фрумушанская фаза, соответствующая тарденуазу. С большим интересом было заслушано выступление Е. Н. Черепановой и А. А. Щепинского (Симферополь), в котором была показана ошибочность распространенного представления о необитаемости Крымского Присивашья в эпоху камня и бронзы. Об изучении мезолитических памятников в Восточном Крыму говорил Л. Г. Мацкевой (Керчь); результаты разведок 1966 г. в Нижнем Подунавье были охарактеризованы в выступлении С. Н. Бибикова (Киев).

Ряд докладов и сообщений был посвящен проблемам энеолита и бронзы. Г. П. Сергеев (Кишинев) выступил с сообщением о результатах исследования гумельницкого поселения у с. Лопацика в Молдавии. В докладе Т. Г. Мовши (Киев) были прослежены конструктивные особенности глинобитных площадок Триполья и Гумельницы и показаны различия между ними. О раскопках 23 курганов эпохи бронзы в зоне строительства Придунайской оросительной системы рассказал Н. М. Шмаглий (Киев). Е. В. Пузаков (Харьков) предложил вниманию собрания разработанную им периодизацию памятников донецкого варианта древнеямной культуры.

Среди докладов и сообщений, посвященных античным памятникам, следует отметить выступления И. Б. Клеймана (Одесса), доложившего об открытом в Тире помещении вексилляции I Италийского легиона, и Р. Д. Бондарь (Одесса), которая рассказала о раскопках римского укрепления на северном берегу Дуная, у с. Орловка (б. Картал). Ю. И. Козуб (Киев) выдвинула в своем сообщении предположение о существовании неизвестного до сих пор района древнейшей Ольвии, находившейся к западу от Заячьей балки. О новонайденной надписи из Танаиса, дополняющей имевшиеся прежде сведения о городском строительстве, рассказала А. И. Болтунова (Москва). Об изготовлении вина в древних городах античного Причерноморья и о виноградарстве в южной части Днестро-Дунайского междуречья доложил собранию М. А. Пелях (Кишинев).

В работе собрания были отражены и проблемы изучения племен Причерноморья в эпоху раннего железного века. Общее внимание привлек доклад М. И. Артамонова (Ленинград) о скифском искусстве, развивавшемся одновременно и независимо в двух районах — в Северном Причерноморье и Западной Сибири. О раскопках гетского могильника у с. Ханска рассказал И. Т. Никулица (Кишинев). В сообщении Э. И. Диаманта (Одесса) было выдвинуто предположение о местном изготовлении бронзовых скифских котлов и о преемственной их связи с местными котлами эпохи бронзы. Доклад Т. Н. Высотской (Симферополь) был посвящен сарматским могильникам Юго-Западного Крыма, на материале которых намечается вывод о проникновении сарматов на Крымский полуостров как с севера, через Перекопский перешеек, так и с востока, через Керченский пролив. О параллелизме в погребальных обрядах аланов и современных осетин было доложено в сообщении В. К. Тотрова (Кишинев). Ряда дискуссионных проблем, связанных с изучением черняховских памятников в Днестро-Дунайском междуречье, коснулся в своем докладе Э. А. Рикман (Кишинев), который остановился, в частности, на вопросе о наличии у черняховских племен зерновых излишков и об их вывозе, а также о существовании в их среде

внутреннего денежного обращения. Большой интерес представляют и выводы Э. А. Симоновича (Москва), доклад которого был посвящен характеристике локальных отличий причерноморских памятников черняховской культуры.

Средневековая археология и история Северного Причерноморья также были представлены в программе собрания. С большим вниманием был заслушан доклад М. А. Тихановой (Ленинград) о недавно найденной в Одесской области и поступившей в Одесский археологический музей золотой диадеме гуннского времени, относящейся не к боспорскому, а к западнопонтийскому кругу изделий такого рода. И. А. Рафалович (Кишинев) доложил о славянском поселении VI—VII вв. у с. Речи в Молдавии. О находках семян культурных растений на территории Молдавии рассказала З. В. Янушевич (Кишинев), пришедшая на основании анализа этого материала к выводу о смене сортов пшеницы и ячменя в X в. В сообщении И. Г. Хынку (Кишинев) был подробно рассмотрен погребальный обряд и установлена датировка могильников X—XIV вв. у с. Ханска. Особый интерес вызвал доклад Г. Д. Смирнова (Кишинев), в котором был охарактеризован уникальный по своему характеру клад железных земледельческих орудий первой половины XIV в., свидетельствующий о высокой культуре земледелия и незаурядных достижениях кузнечного дела средневековой Молдавии. Весьма важны и наблюдения над архитектурными особенностями Бендерской и Белгород-Днестровской крепостей, изложенные в сообщении В. А. Войцеховского (Кишинев). А. М. Чиперис (Ашхабад) осветил в своем выступлении движущие силы и особенности народных движений в генуэзских владениях в Северном Причерноморье в XIV—XV вв.

Особое место в работе собрания заняли доклады, связанные с использованием данных точных наук в археологических исследованиях. В. Ф. Петрунь (Кривой Рог) ознакомил собрание с результатами петрографических исследований и перспективами использования петрографических методов в археологической практике. В сообщении Т. Б. Нечаевой и С. П. Бурлацкой (Москва) было рассказано об археомагнитных методах датировки археологических памятников и показано их значение на примере изучения черняховских памятников Украины и Молдавии, верхней границей существования которых является, по данным авторов, конец V в.

В ходе работы собрания были обсуждены и организационные вопросы. Собрание с удовлетворением отметило плодотворность издательской деятельности Общества и выразило пожелание о скорейшей публикации материалов этого собрания в виде третьего тома «Записок» Общества [1]. Некоторые изменения были внесены и в Устав Общества; было намечено время и место проведения следующего собрания; было переизбрано правление Общества и другие его органы.

Собрание показало, что Одесское археологическое общество, созданное в 1959 г., оказалось жизнеспособным, и с течением времени роль его в работе археологов, историков, краеведов и всех интересующихся археологическими памятниками и историческим прошлым Причерноморья значительно выросла. Постепенно вырабатываются формы деятельности Общества, направленной на охрану и изучение древних памятников Юго-Запада СССР [2].

С. А. Булатович

---

[1] Первый том «Записок Одесского археологического общества» вышел в 1960 г., второй том — уже после собрания, в 1967 г.

[2] И. К[лейман]. Одесское археологическое общество в 1959—1965 гг. ЗОАО, II, (35), 1967, стр. 299—301.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Ю. А. Краснов (Москва). О возникновении пашенного земледелия в лесной полосе Восточной Европы 3
А. Х. Халиков (Казань). Приказанская культура 23
М. Б. Щукин (Ленинград). Вопросы хронологии черняховской культуры и находки амфор 41
И. П. Засецкая (Ленинград). О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья 52
А. П. Смирнов (Москва). Об археологических культурах Среднего Поволжья 63
С. И. Кочкуркина (Петрозаводск). Оятские могильники X—XI вв. 72
В. В. Седов (Москва). Заселяли ли ятвяги Южную Литву? 82
Т. Б. Барцева, Е. Н. Черных (Москва). О спектроаналитических исследованиях цветного металла черняховской культуры 93
А. А. Формозов (Москва). О наскальном рельефе близ с. Буша в Поднестровье 103
К 60-летию Б. А. Рыбакова 111

Публикации

Н. К. Анисюткин (Ленинград). Два комплекса Ильской стоянки . . . 118
П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков (Ленинград). Яндашевская стоянка . . 126
М. П. Зимина (Москва). Стоянки позднего неолита и бронзы в Новгородской и Калининской областях 136
И. К. Свешников (Львов). Богатые погребения комаровской культуры у с. Иванья Ровенской обл. 159
Э. А. Сымонович (Москва), **А. З. Яровой** (Одесса). Поселение Викторовка II в устье Сосицко-Березанского лимана 169
Д. Л. Талис. (Москва). Черепицы с метками из раскопок Баклинского городища 184
Х. П. Абдуллаев (Баку). Гильгильчайская оборонительная стена и крепость Чирах-Кала 196
Х. Юсупов (Москва). Средневековые крепости на Большом Балхане 210
С. Б. Лунина (Ташкент). Некоторые археологические данные по истории Мерва в XIII—XIV вв. 220
А. Д. Пряхин (Воронеж). Памяти Г. В. Подгаецкого 233

Заметки

Г. Н. Матюшин (Москва). О нижневолжских «микролитах» . . . 237
Б. Г. Тихонов (Москва). Новогеоргиевский клад клиновидных топоров . . . 242
В. М. Массон (Ленинград). Открытие монументальной архитектуры эпохи бронзы в Южном Туркменистане 246
Л. А. Иванова (Ленинград). О различиях керамических традиций афанасьевской и окуневской культур 251
С. А. Есаян (Ереван). Амулеты, связанные с культом солнца из Армении . . 255
И. Б. Брашинский (Ленинград). Материалы к изучению торговых связей Ольвии 260
И. С. Каменецкий (Москва). Новый меотский могильник в Приазовье 264
Г. А. Кошеленко (Москва). Серебряная «ваза с Диоскурами» 266
В. Ф. Штейн (Новосибирск). Пряжка с изображением ежей из сибирской коллекции Эрмитажа 269
И. Г. Розенфельдт (Москва). Детали колчанов на городищах дьякова типа 272
Г. Джингов (София, БНР). Городище эпохи раннего средневековья у с. Стырмен в Болгарии 277
В. И. Кадеев (Харьков). Средневековые граффити из Херсонеса 288
О. Ш. Исмизаде (Баку). О Девичьей башне в Баку . 290
П. Ф. Лысенко (Минск). Каменная иконка из Пинска 295
В. К. Михеев (Харьков). Клад железных изделий с селища салтовской культуры 297
А. С. Лазари (Москва). Паста для получения слепков 300

Критика и библиография

Е. Е. Кузьмина (Москва). Некоторые спорные вопросы истории первобытной культуры в низовьях Зеравшана. 302
Евг. Богословский (Ленинград). Mit Rahineh 1956. 310
В. И. Марковин (Москва). В. М. Котович. Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы Горного Дагестана 312

Хроника

В. А. Булатович (Одесса). Четвертое собрание Одесского археологического общества 315

SOMMAIRE

Articles

I. A. Krasnov (Moscou). Sur L'origine d'agriculture labourée dans la zone du forêt d'Europe orientale 3
A. Ch. Khalikov (Kazan). La culture près du Kasan 23
M. B. Chtchoukine (Léningrad). Les questions discutables de la chronologie de la culture Tschernjakhovskaja selon les materiaux d'amphores . . 41
I. P. Zacetskaia (Léningrad). De la chronologie de tombes d'époque «des Grandes invasions» de la Basse Volga 52
A. P. Smirnov (Moscou). De culture archéologiques de la Moyenne Volga . 63
S. I. Kotchkurkina (Petrozavodsk). Les sepultures de Vjatka du dizième et onzième siècles 72
V. V. Sedov (Moscou). Les latwiagues, peuplaient ils le sud de Lithuanie? 82
E. N. Tchernych, T. B. Barzeva (Moscou). De recherches spektroanalitiques des metaux non-ferreux de la culture cherniakovskaia 93
A. A. Formosov (Moscou). De relief sur le rocher près du village Boucha dans la region du Dniestr 103
A Soixantieme anniversair d'akad B. A. Rybakov 233
111

Publications

N. K. Anisutkin (Leningrad). Deux complexes du camps de l'ilsk .
P. P. Efimenko, P. N. Tretyakov (Leningrad). De camps de Jandasch . 118
M. P. Zimina (Moscou). Des camps de la periode neolithique avancée et du bronse à les regions de Novgorod et de Kalinine 126
I. K. Svechnikov (Lvov). Les anterrements riches de la culture de Komarov près du village Ivanja la region de Rovno 136
E. A. Symonovitch (Moscou), **A. Z. Jarovoj** (Odessa). Un établissament Victorowka II dans l'embouchure du liman Sacitsko-Beresnaski . . . 159
D. L. Talis (Moscou). Les tuiles avec les marques des fouilles du vestige de Bakla 169
Ch. P. Abdoullaeva (Bakou). La mur defensive de Guilguiltcha et la forteresse Tchirach-Kala 184
S. B. Lounina (Tachkent). Quelques données archéologiques pour l'histoire du Merve du XIII—XIV siècles 196
220
A. D. Priachine (Voronege). En souvenir de G. B. Podgaetski 233

Notes

G. N. Matuschine (Moscou). Des «microutes» de la Basse Volga . 237
B. G. Tikhonov (Moscou). Le tresor des haches de Novogueorgievsk 242
W. M. Masson (Léningrad). Le découverte de l'architecture monumental d'époque du Bronze au sud de Tourkmenistan 246
L. A. Ivanova (Léningrad). De différence des traditions céramiques dans le cultures Afanasievskaia et Okunievskaia 251
S. A. Esaïan (Erevan). Les amoulettes liès avec le culte du soleil en Arménie 255
I. B. Brachinsky (Léningrad). Les materiaux pour les études des rapports de commerce d'Olbia 260
I. S. Kamenetski (Moscou). Le nouvel sépulture des meotes dans la region d'Asov 264
G. A. Kochelenko (Moscou). Le vase d'argent avec les Dioskoures 266
V. F. Stein (Novosibirsk). La boucle avec la representation des herissons dans la collection de Siberie à Ermitage 269
I. G. Rosenfeldt (Moscou). Les détails des carquois sur les vestiges du type de Dyakov 272
G. Dgingov (Sofia). Le vestige du premier moyen âge près du V. Strimen à Boulgarie 277
W. G. Kadéev (Kcharkov). Graffiti du Moyen âge de Chersonnes 288
O. M. Ismisadé (Bacou). De la tour de la jeune fille à Bacou 290
P. F. Lysenko (Minsk). La petite icône de la pierre de Pinsk 295
W. K. Mikhéev (Kcharkov). Le tresor des produits du fer du village de la culture Saltowskaia 297

Critique et bibliographie

E. E. Kousmina (Moscou). Certaines questions discutables de la culture primitive de la Basse Zeravshane 302
Evg. Bogoslowski (Léningrad). Mit Rahinh 1956 310
W. I. Markovine (Moscou). W. M. Kotowitche. L'etablissement du Hautgounib — le monument d'époque du Bronze à Daghestan de montagne 312

Chronique

W. A. Boulatovitch (Odessa). La quatrième assemblée de la Société archéologique d'Odessa . 315

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
АП — Археологічні пам'ятки Української РСР
АЭБ — Сб. «Археология и этнография Башкирии»
БКИЧП — Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода
ВАУ — Сб. «Вопросы археологии Урала»
ВДИ — Вестник древней истории
ВИСДВ — Сб. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока»
ВССА — Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии»
ВЭИЭН — Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа»
ГПИ — Государственный педагогический институт
ДАН Аз.ССР — Доклады Академии наук Азербайджанской ССР
ДП — Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья
ЗГО — Записки Географического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАИ — [ИБАИ] Известия на Българския археологически институт
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАН Арм.ССР — Известия Академии Армянской ССР
ИАН Туркм.ССР — Известия Академии наук Туркменской ССР
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
Изв. Азкомстарис — Известия Азербайджанского комитета охраны памятников старины и искусства
Изв. НВИК — Известия Нижневолжского института краеведения
ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
ИЯЛИ КФАН СССР — Институт языка, литературы, истории Казанского филиала АН СССР
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИЭ — Ленинградское отделение Института этнографии
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МАЭ — Марийская археологическая экспедиция
МИЗ — Материалы по истории земледелия СССР
МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении
МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции
МЭ — Материалы по этнографии
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ОГАМ — Одесский государственный археологический музей
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
РАЖ — Русский антропологический журнал
САИ — Свод археологических источников
САН Груз.ССР — Сообщения Академии наук Грузинской ССР
СГАИМК — Сообщения Государственой академии истории материальной культуры
СГЭ — Сообщения Гос. Эрмитажа
СЭ — Советская этнография
Тр. АС — Труды Археологического съезда
Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея
Тр. ИИА АН Уз. ССР — Труды Института истории археологии Академии наук Узбекской ССР
Тр. ИИАЭ АН Каз. ССР — Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР
Тр. ИЭ — Труды Института этнографии АН СССР
Тр. МАЭ — Труды Марийской археологической экспедиции
Тр. НВОК — Труды Нижневолжского областного научного общества
Тр. НИИЯЛИЭ Морд. АССР — Труды Научно-исследовательского института языка, литературы и экономики Мордовской АССР
Тр. ОЕКУ — Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете
Тр. САГУ — Труды Среднеазиатского государственного университета
Тр. СА РАНИОН — Труды Секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
Тр. СОМК — Труды Саратовского областного музея краеведения
Тр. СУАК — Труды Североуральской археологической комиссии
Тр. ХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
Тр. ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
УАК — Ученая архивная комиссия

Уч. зап. ИИЯЛ Даг ФАН СССР — Ученые записки Института истории языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР
Уч. зап. СГУ — Ученые записки Саратовского государственного университета
ХС — Херсонесский сборник
AAKb — Acta archaeologica. (København)
AR — Archeologicke Rozhledy (Praha)
Arch. Anz.— Archäologischer Anzeiger
BMFEA — Bulletin of the Museum of the Far Eastern Antiquities in Stockholm
BSPF — Bulletin de la Société préhistorique Française
EAF — Etnographisch-archälogische Forschungen
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua (Helsinki)
JEA — Journal of the Egyptian Archaeology
JHS — The Journal of Hellenic Studies
MDAFA — Mémoires de la Délégation achéologique française en Afganistan
MKAAE — Materyaly antropologczno-archeologiczne i etnograficzne (Krakov)
OGIS — W. Dittenberger. Orientis Graeci Inscriptiones Selectae
RL — Reallexicon der Vorgeschichte herausgegeben von M. Ebert
RM — Mitteilungen des deuthschen archeologischen Instituts. Romische Abteilung
SMYA — Suomen Muinais muistoyhdistyksen aikakauskirja
WA — Wiadomosci archeologiczne (Warszawa)
WZ — Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Lüter-Universität Halle-Wittenberg
ZOW — Z otchłani wieków (Poznan)

Технический редактор *Т А. Аверкиева*

Сдано в набор 17/I-1968 г. Т-06131 Подписано к печати 29/III 1968 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Б ум. л. 10 Усл. печ. л. 28 Уч.-изд. л. 30,4 Тираж 2435 экз. Зак. 63

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10